

АНДРЕАС ЭШБАХ

ОДИН ТРИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

★ ★ ★
ЕВРОПЕЙСКИЙ
ТРИЛЛЕР
★ ★ ★

ЗАХАРОВ

АНДРЕАС ЭШБАХ

ОДИН ТРИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

ЗАХАРОВ • МОСКВА

Andreas Eschbach
BILLION DOLLAR

*Издание книги на русском языке
осуществлено при поддержке Гёте-института*

*Художественное оформление
Григория Златогорова*

Э 98 Эшбах А. Один триллион долларов. — М.: Захаров, 2006. — 720 с. — (Серия «Европейский триллер».)

Вчера Джон Фонтанелли развозил в Нью-Йорке пиццу. Сегодня он — богатейший человек мира. Один триллион долларов. Миллион миллионов. Тысяча миллиардов. Денег больше, чем можно себе представить. Это состояние в течение пятисот лет собирало итальянское адвокатское семейство Вакки и управляло им до того дня, который был указан в завещании основателя состояния. С этими деньгами Джон может делать что хочет. Но может ли он теперь хоть кому-нибудь доверять? Джон наслаждается роскошной жизнью, пока в один прекрасный день не раздаётся звонок от таинственного незнакомца, который утверждает, что знает, как применить наследство и исполнить прорицание, о котором сказано в завещании. Что это за план? И действительно ли Джон тот человек, который призван привести этот план в исполнение?

ISBN 5-8159-0572-0

УДК 830-31

© 2001 by Verlagsgruppe Lübbe GmbH & Co. KG, Bergisch Gladbach

© Татьяна Набатникова, перевод с немецкого, 2006

© Игорь Захаров, издатель, 2006

Демократия — наихудшая форма правления, не считая все остальные, перепробованные нами до сих пор.

Уинстон Черчилль

Пролог

Створки двери наконец распахнулись, и они вошли в помещение, наполненное просто неземным светом. В центре большой комнаты господствовал овальный стол темного дерева, у стола стояли двое мужчин, с ожиданием глядя им навстречу.

— Мистер Фонтанелли, позвольте мне представить вам моих партнеров, — сказал молодой адвокат, закрыв за собой дверь. — Прежде всего мой отец, Грегорио Вакки.

Джон пожал руку мужчине лет пятидесяти пяти, строгого вида, в сером однобортном костюме и в очках с тонкой золотой оправой. Редящие волосы придавали ему отчасти бухгалтерский вид. Легко было представить его и в качестве юридического консультанта или адвоката по налогам: как он стоит перед административным судом и тонкими губами цитирует параграфы из коммерческого права. Его холодное рукопожатие не выходило за рамки деловой необходимости, при этом он бормотал что-то вроде «рад познакомиться», хотя вряд ли знал, что такое радость.

Второй господин был хоть и старше, но заметно витальнее — с густыми волнистыми волосами и кустистыми бровями, придающими его лицу что-то грозное. На нем был двубортный костюм темно-синего цвета с каноническим клубным галстуком и тщательно вправленным в нагрудный карман платком. Легко было представить, как он празднует в хорошем ресторане победу в громком процессе об убийстве и с бокалом шампанского мимоходом шиплет официантку за попку. Его пожатие было крепким, и, называясь, он смотрел Джону в глаза с почти неприятной прямоотой:

— Альберто Вакки. Я дядя этого молодого человека.

Только теперь Джон заметил, что в просторном кресле у окна сидит кто-то еще: старик с прикрытыми глазами, хотя

было видно, что он не спит, а просто слишком утомлен, чтобы реагировать на происходящее. Его морщинистая шея торчала из мягкого воротника рубашки, поверх которой был надет серый вязаный джемпер. На коленях у него лежала бархатная подушечка, на которой покоились его старческие руки.

— *Патрон*, — тихо сказал Эдуардо, заметив взгляд Джона. — Мой дед. Как видите, мы семейное предприятие.

Джон лишь кивнул, не зная, что на это сказать. Его проводили к стулу, одиноко стоящему перед широкой стороной стола, и пригласили сесть. По другую сторону стола стояли четыре стула, аккуратно придвинутые спинками к самому краю столешницы. Перед каждой спинкой лежало по тонкой папке черной кожи с тисненым гербом.

— Хотите чего-нибудь выпить? — спросили его. — Кофе? Минеральной воды?

— Кофе, пожалуйста.

В груди Джона снова шевельнулось чувство, возникшее у него, как только он ступил в холл отеля «Уолдорф — Астория».

Эдуардо расставил чашки, заранее приготовленные на сервировочном столике, выставил сливочник с молоком и серебряную сахарницу, всем налил и поставил кофейник рядом с чашкой Джона. Трое Вакки заняли свои места, Эдуардо сбоку — так, что Джон видел его справа от себя. Четвертое место, слева, оставалось пустым.

Джон разглядывал чудесный текстурный рисунок дерева на столешнице. Помешивая свой кофе тяжелой серебряной ложечкой, он попытался незаметно оглядеться.

Из окон позади адвокатов открывался вид на светлый, трепещущий в мареве Нью-Йорк, на синюю Ист-Ривер с рассыпанными по ней блестками солнца. Окна обрамляли гардины цвета лосося, составляя дополняющий контраст к тяжелому, безупречно бордовому ковровому покрытию и белоснежным стенам. Джон прихлебнул кофе с сильным ароматом и вкусом, похожий на эспрессо, который иногда варила ему мать.

Эдуардо Вакки раскрыл папку, лежащую перед ним, и сдержанный шорох кожи по столу прозвучал как сигнал. Джон отставил свою чашку и набрал воздуха. Началось.

— Мистер Фонтанелли, — начал юный адвокат, слегка поклонившись и упершись локтями в стол. Тон его стряхнул остатки любезности и приобрел деловое звучание. — Я просил вас приготовить для нашего разговора документ, удостоверяющий вашу личность, — водительские права, заграничный паспорт или нечто подобное, — исключительно ради проформы, разумеется.

Джон кивнул:

— Мои права. Момент. — Он полез в задний карман брюк и испугался, ничего там не обнаружив, потом вспомнил, что сунул права во внутренний карман пиджака. Дрожащими пальцами он протянул документ через стол. Адвокат взял права, бегло глянул и, кивнув головой, передал отцу, который, наоборот, изучал их так тщательно, будто был убежден, что они поддельные.

Эдуардо улыбнулся:

— У нас тоже с собой наши удостоверения. — Он достал две бумаги очень официального вида. — Семья Вакки живет во Флоренции уже несколько веков, и почти все мужчины этой фамилии из поколения в поколение занимаются адвокатской практикой и управлением имуществом. Первый документ подтверждает это; второй — это английский перевод первого, заверенный в штате Нью-Йорк. — Он протянул Джону оба документа, и тот непонимающе уставился в них. Один, вложенный в прозрачный файл, был очень старый. Итальянский текст, в котором Джон понимал лишь с пятого на десятое, был отпечатан на пишущей машинке, на серой гербовой бумаге, а под текстом теснилось множество выцветших печатей и подписей. Английский перевод — четкая распечатка на лазерном принтере, снабженная маркой об уплате пошлины и нотариальным штампом, — звучал запутанно и очень уж юридически и, насколько мог понять Джон, подтверждал то, что сказал младший Вакки.

Он вернул оба свидетельства и скрестил руки на столе. Одну его ноздрию дергало нервным тиком; он надеялся, что со стороны это незаметно.

Права Джона переключивали к Альберто, который разглядывал их, благожелательно кивая, а потом неторопливо подвинул их на середину стола.

— Мистер Фонтанелли, вы являетесь наследником значительного состояния, — снова начал Эдуардо официальным

тоном. — Мы здесь для того, чтобы сообщить вам сумму и условия передачи наследства, и — в случае, если вы выразите готовность вступить в права наследства, — обсудить с вами шаги, необходимые для передачи собственности.

Джон нетерпеливо кивнул.

— Эм-м, да, а не могли бы вы сказать, кто, вообще, умер?

— Если вы позволите, я хотел бы ненадолго отложить ответ на этот вопрос. Это давняя история. По крайней мере никто из ваших непосредственных родственников.

— Тогда почему наследником являюсь я?

— Это невозможно, как я уже говорил, объяснить в двух словах. Поэтому я попрошу вас еще немного потерпеть. В настоящий момент перед нами стоит такой вопрос: вам предстоит получить изрядную денежную сумму — хотите ли вы этого?

Джон непроизвольно хохотнул.

— О'кей. И сколько?

— Свыше восьмидесяти тысяч долларов.

— Вы сказали, восемьдесят тысяч долларов?

— Да. Восемьдесят тысяч.

Ничего себе! Джон откинулся на спинку стула и при-
свистнул. Вот это да! Восемьдесят тысяч! Неудивительно,
что с таким объявлением прибыли аж четыре человека.
Восемьдесят тысяч долларов, это изрядная сумма. Сколько
же это, если прикинуть? Единым махом! За один раз, это
еще надо переварить. Это значит... Господи, это значит, что
он может пойти в колледж, запросто, и при этом больше
ни одного часа не работать в этом дурацком пицца-сервисе
или где бы то ни было еще. Восемьдесят тысяч... Господи, за
раз! Просто так! Невероятно. Если он... О'кей, надо поста-
раться не впасть в манию величия. Он сможет продолжать
жить в общей квартире, там вполне прилично, хоть и не
люкс, и если жить экономно — боже, могло бы даже хва-
тить на поддержанную машину! И на пару приличных тря-
пок. То-се. Ха! И больше никаких забот.

— Неплохо, — наконец изрек он. — И что бы вы хотели от меня услышать? Принимаю я эти деньги или нет?

— Да,

— Позвольте один тупой вопрос: а нет ли в этом деле
какого-нибудь подвоха? Например, вместе с наследством я
принимаю на себя какие-нибудь долги?

— Нет. Вы получаете в наследство деньги. Если вы согласны, вы их получите и можете делать с ними что хотите.

Джон непонимающе помотал головой.

— А как вы себе представляете, чтобы я сказал нет? Возможно такое, чтобы *кто-нибудь* сказал нет?

Молодой адвокат поднял руки:

— Это формальность. Мы обязаны спросить.

— А. О'кей. Вы спросили. И я ответил «да».

— Хорошо. Мои поздравления.

Джон пожал плечами.

— Знаете, я все равно поверю только тогда, когда получу деньги в руки.

— Это ваше право — не верить.

Но он слукавил: на самом деле он поверил. Хоть это и был полный бред — четверо адвокатов прилетели из Италии в Нью-Йорк, чтобы подарить ему, бездарному, нищему развозчику пиццы, восемьдесят тысяч долларов — просто так, ни за что ни про что, — он поверил. Что-то было в этом помещении, что укрепляло его уверенность. Точно, он стоит на повороте своей жизни. Будто всегда ждал минуты, когда явится сюда. С ума сойти. Он чувствовал, как по его внутренностям разливается благодатное тепло.

Эдуардо Вакки снова закрыл свою папку, и, как будто только этого и дожидался, рядом с ним раскрыл свою папку его отец — как бишь его? Грегорио? Это выглядело как-то заученно. Сейчас будет финальный трюк. Не пропустить.

— По причинам, которые еще получают свое объяснение, — начал отец Эдуардо, и голос его звучал так безучастно, что казалось, будто изо рта у него идет пыль, — ваш случай, мистер Фонтанелли, единственный в истории нашей конторы. Хотя Вакки из поколения в поколение занимаются управлением имуществом, нам еще никогда не приходилось проводить разговор, подобный сегодняшнему, и вряд ли еще когда-нибудь придется. Ввиду этого мы сочли за лучшее в сомнительном случае действовать скорее осторожно, нежели безоглядно. — Он снял свои очки и покачивал их в руке. — Один наш коллега несколько лет назад пережил трагический случай: при оглашении завещания один из наследников умер от остановки сердца, вызванной, по-видимому, шоком от радостной неожиданности. И хотя речь шла о большей сумме, чем вам назвал сейчас

мой сын, следует добавить, что наследник был ненамного старше вас и до этого момента ничего не знал об угрозе для сердца. — Он снова надел свои очки, аккуратно их поправил и воззрился на Джона. — Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

Джон, которому стоило больших усилий следить за его мыслью, отрицательно покачал головой:

— Нет. Я ничего не понимаю. Так получаю я наследство или не получаю?

— Вы получаете наследство, не беспокойтесь. — Грегорио глянул вдоль своего носа вниз, на папку, подвигал в ней бумаги. — Все, что вам сказал Эдуардо, соответствует истине. — Он снова поднял глаза. — За исключением суммы.

— За исключением суммы?

— Вы получаете не восемьдесят тысяч, а свыше четырех миллионов долларов.

Джон уставился на него и продолжал смотреть с таким чувством, будто время остановилось, он смотрел, и единственное, что при этом двигалось, была его челюсть, которая уходила вниз — неудержимо, бесконтрольно.

Четыре!

Миллиона!

Долларов!

— Вау! — вырвалось у него. Он схватился за голову, поднял взгляд к потолку и еще раз произнес: — Вау! — И начал смеяться. Ерошил себе волосы и смеялся, будто сходя с ума. Четыре миллиона долларов! Он не мог успокоиться и смеялся так, что те, наверное, уже начали подумывать, не вызвать ли скорую помощь. Четыре миллиона! *Четыре миллиона!*

Он еще раз посмотрел на адвоката из далекой Флоренции. Весенний свет пронизывал его редкие волосы, и они сияли над его головой ореолом. Джон мог бы расцеловать его. Он всех бы их расцеловал. Явились сюда и выложили ему четыре миллиона долларов! Он смеялся, смеялся и снова смеялся.

— Вау! — выкрикнул он еще раз, приходя в себя. — Я понимаю. Вы боялись, что меня хватит удар, если вы мне сразу объявите, что я унаследовал четыре миллиона, верно?

— Можно сказать и так, — кивнул Грегорио Вакки с намеком на улыбку.

— И знаете что? Вы были правы. Меня бы хватил удар. О, боже мой... — Он зажал рот ладонями, не зная, куда метнуться взглядом. — Если бы вы знали, что позавчера я пережил ужаснейшую ночь в моей жизни — и только потому, что у меня не было денег на метро! Не было одного вшивого доллара и пятидесяти вшивых центов! И вот появляетесь вы и говорите мне про четыре миллиона...

Уф. Уф, уф, уф. Видит Бог, насчет сердечного приступа была истинная правда. Сердце у него колотилось. Одно лишь представление о деньгах разогнало его кровь, как во время секса.

Четыре миллиона долларов. Это было... Это было больше, чем просто деньги. Это была другая жизнь. С четырьмя миллионами он мог делать что хотел. С четырьмя миллионами он мог больше не работать ни одного дня в своей жизни. Учился бы он или нет, был бы самым хреновым художником в мире или нет, больше не играло роли.

— И это все на самом деле? — неожиданно спросил он. — То есть не выйдет сейчас кто-нибудь и не объявит: «Апс, вас снимали скрытой камерой!» или в этом роде? Речь идет о настоящих деньгах, о настоящем наследстве?

Адвокат поднял брови, как будто это предположение было для него воплощенным абсурдом.

— Мы говорим о настоящих деньгах. Не сомневайтесь.

— Я хочу сказать, если вы тут меня дурите, я кого-нибудь из вас придушу. И я не знаю, понравится ли это зрителям «Скрытой камеры».

— Я могу вас заверить, что мы прибыли сюда исключительно для того, чтобы сделать вас богатым человеком.

— Прекрасно. — Не то чтобы он действительно сомневался. Но раз уж возникла эта мысль, он должен был ее проговорить, будто можно было магически заговорить опасность. Что-то подсказывало ему, что никакого обмана нет.

В помещении было очень жарко. Странно — когда они только вошли, ему показалось, что здесь скорее прохладно, будто кондиционер установлен на слишком низкую температуру. Но сейчас ему казалось, что кровь в его жилах в любой момент могла закипеть. Может, у него жар? Может, это последствия позапрошлой ночи, когда он топал пешком через Бруклинский мост на холодном ветру, превратившем его в сосульку?

Он глянул на себя. Джинсы показались ему слишком истертыми, края рукавов пиджака обтрепались; а раньше он этого не замечал. Ткань протерлась до основы. И рубашка была убогая, из секонд-хенда. Она и новая-то хорошей не была. Хлам. Он поймал на себе взгляд Эдуардо, который тихо улыбался, словно разгадав его мысли.

Очертания небоскребов на фоне неба все еще сверкали, словно хрустальный сон. Итак, он был теперь состоятельный человек. Джон Сальваторе Фонтанелли, сын сапожника из Нью-Джерси, добился этого: без усилия, без стараний, просто по воле судьбы. Может, он всегда это предчувствовал, потому и не рвал жилы, никогда особенно не напрягался? Потому что еще в колыбели фея шепнула ему, что это не понадобится?

— О'кей! — воскликнул он и захлопал в ладоши. — Что же дальше?

— Итак, вы принимаете наследство?

— Да, сэр!

Адвокат удовлетворенно кивнул и захлопнул свою папку. Джон откинулся назад и перевел дух. Что за день! Он чувствовал себя, будто наполненный шампанским, веселыми пляшущими пузырьками, которые поднимаются и поднимаются вверх, выливаясь пеной дурацкого смеха.

Ему было любопытно, как вступление в наследство будет происходить практически. Как он получит эти деньги. Наличными такую сумму представить трудно. Переводом на счет не получится, поскольку счета в банке у него больше нет. Может быть, он получит чек? Точно. И какое это будет наслаждение — отправиться в клиентский зал именно того банка, где его счет закрыли, сунуть чек на четыре миллиона долларов под нос его бывшему оператору и посмотреть, как вытянется у того рожа. Какая бездна удовольствия — повести себя как свинья, как последняя дырка от задницы...

Кто-то кашлянул. Джон поднял голову, вернувшись из своих грез в реальность конференц-зала отеля. Кашлял Альберто Вакки.

И при этом он раскрыл папку, лежавшую перед ним.

Джон растерянно глянул на Эдуардо. Потом на его отца Грегорио. Потом на его дядю Альберто.

— Только не говорите мне, что их еще больше.

Альберто тихо засмеялся. Это прозвучало как воркование голубя.

— Больше, — сказал он.

— Больше четырех миллионов долларов?

— Существенно больше.

Его сердце снова заколотилось. Легкие опять превратились в кузнечные мехи. Джон отторгающе поднял руку.

— Погодите. Не так скоро. Четыре миллиона была хорошая цифра. Зачем терять меру? Четыре миллиона вполне могут сделать человека счастливым. Больше было бы... ну, пожалуй, слишком...

Итальянец посмотрел на него из-под своих кустистых бровей. В глазах у него вспыхнул странный огонь.

— Это единственное условие, которое связано с наследством, Джон. Либо вы берете все — либо ничего...

Джон сглотнул.

— Это больше, чем вдвое? — быстро спросил он, будто проклятие можно было предотвратить, забежав вперед.

— Существенно больше.

— Больше, чем десятикратно? Больше, чем *сорок* миллионов?

— Джон, вам придется привыкать мыслить в больших масштабах. Это нелегко, и видит Бог, я вам не завидую. — Альберто кивнул ему ободряюще, почти заговорщицки, словно подталкивая его войти в дом, пользующийся дурной славой. — Мыслите по-крупному, Джон!

— Больше, чем... — Джон запнулся. Он как-то читал в одном журнале о состояниях музыкальных звезд. Якобы у Мадонны шестьдесят миллионов долларов, у Майкла Джексона вдвое меньше. А возглавлял список экс-битл Пол Маккартни, его состояние оценивалось в пятьсот миллионов долларов. У него закружилась голова. — Больше, чем в двадцать раз? — Он собирался сказать «в сто раз», но не посмел. Допустить, что он мог бы — просто так, без усилий, без таланта — завладеть состоянием, близким к богатству таких легендарных личностей, было бы кошунством.

Воцарилась тишина. Адвокат посмотрел на него, пожевал губу и ничего не сказал.

— Освойтесь, — выдал он, наконец, — с цифрой *два миллиарда*. — И добавил: — Долларов.

Джон уставился на него, и что-то тяжелое, свинцовое, казалось, опустилось и на него, и на всех присутствующих. В этом уже не было удовольствия. Солнечный свет, врывающийся в окна, слепил его, причиняя боль, как лампа на допросе. Действительно, никакого удовольствия.

— Вы это серьезно? — спросил он.

Альберто Вакки кивнул.

Джон огляделся — нервно, будто ища выход. Миллиарды! Цифра нагрузила его многотонной тяжестью, придавила его плечи, отяготила череп. Миллиарды, это был масштаб, куда его представления не заходили еще никогда. Миллиарды, то есть уровень Рокфеллеров и Ротшильдов, саудовских нефтяных шейхов и японских гигантов недвижимости. Миллиарды — это уже больше, чем благосостояние. Это... помешательство.

Сердце его все еще колотилось. На его правой голени начал дрожать мускул. Джону надо было успокоиться. Все-таки здесь разыгрывалась какая-то странная игра. Такого не бывает — во всяком случае в том мире, который он знал! Чтобы откуда ни возмись явились четверо мужчин, о которых он не слышал никогда в жизни, и заявили, что он унаследовал два миллиарда долларов? Нет, так не годится. Игра какая-то испорченная. Он понятия не имел, как должна протекать подобная церемония введения в наследство, но уж точно не так.

Он попытался припомнить, как это происходило обычно в кино. Черт возьми, он столько перевидел фильмов — считай, всю свою юность провел у телевизора и в кино — как же это все у них? Оглашение завещания, непременно. Когда кто-то умирает, происходит оглашение завещания, на которое собираются все возможные наследники, чтобы услышать из уст нотариуса, кто сколько получит. И тут же все переругаются.

Точно! Как вообще бывает, когда кто-то умирает и что-то завещает? Ведь первыми наследуют супруги и дети, так? Разве может быть так, что он получает наследство, а его братья нет?

И как он вообще может что-то унаследовать, если его отец еще жив?

Что-то тут было не так.

Его сердце и дыхание включили заднюю скорость. Радоваться рано. Немного скепсиса не помешает.

Джон откашлялся.

— Я хочу задать еще один тупой вопрос, — начал он. — Почему именно я должен что-то унаследовать? Как вы вышли на меня?

Адвокат спокойно кивнул.

— Мы предприняли очень тщательные и основательные розыски. Мы бы не пригласили вас на этот разговор, если бы не были уверены в деле на сто процентов.

— Хорошо, *вы* уверены. А я нет. Известно ли вам, например, что у меня есть два брата. Разве я не должен делить наследство с ними?

— В данном случае нет.

— Почему нет?

— Вы обозначены единственным наследником.

— Единственным наследником? Кому же, черт возьми, взбрело в голову назначить именно меня наследником двух миллиардов долларов? То есть мой отец — сапожник. И я знаю о нашей родне не так уж много, но уверен, что среди нее нет миллиардеров. Самый богатый из них — мой дядя Джузеппе, у него в Неаполе небольшой таксопарк на десять или двенадцать машин.

— Правильно. — Альберто Вакки улыбнулся. — И он еще жив и, насколько нам известно, пребывает в добром здравии.

— Итак, тогда как же такое наследство вступает в силу?

— Это звучит так, будто вы не особенно в этом заинтересованы.

Джон почувствовал, как он начинает злиться. Злился он редко, еще реже злился *по-настоящему*, но сейчас, кажется, дело шло именно к этому.

— Почему вы все время уклоняетесь? Почему вы делаете из этого какую-то тайну? Почему вы не скажете просто, кто умер?

Адвокат начал рыться в своих бумагах, и это походило, черт бы его побрал, на отвлекающий маневр. Так человек листает свой пустой ежедневник, делая вид, что ищет еще не расписанное встречами время.

— В данном случае речь идет не о простом деле, — наконец признался он. — Обычно есть завешание, есть испол-

нитель завешания и оглашение завешания. Деньги, о которых мы говорим, собственность одного фонда — в некотором смысле они принадлежат сами себе. Мы лишь управляем ими с тех пор, как умер учредитель, а случилось это очень давно. Он оставил распоряжение, по которому состояние фонда должно перейти к младшему потомку мужского рода Фонтанелли, который будет жив на 23 апреля 1995 года. И это вы.

— 23 апреля... — Джон недоверчиво сощурил глаза. — Это было позавчера. Почему именно этот день?

Альберто пожал плечами:

— Так назначено.

— И я самый младший Фонтанелли? Вы уверены?

— У вашего дяди Джузеппе есть пятнадцатилетняя дочь. Но — дочь. У кузена вашего отца, Романо Фонтанелли, был шестнадцатилетний сын Лоренцо. Но он, как вы, наверное, знаете, две недели назад скоростижно скончался.

Джон вглядывался в зеркальную поверхность стола, как в лик оракула. Что ж, вполне могло быть. Его брат Чезаре со своей женой каждое Рождество вели долгие дискуссии о том, насколько бессмысленно, прямо-таки преступно рожать на свет детей. И Лино — ну да, у того в голове были только самолеты. И мать недавно рассказывала по телефону, что Лоренцо умер, от чего-то ужасно банального — от укуса пчелы, что ли. Да, всякий раз, когда речь заходила об итальянской родне, говорили о свадьбах и разводах, о болезнях и смертях, но никогда о детях. Может быть, и правда.

— А в чем, собственно, состоят эти два миллиарда долларов? — спросил он, наконец. — Наверное, в каких-нибудь долях в предприятиях, в акциях, нефтяных скважинах и тому подобном?

— Это деньги, — ответил Альберто. — Просто деньги. Огромное количество счетов в бесчисленных банках по всему миру.

Джон посмотрел на него и почувствовал дурноту в желудке.

— И я должен это унаследовать только потому, что по случайности два дня назад оказался самым младшим Фонтанелли? Какой во всем этом смысл?

Адвокат выдержал его взгляд, долгий и почти задумчивый.

— Не знаю, какой в этом смысл, — признался он. — Как и во многом в жизни.

Джона подташнивало. Нездоровый, нечистый, оборванный, в дешевых лохмотьях, которые не заслуживали даже названия одежды. Внутренний голос продолжал ему нашептывать, что его здесь дурят, непонятно зачем обводят вокруг пальца. Но где-то в глубине души твердой скалой, массивной, словно гранитное основание Манхэттена, покоилось чувство, что этот внутренний голос ошибается, что он не более чем продукт бесчисленных часов, проведенных перед телевизором, где никогда не бывало, чтобы деньги приходили к людям просто так. Драматургия фильмов просто не допускала этого. Такое могло случиться только в действительности.

Чувство, возникшее у него сразу, как только он ступил в это помещение, чувство, что он стоит на пороге новой жизни, так и не прошло, а лишь усилилось.

Только теперь подступил страх, что этот поворот его раздавит.

Два миллиарда долларов.

Он мог взять деньги. Если эти люди явились, чтобы подарить ему два миллиарда долларов, то могли бы дать ему для начала пару тысяч, от них бы не ubyло. Тогда бы он нанял адвоката, который бы тщательно все перепроверил. Он вспомнил своего старого друга Пола Зигеля. Пол знал многих адвокатов, лучших адвокатов города. Точно. Джон глубоко вздохнул.

— Вопрос все тот же, — мягко сказал Альберто Вакки, флорентийский адвокат и управитель имущества. — Принимаете ли вы наследство?

Хорошо ли это, быть богатым? До сих пор он прилагал все силы к тому, чтобы не быть слишком уж бедным. Презирал тех, кто гоняется за деньгами. С другой стороны — жизнь была намного проще и приятнее, когда деньги есть. Без денег ты всегда вынужден действовать. У тебя нет выбора. Нравится, не нравится — а делай. Наверное, это единственный вечный и всеобщий закон: с деньгами лучше, чем без денег.

Он выдохнул.

— Ответ все тот же, — сказал он в тон вопросу, находя, что это звучит круто. — Да.

Альберто Вакки улыбнулся. Улыбка у него была теплая и доброжелательная.

— Мои сердечные поздравления, — сказал он и захлопнул свою папку.

Чудовищная гора свалилась с плеч Джона, и он позволил себе откинуться на мягкую спинку стула. Неужто он теперь миллиардер? И если да, то это не самое худшее, что может стрястись с человеком. Он посмотрел на трех адвокатов, сидящих напротив него полукругом, словно комиссия по освидетельствованию, и чуть не ухмыльнулся.

В это мгновение из своего кресла у окна поднялся старик.

Детство Джона было населено таинственными мужчинами. Они являлись то в одиночку, то группой — вдвоем, троим, — наблюдали за ним издали с края игровой площадки, улыбались ему по дороге в школу и говорили о нем, думая, что он их не понимает или не слышит.

— Это он, — говорили они по-итальянски. И: — Придется еще ждать. — И жаловались друг другу, как тяжело им дается ожидание.

Его мать смертельно напугалась, когда он рассказал об этом дома. Потом его долго не выпускали на улицу одного, и на игры ровесников ему приходилось смотреть из окна. После этого он стал держать язык за зубами, когда появлялись эти мужчины. Но, начиная с какого-то времени, они исчезли, и их образы утонули на дне его памяти.

Потом Джону исполнилось двенадцать лет, и он обнаружил, что с мистером Анджело, самым благородным клиентом сапожной мастерской его отца, связана какая-то тайна. Мистер Анджело всегда казался ему кем-то вроде небесного посланника — и не только потому, что он так элегантно выглядел. Когда он в своем белом костюме сидел на табурете в мастерской, болтая с отцом по-итальянски, поставив на перекладину ступни в одних носках, — это значило, что наступило лето, начались великолепные недели с купанием в надувном бассейне, с поездками на Кони-Айленд, с мороженым и душными ночами. А когда мистер Анджело появлялся второй раз в году, уже в светло-сером костюме, протягивая отцу свои туфли и расспрашивая, как дела в семье, лето кончалось, и дело шло к осени.

— Хорошие итальянские туфли, — как-то говорил отец Джона матери. — Мягкие, рассчитанные на итальянскую погоду. Хоть и старые, но прекрасно ухоженные, надо сказать. Я готов поспорить, что сегодня такие туфли уже нигде не купишь.

То, что небесные посланники носят особенную обувь, Джону казалось естественным.

Однажды, когда кончалось лето 1979 года, Джону разрешили поехать в аэропорт Джона Фицджералда Кеннеди — с его лучшим другом Полом Зигелем и его матерью. Президент тогда был Джимми Картер, драма с заложниками в Тегеране еще не разразилась, все лето распевали *Bright Eyes*, и отец Пола должен был вернуться из европейской командировки. Родители Пола владели магазином часов на Тринадцатой улице, и мистер Зигель рассказывал невероятно волнующие истории о пережитых им нападениях и налетах. На задней стене его магазина была даже настоящая дырка от пули, замаскированная детской фотографией Пола в рамочке. И Джон впервые в жизни был в знаменитом аэропорту Дж.Ф.К. и вместе с Полом плюшил нос об огромное стекло, через которое можно было видеть прибывших пассажиров.

— Эти все прилетели из Рима, — объяснял Пол. Он был невероятно умный. По дороге в аэропорт он рассказывал им историю Нью-Йорка, которую знал, наверняка начиная от каменного века, все об Уолл-стрит, и кто построил Бруклинский мост, и когда он был торжественно открыт и так далее. — А папа прилетит рейсом из Копенгагена, он опаздывает на полчаса.

— Класс, — сказал Джон. Он не торопился возвращаться домой.

— Давай будем считать бородатых мужчин! — предложил Пол. И это тоже было для него типично: он всегда знал, чем заняться. — Считаются только настоящие бороды, и кто первым насчитает десять, тот победил. О'кей? Я уже одного вижу, вон, впереди, с красной папкой!

Джон сощурил глаза, как индейский следопыт. Победить Пола в таком состязании было делом безнадежным, но попытаться стоило.

И тут он увидел мистера Анджело.

Это был, без сомнения, он. Светло-серый костюм, его походка. Лицо. Джон моргал, ожидая, что видение исчезнет, как призрак, но мистер Анджело не исчез, а шел как нормальный человек в потоке пассажиров из Рима, не поднимая взгляда, держа в руке пластиковый пакет.

— Мужчина в коричневом пальто, — воскликнул Пол. — Два.

Официальный человек в форме задержал мистера Анджело и что-то сказал, указывая на его пакет. Мистер Анджело открыл пакет и достал из него две пары туфель — коричневые и черные.

— Э, — обиженно воскликнул Пол. — Да ты же со мной не играешь!

— Мне это не интересно, — ответил Джон, не сводя глаз с происходящего. Сотрудник службы безопасности был явно удивлен и что-то спросил. Мистер Анджело ответил, держа туфли в руках, и сотрудник отпустил его; мистер Анджело убрал туфли в пакет и скрылся за автоматической дверью.

— Просто ты боишься проиграть, — сказал Пол.

— Я и так всегда проигрываю, чего мне бояться, — сказал Джон.

Вечером он узнал, что мистер Анджело действительно был в этот день в мастерской отца. Он передал для детей подарки — по большой плитке шоколада для каждого, а для Джона еще и десятидолларовую купюру. Взяв в руки шоколад и деньги, Джон испытал странное чувство. Как будто он открыл нечто такое, что надлежит держать в тайне.

— Я видел сегодня мистера Анджело в аэропорту, — все-таки рассказал он. — Он прилетел из Рима, и у него с собой не было ничего, кроме его туфель.

Отец засмеялся.

Мать потянулась к нему, прижала к себе и вздохнула.

— Ах ты, мой маленький фантазер. — Она всегда его так называла. Они с отцом как раз говорили про Рим, про мальчика, который родился у каких-то родственников. Джону казалось странным, что в Италии у него есть родня, которую он никогда в жизни не видел.

— Мистер Анджело живет в Бруклине, — объяснил отец. — Иногда он приезжает сюда по старой памяти, потому что знал предыдущего владельца мастерской.

Джон помотал головой, но ничего не сказал. Что тут скажешь. Тайна была раскрыта. Он знал, что мистер Анджело не появится больше никогда, и так оно и вышло.

Год спустя женился его старший — на девять лет — брат Чезаре и переехал в Чикаго. Второй брат — Лино, на шесть лет старше Джона — не женился, но пошел служить в во-

енно-воздушные силы, чтобы стать летчиком. Джон остался единственным ребенком в семье.

Он учился, оценки были не плохие и не хорошие, и среди одноклассников он был незаметным, спокойным мальчиком, замкнутым в своем мире и не ищущим контактов с другими. Он питал интерес к истории и литературе, но никто бы не доверил ему, например, организацию школьного вечера. Девочки находили его симпатичным, это значило, что они не боялись идти с ним в темноте по улице. Но его единственный за все школьное время поцелуй случился на новогодней вечеринке, куда его кто-то притащил с собой и где он чувствовал себя не в своей тарелке. Когда другие мальчики рассказывали про свои сексуальные приключения, он просто молчал, и никто его ни о чем не спрашивал.

После школы Пол Зигель получил стипендию для одаренных и уехал учиться в Гарвард. А Джон пошел в колледж Хопкинса Младшего, главным образом потому, что это было недалеко от дома и обучение стоило недорого. Он не очень представлял, что с ним будет дальше.

Летом 1988 года на лондонском стадионе Уэмбли состоялся концерт в честь Нельсона Манделы, который транслировали на весь мир. Джон с соучениками отправился в Центральный парк, там был выставлен видеоэкран и громкоговорители, и можно было приобщиться к глобальному музыкальному событию на природе и с алкоголем.

— А кто такой этот Нельсон Мандела? — спросил себя Джон после первого глотка пива.

Хотя вопрос был обращен в пустоту, ему ответила стоявшая рядом черноволосая толстушка, что Нельсон Мандела — руководитель южноафриканского сопротивления против апартеида и безвинно сидит в тюрьме уже двадцать пять лет. Что ее, судя по всему, волновало.

Так он невзначай оказался втянутым в разговор, а поскольку у его собеседницы было что рассказать, все пошло хорошо. Они говорили, июньское солнце перегревало их тела, выгоняя пот изо всех пор. Гремела музыка, перемежаясь с речами, заявлениями и обращениями к южноафриканскому правительству с требованием свободы для Нельсона Манделы, и чем выше поднималось солнце, тем меньше было видно на экране. У Сары Брикман были сверкающие

глаза и алебастрово-белая кожа, и она предложила ему — вслед за другими слушателями — укрыться в тени кустов. Там они целовались, и поцелуи были соленые от пота. Пока над газонами гремело многоголосое «Свободу Нельсону Манделе!», Джон расстегнул бюстгальтер Сары, а если принять во внимание, что ничего подобного ему еще никогда не приходилось делать и что он был под сильным воздействием алкоголя, то он взял этот барьер даже элегантно. На следующее утро, проснувшись с головной болью в чужой кровати и обнаружив на подушке рядом черную кудрявую гриву, он не мог вспомнить ничего, кроме отдельных обрывков, но, судя по всему, испытание он выдержал. Так — под слезы матери — он переехал к Саре, которая жила западнее Центрального парка в маленькой квартирке со сквозняками, унаследованной от родителей.

Сара Брикман была художница. Она писала большие, дикие картины в мрачных тонах, которые никто не хотел покупать. Примерно раз в году она выставляла их на две недели в галерее, которая брала за это с художников деньги, но продать ничего не удавалось или продавалось так мало, что не хватало заплатить за галерею, и после этого она целыми днями не разговаривала.

Джон нашел вечернюю работу в прачечной неподалеку, ему пришлось учиться складывать рубашки для парового гладильного катка, и в первую же неделю он ошпарил себе руки, но его заработка хватало на оплату электричества и на еду. Некоторое время он еще пытался удержаться в колледже, но ездить туда было далеко, к тому же он по-прежнему не знал, для чего ему все это, — и бросил, не сказав родителям. Они узнали об этом несколько месяцев спустя, что вызвало большой скандал, в ходе которого многократно звучало слово «шлюха» в применении к Саре. После этого Джон долгое время не появлялся дома.

На него производило сильное впечатление, когда он видел Сару у мольберта — священнодействующую в перепачканном красками халате, с напряженным лицом. Вечерами они ходили в прокуренную пивную в Гринвич-Вилледж, где она говорила с другими художниками об искусстве и коммерции, а он не понимал ни слова, что его также впечатляло и внушало ему чувство, что наконец-то он приобщился к настоящей жизни. Правда, друзья Сары со-

всем не собирались приобщать к своей жизни этого приبلудного юнца. Они презрительно усмехались, когда он пытался вставить в беседу и свое слово, не слушали его или закатывали глаза, если он задавал вопросы: для них он был не более чем любовником Сары, домашним животным, следующим за ней по пятам.

Единственный, с кем он мог разговаривать в этой клике, был товарищ по несчастью Марвин Коупленд, который приходил туда при другой художнице по имени Бренда Керрингтон. Марвин жил в коммунальной квартире в Бруклине, перебивался в качестве бас-гитариста в разных третьесортных музыкальных группах, оттачивал собственные песни, которые никто не хотел исполнять, большую часть времени проводил, глядя в окно или куря марихуану, и не было такой абсурдной идеи, в которую он не поверил бы с первого слова. Что правительство держит пришельцев Росуэлл в AREA 51, было для него так же несомненно, как целебная сила пирамид и драгоценных камней. Единственное, в чем он всерьез сомневался, — что Элвис все еще жив. Но с ним хотя бы можно было разговаривать.

Джон и Сара часто ссорились, если Джон находил хорошей какую-нибудь ее картину, которую сама она считала неудачной, или наоборот. В конце концов, ему захотелось узнать, по каким критериям картина считается хорошей или плохой. Поскольку из разговоров Сары с ее друзьями он до сих пор не понимал ни слова, он начал читать книги по искусству и целые дни проводил в Музее современного искусства, где контрабандой примыкал к экскурсионным группам, пока его не обнаруживали и не принимались задавать неудобные вопросы. Когда он слушал объяснения к картинам — столь же увлеченно, сколь и непонимающе, — в нем зародилась мысль, что живопись могла бы стать тем направлением в его жизни, которое он так долго искал. И как бы он мог отыскать его раньше, сын сапожника, с братьями, один из которых финансовый служащий, а второй летчик-истребитель? Он начал писать.

Это была не очень хорошая идея, как он позднее понял. Он ожидал, что Сара будет рада, но она обидно критиковала все, что он делал, и высмеивала перед друзьями его старания. Джон не сомневался, что каждое ее слово было справедливым, покорно сносил критику и использовал ее

как повод работать еще упорнее. Он бы брал уроки, но не мог позволить себе это ни по времени, ни по деньгам.

В ту пору по телевизору — в четыре часа ночи, изрезанные рекламой — шли уроки живописи, и он не пропускал ни одной серии. Там показывали, как писать лесные озера, окруженные деревьями, или ветряные мельницы, которые выделялись на фоне закатного неба. Не видев собственными глазами ни того, ни другого, он находил, что ему удалось освоить уроки, хоть Сара уже не критиковала его, а просто вращала глазами.

Однажды в какой-то газете появилась короткая заметка о художнице Саре Брикман и ее работах. Она вырезала эту заметку, вставила в рамочку и гордо повесила над кроватью. Вскоре после этого в их квартирке появился заинтересованный покупатель, мальчик с Уолл-стрит с напояженными волосами и в подтяжках. Он объяснил, что искусство для него — способ вложения денег и что он хотел бы своевременно приобрести работы у художников, которые, возможно, впоследствии станут знаменитыми. Видимо, эта идея казалась ему гениальной. Сара стала показывать ему свои работы, но они не производили на него впечатления. И только когда его взгляд упал на одну из ранних картин Джона — дикий, яркий силуэт города, от которого Сара воротила нос, — он сразу пришел в восторг. Он предложил десять тысяч долларов, и Джон просто кивнул.

Едва за покупателем закрылась дверь, как Сара с грохотом заперлась в ванной. Джон, все еще держа в руках пачку денег, стучался к ней, с тревогой допытываясь, что случилось.

— Неужто ты не понимаешь, что одной своей дрянной картинкой ты заработал больше денег, чем я за всю мою жизнь? — наконец выкрикнула она.

После этого их отношения уже не возвращались в прежнее русло и вскоре закончились, в феврале 1990 года — по прихоти случая именно в день, когда все СМИ трубили об освобождении Нельсона Манделы. Сара заявила Джону, что все кончено, — и все было кончено. Он перебрался к Марвину, в его съемную квартиру, где как раз освободилась неудобная, вытянутая кишкой комната, и он сидел там на полу среди своих пожитков, все еще недоумевая, как же так получилось.

Продажа городского силуэта была его единственным успехом в искусстве, и деньги кончились быстрее, чем он ожидал. После вынужденного переезда он отказался от работы в прачечной, и после нескольких недель беготни, когда его счет окончательно опустел, наконец, нашел новую работу в пиццерии у одного индийца, который нанимал молодых мужчин итальянского происхождения. Развозить пиццу в южном Манхэттене значило лавировать на велосипеде сквозь постоянные уличные пробки и знать, как сократить путь дворами. На этой работе Джон укрепил мышцы ног и натренировал легкие, но нажил что-то вроде кашля курильщика из-за уличных выхлопов, а денег на жизнь едва хватало. Мало того, что в его комнате почти не было места для рисования и даже в солнечные дни не хватало света. Да и времени на живопись не оставалось. Работа заканчивалась поздно ночью, и он уставал так, что на следующее утро спал как убитый, пока упорные звонки будильника не прогоняли его снова в Манхэттен. Всякий раз, беря свободный день для собеседования на другой работе, он все глубже сползал в минус по оплате.

Примерно в это время в Нью-Йорк вернулся Пол Зигель с дипломом Гарварда в кармане и завидным рабочим местом в консалтинговой фирме, которая числила среди своих клиентов якобы все значительные фирмы мира и несколько правительств. Джон побывал в его со вкусом обставленной квартире в Вест-Вилледж и полюбовался видом на Гудзон, пока Пол безжалостно, как умеет только хороший друг, перечислял ему, что он в своей жизни сделал неправильно.

— Во-первых, ты должен избавиться от долгов. Пока у тебя есть долги, ты не свободен, — загибал он пальцы. — Потом, ты должен уметь прокладывать новые направления. Но в первую очередь ты должен знать, чего ты хочешь добиться в жизни.

— Да, — сказал Джон. — Ты прав.

Но он не ликвидировал свои долги, не говоря уже об остальном. Чтобы выделиться на фоне конкурентов, Мурали, владелец пиццерии, додумался гарантировать каждому клиенту южнее Эмпайр Стейт Билдинг доставку пиццы в течение тридцати минут с момента заказа. Если клиенту приходилось ждать дольше, он мог не платить. Эту идею он

взял из какой-то книги, которую сам даже не читал, но от кого-то слышал, и последствия были опустошительные. У каждого развозчика был резерв — четыре опоздания в неделю, а все, что сверх того, вычиталось из зарплаты. В часы пик, когда пицца уже из кухни поступала с опозданием, а клиент действительно ждал где-нибудь на тридцатых улицах, успеть было просто нереально. Джону отказали в банковском счете, он поссорился с Марвином из-за квартплаты, и уже не осталось вещей, которые можно было бы сдать в ломбард. Последними он отнес туда наручные часы, которые отец подарил ему на конфирмацию; это была неудачная идея, потому что после этого он уже не смел появиться у родителей дома, а ведь там его хотя бы накормили. В следующие дни его мучило от голода, когда он развозил по улицам пахнущие сыром и дрожжевым тестом пакеты.

Так начался 1995 год. Во сне Джону изредка являлись сказочные мужчины его детства, они махали ему рукой, улыбались и что-то кричали, но что именно — он не мог разобрать. Лопнул лондонский Баринг-банк после неудачной валютной спекуляции своего сотрудника Ника Лисона, японская секта Аум Синрикё отравила газом в токийском метро пять тысяч человек, двенадцать насмерть, от взрыва бомбы в Оклахома-Сити погибли 168 человек. Билл Клинтон все еще был президентом Соединенных Штатов Америки, но переживал тяжелые времена, потому что его партия потеряла большинство в обеих палатах Конгресса. Джон обнаружил, что уже больше года не притрагивался к кисти, что время пролетело незаметно и что он провел его с чувством ожидания чего-то — сам не зная чего.

23 апреля был для него не самый счастливый день. Впервые, воскресенье, а он работал. В пиццерии его дожидалось сообщение от матери, она просила его позвонить — телефон у Марвина был хронически отключен за неуплату. Джон отбросил оставленную для него записку и приступил к развозкам, которых в воскресенье было немного, и это значило, что денег мало, зато адреса самые несусветные. Лимит на опоздания на этой неделе был уже выбран, и он приналег на педали. Оттого все и случилось: срезая путь дворами, он вылетел из подворотни на улицу, не успел затормозить и врезался в машину — черный длинный лимузин, как в фильме «Уолл-стрит», где играл Майкл Дуглас.

Велосипед был всмятку, пицца была всмятку, а машина удалялась себе как ни в чем не бывало. Джон тер колено под разорванными джинсами, смотрел вслед красным задним огням и понимал, что для него все могло кончиться и гораздо хуже. Мурали в бешенстве топал ногами, когда Джон прихрамал назад. Слово за слово — и Джон оказался без работы, а причитающуюся недельную зарплату Мурали удержал за ремонт велосипеда. И домой Джон отправился пешком, с десятью центами в кармане, со злостью в пустом брюхе — сквозь ночь, которая становилась чем дальше, тем холоднее. На последних милях пошел омерзительный мелкий дождь, и когда Джон добрался до дома, он уже не знал, то ли он на небе, то ли в преисподней, то ли еще на земле.

Когда он открыл дверь, на него пахнуло живительным теплом, запахом яичницы и сигарет. Марвин, как это с ним часто бывало, сидел на кухне, подобрав под себя ноги, подключив гитару к усилителю и сильно уменьшив громкость, но не бил, как обычно, по струнам, а лишь извлекал приглушенные тона, походившие на удары сердца больного великана. *Ду-думм. Ду-думм. Ду-думм.*

— Тут к тебе приходили, — сказал он, когда Джон направился в ванную.

— Кто? — Джон остановился. Он намеревался лишь пописать и немедленно рухнуть в постель, только об этом и мечтал последние часы.

— Двое мужчин.

— Что за мужчины?

— Понятия не имею. Мужчины как мужчины. — *Ду-думм. Ду-думм.* — Двое в костюмах, в галстуках, с булавками и так далее, и они хотели знать, не здесь ли проживает некий Джон Сальваторе Фонтанелли.

Марвин невозмутимо продолжал массаж сердца больному великану. *Ду-думм. Ду-думм.*

— Джон Сальваторе, — сказал Марвин, укоризненно качая головой. — А я и не знал, что у тебя есть второе имя. Кстати, ты хреново выглядишь.

— Спасибо на добром слове. Мурали меня выгнал.

— Некрасиво с его стороны. Чем же мы будем платить за квартиру на следующей неделе? — *Ду-думм. Ду-думм.* — Не выходя из такта, Марвин дотянулся до визитной карточки на столе и подал ее Джону. — Вот, просили передать.

Это была дорогая на вид карточка, четырехцветная, с витиеватым гербом, под которым было отпечатано:

адвокат
Эдуардо Вакки,
Флоренция, Италия
А также отель «Уолдорф-Астория»
301 Парк-авеню, Нью-Йорк, США
Тел. 212-355-3000

Джон таращился на карточку. Одежда на нем отяжелела от кухонного тепла.

— Эдуардо Вакки... Готов поклясться, этого имени я никогда не слышал. Он не сказал, чего ему от меня надо?

— Он просил позвонить ему. Сказал, что я должен передать тебе карточку и что ты должен позвонить, что это важно. — *Ду-думм.* — Дело о наследстве. — *Ду-думм.* — На слух воспринимается как слово «деньги». А?

2

Старик — *патрон*, как называл его Эдуардо, — отложил подушечку, что покоилась у него на коленях. Потом с некоторым усилием поднялся, упершись в подлокотники кресла, поправил подагрическими пальцами свой вязаный джемпер и мягко всем улыбнулся.

Джон сидел, застыв, словно громом пораженный. У него отказали мозги.

Неспешным, каким-то расслабленным шагом старик, которого Эдуардо Вакки назвал своим дедушкой, обошел вокруг стола — так, будто у него в запасе были все будущие времена. Проходя мимо Джона, он благожелательно коснулся его плеча — легко и мимолетно, но Джону показалось, что этим жестом *патрон* будто бы принял его в лоно своей семьи. Так же неторопливо и расслабленно старик завершил обход вокруг стола, спокойно занял свое место на последнем свободном стуле и раскрыл папку, которая еще оставалась закрытой.

Разум Джона отказывался понимать то, что здесь происходило. Это было похоже на интеллектуальное тестирование. Вот у нас числовой ряд 2 — 4 — 6 — 8, каким должно быть по логике следующее число? Правильно, 10. Вот у нас числовой ряд 2 — 4 — 8 — 16, какое по логике следующее число? 32, правильно. Вот у нас ряд: восемьдесят тысяч — четыре миллиона — два миллиарда — какое по логике следующее число?

Но тут заканчивалась всякая логика. Может, это все же никакие не адвокаты. Может, это сумасшедшие, которые затеяли безумную игру. Может, он — жертва психологического эксперимента. А может, все-таки «Скрытая камера»?

— Мое имя Кристофоро Вакки, — произнес старик мягким, неожиданно полновзвучным голосом, — и я адвокат из Флоренции, Италия.

При этом он смотрел на Джона, и интенсивность его взгляда заставила Джона забыть все предположения о психологических опытах и скрытой камере. Все происходящее здесь было настоящим, действительным, настолько реальным, что его можно хоть на куски резать.

Возникла пауза. Джону показалось, что от него ожидают каких-то слов. Может, вопросов. Чтобы он изрек что-нибудь своим пересохшим ртом с парализованной челюстью и языком, разбухшим до размеров футбольного мяча. Но он начисто лишился дара речи. И все же ему удалось выжать из себя некий хрип:

— *Еще больше денег?*

Патрон сочувственно кивнул:

— Да, Джон. Еще больше денег.

Трудно было сказать, сколько лет Кристофоро Вакки, но скорее восемьдесят, чем семьдесят. От его выбеленных сединой волос мало чего осталось, кожа была увядающая, пятнистая и испещренная морщинами. Однако по тому, как он сидел, грациозно сложив руки, как смотрел на свои бумаги, было видно, что он абсолютно компетентный хозяин положения. Глядя на этого хрупкого человека, и в голову не могла прийти мысль о *старческой дряхлости*.

— Теперь я хочу рассказать вам всю историю, — сказал он. — Она началась в 1480 году во Флоренции. В этом году родился ваш дальний предок Джакомо Фонтанелли, внебрачное дитя своей матери и неизвестного отца. Мать нашла приют в монастыре, воспользовавшись милосердием аббата, и мальчик рос среди монахов. В пятнадцать лет, по теперешнему летоисчислению 23 апреля 1495 года, Джакомо увидел сон, который уместнее было бы назвать видением, хотя сам он всегда писал «сон», — настолько ясный и интенсивный, что он предопределил всю его дальнейшую жизнь. У монахов он научился читать, писать и считать и вскоре после сновидения ушел из монастыря, чтобы стать купцом и торговцем. Он работал в Риме, а главным образом в Венеции, тогдашнем центре южноевропейского хозяйства, женился и произвел на свет шестерых сыновей, которые впоследствии тоже работали по коммерческой части. Джакомо же в 1525 году вернулся в монастырь, чтобы реализовать свой сон до конца.

Джон тряс головой, как оглушенный.

— Вы говорите «сон». Но что же это был за сон?

— Сон, в котором Джакомо Фонтанелли, так сказать, предвосхитил свою собственную жизнь, он увидел свой профессиональный путь, свою будущую жену и, среди прочего, каким приносящим прибыль делом ему следует заняться-

ся. Но гораздо важнее вот что: в своем сне он увидел и будущее, на пятьсот лет вперед, и описал его как эру вопиющей нищеты и страха, время, когда никто больше не уверен в своем завтрашнем дне. И ему было явлено, что воля Провидения — так сказать, Божья воля, — такова, что он должен передать свое состояние тому своему потомку, который через пятьсот лет после сновидения окажется младшим представителем мужского рода.

Это будет человек, избранный вернуть людям утраченную веру в завтрашний день. Вернуть будущее. И он это делает при помощи состояния Джакомо Фонтанелли.

— Я? — в ужасе воскликнул Джон.

— Вы, — кивнул *патрон*.

— Избранный? Неужто я похож на избранного и призванного?

— Мы говорим лишь об исторических фактах, — мягко ответил Кристофоро Вакки. — То, что я вам сейчас рассказал, вы в скором времени сами сможете прочитать в завещании вашего прародителя. Я только объясняю вам его мотивы.

— Значит, ему было видение, поэтому я и сижу сейчас здесь?

— Да, это так.

— Но ведь это же безумие какое-то, разве нет?

Старый человек чуть приподнял руки:

— Об этом я предоставляю судить вам самому.

— Вернуть людям будущее. Именно я? — Джон вздохнул.

Вот и цена всем этим видениям и предвидениям грош. Естественно, в наши дни будущего нет ни у кого. Неизвестно пока лишь то, от какой из многих напастей человечеству придется погибнуть. А то, что оно погибнет, вопрос решенный. Дело лишь за выбором оружия: страх перед атомной войной в последние годы вышел из моды — может, и ошибочно, — зато подскочили акции новых эпидемий — СПИДа, эболы, коровьего бешенства, — не забыть еще озоновые дыры и расширение пустынь, и, как стало слышно, на исходе оказалась питьевая вода. Нет, действительно нет никаких оснований заглядывать в будущее. И он, Джон Сальваторе Фонтанелли, не составляет здесь исключения. Скорее наоборот: в то время как его ровесники сумели позаботиться хотя бы о своем ближайшем будущем, обзаве-

дьясь домом, семьей и обеспечив себе стабильный доход, он день не знает, как дожить, и отодвигает подальше даже те события, которые лежат в ближайшем будущем: например, внесение платы за квартиру. Действительно, если найдется кто-нибудь, менее подходящий на роль искателя утраченного будущего для человечества, то Джону было бы интересно взглянуть на этого типа.

Старик снова посмотрел в свою папку.

— В 1525 году, как уже было сказано, Джакомо Фонтанелли вернулся в монастырь, в котором провел свое детство, и рассказал аббату о своем видении. Они пришли к убеждению, что этот сон был послан от Бога, что он сравним с библейским сном фараона о семи тощих и семи упитанных коровах, из которого Иосиф предсказал ему семь урожайных и семь голодных лет, и они решили действовать соответственно. Все состояние Джакомо Фонтанелли было вверено попечению доброго знакомого аббата, правоведа по имени Микеланджело Вакки...

— Вот как, — сказал Джон.

— Да. Моему предку.

— Вы хотите сказать, что *ваша* семья хранила и умножала состояние *моей* семьи, чтобы сегодня передать его *мне*?

— Именно так.

— В течение пятисот лет?

— Да. Семья Вакки занимается такими делами уже пятисот лет. Дом, в котором находится наша контора теперь, тот же самый, что и тогда.

Джон помотал головой. Непостижимо. Непостижимо, прежде всего на фоне той спокойной уверенности, с какой старик рассказывал ему все эти несообразности. Он попытался воскресить в памяти изрядно оскудевшие сведения из уроков истории, и у него мурашки пробежали по спине: пятьсот лет назад, тогда Колумб еще даже не открыл Америку, его предок уже родился. И этот старый юрист хочет впарить ему ни много ни мало, что его адвокатская семья в промежутке между открытием Америки и первой высадкой человека на Луну только тем и занималась, что сберегала состояние, заложенное на основании сна, — и даже сидя все это время в одном и том же доме!

— Пятьсот лет? — повторил Джон. — Это... я не знаю, сколько это поколений. Неужто за все это время никому не пришло в голову просто забрать два миллиарда себе?

— Никогда, — спокойно ответил Кристофоро Вакки.

— Но ведь ни одна душа бы про это не прознала! Даже сейчас, когда вы мне рассказываете, мне трудно поверить.

— Ни одна душа — может быть, — признал старик. — Но *Бог* узнал бы.

— А! Вон в чем дело.

Патрон развел руками:

— Наверное, я должен еще кое-что разъяснить. Само собой разумеется, что есть точные распоряжения вашего прародителя, как должна вознаграждаться наша деятельность по управлению состоянием. Мы всегда неукоснительно придерживались этих указаний и неплохо при этом жили, хотел бы я добавить. Разумеется, мы сохраняем и можем предоставить вам все бухгалтерские документы по всем движениям денег на всех счетах и по всем гонорарным выплатам.

«Да, — думал Джон. — Это вы можете».

— И, само собой разумеется, — добавил старый Вакки, — исходная сумма составляла *не* два миллиарда долларов. Столько денег в те времена, наверное, вообще не было. Состояние, которое заложил в 1525 году Джакомо Фонтанелли, насчитывало триста флоринов, что в пересчете на сегодняшнюю цену золота равнялось примерно десяти тысячам долларов.

— Что? — вырвалось у Джона.

Старик кивнул, и на шее его образовались складочки, наводящие на мысль о динозавре.

— Надо при этом различать покупательную способность и цифру пересчета. Если бы мы сегодня пересчитали и обменяли те деньги, они бы и разговора не стоили — один наш приезд почти целиком поглотил бы ее. Бесчисленные валютные изменения и валютные реформы обычно заслоняют от нашего взгляда тот простой факт, что инфляция обглаживает все состояния — как большие, так и маленькие. Но у Джакомо Фонтанелли был могущественный союзник, — значительно добавил *патрон*, — и этот союзник — сложные проценты.

— Сложные проценты? — эхом повторил Джон, ничего не понимая.

— Позвольте мне вам объяснить. В 1525 году пересчитанные нами десять тысяч долларов были депонированы в

учреждение, которое сегодня называлось бы банком. Тогда банков в нынешнем понимании еще не было, но зато в тогдашней Европе, особенно в Италии, было процветающее хозяйство и хорошо функционирующий рынок капитала. Подумайте только, Флоренция тогда была метрополией денег, в четырнадцатом веке ею владели такие богатеи, как Барди и Перуджи, а в пятнадцатом веке — Медичи. Существовал, правда, церковный запрет на ростовщичество, но его невозможно было придерживаться, потому что без процентов рынок капитала не может существовать: никто не станет давать ссуды, которые ничего не приносят, кроме убытка из-за инфляции. Инвестиции Джакомо Фонтанелли идеально совпали с развитием хорошо функционирующего международного рынка денег в шестнадцатом веке. Мой пра-родитель Микеланджело Вакки выбрал надежный способ вложения, хоть и сравнительно малоодоходный — под четыре процента. Это значило, что в конце 1525 года в пересчете на доллары набегало четыреста долларов процентов, которые были прибавлены к исходной сумме, так что в следующем году инвестировалось уже не десять тысяч, а десять тысяч четыреста долларов. И так далее.

— Я знаю, что такое сложные проценты, — проворчал Джон, все еще ожидавший какого-то внезапного поворота сюжета: открытия сокровища инков, появления золотых приисков, чего-нибудь в этом роде. — Но ведь это же мелочь.

— О, я бы не сказал, — улыбнулся старик и взял в руки лист бумаги, на котором стояли длинные колонки цифр. — Как и большинство людей, вы недооцениваете, что могут сделать сложные проценты в союзе со временем. А ведь это легко подсчитать, поскольку, хоть фактические условия всегда слегка изменяются, в среднем мы смогли все это время держать четыре процента начисления. Это значило, что в 1530 году, пять лет спустя после основания счета, сумма составляла уже больше двенадцати тысяч долларов в пересчете на сегодняшние деньги. В 1540 году это было уже восемнадцать тысяч, а к 1543 году сумма удвоилась. Соответственно, удвоилась и сумма начислений.

Джон предчувствовал что-то, хотя не смог бы сказать, что именно. Но что-то великое. Что-то захватывающее дух. Что-то вроде айсберга, вроде обрушения мамонтового дерева.

— А дальше, — улыбнулся Кристофоро Вакки, — все идет, как в истории про шахматную доску и рисовые зернышки, число которых на каждой следующей клетке удваивалось. Потому что четыре процента годовых означают, что капитал удваивается каждые восемнадцать лет. В 1550 году он составлял двадцать шесть тысяч долларов, в 1600 году уже сто девяносто тысяч. В 1643-м была преодолена граница миллиона. В 1700-м было девять с половиной миллионов, в 1800-м уже четыреста восемьдесят миллионов долларов, а в 1819 году был достигнут миллиард...

— Боже мой, — прошептал Джон и снова ощутил на себе давящую тяжесть чего-то огромного, неподъемного. Только на сей раз оно навалилось на него со всей мощью. Пошады больше не было.

— Когда начался двадцатый век, — безжалостно продолжал старик, — состояние Фонтанелли переросло двадцать четыре миллиарда долларов, разделенное на тысячи счетов, распределенные по тысячам банков. Когда началась Вторая мировая война, это было уже сто двенадцать миллиардов долларов, а когда она закончилась — сто сорок два миллиарда. К решающему дню, то есть вчера, состояние составило — уже *ваше* состояние — приятно круглую сумму почти ровно в один триллион долларов. — Он самодовольно улыбнулся: — Со всеми процентами и процентами на проценты.

Джон глупо таращился на адвоката, двигая нижней челюстью, но не произнося при этом ни звука, потом откашлялся и, наконец, прохрипел голосом туберкулезника:

— Один *триллион* долларов?

— Один триллион. Это тысяча миллиардов. — Кристофоро Вакки кивнул. — Это значит, вы самый богатый на земле человек, даже богатейший человек всех времен, и с большим отрывом. Триллион долларов только за один этот год принесет вам не меньше сорока *миллиардов* долларов процентов. Есть на свете две-три сотни долларовых миллиардеров, смотря по тому, как считать, но вряд ли среди них наберется десяток, чье состояние больше ваших процентов за один этот год. Никто никогда не имел хотя бы приблизительно столько денег, сколько будете иметь вы.

— Если поделить годовые проценты, — ревниво взял слово Эдуардо Вакки, — то окажется, что с каждым вашим вдохом вы становитесь богаче на четыре тысячи долларов.

Джон пребывал в состоянии, близком к шоковому. Сказать, что он не мог уразуметь происходящего, было бы недопустимым преуменьшением. На самом деле его мысли вертелись, как скоростная центрифуга, в голове роились отрывочные воспоминания, страхи и болезненный опыт, связанный с деньгами — вернее, с их отсутствием, — и все это превратилось в такой бурный поток эмоций, что в нем кто-то дернул стоп-кран, и полетели все предохранители.

— Триллион, — сказал он. — Просто проценты и проценты на проценты.

— И пятьсот лет времени, — добавил Вакки.

— Это так просто. *Любой* мог бы это сделать.

— Да. Но не сделал. Никто, кроме Джакомо Фонтанелли. — Седой адвокат склонил голову. — Кстати, это не было так уж просто. Разумеется, банкам известен эффект сложных процентов, поэтому во всех депозитных договорах стоит условие, маленькая, незаметная, но очень важная оговорка, что начисление процентов прекращается после тридцати лет отсутствия движения по счету. Этот пункт призван предотвратить как раз наш случай — что некто, сделав небольшой вклад на книжку, забывает про него, а сто лет спустя является наследник с претензией на колоссальное состояние. — Он улыбнулся. — И по этой причине семья Вакки постоянно обеспечивала движение денег на счетах. С одного счета списать, на другой перечислить. Через десять лет — наоборот. В принципе мы только этим и занимались все пятьсот лет.

— Только движением на счетах?

— Да. И я убежден, что именно поэтому ваше состояние росло и росло и все еще имеется в наличии, тогда как многие другие состояния исчезли. Их владельцы имели не так много времени — лишь собственную жизнь. Им приходилось идти на риски. Они хотели что-то иметь со своих денег... Ничего подобного не было в нашей семье. Нам не приходилось идти на риски, напротив, мы избегали их. Мы не хотели воспользоваться частью этих денег, поскольку они были не наши. И у нас было время, неизмеримо много времени и священная миссия. — Кристофоро Вакки покачал головой. — Нет, я не думаю, что это смог бы сделать любой. Я думаю, это случай единственный в своем роде.

Наступил момент долгой тишины. Джон смотрел в пустоту перед собой, оглушенный тем, что с ним произошло.

Четверо адвокатов внимательно наблюдали за ним, следя, как он пытался за несколько минут понять то, на что сами они — каждый по отдельности — потратили годы. Они разглядывали его, как разглядывают члена семьи, которого долгое время разыскивали как без вести пропавшего и вот нашли и вернули домой, на родину.

— И что теперь? — спросил, наконец, Джон Сальваторе Фонтанелли, удивляясь, что за окнами все еще светло. У него было чувство, что прошли целые часы с тех пор, как он ступил в этот конференц-зал.

— Придется уладить кое-какие формальности, — сказал Альберто Вакки и пощипал свой платок в нагрудном кармане. — Состояние будет переведено на вас, и мы постараемся сделать это так, чтобы оно не подлежало налогу на наследство. И еще ряд подобных моментов.

— Ваш стиль жизни изменится, — добавил Грегорио Вакки. — Разумеется, мы не можем давать вам предписания, но поскольку наша семья из поколения в поколение готовилась к этому моменту, мы готовы сделать ряд предложений, которые наверняка окажутся вам полезны. Например, вам понадобится секретарша, уже для одного того, чтобы регулировать поток обращений с просьбами, который на вас хлынет. И телохранители, во избежание похищения.

— Поэтому, — заключил Эдуардо Вакки, — мы предлагаем вам на первое время съехать с квартиры в Нью-Йорке и отправиться с нами во Флоренцию, пока вы не привыкнете к новой жизни.

Джон медленно кивнул. Да, все это действительно нужно сперва переварить. Утро вечера мудренее. Во Флоренцию. Ну а что, почему бы нет? Что его удерживает в Нью-Йорке? У него теперь триллион долларов. Богатейший человек мира. Действительно, не слабо.

— А потом? — спросил он.

— Что потом — нам и самим интересно, — сказал Кристофоро Вакки.

— То есть?

Старый человек сделал неопределенный жест руками.

— Ну, вы будете располагать такими деньгами, что любое народное хозяйство будет трястись от страха перед ва-

шими решениями. В этом заключается ваша власть. Как вы ею распорядитесь — исключительно ваше дело.

— А что говорит на этот счет сон Джакомо Фонтанелли, что я должен делать?

— Мы этого не знаем. Он провидел, что вы сделаете то, что нужно. В записях, которые от него остались, он больше ничего не говорит.

— То, что нужно? Но что же нужно?

— То, что вернет людям утраченное будущее.

— И как мне это сделать?

Патрон рассмеялся.

— Понятия не имею, сын мой. Но я не беспокоюсь, и вы не должны беспокоиться. Подумайте о том, что мы здесь исполняем прорицание, считая его святым. Это значит, что бы вы ни сделали, вы все сделаете правильно.

* * *

Сьюзен Винтер, тридцати одного года, незамужняя, сидела на белом плетеном стуле под коричневым тентом, нервно тряся коленками, за столиком на двоих перед Рокфеллер-центром, а человек все не шел и не шел. Она уже в тысячный раз смотрела на часы — о'кей, оставалось еще две минуты до назначенного времени — и потом вверх на золотого Прометея, сына титанов, который украшал фронтон небоскреба. Вроде бы он совершил что-то запретное, бросил вызов богам? Она пыталась вызвать в памяти все, что знала из античных мифов, но так и не могла ничего вспомнить про этот персонаж.

Причина ее незамужества, по мнению друзей, крылась в том, что у нее низкая самооценка, из-за которой она не одевается и не красится так, чтобы подчеркнуть свою красоту. В этот вечер на ней были старые джинсы и растянутая, серо-застиранная кофта, а волосы падали на лицо засаленными прядями. Официант, когда она заказывала минеральную воду, смотрел на нее как на существо среднего рода, и свою воду она до сих пор так и не получила. А вот чего ее друзья не знали — чего никто не знал, — это то, что Сьюзен Винтер азартно играла в Лотто.

Все, что она могла оторвать от своего прожиточного минимума, заглывала ее страсть игрока, включая и те

немногие выигрыши, которые она получала. Она давно уже призналась себе самой, что это скорее зависимость, чем страсть, но не находила в себе сил противостоять этому. Иногда, покупая лотерейные билеты дюжинами, она будто смотрела на себя со стороны и думала: так ей и надо, этому безобразному и бессмысленно живущему существу, пусть вкалывает на такой же бессмысленной работе. Ее бабушка, у которой Сьюзен ребенком проводила время после школы, всегда говорила: «Повезет в игре — не повезет в любви!», сидя со своими подругами за бесконечными партиями в бридж.

Повезет в игре — не повезет в любви. Должно быть, какая-то немецкая поговорка; бабушка в войну бежала из Германии. Почему — Сьюзен узнала много позже. А в те вечера, когда ее родители работали, она всегда сидела рядом со стулом своей бабушки, расчесывала и переодевала своих кукол и слушала беседы старых женщин. Повезет в игре — не повезет в любви. Для себя она уже переделала эту поговорку и подозревала, что в действительности она звучит именно наоборот: не везет в любви — повезет в игре. Столько невезения, сколько было у нее в любви, *должно* было однажды принести ей крупный выигрыш, хоть она и плохо представляла себе, как этот выигрыш может выглядеть.

Мужчина пришел минута в минуту. Он был одет все в то же темное пальто и сразу нашел ее, не ища. В руке у него был коричневый конверт, и Сьюзен знала, что там деньги, много денег. Она тут же нашла привлекательность в том, что собиралась делать.

Он сел напротив нее, неуклюже, как будто у него был мышечный спазм, положил конверт перед собой, скрестил на нем руки и взглянул на нее. У него было мясистое, изрытое оспинами лицо — в юности, видимо, угреватое.

— Ну? — спросил он.

Он никогда не говорил ей своего имени и никогда не назывался, если звонила она. Она просто узнавала его по голосу. Уже два года она снабжала его информацией из ее фирмы, а он снабжал ее деньгами. Вначале это были только сведения — какие случаи обрабатывает сыскное агентство Дэллоуэй, кто у него клиенты, — потом вопросы стали детализованнее. И ответы, которые она давала, тоже. Сегодня она впервые принесла документы.

Она открыла сумку и достала тонкую папку. Он протянул руку, и папка сменила владельца. Вот это и произошло.

Он молча изучал бумаги. Их было немного. То, что она смогла незаметно скопировать. Фото, которое он тщательно изучил. Несколько копий с копий. Несколько страниц текста, который он несколько раз медленно прочитал. Она при этом наблюдала за ним, смотрела на его волосатые руки и чувствовала себя бедной, некрасивой и маленькой. И вместе с тем страстно надеялась, что он найдет принесенное достаточным и стоящим той цены, которую он назначил.

— Информация о его семье у вас тоже с собой? — спросил он вдруг.

Она почти испугалась.

— Да.

Он протянул руку, как будто то, что здесь происходило, было естественнейшим делом, и в то же время от него исходило неумолимое требование. Она достала вторую папку и отдала ему.

Он снова пробежал ее содержание. Эта папка была объемистее, охватывала почти все, что собралось сыскное агентство. Некоторая информация была добыта не вполне легальным путем. Но даже она казалась ей незначительной.

— Хорошо.

Он взял коричневый конверт и отдал ей, без всяких оговорок, как будто протягивал упаковку сосисок. Сюзен взяла и сунула его в сумку, и по низу ее живота стало расходиться тепло.

Он встал, так же неуклюже, свернул папки трубочкой и сунул во внутренний карман своего пальто.

— Если мне еще что-то понадобится, я позвоню в ближайшие дни.

Она ощущала деньги сквозь кожу сумки.

— Если бы я еще понимала, чем вас так заинтересовал этот мальчишка.

Мужчина посмотрел на нее сверху вниз таким взглядом, что она вздрогнула.

— Лучше не пытайтесь это понять. Если слушаетесь добрых советов.

И он ушел, не оглянувшись.

Джон сидел на кровати отеля — мягкой и благоухающей, смотрел на телефон на ночном столике и боролся с желанием позвонить. Все в нем дрожало, и он боялся, что вот-вот развалится на куски. Должно быть, все это был сон, и больше всего на свете ему сейчас хотелось поговорить с кем-нибудь из реальной жизни, кто мог бы сказать ему: «Эй, очнись!». Но можно ли ему позвонить отсюда? Эти итальянцы сказали, чтобы он ночевал здесь; они не хотели его отпустить — теперь, после того как он узнал, через пятьсот лет... Но значило ли это, что ему можно и позвонить? Он слышал, что звонить из отелей очень дорого, а денег у него в кармане было ровно на обратную дорогу на метро.

Они купили ему вещей — пижаму, брюки, рубашку, все, что необходимо, и все оказалось ему впору. Весь пол был усыпан пакетами, он их даже раскрыл не все. Уже стемнело, а он так и сидел в темноте.

Они велели ему здесь переночевать, но значило ли это, что они заплатят и за его телефонный звонок? Может быть. Он смотрел на плоский телефонный аппарат, бледно светящийся в сумерках, и продолжал трястись. *Триллион долларов*, снова и снова повторял его внутренний голос. *Триллион долларов*.

Пол Зигель, вот кто мог бы ему сказать, что думать обо всем этом. Пол помог бы ему прийти в себя.

Его рука дернулась сама по себе, схватила трубку, а указательный палец другой руки набрал номер. Не дыша, он слушал писк набора, потом гудки, потом шелкнуло: трубку сняли.

— Пол Зигель, — услышал он знакомый голос и уже хотел заговорить, но не знал, с чего начать, даже назваться не сообразил, но тут понял, что это автоответчик. — В настоящее время я в отъезде, за границей, но рад, что вы позвонили. Пожалуйста, после сигнала назовитесь, оставьте сообщение и, если надо, ваш номер телефона — и я после возвращения вам перезвоню. Спасибо, пока.

Пропищал сигнал.

— Пол? — Собственный голос показался ему чужим. Как после операции на горле. — Пол, это Джон. Джон Фонта-

нелли. Если ты уже дома, возьми, пожалуйста, трубку, это срочно. — Может, он в этот момент как раз открывает дверь, запыхавшись, бросив чемодан и пакеты, как знать? Может, как раз возится ключом в замочной скважине, слыша голос из аппарата. — Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь. У меня все кувырком... Случилось нечто несусветное, и мне нужен твой совет. И что тебя понесло за границу, проклятье, как раз тогда, когда ты мне позарез нужен! Ах, да, я в отеле «Уолдорф-Астория». Номер я забыл...

Второй писк оборвал соединение. Джон осторожно положил трубку, еще раз вытер ее ладонью, потому что она блестела от его пота. Потом откинулся на подушку и забылся сном.

3

Марвин Коупленд несколько дней ничего не слышал о Джоне. Потом пришла открытка. С видами Нью-Йорка.

«Я действительно получил наследство, — писал Джон, — и немалое. Но об этом я расскажу тебе потом. А сейчас на некоторое время мне придется уехать — по делу. Я объявлюсь, обязательно — только не знаю когда.

Привет!

Джон».

На открытке были статуя Свободы, Центр всемирной торговли, Бруклинский мост и Музей современного искусства. Более мелким почерком и другой шариковой ручкой по краю было приписано: *«В ближайшие дни явятся грузчики из агентства. Впусти их в мою комнату, пусть все заберут; так надо».*

— А квартплата? — проворчал Марвин, вертя открытку в руках. — Как насчет квартплаты?

Но он напрасно беспокоился: когда через несколько дней явились три «шкафа», они вручили ему конверт с квартплатой за три месяца вперед — крупными купюрами — и с запиской от Джона: *«Я дам о себе знать, как только разберусь, в чем тут дело. Пока держи мою комнату за мной, О.К.? Джон».*

— Валяйте, — направил Марвин грузчиков в комнату Джона. Они показались ему несколько разочарованными, что не надо тащить пианино, что вообще нет никакой мебели, набралась лишь пара коробок с барахлом, с книгами и принадлежностями для живописи. — Куда, кстати, вы все это отправите?

— Багаж уйдет морским путем, — сказал старший, протягивая ему свой планшет с зажатыми транспортными накладными. На бумаге значился пункт назначения: «Флоренция, Италия».

* * *

Флоренция, Италия.

Джон зачарованно смотрел через запотевший иллюминатор самолета, совершившего посадку, на ослепительно

сияющий в свете солнца «Аэропорт Перетола». Во Флоренции стояло утро.

Они летели ночным рейсом, часов десять или одиннадцать, у него все перепуталось с разницей в часовых поясах и сдвигах летнего времени. Летели, разумеется, первым классом. Через два ряда впереди он заметил лицо, чем-то ему знакомое. Он испытал легкий шок, когда сообразил, откуда знает этого человека: то был звездный актер Голливуда и оскароносец, в сопровождении жены и своего менеджера. Джон тихонько спросил Эдуардо, можно ли ему пройти вперед и попросить у звезды автограф.

— Почему нет? — ответил Эдуардо и сухо добавил: — Но можно подождать две недели — и *он* явится к *вам* просить автограф!

После этого Джон отказался от своего намерения.

Несмотря на просторные кресла и большие расстояния между рядами, Джон мало спал и чувствовал себя не особенно хорошо. Яркий свет причинял глазам боль. Он моргал, глядя на пологие холмы с разбросанными по ним пиниями, и этот вид пробудил в нем неожиданно сильное чувство родины. Хотя он никогда не был в Италии и знал о ней только по рассказам родителей.

А как они удивились, когда он заехал к ним на черном «Линкольне». Он до сих пор улыбался, вспоминая, какие у них были лица.

Много он им не успел рассказать. Они никак не могли взять в толк, что за наследство. Отец раз пять переспрашивал, «какое наследство, если мы еще живы», но то, что Джон теперь богат, до них дошло. Насколько богат, он пока умолчал, потому что заехал ненадолго, а что такое триллион долларов, они вряд ли могли себе представить. Да он и сам не представлял.

На обратном пути из Бриджуотера они остановились на Пятой авеню перед самыми дорогими магазинами. Эдуардо, который все время сопровождал его, как экскурсовод по стране Богатство, вручил ему золотую кредитную карточку с тиснением его фамилии:

— Обслуживается с одного из ваших счетов.

И они вошли в храм портновского искусства.

Их окружила тишина и запахи ткани, тонкой кожи и благородных ароматов. Витрины, упаковочные столы и ве-

шалки для одежды казались ровесниками заселения Америки. Джон бы не удивился, если бы ему сказали, что темное дерево, из которого состояла вся обстановка, — обшивка самого «Мэйфлауэра». Седой, слегка прихрамывающий человек вышел к ним навстречу, словно хранитель чаши Грааля, быстрым, профессиональным взглядом окинул с головы до ног Эдуардо, одетого безупречно, но несколько слишком модно, и сразу переключил внимание на Джона, который все еще был в джинсах, застегнутой рубашке и растянутом пиджаке. Ему без вопросов стало ясно, что заниматься ему придется Джоном. Он спросил, в какую сумму они хотят уложиться, одевая молодого человека.

— Какая потребуется, — ответил Эдуардо.

И началось. Джон примерял, Эдуардо принимал решения, предлагал, комментировал, отдавал распоряжения продавцам.

Идея вырядиться в настоящие костюмы, рубашки, галстуки и прочее поначалу вызвала у Джона протест. Эта одежда неудобная, она легко пачкается, он будет чувствовать себя в ней как на маскараде.

— Вы можете позволить себе лучшее из лучшего, — сказал Эдуардо, — а это вещи уж точно удобные, иначе бы их не носили богатые люди.

— Разумеется, вы можете позволить себе носить все, что угодно, — обстоятельно излагал его отец, Грегорио. — Но хотя бы для известных случаев совсем не помешает иметь соответствующий гардероб.

— Вы богатый человек, — уютно подмигнув, поддержал своего брата Альберто. — Наверняка вам захочется и *чувствовать* себя как богатый человек.

Дедушка Кристофоро улыбнулся и сказал:

— Погодите, сами увидите.

И действительно, когда Джон встал перед зеркалом в первом костюме, он был поражен. Боже мой, какой контраст! Когда он входил в магазин, он был как кучка хлама, как заблудившийся бродяга, как врожденный неудачник, и внутренний голос приказывал ему немедленно бежать отсюда прочь, потому что в такой обстановке ему нечего делать, все это великолепие и богатство не имели к нему отношения. И вот в классическом темно-синем двубортном костюме, белоснежной рубашке и галстук в сдержанную

полоску, в блестящих черных туфлях — таких тяжелых и твердых, что каждый шаг отпечатывался с мощным звуком, — он видел, что не только уместен в этом окружении, но даже сам излучает некое сияние, хорошо заметное в зеркале. Он мгновенно превратился в победителя, в бесспорно важную персону. Джон взглянул на жалкую кучку своих старых лохмотьев и понял, что уже никогда больше не наденет их на себя. В этом было что-то магическое — носить такие костюмы. Он чувствовал себя полубогом, и это чувство опьяняло его. Оно грозило наркотической зависимостью.

Они покупали и покупали, и в конце счет вырос до двадцати шести тысяч долларов.

— Боже мой, мистер Вакки, — прошептал Джон, обращаясь к Эдуардо и чувствуя, как бледнеет. — Двадцать шесть тысяч долларов!

Эдуардо только бровью повел:

— Ну и что?

— Такие деньги за несколько *костюмов*? — прошипел Джон, чувствуя себя ужасно.

— Мы потратили почти два часа на то, чтобы выбрать эти костюмы. Если это вас успокоит, за это время ваше состояние выросло приблизительно на девять миллионов.

Джон поперхнулся.

— Девять миллионов? За два часа?

— Хотите, я покажу вам в цифрах?

— Но тогда мы могли бы купить весь этот магазин.

— Могли бы.

Джон снова глянул на счет, и вдруг конечная сумма показалась ему чуть ли не смешной. Он прошествовал с этой бумажкой к кассе и выложил ее там вместе со своей новой кредитной карточкой. Седой мужчина унес их за занавес, а когда снова появился оттуда, то казалось, что у него вырос горб, таким он стал подобострастным. Джон спросил себя, что же такого он узнал из своего контрольного звонка.

Один из костюмов он решил тут же надеть. Разумеется, его старую одежду тут охотно ликвидируют, сказал седой. Как будто речь шла о вредных химических или атомных отходах. Джон так и представил себе, как седой после их ухода длинными стальными щипцами подбирает с пола старые джинсы и с брезгливостью несет их в подвал, чтобы сжечь там в печи. Эдуардо оформил доставку остальных поку-

пок через то же транспортное агентство, которое отправляло во Флоренцию остальное имущество Джона, и они удалились.

Позднее, на контроле в аэропорту Дж.Ф.Кеннеди, Джон заметил, как по-другому чувствует себя и как по-другому с ним обращаются — просто потому, что он одет в дорогой костюм. Служащие заговаривали с ним вежливо, почти заискивающе. Таможенники верили, что ему нечего декларировать. Другие пассажиры поглядывали уважительно и, казалось, задавались вопросом, кто это такой.

— Встречают по одежке, — сказал Эдуардо, когда Джон поделился с ним своими наблюдениями.

— Так просто? — удивился Джон.

— Да.

— Но — ведь так мог бы *каждый*! Купить себе действительно хороший костюм. О'кей, тысяча долларов — большие деньги, но если подумаешь, сколько люди тратят на машины...

Эдуардо только улыбнулся.

* * *

На стоянке у аэропорта, прямо перед выходом, их ждал безупречно поблескивающий продолговатый «Роллс-Ройс» серебристого цвета, и каждый проходящий через автоматические стеклянные двери наружу глазел на машину как загнипнотизированный.

Перед автомобилем стоял седовласый, слегка уже согбенный шофер, глядя им навстречу с аристократично неподвижной миной. Форма его напоминала о старых фильмах, и носил он ее с видимой гордостью. Когда четверо адвокатов вместе с Джоном вышли наружу, толкая перед собой тележки с багажом, он снял свою форменную фуражку, зажал ее под мышкой и распахнул дверцу.

Джон уже не удивлялся. Ну, «Роллс-Ройс». Разумеется. Что же еще? И удивлялся тому, что уже не удивляется.

— Так, — сказал Эдуардо мимоходом. — А сейчас мы повеселим народ.

— Чем же? — растерянno спросил Джон.

— Сами будем грузить свой багаж. У Бенито проблемы со спиной — межпозвоночные хрящи и еще какие-то там латинские штучки пришли в негодность, и он не может ничего поднимать тяжелее ключа зажигания!

И Джон вместе с тремя младшими Вакки погрузили свои жесткие чемоданы в удивительно просторный багажник «Роллс-Ройса», а *патрон* с шофером в это время разговаривали на своем диалектном итальянском, которого Джон почти не понимал. И действительно люди вокруг удивленно поглядывали, и кое-кто отпускал шуточки.

Бенито, шофер, и впрямь был уже не юноша. Дедушка Эдуардо казался рядом с ним моложавым. О чем бы они там ни говорили, было видно, что они понимают друг друга с полуслова.

— Бенито уже лет десять как должен быть на пенсии, и в принципе он на пенсии, — объяснил Альберто, заметив взгляд Джона и соответственно истолковав его. — Но он всю свою жизнь проработал у нас шофером. Он умрет, если ему больше не дать ездить на «Роллс-Ройсе», поэтому он ездит, пока может.

Убрав чемоданы, они сели в машину, поехали и тут же застряли в пробке, как и все остальные.

— Мы едем в наше загородное имение, — сказал Кристофоро, обращаясь к Джону. — Разумеется, вы наш гость, пока не будут выполнены все формальности и вы не подберете себе подходящее жилье.

Джон, дивясь на здешнюю беспардонную манеру вождения, на беспрестанные гудки и жестикуляцию водителей, поднял глаза:

— А о каких формальностях, конкретно, вы говорите?

— Состояние должно официально перейти в вашу собственность. Главное при этом — избежать — и мы избежим, не волнуйтесь — подпадания его под налог о наследстве.

— А что, он большой?

— Большой. Половина состояния.

При этом известии Джон странным образом почувствовал, как в нем поднимается агрессивное негодование. С ума сойти, думал он. Два дня назад он еще хотел, чтобы наследство ограничилось обозримыми четырьмя миллионами долларов и не принимало таких подавляющих масштабов. И вот теперь — как будто каждую из этих тысяч миллиардов он заработал в поте лица, собственным трудом — мысль, что какое-то финансовое ведомство ни за что ни про что отстегнет от его состояния половину, приводила его в бешенство.

— И как вы хотите это урегулировать?

Это было по части Грегорио.

— Мы достигли чего-то вроде *джентльменского соглашения* с итальянским министром финансов. Он удовольствуется символическим наследственным налогом в несколько миллионов, а вы пообещаете ему за это как минимум год выплачивать налог на прибыль с вашего капитала в Италии. Это принесет ему двадцать миллиардов долларов, которые нужны ему сейчас позарез.

— Любому министру финансов они нужны, разве не так?

— Да, — согласился адвокат. — Но Италия хочет непременно вступить в Европейский валютный союз, и тут очень актуально соответствовать финансовым критериям. Ваши двадцать миллиардов — как стрелка весов, они все решают. Поэтому министр, скажем так... *необыкновенно уступчив*.

Джон понимающе кивнул, но со странным ощущением в желудке. К такому положению вещей ему еще предстояло привыкнуть. К тому, что все его слова и дела будут на виду, и более того: что это может оказать массивное воздействие на жизнь множества других людей.

Он все еще не мог в это по-настоящему поверить.

Его внимание привлек один из магазинов на улице, вдоль которой они продвигались со скоростью чуть больше пешеходной.

— Вы сказали, эти деньги действительно принадлежат мне, — обратился он к Грегорио. — Это и сию секунду так?

— Конечно.

— И я могу потратить часть из них как хочу?

— Когда угодно. — Он повернулся к своему сыну: — Эдуардо, ты же отдал ему кредитную карточку?

Тот кивнул.

— О'кей, — сказал Джон. — Тогда давайте остановимся.

* * *

В прежней своей жизни Джон читал, как автор описывал поездку на «Феррари»: «Это лучше, чем секс».

Автор был прав.

С тех пор, как они съехали с автобана, где им попадались городки со звучными названиями — Прато, Пистория или Монтекатини, — дорога стала узкой и петляла между высохших холмов. Вдоль полей были свалены в кучи камни,

то и дело им попадались старые и заброшенные деревенские дома. А когда они проезжали какую-нибудь деревню, со всех сторон сбегались чумазы ребятишки, крича и маша руками, да и взрослые мужчины, стоя в открытых дверях или ковыряясь в своем тракторе, приветственно поднимали руку.

— Если вон на том перекрестке вы свернете направо, то мы сократим путь, — крикнул Эдуардо.

— А если проеду прямо?

— Тогда будем ехать на двадцать минут дольше.

— Едем прямо, — сказал Джон, нажал на газ и наслаждался ощущением, как его вжало в жесткое кожаное сиденье, как красный «Феррари» с неподражаемым, прямо-таки божественным ревом ускорился и пронесся через пустой перекресток стрелой, пушенной из лука.

И в самом деле лучше, чем секс. Джон всегда представлял себе, как это здорово — ехать на «Феррари», но действительность превзошла все ожидания. Быть погруженным внутрь мощной машины, чувствовать рев мотора, как будто это биение твоего собственного сердца, сливаться воедино с автомобилем — и нестись, неудержимо, с неукротимой скоростью и силой мчаться по дорогам и выписывать виражи, от которых кровь закипает в жилах — так, будто мир принадлежит тебе одному.

— Ну что, сильно это уронило меня в ваших глазах? — спросил Джон, когда они гремели по мосту через узкую, почти пересохшую речку.

— Что именно?

— Ну, — Джон указал на машину, — вот перед вами наследник состояния Фонтанелли, исполнитель пророчества, пять веков назад избранный вернуть человечеству его будущее... И первое, что он делает, — покупает себе нечто бессмысленное и абсолютно лишнее, преступно дорогую спортивную машину!

Эдуардо засмеялся.

— Плохо вы знаете моего дедушку. Он к вам сразу сердечно привязался, и это навсегда. Теперь вы можете делать что угодно.

Джон потрясенно поднял брови.

— О!

Это его почему-то тронуло.

— Кроме того, — продолжал Эдуардо, — вы в точности соответствуете теории, которую он развил.

— Теории?

— Он десятилетиями отслеживал судьбы людей, которые внезапно и неожиданно становились богатыми. Об этом часто пишут в газетах. Он говорит, что те, кто тут же начинает экономить, очень быстро теряют состояние. А те, кто бросается исполнять самые безумные желания, впоследствии, как правило, научаются обращаться с деньгами.

— Тогда у меня есть надежда.

— Есть.

Он сделал это очень просто. Как только увидел витрину с красными болидами, с расфуфыренными витринными куклами и этой неповторимой эмблемой — черной лошадью на желтом фоне, — он словно голод почувствовал: вынь да положь ему эту машину, причем немедленно.

В кино это всегда просто. Но по эту сторону экрана машину нужно сначала зарегистрировать, застраховать, нужно пройти тысячу инстанций, прежде чем сможешь сесть и поехать.

Но Эдуардо был у него под рукой, нашел нужные слова, и в конце концов кто-то кивнул: все будет сделано, и все было сделано. Он может выехать прямо сейчас. От него потребовалось только подписать квитанцию о снятии со счета по кредитной карте какой-то невероятной суммы в лирах, — что Джон и сделал, не утруждая себя пересчетом в доллары, — и потом наступил магический момент: шеф филиала, превосходно одетый господин с напыженными волосами, вложил ему в ладонь ключ, и они с Эдуардо сели в машину, стекла витрины раздвинулись перед ними, и под восторженный концерт гудков с улицы они выехали из магазина и увистали прочь.

При этом Джон никогда не был фаном «Феррари». В телевизионном сериале «Магnum» он считал дешевым приемом то, что Том Зеллек мчится вдаль на «Феррари» — слишком дорогой и непрактичной, на его взгляд, машине. О некоей крутой машине он, конечно, мечтал, как всякий здоровый американец, но под такой машиной он подразумевал скорее «Кадиллак» или «Порш». Но уж точно не «Феррари».

Но, обдумывая задним числом тот момент, когда увидел витрину магазина «Феррари», он понял, что в тот мо-

мент ему требовалось подтверждение, что все эти слова — правда. Что он, якобы богатейший человек всех времен и народов, просто может зайти туда и купить себе эту безумную машину.

И вот смог.

— Ваш дедушка действительно верит в это прорицание, да? — спросил Джон.

Эдуардо кивнул:

— Верит.

— А вы?

— Хм-м. — Долгая пауза. — Не в том смысле, в каком верит дедушка.

— А в каком?

— Я думаю, что мы как семья совершили нечто поистине беспримерное, сохраняя это состояние столь долгое время. Я считаю также, что нам оно не принадлежит. Что оно действительно принадлежит наследнику, предопределенному тем Фонтанелли.

— Мне.

— Да.

— А вам никогда не приходила в голову мысль просто забрать его? То есть кто вообще знал о существовании этого состояния?

— Никто. Это звучит безумно, я понимаю, но с этим я вырос. Скорее всего вы не можете этого представить. Я вырос в атмосфере ожидания и планирования, работы по подготовке к определенному дню — дню, установленному еще пятьсот лет назад. Обязанностью Вакки было хранить это состояние и равномерно приумножать до тех пор, пока оно не будет передано наследнику. После этого — как только наследник станет его полноправным владельцем — мы свободны. Тогда этот долг исполнен.

Джон пытался представить себе этот образ жизни: люди, связанные обещанием, данным сотни лет назад их предком, — и у него мороз шел по коже, таким это казалось ему таинственным и необычным.

— Так вы это воспринимали — как долг и обязанность? Как тяжкий груз?

— Не как тяжкий груз, а просто как нашу задачу, не исполнив которую, мы не сможем приступить к другим делам. — Эдуардо пожал плечами. — Вам это, наверное, ка-

жется странным. Но представьте себе, что все эти вещи, которые вам рассказал два дня назад мой дедушка, я знал всю мою жизнь. Эту историю про вещий сон Фонтанелли мне рассказывали, как другим детям рассказывают рождественские сказки. Я знал ее наизусть. Каждый год мы отмечали день 23 апреля как праздник, и всякий раз при этом говорилось: еще столько-то и столько-то лет осталось ждать. Ни об одном историческом событии последних веков я не мог думать без того, чтобы не соотнести его с состоянием Фонтанелли, достигнутым на момент этого события. И все эти годы мы не спускали глаз с семьи Фонтанелли, мы отслеживали каждый заключенный брак и каждое рождение, знали, у кого какая профессия и кто где живет. При чем в последние годы делали это спустя рукава. Чем ближе подходил назначенный день, тем увереннее мы были, что наследником станет ваш кузен Лоренцо.

Это задело Джона.

— И теперь вы разочарованы, что им стал я?

— Меня вы можете об этом не спрашивать. Я до последней осени учился и никогда его не видел. Наблюдением занимались другие. ...Здесь нам направо.

И они свернули на дорогу, которая слегка поднималась вверх, к тому же сузилась и начала петлять, что заставило их замедлить скорость.

— А кто были другие кандидаты?

— Вторым номером были вы. Третьим был бы ваш очень дальний родственник, зубной техник из Ливорно, тридцати одного года, женатый, но бездетный, что, кстати, у Фонтанелли случается на удивление часто.

— Он расстроится.

— Он ничего не знает.

Они достигли горной седловины, дальше дорога вела вниз, к деревне. Немного в стороне лежало обширное имение с видом на Средиземное море — должно быть, великолепным, — и Джон сразу решил, что это и есть усадьба Вакки.

— А что обо мне думает ваш дедушка?

— Что вы тот самый наследник, которого увидел в своем пророческом сне ваш далекий предок Джакомо Фонтанелли. И что вы с вашим состоянием осуществите что-то очень, очень хорошее для людей, нечто такое, что снова откроет перед ними дверь в будущее.

— Очень обязывающие ожидания, нет?

— Честно признаться, я думаю, что все это мистический вздор, — Эдуардо хохотнул.

Они подъехали к деревне. Дорога, подходившая с другой стороны, от которой Джон отказался ради того, чтобы сделать лишний крюк, была шире.

— Но вера приходит к Вакки с возрастом, как у нас говорят, — продолжал Эдуардо. — Мой отец и мой дядя сейчас в той стадии, когда Вакки верят по крайней мере в то, что большие деньги должны быть направлены на великое дело, и они ломают головы, что бы это такое могло быть. А дедушку это совсем не заботит. Он считает так: вы — обетованный наследник, вся эта история — святое провидение, и если вы покупаете «Феррари», значит, это предусмотрено планом Божьего творения, *и баста*.

Эдуардо коротко указывал пальцем, куда ехать, и Джон уже хорошо понимал его штурманские знаки. Они добрались до имения и въехали через раскрытые решетчатые ворота в просторный двор, посыпанный гравием. «Роллс-ройс» уже стоял на месте, в тени высокого старого дерева, и Джон припарковал «Феррари» рядом. Когда мотор замолк, тишина оглушила их.

— А что думаете вы? — спросил он.

Эдуардо ухмыльнулся.

— Я думаю, Джон, что вы владеете триллионом долларов. Вы — царь мира. И если не насладитесь этим сполна, то вы не в своем уме.

Вся усадьба дышала историей. Ветер с моря слегка шумел в верхушках деревьев, и они отбрасывали на неприступные стены беспокойные тени. Едва Джон и Эдуардо сделали несколько шагов, шурша гравием, как дверь дома раскрылась. Навстречу им вышла полная женщина лет пятидесяти пяти, которая могла бы служить рекламой спагетти, и обрушила на них шквал итальянских слов.

— Помедленнее, Джованна, — крикнул ей Эдуардо по-итальянски. — Иначе сеньор Фонтанелли тебя не поймет! — Повернувшись к Джону, он сказал по-английски: — Это Джованна, добрый дух этого дома. Она будет о вас заботиться, но по-английски она не говорит.

— То, что вы ей сказали, я понял, — улыбнулся Джон. Его отец всегда настаивал на том, чтобы дети владели хотя бы основами родного языка, но поскольку дома в основном говорили по-английски, у него было не так много возможностей упражняться в итальянском. Однако то, что он знал, теперь медленно всплывало на поверхность.

Они ступили в темный, прохладный зал. Широкая лестница вела наверх к галерее. Направо и налево уходили сумрачные коридоры, с потолка свисала тяжелая люстра. Их шаги звонко отдавались на голом терракотовом полу.

Эдуардо еще раз призвал Джованну говорить с Джоном медленно и отчетливо, получил от нее укоризненный взгляд, попрощался и ушел к себе. Джон последовал за решительной домоправительницей вверх по лестнице и по светлому коридору — до просторной комнаты, которую отвели для него. Это был скорее зал, стеклянные двери вели на обширный балкон. За балюстрадой из обветренного песчаника открывался вид на Средиземное море.

— Вот здесь ваша ванная комната, — сказала она, но Джон не мог оторвать глаз от блистающей дали моря. — Если вам что-нибудь понадобится, все равно что, наберите пятнадцать.

— Что-что? — переспросил Джон, уже автоматически по-итальянски, и обернулся. Она держала в руках телефон-

ную трубку беспроводного телефона, база которого стояла на ночном столике.

— Пятнадцать, — повторила Джованна. — Если вам что-нибудь понадобится.

— Хорошо, — Джон кивнул, взял трубку у нее из рук. — А если мне надо будет позвонить? Наружу. — Итальянское слово для обозначения «городской связи» он не вспомнил.

— Тогда наберите ноль, — объяснила Джованна, терпеливо, как мать ребенка с запоздалым развитием. Джон почему-то спросил себя, есть ли у нее дети. Потом посмотрел на трубку. В прозрачном окошечке был написан его внутренний номер: 23.

— Спасибо, — сказал он.

Когда она ушла, он почувствовал себя усталым. Должно быть, из-за перелета. Он толком не спал, потерял представление о времени дня, был одновременно и утомлен, и взвинчен. Экстатическая поездка на «Феррари» дала выброс адреналина, как крепкий кофе, он не смог бы сейчас уснуть, даже если бы хотел. Но прилечь на эту удобную, широкую, свежую кровать, немного отдохнуть — не повредит...

Когда он проснулся, вскочил и осмотрелся, чтобы понять, где он и что с ним, было еще светло — или уже светло, но свет изменился. Он сел, прочесал пальцами волосы и потряс головой. Как его утормозило заснуть в одежде, ведь прилег только на минутку...

Он с трудом встал на ноги. Где тут ванная комната? Неважно. Ноги сами вынесли его на балкон. Свежий воздух донес до него запах моря и прояснил голову. Солнце стояло низко над горизонтом, должно быть, там запад. Значит, вечер. Он проспал не меньше пяти часов.

Только теперь он увидел, как построен дом Вакки: от основного корпуса буквой П в сторону моря отходили два симметричных крыла, завершаясь на торцах обширными террасами. На одной из этих террас он сейчас стоял. На другой — напротив — были натянуты голубые тенты от солнца, и в тени был накрыт большой стол, за ним сидели люди. Над балюстрадой висел дикий виноград. Кто-то помахал ему оттуда, подзывая:

— Ужинать!

Он узнал Альберто Вакки. Рядом с ним, должно быть, его брат Грегорио, потом еще одна женщина, незнакомая ему. Джованна с молодой горничной расставляли посуду.

Джон помахал в ответ, но еще немного постоял, глядя на море, сверкающее в солнечных лучах, как на китчевой открытке. По воде скользила большая белоснежная яхта, и вид ее вызвал в нем ту тихую зависть, которую, наверное, чувствует всякий, стоя на берегу и глядя на такой недостижимо прекрасный корабль. Эти яхты будто для того и строят, чтобы вызывать это чувство у зрителей.

Потом он сообразил, что теперь он богат, невообразимо богат. Он может, если захочет, купить себе такую яхту. Если захочет, он может завести себе хоть реактивный самолет, а то и несколько. И даже это не замедлит неудержимый рост его чудовищного состояния. *С каждым вздохом*, как сказал ему Эдуардо, *вы становитесь богаче на четыре тысячи долларов*. Это значило, что состояние его росло быстрее, чем он мог бы его сосчитать, даже если бы были купюры в тысячу долларов.

От этой мысли у него подкосились ноги, хотя он не мог бы сказать почему. Вдруг все показалось ему избыточным, ввергло его в страх, накатило на него, грозя размолоть под собой и заживо похоронить, как сходящая лавина. Он вернулся в комнату и, едва очутившись внутри, опустился на ковер. И лежал, пока с глаз не схлынул темный туман.

Он надеялся, что издали никто не заметил его состояния. Он медленно сел, подождал. Потом встал, нашел ванную комнату и подставил голову под холодную воду. А когда вышел оттуда, до него вдруг донесся с другой террасы аромат жаркого. Он бы принял душ и переоделся, но не знал, где его вещи и когда их доставят, а звонить по телефону и беспокоить кого-либо вопросами ему не хотелось. А вот есть, наоборот, уже хотелось, и он решил, что душ подождет.

Он самостоятельно нашел дорогу, хотя это было нетрудно, потому что дом был построен симметрично. То, что в одном крыле было его комнатой, в другом крыле оказалось великолепно обставленным салоном, а когда он ступил на террасу, его встретили радостными приветствиями.

— Эти трансатлантические перелеты не так безобидны, — сказал Альберто, указывая ему на свободное место рядом с собой. — Особенно в восточном направлении. Спасают только сон и хорошее питание... Джованна, тарелку для нашего высокого гостя.

Они все сидели за длинным, массивным столом, который, должно быть, несколько веков назад был сделан для какого-нибудь рыцарского зала, — на одном конце адвокаты — только *патрон* отсутствовал, — на другом еще горстка гостей, из которых Джону были знакомы только шофер Бенито да Джованна, горячо жестикулирующая в разговоре с ним. На столе стояли большие стеклянные салатницы с разноцветными салатами, корзинки со свежим душистым хлебом и чугунные сковороды с жареной рыбой. Юная горничная по сигналу Джованны поставила перед Джоном тарелку, хрустальный бокал и положила приборы.

Альберто взялся представлять гостей. Женщину, которую Джон заметил еще со своего балкона, звали Альвиной, это была жена Грегорио и, следовательно, мать Эдуардо. Она хорошо говорила по-английски, хоть и с сильным акцентом, и рассказала, что преподает в местной деревенской школе. Коренастый мужчина, слушавший беседу Джованны с Бенито, был садовник. Два молодых парня, увлеченно расправлявшиеся с рыбой, провели в доме полдня — чистили плавательный бассейн в цокольном этаже, эту процедуру они проделывали раз в месяц. А беззубый старик, с затуманенной улыбкой державший свой бокал с вином, был один из крестьян, которые поставляли семейству Вакки свежие фрукты и овощи.

— Такой ужин — наш давно сложившийся обычай, — объяснил Альберто. — Все, кто на данный момент есть в доме, приглашаются к столу. Так мы всегда в курсе деревенских новостей. Должно быть, вы проголодались, Джон; приступайте же!

Джон как следует загрузил свою тарелку. Адвокат налил ему вина, и оно заиграло в бокале рубиновым огнем.

— А ваш отец придет? — спросил Джон и испугался, увидев, как омрачилось лицо Альберто.

— Он еще спит. Такие путешествия даются ему тяжелее, чем он готов признаться. — Помолчав, он добавил: — Его здоровье сейчас не на высоте, но он не хочет с этим считаться. Такой человек.

Джон кивнул:

— Я понимаю.

— Как вам понравилась ваша комната? — спросил Грегорио.

Джон закивал с набитым ртом:

— Очень хорошо. Чудесный вид.

— Дай ему поесть, Грегорио, — мягко укорила его жена и улыбнулась Джону: — Это лучшая комната во всем доме. Она ждала вас уже давно.

— Да, — сказал Джон, не зная, что сказать. Но пока он пережевывал, разговор, к счастью, перешел на другие темы.

Альберто, кажется, не был женат. Только сейчас Джон обратил внимание, что на руке его нет обручального кольца. Да и не походил он на женатого. Эдуардо молча ковырялся в своем салате и мысленно был где-то далеко, а Альвина говорила с Альберто об одном из своих бывших учеников, который, насколько смог понять Джон, уехал во Флоренцию, стал самостоятельным программистом и сейчас явно подцепил крупный заказ. Потом поднялся садовник, подошел к ним, поблагодарил за ужин и сказал, что должен идти, у него выкопано пять кустов, их нужно пересадить еще сегодня, а то засохнут.

Джон чувствовал, как с него спадает напряжение, которое он даже не сознавал. Как это успокоительно — сидеть здесь, снимать с костей белое мясо жареной рыбы и макать хлеб в чесночный соус, когда кругом продолжается обычная жизнь. Что-то подсказывало ему, что таких блаженных минут в его жизни будет немного. Это была тишина перед бурей.

Перед бурей в один триллион долларов.

* * *

Пробуждение на следующее утро длилось долго. В комнате было светло, он лежал на необыкновенно приятно пахнущих простынях, на удобном матрасе — не слишком мягком и не слишком жестком — и постепенно все вспомнил. Наследство. Самолет. «Феррари».

О, и он вчера вечером действительно *выпил*.

Но голова совсем не болела. Он сел, опустил босые ноги на ковер и, моргая, осмотрелся в огромной комнате. Двери балкона стояли распахнутыми настежь, издали доносился шум моря и, казалось, даже его запах. Мебель была ему не по вкусу: слишком витиеватая, но выглядела солидно и дорого.

Он обеими руками скреб голову, без конца зевал и потягивался. Вспоминал обо всем, словно о сне. Черт его зна-

ет, как он сюда попал, но все похоже на реальность. Он сидел в шелковой пижаме на краю кровати и вяло зевал, но это был уже точно не сон.

И что теперь? Чашка кофе пришлась бы кстати. Большая чашка, горячего и крепкого. А перед тем — душ.

Да, и триллионеры по утрам первым делом идут в ванную.

Завтрак был снова накрыт на террасе, где, видимо, и протекала вся семейная жизнь Вакки. Тенты на сей раз отгораживали от утреннего солнца, и открывался вид на море.

За столом был только *патрон*, остальное семейство отсутствовало. Немошным движением руки он предложил Джону занять место рядом с ним.

— Что вы хотите на завтрак? Мы здесь, в Италии, по утрам в основном пьем капучино, но у Джованны на кухне можно найти все, что пожелаешь. Даже настоящие американские хлопья на выбор.

— Для начала кофе, — сказал Джон.

Она тут же вошла, будто услышав его, и поставила перед ним большую чашку капучино. Вид у нее был довольно помятый.

— Остальные еще спят, — весело продолжал старик, заметив, как Джон посмотрел на ряд окон. — Неудивительно. Перелет через Атлантику, потом долгая поездка на машине и, наконец, вечер с выпивкой... Ведь мои сыновья уже не такие юные, только не хотят это понять. Альберто наверняка застрашал вас жуткими историями о состоянии моего здоровья, да? В действительности я намеренно избегаю ужинов. Знаете, я изучил множество биографий долгожителей и установил, что в этом существенную роль играют привычки сна. Не единственную, но важную. Можно дожить до глубокой старости, даже не будучи чудом кондиции и сопротивляемости болезням, если следить за тем, чтобы хорошо высыпаться. Но Эдуардо, кстати, мог бы и появиться, ведь он вашего возраста.

Джон отхлебнул из своей чашки, и горячий эликсир, извлеченный из-под сладкой пены, благодатно заструился по его горлу. В ажурной хромированной корзинке лежало печенье, и он взял себе одно.

— Насколько я помню, я уже отправлялся спать, когда он пошел в подвал за вином.

Кристофоро Вакки засмеялся и покачал головой.

— Тогда утро целиком наше.

— Это хорошо или плохо?

— Это зависит от того, как мы его проведем. У вас есть какие-то планы?

Джон грыз печенье. Оно было солоноватое, но очень приятное на вкус. Жуя, он помотал головой.

— Это меня не удивляет, — сказал старый Вакки. — Должно быть, вам по-прежнему все это кажется сном. Мы вырвали вас из привычной жизни, утащили за собой через половину земного шара, спрятали здесь... Форменное безобразие.

— Форменное.

Кристофоро Вакки смотрел на него серьезным, благожелательным взглядом.

— Как вы себя чувствуете, Джон?

— В целом вполне хорошо. А что?

— Вы чувствуете себя *богатым*?

— Богатым? — Джон глубоко вздохнул и скривился. — Я бы не сказал. О'кей, вчера я купил «Феррари». По крайней мере думаю, что купил. Но богатым... Нет. Скорее, чувствую себя как в отпуске. Как будто у меня объявились итальянские родственники и неожиданно взяли меня с собой в поездку по Европе.

— А вам бы хотелось проехать по Европе?

— Об этом я никогда не думал... Наверное.

— Сейчас бы я вам отсоветовал, — сказал Кристофоро Вакки, — но в принципе это может быть примером желания, которое вы можете исполнить, когда хотите. Это процесс обучения. Вы должны научиться обращению с деньгами, в том числе и с большими деньгами. Нет больше никаких материальных желаний, от которых вам пришлось бы отказаться из-за недостатка средств. Но могут быть другие причины, и вы должны уметь их определить. Ваша прежняя жизнь не могла вас к этому подготовить — по крайней мере с виду, — и вы должны это наверстать.

Джон сощурил глаза.

— Что значит «с виду»?

Патрон испытующе глянул вверх на тент от солнца и подвинулся со своим стулом поглубже в тень.

— Солнце теперь совсем не такое, как в моей молодости. И я не думаю, что дело в старости. В мое время никто не жаловался на солнце. Наверное, это действительно связано с озоновой дырой. Солнце изменилось, вернее, тот его свет, который доходит до нас. — Он задумчиво кивнул. — Изобретатель аэрозоли, разумеется, не предполагал разрушения озонового слоя. И, может быть, не так все просто и не он один в этом виноват. Всегда сходятся несколько причин и несут с собой целый пучок следствий, и все взаимосвязано, все так переплетено, что не распутаешь. Понимаете, что я имел в виду под словами «с виду»?

Джон подумал, потом кивнул, хотя мог лишь смутно догадываться, к чему клонит старик.

— Да.

— Я думаю, свой скрытый смысл имеет и то, что вы выросли именно так, как вы выросли, и то, что вы, скажем, начиная с известного возраста, ускользнули от нашего внимания. — Он покачал головой, улыбаясь своим мыслям. — Пятьсот лет подготовки — и вдруг так осрамиться. Можете себе представить? После смерти Лоренцо мы растерялись, не зная о вас ничего, кроме имени и данных десятилетней давности. — Он снова засмеялся, взял печенье и макнул его в свой кофе, прежде чем надкусить. — Мы даже не знали, где вы живете.

Джон принужденно улыбнулся.

— И что, Лоренцо был подходящим наследником? — спросил он, невольно задержав дыхание.

Патрон склонил голову.

— Подходящим он, конечно, был. С развитым интеллектом, в школе завоевывал призы по математике... Мы все были им очарованы, признаюсь вам. Он был бы подходящим — с виду. Но ведь я уже сказал вам, что не доверяю тому, что «с виду».

— Я не завоевывал призов по математике, — сказал Джон. — У меня были трудности с обычным вычислением процентов. И интеллектом не блистал.

Кристофоро Вакки взглянул на него.

— Но Лоренцо умер, а вы живы.

— Может, это была ошибка.

— Жизнь нам отмеряет Бог. Вы думаете, Бог делает ошибки?

Джон ответил не сразу.

— Не знаю. Может быть. Иногда, я думаю, да.

Старик поднес чашку ко рту, выпил, задумчиво покивал.

— Вы еще слишком молоды, Джон, чтобы увидеть совершенство мира. Ничего, это поправимо. Поверьте мне, вы законный наследник по справедливости.

— Почему-то я себя таким не чувствую.

— Потому что вы пока находитесь в некотором шоке. Вся ваша жизнь фундаментально изменилась, и вам еще нужно встроиться в новую жизнь. Это нормально. Вам придется многому учиться, многое узнать, многое понять, прежде чем вы осилите этот шаг... А сейчас бы я с удовольствием, — продолжил Кристофоро Вакки, отхлебывая свой капучино, — поехал с вами во Флоренцию. Показал бы вам кое-что в этом городе. И в первую очередь наш архив. Он хранится у нас в офисе. Кстати, уже пятьсот лет. Хотите?

Эти пятьсот лет, подумал Джон, так легко слетают с его губ, будто он сам их прожил. Будто принадлежит к другой расе — расе бессмертных адвокатов.

— Звучит заманчиво.

— Здесь у нас в подвале хранятся все документы, но в микрофильмированном виде, — сказал Кристофоро. — А я хотел бы показать вам оригиналы, чтобы вы ощутили время и историю. — Он хитро сощурился: — Если, конечно, мне удастся разбудить Бенито.

— Довольно далеко до работы, — сказал Джон, когда они миновали Луку, а дорожный щит указывал, что до Флоренции осталось семьдесят восемь километров.

— Мы не так много работаем, чтобы это причиняло неудобства, — улыбнулся *патрон*. — Тем более что Данте описывает флорентийцев как алчных, завистливых, надменных людей, от которых лучше держаться подальше.

— Тогда почему бы вам совсем не покинуть Флоренцию? Кристофоро Вакки сделал неопределенный жест.

— Традиция, думаю. К тому же хорошо смотрится на визитных карточках, когда путешествуешь по миру.

Джон кивнул, глядя в окно:

— Тоже причина.

Говорили они немного. Джон забылся от вида тосканских холмов с их виноградниками, фруктовыми садами и белыми виллами, а старик задумчиво смотрел перед собой.

Когда они въехали во Флоренцию, он велел Бенито высадить их на Пьяцца Сан-Лоренцо.

— Отсюда недалеко до офиса, а по дороге я покажу вам некоторые достопримечательности. Не те, что обычно показывают — Пьяцца делла Синьория, Уффици, Дуомо, Палаццо Питти, Понте Веккио, — это стандартный набор. Но его, я думаю, вам необязательно осматривать в субботу.

Джон кивнул. Правильно, сегодня суббота. Его чувство времени еще пока не упорядочилось.

Машина с трудом пробивалась через бесконечные пробки между колоссальными средневековыми фасадами и наконец остановилась перед кирпичной стеной одной массивной базилики. Кристофоро велел Бенито забрать их у офиса в половине третьего, они с Джоном вышли из машины, и «Роллс-ройс» покатился дальше под заинтересованными взглядами прохожих.

Улицы Флоренции были необыкновенно оживлены. Вся площадь перед церковью Сан-Лоренцо пестрила временными торговыми лотками, между рядами которых протискивались толпы туристов, громко разговаривая на всех языках мира, а мимо тарахтели мопеды. Джон старался не отставать от Кристофоро, который явно чувствовал себя здесь как дома и направлялся к памятнику посреди площади.

— Это основатель династии Медичи Джованни ди Аверардо, — объяснил *патрон*. Ему приходилось кричать, чтобы его слова пробились сквозь уличный шум. — Он жил в четырнадцатом веке, и его сын Козимо был первым из Медичи правителем Флоренции — главным образом потому, что он был богат. Медичи владели тогда самой крупной банковской империей Европы.

Джон присмотрелся к задумчиво сидящей фигуре, к живым чертам его лица. Тонкости рельефа были скрыты под слоем черной патины из выхлопа и пыли, который походил на грязь столетий, хотя, скорее всего, скопился за каких-нибудь полгода.

— Угу.

— Это было году в 1434-м, если я не ошибаюсь. Но умер он в 1464 году, и его сын Пьер, которого называли Подагриком, умер пять лет спустя от этой самой болезни. И власть перешла к его сыну Лоренцо, которому тогда было двадцать лет. Несмотря на молодость, он правил городом так дальновидно, что позднее его называли Великолепным.

— А, да.

Опять Лоренцо. Джон еще в школе терпеть не мог эти экскурсионные пояснения, но ему некуда было деваться.

— В 1480 году родился ваш предок Джакомо Фонтанелли, — продолжал адвокат, не сводя глаз со статуи, и когда Джон посмотрел на него сбоку, он понял, что все эти давно минувшие события имеют для этого человека такое же значение и такое же отношение к его жизни, как день его свадьбы. — Лоренцо как раз пережил заговор, жертвой которого пал его брат, и воспользовался случаем, чтобы избавиться от своих врагов. И Джакомо Фонтанелли рос во времена расцвета Флоренции — во времена правления Лоренцо Великолепного. — Кристофоро указал в сторону куполов церкви, перед которой они стояли: — Там, кстати, похоронены все Медичи. Заглянем?

— С удовольствием, — кивнул Джон, изнемогая от жары, пыли, шума и сконцентрированного заряда истории. Представить только, что все это происходило до открытия Колумбом Америки...

Они обошли площадь по краю, добрались до входа в капеллу Медичи, заплатили за билеты и ступили в прохладную тишину крипты.

Многочисленные туристы, держа фотоаппараты наготове, невольно приглушали голоса и изучали надписи, перечисляющие разных членов семьи Медичи. Кристофоро указал на последнюю колонну в правом ряду:

— Там покоится последняя из рода Медичи, Анна Мария Людовика. Тут указана дата ее смерти — 1743 год. На ней род Медичи оборвался.

Они стояли молча, вбирая в себя эту тишину и прохладу с затхлым запахом умерших столетий.

— Идемте дальше, в ризницу, — сказал Кристофоро и загадочно добавил: — Там вам понравится.

Они пересекли сумрачную крипту и по короткому коридору дошли до просторного помещения, которое своим великолепием превосходило все, что Джону приходилось видеть в своей жизни. Вокруг высились колонны и подиумы из белого и пастельного мрамора, обрамляя ниши из темного мрамора. Джон поднял голову к куполу, который возвышался над залом, словно небосвод, и забыл дышать. И все это великолепие было лишь фоном для ряда мраморных

статуй, которые казались настолько живыми, что в любой момент могли двинуться с места.

— Боже мой, — пролепетал Джон. Он и не знал, что на свете есть что-то подобное.

— Чудесно, правда?

Джон лишь кивнул. Ему показалось дерзостью то, что совсем недавно он отваживался считать себя художником.

— Кто все это сделал? — спросил он через некоторое время.

— Микеланджело, — ответил Кристофоро Вакки. — Это было его первое творение.

— Микеланджело... — Это имя разбудило в нем воспоминания о чем-то далеком, но он не смог бы сказать о чем.

Патрон указал на скульптуру, перед которой остановился Джон. Она изображала мужчину в позе глубокого раздумья.

— Эту фигуру называют *Пенсиерозо*, — сказал он. — Мыслитель. Она изображает Лоренцо Младшего, внука Лоренцо Великолепного. Его гробница так и осталась незаконченной. — Он указал на нишу у входа. — Лоренцо умер в 1492 году, а его сын Пьер бежал, когда два года спустя в Италию вступила французская армия Карла Восьмого и захватила в том числе и Флоренцию. О Джакомо Фонтанелли мы знаем только, что он со своей матерью уехал из Флоренции, и, наверное, они нашли себе убежище в том же монастыре, где и раньше.

Джон смотрел на скульптуру, и ему показалось, что она дышит. Он заморгал, чтобы прогнать наваждение. Ему было трудно сосредоточиться на пояснениях *патрона*.

— Этот монастырь еще существует?

— Только в виде руин. Он закрылся еще в конце девятнадцатого века, во Вторую мировую его использовали как склад оружия и разбомбили во время воздушного налета.

Джон шел по ризнице, следя, как перемещаются по скульптурам тени, почти оживляя их.

— Медичи были богаты, но их семья вымерла. Что осталось от их состояния, кроме этих сокровищ искусства?

— Ничего, — сказал Кристофоро Вакки.

— А почему же Фонтанелли и Вакки еще есть? И почему состояние Джакомо Фонтанелли все еще существует?

Кристофоро пожал плечами:

— Никто из этих фамилий никогда не правил, не господствовал, никак не выделялся. Подумайте и о том, что многие Медичи были убиты, по большей части их же родственниками. Состояние Фонтанелли никогда не вкладывалось ни в дела, ни в военные походы, ни в подкуп. Оно просто было само по себе и росло незаметно. Я думаю, что восторжествовала невзрачность.

Офис находился в нескольких кварталах отсюда, в неприметном переулке, если в центре Флоренции вообще что-то может остаться неприметным; этот тоже представлял собой мрачное мощеное узкое ущелье между двумя древними фасадами. Дверь, когда-то покрашенная в темно-зеленый цвет, массивная, выветренная, облупившаяся, рядом ржавая щель для почты с выгравированной фамилией Вакки — вот и все.

— Как же вас здесь находят ваши клиенты? — спросил Джон, пока Кристофоро доставал свою связку ключей.

— У нас больше нет клиентов, которые могли бы нас искать, — ответил адвокат, открывая дверь.

Облезлый фасад здания был лишь маскировкой, как понял Джон, осмотревшись внутри тесного здания. На внутренней стороне двери были автоматические запоры из хромированной стали. Маленькая видекамера с автоматическим слежением направилась на вошедших, а Кристофоро подошел к коробке, висящей на стене, и набрал цифровой код — не менее чем десятизначное число. Красная лампочка загорелась зеленым. Повсюду на лестничной клетке слышалось тихое пощелкивание: должно быть, отпирались автоматические двери.

— Мы храним здесь оригиналы многих старых документов, — объяснил Кристофоро, когда они поднимались по лестнице, покосившейся, со множеством поворотов — наверняка многовековой древности. — До сих пор не приходилось опасаться, что кому-нибудь придет в голову взломать дверь. Но сейчас это может измениться. Вот второй этаж: здесь до последнего века была квартира одной из семей Вакки. Сейчас на пятом этаже тоже есть квартира, на случай если кто-то из нас здесь заработается допоздна и не захочет возвращаться.

Он открыл дверь.

Застекленные шкафы, насколько хватало глаз, а в них — ряды темных, старых фолиантов. Джон подошел ближе и разглядел выцветшие надписи на корешках переплетов. Это были цифры, обозначающие годы: 1714, 1715 и так далее. Пахло музейной пылью, моющими средствами и линолеумом.

— Что это за книги? — спросил Джон.

— Счетоводные книги, — с улыбкой ответил *патрон*. — По ним можно в точности проследить, как росло ваше состояние. Мои предки в этом отношении были очень дотошны. При всей скромности я должен сказать, что счетоводные книги Вакки гораздо точнее и полнее, чем те, что Джакомо Фонтанелли вел сам.

— А есть и такие?

— Разумеется. Идемте.

Джон прошел за ним через низкую дверь, пригнувшись, и оказался в другой такой же комнате. Нет, не совсем такой: тома за стеклами были тоньше и выглядели более древними и потертыми, а сами шкафы были основательнее — на вид просто бронированные и явно снабженные встроенными кондиционерами.

— Загрязнение атмосферы, — объяснил Кристофоро Вакки, печально склонив голову. — За все предыдущие столетия наши документы пострадали не так, как за последние тридцать лет. Пришлось нам их изолировать, иначе выхлопные газы все разъедают.

Еще одна дверь — и за ней тесная комната, почти пустая, напоминающая скорее капеллу. На стене висело распятие, под ним стоял застекленный столик-витрина, а рядом стул. Кристофоро включил две лампы, осветившие сквозь стекло внутренность витрины.

Джон подошел ближе, и мурашки пробежали у него по спине. Он уже догадывался, что сейчас увидит.

— Это завешание, — сказал Кристофоро Вакки почти благоговейно. — Завет Джакомо Фонтанелли.

Под стеклом, на белом бархате лежали два больших, темно-коричневых листа толстой, странно поблескивающей бумаги. Почерк был мелкий, угловатый и едва различимый. Оба листа были густо исписаны и связаны двумя истлевшими шнурками, закрепленными на обоих концах впечатляющими печатями. Джон подвинул стул, казавшийся та-

ким же старым и солидным, как и вся здешняя мебель, и сел. Склонился над стеклом и стал рассматривать документ, пытаясь осознать, что его предок, зачинатель всего этого безумного проекта, написал эти строчки собственной рукой.

— Я не понимаю ни слова, — признался он. — Наверное, это средневековый итальянский?

— Это латынь.

Джон кивнул, глядя на темно-коричневые, элегантно изогнутые линии заглавных букв. Словно страница из старой рукописной Библии.

— Латынь. А Лоренцо знал латынь?

Патрон положил руку ему на плечо:

— Не мучайтесь вы так. Вы не виноваты в его смерти.

— Но я, получается, нажился на ней.

Старик сжал его плечо.

— Вы наследник. Взгляните сюда. — Он показал на место рукописного текста, где Джон при внимательном рассмотрении действительно обнаружил дату, составленную из римских цифр. — Младший мужской потомок рода, пребывающий в здравии 23 апреля 1995 года. Это вы, Джон. Вы именно тот, кого он имел в виду.

Взгляд Джона запутался в изящных завитках подписи, рядом с которой были нацарапаны несколько других подписей; помельче — видимо, свидетелей, — и красовались темные, ломкие печати. Он понятия не имел, соответствует ли этот документ форме завещаний, принятой в пятнадцатом веке. Они ведь могли показать ему все, что угодно, выдавая это за то, что захотят. Только какой смысл имела бы эта фальсификация? Они хотят подарить ему триллион долларов. Они одержимы идеей сделать его богатейшим человеком со дня сотворения Солнечной системы. У них нет никаких причин дурачить его.

Интересно, что за человек был этот Джакомо Фонтанелли? Религиозный фанатик? Маньяк? Подпись на вид твердая, закругленная, гармоничная. Так мог писать человек в полном расцвете сил, абсолютно уверенный в себе и своем деле. Хорошо было бы прочесть это завещание. Хотя скорее хотелось бы знать, каково это: получить знак свыше, видение, которое может изменить и предопределить всю твою жизнь.

То есть получить ясную цель жизни.

Джон глянул в узкое, похожее на бойницу окно из толстого стекла. Различил краешек дальнего купола и спросил себя, не капелла ли то, построенная Микеланджело для усопших Медичи. Он понятия не имел, на какую сторону выходит это окно. Микеланджело... Почему это имя крутится у него в голове и не дает ему покоя? Как будто чей-то голос повторяет его, желая о чем-то ему напомнить? Микеланджело... Он еще расписал Сикстинскую капеллу в Риме. В Риме, где родился его кузен Лоренцо, где он жил и умер.

— Сколько мне было лет, когда родился Лоренцо?

— Что-что? — Кристофоро был мысленно где-то далеко.

— Двенадцать, — Джон сам же и ответил на свой вопрос. — А что было перед этим?

— Что вы имеете в виду?

— До рождения Лоренцо. Кто был кандидат?

— Вы. — Он сказал это как нечто само собой разумеющееся.

— И тогда вы за мной наблюдали?

— Конечно.

Тут воспоминания ожили, поднялись из глубины забвения, как проснувшийся фонтан, и начали заполнять пустую чашу. Элегантно одетый господин. Серебряные виски. Ухоженные ногти на руке, протягивающей ему плитку шоколада. Добрый взгляд из-под густых бровей. Только теперь Джон понял, чье имя повторял в нем внутренний голос. Не *Микеланджело*, а *Мистер Анджело*. Он повернулся на стуле, уставился на Кристофоро Вакки, разглядывая его склоненную худощавую фигуру.

— Так это вы были мистер Анджело?

Патрон мягко улыбнулся:

— Вы помните?

— Однажды я видел вас в аэропорту, когда вы только что прилетели из Европы. У вас не было с собой ничего, кроме пластикового пакета с ботинками.

— Да что вы! Это был мой последний приезд. Обычно я оставался в Нью-Йорке на несколько дней. После рождения Лоренцо я хотел повидать вас еще раз, но не застал дома, когда добрался до мастерской вашего отца. Как странно — оказалось, вы в это время как раз были в аэропорту?

Джон кивнул, обнаруживая в старике все больше сходства с тем, что сохранилось в памяти. Сколько же времени прошло? Неудивительно, что Кристофоро Вакки с самого начала показался ему таким близким.

— Да, я увязался за моим другом, который встречал там отца. И увидел вас. И был уверен, что вы больше не появитесь потому, что я открыл вашу тайну.

— Как в сказке, да. Я понимаю. — Старик задумчиво кивнул. — Теперь задним числом я думаю, что мы перегнули палку с нашим наблюдением. Мы не могли дотерпеть, хотя завещание недвусмысленно говорит, что обнаружить себя мы должны только после назначенного срока. Когда вы были еще ребенком, мы часто появлялись вдвоем и втроем: с Альберто, потом еще и с Грегорио, а еще раньше с моим умершим братом Альдо. Мы наблюдали за вами по дороге из школы, на игровых площадках...

Воспоминания пробивались, как из зазеркалья.

— Я помню незнакомых людей, которые задавали мне странные вопросы. Трое мужчин в пальто стоят за оградой, а я качаюсь на качелях. Еще высокий, смуглый мужчина с волосатыми руками...

— Про этого ничего не знаю, а трое за оградой — это были мы: Альдо, Альберто и я.

Джон невольно рассмеялся.

— Моя мать сильно беспокоилась, когда я ей об этом рассказывал. Вначале она думала, что это какие-то извращения меня караулят, а потом — что со мной не все в порядке. — Он посмотрел на завещание под стеклом, на печати, на подписи: — Кто бы мог подумать, что дело в этом?..

— Идемте, — подтолкнул его Кристофоро. — Я вам должен еще кое-что показать.

Они спустились вниз, в подвал без окон. Потолок был совсем низким, но стены гладко оштукатурены, освещение яркое, чистота почти клиническая. Из-за черной стальной двери доносился шум, словно от гудящего холодильника. Как оказалось, то был компьютер. Колосс, громоздкое сооружение величиной со шкаф, выкрашенное в голубой цвет, со знакомым логотипом IBM — сокрушительно старомодное. Толстые серые кабели тянулись к целой батарее телефонных гнезд вдоль стены.

— В нашем имении есть современная модель, — объяснил Кристофоро. — А эту мы купили в 1969 году и заказали для нее специальную программу, которая снимала бы данные с тысяч банков, управляла бы миллионами счетов, переводя их на текущий курс валют и все суммируя. Эдуардо покажет вам это в деталях, все эти пароли доступа и так далее, но вот то, куда все эти данные стекаются, я не могу вам не показать. Вот, взгляните.

Он с видимой гордостью указал на массивный, старомодный монитор, на светящемся экране которого не было ничего, кроме длинного, мерцающего радарно-зеленым цветом числа. Когда Джон подошел ближе, он увидел, что последние разряды тринадцатизначного числа в бешеном темпе нарастают — последние цифры так быстро, что их невозможно было прочесть. Триллион и несколько миллионов. Текущее суммарное состояние всех счетов. Четыре тысячи долларов за один вздох, как сказал Эдуардо. Джон смотрел на мерцающее число, и через вздох оно увеличилось на четыре тысячи долларов. Потом Джон заметил, что увеличение числа на экране идет неравномерно. Поток цифр будто дышит, пульсируя, словно кровь в жилах, то ускоряясь, то замедляясь.

Один триллион. В качестве отдельного числа на большом, темно-сером экране компьютерного монитора оно не говорило ни о чем.

— Триллион долларов — это ведь очень большие деньги? — зачем-то еще раз спросил Джон.

Кристофоро Вакки стоял перед монитором, как перед алтарем.

— Непостижимо большие, — серьезно ответил он. — Американский журнал «Форбс» каждый год публикует список ста богатейших людей планеты. На первом месте там долго держался король универсальных магазинов Сэм Уолтон, который основал сеть «Уолмарт» и стал обладателем примерно сорока миллиардов долларов. Несколько лет назад он умер от рака костей, причем его к этому времени перегнал Билл Гейтс со своими пятьюдесятью миллиардами. В этот список вообще не включают, например, английскую королеву или султана Брунея, хотя они тоже миллиардеры, султан так даже был бы на первом месте. Его состояние оценивается в семьдесят миллиардов. Но даже если все пред-

ставители этого списка, сто богатейших людей, сложили свои состояния, у них не набралось бы и *половины* триллиона долларов.

Джон смотрел на него непонимающе.

— Но это же безумие какое-то, — сказал он с пересохшим ртом. — Что мне делать с такими деньгами?

Патрон повесил свою седую голову.

— Я думаю, что ключ таится в самой исключительности этого положения. Вы, Джон, будете не просто богатый человек, который чуть богаче остальных, вы будете занимать единственную в своем роде позицию. Никто не сможет даже мечтать приблизиться к порядку ваших величин. Вы будете богаче многих государств на Земле. Вы будете не просто богатым, вы будете олицетворять финансовую мощь мира. А это и есть то самое, что вам понадобится.

У Джона закружилась голова. Последние слова он воспринимал уже как капли дождя, барабанившие по палатке. Это было чересчур. Он не был создан для того, чтобы постичь величины такого масштаба.

— Ну... Почему вам знать, может, я все спущу на «Феррари»?

— Да уж знаю, — просто ответил старый адвокат. — Не говоря уже о том, что никаких «Феррари» на это не хватит.

В тот вечер, уже после ужина, когда с моря подул прохладный ветер и дрожащие свечи в защитных стеклах составляли единственное освещение длинного стола, они обсуждали детали передачи состояния. Джон в основном слушал, вопросов почти не задавал и отвечал только «да», если его спрашивали о его согласии. Взгляд его уходил в темноту, теряясь в туманной дали моря. На небосводе тлела пригоршня звезд. Вино в бокалах казалось черным. Адвокаты переговаривались тихо, голоса их были похожи и казались окрыленными, в них слышалось явное облегчение. Как будто это состояние было для них тяжким бременем, которое они, наконец, могут перегрузить на кого-то другого.

— И чтобы все было тихо, — подкрепил *патрон* то, о чем они уже и так договорились: что передача состояния без всякой шумихи и сенсации состоится в одной нотариальной конторе во Флоренции в один из ближайших дней, как только договорятся о подходящем времени. И что Джо-

ну потом самому решать, предавать ли гласности — и если да, то когда — факт и историю своего богатства.

Он купит себе дом, похожий на этот, решил Джон. С террасой, выходящей на море. В местности, где будут стрекотать цикады. Терраса будет из природного камня, который накапливает дневной зной и вечером отдает благодатное тепло.

Понемногу я привыкаю к мысли, что у меня есть деньги, осознал Джон. Правда, от представления об их количестве он был по-прежнему далек, но уже не чувствовал себя бедным.

Голос Кристофоро Вакки вернул его к действительности.

— Подходит вам это, Джон?

— Да, — сказал Джон.

Марвин Коупленд редко читал газеты. Во-первых, газеты стоили денег, а они у него не водились, а если появлялись, то находили другое применение. Во-вторых, газеты его не интересовали. Сообщения о преступлениях, баскетбольных матчах, высокая политика — каким боком все это касалось *его*? И в-третьих, он вел такую наполненную жизнь — несколько работ, разные подружки, музыка, — что больше ни на что не оставалось времени. Читать газеты и смотреть телевизор было, на взгляд Марвина, занятием для людей, жизнь которых пуста, уныла и бессмысленна.

Так что в это утро Марвин был совершенно не в курсе. Уже несколько часов все газеты и новостные передачи знали только одну тему, а Марвин брел себе вдоль по улице к Константиносу, как будто день ничем не отличался от остальных. Константинос был торговец овощами, но у него можно было купить все, что нужно для жизни: растворимый кофе, сгущенное молоко, три сорта хлопьев для завтрака, макароны, сласти, обувной крем, сигареты и так далее. Если бы еще на полках можно было найти алкоголь, то лавка обрела бы законченное совершенство, но ничто не идеально под луной.

Солнце жарило вовсю. Марвина мучило подозрение, что он, кажется, прогляпил назначенную ему пробную встречу в новой музыкальной группе. Нет, она вроде бы назначена на завтра, а? Где-то была бумажка, на которой записано когда, но она пропала. Возможно, новая девушка Пита ее выбросила, когда прибирала квартиру.

— Куда я попала? — то и дело повторяла она. — В квартиру или в свинарник?

Зато теперь чистота. Может, воспользоваться случаем и пригласить родителей, а то когда еще будет такая удача?

Он позвонел монетами в кармане. Вчера вечером они курили косячок и играли в карты на четвертаки, и он выиграл их целую пригоршню. Приятный поворот дел — после того, как в предыдущие ночи он позорно просадил трехмесячную квартплату, оставленную Джоном. Теперь он мо-

жет списать кое-что из старых долгов у Константиноса. Кроме того, он прошелся вчера по всему дому, надергал из почтовых ящиков рекламных листов и после двадцати минут работы ножницами создал хороший запас купонов, обещающих *Buy One, Get One Free!** Или *Fifty Percent Off!*** Посмотрим, что там можно будет раздобыть, в холодильнике-то совершенно пусто. И подошла очередь покупать новый флакон средства для мытья посуды, старый — как его ни выполаскивай теплой водой — уже окончательно опустел.

Константиноса не было, на кассе сидела его вечно угрюмая жена. Обычно это не сулило ничего хорошего, потому что она не давала в кредит по записи, а если и записывала в долг, то с такими истошными воплями, что стыда не оберешься. Но сегодня Марвин выгрузил перед ней свой карман четвертаков, что хоть и не вынудило ее улыбнуться — ничто бы не вынудило ее улыбнуться, — но она хотя бы не ворчала, когда он выковыривал с полок товар и громоздил перед ней, а безропотно складывала его покупки в коричневый бумажный пакет.

Тем громче она принялась ругаться потом: на выходе взгляд Марвина упал на газеты, выложенные у двери на старом проволочном стояке, и заголовки были такие крупные, что даже он не мог их не заметить, и напечатанное большое фото — оно-то и было причиной того, что пакет с покупками выскользнул из рук Марвина — и он не успел его поймать.

* * *

— Как это могло случиться? — воскликнул Грегорио Вакки и бросил на стол к остальным газетам последний выпуск *Corriere della sera*. — И откуда они узнали? Это необъяснимо.

Так странно было видеть свое имя в газетах. Тем более на первой странице, набранное большими жирными буквами. Это придавало всем обстоятельствам гораздо большую реальность, чем все документы, печати и нотариальные удостоверения.

— Все они пишут только про деньги, — заметил Альберто, просматривая *Repubblica*. — Про деньги и сложные проценты. Я бы сказал, о завещании им ничего не известно.

* При покупке одного второе бесплатно.

** Скидка 50%.

А так хорошо начиналось: Джованна накрыла внизу в салоне великолепный стол, соответствующий значению дня — с дыней, нарезанной кубиками, и настоящей пармской ветчиной, с шампанским, с белой скатертью и хрусталем, сверкающим на солнце. Теплый ветерок с ароматом лаванды раздувал занавески на высоких окнах, и со двора слышались шаги по гравию: Бенито полировал «Роллс-ройс» мягкой тряпкой. Потом пришел Алессандро, молодой, сильный парень, который помогал на кухне и в подвале, и принес последние газеты. И тут началось.

Патрона, казалось, забавлял весь этот скандал. Он посмеивался, помешивая ложечкой в своей чашке с капучино, и в своем спокойствии напоминал пресловутое око урагана.

— С самого начала было ясно, что так и будет. Днем раньше, днем позже. — Он поднял голову и бросил на Джона лукавый взгляд: — Видимо, вы у нас перешеголяете леди Ди по части внимания прессы.

— Здорово, — сказал Джон. — Вот будет весело.

Эдуардо, прижав к уху мобильный телефон, до сих пор стоял в сторонке и названивал, потом захлопнул его с громким «чао!» и подошел к остальным:

— Никаких шансов. Они осаждают нотариальную контору.

— Нотариальную контору! — разволновался его отец. — Откуда же им стало известно, где и когда?..

— Должно быть, они обзванивали подряд все нотариальные конторы. И Нунцио попался на их удочку.

— *Porco cane!* Как он мог кому попало выдать время нашей встречи?..

— Нунцио говорит, что полчаса назад ему позвонил какой-то человек и от имени семьи Вакки спросил, нельзя ли перенести встречу на полчаса. Они знали нашу фамилию!

— Что? Но это же... — Тонкие брови Грегорио поднялись вверх. — Это же значит, что в любой момент сюда нагрянет свора этих... О нет. Ворота! Алессандро! Джузеппе! Быстро, ворота на замок! — Он выбежал в холл и на весь дом захлопал в ладоши: — Джузеппе! Все бросай, *presto!*

* * *

Сьюзен Винтер, разумеется, читала газеты каждый день, это было частью ее профессии. Первую — *Washington Post* —

она читала за завтраком на откидном столике своей маленькой кухни, вторую — *New York Times* — в метро по дороге на работу, а там уже три-четыре остальных, большей частью международных выпусков, в зависимости от того, над чем она сейчас работала.

И в зависимости от того, в какую лотерею она всадила свои деньги. Последние дни ее отрезвили. Все деньги, которые она получила от незнакомца, ушли. Она их проиграла.

Когда в это утро она забрала свои газеты и пробежала глазами по заголовкам, обратив внимание на фотографию, ее прошиб холодный пот. Так *вот что* за этим стояло!

Она не разозлилась на себя за то, что не смогла дойти до этого сама. Кто бы мог об этом подумать? Она не могла себе представить, что такое вообще возможно. *Триллион* долларов! Выделенное на сером прямоугольнике число — одна единица с двенадцатью нулями. Тысяча миллиардов. Она зачарованно читала разъяснение, каким образом состояние в течение столетий неудержимо росло за счет процентов и процентов на проценты. Заканчивалось оно словами: «Чтобы прочитав этот текст, вам понадобилось около минуты. За это время состояние Джона Фонтанелли выросло на восемьдесят тысяч долларов».

Она забыла про кофе, забыла про пончик. Она сидела, расстелив газету на столе, смотрела в стену, ничего не видя, и спрашивала себя, что нужно было от Джона Фонтанелли этому незнакомцу. И что он собирается сделать с теми документами, которые она ему передала.

Сьюзен Винтер понимала, что в сыском агентстве Дэллоуэй ее только терпят, и со дня на день ожидала, что всем станет окончательно ясно, что проку от нее никакого. Она работала сколько могла и никогда не жаловалась, если на нее навешивали неоплачиваемые сверхурочные. Она не знала, кем ее считает шеф, и если бы ей кто-нибудь сказал, она бы не поверила. А ее шеф считал ее невротичкой, ненадежной личностью, зависимой от настроения, но зато высоко ценил ее способность прозревать и предсказывать в моменты гениальных озарений мотивы и намерения наблюдаемых персон. Эти мгновенные, прямо-таки ясновидческие способности перевешивали все ее недостатки, и он никогда не уволил бы ее, даже если бы ему пришлось сократить штат своего агентства наполовину.

Когда она мысленно еще раз пробежала документы второй папки, содержащие сведения о семье Джона Фонтанелли, ее озарило одно из таких прозрений. Кажется, она поняла, что замышляет этот незнакомец. И если это так, как она думает, то она может сделать на этом большие деньги — большие, чем когда-либо представляла себе. Вот *это* был бы главный выигрыш!

В этот день она поехала на работу с болями в животе, так сильно она боялась все испортить.

* * *

Первая съемочная группа приехала на «Порше» — мужчина и женщина. Мужчина нес на плече камеру, у женщины в руках был микрофон с логотипом телекомпании, и они вежливо позвонили в ворота. После чего Бенито, одетый честь по чести в свою шоферскую форму, неторопливыми шагами прошел к решетчатым воротам и, как было велено, объяснил, что семья Вакки в настоящий момент не может никого принять.

Вскоре после этого прибыла вторая группа — четверо мужчин в «комби», выгружавшие штативы, камеры, магнитофоны, тенты и складные стулья. Дело пахло осадой. Они обменялись рукопожатиями с предыдущей командой, и из-за занавески библиотеки на первом этаже, откуда Вакки и Джон наблюдали за происходящим, это выглядело так, будто друг друга приветствовали лютые соперники перед стартом решающей гонки. Потом они устанавливали штативы, монтировали камеры, натягивали тенты.

— Если мы продержим их здесь несколько дней, деревенские получат неплохую дополнительную выручку, — сказал Альберто.

Число репортеров нарастало быстрыми темпами. Рукопожатий уже не было, как и коллегиальных разговоров, лишь торопливая, агрессивная установка приборов, расталкивание друг друга локтями ради лучшего места и яростная ругань. За короткое время у подъездной дороги к воротам выстроился лес из объективов и микрофонов.

— Наверняка мы уже в прямом эфире CNN, — сказал Эдуардо.

Откуда ни возьмись подлетел вертолет. Казалось, он намеревался приземлиться во дворе, но только покружил над именем и снова улетел.

— Боюсь, если мы не ответим на несколько вопросов, они начнут распускать по миру слухи, — рассуждал Грегорио с безрадостным лицом. — Ведь им надо чем-то заполнить эфир и газеты.

— Да, — кивнул Альберто. — Придется устроить для них пресс-конференцию.

— По крайней мере мы как распорядители наследства должны это сделать, — подтвердил Кристофоро Вакки. — А как вы на это смотрите, Джон?

— Не знаю. Мне не по себе, — ответил Джон. — Я еще никогда не проводил пресс-конференций.

Патрон усмехнулся:

— Думаете, мы проводили?

* * *

Джону приходилось видеть по телевизору сообщения о пресс-конференциях в Белом доме, — как президент подходит к пюпитру, зачитывает заявления, отвечает на ряд вопросов, и это всегда казалось ему скучнейшим на свете делом. Но сидеть самому перед стеной разномастных микрофонов, моргать от бушующей грозы фотовспышек и отвечать на вопросы, которые выкрикивают из толпы репортеры, оказалось почему-то и пугающим, и вместе с тем волнующим занятием.

Известно ли о наследстве его родителям? Да, ответил Джон. Что он собирается делать с такими большими деньгами? Этого он еще не знает. Ответы были банальные, но их тщательно записывали, снимали на видео и на диктофоны, как будто он вещал мудрость эпохального значения.

— Вы теперь знаменитость, — шепнул ему Эдуардо, который старался взять процесс в свои руки и упорядочить очередность вопросов.

Для пресс-конференции они распорядились вынести из салона всю мебель, соорудив лишь батарею из столов в дальнем конце комнаты, у двери, через которую в крайнем случае могли ретироваться. Алессандро и Джузеппе стояли наготове, чтобы прикрыть возможное отступление, и видно было, что им бы доставила удовольствие потасовка с журналистами, которые после открытия ворот ворвались внутрь, как битломаны в погоне за своими идолами.

Почему Вакки не завладели этими деньгами?

— Такое поведение, — холодно ответил на вопрос Кристофоро Вакки, — противоречило бы нашей профессиональной природе.

Взорвался дружный хохот.

Грегорио открыл конференцию тем, что поведал о происхождении денег и о некоторых деталях завещания. Они заранее договорились не упоминать о пророчестве Джакомо Фонтанелли, если об этом не спросят напрямую. Но никто об этом действительно не спросил, и всеобщий интерес журналистов сосредоточился на странно полюбившемся им условии, что все должен унаследовать младший мужской потомок рода Фонтанелли, живущий 23.04.1995. Что особенного в этой дате? Ничего, ответил Грегорио. От Джона хотели услышать, находит ли он справедливым такой способ выбора наследника. Нет, ответил Джон, но способ таков. Оправданно ли в наши дни, что из наследства исключены потомки женского пола?

— В наши дни, пожалуй, никто бы и не написал такое завещание, — сказал Джон. — Но мы говорим о том, что было написано пятьсот лет назад.

Он чувствовал, что его рубашка вымокла, по спине струился пот. О чем только его не спрашивали! Женат ли он. Собирается ли вносить пожертвования в благотворительные фонды. Какие виды спорта предпочитает. Где намерен поселиться. И так далее. После того, как он ответил на вопрос о его любимом блюде — мол, он попытается привыкнуть к икре, а пока что это тортеллини его матери, — Эдуардо предложил задать следующий вопрос изящной женщине с неукротимой огненной гливой.

— Бренда Тэйлор, CNN, — назвалась она, и Джон заметил, что огонь брызжет и из ее глаз, и из ее голоса, и из каждого жеста. — Мистер Фонтанелли, вы счастливы быть таким богатым?

Этот вопрос был как удар топора. Казалось, все перестали дышать, и внезапно стало так тихо, что упавшую иглоку было бы слышно. Джон уставился в галогеновые лампы и объективы и понял, что его ответ на этот вопрос будет разнесен по всем уголкам мира и определит, что подумают о нем люди.

— Ну, — начал он неторопливо, с пустым, как белая стена, лбом, — пока что я еще не богат. Официально пере-

дача наследства еще только состоится и так далее. Только после этого я узнаю, каково оно.

Но он почувствовал, что это не ответ. Рыжую он не удовлетворил. Молчание прямо-таки всасывало его. Все взгляды были устремлены на него и требовали большего.

— Такое состояние дается не для того, чтобы сделать его обладателя счастливым, — услышал он свой собственный голос, понятия не имея, откуда в нем берутся эти слова, — скорее это обязанность. И единственная надежда на счастье состоит в том, чтобы попытаться эту обязанность исполнить.

Это казалось ему полной глупостью. Как он мог выдать такую чушь? Это даже смысла не содержит. Он смотрел на полуоткрытые рты, на шариковые ручки, нерешительно застывшие над блокнотами... Сейчас они поднимут его на смех, сделают его посмешищем планеты...

Но потом, где-то на заднем плане, кто-то заплотировал. Другие поддержали, кто-то похлопал его по спине и прошептал:

— Чудесно, вы прекрасно сказали, Джон...

Что? Чудесно? Что тут чудесного?

— Хорошее завершение для нашей пресс-конференции, я думаю. — Кто это говорит? Джон уже не знал, что с ним. Началась давка, его толкали и протягивали руки для познания.

— Большое спасибо, дамы и господа, спасибо за внимание...

Потом дверь закрылась, и наступила тишина.

Позднее он лежал в своей кровати, один в комнате, положив на лоб мокрый компресс, и смотрел в потолок. Только не думать. Воспоминание об утреннем событии расплывалось в водоворот огней и выкриков. Только не думать о том, что отныне это может стать его повседневностью. Здесь по крайней мере спокойно, двери на террасу закрыты, не слышно даже моря, абсолютно ничего.

Он задремал, в блаженном состоянии между сном и бодрствованием, из которого его вырвал телефонный звонок.

Что? Он приподнялся на локте и посмотрел на аппарат у своей постели. Наверное, приснилось. Кто же во всем доме станет его сейчас беспокоить...

Нет, опять зазвонил — отвратительным, назойливым дребезгом. Он поднес трубку к уху.

— Алло?

— Мистер Фонтанелли? — спросил звучный, не лишенный привлекательности голос с британским акцентом.

— Да? — Разве этот голос ему как-то знаком?

— Джон Сальваторе Фонтанелли? Вы сейчас у себя в комнате?

Что бы это значило?

— Да, черт возьми! Разумеется, я у себя в комнате, где же еще? Кто вы и чего хотите?

— Вы меня не знаете. Я надеюсь, мы еще познакомимся, но сейчас я не могу назвать вам мое имя. На сегодня у меня задача только одна: установить, действителен ли еще этот номер.

— Мой телефонный номер?.. — Джон вообще ничего не понимал.

— Внутренний номер 23. Я хотел узнать, по-прежнему ли он проведен в вашу комнату. Но подробнее я объясню вам это в другой раз. Ах, и еще одно... Пожалуйста, не говорите об этом звонке никому, особенно никому из семьи Вакки. Доверьтесь мне.

Этот тип что, рехнулся?

— С какой стати?

Незнакомец на другом конце провода помолчал, шумно вдохнул и выдохнул.

— С той, что вам понадобится помощь, мистер Фонтанелли, — наконец сказал он. — И я тот, от кого вы ее получите.

В «Джереми» были и сидячие места, но никто на них не садился. Дерматин сидений на ощупь был такой, будто кто-то пролил на него непонятно какой соус и не вытер, а оставил высыхать, и теперь его засохшие остатки под тобой крошились. Рассмотреть это поближе не представлялось возможным, потому что в пивной горели только зеленые и темно-желтые лампочки, да и тех немного. Были там и столы с табуретами, но постоянные клиенты стояли у стойки. Оттуда, кстати, лучше был виден телевизор, всегда включенный на какой-нибудь спортивный канал.

У Лино Фонтанелли было гладкое, почти детское лицо, делающее его моложе, чем он был на самом деле. Волосы казались напомаженными, но он не применял никаких кремов; ему самому было противно так выглядеть. Он приходил в «Джереми», когда не хотел видеть никого из офицеров базы ВВС Мак-Гир, а такое с ним случалось часто. Пиво здесь было не хуже, чем в любом другом месте, а гамбургеры так даже и лучше, и тут было спокойно. У него было постоянное место у самого угла стойки, где он мог почитать газеты и где никто не загромождал ему телевизор.

В последние дни он прочитал чертову пропасть газет.

В этот вечер было малолюдно. В углу толстый парень со своей толстой девушкой ели картошку фри — наверное, чтобы не потерять свою привлекательность; у другого конца стойки сидел седой старый негр — здешняя инвентарная принадлежность — и что-то говорил бармену, который молча кивал, протирая стаканы. Мужчина, недавно вошедший, пристроился к стойке чуть подальше Лино и заказал себе пиво. Этот тип подтянул к стойке табурет — значит, либо никогда прежде здесь не был, либо его не заботило, что он придет домой с грязными пятнами на брюках.

Когда пиво было уже наполовину выпито, а Лино как раз перелистнул газету на спортивную страницу, мужчина указал на газету и спросил:

— Вы читали? Про типа, который получил в наследство триллион долларов?

Лино нехотя поднял голову. Мужчина был одет в темное пальто и сжимал свой стакан в горильих волосатых лапах.

— О нем, я думаю, все читали, — ответил он как можно безучастнее.

— Триллион долларов! Охренеть. Боюсь, у самого Бога нету таких денег, а?

— Понятия не имею, сколько денег у Бога.

Вроде бы незнакомец оставил Лино в покое, вперившись взглядом в баскетбол по телевизору, но игра не будила у него интереса.

— Я читал, что у этого типа есть старший брат, — продолжал он молотить языком. — Эх, парень, подумал я, каково ему сейчас смотреть на все это? То-то, наверно, жалеет, что не задушил братца еще в колыбели, огреб бы все денежки сам. Могу себе представить, что творится у него на душе.

Лино опустил газету и поглядел на болтуна внимательно. У того было мясистое, изрытое бывшими угрями лицо. Очевидно, что он не боится ни драки, ни пьянки. В глазах сквозило коварство.

Он заметил взгляд Лино.

— Да ладно. Мало ли что в голову взбредет? Мысль ненаказуема. Пока до дела не дойдет.

У Лино и правда много чего творилось на душе, когда он понял, что героем всех этих сообщений был Джон. Его брат Джон, которого ему в детстве приходилось нянчить. Который карапузом чуть не попал под автобус. И так далее...

Теперь его интересовало лишь одно: случайно ли этот тип заговорил именно с ним?

— Это еще надо как следует напрячься, чтобы представить себе такую кучу денег. Триллион долларов. Господи, да позавчера я еще даже не знал, что такие деньги вообще существуют! Даже те, в Вашингтоне, ворочают всего лишь миллиардами. А этот мальчишка унаследовал триллион. Уж не заглянуть ли мне в бумаги моего дедушки, не завалилась ли там сберкнижка из пятнадцатого века, а?

— Вполне может быть.

Тип извлек из кармана визитную карточку и подвинул ее по стойке к Лино.

— Бликер, — представился он. — Рэндольф Бликер. Можете называть меня просто Рэнди.

Лино взял карточку и заглянул в нее. Там было написано *адвокат*, и — *по вопросам детского и наследственного права*.

— Что это? — спросил он. — Чего вы хотите?

Рэнди Бликер удостоверился быстрым взглядом, что бармен и остальные их не слышат.

— О'кей. Это было небольшое шоу. Я не хотел, чтобы вы сразу сбежали, понимаете? Я знаю, что вы его брат. А чего я хочу — ну, работы, можно сказать.

— Работы?

— Я помогу вам выйти на деньги. За умеренную долю, естественно.

— На деньги? Какие деньги?

— А о чем я все это время говорил? Разве не о триллионе долларов?

Лино недоверчиво сощурил глаза. Он еще раз взглянул на визитную карточку. Детское и наследственное право. От этого за версту разило чем-то нечистым.

— Мне даже не интересно, что вы хотите мне предложить.

— Разве вас не задело, что судьба просвистела так близко мимо вас?

— Ну, допустим. Но что есть, то есть. Мой младший брат оказался младшим Фонтанелли к этому странному оговоренному сроку. Точка. В этом ничего не изменишь.

Рэнди оглядел его с неким подобием улыбки.

— Изменишь, — сказал он с хитрым блеском в глазах. — Можно изменить. И я удивляюсь, как вы сами до этого не додумались.

* * *

Тщательно продуманные планы пришлось выстраивать заново. Передача состояния теперь должна была пройти не во Флоренции, а в Риме, прямо в министерстве финансов. Время встречи согласовывалось под большим секретом.

— Наверное, придется вызвать вертолет, — предложил Эдуардо. — Если журналисты и дальше будут осаждать ворота.

— Уж нашу-то машину они пропустят, — возразил его отец, который, видимо, больше не спал с момента появления прессы. — Зачем же выбрасывать деньги на ветер?!

Джон собирался рассказать Вакки о ночном звонке, но почему-то откладывал это с минуты на минуту. И чем дальше шли разговоры, тем неуместнее становилось вспоминать об этом. Ведь, в принципе, какое это имело значение?

То, что акт введения в наследство теперь состоится в Риме, должно было облегчить другие официальные процедуры.

— Есть одно небольшое осложнение, — заявил ему Альберто с располагающей улыбкой. — Короче говоря, вам придется стать итальянцем.

Осложнением было его гражданство. Как гражданин Соединенных Штатов Америки, объяснил ему Грегорио с утомительной обстоятельностью, он со всех своих доходов по всему миру обязан платить налог в США. Это распространяется и на его наследство. А поскольку с американскими финансовыми органами в принципе невозможно достигнуть такой договоренности, как с итальянским министром, то выход один: менять гражданство.

Джону эта идея не понравилась.

— Мой дед бежал от Муссолини. Он боролся за свой американский паспорт, как зверь. И то, что я теперь отдам американское гражданство, мне совсем не по вкусу.

— Я надеюсь, от вашего внимания не ускользнуло, что Муссолини больше не у власти, — сказал Альберто.

— Я очень любил моего деда, понимаете? Он гордился тем, что стал американцем. Мой отказ от гражданства будет сродни предательству.

— Ваш патриотизм и привязанность к семье делают вам честь, — сказал Грегорио Вакки. — Но несколько сотен миллиардов долларов — слишком высокая цена за это, вам не кажется?

— Конечно, но это не значит, что смена гражданства должна приводить меня в восторг.

— Вы слишком всерьез к этому относитесь, — вмешался Эдуардо. — Вы станете богатым человеком, Джон. Ваше состояние больше, чем валовой внутренний продукт большинства стран в этом мире. Поэтому вы сможете поехать куда угодно и жить где захотите. В реальности вам совсем необязательно придерживаться договоренности с итальянским министром финансов: что он может сделать, если

вы просто уедете? Ничего. Подумайте, какое значение в сравнении с такими масштабами может иметь ваше гражданство?

В конце концов Джон сдался.

— Ну, хорошо. Когда это случится?

— Как только завершатся все приготовления. Засекреченность, личная охрана и так далее. И после церемонии вас хочет принять премьер-министр, — сказал Грегорио Вакки. — В следующий четверг.

Судя по его виду, он изнемогал от нетерпения в ожидании этого события.

* * *

Джон стоял у окна библиотеки и смотрел сквозь занавески на журналистов, которые расположились лагерем за воротами имения, словно зрители концерта под открытым небом. Его удивляли упорство и выносливость репортеров: те выжидали, хотя им объяснили, что никаких интервью не будет, пока не состоится нотариальная передача состояния. Неправдоподобным был для него и повод, ради которого они собрались: мечта о безграничном богатстве. Видимо, никто даже не догадывался, какой страх может вселять такое богатство.

Джон решил, что расскажет журналистам о завещании Джакомо Фонтанелли.

— Джон? Вот вы где! — Джон обернулся на голос Эдуардо. Его сопровождал человек, из которого легко получилось бы два: широкоплечий великан, на голову выше Джона, перед таким трепетал бы любой мастер спорта по боксу. — Позвольте представить вам Марко. Марко, это синьор Фонтанелли.

— *Buongiorno*, — сказал Марко, протягивая Джону руку, похожую на лопату. Джон с некоторой опаской пожал руку великана, но это оказалось не так страшно: мускулы, грозившие разорвать по швам рукав темного костюма Марко, не причинили вреда руке Джона.

— Марко — представитель лучшей охранной службы Италии, — пояснил Эдуардо.

— Охранной службы?

— Ваш телохранитель, синьор, — обозначил себя Марко.

— Мой... — Джон сглотнул. Ах да, Вакки упоминали об этом. Лейб-вахта, это что-то из прошлого века, из другой жизни. Как у короля, которому приходилось защищаться от кровожадных соперников. — Телохранитель. Понял. Вы должны меня опекать.

— *Si, Signore.*

Одно только физическое присутствие этого человека внушало ужас. Конечно, ему и делать ничего не надо, достаточно просто быть рядом, и потенциальный злодей откажется от своих умыслов. Джон глубоко вдохнул. Телохранитель. Это придает всей истории чертовскую реальность.

Он посмотрел на Эдуардо, который излучал самодовольство.

— И как это будет выглядеть на практике? То есть он постоянно будет со мной, будет всюду сопровождать меня?..

— *Scusi, Signore*, — вмешался Марко. — Самая большая опасность, какая вам грозит — это похищение с целью вымогательства выкупа. Помимо ситуаций, когда потребуются чисто физическое внедрение и прорыв сквозь толпу. Моя задача провести вас невредимым, поэтому я буду держаться к вам так близко, как понадобится, чтобы исключить эту опасность.

Джон смотрел на богатыря с удивлением, и до его сознания дошло, что он невольно исходил из того, что такая гора мускулов не может обладать способностью связной мысли и уж тем более речи.

— Похищение... — вырвалось у него. — Понял.

— Сегодня после обеда сюда приедут другие мои коллеги, — продолжал Марко, — которые будут охранять имение с овчарками и установят дополнительные приборы наблюдения и оповещения. Целью всего этого будет абсолютная безопасность вашей спальни, когда никого из нас там не будет.

— Прекрасно!

— Но и вне спальни вы можете на сто процентов рассчитывать на наш такт, — со всей серьезностью заверил телохранитель. Такая речь могла исходить от доцента социологии, но уж никак не от человека, в чью профессию входят ежедневные тренировки по карате и поднятию штанги.

— Хорошо, — сказал Джон. — А могу я узнать вашу фамилию?

Вопрос застал богатыря врасплох.

— Об этом меня еще никто не спрашивал, — признался он. — Бенетти. Мое полное имя Марко Бенетти.

— Очень приятно, — кивнул Джон, и они еще раз пожали друг другу руки.

* * *

Имение постепенно превращалось в крепость. Мужчины с кобурой под мышкой и с овчарками патрулировали здание. На ночь включали наружное освещение. На каждом углу дома были установлены видеокамеры. По другую сторону старого решетчатого забора выжидала толпа репортеров — в мобильных домиках, под зонтами от солнца, — следя за каждым шагом вокруг дома и за каждым движением за окнами. День ото дня они все больше казались Джону сворой злобных хищников.

Проходя по коридору, он всегда слышал телефонные звонки, приглушенные дверями.

Грегорио, Альберто и Эдуардо сменяли друг друга, через каждые несколько часов выходя к воротам, чтобы ответить на вопросы журналистов. Это напоминало Джону штормовую волну, которая билась о стены этого здания, развивая такую мощь, перед которой долго не выстоять.

В тот же день, когда к своей работе приступили телохранители, ему представили еще одного человека — невысокого, немолодого, с поразительно прямой осанкой, — который оказался учителем итальянского языка.

— Но ведь я говорю по-итальянски, — сказал Джон.

— *Scusi*, — покачал головой *professore*. — То, что делаете вы, называется насилием над языком ваших предков. Вы говорите на жвачно-итальянском. Выбор слов гротескный, построение фразы — катастрофическое. Давайте сейчас же приступим к работе.

Так и пошло: два часа до обеда и два часа после обеда Джон под руководством *professore* зубрил в библиотеке итальянские вокабулы, учил правила грамматики, упражнялся в устной беседе и вынужден был постоянно повторять все фразы с исправленной интонацией.

Professore поселили в маленькой гостевой комнате. Еще одну гостевую комнату заняла на следующий день полноватая, но очень элегантная дама средних лет.

— Синьора Орсини преподает этикет и танцы, — представил ее, откровенно посмеиваясь, Эдуардо. — В свое время она пыталась преподавать хорошие манеры мне. Может, с вами ей повезет больше.

— Я думаю, мы будем работать следующим образом, — начала синьора Орсини с теплой, любезной улыбкой. — До обеда — занятия по этикету, а вечером — уроки танцев. Уметь танцевать вы должны непременно, это дает навык уверенно двигаться на публике.

Почему-то Джон ожидал, что учительница танцев скажет именно это.

— До обеда у меня уже занятия языком, — осмелился он возразить.

— Тогда придется вставать пораньше, — коротко распорядилась синьора Орсини.

Однажды, поднимаясь по лестнице после занятий языком и направляясь к синьоре Орсини, Джон увидел, как в дом вошел Эдуардо с большой коробкой, полной писем, и сказал своему отцу:

— Придется завести секретариат.

Грегорио Вакки взял одно из писем и повертел в руках:

— Кажется, написано по-русски.

— Большой секретариат, — продолжал Эдуардо. — Ведь это только начало.

Таким образом, все пребывали в ожидании великого дня. Каждое утро в газетах появлялись новые сообщения, разнося по свету такие подробности из жизни Джона, которые он и сам уже забыл. Он разговаривал по телефону с матерью, которая с негодованием рассказывала ему о наглости американских телевизионщиков. Из передач CNN он узнал, какого высокого мнения о нем были его бывшие одноклассники и учителя. NBC сделали интервью с Сарой Брикман, в ходе которого она несколько раз подчеркнула, что Джон был самой большой, да, пожалуй, и единственной любовью ее жизни.

* * *

Мужчина терпеливо ждал в холле, пока Джон закончит свои занятия итальянским языком.

— Бельфиоре, — представился он с поклоном, обнаруживая лысину на макушке. — Я пришел, так сказать, от имени правительства...

— От имени правительства? — Джон нервно озирался, но рядом не было никого из Вакки. — Звучит интригующе.

Мужчина явился от имени правительства, и Джон должен говорить с ним один?

— Ну, я надеюсь, что смогу оправдать ожидания, возложенные на меня. Я пришел, чтобы предложить вам...

Джон попытался изобразить приглашающую улыбку, которой его обучала синьора Орсини. Гостеприимную. Уверенную.

— Идемте же в салон, — предложил он, движением руки указывая направление. Он сам себе казался при этом актером в непривычной роли.

— Да, — благодарно кивнул мужчина. — Это хорошая мысль. — Он подхватил свой чемоданчик и последовал за Джоном.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Может, кофе?

— Маленький эспresso, если это никого не затруднит.

Джон позвонил, и появилась Джованна.

— Не могли бы вы принести нам два эспresso? — попросил Джон. Проклятье, он чувствовал себя лицемером. Но никому это, кажется, не причиняло неудобств. Джованна поспешно кивнула и исчезла, а он с этим человеком из правительства проследовал дальше в салон. Там тоже не было никого из Вакки.

Что же дальше? Предложить сесть.

— Прошу вас, садитесь, синьор Бельфиоре. — Как все это непривычно. — Что привело вас ко мне? — Он говорил словно заученными наизусть фразами.

Бельфиоре достал из своего чемоданчика свернутую карту и расстелил ее на журнальном столике.

— Вот, — сказал он, указывая на обведенную цветным фломастером область, — это *Calmata*. Природный заповедник. Живописный ландшафт, на берегу Тирренского моря, приблизительно двенадцать квадратных километров, в пятнадцати минутах езды от ближайшего аэропорта. А вот несколько фотографий. — Он достал стопку фотографий большого формата, изображавших идиллический, безыскусный средиземноморский ландшафт, без дорог, линий электропередачи или строений.

— Красиво, — сказал Джон, бегло глянув на снимки. — И какое отношение это имеет ко мне?

— Правительство могло бы продать вам эту территорию.

— Для чего?

— Ведь после получения наследства вы наверняка захотите иметь приличествующее вам жилье. Вилла на этом месте, — он указал на скромный черный крестик примерно посередине карты, — дала бы вам изумительные виды как на море, так и на горы. Незастроенная, нетронутая природа вокруг, хоть для верховых, хоть для пеших прогулок. Вот отсюда досюда — живописный обрывистый берег, а вот тут отличная бухта для пристани...

Джону вдруг показалось, что он ослышался.

— Но вы же сказали, что это природный заповедник?

Мужчина махнул рукой:

— Да, но, честно говоря, не такой уж важный. Там нет видов животных, которым грозило бы истребление, и так далее. Конечно, нам бы хотелось, чтобы вы согласились на некоторые ограничения в части использования этой территории, но в принципе наши эксперты едины с нами во мнении, что проживание на этой территории не проблема. — Он снова склонился над картой. — Мы позволили себе сделать предварительные наброски, как могли бы выглядеть подъездные дороги, подвод воды и электричества. Разумеется, они никак не должны ограничивать ваши собственные представления об этом.

Джон моргал. Постепенно до него доходило, что тут происходит. Правительство хотело удержать его в стране. Пока он проживает в Италии, он должен платить здесь налоги. Ради этого они готовы отдать ему лучший кусок земли, какой у них есть.

Это ему почему-то не понравилось. У него вдруг возникло чувство, будто он имеет дело с проституткой. Такого с ним никогда не случалось, но чувство, наверное, такое же.

— Мне надо подумать, синьор Бельфиоре.

— Это чудесный участок земли, синьор Фонтанелли. Настоящий рай земной.

— Не сомневаюсь. Но пока что состояние не переписано на меня.

— Это только формальность. Если хотите, мы могли бы вместе проехать туда, чтобы вы все увидели своими глазами.

— Спасибо, но до встречи у нотариуса я не буду покидать дом.

— Тогда после нотариуса?

— Я должен подумать, я же вам сказал.

— Можно, я оставлю вам карту и фотографии? — Это звучало так, будто он просил милостыню. Как будто ему угрожали побои, если он вернется назад с отказом.

Джон кивнул:

— Спасибо.

Он проводил гостя до двери и простился с ним так, как учила синьора Орсини. Из-за ограды защелкали фотоаппараты.

* * *

К счастью, журналисты надолго задержали автомобиль со штандартом Ватикана. Охранникам пришлось еще поводить, отгоняя фотографов, которые норовили проскользнуть во двор мимо въезжающего в ворота автомобиля.

— Ради Бога, — беспомощно повернулся Джон к синьоре Орсини. — Как обращаются к кардиналу?

Преподавательница этикета выпучила глаза.

— «Ваше высокопреосвященство». И, если вы верующий католик, вы должны поцеловать его кольцо.

— А если я не верующий католик? — Джон смотрел из окна во двор.

— Тогда не надо.

— Слава Богу.

Эдуардо встретил высокого гостя во дворе и проводил его в большой салон.

— Кардинал Джанкарло Дженаро, — представил он его. — Большая честь для нас.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал Джон, слегка наклонив голову. *Глубокий поклон — только перед главой государства*, вспомнил он слова синьоры Орсини.

Одетый в красное кардинал — его сопровождал бледный молодой человек в черной сутане — являл собой нечто величественное. Он был высокий, просто богатырь, с красивой сединой, строгими чертами лица и тонкогубым ртом. Со своей стороны он тоже не был уверен, как ему обращаться к Джону, и после нескольких тягостных секунд неловкости они просто пожали друг другу руки.

Обмен приветствиями, предложение сесть, предложение напитков — постепенно он осваивал все эти церемонии.

— Джон — могу я называть вас Джон? — спросил кардинал, восседая в кресле как на троне. — Я узнал, что вы католик. Верно ли меня информировали? — Они смотрели на него испытующе, кардинал и его молчаливый ассистент, который остался стоять рядом с креслом.

Джон медленно кивнул.

— По крайней мере крещен в католичестве.

Высокопоставленное лицо дрогнуло.

— Не хотите же вы сказать, что больше не были в церкви со дня вашего первого причастия?

— Практически не был, — признался Джон. — Если не считать венчания моего старшего брата.

— Это весьма прискорбно, но мне не подобает судить вас за это, — мягкая улыбка. — В любом случае из этого я могу заключить, что вы близки к Святой Римской церкви. Его святейшество лично поручил мне пригласить вас на приватную аудиенцию.

Джон с удивлением заметил, что Джованна, сервируя для кардинала заказанную им минеральную воду, чуть не умерла от благоговения. Казалось, самым уместным она сочла бы проползти через всю комнату на брюхе.

— На приватную аудиенцию? — Джон поискал взгляда Эдуардо, но тот стоял с безучастной миной в стороне, разглядывая картины на стенах так, будто никогда раньше их не видел.

— Кроме того, Святой Отец поручил мне передать вам вот это. — По короткому движению его руки бледный ассистент извлек откуда-то из-под сутаны книгу большого формата с портретом папы на обложке, подал ее кардиналу, который протянул фотоальбом Джону: — Подарок Его Святейшества.

Джон взвесил книгу в руках. Сцены из жизни папы Иоанна Павла II.

— Большое спасибо, — сказал он и остался недоволен степенью своей искренности.

— Откройте ее, — попросил кардинал. — Она надписана.

— Как хорошо, — признательно пролепетал Джон и раскрыл титул. Надпись была накорябана толстым фломастером, но он не мог разобрать ни слова. — Большое спасибо. — Он снова захлопнул книгу и положил ее перед собой на журнальный столик.

Кардинал развел руками в величественном жесте.

— Джон, скоро вы станете самым богатым человеком мира. К вам будут обращаться многие, предлагая вам инвестиционные возможности для ваших денег. Я пришел, говоря прямо, чтобы просить вас посвятить часть вашего состояния благотворительным целям.

Ну, слава Богу, хоть не ходил вокруг да около.

И, казалось, он не собирался ждать ответа Джона. Он взял у своего помощника папку, из которой достал фотографии детей — в большинстве темнокожих, — которые сидели за красными ткацких станков, таскали на спине корзины с кирпичами или в темных подвалах возились с тюками ткани.

— Использование детского труда все еще широко распространено, и сотни тысяч детей работают на условиях, которые не назовешь иначе как рабством. Родители, которые не могут их прокормить, отдают их за несколько долларов в качестве долгового обязательства, многие из них потом так и остаются невыкупленными. Поскольку Святой Отец очень печется о детях всего мира, он ознакомил меня с проектом, который, коротко говоря, имеет целью выкупить из рабства многих из этих детей.

— Из рабства? — эхом повторил Джон, рассматривая фотоснимки. — Разве оно еще бывает?

— Называется оно иначе. Официально считается, что дети оплачивают долги своих родителей. Но по существу это то же самое. — Кардинал снова елеинно развел руками: — Несколько миллионов долларов способны были бы сотворить в этой ситуации истинное чудо...

В это мгновение дверь распахнулась, и внутрь, запыхавшись, заглянул Грегорио:

— Джон! Эдуардо! — задыхаясь, крикнул он. — Идемте. Скорее. Вы должны это видеть... по CNN, последние новости... Непостижимо! Извините, ваше высокопреосвященство...

Джон и Эдуардо недоуменно переглянулись.

— Видимо, это важно, — сказал кардинал с великодушной улыбкой. — Идите же. Я подожду.

Они последовали за Грегорио, больше из тревоги за его состояние, чем из интереса к каким-то там новостям, вверх по лестнице, в маленькую гостиную на втором этаже. Там на большом телеэкране привычно мерцал беспокойный

дизайн CNN, ведущая только что закончила разговор с репортером с места событий, и пустили рекламу. Телевизор приглушили. *Патрон* сидел в своем глубоком кресле, подавшись вперед, подперев подбородок сложенными ладонями. Грегорио остановился за креслом, опершись о его спинку, тяжело дыша, и прохрипел, качая головой:

— Такой позор. Такой позор.

Джон подошел к Альберто, который неподвижно стоял со стаканом напитка в руке:

— Что случилось?

— У вашего брата Лино есть внебрачный сын от одной интрижки четырехлетней давности, — сказал Альберто. — Если это подтвердится, то наследник состояния Фонтанелли — он.

Он и впрямь сделал это. Именно то, что она подозревала. Сьюзен Винтер убрала звук своего телевизора, взяла телефон, положила перед собой бумажку с номером и уставилась на нее. Она бы с радостью отложила этот звонок на потом, но если она хочет использовать то, что знает, делать это надо сейчас.

Не повезет в любви. Повезет в игре. Теперь на доску было поставлено все. Она набрала цифры телефонного номера, которые казались ей выигрышным числом лотереи.

Пошли звонки. Она замерла.

На другом конце сняли трубку.

— Да? — Низкий, звучный, вальяжный мужской голос.

— Меня зовут Сьюзен Винтер, — начала Сьюзен, ненавидя свой писклявый голосок, дрожь в животе, весь этот свой проклятый страх. — Недели три назад вы получили от меня информацию о Джоне Сальваторе Фонтанелли и его семье. Я только что смотрела новости по CNN и хочу вам сказать только одно: я знаю, что вы замышляете.

— Откуда у вас мой номер? — без выражения спросил голос.

— Я же детектив, — объяснила Сьюзен. — Это моя профессия — находить такие вещи.

— Понял. И что же я, по вашему мнению, замышляю? Сьюзен сказала ему что.

Когда она закончила, в ней все сжалось, и она бы ни за что не смогла выдать из себя хоть слово про миллион долларов. Она закрыла глаза и ждала, что будет — язвительный смех или яростные угрозы, смотря по тому, попала она в точку или нет.

Но мужчина только тихо рассмеялся. Это звучало чуть ли не признательно.

— Уважаю, — сказал он и, как ей показалось, блаженно сожмурился при этом. — Признаюсь, я вас недооценил, мисс Винтер. Чего вы хотели добиться этим звонком? Денег, я думаю, за то, что вы оставите ваши догадки при себе?

Сьюзен набрала воздуха, сглотнула и ответила дрожащим голосом:

— Что-то вроде того.

— Мы можем все называть своими именами, ведь мы свои люди. Итак, плата за молчание. Это от нас никуда не уйдет, но я вот думаю, не сделать ли мне вам более заманчивое предложение?

Это подвох, чтобы выпутаться. Ясно как день.

— Более заманчивое для кого?

— Для нас обоих. Мисс Винтер, сколько вы зарабатываете на вашей теперешней должности?

— Восемьдесят тысяч в год. — Она сказала это, не раздумывая. Собственно говоря, зарабатывала она только семьдесят тысяч, остальное были накладные расходы, но она всегда говорила восемьдесят тысяч.

— Я буду платить вам вдесятеро больше, с перспективой повышения, если вы оставите эту вашу работу и станете работать на меня.

Неужто она не ослышалась?

— Что-что? — почти воскликнула она. Это было абсолютно непрофессионально.

— Уж если вы сумели добыть мой номер телефона, — продолжал звучный голос на другом конце провода, — то вы, без сомнения, знаете обо мне много чего еще. И ваш анализ моих намерений показывает мне, что вы в порядке. Вы только разбазариваете ваш талант, гоняясь за неверными супругами и недобросовестными наемными работниками. Не будем ходить вокруг да около. Я давно ишу аналитика с вашими способностями, и начальная зарплата в восемьсот тысяч долларов хоть и несколько превышает норму, но ненамного. Давайте будем рассматривать ее как часть платы за молчание. Чтобы совсем уж ясно: если бы я раньше знал о ваших способностях, я бы давно уже увел вас из вашего сыскного агентства и подкупил себе там кого-нибудь другого.

Все это было как-то... ну... На такое она не рассчитывала. Она позвонила этому человеку, чтобы пошантажировать его, а он возьми да предложи ей место.

— Мисс Винтер? — спросил он. — Вы меня слышите?

— Да. Я, эм-м, подумую.

А вдруг это подвох? Аналитик. Для чего? Но, может, и правда... но она? Чтобы ее работа стоила кому-нибудь восьмисот тысяч долларов в год?..

— Мисс Винтер, один вопрос: неужто вы так любите вашу теперешнюю работу, что исключаете увольнение?

— Эм-м, нет. То есть я даже собиралась ее сменить... — Это она врала. Никогда в жизни она не подумывала о другом месте.

— Тогда я хотел бы сделать вам предложение, мисс Винтер. Я приеду в Нью-Йорк, и мы встретимся. Скажем, в следующий четверг, в семь часов вечера, на том же месте, где мы встречались в самый первый раз, ради простоты. Можно это устроить?

— Да, — кивнула Сьюзен. — Конечно. В четверг, в семь.

— Хорошо. Я знаю там неподалеку один уединенный ресторанчик, где мы сможем обсудить детали. Я привезу с собой кое-какие документы и готовый договор. А вы пока сочиняйте ваше заявление об уходе. Когда вы прочтете договор, оно вам сразу понадобится, это я вам обещаю. — Он помолчал и добавил: — Излишне упоминать, но ради протокола: если вы кому-нибудь расскажете о том, что вы узнали, мое предложение, естественно, отпадет.

— Да, — Сьюзен сглотнула. — Естественно.

Но он уже положил трубку.

* * *

Постепенно складывалась картина произошедшего — из косвенных замечаний, коротких сообщений, выводов. Четыре года назад у Лино была любовная интрижка с одной женщиной из Филадельфии, некоей Деборой Петерсон, тогдашней секретаршей одной из тамошних адвокатских контор. Познакомились они на авиашоу, посмотреть на которое Дебора приехала с группой друзей и на котором Лино, сам хоть и хороший пилот, но не виртуоз, был занят на обслуживании посетителей. Отношения развивались жарко, тайно и закончились скоропостижно: через месяц они расстались и с тех пор ничего друг о друге не слышали, пока Дебора снова не разыскала Лино при помощи одного адвоката. Лино не знал, что Дебора при их расставании была беременна, а она никогда никому не говорила, кто отец ребенка.

— Я не хотела вредить его карьере, — сладкоголосо заливалась в камеру изящная завитая блондинка. Ее сын Эндрю, которого она держала при этом на руках, имел испуганный вид. Хорошенький ребенок с темными, курчавыми волосами. Репортеры уже называли его *триллиондолларовым ребенком*.

У Лино тоже брали интервью, на лужайке перед его домом в Райтстоуне.

— Я очень счастлив, что у меня есть сын, — говорил он, нервно моргая. — Я был взволнован, когда узнал об этом... Для меня дело совсем не в деньгах. Деньги нужны не мне. Но естественно, я хочу для своего сына лучшего, понимаете?

— Теперь вы поженитесь с Деборой Петерсон? — спрашивал репортер.

Лино кусал губу.

— Этого... я пока не знаю. Я пока не могу сказать.

— Но вы не исключаете это?

— Я ничего не исключаю.

Было так непривычно видеть своего брата в телевизоре. Джон сообразил, что для его семьи и людей, знавших его раньше, так же непривычно было видеть на экране его самого. На заднем плане видна была постоянная подруга Лино, Вера Джонс, заплаканная, обнимающая свою дочку Миру. Джон знал ее по семейным праздникам в доме своих родителей, последний раз они собирались там на Рождество. Она была полноватая, но добросердечная женщина, которая по-настоящему любила его брата, несмотря на его вечное дурное расположение духа, и ни о чем другом не мечтала, как выйти за него замуж. Должно быть, эта история глубоко ее ранила.

Патрон издал сердитый возглас, когда корреспондента перебил блок экономических новостей.

— Это вранье, — мрачно сказал он.

Грегорио Вакки метнул на отца раздраженный взгляд:

— С чего ты взял?

— Просто знаю, и все.

— Внебрачный ребенок. Джакомо Фонтанелли тоже был внебрачный ребенок. Такое совпадение не просто притянuto за уши.

— Этот ребенок слишком мал. — Кристофоро повернулся. — Вспомни о прорицании. Какой в нем смысл, если

состояние унаследует трехлетний младенец? Фактически деньги получают его родители и будут управлять ими до 2010 года. И до того времени ничего не произойдет. Вернес, ничего хорошего. В этом нет смысла.

Грегорио задумчиво смотрел в ковер.

— В завещании ничего не сказано о возрастном цензе, — задумчиво проговорил он.

— Это я знаю, — ответил *патрон*.

— Но ведь тебе ясно, что мы не можем делать что хотим? Мы лишь управляем наследством. Мы так же связаны законом, как любой другой управляющий. Решающим является текст завещания. Мы не можем трактовать его по своему усмотрению.

Патрон недовольно кивнул. На экране возник неприятный человек с расплывшимся лицом и неровностями от угрей, подпись гласила, что это Рэндольф Бликер, адвокат Деборы Петерсон. На лестнице импозантного здания, окруженный микрофонами, камерами и людьми, он поднял вверх бланк, заполненный и заверенный печатями.

— Мистер Лино Фонтанелли официально признал себя отцом Эндрю Петерсона, дамы и господа, — выкрикнул он, обращаясь к толпе. Потом взметнул вверх еще одну бумагу, с шапкой, на которой было заметно слово «лаборатория». — Это результат исследования группы крови, подтверждающий отцовство. Таким образом, сын моей клиентки, Эндрю Петерсон, на 23 апреля 1995 года был младшим мужским потомком флорентийского купца Джакомо Фонтанелли и, следовательно, является законным наследником его состояния. Я требую, чтобы адвокатская контора Вакки представила соответствующим органам подлинный текст завещания Фонтанелли для проверки этой претензии.

Грегорио Вакки ударил ладонью по диванной подушке.

— Мы не можем это игнорировать! — воскликнул он. — Невозможно. Эдуардо, позвони министру финансов. Нотариусу тоже. Отменяем назначенные встречи, пока не прояснятся все обстоятельства.

Эдуардо вопросительно глянул на своего деда. Тот устал кивнул, подтверждая свое согласие. Потом его взгляд из-под тяжелых морщинистых век отыскал Джона.

— Нам придется сейчас обсуждать вас, Джон. И, думаю, вам лучше избавить себя от присутствия при этих разговорах.

Внезапная тишина в комнате, которая, возможно, скоро перестанет принадлежать ему, действовала на Джона угнетающе. Он смотрел из окна вниз на мужчин, обвешанных оружием, в пуленепробиваемых жилетах, патрулирующих сад. Скоро он перестанет быть настолько важным, чтобы его охранять. Репортеры, которые еще осаждали ворота, расталкивая друг друга, чтобы сфотографировать его, уберутся отсюда и набросятся на трехлетнего мальчика в Филадельфии. Равно как и кардинал, исчезнувший еще до того, как кон вернулся в большой салон. Откуда-то, видно, узнал, что произошло. И даже прихватил с собой фотоальбом с дарственной надписью папы.

Итак, назад, в ничто, в незначительность, из которой он явился сюда. Обратно к Марвину в общую квартиру, в какую-нибудь работу, после того как глотнул совсем другой жизни... Может, хоть какая-нибудь газета заинтересуется историей его жизни и заплатит за нее несколько сотен долларов. И он до конца жизни будет рассказывать, как ездил на «Феррари».

Он посмотрел на себя. Оставят ли ему эти костюмы? Он уже успел к ним привыкнуть. С другой стороны, он не сможет платить даже за их чистку.

Да, черт возьми. А он только начал входить во вкус. Неделю назад он был убежден, что не подходит для роли наследника, и вот, когда оказалось, что он был прав, он чувствует злость на Лино, который хочет отнять у него эти деньги.

Мое! Это была слепая, строптивая ярость, как у маленького ребенка, которому плевать на других, он просто *хочет иметь*. Он готов кусаться, царапаться и топтать ногами, чтобы удержать то, что принадлежит ему. Он чувствовал, как заработали его легкие, будто дело дошло до схватки.

Зазвонил телефон.

Джон встрепнулся и почувствовал, как вся воинственность улетучилась из него, как воздух из лопнувшего шарика. Его первой мыслью было скрыться в ванной и не брать трубку. Но вдруг это Вакки. Звонят сказать ему, чтобы он собирал свои вещи. Он сел на кровать и взял трубку.

— У вас проблемы, — сказал низкий голос неизвестного. — И вас бросили с ними одного.

Джон сглотнул комок в горле.

— Можно сказать и так.

— Я вам обещал, что снова объявлюсь, не так ли?

— Да.

— И я предсказывал, что вам понадобится помощь, правильно?

— Да, — Джон сразу почувствовал слабость в ногах.

— Хорошо. Но вам надо кое-что подготовить. Было бы хорошо, если бы в вашем распоряжении был факсовый аппарат. Как вы думаете, удастся вам это устроить?

Джон вспомнил про свою кредитную карточку, которую ему дал Эдуардо. Она все еще в его бумажнике.

— Да, — сказал он. — Думаю, да.

— Сделайте это как можно скорее. Я пока не знаю, понадобится ли он нам, но, скорее всего, понадобится.

— Вы не хотите мне сказать, что вы задумали? — спросил Джон.

— Нет. Главным образом потому, что я сам пока не знаю. Доверьтесь мне. Вы сейчас в крайне щекотливой ситуации, но у меня есть кое-какие возможности что-нибудь сделать. Посмотрим.

От того, что он сказал и как сказал, исходило что-то успокаивающее.

— Ваше имя я сегодня тоже не узнаю, как я понял?

— Поверьте мне, на это есть веские причины, — отозвался незнакомец. — Оставайтесь по возможности в вашей комнате, как только раздобудете факс. Я перезвоню.

Когда Джон открыл дверь в коридор, Марко сидел у стены напротив, скрестив могучие руки.

— Марко! Мне нужен факс, — сказал Джон.

Он-то хотел тайком сгонять на «Феррари» в ближний городок и там купить аппарат, но его телохранитель мгновенно схватил мобильный телефон и сказал:

— *Va bene, Signor Fontanelli.* Сейчас будет.

На следующее утро в газетах были только две темы: эпидемия, вызванная возбудителем эболы, разразившаяся в Центральной Африке, и спор за триллионное наследство.

— Мой дедушка продолжает верить, что истинный наследник — вы, — сказал Эдуардо за завтраком. — Мой отец считает это началом старческого упрямства. Мой дядя на-

ходит отвратительной мысль, что ему придется возиться с трехлетним мегамиллиардером. И я, честно говоря, тоже.

Они сидели в салоне одни. Вакки проспорили до поздней ночи о том, что им делать, и только Эдуардо удалось утром вовремя подняться.

— И что будет теперь? — спросил Джон.

— Скорее всего, — сказал Эдуардо, жуя, — начнется то, для чего и существуют адвокаты: тяжба. Которая может затянуться надолго. Я имею в виду — надолго по юридическим меркам. На годы, а то и на десятки лет.

Над домом прогромыхал вертолет. Число репортеров не уменьшилось, а скорее упятилось. Ни один посыльный и никто из прислуги не могли пройти в дом, не высказав своего мнения сразу в дюжину микрофонов.

— Ничего себе, — уныло сказал Джон.

— Прежде всего мы потребуем, чтобы нам прислали все бумаги. Убедительные, заверенные и удостоверенные. Это затянется, это будет стоить денег, ну да. Потом мы потребуем генетическую экспертизу об отцовстве. Поскольку тест на группу крови, которым этот подозрительный мистер Бликер так картинно размахивал перед камерами, юридически ничтожен.

— В самом деле? Но ведь он утверждал...

— Адвокаты постоянно что-нибудь утверждают, они ведь живут, в конечном счете, тяжбами. На самом деле тест на группу крови годится только для того, чтобы *исключить* отцовство. Он основан на том, что группа крови наследуется по определенным правилам. Например, если у ребенка группа крови АВ, а у матери группа крови А, то мужчина с группой крови А не может являться отцом, а только лишь с группой крови В или АВ. Но этот тест не дает ответа на вопрос, действительно ли определенный человек является отцом.

Джон уставился на молодого адвоката. Внезапно ему вспомнилось, как в детстве, когда мать давала им сласти, Лино отнимал у него его долю. Отнимал просто потому, что был сильнее.

— А генетический тест? — спросил он, чувствуя, как его голос задрожал от ярости.

— Конечно, бывают сомнительные случаи, но в целом он дает надежное доказательство отцовства. Берутся пробы

при свидетелях, под контролем и так далее. Для этого достаточно взять корень волоса или мазок изо рта, чтобы и для ребенка это было приемлемо. Это приятнее, чем брать кровь.

— В моем случае вы не делали генетический тест.

— Нет, — ответил Эдуардо, рассеянно помешивая свой кофе. — Для детей, родившихся в браке, это не имеет значения. Поскольку по мужской линии давнее происхождение отследить невозможно. В случае же вашего брата речь идет о подозрении, что он пытается завладеть состоянием Фонтанелли при помощи хитрости.

Значит, все-таки есть такое подозрение. Но Лино издавна отличался женолюбием. Не было ни одной девушки по соседству, с которой он хотя бы не попытал счастья. И всегда по-воровски. Когда Джон заставлял его целующимся с девушкой, Лино смотрел на него таким особым взглядом, который обещал побои, если он наябедничает. С другой стороны, сам же и просветил его по этой части, когда Джону было лет девять или десять; самому Лино тогда было пятнадцать, а он уже знал, о чем говорит.

Очень может быть, что однажды он и промахнулся. Даже желание Деборы Петерсон утаить от Лино ребенка можно понять. У него всегда было чувство, что Лино не очень хорошо обращался с женщинами после того, как получал от них то, чего хотел.

— А если это не хитрость? — спросил Джон.

— Если это не хитрость, — сказал Эдуардо, облизывая ложку и аккуратно кладя ее на изящное блюдо из белого фарфора, — тогда Эндрю Петерсон — наследник.

То, что до сих пор было осадой, превратилось в штурм. Образно говоря, репортеры начали трясти прутья ограды, требуя, чтобы ихпустили. Эдуардо вышел к ним в сопровождении трех телохранителей, хотя дошел лишь до ворот. Он объяснил журналистам приблизительно то же, что объяснил Джону за завтраком, а именно: есть подозрение, что Лино пытается хитростью завладеть состоянием Фонтанелли, и в общих чертах обрисовал ход и темы предстоящей тяжбы. Его чуть не растерзали даже через решетку.

— Еще один такой выход — и мне обеспечено повреждение слуха, — сказал Эдуардо, вернувшись в дом. — Что им всем здесь надо? Разве они все сейчас не должны дежурить на процессе против Симпсона?

Меньше чем через два часа он уже видел самого себя по NBC дающим объяснения, внарезку с гневной отповедью вырванного из сна Лино Фонтанелли, который решительно отвергал «инсинуации этого молодого итальянского адвоката» и еще раз подчеркивал, что сам он заботится исключительно о благе своего ребенка.

Снова появился вертолет, потом второй и третий. Люди из домашнего персонала, выезжавшие по рассыльным делам, рассказывали после возвращения, что им предлагали большие деньги за квитанции и накладные, связанные с домашним хозяйством Вакки, за фотографии, сделанные внутри дома, или за то, чтобы провести репортера в дом под каким угодно видом. Охранники усилили контроль.

* * *

К вечеру Джон звонил своей матери. На Восточном побережье США было около полудня, и он застал мать на кухне. В последние дни, когда он звонил ей, она была расстроена от всего происходящего и взволнована тем, что ее сын мелькает во всех газетах; теперь же она была по-настоящему несчастна из-за того раздора, которое «миллион», как она его упорно называла, принес в ее семью.

— Это не миллион, мама, — в который раз объяснял Джон. — Это миллион миллионов.

— *Non mi piace, non mi piace*, — жаловалась она. — Зачем нужны такие деньги, скажи, пожалуйста? Разве они стоят того, чтобы один брат ссорился из-за них с другим? А теперь он еще хочет бросить Веру и жениться на той женщине из Филадельфии, только ради денег...

Джона внезапно прошиб холодный пот. *Кто, собственно, наследует, если ребенок умирает? Его родители?* То была отвратительная, уродливая мысль, которая возникла будто из ничего и уже не давала себя прогнать.

— Но ты же всегда хотела внуков, — с трудом произнес он. Перед ним на столе лежала *Corriere della sera*, и с первой страницы смотрел большими глазами Эндрю Петерсон.

— Мира тоже была мне как внучка, и теперь я должна ее лишиться? Ах, беда, беда. Беда эти деньги.

И она продолжала стенать, пока не вспомнила, что пора ставить воду для макарон. Джон пообещал, что скоро снова позвонит, а лучше приедет домой, и положил трубку.

Назад домой, да. Наверное, так будет лучше. В принципе, он с самого начала чувствовал себя здесь не на своем месте. Он был наперед убежден, что Вакки ошиблись в нем. О'кей, деньги дело приятное, к ним быстро привыкаешь, но ведь он в принципе не умеет обращаться с ними. С маленькими-то не умеет, а с большими тем более. Если речь идет о том, чтобы вернуть человечеству утраченное будущее, то он решительно не тот человек. Он со своим-то собственным будущим имел достаточно проблем, даже без всего этого.

Он взял газету, рассмотрел внимательнее портрет маленького Эндрю Петерсона. Звучное имя. Почти как Эндрю Карнеги. Они смогут отдать его в хорошую школу, постепенно вращивая его в эту роль, всесторонне готовя его к богатству и власти. Если рассудить, такой поворот судьбы никак нельзя назвать неразумным.

* * *

Настроение за ужином было подавленным. Вакки прилагали все усилия для поддержания беседы и делали вид, будто ничего не случилось, но их старания были настолько заметны, что били Джона под дых. Мысли их были далеко, на другой стороне Атлантики, с трехлетним мальчиком, и они спрашивали себя, как могло случиться, что они прозевали истинного наследника и исполнителя пророчества. Хотя Джованна расстаралась, кусок не шел Джону в горло, и он быстро попрощался и отправился к себе. Проходя через кухню, он извинился перед Джованной.

Темнота комнаты была гнетущей, но он не стал включать свет, чтобы не привлекать внимание репортеров. Разделся в темноте и лег в постель.

Почему у Чезаре с Хелен нет детей? С Чезаре ему было бы проще. Он всегда был намного старше, настолько далеко от него, что это бы его не задело. Так нет же, впутался Лино. Как назло, Лино. Который всегда был сильнее и пользовался этим. Который — единственный из всех — приносил домой хорошие отметки. Который побеждал его всегда, во всем. И вот снова победил.

И что теперь делать? Немногого он успел добиться в жизни, но и то теперь лежало в руинах после встречи с Вакки. Он должен войти в анналы как трагическая фигура,

как человек, который едва не стал первым богачом мира. Куда он теперь ни пойдет, на него будут показывать пальцем, как на циркового уродца. Надежда на возвращение к нормальной жизни, какой он знал ее раньше, теперь погребена.

Мысли роились, не давая ему уснуть. Он снова встал, на ощупь пробрался в ванную. Там был медицинский шкафчик с лекарствами первой необходимости. Он нашел его в темноте, открыл, нашарил какие-то флакончики, тюбики, упаковки с пилюлями. Придется все-таки включить свет. Он нашел склянку со снотворным и открыл ее.

На следующее утро мир облетело известие, что наследник-триллионер Джон Сальваторе Фонтанелли в состоянии депрессии сделал ночью попытку к самоубийству.

* * *

Рыдания на другом конце провода невозможно было унять.

— Какое горе, *Padre mio, dio mio...* Ничего, кроме горя, эти деньги не принесли, семья разрушена, все рушится...

— Мама...

— А это чертово семя, журналисты, осаждают мой дом, ломаются в квартиру, не дают покоя... Как они могли заявлять такое? Меня же удар мог хватить. Или отца. Как они посмели утверждать, что ты умер?

— Наверное, потому, что они всегда должны писать что-нибудь сенсационное, — сказал Джон.

— Я еле очухалась. Отец ведь тоже не молоденький, а в его роду всегда умирали от сердца. Передали в ночных новостях. С тех пор я глаз не сомкнула.

Он прикинул разницу во времени. В Нью-Йорке сейчас половина третьего ночи.

— Мы узнали об этом только сейчас, иначе бы я давно уже позвонил...

— И снимок. Ты стоишь, в ладошке — двадцать таблеток валиума.

— Я же пытаюсь объяснить тебе, как это произошло. Есть тут один известный скандальный репортер, Джим Хьюстон, *paparazzo*. Его еще днем спустили на крышу дома с вертолета; никто не заметил во всей этой суматохе. Есть там одно место, которое снизу не разглядишь, и он прятался

там до темноты. Вечером на канате спустился на веранду моей спальни, как альпинист, и стал стеречь меня со своей камерой. Когда я был в ванной, искал таблетку снотворного и включил свет, он меня сфотографировал. Я даже не заметил.

— Там было как минимум двадцать штук! Это показали крупно!

— Да они у меня просто высыпались, мама. — На самом деле это было не так. Он хотел посмотреть, сколько таблеток осталось в склянке, потому что его вдруг охватил необъяснимый страх, что потом кто-нибудь заметит, что он взял одну. Таблетку, которая ему не принадлежит.

После того как ему удалось немного успокоить мать, он надел свой лучший костюм и отправился вниз, чтобы вместе с Вакки предстать перед журналистами и тем самым убедительно доказать, что он еще жив.

— Что вы будете теперь делать? — кричали ему, тыча в его сторону микрофоны на длинных штангах. — Верите ли вы, что Эндрю Петерсон действительно сын вашего брата?

На это Джон лишь отрицательно помотал головой, не сказав ни слова.

Эдуардо продемонстрировал журналистам остатки скалолазной конструкции с канатом и объяснил, каким образом Хьюстон сделал этот снимок. Когда несколько журналистов восхищенно присвистнули, он предостерег их от повторения подобного:

— Джим Хьюстон однозначно нарушил частную сферу мистера Фонтанелли, и мы подадим на него в суд — либо по статье о неоказании помощи, либо о клевете. Как бы он ни аргументировал свой поступок, наказания по одной из этих статей ему не избежать.

Когда они вернулись в дом, Джон сказал, что считает самым разумным вернуться в США, в дом своих родителей, пока случай не разъяснится.

— Моим родителям не по силам натиск прессы. Я должен быть там, чтобы отвлечь огонь на себя.

Вакки кивнули, кроме *патрона*, который недоверчиво помотал головой:

— Ваше место здесь, Джон, — сказал он. — Все это только призрак, который скоро рассеется.

— Но я могу понять Джона, — сказал Альберто.

— Я думаю, это сейчас действительно самое лучшее, — сказал Грегорио.

Эдуардо вздохнул.

— Если хотите, я организую вам вылет завтра.

— Спасибо, — сказал Джон.

Потом он пошел в свою комнату, чтобы уложить вещи. Но когда остановился перед раскрытым шкафом, то сообразил, что ничего из этих вещей ему не принадлежит. Придется попросить Эдуардо, чтобы нашли где-то застрявшие коробки с его имуществом — взять оттуда что-то из одежды.

Вот и все. Конец сна. Он бессильно упал на кровать и стал смотреть в потолок. Как стремительно все начиналось, так же стремительно все и кончается.

* * *

Он очнулся из дремоты, в которую погрузился невзначай. Судя по освещению, время было послеполуденное, и он чувствовал себя неожиданно хорошо.

Как ему было спокойно! Он встал, вышел на террасу, которая до недавнего времени была еще его, вдохнул соленый морской воздух и закрыл глаза. В кустах внизу чирикали птички, издавдала от ворот доносились голоса репортеров. Жаль. Ему будет не хватать этого: чувствовать себя миллионером. До самочувствия миллиардера он за несколько дней не успел дорасти, не говоря уже про триллион. А вот миллионером уже побыл, и ему понравилось.

Зазвонил телефон. Наверняка снова его мать. Чтобы доложить ему, что она немного поспала и теперь чувствует себя лучше. Он вернулся в комнату и взял трубку.

— Да?

— Вы раздобыли факсовый аппарат?— спросил низкий голос незнакомца.

Джон вздрогнул, невольно опустился на колени и заглянул под кровать. Там стояла коробка, привезенная Марко.

— Да, есть.

— Он подключен?

— Что? Нет. Еще нет. Я думаю, для этого надо отсоединить телефон.

— Все ясно. — Незнакомец, казалось, ухмыльнулся. — Телефонные розетки тридцатилетней давности? Как и телефонный аппарат.

— Примерно так.

— Хорошо. Пожалуйста, подключите факс. Через пять минут я перешлю вам один документ, за подлинность которого ручаюсь. А вы уж, пожалуйста, найдите ему применение.

— Спасибо, — сказал Джон. — Я только не понимаю... Но связь уже прервалась.

Пять минут? Маловато. Сперва надо бы почитать инструкцию... Он вытащил коробку из-под кровати, вскрыл ее, извлек аппарат из стиропора. К счастью, Марко все предусмотрел: купил рулон факсовой бумаги и переходник, чтобы подключиться к старинной розетке. Понадобилось всего три минуты, чтобы аппарат был готов к приему. Оставшееся время Джон сидел, глядя на выходную щель аппарата, и ему казалось, что он прождал несколько часов.

Потом, наконец, внутри темно-серого прибора что-то шелкнуло, щель засветилась зеленоватым светом. И с тихим гудением оттуда поползла бумага с кривыми линиями и размазанными буквами. Джон склонился над ней, пытаясь разобрать текст, а бумага продолжала выползать — страница за страницей.

Это был отчет о медицинском обследовании лейтенанта Лино Фонтанелли, проведенном военным врачом базы военно-воздушных сил Мак-Гир в феврале 1991 года. На нескольких листах — ЭКГ, обследование легких, антропометрия, кардиологический тест под нагрузкой, тест на реакцию, анализы крови, спинного мозга и так далее. На последней странице была отмечена крестом рамка, подтверждающая полную пригодность Лино к пилотированию реактивного истребителя, а рядом красовалась размашистая, совершенно не читаемая подпись врача.

Решающий пункт Джон чуть было не проглядел. В рубрике *Нарушения, не влияющие на пригодность к полетам*, стояло лапидарное: *Бесплоден*.

Этот факс был как удар под дых. Джон сидел, смотрел на него, сам не зная сколько, и пытался понять, что это значит. Никто не появился, никто больше не позвонил, даже после того как он машинально отключил аппарат и снова задвинул его под кровать. Никто его не потревожил, и у него было достаточно времени основательно все обдумать.

Когда стало смеркаться, он принял решение ничего не говорить Вакки про факс, чтобы не пришлось объясняться насчет его происхождения. Вместо этого он как можно непринужденнее спросил за ужином, который проходил в ощутимо угнетенном настроении:

— А можно ли узнать из генетического анализа, бесплоден ли человек?

— Нет, — Эдуардо помотал головой, разминая серебряной вилкой восемнадцатого века дымящуюся картофелину с петрушкой. — А почему вы спросили?

— Мне вспомнился один разговор с Верой, в последнее Рождество. Это подруга моего брата, — добавил Джон. — Она намекнула, что ее удивляет, почему она так долго не беременеет от Лино.

Эту историю он выдумал. Никогда в жизни Вера не заговорила бы ни с кем на эту тему, разве что со своим врачом.

— Да что вы! — вскричал Грегорио Вакки и бросил свои приборы. Казалось, остатки его волос поднялись дыбом. — Как же я об этом не подумал?

Патрон тоже выпучил глаза.

— Бесплодие. Это недуг, часто встречающийся в семье Фонтанелли.

Альберто наморщил лоб:

— Но не мог же он не подумать о том, что это когда-нибудь откроется?

— У меня такое впечатление, — продолжал развивать свою историю Джон, — что Лино ничего не знает... о стараниях Веры.

— То есть, возможно, эта Петерсон просто подсунула ему своего ребенка! — огорошенно вывел Эдуардо.

Его отец взял с колен салфетку и швырнул ее рядом со своей полупустой тарелкой:

— Я должен сделать срочный звонок.

На другой день сенсация была полной. Лино сокрушенно признался перед камерами, что его подбил на этот план Бликер. Что на самом деле он никогда раньше не встречал Дебору Петерсон. И о своем бесплодии ничего не знал. На заднем плане над газоном его дома трепетали желтые пластиковые ленты ограждения, полицейские входили и выходили из дома. Ни Веры Джонс, ни ее дочери не было видно.

Дебора Петерсон рассказала репортеру, как ее разыскал Рэндольф Бликер и уговорил ее на этот план. Она поверхностно знала Бликера по своей прежней работе в адвокатской конторе, и, кстати, он никогда не был ей симпатичен. Поскольку сейчас она как мать-одиночка настоятельно нуждается в деньгах, она поддалась на его уговоры. Бликер свел ее с Лино, чтобы обсудить с ними детали их якобы романа, а потом обнародовал свою сфабрикованную сенсацию.

Как выяснилось, на самом деле Эндрю Петерсон и правда был плодом скоротечной интрижки, после окончания которой мать больше ничего не слышала об отце ребенка. Вначале после рождения Эндрю она надеялась сама справиться с его воспитанием и из гордости не говорила, кто отец ребенка. А когда ее сбережения подошли к концу, она обратилась к Рэндольфу Бликеру, чтобы он разыскал отца и высудил алименты. Бликер его действительно разыскал: бывший водитель грузовой фуры после разбойничьего нападения лежал в неврологической клинике и обладал интеллектом разве что цветной капусты. Ужас и зачарованность мешались в лице молодой женщины, когда она рассказывала о том, как адвокат придумал использовать эту ситуацию для своего плана: он намеревался тайно взять от коматозного настоящего отца ребенка пробы волос и ткани и сохранять их в глубокой заморозке, чтобы потом подменить те пробы, которые будут взяты у Лино для ожидаемого генетического сравнительного теста. Каким образом он собирался незаметно осуществить эту подмену, он ей не сказал.

Обе эти авантюрные истории окончательно вытеснили с первых страниц газет вирус эболы, который в центрально-

африканском городе Киквит вызвал разложение внутренних органов у тысяч людей. К явному восторгу репортеров, помимо всего прочего, зачинщик коварного плана, адвокат Рэндольф Бликер, он же Рэнди, бесследно исчез. Его квартира в Филадельфии была найдена пустой, и съемочная группа, прибывшая одновременно с полицией в его жалкую контору, смогла снять лишь недоуменную секретаршу, которая понятия не имела, куда девался ее работодатель.

* * *

«Роллс-Ройс» покинул имение Вакки в половине восьмого утра, с тщательно закрытыми занавесками на задних окнах. Преследуемый целым кортежем машин, помеченных логотипами телевизионных компаний и информационных агентств, величественный автомобиль скользил с почти бесшумно работающим мотором через деревни и поселки. Когда незадолго до Флоренции он свернул на автостраду в сторону Рима, появились два вертолета и присоединились к конвою с воздуха. Начиная с десяти часов восточного времени США поездку «Роллс-Ройса» в сторону Рима показывали в прямом эфире CNN.

Никто не обратил внимания на фургончик, который, как обычно, в пять часов утра въехал через задние ворота имения, чтобы, как каждое утро, выгрузить несколько коробок с чистым бельем и погрузить несколько мешков с грязным. Так же незаметно он потом снова уехал, сделал остановку в деревне у прачечной, где открылись его задние дверцы и оттуда выгрузили мешки, чтобы Джону Фонтанелли и семейству Вакки стало внутри фургончика просторнее. *Патрон*, воспользовавшись остановкой, пересел на пассажирское место, Марко сел за руль, и они, благодарно помахав молодому водителю прачечной, понеслись прочь так, будто речь шла о получении квалификации для участия в Формуле-1. Дороги в это время были еще пусты, так что до автострады они добрались даже раньше, чем рассчитывали, но и там движение оказалось вполне сносным. Эдуардо, который разработал этот план, довольно ухмылялся. Они проведут передачу состояния еще до того, как в Рим прибудут первые журналисты.

Когда они ехали по Риму, Джон припик к окну и смотрел наружу. На него, всю жизнь воспринимавшего Эмпайр Стейт Билдинг как античное строение, по-настоящему старые здания в центре Флоренции произвели глубокое впечатление. Но Рим — Рим был просто... монументальным. Бог свидетель, он внезапно понял, почему Рим называют Вечным городом. Каждый перекресток позволял ему на секунду заглянуть в бездну прошлого, о существовании которого он даже не подозревал. И как только люди могут сигнализировать перед лицом этих величественных зданий? Как водители могут перегонять друг друга в этом городе, где время остановилось? Он не мог насмотреться и почти сожалел, когда они внезапно свернули с улицы и въехали через темную арку во двор министерства финансов Республики Италии.

Стальные ворота сомкнулись за ними. Появились люди в форме с рациями и автоматами, с каменными лицами следя за тем, как они выбираются из фургона, и затем в грозном молчании провели их по узкой, невзрачной лестнице наверх. Некрашенные, ржавые стальные двери с несколькими замками раскрылись перед ними и снова со скрежетом закрылись. Их шаги гулко отдавались в голых коридорах, напоминавших скорее тюрьму, чем министерство. Древний лифт поднимал только четверых, пришлось разбиться на группы.

— Наружу потом будем выходить более пристойным путем, — шепнул ему Эдуардо. Видно было, что он напряжен.

Наверху они вошли в широкую дверь, за которой лежали ковры, на стенах висели картины, потолки были украшены фресками и росписями. Открылись огромные двери, и они вступили в небольшой зал с расписными стенами, великолепие которых просто убивало. Из-за множества ангелов с золочеными крыльями и обилия розовых кустов они не сразу заметили людей, ожидавших их прихода.

— Синьор Фантоцци, министр финансов. Синьор Берardini, заместитель министра внутренних дел. Синьор Нунцио Тафале, нотариус.

Джон пожимал им руки и уверял, что ему очень приятно познакомиться с ними, тем более в такой ранний час.

Все последние дни, с того момента, как стало ясно, что это произойдет, Джон спрашивал себя, как это будет. Он представлял себе торжественный акт, и теперь было замет-

но, как все действительно стараются придать моменту величественность. Но Джон чувствовал только удары своего сердца, и все в нем сосредоточилось на том, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки, не сказать какую-нибудь глупость, не испортить всю эту торжественность. Такое было с ним, когда он сдавал экзамены по вождению: он потом не мог вспомнить, сколько времени это длилось, часы или дни, где он ехал, где парковался. Было абсолютное затмение памяти, стресс. То же самое здесь — но почему? Ведь он не сдавал экзамен, эти люди явились для того, чтобы передать ему триллион долларов, и ничто не могло отвратить их от этого намерения, разве что он сам вскочил бы и заявил свое несогласие.

Началось с замминистра внутренних дел, который положил перед ним формуляр, уже заполненный, и нечто похожее на договор, с красной перевязью и настоящей сургучной печатью, на оба документа набросились Вакки, изучая их буква за буквой, прежде чем согласно кивнули ему, что он может их подписать. И Джон покорно подписал. Его итальянского с трудом хватало на газеты, перед юридическими формулировками он капитулировал. Не будь рядом с ним Вакки, ему можно было бы сейчас продать стиральную машину — и он бы этого не заметил.

Замминистра улыбнулся, скорее вежливо, чем неприужденно, и вручил ему новый паспорт, целиком готовый, с фото и его подписью, заламинированный от подделки. Его потрепанный старый американский паспорт ему пришлось отдать. Замминистра схватил этот паспорт, как добычу; Джон мимоходом спросил себя, что же он собирается с ним делать. Разве на нем не написано «Собственность Соединенных Штатов Америки»?

Опять рукопожатия. Поздравления. Теперь он итальянец, снова гражданин страны, из которой когда-то бежал его дед. Замминистра ободряюще улыбнулся ему, будто хотел заверить, что не так уж все плохо, но министр финансов улыбался значительно увереннее.

Когда все руки были пожаты и им налили кофе, слово взял нотариус. При этом он достал лист и зачитывал написанное так, будто в зале невидимо парит слепой бог, и ничто не сможет осуществиться, не коснувшись прежде его слуха.

— «Рим, 16 мая 1995 года. Перед удостоверяющим нотариусом Нунцио Тафале по делу о передаче состояния Джакомо Фонтанелли предстали: Джон Сальваторе Фонтанелли, гражданин Италии, рожденный 07.09.1967 в Нью-Йорке; Кристофоро Вакки, гражданин Италии, рожденный...»

И так далее, пока Джон не перестал что-либо понимать. Слова «наследство», «передача в собственность» и «неограниченное распоряжение» выскакивали из неразличимого словопотока, как лопающиеся пузыри. Потом Вакки со своей стороны огласили документы, составленные на старинном итальянском, по сравнению с которым речь нотариуса могла показаться легковесной, парящей поэзией, и так слово переходило от одного к другим несколько раз, пока Джон не начал спрашивать себя, для чего он тут вообще нужен.

Когда начались подписи, он понял для чего. Ему пришлось немислимым образом снова удостоверить свою личность, на сей раз с его новым паспортом, который нотариус перепроверил так, будто подозревал, что Джона за это время подменили другим человеком. Потом не было конца подписям. Один лист за другим, потом подписывались Вакки, целые минуты только и было слышно, что скрип чернильных перьев по тяжелой гербовой бумаге. Стучали штемпели, каталось по синим каракулям промокательное пресс-папье, документы скреплялись печатью, и с каждой новой подписью улыбка министра финансов становилась шире на один зуб. Он же первым бросился поздравлять Джона со словами:

— Благодарю вас, что сделали выбор в пользу Италии!

Потом его поздравили Вакки, откуда-то набралось множество других рук для позятий. Казалось, половина состава госслужащих Италии сбежалась в эту небольшую комнату.

— Отныне вы окончательно и полноправно являетесь самым богатым человеком мира, — сказал Кристофоро Вакки. — Теперь это уже необратимо.

Казалось, он испытывает при этих словах громадное облегчение.

* * *

Расчет времени был безупречный. «Роллс-Ройс» величественно подкатился к парадной лестнице министерства фи-

нансов, и толпа телевизионных и газетных репортеров бросилась фотографировать пустой салон, когда Бенито распахнул заднюю дверцу. Зависла секунда онемения, пока один из журналистов не глянул в другую сторону и не увидел на верхних ступенях лестницы Джона и семейство Вакки. Он вскинул туда руку и издал клич, похожий на призыв к атаке, — и все ринулись вверх по ступеням, а Джон спускался в грозу вспышек, и на его лице играла улыбка; он торжествующим жестом поднял над головой кожаную папку с документами, удостоверяющими его неохватное богатство, и эта картинка потом облетела весь земной шар.

* * *

После нотариальной церемонии состоялся прием у итальянского премьер-министра. «Роллс-Ройс» эскортировала к резиденции премьер-министра кавалькада мотоциклистов, глава правительства вышел на лестницу, чтобы встретить Джона. На красном ковре, в буре фотовспышек премьер-министр Ламберто Дини и Джон Фонтанелли долго трясли друг другу руки, улыбались в камеры, в толпу, снова в камеры. Полицейские образовали кордон, сдерживая натиск журналистов и толпу зевак, которая встретила Джона ликованием, будто он совершил нечто неслыханное.

— Помашите, — шепнул ему премьер, человек лет шестидесяти пяти с лицом печального бульдога.

И Джон помахал, после чего ликование не было конца.

В этот день Италия на час осталась без управления, потому что все министры собрались, чтобы пожать руку новоиспеченному триллионеру. Невозможно было запомнить все имена. Джон улыбался, пожимал руки, чувствуя себя захваченным в смерч.

— Вы можете звонить мне в любое время, — говорил ему почти каждый из них, и Джон кивал, обещал подумать об этом и спрашивал себя, какие у него могут быть причины звонить министру лично.

* * *

На обратом пути из Рима Джоном овладела странная взвинченность. Временами ему казалось, что он и секунды больше не выдержит, сидя в машине в бездействии и гля-

дя, как мимо скользит послеполуденный слепящий ландшафт. Что-то должно было произойти, и он бы много отдал за то, чтобы хоть смутно знать что.

Итак, все теперь официально узаконено. Богатейший человек мира, богатейший человек всех времен и народов. Без малейшего приложения сил, без особых способностей, просто по прихоти предка, который, если бы не это завешание, давно уже был бы всеми забыт. Чувствовал ли он себя теперь по-другому? Нет. Он поглядывал на свою папку, содержащую множество непонятных документов. Нет, его богатство в будущем никак не зависело от обладания этими документами: заверенные дубликаты остались и у нотариуса, и в министерстве, и в других местах; он мог бы швырнуть эту папку в первую попавшуюся печь и все равно остался бы самым богатым человеком — значит, эти бумаги со всеми их печатями и подписями, листы со ссылками на счета и с состоянием этих счетов доказывали нечто совершенно абстрактное: что он богат. Он не чувствовал себя богаче, чем сегодня утром. Что же изменила вся эта церемония? Ничего. Как он был гостем у людей, с которыми познакомился совсем недавно, так и оставался у них в гостях.

Когда они наконец свернули в свою деревню, сотни людей шпалерами стояли вдоль дороги, хлопали в ладоши и бросали серпантин. На пустом поле Джон увидел шатры и карусели, которых сегодня утром еще не было. Намечалось народное гулянье — несомненно, в его честь. Как будто он совершил нечто великое, за что полагалось его чествовать.

В парадном холле виллы их ожидал накрытый стол с бокалами для шампанского и большой пыльной бутылкой в ведерке со льдом.

— Мы позволили себе, — объяснил Кристофоро, — устроить для вас небольшой праздник. То есть все устроил Эдуардо.

Джон подавленно кивнул: у него было такое чувство, будто в его жилах вместо крови бегают мурашки. Он смотрел, как наполняются бокалы, и ему хотелось сбежать отсюда и, как прежде, пропускать через гладильный пресс белье в прачечной или развозить пищу.

Альберто Вакки поднял свой бокал. Последний луч солнца, упавший через балюстраду в окно, осветил пузырьки, и они засверкали жемчугом.

— Я рад был бы сказать, что эту бутылку мы купили в день вашего рождения и сохраняли ее до сегодняшнего дня. Но, к сожалению, это не так, я купил эту бутылку лишь на прошлой неделе. Но это вино того же года, когда родились вы, Джон: ему двадцать восемь лет, это одно из лучших старых шампанских, какое можно купить за деньги. *A votre santé!*

* * *

Джон весь вечер чувствовал себя не в своей тарелке. Эдуардо помог ему справиться с фраком, и он прямо-таки испугался своего внушающего благоговение отражения в зеркале. Но когда ему потом по очереди представляли изысканных мужчин в похожем облачении и женщин оглушительно аристократической внешности — даже Марко и остальные телохранители были одеты в элегантные костюмы, — он был рад, что одет не хуже других.

И позднее, когда пианист с двумя скрипачами оттеняли происходящее сдержанной музыкой, а все вокруг с бокалами и закусочными тарелочками в руках стояли и не могли наговориться, как будто завтра это будет уже запрещено, Джон чувствовал себя как под микроскопом. Мужчины громко смеялись над его шутками, женщины с лучистыми улыбками выгибали напоказ свои впечатляющие декольте — и все только потому, что он богат. Видно было, что каждый старается вызвать его симпатию — только потому, что у него больше денег, чем у кого бы то ни было на этой планете.

Никто из них не удостоил бы его даже взглядом каких-нибудь шесть недель назад, когда он, голодный и холодный, с десятью центами в кармане брел по Нью-Йорку. При этом единственное, что в нем за это время изменилось, была его одежда, стрижка и счет в банке.

Ну, хорошо, двести пятьдесят тысяч счетов в разных банках.

— Каково чувствовать себя триллионером? — хотел знать мужчина лет пятидесяти в костюме с воротником из меха леопарда и в кольцо с сапфиром величиной с бычий глаз —

если Джон правильно запомнил, какой-то знаменитый кино-продюсер.

— Я бы сам хотел это узнать, — ответил Джон. — Съесть я могу не больше, чем любой другой, и носить могу за один раз только одни брюки... Собственно, я считаю, что для одного человека это чересчур много денег.

Видимо, это было не то, что продюсер хотел от него услышать.

— Вы играете скромника, синьор Фонтанелли, — сказал он, окинув Джона критическим взглядом. — Но меня не обманешь. Я знаю людей. Видит Бог, знаю.

Джон посмотрел ему вслед, когда тот удалялся в толпу остальных гостей, и подумал, что кто-то может видеть в нем не только потенциальный источник кредитов, но и нечто вроде идола. Богатейший человек мира — если уж он не счастлив, то счастья нет вообще.

— Как, собственно, чувствуешь себя, будучи триллионером? — спросила его женщина с пышной прической в платье, закрытом спереди, зато сзади вырезанном настолько, что для фантазии зрителя почти не оставалось места. Она была дочерью крупного промышленника, замужем за сыном другого крупного промышленника, который на другом конце зала как раз в это время флиртовал с черноволосой фотомodelью.

— Как миллиардер, — ответил Джон с вежливой улыбкой. — Только в тысячу раз лучше.

Она провела кончиком языка по своим полуоткрытым губам.

— Это звучит безумно волнующе. Наверняка у вас есть впечатляющая коллекция марок, такая же богатая, как вы, или я ошибаюсь?

Ах ты, боже мой!

— Сожалею, нет, — поспешил застраховаться Джон, — но если когда-нибудь заведу, вы узнаете об этом первой, синьора.

Он счел за лучшее улизнуть. В туалете он столкнулся с Эдуардо и рассказал ему об этом маленьком происшествии. Тот ухмыльнулся своему отражению в зеркале и сказал:

— Смотрите, как бы она не разузнала, где находится ваша комната.

— Серьезно? Но ведь ее муж стоял в двадцати метрах...

— И подцепил другую женщину, спорим? Как известно, у них это обычное дело. Не задумывайтесь об этом.

Когда он вернулся в салон, ее не было, она отсутствовала довольно долго, а когда снова появилась, вид у нее был немного жалкий. Но Джон последовал совету Эдуардо и не стал задумываться.

Министр финансов тоже присутствовал на празднике.

— Кстати, если вы будете подыскивать инвестиционные возможности для вашего состояния, — сказал он шутливо-заговорщицким тоном, поднимая свой бокал, — то могу вам рекомендовать наш государственный заем.

Джон понятия не имел, что такое государственный заем. Наверное, это было сказано ради светской болтовни.

— Я подумаю об этом, — пообещал он и чокнулся с министром.

Увидев Альберто, он спросил его, что это такое.

— Государственный заем означает, что вы даете государству займы, — объяснил тот, держа в каждой руке по бокалу. — Деньги, которые вам вернут в оговоренный срок с оговоренным процентом. Довольно скучное, но малорискованное вложение, если, конечно, вы покупаете облигации займа не какой-нибудь банановой республики.

— Это что, государство берет займы у частных лиц? — растерянно прошептал Джон.

— Если экономика страны требует дополнительного привлечения какой-то суммы долларов, государство выпускает на эту сумму облигации. И их может купить каждый, кто хочет. Покупают и банки, и частные лица, да. — С этими словами он оставил его, направляясь дальше к светловолосой красавице, которая, как все женщины на этом празднике, казалась неземного происхождения — в своей прежней жизни Джон не встречал таких никогда.

Он снова столкнулся с министром финансов у стола с закусками, и тот, накладывая на свою тарелку ломтики лосося и паштет из трюфелей, снова завел разговор о своем государственном займе.

— Не знаю, — помедлив, ответил Джон. — Надежные ли это инвестиции? Ведь вы же государство. Если вы решите не возвращать деньги, я перед вами беззащитен.

— Ну что вы! — Он посерьезнел и выпрямился во весь рост. — Министр финансов скорее сократит пенсию собственной матери, чем не выполнит свои долговые обязательства. Приобрести дурную славу ненадежного должника — это все равно что не заплатить за квартиру... Никакое правительство в мире не может себе такое позволить.

Пред внутренним взором Джона мгновенно возник расплывчатый образ мисс Пирсон, их квартирной хозяйки, — как она стояла в дверях и переругивалась с Марвином, если они не справлялись со своими долговыми обязательствами. Когда же это было? Всего несколько недель назад. Или сто тысяч лет назад? Однако он понял, что имел в виду министр. Правительству, которое не платит по долгам, трудно будет получить новые кредиты. Логично.

— Я... эм-м... — он попытался улыбнуться: — У меня пока не было времени продумать... инвестиционную стратегию. Но я помню о вашем предложении.

Он беседовал о погоде с лауреатом Нобелевской премии, с банкиром — об избрании Жака Ширака президентом Франции, а с оперной сопрано-певицей — о конфликте в Боснии-Герцеговине. Он брал визитные карточки, которые ему совали, обещал обдумать инвестиционные предложения и в какой-то момент сменил шампанское на сельтерскую воду, потому что ему уже становилось плохо.

— И каково чувствовать себя триллионером? — спросила женщина с непокорными рыжими кудрями. Ее такое же рыжее платье вблизи оказалось неслыханно прозрачным.

— Чувствуешь себя так, — язык у Джона ворочался уже с трудом, — будто все женщины мира лежат у твоих ног.

— Да неужели? — воскликнула та, возмущенно взмахнув ресницами.

Это оказался самый эффективный ответ за весь этот вечер. На сей раз удалиться поспешила она.

* * *

Уже светало, когда Джон закрыл за собой дверь спальни и привалился к ней спиной, чтобы насладиться внезапной тишиной и покоем. Кроме того, он уже нетвердо стоял на ногах.

Самый богатый в мире человек? Он чувствовал себя скорее самым усталым в мире человеком. От свежезастеленной и приглашающе раскрытой постели исходил несказанный соблазн.

Он открыл дверцу платяного шкафа с зеркалом внутри и внимательно посмотрел на себя пьяным взором. Не такая уж плохая штука, этот фрак. К лицу ему. Просто требует привычки. Как и то, что он триллионер.

Привык ли он к шампанскому — дело другое. Он смутно припоминал, что с кем-то пил на брудершафт, но не помнил с кем. С Эдуардо — точно. Тот потом ухаживал за женщиной в рыжем прозрачном платье, а после куда-то исчез. Женщина в рыжем платье — тоже.

Белизна бабочки немного пострадала. Он расстегнул запонки, снял фрак, кое-как распутал и вытянул бабочку из-под воротника рубашки. Расстегивая пуговицы жилетки, он услышал, как скрипнули садовые ворота.

В такое-то время? Он подошел к окну. В этой стороне двора располагалось небольшое строение, похожее на мастерскую или бывший сарай с отдельным въездом с улицы. На дороге припарковался фургончик, из него выгружал коробки мужчина из домашнего персонала Вакки. Из дома вышла женщина помочь ему. В окнах горел свет.

Джон расстегнул рубашку. На груди тоже были винные пятна, и он бросил рубашку в корзину для грязного белья.

Как странно, что в такое время кто-то уже работал! Видимо, с такой дозой алкоголя в крови нельзя размышлять на подобные темы. Джон направился к кровати и отдался несказанному соблазну.

* * *

Контейнеры всех цветов, издали похожие на детские кубики, вблизи оказались помятыми и поцарапанными железяками. Грузовой кран, целыми днями справлявший свою тяжелую работу, ночи напролет ржавел. Рельсы, разбитые дороги, древний пирс, выступающий в Гудзон.

Сьюзен Винтер приехала на четверть часа раньше. Она любовалась игрой света и тени между небоскребами Манхэттена и раздумывала, что будет делать с восемьюстами тысячами долларов годового дохода. Когда пробило семь

часов, она оглянулась и мимоходом спросила себя, где тут поблизости может быть ресторан, о котором он говорил.

Мужчина появился — точно так же, как в первый раз, когда она согласилась зарабатывать деньги незаконными делами. На нем был тот же темный плащ, что и всегда, и двигался он так же скованно, как тогда у Рокфеллеровского центра, будто его мучил ревматизм, да и лицо его за это время красивее не стало.

Но теперь она уже знала его имя.

— Хэлло, Рэнди! — небрежно бросила Сьюзен. — Жаль, что вам пришлось сюда выбираться. Ведь вас разыскивают по всему миру. Кстати, сегодня я условилась о встрече с вашим хозяином.

— Я знаю, — сказал Рэндольф Бликер с отвратительной улыбкой. — Он дал мне поручение, касающееся вас.

До Сьюзен внезапно, как удар грома, дошло, что она одна и совершенно беззащитна. С анализом собственных дел у нее всегда было плоховато. Она смотрела на Бликера и чувствовала, как ее глаза расширяются от ужаса.

На сей раз конверта с деньгами при нем не оказалось.

Когда они встретились на другой день, солнце стояло уже высоко. Джованна накрыла небольшой завтрак в библиотеке, одном из немногих помещений, не затронутом вчерашней вечеринкой и потому не приведенном в плачевное состояние. По всему нижнему этажу сновали люди из пати-сервиса, приводя все в порядок. Через открытые окна слышались шумы и голоса, сопровождавшие разборку каруселей и павильонов на праздничной площади.

— Приятное дело — быть богатым, — сказал Джон.

— Несомненно. — Альберто устало помешивал свой эспresso. Его брат Грегорио с красными глазами выглядел таким же мрачным и невыспавшимся. Лицо Эдуардо опухло, будто он вообще не спал. Он сидел, молча опрокидывая чашку за чашкой.

И лишь *патрон* выглядел цветущим. Он, как обычно, рано ушел спать и с утра уже успел совершить прогулку.

— Но моя задача теперь, — продолжал Джон, разглядывая густую черную жидкость в своей чашке, — раздать деньги бедным, не так ли?

Мгновенно установилась тишина. Как будто он ляпнул постыдную глупость.

Джон поднял голову и широко раскрыл глаза.

— Так я понял. Или не так? Деньги предназначены не для меня, я должен как-то применить их. Устранить нужду. Бедность. Что-то вроде этого.

Патрон закрыл глаза, медленно вздохнул и снова открыл их.

— Это ваши деньги, Джон, — сказал он. — Они принадлежат вам. Без каких-либо условий.

— Вы можете делать с ними что хотите, — добавил Альберто.

— Но разве в завещании нет такой оговорки? Ведь я должен при помощи этих денег вернуть человечеству будущее?

— Это не оговорка, — поправил Кристофоро Вакки. — Это пророчество. Вы не должны — вы *сделаете* это. Разница, как между землей и небом.

— То есть я действительно могу взять себе все, если захочу?

— Вы полностью вольны распоряжаться ими. Можете их взять и хоть раздать бедным, если захотите.

— При этом спрашивается, — вставил Грегорио с кисловатой миной старшего преподавателя, — кого следует считать бедным?

До сих пор Джон исходил из того, что он является некой подставной, промежуточной фигурой для изначально как-то запланированного применения этого состояния.

— Ну, — сказал он, заикаясь, — все люди, которые голодают, их и можно назвать бедными, разве нет?

— Согласен, — Грегорио встал, подошел к книжному шкафу и достал оттуда объемистый том, судя по заголовку — статистический ежегодник. Полистал его и нашел нужное место:

— Их около... 1,3 миллиарда человек. Сколько может получить от вас каждый из них?

— Приблизительно... — В уме не сосчитать. Он никогда не был силен в устном счете, а остаточный алкоголь полностью исключал такую возможность. Джон взял с одного из пультов для чтения карманный калькулятор и принялся давить на кнопки. — Один триллион разделить...

И осекся. Карманный калькулятор, как и большинство приборов такого рода, имели восьмизначный дисплей. А триллион состоял из тринадцати цифр. Другими словами, калькулятор не принимал такого числа.

Он и 1,3 миллиарда не мог принять.

Джон уставился на прибор, какой повсюду в мире можно купить за несколько долларов. Большинству людей его хватало для всего, что им приходилось подсчитывать. Даже мультимиллионеру его хватило бы. У Джона в голове не укладывалось, что он находится в зоне по другую сторону от остального мира.

— По 770 долларов, — сказал Грегорио, подсчитав на бумаге с карандашом. — По 769 долларов и 23 цента на каждого, но, с одной стороны, у вас сейчас немного больше одного триллиона, а с другой стороны, вы должны отнять затраты, связанные с распределением денег, так что точный подсчет здесь невозможен.

Джон смотрел на него с таким чувством, будто ему это снится.

— 770 долларов? На человека? — Джон не поверил, пересчитал. Все сошлось.

— Не густо, — подытожил Грегорио. — За год уйдет на одни завтраки, даже если продукты дешевые.

Неужто триллион долларов, самые большие деньги, какие когда-либо были у человека, в конечном счете такая маленькая сумма? У Джона закружилась голова. Ему пришлось прервать размышления на эту тему.

— Вы правы, — сказал он. — Наверное, это была не самая лучшая идея.

Патрон подвинул к нему серебряную корзиночку с печеньем.

— Если хотите принять от меня добрый совет, — сказал он с тонкой улыбкой, — то пока не думайте о том, как избавиться от этих денег. Сначала привыкните к тому, что они есть.

* * *

Салон самолета, который Эдуардо зафрахтовал для поездки в Лондон, был выдержан в спокойных серых тонах. В салоне было семь кожаных сидений, стереоаппарат для CD и легчайшие наушники для каждого пассажира; ласковая стюардесса подавала кофе и прохладительные напитки. Они вылетели утром из частного аэропорта неподалеку от Флоренции — небольшого и уютного, как в добрые старые времена: никаких очередей к окошку регистрации, никакого важничающего наземного персонала и никакого зала вылета; просто вышли из машины, двинулись пешком по летному полю к самолету и поздоровались с пилотами за руку. И когда они втроем — Джон, Эдуардо и Марко — уютно устроились и самолет взлетел, никто не утомлял их лекциями про кислородные маски и надувные жилеты.

— Тебе нужны костюмы, сшитые по твоей мерке, — решил Эдуардо накануне. — Лучшие в мире.

Несмотря на то, что его фотографии уже несколько недель мелькали в мировой прессе, никто не обратил на них внимания, когда после полудня они неторопливо фланировали по улице Сэвил Роу. Элитная лондонская миля портновского искусства оказалась грубо мощенной, с облупленными кое-где фасадами, а мусорные мешки на углах некоторых домов делали улицу похожей на многие другие в этой части Лондона.

Правда, флаги — государственный и рекламные местных фирм — висели над тротуаром чаще, чем где бы то ни было, и входных порталов с угловатыми мраморными колоннами тоже было больше обычного.

Марко следовал за ними на тактичной дистанции, пока они изучали витрины таких фирм, как Henry Pool & Co., Gieves & Hawkes, J. Dege & sons или Kilgour, French & Stanbury, в которых на безголовых манекенах были выставлены костюмы сдержанного покроя и скромных цветов. В конце концов они остановились перед одним фасадом. Над широкими окнами красовались золотые буквы имен Anderson & Sheppard.

— Говорят, здесь предпочитает заказывать костюмы принц Чарлз, — проявил осведомленность Эдуардо.

А что было хорошо для британского престолонаследника, для богатейшего в мире человека вполне заслуживало рассмотрения. И они вошли.

По сравнению с господином, вышедшим им навстречу, его коллега с Пятой авеню показался бы простым галантерейщиком. Эдуардо быстро и в сдержанных интонациях объяснил ему, кто они. Чего они хотят, было очевидно. Все это не вызвало на лице их собеседника ни малейшей реакции. Он привык экипировать красивейших, богатейших и знаменитейших людей этого мира. Другое дело — заявление Эдуардо, что потребуется сразу дюжина костюмов на разные случаи: это известие породило на его лице намеренную улыбку.

Джона провели в отдельное светлое помещение. На комоде с бесчисленными ящичками лежали мерные ленты, мелки закройщика и книга заказов. Появился немолодой мужчина в очках с тонкой оправой и принес целый сноп образцов ткани, которые начал прикладывать к подбородку Джона или к его руке, попутно оговаривая крой и отдельные детали костюма — плечи свободные или нет, с жилеткой или без, брюки с ремнем или на подтяжках, какие карманы, пуговицы, клапаны, швы и так далее. Затем к ним присоединился молодой цветущий человек, вносящий в книгу заказов мерки Джона, которые с него снимали со сдержанным равнодушием, произнося какие-то кодовые знаки — ОГ, ОТ, ОБ. Это походило на некий ритуал приема в тайное братство, Королевское Общество истинных носителей костюмов.

К удивлению Джона, никто не потребовал ни предоплаты, ни адреса. Было записано лишь его имя и срок первой примерки. Через шесть недель подойдет?

— Прекрасно, подойдет, — ответил за Джона Эдуардо.

* * *

Раз уж они оказались в Лондоне, то похожие процедуры последовали у Turnbull & Asser на Джермин-стрит 71, где Джон заказал себе шесть дюжин рубашек по своей мерке, а также у John Lobb на Сент-Джеймс-стрит 9, где он заказал двадцать пар туфель — тоже по своей мерке. Требованию заказать цилиндр у Lock & Co Джон воспротивился, но все же купил себе две шляпы. Они спонтанно приняли решение заночевать, оповестили экипаж самолета и сняли королевский номер в отеле Савой. Незадолго до закрытия магазинов они купили у Fortnum's банку малосоленной белужьей икры за такую цену, что Джон в первый момент подумал, что она обозначена в лирах, а не в фунтах стерлингов, контрабандой пронесли ее в отель и приступили к ее освоению.

— Есть икру нужно исключительно без всего, — наставлял Эдуардо, благоговейно впечатывая банку в лед, в котором им принесли бутылку сухого шампанского. — Люди, которые едят икру со сливками, анчоусами, нарубленными каперсами, сваренными вкрутую яйцами и так далее, не могут взять в толк, что тем самым они портят вкус, за который заплатили такие большие деньги. Самое большее, что я мог бы рекомендовать, — это тонкие тосты с несоленным сливочным маслом, но самое лучшее все же есть икру в чистом виде. И никогда, — заклинал он, как будто речь шла о том, чтобы удержать Джона от смертного греха, — действительно никогда нельзя намазывать икру на тост ножом. Это уже просто варварство. Вся фишка икры состоит в том, чтобы икринки попали в рот целыми, и там их раздавить языком о небо, наслаждаясь при этом крошечными взрывами вкуса, ради которого и разыгрывается весь спектакль.

Джон оглядел темную массу в раскрытой баночке, похожую на клейкие черные жемчужинки.

— И как же ее правильно брать?

— Берешь ложечку, — ответил Эдуардо, демонстрируя две белые пластиковые ложечки, какие прилагаются к ко-

робкам с детским питанием. — Раньше использовали ложки из рога, из дерева или из слоновой кости, но пластик лучше всего — легкий, мягкий, без острых краев, гигиенический и одноразовый.

Когда Джон взял первую ложку икры, до него вдруг дошло, что сейчас его наполненный рот стоит больше, чем он раньше проедал за месяц. Безумие. Просто извращение, подумал он. Потом распробовал и подумал: *С другой стороны...*

* * *

На следующее утро все продолжилось. Они гуляли по Пикадилли, изучали безупречные витрины и покупали жакеты и пуловеры из чистого кашемира, зажимы для купюр из серебра, запонки из платины и булавки для галстуков, которые стоили целое состояние.

— А что с галстуками? — спросил Джон.

— Галстуки покупают в Париже или в Неаполе, — твердо объяснил Эдуардо. — Hermès или Marinella.

— Понял, — кивнул Джон.

Они покупали солнечные очки, шелковые платки для нагрудного кармана, перчатки из оленьей кожи, шарфы из шерсти и из шелка, носки, плащи и зонты, — все это в магазинах, которые являются поставщиками британского королевского дома. И когда добыча была отправлена через вышколенных продавцов в аэропорт, где самолет вместе с экипажем все еще ждал, когда арендаторам придет в голову лететь дальше, они посетили, поскольку это оказалось по дороге, скачки.

Поначалу Джон не нашел в этом мероприятии ничего интересного: множество взволнованных людей и кучка мчащихся лошадей. С каждым забегом приходилось топтаться по все большему количеству разорванных купонов. Он скорее от скуки решил попробовать, как чувствуешь себя, поставив на игру деньги и проиграв их, и поставил сто фунтов на лошадь, не имевшую шансов.

Его участие сразу повысило привлекательность мероприятия, переплавило топот копыт и нервозность публики с их биноклями, твидовыми пиджаками и купонами в почти волнующее событие. Вдобавок ко всему лошадь, на которую поставил Джон, выиграла, и они покидали ипподром с толстой пачкой фунтов. Эти деньги чуть не испортили ему впечатление от скачек.

После обеда они полетели в Париж, чтобы купить галстуки, и Эдуардо повел его в небольшой изысканный ресторан, чтобы он смог насладиться там настоящими трюфелями.

— Ну, — спросил Эдуардо, когда поздно ночью самолет снова летел во Флоренцию, — каково чувствовать себя триллионером?

Джон посмотрел на него и вздохнул.

— Сейчас, — признался он, — я чувствую себя как в Диснейленде для богатых.

* * *

Между тем осаду журналисты сняли, и можно было снова без помех завтракать на веранде. Когда на следующее утро после завтрака Джон вернулся в свою комнату, все лондонские покупки были уже там: дюжины коробок, бумажных пакетов с ручками и пестрых свертков. В первый момент это было как на Рождество: можно все распаковывать и радоваться. Но потом он почувствовал себя осажденным зонтами, пуловерами, шарфами, бриллиантовыми булавками для галстуков и запонками, и покупка всех этих вещей показалась ему совершенно бессмысленной. Он сидел на кровати, чувствуя свое бессилие управиться с этим валом покупок, и тут зазвонил телефон. Джон рассеянно взял трубку.

— Доброе утро. Как дела? — Незнакомец.

— Спасибо, — неопределенно ответил Джон. — Очень хорошо, я думаю. Кстати, большое спасибо за факс.

— Не стоит благодарности.

Казалось, это было целую вечность тому назад. Хотя прошла всего неделя.

— Это было, ну, неожиданно. Так сказать, спасение в последнюю секунду.

— Да, — спокойно согласился звучный голос.

— Я думаю, нет смысла спрашивать, откуда у вас это медицинское свидетельство?

Низкий, сдержанный смех, от которого исходило спокойствие. Он даже не потрудился сказать «нет».

— В любом случае, я вам очень благодарен, — сказал Джон. — Если это для вас что-то значит.

На мгновение возникла тишина, как будто связь прервалась. Потом незнакомец сказал:

— Это значит для меня очень много. И, может быть, я к этому еще вернусь.

Тон, каким он это сказал, вызвал у Джона неприятное чувство. Может, оттого, что пришлось вспомнить родного брата Лино, который готов был его обмануть?

— Теперь, когда вы стали самым богатым человеком земли, — продолжал незнакомец, — что вы намерены делать?

Ну вот, опять. Только успел отвязаться от этой мысли. Можно вытеснить все, что угодно, когда летишь через континент за покупками. Забудешь и пророчества, и священную миссию.

— Я еще не знаю, — помедлил он, думая о том, что не обязан отчитываться перед звонившим, который даже не считает нужным назваться. — Сейчас я занят тем, что привыкаю к большим деньгам. Покупки в Лондоне, обед в Париже, все такое.

— Понятно. И вы можете себе это позволить. Но думали ли вы о будущем? Что вы будете делать через год, через пять лет, через десять? Где вы хотите жить? Как будет выглядеть мир вокруг вас?

Джон смотрел на гору пуловеров и шарфов и ненавидел их.

— Это... эм-м... я еще не решил, — сказал он с чувством нарастающего удушья. Хорошо ли он это сформулировал? Лучше, чем *понятия не имею*?

— Не решили, так-так. А между какими альтернативами вам приходится выбирать?

— С триллионом долларов можно делать что хочешь, — ответил Джон грубее, чем рассчитывал. — Альтернатив сколько угодно.

— Конечно. — Даже если Джон его и обидел, тот не дал этого заметить. — Это называют муками выбора. Люди, у которых нет выбора, не могут оценить такую дилемму по достоинству.

Что все это значит?

— Вот именно, — кивнул Джон, чтобы протянуть время.

— Но, — продолжал незнакомец, — ведь вам предстоит решать это в связи с прорицанием, не правда ли?

Кажется, этот человек все знал.

— Какое прорицание? — тем не менее спросил Джон.

— Да бросьте! Прорицание вашего предка Джакомо Фонтанелли. Наследник его состояния вернет человечеству по-

терянное будущее. Я бы сильно обманулся в вас, если бы оказалось, что этот вопрос вас совсем не мучает.

«Я это прорицание еще ни разу не читал, — подумал Джон. — Поскольку оно написано по-латыни, а наследник состояния Фонтанелли случайно не учил этот язык».

Но вслух он этого не сказал.

Опять этот тихий смех, как бы издавека, с высоты Гималаев, пожалуй.

— Вам еще понадобится моя помощь, Джон. Подумайте об этом.

И он положил трубку.

* * *

Каждый день приходили приглашения на банкеты, вернисажи, приемы, футбольные турниры или гала-вечера. Джону предлагали возглавить благотворительные проекты или приглашали его вступить в Лайонс-клуб, Ротари-клуб и другие эксклюзивные кружки. Кристофоро Вакки с удовольствием зачитывал эти письма за обедом, чтобы потом отложить в сторону и сказать:

— Вы еще не созрели, Джон. Для начала не мелькайте на публике. Погодите, пока уляжется общественное возбуждение. Дайте себе время вжиться в эту роль.

У Эдуардо на этот субботний вечер было приглашение на театральную премьеру во Флоренции, и он уговорил Джона поехать туда с ним.

Как выяснилось, это был очень маленький, авангардистский театр в той части Флоренции, куда туристы не забредали. Пьеса была тоже авангардистская, это значило, что молодые, экзальтированные актеры выкрикивали казавшиеся бессмысленными диалоги в маленький зал, не набравший и сотни зрителей, то и дело барабанили по пустым бочкам и обливали друг друга густыми цветными жидкостями. В конце спектакля он стали срывать с себя одежду, и большинство из них встретили аплодисменты полуобнаженными. Аплодисментам не было конца, возможно, оттого, что публика — преимущественно мужская — не могла наглядеться на кланяющихся актрис. Джону все это показалось очень изысканным. Правда, он ничего не понял. Наверное, ему следовало впредь серьезнее относиться к занятиям по языку с *professore*.

После спектакля был прием для театральных критиков, друзей и приглашенных почетных гостей. Сначала перед прессой предстали режиссер с толстым лицом и автор пьесы, юркий человечек в очках под Джона Леннона. Постепенно к ним присоединялись техники сцены, осветители и, наконец, актеры, смывшие с себя липкую жидкость и просушившие волосы феном. Алкоголь потек рекой, и прием переродился в пьянку.

Один оживленный тип, одетый во все черное, как и большинство здесь, обхаживал Джона, стараясь сделать вид, что вовсе его не обхаживает. Он избегал слова *деньги*, вместо них говоря о *затратах*. Но Джон сообразил, что тот управляет финансами театра, и не мог отделаться от чувства, что в нем видят ходячий кошелек.

Чуть позже режиссер втянул его в разговор, из которого уже нельзя было выпутаться, и даже если Джон отходил под предлогом, что умирает от жажды, режиссер неотступно преследовал его. Спрашивал, представляет ли он свою жизнь в качестве театральной пьесы.

— Но ведь я еще жив, — сказал Джон. — Это была бы неоконченная пьеса.

— О, это ничего, — сказал режиссер.

В какой-то момент Джон потерял ощущение времени и направление событий. Кто-то предложил ему кокаин. Марко был тут как тут, молчаливый и трезвый. Одна из актрис привязалась к Джону, чтобы он сыграл с ней кусочек спектакля, хотя бы ту его часть, где они срывали с себя одежду. Джон при этом не обращал внимания на фотовспышки.

В понедельник утром этот снимок появился в нескольких газетах. Вакки только посмеивались, а Джон решил, что пора менять образ жизни.

— Вот этим можно изменять положение жалюзи, — сказал маклер, демонстрируя высокотехнологичную панель управления на стене. — Но вы можете предоставить все это автоматике.

Джон старался излучать уверенность, но его явно смущало то, что Эдуардо стоит в сторонке с недовольной миной, во всем находя какие-то недостатки.

Джон посмотрел вверх на окна. Белоснежные панели с легким жужжанием сдвигались вверх или распускались вниз, смотря по тому, как солнце падало в этот момент в огромную гостиную. Грандиозно, как все в этом доме, который был уже и не дом, и не вилла, а волшебный сон о дворце.

— Спроектировано одним из лучших архитекторов в стране, как я уже сказал, — напомнил маклер.

Все было белое на белом и лучилось на солнце. Перед высокими, наклоненными внутрь окнами тянулась обширная терраса со смело изогнутой балюстрадой, а перед нею простиралось Средиземное море такого нереально-лазурного цвета, что на открытке это выглядело бы как китч. Узкая дорожка вела к пляжу, который на много километров в обе стороны принадлежал лишь владельцам подобных великолепных строений.

— Хорошо, — сказал Джон скорее самому себе, на мгновение забыв о присутствии остальных. Этот дом мог стать его, достаточно лишь сказать «да». Странно, прежде он никогда даже в мыслях не представлял себе, что купит дом, потому что никогда не видел таких денег, которые могли бы привести его к этой мысли. Теперь он может купить эту виллу и еще целый кусок побережья, однако чувство собственности никак не хотело водворяться в его сознании. Триллион долларов. С тех пор как он попал в эту часть вселенной по ту сторону всякой материальной необходимости, казалось, что весь мир превратился в игровую площадку. Он мог делать все, что хотел, но и разницы, казалось, больше никакой не было. Неважно, сколько денег он израсходовал, его состояние от этого не уменьшалось.

Как он мог рассматривать что-то в качестве собственности, если он не работал, ничего не сделал, ничего не достиг? «А если, — размышлял Джон, — я превращусь сейчас в дерьмо, какого полно кругом, и если почувствую себя в какой-нибудь лавке обиженным, тут же куплю всю фирму, чтобы выгнать с работы этого продавца».

— А кому этот дом принадлежал? — спросил он.

Маклер принялся листать свои бумажки.

— Одному известному производителю пластинок, — суетливо говорил он, — но никак не могу вспомнить его имя. Самым большим его хитом была вот эта песенка, как же ее? — И он напел мелодию, в которой Джон ничего не опознал. — По крайней мере он финансировал фильм с участием одной из его певиц, фильм прогорел, и дом перешел к банку.

— А, вон что. — Джон огляделся и попытался представить себе, как этот дом мог быть обставлен. На безупречно белых стенах висели золотые диски? На светлом паркете зеркального блеска лежали бесценные ковры? Лучшие звездные голоса ступали по лестнице из зеленого мрамора.

Высокоодаренных поп-музыкантов угощали в столовой или подписывали с ними контракты в кабинете. И кто знал, что разыгрывалось потом этажом выше в бесчисленных спальнях, ванных комнатах и фитнес-залах?

Все это теперь могло принадлежать ему, Джону Фонтанелли, человеку, лишенному какого бы то ни было таланта. Не верится.

Эдуардо подошел к нему.

— По-моему, это немного мелко для богатейшего человека мира, а? — сказал он вполголоса. — Мы только теряем здесь время.

— А мне нравится.

— Что? — Он, казалось, был искренне потрясен. — Джон, я прошу тебя... Таких вилл здесь несчетно. В ней же нет ничего особенного, то есть... да она бы простого миллиардера не устроила.

Джон невольно рассмеялся. Неусыпная забота Эдуардо о его имидже временами была трогательной.

— Нет, правда, — настаивал на своем Эдуардо. — Портесето! Портесето — это же дыра. Ни один человек никогда в жизни не слышал о Портесето. Его даже на картах нет.

— Может, все изменится после того, как я здесь поселюсь?

— Я думаю, тебе лучше купить Калмату, раз уж тебе ее предложили, и построить там виллу. От лучших архитекторов мира.

— Я не поселюсь посреди природного заповедника. Я буду казаться себе после этого последним дерьмом.

— Тогда купи себе красивый старинный дворец, палаццо и переобустрой его.

— Это тоже никуда от меня не уйдет. А для начала — эта вилла.

— Для начала? — В голосе Эдуардо ожила надежда. — Ну, разве что для начала...

* * *

После газетных сообщений понедельника *патрон* воздерживался зачитывать приглашения вслух. Но в пятницу он все-таки взял в руки неприметную почтовую карточку и спросил:

— Говорит ли вам что-либо имя Джованни Анджелли?

— Итальянский предприниматель, да? — сказал Джон.

— Можно сказать и так. Анджелли что-то вроде некоронованного короля Италии: председатель правления FIAT, богатейший человек страны — по крайней мере до недавнего времени — и через свои холдинги присутствует практически во всех ведущих отраслях экономики. — Кристофоро Вакки выглядел задумчивым. — Я знаком с ним по университету. Он немного моложе меня, но тоже изучал юриспруденцию. Он уже тогда был харизматической личностью... — Он снова помахал открыткой. — Он приглашает вас. В следующее воскресенье, на «Травиату».

Должно быть, вид у Джона был вопросительный, потому что Альберто подоспел ему на помощь:

— Это такая опера. Верди.

— Звучит так, как будто вы хотите меня туда заслать, — сказал Джон.

— В качестве контрастной программы к вашему небольшому приключению в прошлые выходные.

— Я думаю, мне надо после того еще прийти в себя? Кроме того, я не люблю оперу.

— Опера — это сопутствующий факт. Вам было бы неплохо познакомиться с Анджелли. Он интересный человек. Со своим стилем, *Grandezza*... настоящий джентльмен. Вы сможете на живом примере увидеть, как человек умеет обходиться с деньгами и влиянием. — Он улыбнулся. — Кстати, фирма Феррари тоже принадлежит ему.

* * *

В половине третьего Джон подкатил к *Teatro alla Scala* на «Роллс-Ройсе». Служители в униформе распахнули перед ним двери и проводили его и телохранителя в фойе к остальным гостям. Транспарант, натянутый между римскими колоннами, возвещал, что специальное представление спектакля, посвященное стапятидесятилетию *Collaborazione Fernet-Branca*, зарезервировано для приглашенных гостей. Внутри здания, несмотря на послеполуденное время, было так темно, что хрустальные люстры были зажжены, благородно отражаясь в полированных полах. Фойе было наполнено гулом негромких разговоров, на серебряных подносах разносили стаканы с темно-коричневым ликером, и Джону показалось, что многие посмотрели в его сторону, но сделали вид, будто не узнали его.

Его провели по красному ковру наверх, в полукружие коридора, ведущего к ложам. Потом — высокие наборные двери с высоко расположенными ручками, будто раньше люди были великанами. И потом, окруженный своего рода свитой, его приветствовал Анджелли.

— Это для меня большая честь, — сказал миллиардер, и слова прозвучали искренне. У него были волнистые волосы с проседью, как у *патрона*, но он казался существенно витальнее и динамичнее. Было видно, что он, несмотря на свой возраст, все еще может притягательно действовать на женщин. Бесчисленные тонкие морщинки прорезали его живое лицо и свидетельствовали о бурно прожитых годах.

— Я вам не завидую, — сказал Анджелли, когда они вошли в ложу, а их охранники договаривались между собой о распределении функций. — Я знаю, что это такое — унаследовать состояние. Зачастую бывает так, что начинаешь принадлежать деньгам, а не наоборот. С этим надо бороться. Это действительно непросто.

— Одну битву я уже пережил, — сказал Джон. — Может быть, слышали.

— Да. Внутри семьи. Это плохо. Но поверьте мне, это только начало.

Ложа была обескураживающе маленькой. В ней помещалось всего два кресла. Да и сам зал, круглый, с красными плюшевыми креслами в партере и с шестью рядами лож, похожих на куриные клетки, показался Джону неожиданно маленьким.

Неизбежное: опера. Анджелли слушал благоговейно, Джон смертельно скучал. Сцена была обставлена импозантно, на исполнителях были великолепные костюмы, и дирижер, синьор Риккардо Мути, как Джон прочитал в программе, был неистов. И все же Джон предпочел бы рок-концерт, может, Роллинг Стоунз или Брюса Спрингстина.

В антракте они беседовали. Анджелли рассказал ему, что вскоре собирается уйти из бизнеса, а управление концерном передать своему племяннику Джованни Альберто.

— До подобных мыслей когда-нибудь доживете и вы. Мой сын Эдуардо, например, совершенно не подходит в качестве преемника. Слишком слабый характер. Он перед каждым решением будет спрашивать звезды или ясновидящих, и в мгновение ока все придет в упадок.

Но удалением от бизнеса пока даже не пахло, напротив: Анджелли казался центром деловой жизни. Каждое мгновение подходили аристократического вида господа в сопровождении элегантных дам, пожимали промышленнику руку, и он знакомил их с Джоном Фонтанелли. Джон вежливо пожимал руки, крепкие, жадные, вялые, брутальные, и целовал дамам ручки, как его учила синьора Орсини. Он заглядывал в разные глаза — обрадованные и враждебные, заинтересованные, тупые, презрительные и дружеские.

— Гюинар, — представился жилистый француз. — Жан Баптист Гюинар. Очень рад, месье Фонтанелли.

— Жан, — объяснил Ангелли, — сделал из своей страсти профессию. Можно так сказать, Жан? Ему принадлежит верфь в Каннах. Он строит яхты.

Словно дрожащая стробоскопическая картинка, пришло воспоминание. Кони-Айленд. Их игры в песке. Если поднять глаза, в море всегда виднелись далекие яхты с крохотными фигурками на палубе, и было известно, что это богатые

люди. Сказочные существа. Не те, кого можно встретить. Богатые люди были волшебным образом отдалены от нормальной жизни, к ангелам они стояли ближе, чем к людям.

И жили они на яхтах.

— Очень рад, — сказал Джон, пожимая руку строителя яхт Жана Баптиста Гюинара.

* * *

— *Яхта?*

Грегорио Вакки глянул на стол, заваленный проспектами, журналами и книгами, так, будто Джон и Эдуардо разложили здесь собрание отвратительных порножурналов. Свой вопрос он задал в нормальной разговорной громкости, но с такой резкостью, что это прозвучало как вскрик. Даже сторожевые собаки снаружи на газоне наострили уши.

— Ну, яхта, и что? — сердито ответил Эдуардо. — Джон богатый человек, а богатому человеку нужна яхта.

— Ах-ах-ах! — немилосердно заявил его отец. — Бесмысленная роскошь. Владеть яхтой — все равно что рвать под проливным дождем тысячедолларовые купюры, как сказал кто-то.

— Джон может рвать тысячедолларовые купюры до конца своей жизни, не переставая, если захочет.

— Я не вижу, каким образом это может приблизить исполнение пророчества.

Эдуардо закатил глаза.

— Но это же несусветная глупость! Ты же знаешь, что никакая яхта не может быть для Джона слишком дорогой. Будь то хоть *Королева Елизавета!*

В миг бесценной, редкой ясности, какую иногда переживаешь во сне, когда внезапно понимаешь, что видишь сон, Джон осознал, что надо немедленно принять решение, которое определит его жизнь в долгой перспективе. Он подался вперед, с таким чувством, будто все происходит в замедленной съемке, протянул руку через стол и выудил из проспектов корабельных маклеров один, который бросился ему в глаза еще раньше — из белого картона с золотым тиснением: изображением самой большой из предлагаемых яхт и кратким описанием: океанская яхта 53-метровой длины, с двумя шлюпками и вертолетной посадочной палубой, укомплектованная экипажем в двенадцать чело-

век. Продажная цена была чрезмерная, равно как и стоимость текущего содержания.

Он поднял проспект в развернутом виде.

— Я решил, — заявил он твердым голосом, который рассек пространство, словно стальной хлыст, — купить этот корабль.

Они посмотрели на него, Эдуардо с выпученными глазами, Грегорио с отвисшей челюстью. Никто ничего не сказал. Наконец Грегорио протянул руку, взял проспект и молча изучал его с откровенным недовольством. Потом вернул его со словами:

— Это ваши деньги.

Да, торжествующе подумал Джон, когда Грегорио шел к двери. *Вот именно!*

* * *

Панорама была великолепная. Вид был великолепный. Из конторы корабельного маклера через высокие окна, чистые, как горный воздух, открывался вид на Каннскую бухту. На площадке перед конторой, вымощенной белоснежным мрамором, в тени пальмы стоял «Мерседес», доставивший их сюда из аэропорта. Они сидели в ласкающе мягких кожаных креслах перед письменным столом из ценного темного дерева величиной с два бильярдных. Картина, висевшая на стене, была размером три на четыре метра, яркая и сияющая и, несомненно, тоже подлинная. Сам маклер был в костюме от *Ermenegildo Zegna*, с тщательно намагниженными ногтями и лучистой улыбкой.

— Разумеется, мы обо всем позаботимся, — сказал он тоном, в котором была хорошо дозированная смесь непринужденности и услужливости, внушающая доверие и уверенность, что человек знает, что говорит. — Мы обеспечим вам якорную стоянку в яхтовом порту Портесето и членство в тамошнем яхт-клубе, если вы хотите, — кстати, очень эксклюзивный клуб. Мы оформим все необходимые документы, составим команду и позаботимся о страховке. Все, что останется сделать вам, — это позвонить капитану и сказать, когда вы хотите отчалить.

— Чудесно, — кивнул Джон и почувствовал себя превосходно.

Секретарша, которая принесла договоры, была высокая блондинка, от длины ее ног и величины бюста захватывало дух, а облепляющее ее тело платье предназначалось скорее для того, чтобы подчеркнуть все ее телесные признаки, чем прикрыть их.

— Чудесно, — сказал Джон еще раз.

Договор о покупке был напечатан на бумаге с водяными знаками. Маклер положил документ перед ним и протянул ему чернильную ручку *Montblanc*, которая легла в руку тяжело и ощутимо дорого.

До чего же кайфово быть богатым, думал Джон, ставя свою подпись. Он уже подсчитал, что эта подпись обошлась ему в сто раз дороже, чем все предыдущие приобретения, посещения ресторанов и нанятые частные самолеты вместе взятые. Миллионы долларов пришли в движение мановением его руки, нацарапавшей его имя на этой пунктирной линии. *Это лучше, чем секс.*

Маклер разрешил себе сдержанную улыбку. Пальма шевельнулась от ветра. Небо излучало синеву.

— Теперь мы должны, — сказал человек за письменным столом, раскрыв свой ежедневник в переплете из кожи водяного индийского буйвола, — договориться о сроке передачи вам яхты.

* * *

Когда они вернулись домой, Джон чувствовал себя замечательно. Как будто по его жилам вместо крови струилось шампанское. Все было великолепно. Шорох шин по гравию, когда «Феррари» остановился во дворе виллы Вакки, тоже звучал великолепно. Синева неба, бледная коричневость стен, многоцветность зелени деревьев были великолепны. Краски мира, казалось, стали ярче, чем всегда.

«Я богат! — думал Джон, прыгая по лестнице через две ступеньки. — Я король мира!»

Когда он вошел в свою комнату, горничная, юная чернокудрая штучка, как раз перестилала его постель, и он, проходя мимо, похлопал ее по попке. Она вздрогнула, а потом захихикала:

— Синьор Фонтанелли!

Джон взглянул на часы. Самое время позвонить матери. Его родители готовились вскоре отпраздновать день их свадь-

бы, они отмечали его каждый год в кругу детей и их немногочисленных семей. Пусть в этом году это станет чем-то особенным, незабываемым событием для всех, об этом он позаботится. Он взял трубку и набрал длинный номер.

— *Ciao, mamma!* — крикнул он, когда мать подошла к аппарату. — Это я, Джон!

— *Ciao, John.* — В ее голосе звучали все скорби и тяготы этого мира. — Ты уже знаешь? Лино перевелся на Аляску. Я только что узнала. И он не придет на годовщину свадьбы.

— Ах, этот всегда выкрутится, — презрительно бросил Джон. — Знаешь, что я придумал? В этом году мы могли бы сделать из вашей годовщины нечто особенное. Вы все прилетите сюда, в нашу прекрасную Италию, на частном самолете, естественно, а праздновать мы будем на моей новой яхте — что ты на это скажешь? Сегодня я купил яхту, и ваша годовщина была бы лучшим освящением для нее.

На другом конце провода возникла тишина, Джон даже подумал, что связь оборвалась. Потом его мать сказала ледяным голосом:

— Я не потерплю, чтобы один из моих сыновей вел себя как плейбой. Мы будем праздновать здесь, в этом доме, где я всех вас родила, будет, как всегда, сальтимбочча с брокколи и пармезаном, а вечером мы выйдем выпить кофе, как каждый год. И либо ты приедешь, либо нет.

Она будто по щекам его отхлестала, через всю Атлантику. Джон вдруг почувствовал, что из него, как из шарика, вышел воздух.

— Да, — ответил он и почувствовал, как кровь прихлынула к ушам. — Я понимаю. Разумеется, я приеду, мама. Я приеду обязательно.

Когда разговор закончился, у него ослабли колени, и он сел на кровать.

Fuck! Каким же дерьмом он чуть было не стал. Проклятье. Сегодня он покупает яхту, чтобы удивить весь мир, а завтра? Будет раздаривать «Кадиллаки», как когда-то Элвис Пресли? И когда-нибудь так же кончит — разжиревший, обожравшийся, с зависимостью от таблеток, окруженный поддакивающими прихвостнями, дармоедами?

Он чувствовал себя так, будто весь день был пьян и только сейчас протрезвел. Как будто кто-то отхлестал его по

ушам мокрой тряпкой. Пьяный? Нет, надравшийся, именно надравшийся деньгами и ощущением собственной важности.

Деньги портят человека. Кажется, так говорят? На нем пословица сбылась. Он должен быть бдителен, чертовски бдителен. Никто другой не сделает это за него. Родная мать только что стянула его с зарвавшихся высот, но всегда ли ей это удастся, да ведь и не вечная она.

И, *fuck!* — часы! Он схватился за запястье, уставился на свои новые часы, Patek Philippe за пятьдесят тысяч долларов, потому что Эдуардо отговорил его покупать Rolex, которые ему хотелось вначале. (*Стыдитесь! Это часы для сутенеров!*). Невозможно будет предстать перед родителями без часов, которые когда-то подарил ему отец. Которые по-прежнему лежали в ломбарде в Нью-Йорке.

Надо что-нибудь придумать.

.

II

— Нет проблем, — сказал Эдуардо, вышел и вскоре вернулся с многостраничным списком: — Вот, пожалуйста. Номера телефонов и адреса всех людей, которых ты знаешь.

— Список людей, которых я знаю? — Джон не верил своим ушам. — Откуда у тебя список людей, которых я знаю?

— От Дэллоуэя. Это детектив, который должен был тебя отслеживать. Я уже давно хотел тебе показать, чтоб ты проверил, не пропущен ли кто.

Детектив поработал основательно. Большинство имен были лишь смутно знакомы Джону, но потом он припомнил, что кто-то — одноклассник из начальной школы, кто-то — сосед его родителей или люди из окружения Сары. Мурали с его пицца-сервисом тоже был в списке, равно как и прачечная, в которой он работал, а также мисс Пирсон, их квартирная хозяйка.

— Ради всего святого, — спросил Джон, — зачем тебе понадобился этот список?

Эдуардо ухмыльнулся:

— Ну, — сказал он, — есть одна темная тайна, которую ты не знаешь.

* * *

К удивлению Джона, Эдуардо повел его к строению, которое было видно из окон его комнаты, и он уже задавался вопросом, что бы это могло быть.

В старые времена, рассказывал Эдуардо, здесь был хлев, а после войны он использовался как мастерская. Тяжелая дверь из толстого бруса покосилась от времени, но замок в ней был новенький. Пол, стены и потолок были обшиты фанерой, но к запаху дерева все еще примешивались запахи навоза и машинного масла. Узкий коридор вел в тесную контору, где стояли три письменных стола, за ними сидели три женщины, а следующая комната была занята под деревянные стеллажи, уставленные ящиками и коробками.

— Это, — объяснил Эдуардо, сделав руками круг, — твой секретариат.

— Что-что? — вырвалось у Джона.

Эдуардо остановился около одной из женщин.

— Синьора Ванцетти. Английский и французский разговорный и письменный, по образованию торговая корреспондентка. Она возглавляет бюро.

Она с робкой улыбкой кивнула Джону. Он узнал в ней женщину, которая в то раннее утро после праздника помогала выгружать из подъехавшего фургона коробки.

— *Buongiorno*, — рассеянно обронил Джон. — Эдуардо, что все это значит?

— Синьора Муччини, — продолжал Эдуардо представлять сотрудниц. — Английский и испанский, немного португальский, хотя в процессе выяснилось, что он нам не нужен. — Женщина, толстомаяся итальянская *tatna*, смущенно потупилась, словно школьница, как будто Джон был поп-звезда, встретить которого лично она никогда в жизни не считала возможным.

— И синьора Тронфи — русский и польский бегло, остальные славянские языки достаточно хорошо, чтобы понять написанное в письме. — Синьора Тронфи улыбнулась во все свое широкое круглое лицо.

— Письма. — Только теперь он заметил, что все столы были завалены письмами.

— С того дня, как твое имя появилось в газетах, — объяснил Эдуардо, — нас забросали письмами. Тысячи писем, адресованные тебе или нашей конторе, каждый день. Грубо говоря, есть три вида писем. Во-первых, брачные предложения. — Он указал на несколько стоящих рядом белых коробок, на которых черным фломастером было криво нарисовано сердце. — Они собраны здесь. Сотни женщин всех возрастов, которые хотят выйти за тебя замуж. Фотографиями, которые они присылают, можно полностью обеспечить порножурнал. Во-вторых, письма-угрозы. — Он поднял черную коробку, на которой красовалась наклейка с черепом и костями, какими обозначают бутылки с ядом. — Угрозы убийства, похищения, угрозы сделать что-нибудь твоей семье, полный набор психопатических штук. Мы каждый день переправляем их в полицию. Интерпол уже, наверное, создал отдельное подразделение, которое занимается только тобой. И, в-третьих, — он показал на коробки, помеченные знаком доллара, их были целые ряды, це-

лые полки и штабеля, невероятное количество, — просительные письма.

— Просительные?

— Люди, единственному ребенку которых требуется неотложная операция, а оплатить ее они не могут. Люди, которые потеряли в пожаре свой дом и имущество и не были застрахованы. Безработные матери-одиночки, которые не знают, как прокормить ребенка. Мужчины, которые из-за несчастного случая потеряли работоспособность и не получают пенсии. — Джон увидел, что коробки рассортированы по разным категориям дополнительными буквами. До этого Эдуардо указывал на коробки с пометкой \$\$-А, теперь он ткнул пальцем в коробку, помеченную \$\$-В. — Бизнесмены, которые стоят на пороге банкротства и больше не могут получить в банке кредит. Изобретатели, которым нужны деньги, чтобы довести свои разработки до промышленного внедрения, и которые сулят тебе долю в будущей фантастической прибыли. Землевладельцы, которые предлагают тебе участки, на которых якобы предполагаются залежи нефти. Или золота. Или платины. Или урана.

Но больше всего писем, — Эдуардо подвел его к коробкам с пометкой \$\$-С, которых было больше, чем всех остальных, вместе взятых, — приходят от благотворительных организаций со всего мира. Здесь представлены все. Помощь слепым. Кормление бедных. Армия спасения. Проекты в африканских деревнях. Библейские миссии. Спасение бездомных детей. UNICEF. Хлеб для мира. Помощь голодающим. Помощь беременным. Поддержка военных могил. Социальная помощь освобожденным из заключения. Уход за раковыми детьми. Акция честной торговли с третьим миром. Помощь от СПИДа. От болезни Альцгеймера. Помощь от наркомагии. Борьба с туберкулезом. Культивирование международных городов-побратимов. И, не упустить бы, общество сохранения ретороманского языка.

— Общество сохранения ретороманского языка? — эхом повторил Джон, глупо таращась на колонны коробок и ящиков, заполненных письмами.

— Это настоящий бизнес, — мрачно сказал Эдуардо, — с этим ничего не поделаешь. У вас в США это называется «воздвижение фондов». Есть специальные курсы, там учат

писать такие письма, есть консультанты по «воздвижению фондов» для терпящих нужду организаций, все, что душе угодно.

Джон наугад снял крышку с одной из коробок и взял верхнее письмо: многостраничное, с приложением проспекта. Речь шла о поддержании многообразия видов и защите природы, его просили участвовать с двухзначным миллионным вкладом в защитном проекте южных районов Амазонки. Для начала.

Эдуардо глянул ему через плечо.

— Защитники животных! — радостно прогудел он. — Это самые неумные.

Джон попытался привести в порядок свои мысли. Тысячи писем, невероятно.

— А если мне напишет кто-то из моих знакомых? Ведь письмо затеряется во всей этой массе?

— Вот для этого и предназначен наш список, — Эдуардо указал на листки, которые Джон все еще держал в руках. — Письмо, которое придет от любого из этих отправителей, будет переправлено тебе.

— Но пока никто не написал, — пропела синьора Ванцетти.

— Нет, сегодня как раз что-то пришло! — синьора Муччини повернулась и достала из красной коробки голубой конверт: — Вот.

Письмо было из Нью-Джерси, из колледжа Хопкинса. Джон вскрыл конверт и пробежал письмо глазами.

— Полная ахинея. — Его хотели из уважения удостоить аттестатом и устроить в его честь большой праздник. Джон покачал головой и сунул письмо вместе со списком в карман. Когда они вышли из пристройки, он чувствовал себя так, будто по нему проехался паровой каток.

* * *

После ужина Кристофоро Вакки поднялся, как обычно, но, проходя мимо Джона, снова положил руку ему на плечо, как тогда, вечность назад, в Нью-Йорке, слегка нагнулся и сказал:

— Я должен вам кое-что сказать, Джон: когда вы переедете в свой собственный дом и станете жить своим умом, вы останетесь желанным гостем в нашем доме. В любое вре-

мя, Джон, что бы ни случилось. Пожалуйста, никогда не забывайте об этом.

Джон растерянно поднял голову, заглянул в усталые глаза со зрачками, похожими на пропасть, и пообещал это. Патрон кивнул со знающей улыбкой, еще раз сжал его плечо и вышел.

Альберто удалился спать следующим.

— Я буду просто рад, если вы будете нас навещать, — сказал он и довольно подмигнул: — Ведь это недалеко, с вашим-то «Феррари»... И коль уж я пережил исполнение нашей задачи, мне хотелось бы знать, как дело сложится дальше, если вы понимаете, что я имею в виду.

Потом они сидели вчетвером на террасе, освещенной лишь звездами и несколькими свечами, защищенными от ветра, — Джон, Эдуардо и его родители. Жена Грегорио рассказывала веселые истории из жизни школы — разумеется, в деревне всем уже было известно, какую роль сыграли Вакки в накоплении состояния Фонтанелли, и если в младших классах пытались понять, что такое триллион, то в старших — что такое проценты и сложные проценты.

— Набралось уже с десятков детей, — с улыбкой рассказывала она, — которые решили положить на книжку свои карманные деньги и завещать их своим потомкам в двадцать пятом веке. Я думаю, теперь мы будем спокойны за будущее.

Грегорио убирал растрепанные пряди волос со лба столько же раз, сколько морской ветер снова их раздувал.

— Еще кое-что, касающееся дела, Джон, — сказал он со всей серьезностью. Его жена обнимала его, пощипывала ему рубашку и ухо, явно стараясь поскорее заманить в постель. — Ведь вам и в дальнейшем понадобятся адвокаты, и я хотел сказать вам, что мы всегда к вашим услугам. Мой отец этого не упомянул, но у нас, помимо ваших предков и вас, всегда были и другие клиенты. Не потому, что мы нуждались в деньгах, а чтобы оставаться в форме, соответствовать всем новейшим уложениям, быть настоящими адвокатами, которые понадобятся богатейшему человеку мира.

Джон готовно кивнул.

— Естественно. Не вопрос.

— Хорошо, — довольно сказал Грегорио. Потом они оба попрощались. Джон видел, как Грегорио за дверью целует

свою жену — со страстью, какую в нем трудно было предположить, потом их удаляющиеся фигуры скрылись в темноте дома.

Эдуардо отпил из своего бокала и тихо засмеялся.

— Не беспокойся. Я пока не ухожу, и я не собираюсь обливать тебя елейными прощальными словами. В отрепетированной очередности, как тогда в Нью-Йорке, мы говорим только после основательной подготовки.

— Вы что, тогда действительно готовились?

— Еще бы, как в театре, могу тебе признаться. Но как бы ты поступил на нашем месте, если бы молодой парень умер на твоих глазах от сердечного приступа только потому, что получил в наследство несколько миллионов. — Эдуардо пожал плечами. — Это случилось в присутствии моего отца, в нотариате, где он проходил стажировку. Давняя история.

Они подвинули два стула к балюстраде, чтобы можно было положить на нее ноги и смотреть на море, поставили рядом столик для бокалов, бутылку вина и свечи. С моря дул теплый ветер, в темноте звенели цикады, и они блаженствовали.

— Честно говоря, — признался Джон через некоторое время, поскольку правда в вине, — я понятия не имею, что мне делать. Даже не с прорицанием, а вообще. Ну, перееду на эту виллу, пробежусь по всем комнатам, посмотрю на них, а потом? Что я буду делать потом? Как я буду проводить свои дни, если спросить совсем уж банально? Я хочу сказать, не могу же я все время только покупать.

— Конечно.

— Я мог бы раздавать деньги.

— Ты уже видел кому, их целые ящики.

— Да. Но у меня такое чувство, что это все не то.

— Кроме того, таким способом деньги быстро иссякнут. Мисс Ванцетти ведет книгу учета, и все просители регистрируются. Я думаю, пятьсот миллиардов долларов ты сможешь потратить уже на этих.

Джон взял свой бокал и вылил в себя преступно дорогой кьянти, как будто желая что-то в себе утопить.

— Знаешь, я спрашиваю себя: что, собственно, богатые люди делают целыми днями? Что делаешь, когда тебе не приходится работать, но хочется все же иметь чувство, что жизнь не бессмысленна?

Эдуардо громко втянул воздух.

— Ну... можно работать на общественных началах. *Pro bono*. Как мы. И я нахожу это приятным, когда живешь не на заработки.

— Но ты учился. Ты что-то умеешь. А я даже школу толком не кончил, я научился только развозить пиццу да гладить паровым катком рубашки.

— Ты можешь изучить все, что ты хочешь. Весь мир перед тобой открыт.

— Да уж. Но, собственно, я никогда не хотел учиться, я и теперь не хочу. Теперь это казалось бы мне совсем уж притянутым за уши. Как будто я отчаянно ишу себе интересную игрушку.

— Но раньше ты рисовал. Как с этим? Заниматься искусством?

— Я начал рисовать, потому что у меня была подруга-художница. Чем больше времени нас отделяет, тем меньше я понимаю, что я в этом находил. Нет, я не художник. Я совершенно лишен таланта в искусстве. — Джон вздохнул. — Да и не только в искусстве. У меня нет даже таланта быть богатым.

Они долго смотрели в мерцающее серебром темное море и молчали.

Ветер с моря стал холоднее.

Звезды мерцали над ними как ни в чем не бывало.

В кустах шуршал какой-то зверек.

— Ты вообще-то чувствуешь себя богатым? — неожиданно спросил Эдуардо.

Джон встрепенулся из смутных мыслей.

— Хм-м. Чувствую ли я себя богатым? Понятия не имею. Все это меня подавило, знаешь? Месяц назад я был бедным развозчиком пиццы, и мое самоощущение как-то не особенно изменилось. О'кей, теперь я знаю вкус икры, в моем шкафу висят костюмы от Brooks Brothers... но все это по-прежнему видится мне неким сном. Ирреальностью. Как будто завтра утром все пройдет.

— Может, причина в том... — начал Эдуардо, покачивая в своем бокале вино, похожее в свете свечи на кровь. — Знаешь, я с этими вещами — быть богатым, быть бедным, иметь деньги и так далее — имею дело всю мою жизнь. С детства. И я заметил, что богатые люди думают иначе, чем

другие. Не то чтобы они лучше других, в общем и целом они и не хуже других, но думают они иначе. Не знаю точно почему — может, потому, что им не приходится мыслить в категориях, где речь идет просто о выживании. О выплате кредита и деньгах на рождественские подарки. Когда ты богат, деньги просто есть, это так же естественно, как воздух и вода.

— Не хочешь ли ты этим сказать, что богатые люди никогда не думают о деньгах? — Джон скептически глянул на него сбоку.

Эдуардо наморщил лоб.

— Ты прав, так напрямую утверждать нельзя. Некоторые вообще больше ни о чем не думают. Но они по сути своей продолжают оставаться бедными. Если в глубине души думаешь, что денег у тебя недостаточно, то вкалываешь дальше и с двадцатью миллионами на счету, чтобы выйти на сорок миллионов, и так далее. Таких более чем достаточно.

— Тогда это никак не связано с тем, сколько у человека денег, — сказал Джон. — Тогда это скорее вопрос характера, страхов и так далее, и тот, кто и с двадцатью миллионами на счету все еще чувствует себя бедным, должен идти к психиатру?

— Да. — Эдуардо отставил свой бокал и потянулся. — Но не все такие. Есть люди, которые умеют обращаться с богатством. У меня было такое смутное представление... Ты богаче, чем ближайшая к тебе сотня богачей, вместе взятых. Ты единственный в своем роде. Итак, я думаю, если ты когда-нибудь действительно привыкнешь... однажды... тебе что-нибудь придет в голову. Нечто неслыханное. Нечто, о чем еще никто никогда не думал. Это и будет исполнение предсказания.

Джон глубоко вдохнул и резко выдохнул.

— Ты считаешь? Я даже представить себе не могу, что бы это могло быть.

— Если бы все было так просто, я бы это тоже знал, — откровенно сказал Эдуардо. — В конце концов, я ломал над этим голову всю мою жизнь. Но кто знает: может, видение Джакомо Фонтанелли в конце концов лишь мыльный пузырь, и на самом деле нет никакого такого решения. Тогда он просто сделал тебя богатым — бессмысленно богатым.

— Ну, здорово, — вздохнул Джон и вдруг рассмеялся: — Знаешь, я никогда в жизни не думал, что однажды буду сидеть и чувствовать себя несчастным оттого, что я богат. Это уже вершина неблагодарности, да?

— Пожалуй, — усмехнулся Эдуардо.

* * *

В следующие дни Джон посвящал себя занятиям с самоотверженностью, какой он сам от себя не ожидал.

Прежде всего он попросил Эдуардо посвятить его в тайны компьютерного центра, который был установлен в одном из подвальных помещений имения и напоминал контрольную централь из какого-нибудь фильма о Джеймсе Бонде. Чтобы попасть туда, пришлось открыть несколько впечатляющих замков, потом они сидели в неоновом свете за белым столом, на котором стоял маленький, современный компьютер, по экрану которого бежали яркие многозначные числа — состояние счетов во всем мире, как объяснил ему Эдуардо — как и в канцелярии, разве что здесь для этого достаточно простого серого кабеля и неприметной пластиковой розетки на стене.

Легкость, с какой Эдуардо обходился с клавиатурой и мышью, показывала, что это занятие для него привычное.

— Сохранение данных, — сказал он, засовывая в щель дисковод дискету. — Если бы мы вдруг потеряли все пароли допуска и тому подобное, тебе пришлось бы ездить по всему миру, наводить справки о каждом отдельном счете и заполнять гору бланков — можешь себе представить, сколько бы это продлилось с двумястами пятьюдесятью тысячами счетов?

На Джона это произвело впечатление.

— Ловко ты управляешься с компьютером, а?

— Мой отец настоял на том, чтобы я изучил все, что с этим связано, — сказал Эдуардо. — Работу электронных систем, программирование, технику передачи данных — если что вдруг потребуется, я все это могу. Это было еще важнее моего юридического образования. Кто-то из семьи должен в совершенстве владеть компьютером, такая стояла задача.

Джон благоговейно смотрел на экран.

— Что, все это ты программировал сам?

Дисковод пожужжал, лампочка на нем замигала. Эдуардо нажал клавишу, и мигание прекратилось.

— Нет, по большей части это исходная программа. Но очень рафинированная, надо сказать. Я просто перенес ее со старого гроба IBM на персональный компьютер, немного пришлось подогнать вывод на экран, встроить несколько графических изображений. Ничего такого, что могло бы свалить настоящего профи с табуретки.

— А кто разработал исходную программу?

— Кто-то из IBM. Я не знаю точно, это было еще до моего рождения, но с этим типом тогда были связаны большие неприятности. Он начал допытываться, что да зачем. С тех пор мы и решили, что этим должен заниматься кто-то из семьи.

— И теперь это можешь делать ты?

— Да. Сначала специальные курсы, потом лето тянул лямку в качестве практиканта в одной сетевой фирме, зиму был помощником программиста в одной прокуренной хакерской дыре — и теперь я могу все. — Эдуардо усмехнулся. — Но это не так уж трудно. Как только будут готовы сейфовые двери у твоего подвала и будут проложены телефонные линии, мы все здесь демонтируем и заново соберем у тебя. И я тебе объясню, как с этим обращаться.

Джон сглотнул. Он совсем не разделял уверенность молодого адвоката. Тогда ему кое-что пришло в голову.

— А что, собственно, будет с установкой в вашей канцелярии во Флоренции?

— Ее выкинут.

— А если — мало ли что — мой дом провалится? Тогда я останусь без средств?

— Чепуха, — сказал Эдуардо. Дисковод пискнул, он извлек дискету и запер ее в сейфе на стене. — Все счета переведены на тебя. Если тебе понадобятся деньги, ты просто пойдешь в банк и предъявишь документы. Все остальное само собой.

— А откуда я знаю, в какой банк мне идти?

— Это почти безразлично, потому что ты имеешь миллионные счета практически во всех банках планеты. Но в бумагах, которые ты получил при получении наследства, есть соответствующий перечень. — Эдуардо насмешливо оглядел его: — Может, при случае хотя бы глянешь на документы?

Джон растерянно моргал.

— Тогда для чего мне вообще компьютер?

— Чтобы ты каждое утро мог посмотреть, сколько миллионов набежало за ночь. И чтобы предостеречь тебя, если в какой-то стране инфляционная норма поднимется выше процентной ставки, — чтобы ты смог вовремя переместить деньги в другое место. Чтобы...

— Значит, я могу через компьютер переводить деньги? — перебил его Джон. — И кто-нибудь, кто взламывает мой код, тоже сможет это? Он переведет на свой счет миллиард, а я даже не замечу этого.

Эдуардо откинулся назад и завел руки за голову.

— Нет, этого он не сможет. Я же говорил, это очень рафинированная, изощренная система. Деньги переводить можно, но только между счетами, которые входят в нее. И это ограничение в соответствующих банках вносится само, так что даже лучший хакер не имел бы шансов, даже если бы он действовал напрямую отсюда.

— Хм-м, — Джон бессмысленно смотрел на огромное число на нижнем краю экрана. Оно росло на глазах, и последние его цифры мелькали с такой частотой, что видна была лишь дрожь как бы пчелиного крылышка.

— Вы все продумали, да?

— По крайней мере мы старались.

Наступила тишина. Прохладная, драгоценная тишина. Джон вспомнил о своей архитекторше, изящной светловолосой женщине, которая просто горела от жажды деятельности, как она показывала ему эскизы внутреннего обустройства важнейших помещений виллы. Все, что от него требовалось, — ткнуть пальцем в те рисунки, которые нравились ему больше всего (а нравились ему все, женщина была гениальная) и сказать: «Вот это!» — и подписать соответствующие списки оборудования и мебели. С того времени колонны рабочих были заняты тем, что проводили в жизнь ее эскизы, придавая его дому изысканную элегантность, так что ему даже думать об этом больше не приходилось.

И сколько бы это ни стоило, число внизу экрана неудержимо продолжало расти.

* * *

Солнце в Портесето стояло низко над горизонтом, позолотив море, когда вдали показалась яхта. У Джона пере-

хватило дыхание, так грациозно скользил белоснежный стройный корпус этого судна. Даже Эдуардо, который еще по дороге сюда рассуждал вслух, что надо как следует взвесить, не построить ли в будущем большую яхту на заказ, тут восторженно хлопнул его по плечу.

— Вон она! — ликующе воскликнул он.

— Да, — прошептал Джон. Она была чудесная и каким-то образом казалась больше, чем он помнил ее по осмотру в Каннах. Яхта бесконечно долго скользила мимо них, причаливая. На корме теперь развевался итальянский флаг вместо английского, за кормой под натянутым брезентом виднелась шлюпка, а на верхней палубе стоял вертолет, словно готовое к взлету насекомое. Молодой человек в парадной форме помахал им со второй палубы, и они помахали ему в ответ.

В мгновение ока корабль пришвартовался, и был спущен трап. Когда они поднялись на борт, навстречу им вышел капитан, француз лет сорока по имени Алан Броссар, с которым они уже успели познакомиться в Каннах, он отдал им честь, а потом поздоровался с ними за руку.

— Вы наверняка захотите сейчас же выйти в море, — сказал он по-английски с сильным французским акцентом. — Я прикажу погрузить ваши вещи, и мы можем отчалить и полюбоваться закатом в море.

Взмах руки, и перед ними вырос как из-под земли молодой человек, который раньше махал им с палубы. Джон отдал ему ключ от того, что у «Феррари» служило багажником, и они последовали за капитаном, совершая обход корабля.

Он не ожидал, что новая встреча с яхтой окажет на него такое сильное воздействие. Все дышало простором. Когда они вошли в светлый, уютно освещенный салон, он не мог удержаться, чтобы не потрогать пальцами обшивку стен из тонко текстурированной древесины и не погладить спинку софы, которая вместе с элегантными креслами и стеклянными столиками образовала отдельный уголок для отдыха. По ним были разложены подходящие по цвету шелковые подушки с индийскими мотивами. Дорогого вида лампы от Тиффани с тяжелыми золочеными ножками стояли на приставных столиках из бело-серого мрамора. Стены столовой были обшиты инкрустированными панелями, отполирован-

ными настолько безупречно, что в них отражался античный, накрытый с серебром и хрусталем обеденный стол. Большие окна открывали обширный вид на море, к которому устало клонилось огненно-красное солнце.

Это был плавающий дворец. В этих стенах можно было экранизировать любую сказку из «Тысячи и одной ночи».

По пути на мостик — перила трапов, кстати, были позолоченные, потому что, говоря словами маклера, «латунь приходится начищать каждый день, а золото нет», — они прошли мимо места, на котором осталось название яхты, данное ей предыдущим владельцем, английским бизнесменом: *Shangri-La*. Буквы не были удалены со стены, а лишь покрыты сверху белой краской.

— Я хочу, чтоб это отсюда убрали, — сказал Джон, ткнув в надпись пальцем.

— *Pas de problème*, — заверил капитан. — Я велю это устранить. Вы хотите дать кораблю другое название?

— Да, — кивнул Джон и посмотрел на море, которое постепенно становилось темнее. — Он должен называться «Прорицание».

Посыльный из почтового отделения позвонил в дверь, ни свет ни заря подняв Марвина из постели.

— Права, паспорт или какой-нибудь документ, где была бы ваша фотография и полное имя, заверенное печатью, — потребовал посыльный скучающим тоном, зажав пакет под мышкой.

— О, господи, — проворчал Марвин, еще не продрав глаза, — я здесь живу. Неужто этого не видно?

— Мне очень жаль. Ценная посылка. Мы подчиняемся предписаниям почтового министерства.

Марвин прикинул в уме, не захлопнуть ли дверь у него перед носом, но любопытство, кто бы это во всем свете мог послать ему ценную посылку, — а как звучало: *Ценная посылка!* — возобладало. Он нырнул назад в свою комнату и достал права, не без опасения, что в такое время суток будет не похож на свою фотографию и все усилия окажутся напрасными. Но почтальон удовлетворился тем, что переписал номер прав, и попросил Марвина расписаться, и пакет оказался у него в руках. Пока он изучал адрес и имя отправителя, внизу уже взревел мотор отъезжающей рассыльной машины.

— Джон? — прочитал Марвин с безграничным недоумением. — Джон Фонтанелли из Флоренции. Разрази меня гром!

О сне уже нечего было и думать. Он захлопнул дверь, унес пакет на кухню и взял нож, чтобы вскрыть посылку.

В коробке, тщательно упакованный в стиропор, лежал мобильный телефон.

— Что бы это значило? — недоверчиво буркнул Марвин. Еще раз перепроверил адрес. Ошибки не было. Еще и крестиком было помечено «Доставить до 9 часов». — Он что, собрался меня пытаться, что ли?

Он извлек аппарат. К нему скотчем была прикреплена сложенная почтовая карточка. Он отлепил и развернул ее.

«Привет, Марвин, — было там написано несомненно почерком Джона. — Батарея заряжена, чип вставлен, PIN-код 1595. Включи и жди моего звонка. Привет, Джон».

— Что за черт? — Марвин взглянул на часы. Без одной минуты девять. — Может, я все еще сплю?

Но он нажал на зеленую кнопку. Телефон пискнул, ожил и запросил ввести код, который принял с повторным писком и надписью на дисплее: «Готово».

Ровно в девять он зазвонил.

— А я думал, что так бывает только в кино, — пролепетал Марвин, качая головой.

Он нажал кнопку с изображением поднятой трубки и с любопытством поднес трубку к уху.

— Алло?

— Привет, Марвин! — радостно крикнул Джон. — Это я, Джон.

Марвин набрал воздуха:

— Слушай, ну как вообще, нормально? И что это за прикол?

— Но до тебя же не дозвониться, — смеясь сказал Джон. — Твой телефон стабильно отключен за неуплату, как же иначе я мог с тобой поговорить?

— Ну ты даешь! — выругался Марвин, все еще ничего не понимая. — Я сам себе кажусь Джеймсом Бондом. Итак, кого я должен замочить?

— Ты уже заглянул под упаковку? Там должен лежать конверт с тысячей долларов и авиабилет.

— Это уже лучше. — Он поднял стиропоровую подложку. Там лежал конверт. — Да, он здесь. Момент! — Он отложил телефон и надорвал конверт. Целая куча долларовых купюр и билет первого класса во Флоренцию, выписанный на имя Марвина Коупленда. — Похоже на то, что я должен навесить тебя или как?

— Да, но прежде я хотел бы тебя попросить об одном одолжении.

— Ничего на этом свете не бывает даром, — вздохнул Марвин. — О'кей, говори.

— Помнишь мои наручные часы?

— Твои наручные часы? Нет. Я даже мог бы поклясться, что у тебя их не было.

— Да у меня их и не было. Я сдал их в ломбард в Манхэттене. Проблема в том, что часы — подарок моего отца, квитанцию из ломбарда я потерял, а срок хранения истекает в пятницу на следующей неделе.

Это было уже многовато для раннего утреннего часа.

— Помедленнее, — попросил Марвин, — я должен записать. — Он извлек карандаш из полупустой кофейной чашки, вытер его о невыразимо липкое кухонное полотенце, потом достал из мусорного ведра пустую коробку от кукурузных хлопьев и оторвал от нее кусочек так, чтобы на внутренней его стороне можно было писать. Снова поднес трубку к уху: — Ну, давай по порядку. Где этот ломбард, как выглядят часы и по какому номеру я могу тебе позвонить?

* * *

Когда после телефонного разговора с Марвином Джон вернулся на солнечную палубу, уже можно было различить южнофранцузское побережье — в виде тонкой, серо-коричневой линии на горизонте. Стюард накрывал столик под навесом от солнца для послеобеденного кофе. На небе показались первые чайки.

— Нам нужно определиться, в Ниццу мы едем или в Канны, — сказал Эдуардо. — В Ницце есть один хороший ресторан, в котором я никогда не прочь поужинать. Как ты думаешь?

— Почему нет? — Джон подошел к перилам и остановился рядом с Эдуардо. Со вчерашнего вечера они обогнули Корсику и теперь курсировали в Лигурийском море. Это была неторопливая поездка, Средиземное море простиралось перед ними, серебристо-голубое, без единой волны. — Звучит заманчиво.

Час спустя на небе показалась темная точка, которая оказалась не чайкой, а вертолетом. Вначале они не обратили внимания на его нарастающий шум, но вертолет целенаправленно приближался к ним, и стало невозможно не глянуть, в чем дело.

— Кажется, пресса, — информировал их Броссар по бортовому телефону. — На заднем сиденье видно человека, увешанного камерами и телеобъективами.

Джон скривился.

— Бортовой пушки у нас, как я понял, нет?

Как разъяренная оса, вертолет кружил над «Прорицанием», совершая такие пируэты, что оставалось только удивляться, как человеку на заднем сиденье удастся фотогра-

фировать, не вывалившись в открытую дверцу. В конце концов он заснял все, что хотел, и машина удалилась в сторону материка.

— Стоит ли нам думать о ресторане? — спросил Джон, глядя ему вслед. — Без охраны-то?

— Несколько человек из команды имеют достаточно внушительный вид, они могут нас сопровождать, — сказал Эдуардо. — Не будем же мы из-за них портить себе день?

— Это уже начинает действовать мне на нервы. И что они все во мне находят?

Эдуардо засмеялся.

— Ты богат, значит, интересен. Деньги сексуально привлекательны, мой дорогой. Кстати, ты, на мой взгляд, недостаточно этим пользуешься.

— А я что, должен? — Джон осматривал береговую линию, смело проложенные по скалам дороги и дома, похожие на белые вкрапления.

— Послушай, тьме женщин не терпится узнать, каково это — переспать с миллиардером.

— Как с любым другим мужчиной.

— Ну, естественно, но делать выводы предоставь им самим. — Эдуардо взял трубку бортового телефона. — Я вижу, тебе надо пройти курс искусства наслаждения жизнью. Сейчас я позвоню в ресторан, чтобы они прислали за нами машину. Как я слышал, там у них тусуются вообще одни миллионеры; поэтому я думаю, что они умеют держать прессу на дистанции. И оттянемся. — Это звучало как приказ.

Когда они причалили, на пирсе уже толпились репортеры. Когда «Прорицание» пришвартовалось, их стало еще больше, и четверо дюжих матросов из команды с трудом прокладывали путь к машине. В давке участвовало даже телевидение.

Водитель присланного лимузина хорошо ориентировался в Ницце и, судя по всему, был из бывших гонщиков; по крайней мере им удалось оторваться от преследователей, которые частично были на мощных и подвижных мотоциклах. Когда они подъехали к ресторану, все было уже спокойно, тихо и солнце готовило для них чудный вечер на террасе.

Ресторан оказался при отеле высшего разряда, старом, элегантном, изысканно обставленном, со сказочным ви-

дом на бухту — то есть место, думал Джон, в котором невозможно не наслаждаться ужином. К его немалому удивлению, он заметил за соседним столиком четверых пожилых мужчин, несомненно застарелых мультимиллионеров, которым этот фокус все же удавался. Белое вино было не той температуры. Мясо было жестковатое, а овощи мягковатые, то есть радоваться было нечему. Один из них поднял палец примерно до уровня своего брюзгливо опущенного подбородка, и не прошло и тридцати секунд, как перед ними возник официант — боже мой, что же это случилось с миром? Джон не понимал по-французски, но чтобы истолковать изъяснение недовольства, доносившееся от соседнего столика, никаких познаний и не требовалось. Оглядевшись, он заметил похожую атмосферу во всем помещении. Как будто каждый только и выискивал, в чем бы ему разочароваться. И хоть они все тут миллионеры, не было среди них ни одного радостного или хотя бы благодушного лица. При том, что еда была отменная.

— *Peccato*, — сдержанно сказал Эдуардо. — Не на что посмотреть.

— Да уж. Если я когда-нибудь стану таким, как эти, — попросил Джон, — то пристрели меня, пожалуйста.

* * *

Полночь. Джон закрыл за собой дверь комнаты, сознавая, что это одна из последних его ночей здесь, под крышей дома Вакки. Он снял свой блейзер, повесил его на плечики и теперь наслаждался чувством твердой почвы под ногами.

В Ницце они выдержали не долго. После десерта и захода солнца вернулись на корабль, а обратный путь до Портесето на полном ходу занял немногим больше четырех часов.

Он только собрался снять туфли, как зазвонил телефон. Наверное, Марвин, подумал Джон и запрыгал к аппарату на одной ноге. В Нью-Йорке было шесть вечера.

Но это был незнакомец.

— Я хотел вас поздравить, — насмешливо сказал он. — С вашей новой яхтой.

— Спасибо, — сказал Джон. Это уже не впечатляло его. Возможно, по французскому телевидению прошел репортаж.

— Красивая яхта. Можно спросить, во что она вам обошлась? Миллионов двадцать, навскидку. Или все тридцать?

— Чего вы хотите? — неприветливо спросил Джон.

— Хочу сделать вам несколько предложений насчет ваших следующих покупок.

— Я весь внимание.

— Теперь у вас есть дом и яхта. Я не буду вгонять вас в скуку очевидными соображениями, что надо обзавестись жилищем и в других частях света; об этом вы и сами уже подумали. Но вы могли упустить вариант с замком. Есть в Европе множество настоящих старых замков, и какие-то из них, бывает, продаются, вы это знали? Естественно, придется вложить еще несколько миллионов, прежде чем они приобретут достойный вид, но это уже не проблема. Другой возможностью было бы приобретение футбольного клуба или чего-то в этом роде — вы еще пока не думали об этом? Тогда можно будет покупать и продавать за многие миллионы игроков и добиваться удовлетворения, все выше поднимаясь по турнирной таблице. Или начать формировать коллекцию — старинные картины, писанные маслом, например Ван Гог, Пикассо, Моне. Или ценные украшения. Антиквариат. Тут приключение — не только поиск и покупка, но и устройство подходящих сейфов, заключение страховых сделок и так далее, все это поможет вам держаться в тонусе. — Он замолк. — Нужны вам еще какие-нибудь подсказки?

Джон потирал переносицу. Он устал.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Чтобы привлечь ваше внимание к тому, что вы достаточно богаты, чтобы весь остаток жизни покупать какие-нибудь побрякушки. Но тем самым, — продолжал он, — вы только отдалитесь от предсказания Джакомо Фонтанелли.

— Вы звоните мне в полночь, чтобы сказать это?

— Раньше вас не было, а кто-то ведь должен вам это сказать.

— Для чего вся эта игра в прятки? Почему вы мне не скажете, кто вы?

Мгновение тишины.

— Поверьте мне, однажды вы поймете, что я не мог действовать иначе, — пообещал незнакомец. — При условии, что однажды мы встретимся, и я вам все объясню.

Если нет, то вы всю жизнь будете задаваться вопросом, что же я мог вам сказать.

— Что все это значит?

— Ведь вы переезжаете, так? Я хочу, чтобы вы дали мне ваш будущий номер телефона.

Джон почувствовал, как трубка в его руке стала влажной. Сейчас у него была хорошая возможность отвязаться от незнакомца. Достаточно сказать ему неправильный номер. Очень просто.

— Вы должны знать еще одну вещь, Джон, — продолжал низкий голос из ниоткуда. — Я человек, который знает о вас больше, чем вы сами. Я знаю, в чем состоит ваша истинная задача, и знаю, как с нею справиться. Вы можете сейчас порвать со мной контакт, если абсолютно уверены, что вам ни о чем не придется меня спрашивать.

Больше он ничего не добавил. Наступила тишина, которая длилась бесконечно долго.

Джон смотрел в пустоту перед собой, ничего не видел и не знал, что ему делать. Конечно, это был просто ловкий прием, но... с другой стороны... Он ведь может в любой момент сменить номер телефона, если ему это осточертеет.

Он выдвинул ящик ночного столика. Первым ему под руку подвернулось письмо из колледжа Хопкинса, потом просительное письмо, в котором речь шла об исчезновении видов. Его он прихватил с собой, видимо, по недосмотру. Наконец он нашел и конверт с уведомлением от Телекома.

— Итак, — сказал он и откашлялся, чтобы вернуть себе голос, — мой новый номер — записывайте...

* * *

Эдуардо подбил его на следующий выход в море на яхте, и когда прибыл к назначенному времени на пристань Портесето, с ним была девушка.

— Константина Вольпе, — представил он ее, — мы вместе учились. Надеюсь, тебе не очень помешает, что я пригласил ее поехать с нами?

Джон уставился на Эдуардо, в ухмылке которого отчетливо читались своднические намерения, потом посмотрел на женщину. Она решительно заслуживала интереса. С трудом верилось, что Эдуардо водится с такими женщинами. С

трудом верилось, что такие женщины изучают юриспруденцию вместо того, чтобы сразу стать богатыми и знаменитыми топ-моделями. У Константины были длинные черные волосы, которые морской ветер постоянно задувал ей на лицо с зелеными большими глазами и неправдоподобными губами. И фигура вполне подходила для того, чтобы отключить рассудок здорового мужчины. Джону пришлось откашляться, прежде чем он смог что-нибудь сказать, но и сказать он смог только беспомощное «Добро пожаловать на борт» да неуклюжее «Очень рад познакомиться».

И у всего экипажа глаза на лоб полезли. Стюард, сервируя шампанское для знакомства, не мог отвести от нее взгляда. Капитан лично покинул рубку, чтобы ее приветствовать.

Madame Constantina, повторял он; при этом он, как показалось Джону, больше обычного припадал на свой французский акцент.

«Прорицание» вышло в море и встало на якорь в устье бухты Портесето, в живописной близости к скалистому мысу, на котором гнездились чайки. На корме смонтировали трап для купания, водяную горку и трамплин, и день отдыха на море начался.

Каюта Джона была в самом носу судна, и путь оттуда был самый долгий. Поэтому, выйдя на купальную палубу, он не удивился, что Константина уже сидела на полотенце в миниатюрном черном бикини и втирала в кожу крем. Его скорее удивило, где пропадает Эдуардо.

— Не будете ли вы так любезны намазать мне спину? — попросила она, так вскинув взгляд, что он снова превратился в неловкого подростка-школьника.

— Да, конечно. — Его ли это голос? А, была не была. Он взял из ее рук тубик и приступил к исполнению, размазывая ей по спине белую массу.

— Пожалуйста, и под бретельками тоже, — подала она голос и предложила: — Может, расстегнуть?

— Не надо, — поспешно заверил Джон. — Я справлюсь и так.

У него пресекалось дыхание, когда он скользящими руками заезжал ей под лифчик. Как далеко он может зайти по бокам, чтобы добраться до груди? И куда вообще запропастился этот Эдуардо? Солнце припекало, на лучистой бе-

лой палубе все плавилось, запах ее кожи смешивался с ароматом крема.

— Спасибо, — закончила она процедуру. — Теперь давайте я вас.

Джон был рад, что лежал на животе, когда она оглаживала его спину. Ему пришлось еще довольно долго оставаться на животе и после того, как она закончила втирать крем. К счастью, наконец-то появился Эдуардо и отвлек ее внимание.

Вначале они спустились к воде по трапу, медленно и осторожно, потому что вода была холодная. При погружении захватывало дух, но потом все было великолепно — плавать, чувствовать под собой глубину, бескрайнюю даль вокруг и огромный, сияющий корабль под боком.

Они скатывались по горке в воду, с визгом и воплями, как маленькие дети, а Эдуардо отважился прыгнуть вниз головой с трамплина.

Потом, усталые и остывшие, они лежали на жаркой купальной палубе на полотенцах. Корабль покачивался на волнах, и их убаюкало до блаженной дремы. Солнце согревало и пронизывало кожу. Все утратило свое значение — и огромное состояние, и пророчество, не осталось ничего, кроме этого дня, дрожащего зноя и криков чаек в бесконечной синеве.

— У нас на борту есть и водные лыжи, — встрепенулся Эдуардо. — Кто-нибудь хочет покататься на водных лыжах?

— Нет, спасибо, — сонно пролепетала Константина. — Обо мне не беспокойтесь.

— Я тоже нет, — проворчал Джон, который никогда в жизни не катался на водных лыжах и до этого мгновения даже никогда о них не думал.

— Вы сами не знаете, что теряете, — ответил Эдуардо и поднялся.

Его идея привела в движение всю команду и разогнала тишину и спокойствие. На воду спустили шлюпку, достали лыжи, закрепили фал, и вскоре лодка понеслась по волнам, а Эдуардо на лыжах вслед за ней.

— Значит, вы тоже адвокат? — спросил Джон, пытаясь начать беседу, раз уж они остались одни.

Константина отвела со лба волосы и улыбнулась.

— Чтобы быть точной, я работаю референтом в прокуратуре. Я подозреваю, что Эдуардо поддерживает со мной контакт ради информации из вражеского лагеря.

Это подозрение Джон не очень разделял, но ничего не сказал, потому что ничего умного не пришло ему в голову.

— Красивый корабль, — сказала Константина.

— Да, — кивнул Джон. — Это правда.

— И хорошо тут валяться, когда все море в твоём распоряжении.

— Да. — Он сам себе уже казался идиотом.

Как будто специально ему на выручку явился стюард с телефонной трубкой:

— Просят к телефону синьора Вакки.

Они вскочили, маша руками и крича, и шлюпка вскоре причалила. Эдуардо, казалось, уже знал, в чем дело, потому что взял трубку с самым безмятежным выражением лица.

— *Pronto!* — сказал он и некоторое время слушал. — И где он сейчас? Да. Понял. Нет, ничего не предпринимайте. Я приеду немедленно.

— Какая жалость, — сказал он им, отдав трубку стюарду, — придется ехать во Флоренцию. Один из немногих случаев, да что там, единственный... с освобождением под залог и так далее... Я должен немедленно вмешаться.

— Как жалко уезжать! — воскликнула Константина. — Когда здесь так хорошо!..

— Нет, нет, вы, конечно, оставайтесь здесь, — поспешно ответил Эдуардо. — Меня отвезут в Портесето на шлюпке, это недалеко. Я только оденусь.

И он прошлепал мокрыми ступнями в салон, а Джон недоверчиво смотрел ему вслед. Все произошло слишком уж отрепетированно. Этот пройдоха...

— Все подстроено! — прошипел он Эдуардо.

Тот осклабился:

— Тс-с! Будь же гостеприимным хозяином!..

Шлюпка умчалась в сторону берега, и Джон смотрел ей вслед со странным ощущением в чреслах, будто они уже больше него знали о том, что произойдет.

Он снова сел на свое полотенце, избегая смотреть в сторону Константины. Она тоже села, оперлась на локоть, и ее налитые груди показались во всей своей красе.

— Жарковато здесь, на солнцепеке, вы не находите? — спросила она нежным голосом, который никак не мог принадлежать будущему прокурору.

— Да, — сказал он глухо. — Жарковато.

— Может, спустимся вниз?

— Если хотите...

В салоне было приятно прохладно и благодатно сумеречно после слепящего солнечного света.

— Может, покажете мне корабль? — попросила Константина.

— Да, с удовольствием. Что бы вы хотели увидеть? — спросил Джон, думая о рубке, машинном отделении или о камбузе.

Константина подняла на него свои большие глаза.

— Я бы хотела взглянуть, как выглядит ваша каюта.

Вон оно как. Джон только кивнул и пошел впереди. Его каюта. Его коллекция марок. Неужто его можно так запросто свести с кем угодно?

Они шли по длинному коридору, по коврам, под позолоченными светильниками. Все оплачено деньгами, которые делают его таким сексуально привлекательным.

Но, может, все это ему лишь почудилось? Мужчины ведь предрасположены в отношении женщины видеть то, что они хотят видеть, а?

— Это здесь, — сказал он и открыл дверь.

— С ума сойти, — ахнула она и огляделась, повернувшись вокруг своей оси, чтобы полюбоваться обстановкой, драгоценными стенными шкафами, потолком, обтянутым кожей, искусным рассеянным освещением. — И круглая кровать! — Она опустилась на нее, на эту безумную, огромную кровать, похожую на лужайку для игр какого-нибудь арабского владыки, по-кошачьи изогнулась на шелковом покрывале, и у Джона отвисла челюсть.

Она замерла, подняла голову, зафиксировала его своим загадочным взглядом, потянулась руками за спину, растегнула и сняла верхнюю часть купальника.

Джон неотрывно смотрел на нее. Каждая клетка его тела горела, прокаленная солнцем. Или от желания? Трудно различить. Сколько времени прошло с тех пор, как он последний раз спал с женщиной? Много. Месяцы.

— Что... — начал он, облизнул губы, снова начал, пересохшим, еле слышным голосом: — Что вы делаете?..

Она не сводила с него пристального взгляда, потом упала навзничь, стянула свои трусики — через бедра, через колени, через лодыжки.

Джон чувствовал, как колотится его сердце, как бьется кровь — в жилах, в голове, в его мужских частях, и голос, который кричал ему, что все это сговор, сводничество, был едва слышен в гуле крови и стуке сердца. Она лежала, простершись, длинноногая, длинноволосая, нагая, желанная. К черту Эдуардо со всем его мухлежом. К черту! Все это шито белыми нитками, подстроено, обговорено. И как она прогнулась в спине, как кошка. И как он на нее смотрел. Как она пахла солнцем, морской солью, солнечным кремом. И как она блестела там, где раскрылись ее ноги...

К черту все сомнения и рассуждения, думал Джон, тоже стягивая с себя плавки.

Ему снилось, что его кровать покачивается, и когда он очнулся со слипшимися глазами, она продолжала покачиваться. Его большая, круглая кровать. Джон приподнялся и сообразил, что он все еще на корабле. И обнаженная рука рядом с ним, и черные волосы, которые расползлись по белым шелковым простыням, как щупальца осьминога, доказывали ему, что все это был вовсе не сон.

Она проснулась оттого, что он привстал, и посмотрела на него своими бездонными зелеными глазами.

— *Buongiorno*, — пролепетала она заспанным голосом.

— *Buongiorno*, — скупое ответил Джон, все еще не придя в себя. Он повернулся на бок, взял телефон, лежавший на изголовье кровати, и набрал номер рубки. — Броссар, где мы? — спросил он.

— Все там же, где вчера встали на якорь, сэр, — ответил капитан. Почудилось Джону или действительно голос француза звучал отчетливо уважительнее, чем до этого?

«Это оттого, что я спал с Константиной», — промелькнуло в голове Джона. Она приподнялась на локте, и грудь ее опять предстала в наивыгоднейшем свете. От нее захватывало дух. Она вся была приглашение повторить волшебство вчерашнего вечера, зарыться в нее до полного растворения и изнеможения. Он мог это сделать. И почему бы нет? Здесь было его царство, здесь он был неограниченный владыка, здесь происходило то, чего хотел он.

— Броссар?

— Да, сэр?

Его язык еле повернулся, чтобы совершить предательство всех желаний его собственного тела.

— Возвращаемся в Портесето.

— Как вам будет угодно, сэр.

На лице Константины отразилось недоумение, почти боль, когда он положил трубку.

— Я тебе не нравлюсь? — тихо спросила она. Ее грудь слегка качнулась в сторону, отчего все тело Джона вожде-ленно содрогнулось. Ему пришлось отвернуться.

— Нравишься, — глухо сказал он. — Ты безумно сексуальная и волнуешь меня больше, чем любая другая женщина, которую я когда-либо видел. Проблема лишь в том, — продолжал он, снова повернувшись и глядя ей в глаза, — что я не люблю тебя.

Она подняла брови.

— Я не люблю тебя, — повторил он. — Нисколько. Вчера все было прекрасно, умопомрачительно, но сегодня утром я проснулся с чувством, что сделал что-то не то. А я не хочу просыпаться с таким чувством, тебе это понятно?

Константина натянула простыню себе на грудь и кивнула.

— Да. — Она изучающее смотрела ему в лицо. — Я не знала, что есть мужчины, для которых это важно.

Джон вздохнул:

— Я тоже обнаружил это только сегодня.

* * *

Переезд проходил без сучка и задоринки. Джону пришлось лишь уложить сумку со своими документами и бумагами, об остальном позаботились перевозчики. Он простился со всеми, выслушал несколько добрых напутствий *патрона*, сердечные пожелания от Альберто, не такие сердечные, но несомненно искренние — от Грегорио, а Эдуардо его и так сопровождал, чтобы организовать вечеринку в честь новоселя. По дороге он пообещал его как следует поколотить, если он еще раз устроит что-нибудь подобное с Константиной.

Вооруженные охранники с собаками тоже переехали в Портесето и учинили там тревогу среди персонала, занятого подготовкой к вечеринке. Архитекторша, ожидавшая его у входа, тоже нервничала из-за того, что сдавала ему готовый объект. Во время обхода виллы она так прижимала к себе свою папку с документами, будто в ней был стимулятор ее сердца.

Джон велел показать ему все, и все ему нравилось. Плавательный бассейн на нижнем этаже, из которого было видно море, сообщался через подвижную разделительную стенку с ванной-джакузи. Многочисленные комнаты для гостей были оформлены по-разному: одна в английском колониальном стиле, другая представляла собой компози-

цию из современного итальянского дизайна, следующая являлась студией в дальневосточном стиле дзен. Кухня сверкала новейшими приборами из нержавеющей стали, из столовой не хотелось выходить, а салон с волшебным видом был как сновидение. Было почти слышно, как у архитекторши с каждым одобрительным кивком хозяина падал с сердца очередной камень.

После того как он поставил свою подпись на акте приема работ и архитекторша распрощалась, появился Джереми и сказал, что сейчас, если это не противоречит его планам на сегодня, он, Джереми, мог бы представить ему весь персонал виллы.

— Не противоречит, — кивнул Джон.

Джереми был настоящий английский дворецкий. Собственно, он был испанец — по паспорту он значился не Джереми, а Джавьер, — но поскольку он закончил *Ivor Spencer International School for Butler Administrators*, он был больше британцем, чем сам герцог Эдинбургский. Нашел его Эдуардо, и тот произвел на Джона такое впечатление, что ему было доверено набрать остальной персонал по своему усмотрению, ведь все равно им придется работать под его началом.

Джон познакомился со всеми. Густав, французский повар, обладал заразительно хорошим настроением; София, экономка, происходила из Неаполя и до сих пор работала только в высородных домах, это она подчеркнула; Франциска, горничная, бледное миниатюрное создание, едва осмеливалась поднять на него глаза, а улыбнуться рисковала не дольше, чем на одну секунду; и, наконец, непривычное: садовница. Ее звали Мария, она ухаживала за несколькими садами по соседству и жила в собственной квартире в центре Портесето, что было очень удобно, поскольку при вилле, если не считать домика привратника, занятого службой охраны, было всего четыре служебных квартиры.

— Чудесно, — сказал Джон, улыбнулся и пожелал себе избавиться от чувства, что он актер, который играет роль богатого человека.

* * *

Кто-то составил в его спальне штабелем коробки с вещами из Нью-Йорка. Он про них уже почти забыл. Он снял

верхнюю коробку, стянул клейкую ленту и, забавляясь, извлек на свет божий кухонную посуду, которой пользовался годами и которая теперь, после нескольких недель богатства, показалась ему законченным хламом. Узор на тарелках был назойливый и дешевый, вилки и ножи — какие-то жестянки, чашки — с выщербленными краями. Кастрюли: металлолом, годный разве что под корм собакам. И стоило все это везти сюда через всю Атлантику!

Он отставил коробку в сторону. Выкинуть. Прошрое. Но потом снова раскрыл ее, еще раз взял одну из своих старых тарелок и стал ее разглядывать, будто это была археологическая находка.

Как могло получиться, что целые годы эта тарелка была для него хороша, а сейчас он счел бы для себя возмутительным, если бы ему пришлось из нее есть? Что с ним случилось? Если он больше не может вернуться туда, откуда пришел, это значит, что он стал пленником богатства, зависимым от роскоши и денег. Неужто в один прекрасный день он продал бы свою душу, лишь бы никогда больше не разогревать себе гороховый суп в жестяной кастрюле?

Он открыл другую коробку. Их было не так много. Все его добро, нажитое к двадцати восьми годам, могло целиком поместиться в «Форде пикап». А вот рисовальные принадлежности. Засохшие краски в заляпанных банках, кисти, которые он вовремя не промыл, и теперь они задеревенели, пустые бутылочки, из которых испарился терпентин. Холст с начатым наброском. И целая коробка неиспользованных тюбиков с масляными красками! Как они тут оказались?

Распорядиться, чтобы коробки спустили в подвал? Как знать, что будет? Вдруг однажды все кончится, и придется ему погрузить в машину то, что было его, и убраться во-свояси, на волю: никому ничего не должен, никому ничем не обязан. Вот именно. Так он и сделает.

А где-то еще должны быть его книги, они могут ему понадобиться. И его записная книжечка с адресами. Коробка с письмами. Фотографии. Он перерыл коробки, которые были упакованы хоть и аккуратно, но бессистемно. Странное чувство — вытащить старые джинсы или растоптанные кроссовки. Его черно-красную клетчатую рубашку, купленную на толкучке за три доллара. Некоторые пуговицы он

пришивал сам, Сара показала ему, как это делается. На рукавах заплатки, поставленные еще его матерью, почти совсем незаметные.

Так он перерывал одно воспоминание за другим, извлекая их из коробок и из своей памяти, пока в комнату неожиданно не ворвался Эдуардо.

— Ах, вот ты где, — воскликнул он в радостном возбуждении. — Ты что, весь день хочешь проторчать здесь со своим старым барахлом? Тебя гости ждут!

В комнату за ним ворвался дальний шум музыки, звона бокалов и беспорядочного гула голосов.

Его гости? Это были гости Эдуардо. Это он зазвал их сюда. Молодые художники, молодые бизнесмены, молодые университетские доценты. Он не знал здесь ни души, за исключением Константины, которую заметил перед этим в саду: она флиртовала с мужчиной, одетым во все черное, и он не почувствовал потребности непременно с ней встретиться.

— Да, — сказал Джон. — Может, и проторчу тут целый день с барахлом.

— Нет-нет, ты этого не сделаешь. Это ведь твоя вечеринка, парень! Это твои гости, они подъедают все из твоего холодильника и опустошают твой дом, так что хотя бы поздоровайся с ними. А то и познакомишься с кем, вдруг пригодится?

— У меня сейчас настроение не для вечеринки.

— Ну-ну. Чья это была идея? Кто сказал: Эдуардо, давай устроим новоселье?

— Да, я помню. Это была ошибка. Все эти продолжительные вечеринки — совсем не то, о чем говорилось в предсказании.

Эдуардо уставился на него так, будто тот уронил ему на ногу наковальню.

— Эй, парень! — вскричал он, вращая глазами. — Что ты несешь? — Он погрозил ему полупустым бокалом шампанского. — Я знаю, в чем дело. Ты заразился. Это тебя поразили вирус Вакки.

— Только потому, что я не хочу превращаться в элитарного плейбоя, а хочу жить по-своему?

Полупьяное движение рукой, немного шампанского даже выплеснулось:

— Кончай, — скомандовал Эдуардо. — Даю тебе полчаса на то, чтобы переодеться и привести себя в хорошее настроение. Иначе я натравлю на тебя Константину.

Он захихикал над этой мыслью, вышел за дверь и оставил Джона в милосердной тишине.

* * *

После того как Марвин приземлился в аэропорту Флоренции и прошел паспортный контроль, у него еще целая вечность ушла на поиск таксиста, который хотя бы немного говорил по-английски, и тот, глянув на бумажку с адресом, потребовал плату вперед. Доллары его успокоили. Поскольку вызволение из ломбарда часов Джона обошлось ему всего в пятьдесят долларов, денег у него оставалось достаточно. Несмотря на некоторые накладные расходы, которые Марвин разрешил себе в дороге и накануне.

Они немного проехали по автобану, потом одна за другой пошли узкие дороги, штопором ввинчиваясь в ландшафт. Как можно было строить такие дороги, для Марвина так и осталось загадкой. Каждая встречная машина превращалась в драму, а когда они проезжали какую-нибудь деревню, ему казалось, что они едут прямо сквозь их комнаты. Вся эта Европа — континент архитектуры кукольных домиков.

Наконец на горизонте показалась голубая полоса моря, и они начали плавный спуск. Прогромыхав, сигналив, через древний городишко с портом, полным роскошных яхт, таксист остановился на углу и спросил дорогу у старой карги, а пять минут спустя они оказались в квартале вилл, и, как и полагалось, машина остановилась у самой большой из них.

Марвин сунул водителю еще двадцать долларов, закинул за плечо рюкзак и побрел к имению. У входа было припарковано множество машин из верхнего края ценовой шкалы. Новоселье, о котором Джон упоминал по телефону. Значит, он приехал как раз вовремя. *Partytime, partytime* — ну, сейчас он покажет этим типам, почем фунт лиха...

Неожиданно путь ему преградил этакий бронированный шкаф в форме человека и выпалил ему навстречу автоматную очередь итальянских слов.

— *Non capisco!* — ответил Марвин. — *Sono Americano!*

— Кто вы? — шкаф перешел на беглый английский. — И что вам здесь надо?

Марвин перекинул рюкзак на другое плечо и сделал полшага назад, чтобы получше разглядеть своего противника.

— Коупленд, — сказал он, — меня зовут Марвин Коупленд, я только что из города Нью-Йорка, и если вон то — вилла Джона Фонтанелли, то меня лично ждет ее хозяин, и с большим нетерпением. — Поскольку шкаф все еще не предпринял попытки благоговейно упасть перед ним на колени, он добавил: — Дело в том, что случайно я один из его близких друзей.

— Вы можете предъявить документы?

— А как же. — С тех пор как Джон снова объявился в его жизни, ему приходилось предъявлять документы чаще, чем за предыдущие десять лет. Он сунул шкафу под нос свой паспорт, и тот щелкнул своей рацией и с кем-то переговорил по-итальянски. По крайней мере он различил в этой абракадабре свое имя.

— О'кей, — наконец сказал шкаф и освободил путь. — Вас ждут. Входная дверь прямо впереди.

— Спасибо за наводку, — ответил Марвин. — Большое сердечное спасибо. И смотрите тут, повнимательней.

Уже через окна холла было видно гигантское количество гостей. Разряженные, как для показа мод, особенно женщины, естественно. Бог ты мой, да он тут в своих потрепанных джинсах и старой майке будет бросаться в глаза, как голая женщина на церковной конференции епископов! Только бы еще не все было съедено.

Особенного праздничного веселья он не заметил. Музыки не было, все стояли в ожидании с видом напуганных ягнят. Со стороны все это походило скорее на похороны.

Но его-то, как было сказано, здесь ждут. Итак, прямоком в хату.

Слегка сконфуженный молодой тип во вполне приличном прикиде направился к нему, когда он вошел в холл, схватил его руку и пожал ее.

— Эдуардо Вакки, — представился он, — я адвокат мистера Фонтанелли.

— Ему теперь понадобится немало вашего брата, как я слышал, — высказался Марвин. — Марвин Коупленд. Я нью-йоркский друг Джона.

— Да, я припоминаю. Джон о вас говорил.

— Мило. А где он сам? Я бы хотел с ним поздороваться, если это можно устроить.

— Да дело в том, что... — почему-то вид у Эдуардо был совершенно несчастный. Он теребил воротник своей рубашки, скреб шею и озирался по сторонам, как будто за ним кто-то гнался. — Боюсь, это будет трудно устроить.

— Что, мне нужно было из Нью-Йорка записаться к нему на прием?

— Нет. Но мы только что обнаружили, что Джон исчез, и никто не знает куда.

* * *

После того как истекли назначенные полчаса, Эдуардо подбил собравшихся гостей громко скандировать «Джон! Джон!», а сам с Константиной поднялся по лестнице, чтобы общими усилиями выцарапать его из спальни.

Но когда они открыли дверь, комната была пуста.

Большинство гостей восприняли это как удачный ход в сценарии вечеринки и с воодушевлением включились в поиски по всему дому и саду. Но когда вид телохранителей посуровел и они принялись беспрерывно переговариваться по своим рациям, до гостей стало доходить, что исчезновение Джона вовсе не было запланировано. Потом оказалось, что исчез и «Феррари» Джона, и тут все поняли, что дело принимает серьезный оборот.

— Как «Феррари» мог незаметно исчезнуть? — не понимал Эдуардо. — Он стоял на въезде. На охраняемой территории.

На лбу Марко блестели крошечные капли пота.

— Один из моих людей видел, как машина выезжала, минут двадцать назад. Но он говорит, что за рулем сидел кто-то из пати-сервиса. Из тех парней, что отпарковывают машины.

— И что? Это действительно был один из них? Кто-нибудь отсутствует?

— Это мы сейчас как раз проверяем. Судя по всему, нет.

— Ну, здорово. — Эдуардо тер себе шею. Кажется, рубашка собиралась его задушить. — Вы можете себе представить, что начнется, если нам придется подключить полицию?

Гости стояли вокруг и смотрели на них. Кто-то выключил музыку. Тишина, окружившая всех присутствующих, была гнетущей.

— У «Феррари» есть спутниковая охранная сигнализация, — сказал Марко. — По ней мы можем определить местонахождение машины. Кроме того, мы сейчас выйдем на поиски вертолет с яхты.

Эдуардо грыз сустав большого пальца.

— Нужно взять личные данные всех, кто находится на территории. В основном от поставщиков сервисных услуг.Guests я всех знаю.

— Мы уже занимаемся этим.

* * *

Все это не могло служить причиной, чтобы дать пропасть хорошей еде, решил Марвин. По крайней мере никакой давки; он мог в полном спокойствии нагрести себе полную тарелку. И чего тут только не было! Лосось, икра, консервированные баклажаны, сухая салями, черные оливки, дымящееся филе в корочке и множество блюд, которые он никогда в жизни не видел. Грандиозно.

Ее он заметил, как только взял в рот первый кусок. Она мельком глянула в его сторону и снова отвела взгляд. Марвин перестал жевать и хлопал на нее глазами.

Офигеть! Ноги длиной в миллион миль. Изгибы такие, что дух вон вышибает, а платье — боже! В облипочку. Черное, как и ее грива. Абсолютное сумасшествие.

Он коротко прозондировал положение. Если она здесь с тем типом, надо его быстренько придушить в туалете. Но на это непохоже. Наверное, не так уж и круто выглядело, когда он двинулся напрямик к ней, но на тонкости у него не было времени. Он остановился рядом, коротко глянул туда, куда смотрела она — на телохранителей, которые переговаривались со своими рациями, — повернулся к ней и сказал:

— Хай. Меня зовут Марвин.

Взгляд, холодный, как лед, смерил его с головы до ног и с ног до головы, по всей видимости, анализируя химический состав его одежды и ее стоимость в лирах.

— Хэлло.

— Я лучший друг Джона, — заявил Марвин. «Просто забалтывай ее», — сказал он себе. — Из прежних времен, вы понимаете? Он специально вызвал меня сюда из Нью-Йорка ради этой вечеринки. А сам исчез. Хорош гусь, а?

В ее взгляде все же появился заинтересованный блеск. Она завела волосы за ухо движением, от которого Марвин чуть не выронил тарелку, и улыбнулась ему.

— А вы что, совсем не беспокоитесь?

— А чего беспокоиться. С ним и не такое случалось.

Она продолжала улыбаться.

— Меня, впрочем, зовут Константина, — сказала она.

* * *

Дело с определением местонахождения через спутниковый пеленг затянулось дольше, чем ожидали. Час спустя, когда большинство гостей уже разъехались и люди из пати-сервиса разочарованно убирали почти нетронутые блюда, Эдуардо не выдержал и пошел наверх, чтобы еще раз осмотреть спальню. Марко был против, чтобы не осложнять работу сыщиков-экспертов, которых мысленно уже видел там, но Эдуардо ничего не хотел слышать.

На кресле, повернутом к окну, он обнаружил светлый льняной костюм, который был на Джоне перед этим. Пиджак, брюки, рубашка. Туфли стояли перед креслом.

— Мы запеленговали «Феррари», — Марко остановился в дверном проеме. — Он стоит на окраине города Капанно-ри. Вертолет уже на пути туда.

Эдуардо поднял вверх пиджак:

— Он переоделся перед тем, как исчезнуть. — Раскрыв дверцу платяного шкафа, он осмотрел длинный ряд костюмов. — Мы можем спросить у дворецкого, какого костюма не хватает.

— Сейчас его позовут, — сказал Марко и передал свое распоряжение по рации.

Но вместо дворецкого в коридоре показался этот странный американец — к немалому удивлению Эдуардо, под руку с Константиной, будто так и должно быть. Они беспечно вошли в комнату, и Коупленд с любопытством огляделся.

— Неплохо, — прокомментировал он, как будто больше не о чем было беспокоиться. Он заглянул в частично раскрытые коробки. — Вот только старые вещи слегка потрепаны, а?

Джереми подошел поспешным, но твердым шагом. Он с неподвижным взглядом проверил платяной шкаф и пришел к заключению, что все на месте.

— Но не уехал же он в трусах! — сердито сказал Эдуардо.

— Я тоже так не думаю, — согласился с ним дворецкий.

Эдуардо недовольно смотрел, как Коупленд роется в одной из коробок, вытаскивая оттуда линялую зеленую майку с надписью *Smile if you like sex*.

— Может, он надел что-нибудь из старых вещей? — предположил неопрятный американец.

— С чего бы вдруг?

— Может, ему захотелось потусоваться среди простого народа?

— У него здесь праздник с сотней приглашенных гостей. Не самое подходящее время для такой вылазки.

Человек с засаленными волосами и в майке, которая годилась только на обтирку стержня для проверки уровня масла в картере, пренебрежительно махнул рукой:

— Да бросьте вы! Если бы мне нужно было похитить такого, как Джон, я бы не стал делать это во время вечеринки, где бегает тысяча человек и все дело может миллион раз сорваться. — Он повернулся к Марко: — На вашем месте я бы поехал в этот Капаннори и поискал его в каком-нибудь «Бургер-Кинге».

* * *

Они действительно нашли Джона в Макдоналдсе в центре Капаннори. На нем были джинсы, стоптанные кроссовки и черно-красная латаная рубашка в клетку, он сидел один за столом и уничтожал картошку фри из пакета, когда около него выросли как из-под земли Марко, Эдуардо и двое телохранителей в оттопыривающихся пиджаках.

— Как вы здесь оказались? — спросил он, подняв брови, и отхлебнул кока-колы. — Разве вы не должны сейчас быть на вечеринке?

— Вечеринка закончилась, Джон, — сказал Эдуардо. — Мы думали, тебя умыкнули.

— Умыкнули? О боже. Я просто был не в настроении. И, кроме того, мне хотелось узнать, не потерял ли я еще вкус к бигмаку. — Он довольно улыбнулся. — Слава Богу, не потерял.

Эдуардо смотрел на него, и всем было видно, как многое из того, что вертелось у него на языке, он вынужден был проглотить. А люди со всех сторон уже поглядывали на эту причудливую группу, собравшуюся вокруг молодого парня, который вроде ничего такого не сделал. Группа смахивала на мафию, решил менеджер ресторана и раздумывал, не позвонить ли в полицию.

— Я весь переволновался, — сказал наконец Эдуардо. — Ты мог поставить в известность хотя бы меня?

Джон больше не улыбался.

— Я хотел узнать, могу ли я еще куда-нибудь пойти, не ставя в известность *никого*. — Он смял бумажную салфетку, бросил ее на поднос и встал. — О'кей, теперь я это знаю. Идемте.

Пляж принадлежал людям, у которых на этот пляж не было времени, поэтому он был пуст и заброшен. В это утро даже солнце пряталось за бледными облаками. Море вяло выплескивалось на серый песчаный склон. Дома по ту сторону откоса казались недружелюбными и холодными.

Вот уже несколько дней на пляже можно было видеть мужчину, часами прогуливающегося вдоль моря, иногда по нескольку раз в день. За ним следовал второй мужчина, всегда на некотором отдалении, как будто не имея с первым ничего общего, но проделывая синхронно все его движения. Они шли вдоль берега медленно, потому что трудно было продвигаться по песку, пока не доходили до северного конца, где пляж сужался и начинались скалы, потом они поворачивали и шли обратно. На южном конце пляж резко упирался в бетонную стену канализационного отвода, и там они снова поворачивали.

В это утро на пляже внезапно появился и третий мужчина, бросившись вдогонку за первыми двумя. Бессмысленная затея. Мужчина был грузный, дышал с хрипом и скоро совсем запыхался. Он остановился и начал кричать, маша руками, и ему удалось привлечь к себе внимание уходящих, которые сразу повернули назад.

— Спасибо, что вы смогли приехать, — сказал Джон, дойдя до Альберто Вакки, и пожал ему руку. — Если бы я знал, что вы появитесь так скоро, я бы, разумеется, ждал вас в доме.

— Как я понял по телефону, дело неотложное? — сказал адвокат и вытер со лба пот.

— Нет, я же сказал... гм-м. Что, правда так звучало? — Джон наморщил лоб. — Да, пожалуй, и неотложное. Идемте в дом.

Наблюдатель мог бы заметить скрытую улыбку облегчения на лице телохранителя. Охранники разыгрывали между собой прогулки по пляжу, и кто проигрывал, должен был сопровождать Джона Фонтанелли.

— Ну? — спросил Альберто Вакки, шагая по дорожке. — Как вам нравится в вашем новом доме?

— Хорошо, спасибо. Я должен немного привыкнуть к тому, что кто-нибудь из персонала постоянно крутится под ногами и что-нибудь прибирает, но ничего, бывает и хуже.

— Я несколько удивлен, что здесь нет Эдуардо; последние недели вы не расставались...

Джон мельком улыбнулся.

— Я думаю, он все еще расстроен из-за моей поездки в Капаннори.

Альберто понимающе кивнул.

— У меня тоже было такое чувство. Но все уладится. — Он коротко взглянул на него сбоку: — Но ведь позвали вы меня не из-за этого?

— Нет. — Джон резко остановился, глянул на серое море, покусал нижнюю губу и вдруг посмотрел на Альберто с такой горячностью, как будто набирал разбег для своего вопроса: — Что за человек был Лоренцо?

— Что? — удивился адвокат.

— Вы его знали. Расскажите мне о нем.

— Лоренцо... — Альберто Вакки опустил голову, разглядывая носки своих туфель с налипшим на них песком. — Лоренцо был хрупкий ребенок. Развитой не по возрасту, умница, очень музыкальный, начитанный... Но у него была эта аллергия. На орехи, на яблоки, на никель и так далее. У него выступала сыпь, иногда он был вынужден слезь в постель из-за проблем с кровообращением. А аллергия на пчелиный яд была трагичной. Однажды в семь лет его ужалила пчела, но его успели довести до больницы. Ну вот, а потом сразу эти пять жал, вы знаете. Четыре из них в небо. Должно быть, он откусил фрукт, в котором были пчелы, так сказал врач; наверное, грушу, он любил груши, тем более что это был один из немногих фруктов, которые он переносил.

— Как же он не обращал внимания на пчел?

— Еще как обращал. У него был панический страх перед любыми насекомыми. Нет, панический страх — это не то слово. Он очень даже следил за этим. Избегал всякого соприкосновения с насекомыми. Редко носил шорты, никогда не ходил босиком, а рубашки, выходя из дома, всегда надевал с длинными рукавами. — Альберто вздохнул. — И вдруг случается такое. Это трагедия. Он мне очень нравился.

Джон медленно кивнул, пытаясь представить, что это был за юноша, Лоренцо Фонтанелли.

— Вы сказали, он был очень музыкальный?

— Да, очень. Играл на пианино и на поперечной флейте. Брал дополнительные занятия, некоторое время играл в школьном оркестре. Вообще учился хорошо. Проблем у него не было. Что касается математики, то он был чем-то вроде вундеркинда; в двенадцать лет нашел среди дедушкиных вещей книгу по исчислению бесконечно малых величин и изучил ее самостоятельно. Честно говоря, я и сегодня не знаю, что это такое, возможно, потому и был так впечатлен. Вскоре после этого он принял участие в математической олимпиаде для школьников и завоевал первый приз. Даже в газету попал, с фотографией. У меня есть вырезка; могу вам как-нибудь показать, если хотите.

— Да. Конечно.

Альберто посмотрел на Джона, погруженного в свои мысли.

— У меня такое чувство, что не надо было мне все это вам рассказывать.

Джон медленно вдохнул и выдохнул, и это прозвучало как эхо отлива и прилива.

— Он был подходящий кандидат, не правда ли?

— Джон, вы не должны мучить себя этим.

— Ведь вы так думали?

— Какое теперь это имеет... — Альберто замолчал. Его плечи беззащитно поникли. — Да. Мы все так думали. Иногда мы просто диву давались, как провидению удалось подготовить в наследники состояния такого подходящего юношу. Он мог бы осуществить с его помощью нечто выдающееся.

Джон тонко, почти болезненно улыбнулся.

— И вдруг вам на голову сваливаюсь я. Вот, наверное, было разочарование.

— Мы так не думали, Джон, — сказал Альберто Вакки. В его голосе прозвучала теплота и тревога. — Вы знаете моего отца. Он верит в вас так непоколебимо, как в восход и закат солнца. А мы верим в него.

— Да. Я знаю. — Джон повернулся, сжал его локоть и заглянул в глаза. — Я благодарю вас, что вы мне сказали правду, Альберто. Вам это покажется странным, но мне стало легче. — Он приглашающе кивнул головой: — Идемте в дом, выпьем капучино.

Сербские вооруженные силы обстреляли телецентр в Сараево. В Южной Корее впервые за 35 лет состоялись коммунальные выборы, которые стали триумфом оппозиции. Американский космический корабль «Атлантис» впервые пристыковался к русской космической станции «Мир». А берлинский Рейхстаг все еще стоял укутанный тканью.

Джон читал газету больше от скуки, чем из истинного интереса. С тех пор как Джереми взял на себя заботу о его телесном благополучии, Джон стал ощущать газеты в руках иначе, чем прежде. Когда он однажды спросил, в чем тут дело, ему объяснили, что дворецкий каждое утро тщательно *проглаживает* газеты утюгом — чтобы они легче перелистывались и не пачкали пальцы!

— Извините, сэр, — в дверях гостиной возник Джереми, прямой как палка. — Тут некий Марвин Коупленд, и он желает с вами говорить. — Будто сомневаясь, припомнит ли Джон это имя, он добавил: — Насколько я помню, он был на вашем новоселье, сэр.

— Марвин? — Джон отложил проглаженную газету в сторону. — Он здесь?

— Во входном холле, сэр.

Действительно, там стоял он, бледный и помятый, с рюкзаком на плече.

— Привет, Джон, — сказал он. — Надеюсь, я не оторвал тебя от каких-нибудь важных дел.

Они обнялись, как в старые времена.

— Привет, Марвин, — сказал Джон. — Где ты пропадал?

— Ну... — Марвин сбросил рюкзак. — Я же на твоей вечеринке познакомился с этой женщиной, Константиной. У нее и пропадал.

Джон кивнул. Эдуардо уже что-то рассказывал ему об этом.

— Спасибо, что ты привез мне часы.

— Чего там. Ты же попросил.

— Давай пойдем в салон. Хочешь чего-нибудь выпить? Или съесть?

Марвин шел за ним, шаркая ногами и попутно осматриваясь.

— Чего-нибудь съесть было бы здорово. Это дело я малость запустил.

— Нет проблем, я скажу на кухне. — Джон взял трубку ближайшего аппарата и набрал номер кухни. — Это должно быть что-то определенное?

— Все равно что, — ответил Марвин. — Лишь бы повкуснее и побольше. — Он потрогал сервант из вишневого дерева. — Красиво тут у тебя. Во время вечеринки я и не заметил. Просторно. Как ты думаешь, могу я тут у тебя пару дней перекантоваться в каком-нибудь углу?

— Что ты, да у меня столько гостевых комнат, что я мог бы разместить у себя целую футбольную команду. Оставляй-ся сколько хочешь. Густав? — крикнул Джон, когда повар снял трубку. — У меня гость, который того и гляди умрет от голода. Можете сделать что-нибудь хорошее? Из подручных средств и быстро. И сытно. Спасибо.

Когда он повернулся, Марвин смотрел на него со странным выражением.

— Хорошо у тебя получается, — сказал он. — Этот командный тон, я имею в виду. Как ты гоняешь слуг.

— Ты находишь? — Джон наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что он такого сказал Густаву и в каком тоне. Ему казалось, что все было нормально. И как бы он мог сказать это по-другому?

— Не парься этим, — отмахнулся Марвин.

Когда они вошли в салон, жалюзи автоматически поползли вверх и открыли ошеломительный вид на море и на красное закатное солнце, которое коснулось горизонта. Марвин встал в проходе как вкопанный, словно не понимая, что он видит.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — осторожно спросил Джон.

Марвин с трудом вернулся к действительности.

— Что значит «хочешь»? — спросил он, все еще не придя в себя. — Должен! Иначе мне этого не пережить.

— Чего тебе налить?

— Виски, если у тебя есть. Ах, конечно, у тебя есть. У тебя, поди, все есть.

Вообще-то под «выпить» Джон подразумевал «попить», но он ничего не сказал.

Наливая виски, он поглядывал на друга в зеркало бара. Марвин в чем-то изменился. Наверное, Константина его в конце концов выгнала, иначе с чего бы он приехал с ве-

шами? Пожалуй, это и занимало его — больше, чем он готов был признаться. Пусть немного придет в себя.

— В понедельник утром я лечу в Лондон, а оттуда дальше в Нью-Йорк, — сказал Джон. — У моих родителей годовщина свадьбы. Ты же знаешь, в этот день семья традиционно съезжается. Но ты можешь остаться здесь, не проблема. — В Лондон Джону нужно было на примерку своих костюмов.

Марвин задумчиво кивнул и снова посмотрел на него странным взглядом, в котором было что-то недоброе. Потом он одним глотком осушил свой стакан, поставил его на стол, откинулся и сказал:

— Смотри, Джон. Смотри, как бы эти деньги не изменили тебя.

* * *

Для поездки к родителям он надел свои старые часы — ради отца. Но это казалось ему лицемерием — как будто он ведет ту же жизнь, что и прежде. Поэтому одеться решил так, как ему нравится.

Ища свои документы для выезда, он снова наткнулся на письмо о защите многообразия видов. Кажется, оно с упорством преследовало его. Он решил взять его с собой и в самолете почитать, а потом либо выбросить, либо перевести им деньги. Поскольку он так или иначе собирался основательно подумать, как исполнить пророчице при помощи денег, с чего-то надо начать, пусть это письмо будет исходным пунктом.

Он летел в Нью-Йорк обычным рейсом, первым классом, на верхней палубе реактивного самолета, оборудованной удобными креслами, как в жилой гостиной. Телохранители настояли лишь на том, чтобы для дальнейшей поездки в Нью-Джерси их встретил в аэропорту бронированный лимузин, принадлежащий дружественной нью-йоркской охранной службе.

Письмо было от WWF — фонда «Мир дикой природы» — и просило о финансовой поддержке одной кампании, названной «Живая планета». Целью ее было сохранение двухсот важнейших жизненных пространств Земли — областей, отмеченных неповторимостью, исконностью или редкостью либо по каким-то другим причинам играющих ключе-

вую роль в эволюции жизни. Сохранение этих областей, говорилось в письме, спасло бы ровно восемьдесят процентов сегодняшнего биодиверситета — разнообразия биологических видов.

В последние десятилетия, как Джон узнал из прилагаемого проспекта, исследователи фиксируют столь массовое исчезновение видов, какое в последний раз наблюдалось 65 миллионов лет назад, когда вымерли динозавры. В наши дни, прочитал Джон и снова перечитал, потому что не мог поверить, каждые двадцать минут исчезает какой-нибудь вид. В год это составляет двадцать шесть тысяч видов животных и растений, которые уже не восстановить. Ровно четверть всех позвоночных подвергается опасности вымирания, каждый восьмой вид растений находится под угрозой исчезновения. Это вымирание происходило не где-нибудь в тропических джунглях и касалось не каких-нибудь экзотических видов саранчи или орхидей: в опасности были даже промысловые животные. Это были пятьсот видов рогатого скота, из которых разводилось только двадцать, а остальные неуклонно вымирали. Лишь десять процентов существующих видов кукурузы культивировалось, предпочтительно высокоурожайные, но подверженные многим болезням сорта. Генетический ресурс даже уцелевших видов и рас из-за этого драматически оскудевал.

Все жизненные основы человека, объяснялось в проспекте, находятся в зависимости от действующей экосистемы. Здоровая пища, чистая вода, стабильный климат и так далее предполагают, что есть моря, которые обеспечивают выравнивание температуры и влажности, попутно поставляя жизненное пространство для рыб, что леса накапливают двуокись углерода и производят кислород, что древесина растет, что насекомые берегут человека от опасных вредителей, что микроорганизмы существуют в почве, и без них она бы не плодоносила.

Все эти бесплатные услуги земной экосистемы представляют собой ценность ровно в тридцать триллионов долларов, подсчитал проспект, почти вдвое больше глобального валового продукта.

Джон посмотрел в окно на стальной покров облаков, над которым они пролетали. Впервые он столкнулся с цифрой, с которой мог сопоставить свое невообразимое со-

стояние. Если верить этой цифре, глобальный валовой продукт составляет примерно пятнадцать триллионов долларов. Другими словами, на свои деньги он мог бы купить пятнадцатую часть всех товаров и услуг, произведенных за год на всей планете. Даже не верится. И что можно было бы осуществить с этими деньгами? Прорицание предполагало некое нестандартное действие, некий шаг, нечто решающее, что можно осуществить лишь при помощи колоссальных денег. Но что именно?

Он подождал немного, но на том месте, где он ожидал молниеносной вспышки прозрения, лишь смутно ворочались клубы туманного неведения, и он снова углубился в чтение. Итак, экосистема Земли стоила тридцать триллионов долларов.

Непривычно было взглянуть на природу под таким углом. Аргументы, которые ему до сих пор приходилось слышать в защиту природы, носили в основном эмоциональную окраску — как природа великолепна и как будет ужасно ее обезобразить. Против этого нечего было возразить, но сама дискуссия таким подходом обесценивалась. Разумеется, это было ужасно, что лес вырубается ради строительства автобана или фабрики, но если это для чего-нибудь «необходимо», если чувства меряются силой с деньгами, то выигрывают всегда деньги.

А оказывается, нельзя упускать из виду стоимость экосистемы. Допустим, попытались бы на Луне или другой необжитой планете воссоздать Землю. Тогда пришлось бы самим создавать все то, что Земля дает бесплатно: воду, воздух, многообразие растений и животных, плодородную почву. Воду пришлось бы подвозить или производить искусственно. Воздух пришлось бы создавать, готовить, очищать и так далее. Все это стоило бы безумно много. Неисчислимо, даже если бы на Луне пришлось оживить ареал размером с деревню с ее полями и огородами. Значит, не учитывать стоимость «бесплатной» природы в экономике — просто ошибка в расчете.

Но это значило, что защитники природы просто впустую расточают время, когда блокируют какой-нибудь экскаватор и, стоя на карауле, распевают песни под гитару? Губителей природы надо побивать их же оружием. Просто пойти и разложить их калькуляцию, ввести туда стоимость экосистемы и посмотреть, что получится в итоге.

Но сам он не смог бы это сделать. И наверняка нет достоверного метода подсчета стоимости леса, озера или какого-то вида животного.

В заключение в письме еще раз было подчеркнуто, что экосистема не заканчивается на границах государства, поэтому разговор о ней должен идти на межгосударственном уровне, для чего и предназначен WWF. И что если он решит пожертвовать в фонд солидный взнос — этак с сотню миллионов, — то его будут чествовать на особой церемонии. Джон убрал письмо, попросил принести ему фруктовый коктейль с капелькой алкоголя и задумчиво смотрел в окно.

Что же было причиной массового вымирания видов? Исчезновение нетронутой природы. Люди со временем не оставили на земле живого места. Куда бы ни ступала их нога, всюду они ведут разведку и в конце концов начинают использовать каждую пядь. Вырубают леса, строят дома, удобрениями, пестицидами и машинами добывают себе из земли пропитание. А причина этой экспансии совершенно банальная: рост населения. Все больше становится людей, которые хотят есть, которые где-то должны жить, которые, опять же, рожают детей. И так далее.

И все это было так сложно. И так безвыходно. Может, он должен потратить свой триллион на то, чтобы обеспечить весь мир презервативами и противозачаточными пилюлями? Это и было средоточием всех проблем? Люди, много, много людей. Толпы, тьмы, поток людей, выходящий из берегов, их все больше, и им приходится тесниться все на той же планете.

Он огляделся в салоне первого класса, который был тесноват, но все же гораздо просторнее нижней палубы эконом-класса, набитой пассажирами, как сардинами в банке; вспомнил свою виллу на берегу моря, высокую ограду вокруг сада, охранников, приватный пляж, яхту. Как внезапная зубная боль, его пронзила мысль, что богатые люди тратят большие деньги на то, чтобы отгородиться от этого человеческого потока.

* * *

Он боялся, что родительский дом покажется ему чужим, бедным и жалким, как его старая посуда. Но когда он пере-

ступил порог и вдохнул родные запахи, сразу почувствовал себя дома и на родине. Он обнял мать в прихожей, где пахло кожей и ваксой из мастерской, которую отец на этот день закрыл. В гостиной все было пропитано ароматами из кухни, томатами, свежим базиликом и отваром из-под макарон, и Джон обнялся с отцом, а мать все это время никак не могла унять свои восторги, какой же он загорелый да статный.

Все было как обычно. Коричневые обои с ромбовым узором в прихожей, потемневшие с годами. Лестница наверх, третья ступенька которой по-прежнему скрипела. Его комната, в которой ничего не изменилось со времени его переезда к Саре. Он будет ночевать сегодня в музее. И все тот же неопределимый запах на верхнем этаже, который сразу вызвал в нем воспоминания детства.

Но телевизор в гостиной был новый. Он сел на софу, спинку которой украшали вязанные крючком салфетки, и сказал, что у него все хорошо. Мать накрывала стол. Отец рассказывал, что у нее в последнее время побаливают ноги. Он никак не отметил тот факт, что Джон носит его старые часы, но этого и нельзя было ожидать от отца.

Вскоре приехали Хелен и Чезаре. Они привезли большой букет цветов. В том, как они здоровались с Джоном, ощущалась какая-то неловкость, будто они не знали, как теперь вести себя с ним. Хелен выглядела как всегда: интеллектуальная женщина и доцент философии, распущенные длинные волосы, одета в модное черное, вне возраста, как будто изобрела способ укрыться от внимания проходящих лет. Чезаре, напротив, все лысел, отчего казался старше сорока лет, хотя ему не было и тридцати девяти. Этих напряженных складок у губ в прошлом году у него еще не было. Чезаре все еще был худощав, но выглядел не особенно счастливым.

— Какая это у вас годовщина? — спросила Хелен, когда все садились за стол. О Лино никто не проронил ни слова, и лишнего стула за столом просто не было. — Тридцать девятая? О, тогда на будущий год надо сделать что-то особенное: юбилей!

Джон заметил, как мать при этих словах вскинула на него быстрый взгляд.

— Посмотрим, — коротко сказала она.

Сальтимбочча была великолепна. Просто уму непостижимо! Джон, пережевывая первые кусочки, смотрел в тарелку и пытался вспомнить, ел ли он что-нибудь более вкусное в последние бесчисленные обеды и ужины в дорогих ресторанах. Или ему только кажется, потому что он вырос на этой еде?

— Джон, — вполголоса спросила мать, — а эти двое непременно должны сидеть в прихожей?

Он не понял, к чему она клонит. Его другая, новая жизнь показалась ему в этот момент далеким сном.

— Это их работа, мама.

— Но ничего, если я вынесу им тарелку?

Охранники дали себя уговорить пройти на кухню и поесть там за столом.

— У них же под пиджаками оружие, — испуганно прошептала мать, вернувшись.

Тут он снова вспомнил про свои намерения. За десертом он объявил, что собирается сделать каждого члена семьи финансово независимым.

— И Лино, разумеется, тоже, — добавил он.

Каждый получит десять миллионов, капитал, на проценты с которого можно безбедно жить, никогда больше не думая о деньгах.

— Такие подарки облагаются налогом, — заметил Чезаре тоном финансового служащего.

Его отец откашлялся, взял с колен салфетку, положил ее на стол и нахмурил кустистые брови.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Но работать я не перестану.

— Но тебе больше не понадобится работать!

— Здоровый человек должен работать. Так устроена жизнь. Джон, не могут же все люди жить на проценты! Кто-то должен печь хлеб и чинить обувь. Деньги я приму и скажу спасибо и перестану беспокоиться, что их на что-нибудь не хватит. Это будет большое облегчение, да. Но в принципе я считаю, что эти заботы есть только потому, что мы неправильно устроили мир, если честно работающий не может нормально жить.

Джон посмотрел на отца и подумал, что, наверное, сделал какое-то смешное предложение. Хелен тоже ошетинилась и заявила:

— Мы не возьмем твои деньги, Джон. Извини. Я знаю, ты от чистого сердца, но они нам не нужны. У нас у каждого есть профессия, мы хорошо зарабатываем, и у нас есть все, что нам нужно.

— Я понимаю, — сказал Джон, сохраняя самообладание, и посмотрел на своего старшего брата. Тот утвердительно кивнул, но по его лицу пробежала тень, и Джон спросил себя, не приняла ли это решение одна Хелен. Ведь за столом у них не было возможности обсудить это.

— Несколько лет назад, — начал рассказывать отец, — один человек на нашей улице выиграл в лотерею. Джанна, ты его помнишь? Он еще все время выгуливал пуделя с белым пятном на лбу... Русский, Мальков, что ли...

— Маленков, — поправила мать. — Кэрол Маленков. Но он из Польши.

— Маленков, правильно. Он выиграл в лотерею два миллиона долларов, кажется. Шофер автобуса. И перестал работать, только гулять ходил. Я его постоянно видел с собакой. И вдруг через полгода слышу: он умер. Его жена сказала, что ему было вредно ничего не делать. Сердце так разленилось, что перестало биться.

— Богатство осложняет жизнь, — встала Хелен. — Ты, может быть, еще не осознал это. Но у тебя теперь большая вилла, машины, яхта, прислуга... Обо всем этом надо беспокоиться. Это отнимает много времени, которое тебе уже не принадлежит. И спрашивается, кто кем владеет — ты собственностью или она тобой?

— Ну да, — осторожно ответил Джон. — Раньше я целый день развозил пиццу, чтобы заплатить за комнату. И мне принадлежало еще меньше времени.

Он не хотел говорить ей напрямую, что она понятия не имеет о том, что значит быть богатым.

— Но охранники! — воскликнула она. — Джон, уж лучше я буду работать, чем постоянно терпеть около себя охранников.

— Иметь триллион долларов — это, конечно, некоторое извращение, я признаю, — сказал Джон.

— Нет, нет. Сейчас каждый доллар, который у меня есть, я зарабатываю сама. Я потеряла бы это чувство независимости, если бы приняла твои деньги.

Джон пожал плечами:

— Воля твоя.

А о Чезаре как бы и речи нет, да?

* * *

По дороге к кафе, в котором когда-то их отец сделал предложение их матери, Хелен спросила его, почему он просто не раздаст свои деньги по разным благотворительным организациям.

— Ты же можешь оставить себе десять миллионов и жить на проценты, как сам сказал. И горя не знать ни с богатством, ни с бедностью.

— Горя я и так пока не знаю, а заботы есть, но совсем другие, — признался Джон. Стоял великолепный солнечный день, блестели длинные шеи фонарей и почтовый ящик на углу. Уличное движение было оживленным.

Их родители рука об руку шли немного впереди, и Джон рассказал своему брату и невестке о прорицании, связанном с наследством их предка, и о том, что должен сохранять деньги для намерения, которое можно будет осуществить только с большими деньгами, но что это за намерение, он пока не знает.

Хозяин кафе, как и каждый год, зарезервировал для них определенный столик.

— Я сидела вот здесь, — рассказывала мать с грустной улыбкой, — а ваш отец здесь. На том же самом стуле.

— Конечно, теперь это уже не тот стул, — проворчал отец и запыхтел, чтобы не выказать волнения.

— У нас был капучино.

— А разве не кофе *con latte*?

— И мы пришли сюда из кино на Пятой, это с голубой башенкой, которую потом снесли. Был фильм с Кэри Грантом.

— «Над крышами Ниццы». Так он назывался.

— Я еще всеми мыслями была в фильме. А он вдруг и спрашивает меня, не хочу ли я выйти за него замуж! Представляете?

— Я боялся, что если сейчас не спрошу, то уже никогда не спрошу.

— Он сам тогда походил на Кэри Гранта, ваш отец.

— Ой, ну что ты...

— И я сразу же сказала «да», ни секунды не раздумывая. Он взял ее руку в свою, изработанную, с возрастной пигментацией.

— А вышла бы ты за меня сейчас, если бы можно было повернуть время вспять?

Она обняла его:

— Хотя тысячу раз поворачивай, все равно бы вышла!

Они поцеловались и застенчиво отпустили друг друга, будто в их поцелуе было что-то неподобающее, и оба засмеялись, осознав, как старомодна их реакция.

Потом все заказали капучино — только Хелен захотела эспрессо — и пирожные. Джону показалось, что Чезаре и его жена как-то напряжены. Видимо, эта сцена, повторявшаяся из года в год, не вводила их в лирическое состояние.

На обратном пути Чезаре втянул Джона в разговор о футболе, который наводил на Хелен скуку, и она присоединилась к своим свекру и свекрови. Чезаре немного придержал Джона, чтобы отстать от остальных.

— Если вернуться к этому разговору насчет денег... — он запнулся, не зная, как продолжить.

— Ну-ну? — подбодрил его Джон.

— Несколько месяцев назад я приобрел один пакет акций. Мне казалось, что дело верное. И я решил рискнуть. — Чезаре помедлил. — Хелен про это ничего не знает. Естественно, все лопнуло, и теперь у меня проблемы с выплатами за дом и за...

— Все ясно. Только дай мне номер твоего счета.

— Ты же знаешь, финансовые служащие зарабатывают копейки, поэтому я думал, если ты... ну, ты ведь сам предложил...

— Чезаре, тебе ни в чем не надо оправдываться. Хелен ничего не узнает, это я тебе обещаю.

Его брат, убедившись, что его лучшая половина не видит и не слышит, сунул Джону бумажку, которую написал заранее — в туалете кафе.

— И, Джон, только не десять миллионов, пожалуйста.

— Почему нет?

Подбородок Чезаре заметно дрожал.

— Я же сказал, тогда придется платить налог на дарение, и я не смогу держать это в тайне от Хелен.

— Понял. Тогда сколько?

— Сумма, свободная от налогов, ограничена десятью тысячами долларов в год. Если бы ты перевел мне десять тысяч сейчас и еще десять тысяч в будущем году...

— Двадцать тысяч? И все? Ты это серьезно?

— Только чтобы покрыть потери. А дальше я управлюсь.

— Ну, хорошо. Я сделаю, как скажешь. Какие проблемы!

— Спасибо. — Чезаре вздохнул. — А с десятью миллионами я бы не управился, честное слово. Я не знаю, что с ними будет делать папа. А ты сам? Я удивляюсь, как ты еще не свихнулся!

Джон пожал плечами:

— Еще успею.

* * *

Им пришлось улететь вечерним рейсом, потому что Чезаре взял на работе только один день отгула. Было долгое прощание с объятиями и поцелуями, в которое втянули и Джона, не обошлось и без материнских слез. Они поймали на улице такси, при этом оба охранника стояли неподалеку как тени.

Потом все вернулись в гостиную, и отец налил кьянти.

— Знаешь, Джон, — сказал он после первого глотка. — Я счастливый человек. Ну, у меня не всегда такой уж сияющий вид, но ведь можно быть счастливым, даже забывая о том, что ты счастлив. Но когда я прихожу в чувство, то вспоминаю, что я счастливый человек. Не только потому, что я женился на твоей матери и живу с ней в удачном браке, хотя это, разумеется, тоже важно. Но прежде всего я счастлив, потому что люблю свою работу. Видишь ли, можно любить жену, это прекрасно, но сколько времени ты ее видишь? Ну, час, может, два в день. А на работе ты целый день, поэтому даже по времени работа важнее всего. Я люблю кожу — как она пахнет, какова она на ощупь под пальцами, — я люблю резать кожу, протыкать в ней шилом дырочки для дратвы; я люблю стук молотка, когда прибиваю каблук, и люблю пришивать на машине новую подошву. Пусть я не самый лучший в мире сапожник. Наверняка нет. Я уже давно не шью башмаки сам, я их только чиню. Вот, мои собственные туфли я сшил себе сам, но это было уже давно. Лет десять, наверное, а то и пятнадцать. Ну, неважно. Что я хочу сказать — что я хорошо себя чувствую.

когда сижу в своей мастерской, среди всех этих башмаков, с инструментами на стене, со старой машиной, которая пахнет машинным маслом, и с банками ваксы. Время от времени приходят люди, поболтаешь с ними, потом снова остаешься один и предаешься своим мыслям, пока руки сами делают свое дело.

Он еще отпил вина и с наслаждением почмокал.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хочу бросать работу? Мне это нравится — так зачем же мне бросать? Только потому, что это называется «работа»?

Джон кивнул.

— Но деньги ты все равно возьмешь.

— Да, я же сказал. И буду рад, что у меня больше нет никаких забот. Знаешь, какие у меня были заботы? Что вдруг мне не хватит того, что я зарабатываю в мастерской, и тогда придется идти куда-нибудь на фабрику. Это счастье, что я вовремя купил дом и выплатил его, потому что, если бы мне пришлось платить нынешнюю квартплату, я бы не справился. Не знаю, что будет дальше с малым бизнесом, да я и не понимаю в этом ничего, пусть теперь другие ломают над этим голову.

— Дай же мальчику сказать хоть слово, — укорила его жена. — Расскажи, Джон, каково тебе живется там, в Италии?

Джон держал бокал обеими руками, словно шар предсказателя, и рассматривал темно-красную жидкость. Свет старой лампы под потолком порождал в глубине вина мерцание. Аромат был сильный и пряный.

— Расскажите мне, — задумчиво попросил он, — что вы знаете о Лоренцо.

Она сидела в своем кресле, словно закаменев, застывшая, оглушенная, безвольно предоставив себя ходу событий. Она смотрела вперед невидящим взглядом, когда пассажирам объясняли про кислородные маски и привязные ремни, и едва заметила, как самолет взлетел. Она знала лишь, что вокруг нее люди и что все кончено.

Если бы она знала, чем все кончится. Она хотела устроить сюрприз. Видит Бог, ей это удалось. Будь у нее слезы, она бы оплакала все, что произошло. Ее сердце все еще колотилось, хотя прошло уже несколько часов с того момента, когда она кричала, кусалась и царапалась, пока служащие отеля не оттащили ее. Окажись у нее в руках нож, она стала бы убийцей. Даже сейчас она все еще кипела от неукротимой ярости, от безмерного отчаяния, испытывая блаженство от одного представления: вонзить ему нож в горло, отсечь ему все мужское, кастрировать его, как собаку.

Урсула Фален, студентка исторического факультета, свободная журналистка из Лейпцига, двадцати шести лет и вот уже три часа как одинокая женщина, закрыла глаза. Как это больно. Как рана — в утробе, в душе. Как будто он вырезал из нее кусок. Впору было скорчиться в позе эмбриона, свернуться калачиком и выть, скулить и жалобно стонать остаток своей жизни. Но она знала, что никогда не сделает этого, что завтра с утра продолжит свою работу, и никто по ней не заметит, что произошло.

Открыть дверь своим ключом и увидеть его голым — это не самое страшное. Даже обнаружить ту женщину, тоже, естественно, голую, — не самое страшное. А вот что пронзило ее тело и душу как холодная сталь: то, как он обращался с ней. Как он говорил, как двигался, его интонации, жесты... Все это было *ее*, принадлежало только *ей*, а он раздавал это другим! То, что она принимала за его любовь, за неповторимость их отношений, оказалось всего лишь приемом, его личным способом укладывать женщин в постель.

Сколько денег она извела, от скольких журналистских заданий отказалась, чтобы как можно чаще бывать в Нью-

Йорке. Она вложила в эти отношения не меньше, чем стоит хороший подержанный автомобиль среднего класса — а он просто променял ее на другую!

Дышать. Вдох. Выдох. Ни о чем не думать. Чувствовать, как тело вжимается в кресло. Ощущать прохладное дуновение кондиционера. Слушать грохот двигателей, беседу сидящих рядом...

— Слушай, ведь Джон достаточно образованный американец конца двадцатого века, — голос женщины, нетерпеливый, раздраженный. — Как он может всерьез верить в такие вещи, в это дурацкое прорицание?

— Мне не показалось, что он в него верит всерьез, — голос мужчины, неуверенный, безвольный. — Он лишь принял это к сведению, а сам сомневается, есть ли тут что-то разумное.

— Нет, нет, дорогой. Он ясно и четко сказал, что хочет сохранить деньги, потому что они понадобятся ему целиком, чтобы исполнить прорицание.

— Он так сказал?

— Да, так.

А голос внутри нее нашептывал, что она обо всем догадывалась. Когда она получила задание написать большую статью к столетию автомобиля? В декабре. Уже тогда было ясно, что журналистские поиски приведут ее в Чикаго и Детройт. И как часто с тех пор они виделись или говорили по телефону? Она ничем не выдавала себя. Полететь из Чикаго в Нью-Йорк, чтобы сделать ему сюрприз, было не таким уж спонтанным решением, как она пыталась убедить себя. Ревность уже несколько месяцев подсказывала ей этот план. *Чем он занимается, когда меня нет?*

Теперь она знает чем. Он трахает молоденьких студенток.

— Наверное, ты права, — снова мужчина. Не любит спорить и просто хочет, чтобы его оставили в покое. — Может, он и вправду верит в это. И что в этом плохого?

— Меня это тревожит. Это как наша Маржори, которая боится выйти из дома, если гороскоп неблагоприятный.

А как он был великолепен, когда она увидела его на балу прессы международного исторического общества. Доктор Фридрих Функ. На пятнадцать лет старше ее, мать американка, отец немец, вырос в Германии, потом сделал блестящую научную карьеру в США, стал доцентом истории в Нью-Йорке, консультант ООН. Это он организовал изучение исторической подоплеку балканского конфликта, с которым познакомился генеральный секретарь ООН, прежде чем принимать решения по конфликту в Боснии. Разумеется, она чувствовала себя польщенной интересом такого человека. Как она могла устоять против его похвалы ее работам?

А он всего лишь принял ее в свой гарем.

— Я могу понять, что этот Джакомо Фонтанелли верил в свое видение. Он жил в пятнадцатом веке. Тогда это было нормально. Но сегодня? Я тебя умоляю!

О чем говорит эта женщина? Фонтанелли — это имя она уже слышала, в другой жизни, полной мечтаний и ослепляющей влюбленности. Не тот ли это парень, что унаследовал триллион долларов? Она тогда приняла это сообщение за утку, но оно оказалось правдой. Проценты и проценты на проценты плюс пятьсот лет — все журналы подсчитали это с точностью до пфеннига. С того времени в Германии втрое выросло число сберкнижек, открытых на новорожденных.

Урсула Фален мельком глянула на соседей. Мужчина показался ей знакомым. Конечно, она видела его лицо в газете. Старший брат наследника-триллионера. Единственный женатый из братьев. «Будь у этого человека сын, он стал бы богатейшим человеком мира», — вспомнила она подпись под фотоснимком. — А так он остается служащим американских финансовых органов с годовым доходом сорок тысяч долларов. Значит, рядом — его жена.

Прорицание? Что за прорицание?

Урсула Фален откашлялась.

— Извините меня, — улыбнулась она, насколько была в силах. — Мне некуда деться, и я поневоле слышала ваш разговор... Ваша фамилия Фонтанелли, да? — Скептически-

кие взгляды обоих, особенно женщины, растопились, когда Урсула добавила: — Я журналистка, из Германии. Могу я спросить вас напрямую, что там за прорицание?..

* * *

Во время обратного полета в Европу Джон принял решение разыскать семью своего умершего кузена Лоренцо. Он сам не знал для чего, но чувствовал настоятельную потребность узнать как можно больше о юноше, с которым не был даже знаком.

Прибыв в Портесето, он узнал, что Марвин исчез, никого не предупредив и не оставив записки. В понедельник утром, по словам Джереми, он якобы позвонил куда-то по телефону, а потом без слов удалился со своим рюкзаком. София, экономка, видела, как на улице он садился в проезжающую машину. Франциска, горничная, заявила, что уже убрала его комнату, «все выгребла», как она выразилась. При этом она нервно кусала губу, и вид у нее был виноватый, как будто американский гость удрал из-за нее.

— Странно, — огорчился Джон. Он-то предвкушал, как они вечером посидят с Марвином. Но того, видимо, замучила ностальгия, и он улетел.

Остаток дня Джон ходил вокруг телефонного аппарата, не решаясь позвонить своим римским родственникам. Ведь они его совсем не знали. Для них он, должно быть, человек, который корыстно воспользовался смертью Лоренцо. И лишь когда солнце достигло горизонта и гостиная наполнилась отблесками костра, которым горел закат, он наконец пересилил себя и набрал номер.

И вдруг оказалось, что женщина на другом конце провода, мать Лоренцо, жена кузена его отца, безмерно обрадовалась, что кто-то интересуется ее умершим сыном. Да, разумеется, он может приехать, в любое время, когда ему удобно. И завтра, нет проблем, она дома.

Джон испытал облегчение, когда положил трубку, но рубашка была мокрой от пота. Солнце погрузилось за бордовый оком, и в зените проступили звезды. Он глянул вверх на сдержанно мерцающие точки и сказал себе, что перед лицом вселенной не имеет никакого значения, спасет он будущее человечества или нет, звезды будут по-прежнему светить в своем высокомерном безразличии.

На следующее утро, к своему удивлению, он увидел в салоне, на белом диване, Марвина: тот развалился, лениво листая английский музыкальный журнал.

— Привет, — сказал он, не вставая. — Ну что, хорошая погода в Нью-Йорке?

— Да, пожалуй, — сказал Джон. — Была хорошая. — Он опустилсЯ в одно из кресел. — Я удивляюсь, что ты здесь. Вчера вечером я готов был спорить, что ты улетишь домой.

— И не собирался. Мне здесь нравится. Я пока останусь, если ты не возражаешь.

— Естественно, нет. Я же тебе сказал. — Его сбивало с толку, что Марвин, разговаривая, не смотрит на него. И он не мог отвести взгляда от тяжелых черных ботинок Марвина, которые небрежно лежали на белом подлокотнике дивана. — Хорошо, — сказал Джон, стараясь скрыть свое смущение. — И чем ты собираешься заняться здесь, в Италии?

— Тем, чем я обычно занимаюсь. Валить дурака, — коротко ответил Марвин, разглядывая изображение черной бас-гитары. Он чесывал себе спину, и его ботинки елозили по коже дивана со скрипом, который Джон ощущал почти физически.

— Послушай, — сказал он, — а ты не мог бы убраться с ботинок с дивана?

Марвин недовольно поднял взгляд:

— Ты что, стал таким мещанином?

— Это кожа альпака. Мне отсюда видно, как твои подошвы оставляют на ней черные полосы.

Марвин даже не шелохнулся.

— Я думаю, ты не обеднеешь, если купишь новый.

— Правильно, но я не буду этого делать, — вырвалось у Джона с резкостью, какой он сам от себя не ожидал. — Кто-то работал над этим диваном, вложил массу сил. Каким бы богатым я ни был, это не дает мне права попирать его работу ногами.

— О'кей, только не волнуйся! — Марвин спустил ступни на пол, не вставая, приняв при этом совершенно неестественную позу. — Доволен?

Джон спросил себя, нормально ли с его стороны было затеять эту ссору из-за дивана, сделанного из бессмысленно чувствительной кожи.

— Извини, — сказал он.

— Ничего, — великодушно ответил Марвин. — Я понимаю. Ты теперь богатый человек, а у богатых людей такие вещи, что за ними нужен глаз да глаз.

Джон ничего не сказал. Он с ошеломительной ясностью понял, что больше они не друзья и не товарищи по несчастью, какими были еще три месяца назад и какими уже никогда не будут. Между ними непонятным образом встали деньги.

— Я, кстати, был у Константины, — ни с того ни с сего заявил Марвин.

— А. Хорошо. Я... ну да, в прошлый раз, когда ты вернулся... я подумал, что это была просто интрижка.

— Она и была. И еще какая. Не представляешь, как она подседала на меня. — Марвин продолжал листать журнал. — Мы всю неделю трахались так, что глаза из орбит вылезали, и я решил, что пара дней перерыва не повредит. — Он засмеялся блеющим смехом. — Будущая прокурорша... Ее сразило, когда я предложил ей косяк. Прикинь, она никогда ничего такого не курила.

Джон заморгал. Марвин, должно быть, не в своем уме, если таскает с собой марихуану.

— А как же Бренда?

Марвин пренебрежительно махнул рукой:

— Забудь о ней. В последнее время у нас были одни проблемы. — Он отложил журнал и поднялся, осмотрел залитый солнцем салон, будто оценивая его стоимость. — Скажи-ка, ведь у тебя наверняка найдется для меня работа, а?

— Работа? — озадачился Джон.

— Ну, ты мог бы взять меня кем-то вроде личного секретаря, — сказал Марвин. — Порученцем. Как в этом случае, с часами твоего отца. Скажи, ведь я проделал это первоклассно, а? Если бы тот тип из ломбарда заметил твоё имя, выгравированное на часах, тысячей долларов, которую ты мне прислал, отделаться бы не удалось.

Джон уставился на него. Он чувствовал себя захваченным врасплох.

— Не знаю...

— Тебе же нужен такой человек, ты что, не понимаешь? — В голосе Марвина появился тот назойливый, клан-

чащий тон, каким он уговаривал Константиноса дать ему дополнительный кредит. — Ты теперь богат и знаменит. Ты шагу не можешь ступить без телохранителя. На тебя всюду тарашатся. Твои деньги — это золотая клетка, поэтому тебе нужен личный секретарь. Кто-нибудь вроде меня — интеллигентный, находчивый, заслуживающий доверия. Кого ты можешь послать незаметно натаскать тебе каштанов из огня...

Джон чувствовал себя загнанным в угол. Ему совсем не нравилось предложение Марвина. Где бы Марвин ни работал, он всегда жаловался, что его нещадно эксплуатируют. И со временем Джон стал сомневаться, такой ли уж безвинной жертвой был сам Марвин.

С другой стороны — чем дольше Марвин его уговаривал, тем более неотвратимым казался ему этот шаг. Как будто новый базис для их отношений мог возникнуть только таким путем.

— Ну хорошо, — сказал он наконец без особого воодушевления. — Считаю, что ты принят.

— Эй, я знал, что могу на тебя рассчитывать, старина, — расплылся Марвин в улыбке. — Тогда я останусь здесь жить; в конце концов твой секретарь всегда должен быть у тебя под рукой, а? — Должно быть, при этих словах тень пробежала по лицу Джона, потому что Марвин поспешил добавить: — На первое время. Я думаю, ненасытная Константина все равно потребует, чтобы я переехал к ней. Ах, да, — вспомнил он, — а сколько ты собираешься мне платить?

У Джона не было желания ломать над этим голову:

— А сколько ты хотел?

— Как насчет пяти тысяч долларов в месяц?

— О'кей.

Что такое были для него, в конце концов, пять тысяч долларов? Долгий вздох, не более того. Кроме того, все равно кончится тем, что Марвин все время будет пропадать у Константины.

Джону пришла в голову одна мысль, и он достал блокнот, который был с ним в самолете.

— У меня сразу есть для тебя дело.

— Ну, вы только посмотрите на него, — сказал Марвин с прохладцей.

— Мне нужно несколько англоязычных книг. Джереми я не могу это поручить, потому что он испанец и по-английски понимает не больше, чем необходимо для дворецкого. А ехать самому, с телохранителем и все такое, мне бы не хотелось.

— Книги? — судя по виду Марвина, он впервые в жизни слышал это слово.

— Все, что сможешь найти про защиту окружающей среды, рост населения, парниковый эффект, загрязнение воздуха, вымирание видов, озоновые дыры и так далее. Ты должен собрать целую библиотеку на тему будущего Земли.

— Момент, — проворчал Марвин. — Я должен все записать. Есть у тебя чем записать?

Джон дал ему шариковую ручку из своего блокнота, и тот стал царапать на обложке своего журнала.

— Ну, как там? Защита природы и что еще?

Джон еще раз продиктовал ему список.

— И, кроме того, книги на тему экономики и финансов. Все, что сможешь найти.

— Тебе понадобятся, наверное, целые стеллажи.

— Да. Их ты тоже купишь. И установишь. Один из маленьких салонов перестроим в библиотеку.

Марвин нахмурил лоб, пока писал.

— Ты хоть знаешь, где в этой макаронной стране можно раздобыть английские книги?

— Нет, — признался Джон. — Я бы начал с Флоренции, все-таки университетский город.

— С него и начнем. Можно мне взять твой «Феррари»?

— Он мне сейчас самому нужен, — ответил Джон. Если уступать Марвину во всем, то ему понадобится и твоя зубная щетка. — Ты можешь взять маленький фургончик. Ключи у Софии.

— Это экономка?

— Да.

— О'кей. — Марвин неохотно поднялся. — Как-то все пошло быстрее, чем я думал. При случае я открою счет, и мы все оформим, о'кей?

— Открой. Все реквизиты отдашь Джереми, персоналом управляет он.

— Я вижу, у тебя все налажено. — На выходе он обернулся с недовольной миной и помедлил. — Можно еще один вопрос?

— Конечно.

— Ты платил бы мне и десять тысяч, если бы я запросил? Джон пожал плечами. Этого он и сам не знал.

— Вот черт, — буркнул Марвин и вышел.

* * *

Когда вскоре после этого зазвонил телефон, Джон уже знал, что это незнакомец. Просто знал, и все.

— Ну, вы подумали? — спросил его звучный голос.

— Все время думаю, — ответил Джон, испытывая желание позлить его. — Вы вчера случайно не летели из Нью-Йорка в Париж?

— Что-что? Нет.

Надо же, оказывается, и его можно сбить с толку.

— Мне почудилось, что я вас узнал.

Момент тишины, потом тихий смех:

— Хороший прикол. — И снова полное самообладание. — Но назад к вашим планам. Что вы будете делать с вашими большими деньгами?

— До сих пор лучшей идеей, которая меня посетила, было финансирование всемирного проекта контроля за рождаемостью. — И почему он ему это рассказывает? Тем более что это ложь. Правдой было бы то, что у него нет никакой идеи. Но в этом он не собирался признаваться.

— Занятно. — Это прозвучало почти как похвала. — А могу я спросить, какие мотивы двигали вами?

Джон прошел к дивану, сел и попытался во время разговора оттереть следы ботинок Марвина, посплюнув палец. Тщетно.

— Я думаю, все проблемы человечества тесно переплетены между собой. Проблемы возникают из причин, которые в свою очередь являются следствиями других проблем. И если распутать эту цепочку до ее начала, то натолкнешься на то, что население Земли неудержимо растет. Рост населения — это то, что Саддам Хусейн назвал бы «матерью всех проблем».

Казалось, эта формулировка развеселила собеседника.

— Пока я с вами согласен.

— Итак, ни одну из этих проблем нельзя решить саму по себе, но можно решить все проблемы одним махом, если

добраться до корневой. — Ему доставляло удовольствие говорить. Мысли приходили к нему на ходу, без предварительного обдумывания. Он сам себе удивлялся. — А проблему роста населения можно решить только введением контроля над рождаемостью.

— Хорошо. В принципе верно. Но за оригинальность или глубину мысли я пока не дам вам ни одного балла, разве что вы опишете мне, как этот проект должен выглядеть конкретно.

Джон нахмурил брови.

— Как это должно выглядеть конкретно? Ну, контроль за рождаемостью — это значит противозачаточные средства. Необходимо сделать эти средства доступными для людей, объяснять им, как они применяются, и так далее. И так по всему миру.

— О каких «людях» мы говорим? О мужчинах? О женщинах? И что вы хотите сделать им доступным? Пилули? Кондомы?

— Ну, это уже частности.

— Частицы, правильно. Но вся жизнь состоит из частей. Что вы сделаете со странами, где ваши действия будут под запретом? Страны, в которых правят фанатичные муллы или сильно влияние Папы? И что вы сделаете с людьми, которые *хотят* детей? Вы заблуждаетесь, если думаете, что в развивающихся странах на свет рождаются только нежеланные дети.

— Хм-м. — Об этом Джону действительно нужно было еще подумать. До сих пор его идеи, как исполнить пророчество, по уровню были не выше, чем болтовня в пивной за столом для завсегдатаев.

— Я думаю, нам уже пора наконец встретиться, — сказал незнакомец.

— Сперва вы мне должны сказать, кто вы, — ответил Джон.

— Это вы узнаете, когда мы увидимся.

— Пока я не узнаю вашего имени, мы не сможем договориться о встрече.

Патовая ситуация, так это называется.

— Ну, хорошо, — сказал звучный голос. — Значит, мы не встретимся. Но, мистер Фонтанелли, пожалуйста, поду-

майте вот о чем: я знаю, что делать. Вы этого не знаете. Если вы захотите это узнать, вам придется приехать ко мне, это как минимум.

И он положил трубку.

Джон смотрел на телефон, наморщив лоб.

— Что он о себе воображает? — пробормотал он.

* * *

На следующее утро он мчался в Рим в сопровождении Марко, который после одного безрассудного маневра Джона сухо сказал, что может защитить его от злодеев и похитителей, но не от столкновения с грузовиком. Они добрались до пригородов, когда открывались магазины, и Джон купил большой букет цветов. Флористка, которой он объяснил, чего хочет, заверила его, что букет составлен из цветов, соответствующих траурному случаю.

Мать Лоренцо оказалась красивой женщиной печального облика, стройной, с соразмерными чертами лица, не старше сорока лет. Она приветствовала Джона серьезно, но сердечно, выслушала, кто такой Марко, не вдаваясь в подробности, и пригласила их обоих в кухню.

— Ты похож на своего отца, — сказала она, ставя на стол кофейные чашки. Когда Джон второй раз неуверенно назвал ее «синьора Фонтанелли», она покачала головой: — Называй меня Леона, Джон!

По виду ее нельзя было сказать, что она проплакала все утро. Вид был такой, что она проплакала без перерыва три месяца и лишь несколько дней назад приняла решение снова вернуться к жизни. Кожа лица была прозрачная, размякшая, длинные черные волосы потускнели.

— Вечером он не вернулся домой, — рассказывала она без выражения, глядя в никуда. — Ушел после обеда, чтобы с кем-то встретиться, со школьным другом, кажется. Я видела, как он поднимается в горку, из окна видно дорогу, и мне и сейчас иногда кажется, что он вот-вот должен оттуда спуститься — и я стою и жду... Был солнечный день. Под вечер я выставила наружу цветы... — Она смолкла и сидела, погруженная в воспоминания. Потом вернулась к действительности, взглянула на Джона: — Хочешь посмотреть его комнату?

Джон сглотнул.

— Да, — сказал он. — Очень.

Это была большая комната на втором этаже, но настолько забитая старой, темной мебелью и загроможденная тяжелым пианино, что казалась тесной. На пианино лежала стопка нот и поверх нее раскрытый футляр с поперечной флейтой, наполовину прикрытой платком. На стене висела грамота в рамке.

— Это приз по математике, который он выиграл, — объяснила Леона, знобко обняв себя руками. — Кроме того, он получил пятьсот тысяч лир и тут же истратил их на книги. — Короткий кивок в сторону книжных полок. Джон подался вперед, пытаясь прочитать названия на корешках. Много математики, астрономии, справочник по экономике и зачитанный экземпляр «Отчета Римского клуба».

— Можно взглянуть? — попросил он.

— Да-да. Эту книгу он много читал, даже когда был еще младше. Не знаю, откуда она у него.

Джон раскрыл книгу. На каждой странице пометки на полях, отдельные фразы подчеркнуты разными цветами. Итальянский язык Джона был слишком скуден, чтобы понять содержание, но было видно, что Лоренцо уже несколько лет интересовался именно теми вопросами, с которыми он, Джон, лишь недавно столкнулся.

Вся книга была проработана с первой до последней страницы. Джон чувствовал себя опустошенным и печальным, как обманщик, который видит неотвратимость разоблачения. Произошла чудовищная ошибка. Судьба обозначалась. Состояние унаследовал недостойный, неспособный воспользоваться им разумно.

Из книги выскользнула и упала на пол газетная вырезка. Джон поднял ее. На поблекшем снимке у доски, исписанной формулами и графиками, стоял мальчик лет тринадцати, держа в руках грамоту, которая теперь висела на стене в рамке, и смотрел в камеру настолько же серьезно, насколько и самоуверенно.

— Ах, так вот куда он ее засунул! — воскликнула Леона. — А я вся обыскалась. Спасибо.

Облик Лоренцо поразил Джона. Мало того, что он был так образован и умен, на снимке от него исходила уверен-

ность в себе и решимость — свойства, о которых Джон всегда только мечтал. У него не было для этого подходящего слова. Может, суверенитет? Когда человек полностью владеет своей жизнью. Может, даже харизма?

Теперь он очень хорошо понимал, почему Вакки были так уверены в исполнении пророчества. Я только не понимаю, как они могли усмотреть истинного наследника во мне, горько думал он. Но по правде, они, может, и не усматривали ничего такого, просто у них не было выхода. В своем положении он казался себе полным идиотом. Мечтатель, как всегда говорила его мать, фантазер без цели и побуждений. И уж точно совсем не тот человек, который предполагался в прорицании. Он носил костюмы Лоренцо, ездил на машине Лоренцо, жил в его доме.

Леона открыла тяжелый секретер. Там стояла пишущая машинка, черная и маленькая, почти музейный предмет.

— Он подолгу печатал на ней. Конечно, он мечтал о компьютере, как все мальчики. Машинка досталась ему от деда. — Она погладила прибор ладонью.

— И что же он писал? — спросил Джон, скорее подчиняясь ее ожиданию этого вопроса. Сам бы он предпочел поскорее сбежать отсюда. Раствориться в воздухе. Провалиться сквозь землю.

— Да много чего. Как-нибудь я соберусь и просмотрю все его бумаги. Однажды он показывал мне пьесу. Не знаю, хороша ли она. Писал много писем, самым разным людям. И статьи в школьную газету.

— Статьи в школьную газету? — почему-то это вызвало его интерес.

— Одна была в последнем выпуске, погоди-ка... — Она просмотрела стопку тонких газетных тетрадок. — Вот.

Джон взял газету. Называлась она *Ritirata*. Туалет. Он просмотрел содержание. Основной материал выпуска назывался «Путь человечества в XXI век» Лоренцо Фонтанелли. Джон почувствовал, как его пульс заметался.

Это было невероятно. Статья действительно перечисляла и основательно анализировала проблемы, с которыми человечество столкнулось на пороге нового тысячелетия. И все это на десяти страницах.

— Можно, я сделаю себе копию? — спросил Джон с внезапно пересохшим ртом.

— Ты можешь взять газету. У меня есть еще несколько экземпляров. Прошу тебя, я буду рада.

— Спасибо, — хотел сказать Джон, но у него перехватило дыхание. Он долистал статью до конца и прочитал последний абзац. Потом растерянно перечитал его.

«Это целый комплекс проблем, и на первый взгляд все выглядит для нас весьма худо, — заканчивал Лоренцо свою статью. — Но я покажу, что за всем этим стоит всего лишь простой дефект в конструкции нашей цивилизации, в котором виноваты мы сами — и который поэтому сами же можем и устранить. Итак, не спешите с самоубийством, а лучше читайте следующий выпуск «Ritirata!»»

Закончив телефонный разговор, Кристофоро Вакки держал аппарат на коленях, глядя в пространство и тихо улыбаясь.

Грегорио громко откашлялся, нарушив волшебство мгновения.

Патрон еле слышно вздохнул. Молодежь пока не чувствует те тонкие силы, которые работают за кулисами кажущейся объективной действительности, думал он.

— Ты удивлен? — спросил он своего сына.

— Еще бы. Я даже спрашиваю себя, понимаешь ли ты, что делаешь.

Патрон отставил телефон в сторону.

— Настало время предать всю эту историю огласке.

— Но мы так не договаривались.

— Может, я просто не в силах устоять перед искушением поиграть с судьбой, — сказал Кристофоро Вакки.

* * *

— Ничего! — сказал Марко. — Ее здесь нет.

Джон стоял посреди стопок бумаги, как полководец среди войск, оглядывая пустые полки и распахнутые дверцы шкафов.

— А мы ничего не проглядели?

Охранник вздохнул:

— Нет.

Леона после долгих уговоров неохотно уступила им и решила поискать в бумагах Лоренцо вторую часть статьи.

— Но я на это время уйду, — решила она.

Джон привлек Марко, который лучше него мог читать по-итальянски, и сообщая они проделали уже второй систематический просмотр всего, что было на исписанных листках. Они нашли стихи и пьесу, о которой уже упоминалось, и еще несколько прозаических текстов, списки книг, которые Лоренцо брал в разных библиотеках, сочинения на религиозные темы, конспекты учебного материала по биологии и географии, все это лежало подряд без видимой

системы. Две объемистые папки были заполнены математическими исследованиями, которые Джону говорили меньше, чем ничего.

В процессе поисков они то и дело натыкались на рукописи, явно задуманные для школьной газеты — собрание цитат из учителей, задиристая критика общественных отношений и правительственных мер, высказывания о правах человека и защите животных. Только второй части статьи так и не нашлось.

— Может, он уже передал ее в редакцию, — предположил Марко, сидя на полу, как усталый медведь, и явно не испытывая желания прерывать эту кучу бумаг в третий раз.

Джон кивнул.

— Но придется еще все убрать.

* * *

Редакция школьной газеты располагалась в подвале, крошечные окна светились под потолком, так что стены целиком отводились под стеллажи, забитые бумагами, книгами, раздутыми папками и пустыми бутылками из-под пива и колы. Стулья были такие же облезлые, как и столы, экран единственного компьютера дрожал, телефон годился только в музей, а принтер издавал скрипучие звуки. И все провоняло сигаретным дымом.

Неудивительно, что парень, которого им представили как главного редактора, был щуплый, нервный очкарик с юркими пальцами, которые неотвязно то вертели сигарету, то писали какие-то заметки.

— Какая честь, какая честь, — приветствовал он их, освободив два стула от коробок с бумагами. — Пожалуйста, садитесь, синьор Фонтанелли; к сожалению, не могу устроить вас удобнее по скромным возможностям нашей газеты; не к тому будь сказано, что мы не стали бы возражать против маленького или не очень маленького пожертвования...

Джон сел. Марко предпочел остаться у двери на ногах, скрестив руки.

— Вы так *подозрительно*, я бы сказал, выразились по телефону — что, кстати, пробудило во мне любопытство, должен признаться. Насколько я понял, Лоренцо Фонтанелли был вашим кузеном, верно?

— Его отец кузен моего отца, — пояснил Джон. — Я не знаю, есть ли для этого родства определение.

— А, понимаю, понимаю. Да, мне тоже ничего не приходит в голову. Но как бы то ни было, вы сказали, что ищете что-то, написанное Лоренцо... — Он извлек из-под вороха газет, конвертов и пыльной спортивной шапочки диктофон. — Вам не мешает, если я запишу наш разговор на пленку? Эксклюзивное интервью с самым богатым человеком мира могло бы повысить тираж нашей хронически стоящей на грани банкротства газеты до жизнеспособной цифры, что, признаться честно, сейчас интересовало бы меня больше всего.

Джон помедлил.

— Не знаю, что вам сказать...

Юный газетчик уже всюю нажимал на кнопки.

— Интервью с Джоном Сальваторе Фонтанелли, вечером — куда же подевался календарь? Понятия не имею, какое сегодня число, седьмое июля, кажется. — Он поставил черную коробочку на край стола между ними. — Синьор Фонтанелли, вы дальний родственник нашего умершего соученика Лоренцо. Насколько я припоминаю сообщения из газет, если бы он не умер незадолго до назначенного судьбоносного дня, триллионное состояние унаследовал бы он — это верно?

— Да, — медленно ответил Джон, снова чувствуя какую-то растерянность. — Это верно.

— И тут вы обнаружили в его бумагах последний номер нашего знаменито-пресловутого журнала *Ritirata*, а в нем первую часть статьи Лоренцо Фонтанелли о проблемах человечества, как вы мне сказали по телефону. И вы пришли сюда в редакцию, потому что ищете вторую часть этой статьи, поскольку в ней он должен был предложить решение означенных проблем. Позвольте задать вам один вопрос, синьор, не ищете ли вы в литературном наследии вашего кузена Лоренцо идеи, подсказки для правильного использования вашего сказочного состояния?

Джон посмотрел на него. Этот парень держит ухо востро и не дремлет, если кто-то попался к нему на удочку. Он указал на диктофон:

— Выключите это.

Глаза за очками непонимающе моргали, как будто на редактора газеты напал приступ дебильности.

— Синьор, это не Бог весть какое большое дело, я лишь задам несколько вопросов, а вы... — Он заметил, как Марко шевельнулся, где-то на миллиметр или около того, и быстро схватил диктофон, чтобы выключить его. — Хорошо-хорошо.

— Итак, — спросил Джон, — что же с рукописью второй части?

— М-да. Это ставит меня в поистине трудное положение, — сказал парень, чье имя Джон снова забыл. Не то Антонио, не то Лукино. — Поскольку у меня ее нет.

Джон и Марко быстро переглянулись. Потом Джон медленно произнес:

— Если это вопрос денег, я, естественно, могу быть признателен за такую услугу не слишком маленьким пожертвованием.

— Да. Да, на это я надеюсь, но, видите ли, я опубликовал первую часть, не имея в руках второй, потому что Лоренцо свято обещал, что окончание у него почти готово и что он мне его незамедлительно пришлет. В таких вещах на него всегда можно было положиться, поэтому я ничего такого не подумал. Ну, что он откусит грушу с пчелами. Никто этого не ожидал. В любом случае, второй части у меня нет. В следующем номере мы вместо нее напечатали некролог.

— Он сказал, что *вышлет*? — удивился Джон. — Но ведь Лоренцо ходил в эту школу, так?

— Правильно, но он никогда не спускался сюда, в редакцию. Я думаю, он что-то имел против дыма, который нужен нам для работы. Мы с ним в основном говорили по телефону, иногда на школьном дворе, а свои рукописи он мне всегда высылал. Я думаю, это давало ему дополнительное ощущение, что он писатель.

— Сколько времени прошло с тех пор, как он должен был выслать рукопись?

— Хм-м, да, погодите, последний раз я говорил с ним дня за три-четыре до его смерти, итак, я бы сказал, с тех пор минуло два месяца, округленно. Скорее даже больше.

Джон нахмурился.

— Тогда это уже не может быть в пути.

— О, так нельзя сказать, для итальянской почты невозможного нет. Мой отец послал своей первой девушке любовное письмо, так она получила его после рождения своего ребенка, совсем от другого мужчины, естественно, за которого она успела за это время выйти замуж...

— Другими словами, — перебил его Джон, — второй части этой статьи, может, и вообще нет.

Они гнались за миражом.

Проворные руки раздавили сигарету в отпиленной баночке из-под пепси-колы и мигом потянулись за новой добычей.

— Я с удовольствием еще раз все обыщу. Сколько, вы сказали, вы хотите пожертвовать в успешном случае? Миллион долларов?

— Я не называл сумму, — сказал Джон и встал. — Но я не стану скупиться. — Он протянул ему свою визитную карточку: — На случай, если вы найдете.

Ему придется передать имя этого парня в секретариат, для пополнения списка отправителей, чьи письма, нераспечатанные, должны переправляться ему. Даже если никогда не придет ни одного.

* * *

Отсюда открывался вид на мокрые крыши дождливого Гамбурга, окаймленного мутным ржавым портом. Урсула Фален села на стул для посетителей, который Вилфрид ван Делфт расчистил для нее, и ждала, пока заведомо развлечений и современной жизни иллюстрированного журнала «Штерн» найдет, куда пристроить стопку книг и кассет, которые до этого лежали на стуле.

— Какое же это мучение... — вздохнул заведомо, человек лет пятидесяти пяти с редкими светло-рыжими волосами и неожиданно подтянутой — при такой сидячей работе — фигурой. — Интересно, кто первый придумал выражение «информационный поток»? Дальновидный был человек. Пророк, я бы сказал, ясновидец. — Наконец он сдался, сложил все поверх кучи, уже громоздившейся в углу, и вернулся за свой стол. — Что хорошего было в Америке? — спросил он, сложив широкие ладони вместе.

Урсула Фален взглянула на него озадаченно.

— Откуда вы знаете, что я была в Америке?

— О, я отслеживаю вашу работу с большим интересом. — Он улыбнулся, как маг, которому удался фокус. — Не говоря уже о том, что редактор, который давал вам задание хоть и работает в другом журнале, но зарплату ему переводят с того же счета, что и мне. Таков сегодняшний издательский мир. Дракон один, голов много.

Урсула медленно кивнула. Ей все еще трудно было разобраться в этом издательском конгломерате, да и не хотелось размышлять об этом.

— Это было весьма поучительно, — сказала она. — Я могу прислать вам экземпляр своей статьи, если хотите.

Ван Делфт поднял ладони, защищаясь:

— Только не это! Ради Бога, только статьи, которые я могу напечатать.

— Вот мы и подошли к теме, — подхватила Урсула. — Я натолкнулась на нечто такое, что может стать сенсационной историей. И я хотела бы расследовать это дело.

— В последний раз вы уверяли меня, что ваш абсолютный приоритет — закончить учебу.

— Я помню.

— Ну, хорошо. Я весь внимание.

Урсула рассказала ему о встрече в самолете, изменив несколько деталей, чтобы ее не спрашивали, что она делала в Нью-Йорке, который в истории автомобилестроения не играл никакой роли.

— Я думаю, — заключила она, — с чего бы им было меня дурачить? Ведь они не знали, кто я. С другой стороны, существование такого прорицания хоть как-то могло бы объяснить, почему семья адвокатов веками верно сберегала и умножала это немыслимое состояние и почему они в конце концов действительно передали его наследнику.

Ван Делфт принялся играть ножом для писем. Он всегда делал это, когда напряженно размышлял.

— А вы уверены, что это был брат Фонтанелли?

— Абсолютно.

Он развернул свое кресло назад и стал разглядывать годовой календарь на стене, испещренный записями, такими же разноцветными, как висящий выше детсадовский рисунок его внуки.

— Вы правы, это интересно, — признал он. — Но ясно ли вам, что история должна быть неуязвимой, чтобы мы смогли ее дать?

— Абсолютно, — кивнула Урсула. Двенадцать лет назад «Штерн» нарвался на поддельные дневники Гитлера, это было фиаско, от которого журнал не оправился и до сих пор.

— При том, что случайно подслушанный в самолете разговор, — сказал ван Делфт и проехал пальцами по лезвию ножа, — не совсем то, что я понимаю под надежным источником.

— Совершенно ясно. Первым делом я поеду во Флоренцию и взгляну на оригинал завешания. Если там будут указания на то, что в этой истории что-то есть, тогда я буду искать материалы о Джакомо Фонтанелли по другим источникам... — Она замолчала, потому что ван Делфт начал посмеиваться так, будто она ляпнула какую-то идиотскую глупость.

— Милое дитя, имеете ли вы представление о том, на какую крепость вы замахнулись? Это ведь не первая попытка. Семейство Вакки наглухо закрыто для журналистов, ни с чем подобным мне не приходилось сталкиваться. Список коллег, которые вернулись из Флоренции ни с чем, растянется на несколько страниц. Я думаю, вы скорее получите разрешение сфотографировать Майкла Джексона под душем, чем проникнете к документам Вакки.

— Правда? — удивилась Урсула.

— Правда. Американские газеты уже предлагали за это миллионы. Но Вакки и сами достаточно богаты. Абсолютно ничего нельзя поделатъ.

Теперь настала очередь Урсулы откидываться на спинку стула и улыбаться.

— Интересно, — сказала она. — Вчера я говорила по телефону с Кристофоро Вакки и изложила ему мою просьбу. И он пригласил меня приехать. В следующий вторник. Он даже встретит меня на вокзале.

Ван Делфт чуть не порезался своим ножом для вскрытия конвертов.

— Не может быть.

— Я уже заехала на вокзал и узнала, как туда добираться. Осталось только заказать билет.

— А вы уверены, что говорили именно со старым Вакки? — Увидев выражение ее лица, он махнул рукой: — Хорошо-хорошо. Это был глупый вопрос. Но ради всего святого, что же вы ему такого сказали?

— Только правду. Что я изучаю историю и между делом работаю для журналов.

Вилфрид ван Делфт покачал головой. Видно было, что он совершенно выбит из колеи.

— А вы сказали ему, что хотите увидеть завешание?

— Конечно. Он только спросил, знаю ли я латынь. — Урсула закусила губу, когда ей стало ясно, что означает реакция ван Делфта. Она набрала воздуха и сказала: — Я предлагаю вам права на первую публикацию статьи, которую я напишу.

— Права на первую публикацию?.. — эхом повторил ван Делфт.

— Для Германии, — довершила Урсула, лихорадочно соображая, куда же она засунула визитную карточку лит-агента, с которым познакомилась как-то на приеме в одном концерне. Ей понадобится его помощь. И все теперь надо делать очень быстро. — Не эксклюзивные.

— А я и не знал, какая вы предприимчивая, — кисло промямлил Вилфрид ван Делфт.

* * *

Библиотека формировалась еще медленнее, чем предполагал Джон. Прошла почти неделя, прежде чем Марвин установил первую жалкую полку и расставил на ней штук тридцать книжек, все эзотерического содержания, обещавшие возвращение НЛО, провозглашавшие конец света по предсказанию Нострадамуса или требующие возврата к кочевому образу жизни.

— Мне нужны *научные* книги! Физика. Биология. Социология. Экономика. А не эта ерунда.

Марвин лежал на диване и читал книгу под названием «Великие заговоры».

— Все заказано, не волнуйся, — сказал он, даже не взглянув на него. — Просто эти книжки у них были, и я подумал, что большого вреда они не принесут. А ты хоть усвоишь пару мыслей, выпадающих из традиционного мышления, а?

Джон посмотрел на обложки двух книг, оказавшихся у него в руках.

— Ни вера в Нострадамуса, ни НЛО не кажутся мне такими уж нетрадиционными.

— Вот эта, например, очень показательная, — сказал Марвин, подняв свою книжку. — Если все, что здесь написано, правда...

— ...что, к счастью, не так, — проворчал Джон.

— ...тогда ты действительно жертва заговора!

Джон закатил глаза.

— Я так и знал, что ты это скажешь.

— Об этом свидетельствует контрольный день. Двадцать третье апреля. 23 — это символическое число иллюминатов. Это самый таинственный в мире заговор, они всюду проникают, чтобы завоевать мировое господство.

— Если они такие таинственные, почему же про них все написано в этой книжонке?

— Ну, время от времени что-то просачивается. Кеннеди, например, стал опасен для них, поэтому они приказали его устранить. Двадцать третьего, чтобы продемонстрировать свою власть всем, кто в курсе.

Джон скептически оглядел его.

— Насколько я помню, убийство произошло *двадцать второго* ноября.

— Что, правда? — Марвин запнулся. — Странно. Наверно, они ошиблись. Действовать приходилось через помощников помощников, знаешь, а те, наверно, не точно придерживались инструкции.

— О, да, — кивнул Джон. — Могу себе представить, какие у них заботы с такими помощничками. Ты, кстати, уже открыл счет?

— Нет. Я забыл.

— Когда откроешь, реквизиты дай, пожалуйста, мне, а не Джереми. О'кей?

При виде пустых полок ему стало ясно, что он провоцирует открытое возмущение, если домашний персонал узнает, какое княжеское жалованье он платит Марвину за безделье. Лучше он урегулирует все это помимо Джереми, будет перечислять ему деньги с другого счета, в которых, к счастью, у него не было недостатка.

Но нехорошее чувство оставалось. В принципе, он наказывает тех, кто честно на него работает. В точности, как говорил его отец.

Марвин зевая кивнул.

— Будет сделано.

* * *

Позднее, когда Марвин, договорившись с Константиной, исчез, Джон переместился на террасу, где для него недавно оборудовали рабочее место под тентом: стол и стул, письменные принадлежности, англо-итальянский словарь и копия статьи Лоренцо. Он решил сам перевести текст на английский, во-первых, чтобы легче было прочесть, а во-вторых, он надеялся, что таким образом основательнее поймет статью.

Вот что у него получилось:

«За последние годы писалось и говорилось так много — и так много удручающего — на тему границ роста, будущее человечества, что людям это все осточертело. Никто больше не хотел читать эти статьи и книги, вот они и перестали появляться. А раз никто не бьет тревогу, то у людей возникает чувство, что все не так уж плохо, как считалось раньше.

Но это чувство обманчиво. Поколение наших родителей — тех, кто родился вскоре после войны, был влюблен в музыку Дэвида Боуи, «Пинк Флойд» и «Аббы» и не следовал запрету Папы Павла VI на свободные половые отношения, — пережило золотой век человечества. Качество их жизни было выше, чем когда бы то ни было раньше и чем может быть впредь. Мы же с вами, друзья, переживаем как раз конец этой эры.

Причина упадка — та же, что была и причиной подъема: индустриализация. Технические изобретения привели к улучшению жизненных условий, что должно было показаться людям прошлого века настоящим чудом. Но изменения были вызваны не самими изобретениями, а их широким применением: автомобиль для каждого, телефон и цветной телевизор в каждом доме. Это индустриализация сделала возможным распространение изобретений. Антибиотики должны были получить промышленное производство, чтобы стать общедоступным средством. Методы современного

сельского хозяйства сейчас не имеют почти ничего общего с методами прошлого века. Машины, химические удобрения и пестициды настолько повысили урожайность, что сегодня приходится бороться скорее с перепроизводством.

Прогресс медицины привел к тому, что понизилась смертность новорожденных и повысилась продолжительность жизни, что имело следствием стремительный рост населения. До сих пор благодаря высокой производительности сельского хозяйства удавалось поспевать за этим ростом; голод в мире является скорее проблемой неправильного распределения, чем недостаточного производства. Но сельское хозяйство постепенно натывается на ограниченные пространства, к тому же по всему миру из-за опустынивания сокращаются полезные площади. Индустрия тоже подступила к границам, а именно — к ограниченности запасов сырья и возможностей окружающей среды выдерживать вредные перегрузки.

Мы почти не замечаем этого, скажете вы. Повседневные потребности удовлетворяются без ограничений, некоторые из них скорее дешевы, чем дороги. Часто провозвещаемое катастрофическое загрязнение воздуха и воды пока не наступило. Кажется, все это остается под контролем, ведь так?

Но давайте представим себе, что в один день удалось бы чудом вывести весь мир на тот жизненный стандарт, к которому мы привыкли в Италии или в других индустриальных странах. Миллиард китайцев на машинах, миллиард индусов в отдельных домах с садовым грилем и так далее. Легко подсчитать, что бы это означало. В малоразвитых странах живет вчетверо больше людей, чем в индустриальных государствах. Один гражданин индустриального государства создает нагрузку на окружающую среду и на запасы полезных ископаемых, в десять—двадцать раз большую, чем житель третьего мира. Итак, это значило бы, что нагрузка на Землю, которая уже сейчас высока, выросла бы в десятки раз! Это был бы коллапс.

Другими словами: пределы уже достигнуты. Ибо если жизнь, которую мы ведем, возможна не для всех людей, это означает, что мы забираем от общего пирога больше, чем нам положено. Мы не замечаем описанных проблем, потому что нам удалось отодвинуть их в отдаленные страны.

Италия давно потребляет больше полезных ископаемых, чем имеет, и это касается всей Европы. Наш постоянный экономический рост возможен лишь потому, что мы по дешевке отнимаем сырье у третьего мира. За это мы посылаем им наши отходы производства.

И мы, кажется, все еще недовольны. Хотя население Италии почти не растет, все направлено на дальнейший экономический рост. Всего должно быть все больше, оно должно быть все лучше, все мощнее. Судя по всему, сказать себе «довольно!» и удовлетвориться тем, чего мы достигли, — невозможное дело. Но куда приведет постоянный экономический рост, который для правительств важнее всего? Они жалобно стонут, если рост всего два процента в год. Допустим, рост составит пять процентов. Несчастные пять процентов, это легко просчитать, если хоть чуть-чуть успеваешь в математике. А это означает удвоение через шестнадцать лет — удвоенный расход сырья, удвоенное загрязнение окружающей среды и так далее. С годами даже небольшой в процентном отношении рост приведет к большему раздуванию, чем мы могли бы себе представить».

Джон кивнул, дойдя до этого места. Именно таким образом возникло его триллионное состояние, что по праву можно рассматривать как гигантское раздувание.

«Но, естественно, такое развитие не может продолжаться всегда. Если десять лет назад каждая семья имела в среднем одну машину, а сегодня уже три, то это не значит, что когда-то у каждой семьи будет сто машин. Все эти области — запасы сырья, вред окружающей среде, здоровье, рост населения, жизненный уровень, климат и так далее — многообразно связаны друг с другом. Изменения в одной области сказываются на других областях. И в такой переплетенной системе может случиться, что через какое-то время перегрузок внезапно наступит коллапс, потому что в одной области что-то сломается, что приведет к слому и в других областях, это своего рода эффект домино. В меньшем масштабе это можно проследить по морям в Северной Европе, которые долгое время вроде бы без последствий выдерживали сбросы вредных веществ, чтобы потом вдруг в один момент «выродиться», и теперь это мертвые водоемы без растений и без рыбы. Нечто похожее может произойти и с

большой экосистемой Земли, и может статься, через 65 миллионов лет разумные насекомые будут удивляться, как это мы внезапно вымерли, как до нас динозавры.

Это сразу целый комплекс проблем, и на первый взгляд все выглядит для нас весьма худо. Но я покажу, что за всем этим стоит всего лишь простой дефект в конструкции нашей цивилизации, в котором виноваты мы сами — и который поэтому сами же можем и устранить. Итак, не спешите с самоубийством, а лучше читайте следующий выпуск «*Ritirata*!»

Это было, думал Джон, перечитывая еще раз свой перевод, может, пусть и не блестяще, но для шестнадцатилетнего очень внушительно.

Заявление в конце звучало, по крайней мере, смело. И было удручающе жаль, что так и не отыскалось даже намека на то, о чем могла идти речь во второй части статьи.

Между тем это становилось уже ритуалом. Как раз когда Джон собирался лечь спать, звонил телефон. Как обычно, звонивший хотел знать, как далеко Джон продвинулся в своих размышлениях.

— Я думаю, проблемой является сама индустриализация, — резюмировал Джон, удобно откинувшись на маленьком диване, который стоял перед окном спальни так, что перед сидящим открывался вид на обширный пляж и серебристый прибой. Было приятно говорить что взбредет в голову, имея на другом конце провода внимательного слушателя. Таким образом можно было прийти к неожиданным мыслям. Это чем-то напоминало детство, когда он ходил на исповедь. Или будто лежишь на кушетке аналитика. Джон только раз в жизни был у психотерапевта, ребенком, потому что его мать беспокоила его мечтательность, но врач дал ему маленькую куклу, попросил его играть с ней и рассказывать об этом истории. После этого психотерапевт сказал матери, что ее сын действительно мечтатель, но ничего чрезвычайного в его фантазиях не наблюдается.

— Индустриализация? Ага. И что вы хотите с нею *сделать*?

— Необходимо найти путь назад. Назад к природе, хоть это и неоригинальный план.

Низкий смех прозвучал почти презрительно.

— Прежде всего это убийственный план, мистер Фонтанелли, это вам должно быть ясно. Жизнь большинства людей поддерживает именно промышленная цивилизация, во всяком случае в известной мере. Устраните химические удобрения и растениеводство, сократите количество доступной электроэнергии — и вы будете разгуливать среди гор трупов.

— Разумеется, не в один день. Мне видится как раз постепенный переход, с биологическим сельским хозяйством, использованием солнечной энергии, то есть вся палитра альтернатив.

— Можно курить сигареты с биологических плантаций, но они продолжают оставаться сигаретами. Или можно дей-

ствительно отвыкнуть от курения. А это жесткая мера. Вы не должны упускать из виду, что эта планета без средств технической помощи может обеспечить жизненное пространство максимум для пятисот миллионов. Пока вы не свели население к этой цифре, вы не можете отказаться от техники и индустрии.

Джон вздохнул.

— Ну, хорошо. У меня нет плана. А у вас есть, как вы утверждаете.

— Да. Я знаю, что делать.

— Тогда скажите.

Тот улыбнулся:

— С удовольствием, но не по телефону.

Что же это за план? Наверное, он блефует, как и Лоренцо. Нет никакого такого плана. Нет ничего, что можно сделать, вот и все.

— Нам надо встретиться, — сказал незнакомец. — Как можно скорее.

— Я об этом подумаю, — ответил Джон и положил трубку.

* * *

Он чувствовал себя беспомощным, запертым в золотую клетку, ощущал свое богатство как чудовищную, невидимую тяготу. Триллион долларов. Непредставимо много денег. Тысяча миллиардов. Миллион миллионов. Такая гигантская масса денег, сконцентрированная на действенной точке, примененная по продуманному плану, — это уже способ повернуть колесо истории в другую колею.

Но какая же точка самая действенная? Есть ли вообще такая точка — или было уже поздно что-либо изменить в ходе вещей?

Он беспокоился ходил по своему большому дому, попытался расслабиться в джакузи, но быстро выскочил оттуда — и вовсе не оттого, что вода была горячая. Стоял на террасе, смотрел в сторону моря и ничего не видел.

В самые мрачные минуты он говорил себе, что это его не касается. С такими деньгами он мог максимально защитить и себя, и всех причастных к нему людей. У него будет чистая вода даже тогда, когда вокруг разразится война за нее. Он всегда сможет купить кусок чистой, незараженной земли и будет держать оборону до последнего. Он распоря-

дится построить бункер, если дело дойдет до этого. Он может в любое время получить лучшее медицинское обслуживание, какое только есть. Он может купить, нанять, подкупить, что бы ни происходило.

В одну из таких темных минут ему вдруг стало ясно, что имело в виду прорицание. *Люди утратили свое будущее.* Имелось в виду это чувство: это испуганное подозрение, что отныне все будет только хуже и в конце концов вообще прекратится. Этот уход в романтически окрашенное прошлое или в бушующую современность, лишь бы только не думать о будущем — о будущем, которое было жуткой черной дырой и к которой люди неслись стремительно и неотвратно.

Люди потеряли свое будущее. Когда-то, как-то оно у них худо-бедно было. Они потеряли веру в будущее, а разве не сказано, что вера сдвигает горы? Может, она и цивилизации губит?

Успеть урвать что-нибудь еще. Главным образом для себя. Пока еще можно. Неважно, что будет потом, потому что потом ничего не будет. Брать то, что пока есть, жить так, как можно, пока все не утечет. Разве не это настроение лежит в основе всего, что творится? Если кто-то начнет рассуждать, что будет в 2100 году, разве его не поднимут на смех? Верить, что вообще будет 2100 год, что в нем будет что-то, кроме закопченного неба, вонючих водоемов и разве что нескольких тараканов из всей живности, которые переживут все, даже выпадение радиоактивных осадков после атомной бомбардировки, было признаком сугубой наивности...

Где-то в своих блужданиях по дому Джон нашел бутылку, которую взял с собой в гостиную, бутылку крепкого, старого портвейна, наверняка постыдно дорогого, и в раздумьях осушил ее, бокал за бокалом, пока не зашло солнце. Это наконец остановило карусель его мыслей.

* * *

Среди книг, которые привозили ящиками, он наткнулся на одну, посвященную теме перенаселения. Она была написана, когда ему было пять лет. Должно быть, Марвин отрыл ее у букиниста. Спросить об этом было не у кого, поскольку секретарь «за все про все и ни за что» блистал

своим отсутствием, равно как и обещанные стеллажи в библиотеке.

Он полистал книгу, посмотрел на многочисленные диаграммы и формулы, почитал там и сям. Не очень много понял, за исключением того, что автор, явно значительный специалист, подвергал сомнению все, что в целом было известно о росте населения. Что, спрашивал он, такое вообще *перенаселенность*? Почему Калькутта считается перенаселенной, а Париж нет? Плотность населения Бангладеш такая же, как на Мальте, — то есть сама по себе плотность населения еще не показатель перенаселенности страны. Может, перенаселенность — это, в конечном счете, не что иное, как бедность? Не будь люди в развивающихся странах так ужасно бедны, они могли бы лучше питаться, и стала бы рентабельной дополнительная продукция — при условии инвестирования в машины и тому подобное.

Говорить о проблемах населения всего мира было бы, писал автор, недопустимым обобщением. На самом деле уже выяснили, что население мира когда-то установится на стабильном уровне, предположительно между двенадцатью и пятнадцатью миллиардами душ, и также не исключено, что позднее оно снова начнет понижаться — подобные сценарии, локально ограниченные, часто развивались и в прошлом. То, что может быть принято за перенаселенность, на самом деле следует описывать в категориях бедности, точнее говоря, обнищания. Нищета — симптом тяжелого кризиса экономической и общественной системы. Усматривать в нем «соревнование между аистом и плугом», как его постулировал еще в девятнадцатом веке Роберт Мальтус, — заблуждение, которое ведет в конечном счете к идеологии Третьего рейха: «Народ-без-пространства».

Джон повертел книгу, прочитал текст на обложке и биографию автора. То ли он успокаивает страхи, то ли это голос разума в море истерии? Если бы у него сегодня не так болела голова. Или, лучше сказать, если бы она была не такая тупая! Ему казалось, что он лишился половины своего мозга, но где бы он ни вчитывался в текст, он всюду находил тон холодного, делового анализа. Тон, вызывающий наибольшее доверие. Может, не так уж и драматично все было?

Он больше вообще ничего не понимал.

Когда-то наследник вернет людям будущее, которое они потеряли.

Как там написано в завещании? Он никогда толком его не читал, потому что не знал латыни. А попросить кого-нибудь о помощи не догадался.

А в помощи он нуждался. Эта история была великовата для него одного. В кино его всегда удивляли крутые, хладнокровные, гениально-умные супермены, герои Тома Круза и Арнольда Шварценеггера, которые брали на себя тяготы мира и точно знали, что делать, а в конце всегда побеждали, и правда была на их стороне. Если такие герои и есть в реальной жизни, то уж это точно не он.

Он позвонил Эдуардо и попросил его поехать с ним во Флоренцию, в их офис и помочь ему слово в слово прочитать завещание. И что там еще осталось из наследия Джакомо Фонтанелли.

— А после этого можно будет пойти куда-нибудь поесть, или выпить, или даже подраться, если угодно.

Это, по крайней мере, вызвало у Эдуардо улыбку. Со времени побега Джона в Капаннори они почти не виделись. Может, хоть сейчас между ними все уладится.

— С чего это весь мир вдруг заинтересовался нашим архивом? — удивился Эдуардо. — Я, наверно, что-то прозе-вал? Может, сегодня международный день старых бумаг, а? Джон не понял, что Эдуардо имел в виду.

— Дед сегодня сидит там с какой-то студенткой из Германии, которая интересуется предсказанием Фонтанелли. Разве он тебе ничего не сказал?

— Нет, — удивился Джон. — Откуда ей вообще известно, что такое предсказание существует?

— Хороший вопрос, правда? — сказал Эдуардо.

— Я не нахожу ничего привлекательного в этом древнем чтении, честно, — признался Эдуардо по дороге во Флоренцию. — Старая пыльная бумага, ничего более. Временами меня поражает, как мы можем позволять связывать нас и определять наши поступки словами, которые кто-то написал пятьсот лет назад — по какому праву он ожидал, что мы должны под него подстраиваться?

— Понятия не имею, — сказал Джон. — Но ты высказываешься не как Вакки.

Это была первая поездка на бронированном «Мерседесе», которым он обзавелся по настоянию Марко. Требовалось специальное обучение, чтобы управлять таким автомобилем, поэтому за рулем сидел Марко. Пахло всем новеньким — кожей и деньгами. И почему-то казалось, что все выбоины и колдобины на дороге во Флоренцию за ночь заровняли.

— Я ведь был последним хранителем состояния Фонтанелли, — мрачно вещал Эдуардо. — Мы выполнили наш обет. После меня семья Вакки наконец-то свободна. — Он глянул в окно. — И, наверное, вымрет.

Флоренция, как всегда, кишела туристами. На улицах было не пробиться. Прохожие с любопытством заглядывали в тонированные стекла, когда машина в очередной раз застревала в пробке.

К счастью, контора Вакки находилась в переулке, не представляющем никакого интереса ни архитектурно, ни исторически, и тут было сравнительно спокойно. Джон уже привык к процедуре выхода из машины; Марко остановился вплотную у входа, несмотря на абсолютный запрет на остановку, вышел, рука за пазухой, посмотрел во все стороны и лишь после этого открыл заднюю дверцу. И только тогда, когда они вошли в дом, снова сел за руль, чтобы отогнать машину.

Он либо припаркует ее неподалеку, либо будет ждать звонка на мобильный телефон.

В помещениях древнего дома все еще пахло холодом и стариной и тихо, вначале почти неразличимо, из глубины доносились голоса. Значит, *патрон* и эта студентка были еще здесь.

Они поднялись на второй этаж. Дверь стояла полураскрытой, горел свет. Голоса стали отчетливее. Преимущественно это был один голос, женский.

Звучание этого голоса пробудило в Джоне какое-то странное беспокойство, которое он не мог бы объяснить. Разве он уже когда-то слышал его? Нет, никогда. Может, он чувствовал себя обойденным, что Кристофоро Вакки допустил в это помещение, к этим документам постороннего человека, не спросив и даже просто не поставив Джона в известность?

Оба не слышали, как они вошли. Они сидели в задней комнате, сосредоточенно склонившись над ящиком с завещанием, *патрон* и молодая женщина с длинными каштановыми волосами, вооружившаяся блокнотом, карандашом и словарем. Она вполголоса бормотала то, что записывала, переводя.

— И случилось в ночь на 23 апреля года 1495 так, что я увидел сон, Бог говорил ко мне...

«Сим заявляю я, Джакомо Фонтанелли, родившийся в лето Господне 1480 во Флоренции, что это моя последняя воля и мое распоряжение о моем состоянии. Я заявляю это и записываю в присутствии свидетелей, которые удостоверят сие на этом документе. Я заявляю это наперед, хотя сегодня, на момент написания нахожусь в полных силах и, насколько человеку дано судить, отстою еще далеко от порога смерти, ибо, как я объясню ниже, после этого я отказываюсь от распоряжения моим состоянием и от прочего моего мирского имущества и впредь посвящу себя служению Богу, нашему Господу, как мне это было предназначено с давних времен. Я заявляю это с полным смирением.

Это было мне предназначено посредством сна, который я увидел еще мальчиком и который был настолько четким и ясным, как никогда ни до, ни после того не было. И случилось в ночь на 23 апреля года 1495 так, что я увидел сон, Бог говорил ко мне. Смиренно я говорю это, потому что действительно было так, как будто Бог допустил меня к крошечной части своего всеведения, и это было поистине чудо, пережить такое. Я видел себя лежащим на кровати, в комнате хозяйского дома, где я жил со своей матерью, и каждая подробность была как в действительности, но все же я знал, что это сон. Мой взор поднялся высоко и простирался далеко, и я увидел страну и город Флоренцию не только в такой дали, которая обычно закрыта для человеческого глаза, но и провидел равно прошлое и будущее. Я видел, что Бог оставит приора Савонаролу, и тот будет сожжен перед ратушей, и очень испугался, потому что я был еще мальчик пятнадцати лет и старался вести благочестивую, богоугодную жизнь. Но вместе с тем я сохранял в этом сновидении спокойное, как бы даже высокомерное равнодушие, безразличный к нуждам мира, и был таким

образом в состоянии воспринимать открытыми глазами то, что я видел, ибо мой взор уходил все дальше в будущее. Я видел войны и битвы, голод и эпидемии, великих людей и трусливое предательство и видел такое обилие лиц, которое я описал в другом месте.

Когда я, в конце концов, увидел время, которое отстояло от моего на пятьсот лет в будущем и находилось на пороге следующего тысячелетия, я увидел мир, невообразимо великолепный и вместе с тем вызывающий содрогание. Я видел миллионы людей, живущих в такой роскоши, как Медичи, и с помощью разных приборов осуществляющих такие вещи, которые во сне я все понял, но теперь не в состоянии описать, разве что в виде волшебства, но то не было волшебство, даже детей учили, как эти приборы действуют.

Но то был не рай, что я увидел: там шли войны, в которых люди маршировали по земле, как муравьи, и все опустошали, само солнце обрушивали на врага, и все застывало в страхе перед этой мощью, и все боялись, что может разразиться война, которая разрушит саму Землю, такими могущественными стали люди. Они отвратились от Бога и почитали Мамону, но из-за этого они жили в вопиющей нищете и жалком страхе, и никто из них больше не видел будущего. Многие из них верили во второе наступление всемирного потопа и что человеческий род на сей раз окончательно прейдет, и многие из них жили под гнетом этого ожидания.

Но я узнал, что Бог безгранично любит людей, невзирая на их деяния или их веру, отвратились они от него или нет, и что он не Бог, который наказывает людей, а они сами наказывают себя тем, что отвернулись от любви и ищут благо в мирских вещах. Так ясно и отчетливо я это узнал, что хотел бы быть красноречивее, чем я есть, чтобы сделать вас соучастниками пережитого мной, но это не в моих силах.

Потом передо мной развернулась моя собственная жизнь, и я узнал, для чего Бог предназначил меня. Я видел, что покинул монастырь и поступил в учение к купцу, который хорошо меня подготовил, дал образование и сделал меня своим партнером. Я видел себя торговцем и купцом, который ездит в Венецию и Рим, видел выгодные дела и те,

которых я на свое счастье избежал, и видел, как я стал благополучным и богатым. В этом сне я увидел даже жену, которая была мне предназначена, и все впоследствии оказалось так, как я увидел. Я видел, что у меня будет шесть сыновей и счастливая жизнь, на зависть многим, но я увидел и печальное мгновение, про которое потом не забывал все последовавшие затем годы, — когда мне пришлось отнестись в могилу мою любимую жену, и поскольку это теперь сбылось, я знаю, что наступило время исполнить план Провидения. И я делаю это моим заявлением.

Я передаю все мое состояние Микеланджело Вакки на его попечение, чтобы он его сохранял и через ссуды и начисление процентов посильно приумножал, но я предназначаю мое состояние не в его собственность, а в сохранение и приумножение с тем, чтобы оно было передано некогда тому, кто будет назван в день 23 апреля 1995 года, младшему живущему потомку моего рода, мужского пола, ибо он предназначен вернуть людям утраченное будущее, и он сделает это с помощью этого состояния. Поскольку я родился вне брака, я назначаю, что к моим потомкам должны причисляться и внебрачные дети наравне с рожденными в браке, только на приемных детей это не распространяется. В моем сне я видел, что Микеланджело Вакки, хотя он сейчас в это не может поверить, будет иметь детей и его линия не угаснет за пятьсот лет, а исполнит долг. Его семья может получить тысячную часть десятины состояния и все мои рукописи. Но этот документ и это намерение должно оставаться в тайне вплоть до названного дня».

— «...Оставаться в тайне вплоть до названного дня, — завершила Урсула Фален чтение завещания. — Отдано в лето Господне 1525». Подписи Фонтанелли и свидетелей. — Она подняла взгляд на мягко улыбающееся лицо старика. — Это просто невероятно!

И это было еще очень осторожное выражение. Весь этот архив с точки зрения историка был сенсацией. Архив, тщательно собираемый и берегаемый пятьсот лет для того, чтобы быть раскрытым и оцененным в наше время!

Одни только счетоводные книги представляли собой целые раскопки информации о старых валютах, сроках их действия и покупательной способности. Она видела там пометки, в которых Вакки комментировали события тог-

дашней мировой политики, чтобы обосновать, почему они решили перевести часть состояния из одного района в другой. Дневник, который непрерывно велся в течение пяти-сот лет — о событиях финансовой и экономической политики в Европе и в мире, — вот что было скрыто в этих переплетенных в кожу, пронумерованных томах.

Тут было куда больше материала, чем требовалось для ее магистерской работы. Она приложит все силы к тому, чтобы написать здесь свою диссертацию. Как минимум. Это была такая находка, которой можно было посвятить всю свою научную жизнь.

Ах да, и еще эта статья для «Штерн»...

— Вы думаете, с этим можно что-то сделать? — спросил Кристофоро Вакки.

Урсула бессильно рассмеялась.

— Вы еще спрашиваете! Я... ну что я могу сказать? Уму непостижимо. Можно ли с этим что-то сделать? Что за вопрос! Если я ничего не смогу с этим сделать, то я выбрала себе не ту профессию.

Взрыв не испугал бы ее больше, чем сухое покашливание за ее спиной.

— Можно спросить, *что именно* вы хотите из этого сделать? — спросил нетерпеливый голос.

* * *

У Джона было какое-то иррациональное чувство, что эта женщина охотится за его деньгами. Она была стройная и грациозная, волосы обрамляли ее неброское, гладкое лицо с большими глазами, темными, как агат. Тихий, темный ангел на первый взгляд, но было в ней еще что-то, что заставляло его дрожать, ввергало его в страх, безымянный, неизбывный страх.

Она прижала к груди ладонь — тонкую, изящную кисть, — и грудь вздымалась и опускалась в учащенном дыхании, она была волнующей формы, сквозь блузку проступали соски. Она была явно напугана.

Она издала восклицание по-немецки — наверное, от испуга, потом взяла себя в руки и ответила по-английски:

— Я проведу научное исследование, то есть, я буду писать для исторических научных журналов, может, даже книгу. И еще статью для немецкого иллюстрированного журнала.

Рада с вами познакомиться, мистер Фонтанелли. Но впредь я бы хотела, чтобы вы все-таки стучались перед тем как войти.

Почему эта женщина так его взволновала?

— Статью? Что за статью?

— Об историческом фоне возникновения вашего состояния, — ответила она с холодной определенностью. — Кроме тех дурацких сведений о процентах и процентах на проценты, СМИ не привели ни одного достоверного факта.

— Я не думаю, что это будет уместно.

— Почему? У вас есть что скрывать?

Джон почувствовал импульс ярости и с трудом подавил его. Он повернулся к *патрону*, который, казалось, не очень был удивлен его внезапным появлением:

— Почему вы ничего мне не сказали?

Кристофоро Вакки удивленно поднял брови:

— О, рано или поздно я бы, разумеется, представил вас друг другу. Синьора Фален, это Джон Фонтанелли, наследник, о котором говорится в завещании, и мой племянник Эдуардо. Джон, позвольте вам представить мисс Урсулу Фален, студентку исторического факультета из Германии и по совместительству журналистку.

Джон кивнул так коротко, как мог.

— Вы находите уместным разрешить доступ к этим документам журналистке?

— Да, — сказал *патрон*. — Я нахожу это уместным.

— Разве для этого не требовалось моего согласия?

— Я сожалею, Джон, нет. Архив — это наша собственность, собственность семьи Вакки. И ее заслуга. И совершенно естественно, что мы приложим усилия для признания этой заслуги.

* * *

Какой надутый индюк. Урсула Фален оглядела Фонтанелли с головы до ног. Совершенно явно он был о себе лучшего мнения. Ну еще бы, ведь он избранный, инструмент в руке Божией, считай, мессия. Довольно загорелый, стройный, почти худой и одет настолько же хорошо, насколько и дорого. Но лицо — дюжинное. Никто бы на улице даже внимания на него не обратил — без всего этого антуража. Эротика, которую он излучает, скорее всего эротика денег.

В дверном проеме стоял триллион долларов. Полная бессмыслица. На примере этой истории лишний раз видно, на какие достижения способны люди, подвигнутые видением, пророчеством, непререкаемой верой — и насколько жалкими могут быть пророчества, даже если они возникли из Богом посланного сна.

Но старый адвокат, казалось, был на ее стороне. И принадлежность документов была однозначно ясной. Она не отступится от всего этого, тем более из-за плохого настроения выскочки с дурными манерами. Такое попадает в руки только раз в жизни. Она выросла в реально существующем социализме ГДР, будучи внучкой известного нациста, что отлучало ее от общественной жизни, от членства в союзе «Свободная немецкая молодежь», равно как и от учебы в университете. Но потом государство, не подпускаявшее ее к изучению истории, рухнуло, и она смогла, пусть и с опозданием, заняться тем, что ей нравилось. Нет, она никому не даст себя запугать.

* * *

В четверг на следующей неделе в Германии вышел «Штерн» со статьей Урсулы Фален, и тираж журнала стал вторым по величине за всю историю его существования. На следующий день статья была перепечатана практически во всех значительных газетах по всему миру, и еще спустя месяцы на счет Урсулы Фален продолжали поступать отчисления за использование ее авторских прав в такой непривычной валюте, как тайландские баты или вьетнамские донги, и из таких экзотических стран, как Науру или Буркина-Фасо. Один только сделанный ею снимок завещания принес ей столько денег, что она смогла выплатить ссуду, взятую на учебу.

* * *

Ночь была темнее, чем обычно. Ни звезд, ни луны, и шум волн походил на хриплое дыхание смертельно раненого великана.

— Вам пора действовать, — сказал низкий голос из телефонной трубки. — Больше вы не можете ждать и надеяться, что Божье вдохновение укажет вам дорогу.

Джон смотрел на зачитанную и затрепанную *Corriere della Sera*, перепечатавшую статью из «Штерн», в которой пре-

возносились заслуги Вакки в сохранении и приумножении состояния. Он, наследник, выставялся там как недалекий, невежественный бездельник, не имеющий цели и не заслуживающий усилий, потраченных на него целыми поколениями интеллигентных, верных Вакки.

— Вам нужна помощь, — настаивал на своем незнакомец. — И никто, кроме меня, вам ее не окажет, поверьте мне. Пора уже нам встретиться.

— Ну, хорошо, — сказал Джон. — Ваша взяла. Скажите, где и как.

— Прилетайте в Лондон. Только без шумихи, пожалуйста. Обыкновенным линейным рейсом. Вы один.

Джон издал звук — полувздых, полусмех.

— Один? Как вы себе это представляете? Я вас не знаю. Вы можете оказаться и маньяком-убийцей, и опытным похитителем.

— Ваши охранники, разумеется, могут вас сопровождать. Я только хочу сказать, что в Лондоне я не покажусь вам на глаза, если при вас будет кто-нибудь из Вакки или если пресса что-нибудь пронюхает.

— Договорились, — сказал Джон. Разумно ли это было с его стороны? Это станет ясно только потом. Но чем уж он рискует? Полет на самолете, потерянный день. Пока он не знает, как действовать дальше, любой день так и так потерян.

— Хорошо. Возьмите чем записать, я вам скажу номера рейсов, одним из которых вы должны прилететь.

На следующее утро Джон и Марко вместе полетели из Флоренции в Рим, а оттуда в Лондон.

Когда они с Марко вышли в лондонском аэропорту Хитроу, Джон заметил, что нервничает. Он снял маскировочные очки с простыми стеклами, которые Марко выдал ему из своего арсенала, и сунул их в нагрудный карман. Пока они скользили по бесчисленным движущимся дорожкам, он высматривал в толпе лица, выискивающие кого-то среди прибывших, но это был аэропорт, и тут все встречающие кого-то выискивали.

Мужчина, оказавшийся прямо перед ним, протянул ему руку и голосом, который Джон тотчас узнал, произнес:

— Мистер Фонтанелли? — Он был на полголовы выше Джона, навскидку лет пятидесяти, с густыми темными волосами и выправкой боксера. — Меня зовут Маккейн. Малькольм Маккейн.

Они пожали друг другу руки, и Джон представил ему Марко.

— Мой телохранитель, Марко Бенетти.

Маккейн был слегка удивлен, услышав фамилию телохранителя, но пожал руку и ему.

— Идемте, моя машина здесь. Поговорим по дороге в мой офис.

Он зашагал впереди в темпе, который Джон едва способен был держать, не переходя на бег, и большинство людей инстинктивно расступались перед ними, давая дорогу трем рвущимся вперед мужчинам. Перед главным входом, в месте, абсолютно запрещенном для парковки, стоял «Ягуар». Маккейн открыл машину, сорвал из-под дворника квитанцию на штраф, смял ее и пренебрежительно бросил под ноги.

Вел машину он сам. Джон наблюдал за ним — незаметно, как он надеялся. Маккейн был в дорогом костюме, но, несмотря на это, казался одетым небрежно, почти неряшливо. Как будто подчинялся кодексу одежды, но ни во что ее не ставил. Галстук был завязан неаккуратно, рубашка сбилась складками и вылезла из брюк; только туфли блестящие, как новенькие.

— Немного предварительной информации, — сказал Маккейн, воинственно вперившись взглядом в транспортный поток. Он использовал малейшую возможность перестроиться в соседний ряд и кого-нибудь перегнать. — Мой офис расположен в Сити. Мне принадлежит инвестиционная фирма *Earnestine Investments Limited*. Эрнестина — это второе имя моей матери, кстати сказать. Я не особенно изобретателен в названиях моих фирм, — всегда называю их именами членов семьи. Стоимость нашего фонда составляет ровно пятьсот миллионов фунтов, что по размеру не много, но достаточно, чтобы быть серьезным игроком в бизнесе.

Джон почувствовал, как вытянулось его лицо. И это все? Простой финансовый делец. Единственное отличие состояло в том, что ему хитро удалось вызвать к себе интерес. Он поглубже погрузился в сиденье и мысленно вычеркнул этот день из жизни. На все, что предложит ему этот Маккейн, он скажет «нет», будь то контракты на пшеницу, свиную грудинку или ипотека, и как можно скорее вылетит назад. И дома тут же заменит все свои телефонные номера.

Мимо проплывали высотные дома, старинные особняки, сияющие фасады. Он едва смотрел на все это. Наконец они нырнули в светлый, просторный подземный гараж, там прошли несколько шагов от машины к лифту, и он поднял их на бесконечную, казалось, высоту. Когда сверкающие дверцы лифта разъехались в стороны, перед ними открылся просторный, светлый офис с длинными рядами пультов с телефонами и компьютерными экранами. За пультами сидели мужчины и женщины всех цветов кожи, говорили сразу по нескольким телефонам, ни на секунду не сводя напряженных взглядов с движущихся на экране диаграмм.

— Мы работаем преимущественно с акциями, — объяснил Маккейн, прокладывая путь сквозь гул голосов. — Часть моих людей занята валютными операциями, но в принципе мы не располагаем достаточной финансовой силой, чтобы по-настоящему делать деньги в этом бизнесе. Мы занимаемся этим, скорее, чтобы оставаться в форме.

Джон кисло улыбнулся. Так вот откуда ветер дует. Торговля валютой означала, насколько он успел за это время изучить, по-крупному скупать валюту какой-то страны или продавать ее, получая прибыль от крошечных колебаний обменного курса. Чтобы зарабатывать на этом деньги, надо

инвестировать громадные суммы, сотни миллионов за сделку и более. Нетрудно догадаться, какое предложение сделает ему Маккейн.

Они дошли до бюро Маккейна — помещения, отгороженного от зала брокеров стеклянной стенкой. Бюро оказалось лишь вдвое меньше зала, и из его окон открывался ошеломительный вид на город. На полу лежал несколько вытертый персидский ковер, огромный стол с могучим кожаным креслом выглядел дорого, но безвкусно, и ни стулья перед столом для переговоров, ни полки для книг по стилю не подходили друг к другу.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Фонтанелли, — предложил Маккейн, указывая на мягкий диван. — А вас, мистер Бенетти, могу я попросить подождать в приемной? Мисс О'Нил сделает вам кофе или что вы захотите.

Марко вопросительно посмотрел на Джона. Тот кивнул; долго эта встреча все равно не продлится. Телохранитель без лишних слов переместился во владения секретарши перед кабинетом, там стояли несколько стульев для посетителей. Маккейн закрыл за собой дверь, и плотный гомон голосов смолк, как отрезанный. Стеклянная стена, судя по всему, была звукоизолирующей.

— Так, — сказал он и принялся опускать жалюзи на стене. — Теперь забудьте об инвестиционной компании. Это всего лишь игрушка. Моя тренировочная площадка, так сказать. И уж точно я пригласил вас сюда не для того, чтобы предлагать вам выгодные инвестиции. Если у кого на этой планете и есть достаточно денег, так это у вас.

Джон удивленно поднял голову. Тогда что бы это могло быть?

— Я знаю о вас очень много, мистер Фонтанелли, как вы, без сомнения, уже заметили. Только ради приличия я расскажу вам кое-что о себе. — Маккейн уселся на край своего письменного стола и скрестил руки на груди. — Я родился в 1946 году здесь, в Лондоне. Мой отец, Филипп Кэллам Маккейн, был высокопоставленный офицер королевских ВВС, что имело следствием то, что я к пятнадцати годам сменил четырнадцать городов в восьми странах и сносно владел пятью иностранными языками. Сколько школ я посещал, я уже не знаю, но худо-бедно я ее закончил, и поскольку образ жизни моей семьи — то есть меня и моих

родителей, братьев и сестер у меня нет — не выработал у меня чувства принадлежности к какой-то определенной национальности, меня влекло к международным концернам. После нескольких телодвижений туда и сюда я оказался в IBM и выучился на программиста. Это была середина шестидесятых, тогда еще штамповали перфокарты и возили взад-вперед магнитные ленты, а большие, громоздкие компьютеры стоили миллионы долларов. Кстати, я и по сей день не оставил программирование; мои брокеры, — он кивнул головой в сторону стеклянной стены с опущенными жалюзи, — работают частично с программами, которые написал я. В этом бизнесе все решает качество программного обеспечения; некоторые крупные брокерские фирмы на Уолл-стрит, которые ворочают миллиардами долларов, до одной трети из них инвестируют в обработку данных! Но, кажется, ни в одной из них нет босса, который мог бы сам приложить к этому руку.

Джон с удивлением глядел на этого заряженного энергией человека. С виду нельзя было представить, что он способен найти кнопку включения компьютера, не говоря уже о программировании.

— Я понимаю, — вяло сказал он, чтобы хоть что-то сказать.

— Ну, хорошо, вернемся к началу, — продолжил Маккейн, сделав неопределенный жест рукой. — Благодаря моему знанию языков я получал международные задания, и меня посылали в командировки по всей Европе. Бельгия, Франция, Германия, Испания... я бродяжничал повсюду и писал коммерческие и финансовые программы для клиентов IBM. Компьютерные системы, которые выходили за пределы государственных границ, принадлежали в основном банкам, и вскоре я стал таким специалистом по транснациональным компьютерным проектам. Поэтому выбор пал на меня, когда в 1969 году из Италии поступил особый заказ, с большими запросами. — Маккейн посмотрел на него пронизывающим взглядом. — Заказчиком была, против всяких ожиданий, адвокатская контора из Флоренции.

Джон поперхнулся.

— Так это вы?... вырвалось у него против воли.

— Да. Первоначальную версию программы, которая управляет вашими счетами, написал я.

Марко листал неинтересный журнальчик, боковым зрением не упуская из виду своего подопечного, которого он видел в щелку жалюзи. Он настороженно поднял голову, когда Джон Фонтанелли вскочил и принялся ходить по просторному бюро, горячо жестикулируя. Маккейн тоже быстро ходил взад-вперед, что в его случае больше походило на то, как по арене топчется разъяренный бык. Но не походило на то, чтобы они вцепились друг другу в горло, и телохранитель расслабил мускулы, автоматически напрягшиеся в готовности к прыжку.

— Еще кофе? — спросила секретарша, очаровательная молодая женщина с рыжими волосами и бледной кожей, которой он, очевидно, нравился.

— Нет, спасибо, — улыбнулся он. — Но, может, я бы выпил стакан воды?

* * *

— Этот заказ стал поворотным пунктом моей жизни, — сказал Малькольм Маккейн. Теперь они оба сидели в креслах в уголке для переговоров, Маккейн — подавшись вперед, упершись локтями в колени. Он не сводил с Джона глаз. — Вакки с самого начала повели себя очень таинственно, никак не хотели говорить мне, в чем, собственно, состоит задача программы. Некоторое время я даже подозревал, что они хотят отмывать деньги мафии через систему, которую я должен был спрограммировать. Но когда разрабатываешь компьютерную программу, все выходит на свет божий. Программист — он ведь как исповедник, ему вы скажете все, что утаиваете от финансовых органов и прокуратуры — в противном случае система не будет работать. Мне пришлось тестировать написанную программу, и когда на экране возникла сумма в 365 миллиардов долларов, у меня глаза на лоб полезли, это вы, наверное, можете себе представить.

— 365 миллиардов? — эхом повторил Джон, ничего не понимая.

Маккейн кивнул:

— За прошедшие с того времени двадцать пять лет ваше состояние почти утроилось.

Джон раскрыл рот, но так и не придумал, что сказать, и снова закрыл его.

— Им пришлось открыть мне чистую правду, — продолжал Маккейн. — До того времени Вакки тщательно следили за тем, чтобы все двери в конторе были закрыты. Но я сказал им о своих подозрениях насчет денег мафии или наркоторговли, и им волей-неволей пришлось показать мне архив и завешание Джакомо Фонтанелли, чтобы я не заявил на них в полицию. — Маккейн покачал головой. — Я был совершенно околдован. Это было самое невероятное дело, о каком мне приходилось слышать. И я был убежден — абсолютно убежден — в том, что нашел предназначение моей жизни. Я уволился из IBM, вернулся с моими немалыми сбережениями в Лондон и начал жадно учиться — изучал экономику, народное хозяйство, организацию производства, все вместе. Я жил в дешевой каморке без отопления, годами носил одни брюки и один пиджак, никуда не выходил, не курил, не пил, жил монахом — и грыз науки. Я всегда сидел в первом ряду, изводил преподавателей вопросами, все экзамены сдавал на отлично. Когда я закончил учебу, я пошел работать в банк, брокером, на практике закрепляя то, что изучил по активам, производным, торговле валютой и так далее. Потом основал собственную фирму, с моим собственным и заемным капиталом, и вкалывал днями и ночами. Понемногу все продвигалось вверх. И все эти годы, и в хорошие, и в плохие времена, я с нетерпением ждал этого момента, сегодняшнего дня, когда буду сидеть напротив вас, наследника состояния Фонтанелли, наследника триллиона долларов.

Джон заметил, что смотрит на этого человека широко раскрытыми глазами. От Маккейна исходила такая энергия, такая телесно ощутимая решимость, что казалось, будто сидишь перед клокочущей доменной печью.

— Боюсь, — медленно произнес Джон, — я не совсем вас понял.

— Моя миссия, моя жизненная задача, — объяснил Маккейн, мощно двигая челюстями, — состоит в том, чтобы поддержать вас и помочь вам исполнить прорицание Джакомо Фонтанелли. Не меньше и не больше. Все, что я делал до сих пор — учеба, основание этой фирмы, — было лишь подготовкой к этому заданию, тренировкой, упражнением, боем с тенью. Я должен был научиться обращению с деньгами, с большими деньгами. Уж если я решил быть

вам полезным, я должен уметь вращаться в кругах финансовых магнатов. Это было единственной причиной. Богатство меня не интересует. Езжу ли я на «Ягуаре» или хожу пешком, мне все равно. Эту свободу я обрел тогда, двадцать пять лет назад. Ее дает человеку абсолютная одержимость одной-единственной целью. С тех пор я знаю, для чего родился на свет. Я так же твердо, как в утреннем восходе солнца, убежден в том, что не случайность, а Провидение привело меня во Флоренцию. Этот разговор между нами я уже тысячи раз проводил мысленно. Двадцать пять лет я работал на сегодняшний день, на этот час. Все, что у меня было, — контрольная дата, 23 апреля 1995 года — и телефонный номер. Телефонный номер гостевой комнаты, которая уже тогда была подготовлена на вилле Вакки. Я увидел этот номер в списке телефонного техника, который делал проводку. Я знал, что семья Вакки не изменит этот номер. И вот, — добавил он с почти оргиастическим удовлетворением, — это свершилось: вы здесь.

Джон сглотнул. Он не знал, что сказать. Этот человек был либо сумасшедший, либо гений. Либо то и другое вместе.

— Откуда вы знали, — спросил он, — что Вакки не сменят номер телефона?

Маккейн мрачно и коротко улыбнулся, его глаза не участвовали в этой улыбке.

— Ну, символическое значение числа 23 было явным. Контрольный день. И они не знали, что я знаю номер. Я следил за тем, чтобы не выдать себя. Мне было ясно, что я должен действовать в тайне.

— Почему?

— Потому что мои намерения ставили под вопрос их компетенцию. — Он вдохнул так, будто не дышал с самого начала их разговора. — Я говорю вам это с нехорошим чувством, поскольку понимаю, как вы относитесь к семье Вакки. Они сделали вас богатым человеком, о чем вы и мечтать не могли, и они ничего не хотят за это взамен, даже благодарности. Они довольны уже тем, что выполнили обет своего предка. Поистине благородные люди, ничего не скажешь.

— Да, — кивнул Джон. — Именно так я это и вижу.

— Но на самом деле, — объяснил Маккейн, — есть теневые стороны и у них. Они осуществили неслыханное, этого у них не отнять. Но именно то, что сделало их способными

к этому небывалому достижению, теперь будет тормозить их на этом пути. Вакки, мистер Фонтанелли, это люди, абсолютно фиксированные на сохранение, на поддержание, на традицию. Но если вы непредвзято спросите себя, что конкретно сделали Вакки, то обнаружите, что в части исполнения прорицания помочь вам они не смогут. Напротив, все надежды они возлагают как раз на вас. Что вам это удастся. Что вы, наследник, тот самый, кого Джакомо Фонтанелли увидел в своем видении, что вы вернете человечеству утраченное будущее.

И вы остались с этой проблемой один на один, не так ли? Вакки отрезали вас от мира, отвлекли всеми этими игрушками, которые дает человеку богатство. Потому что в глубине души они не хотят, чтобы что-то было иначе, чем до сих пор. Это не злая воля. Вакки абсолютно неспособны к злу. Это свойство дало их семье возможность пятьсот лет производить на свет правоведов, которые никогда не были подвержены соблазну взять эти деньги себе. Однако те же свойства делают их неспособными помочь вам произвести необходимые превращения.

Он вскочил, ринулся в глубину помещения, остановился на полпути, развернулся на ковре и снова простер руки жестом ветхозаветного пророка.

— Теперь вы понимаете сакральный замысел судьбы? Она делает посвященным в эту тайну именно такого человека, как я, причем своевременно, чтобы провести все приготовления и оказать наследнику помощь и поддержку. Человека, который мыслит, чувствует и действует совсем иначе, чем те, кто сохранил состояние. Все идет именно так, как должно идти. Зубья одной шестеренки цепляют зубья другой. Я ждал, двадцать пять лет ждал вас, ждал и готовился, и вот вы здесь. Свершилось. Сегодня день, про который когда-нибудь скажут, что в этот день началось будущее.

Джон воззрился на него, но ему пришлось отвернуться, прикрыв глаза рукой.

— Многовато для одного раза, — признался он. Его сердце вело себя, как у старика, который с трудом переносит волнение. — А главное, я до сих пор не знаю, как выглядит ваш план на будущее. Прошлое — о'кей, это я понял. Но что бы вы стали *делать*? Совершенно конкретно, с триллионом долларов, чтобы спасти будущее?

— Минуточку, — сказал Маккейн, поучающе поднимая палец. — Это еще одна ошибка в образе мыслей Вакки. Верить, что кто-то якобы может проанализировать чудовищно сложное положение мира и прийти к новым идеям для разрешения всех проблем. Никто этого не может. Ни вы, ни я, ни Альберт Эйнштейн бы не смог. Но не забывайте — у меня было четверть века времени на размышления. А большой срок компенсирует недостаток гениальности. У меня было время размышлять и планировать, и у меня было время осмотреться, что думают на этот счет другие. И оказалось: целое воинство высокоинтеллектуальных ученых уже давно освещает эту проблему с разных сторон. И вовсе не зачем приходить к какой-то гениальной идее — все необходимые идеи давно найдены, опубликованы и доступны. Проблема не в том, что никто не знает, что делать, — а в том, что никто не делает. Единственное, что было сделано, — это упущено время.

Джон смотрел, как Маккейн шагнул к своему книжному шкафу и стал в нем рыться. Во рту у него пересохло. Но Маккейну, судя по всему, не приходило в голову предложить ему что-нибудь выпить.

Видимо, он исходил из того, что все люди — во всяком случае серьезные — лишены бытовых потребностей, как и он сам.

— Вот, — Маккейн достал книгу, названия которой издали не было видно. — Эту книгу я бы поставил в самое начало. До нее были лишь смутные, пугающие исследования, которые по большей части противоречили друг другу, поскольку проводились публицистами, лишенными системного мышления. Потом появились серьезные исследования и реальные сведения. «Границы роста». Так называлась эта книга, увидевшая свет в начале семидесятых. Авторы — Деннис Медоуз и Джей У.Форстер. Форстер был профессор в области информатики и разработал теоретические основы системной динамики, составной части кибернетики, которая исследует поведение сетевых систем высокой степени переплетенности. Медоуз сделал из этого компьютерную программу WORLD2, которая была еще очень проста и ограничена, но уже показывала, как будет выглядеть будущее человечества в общих чертах, и на основании этой программы можно было исследовать, как различные меры могли бы повлиять на это будущее.

Маккейн снова сел и положил книгу на стол. Джон в жизни не видел более затрепанной и зачитанной книги. Должно быть, Маккейн годами клал ее себе под подушку.

— Вы поймете, что мне как программисту это помогло на начальном этапе. Не забывайте, тогда компьютерное программирование было тайным знанием, окутанным легендами. Я переписал программу Медоуза, чтобы самому с ней поэкспериментировать. Тогда мне для этого требовалось время в вычислительном центре университета, перфокарты приходилось таскать за собой коробками и вставлять в час ночи, поскольку студенты имели бесплатный доступ в вычислительный центр только с этого времени. Сегодня все это можно проделать на любом компьютере, купленном за тысячу долларов. Только сегодня этого больше никто не станет делать.

Он раскрыл книгу и подвинул ее к Джону, чтобы тот увидел диаграммы на странице. Джон спросил себя, почему Маккейну не пришло в голову купить новый экземпляр книги. Почти каждое предложение было подчеркнуто или помечено другим способом, некоторые страницы выпадали из переплета.

— Это так называемый *стандартный ход*, — сказал Маккейн и ткнул пальцем в примитивного вида диаграмму, в которой пять линий волнообразно поднимались и снова опускались. — Развитие пяти важнейших величин состояния: число населения, качество жизни, загрязнение окружающей среды, запасы сырья и инвестированный капитал при условии, что не последуют какие-то решающие меры. Заметьте, вот 1975 год. Сегодня мы знаем, что пока ничего не случилось, и эта диаграмма показывает, что с тех пор было действительно сделано. Вы видите здесь линии, которые я нанес в 1970-м и 1995 году? Если рассматривать только этот отрезок, выглядит неплохо. Легкий подъем загрязнения окружающей среды и сильный подъем числа населения, небольшое уменьшение сырьевых запасов и уровня жизни. Примерно то, что мы и наблюдаем, не так ли? Открылась озоновая дыра, население мира прирастает даже быстрее, приближается уже к шестому миллиарду. И тут вы видите, куда все идет: коллапс примерно в 2030 году, вызванный недостатком сырья.

— Но это же неправдоподобно, — сказал Джон. — Сырье становится скорее дешевле. Находят все новые источ-

ники и находят все больше заменителей. Я недавно читал, что для того, чтобы протянуть по всей стране кабели из стекловолокна, достаточно одного самосвала песка — по сравнению с тоннами меди когда-то.

Маккейн сложил ладони. Этот аргумент он и сам слышал неоднократно.

— Во-первых, это слишком простая модель. Под сырьем понимается все — и медь, и нефть. Эта линия слишком усредненная. Во-вторых, что касается цены сырья: да, можно многое заменить, и во многих природных веществах — например, в железе или алюминии — недостатка действительно нет. Но вы просмотрели, как и многие другие люди, что многочисленные вещества, о которых редко слышишь, но которые для многих промышленных процессов имеют решающее значение, становятся все более редкими и все более дорогими. Такие, как молибден или титан, палладий или гафний, германикум или ниобий и так далее. А в-третьих, — продолжал он, снова взял книгу и долистал ее до следующего графика — казалось, он знал ее содержание наизусть, как священник Библию, — речь идет о сетевой системе. Все факторы зависят от всех остальных. Ваш аргумент, мистер Фонтанелли, типичный аргумент линейного мышления. Возникает проблема, ее преодолевают, не замечая, что решение проблемы влечет за собой в других областях новые, порой еще худшие проблемы. Если устранить недостаток сырья — что программа позволяет легко проделать, если, например, взять запасы, в пять раз большие известных, — то скажутся другие перегрузки. Посмотрите на эту диаграмму: поднявшееся выше всякой меры загрязнение окружающей среды стало бы лимитирующим фактором, который в то же время привел бы к резкому крушению системы.

— Понимаю.

Джон листал книгу дальше. Одна диаграмма выглядела хуже, чем предыдущие. Что ни предпринимай, все кончалось катастрофой. Даже если уменьшить высвобождение вредных веществ, катастрофу можно было замедлить разве что на два десятилетия.

Однако: *после* катастрофы, различимой по резкому сокращению населения, что было равнозначно миллионам погибших, некоторые кривые снова возвращались в разумные пределы.

Как будто наступало время умиротворения.

Маккейн заметил его взгляд и, казалось, разгадал его мысли.

— Забудьте кривые после коллапса, как бы они ни выглядели, — сказал он. — В принципе, их нельзя рисовать дальше коллапса. То, что будет потом, не поддается подсчетам. Предположительно, это означает конец человечества как вида.

— Но это уже совсем безнадежно, — сказал Джон.

— Оттого это и происходит, что безнадежно, — сказал Маккейн. Он полистал книгу, раскрыл ее ближе к концу. — Вот чего бы мы достигли, если бы начали принимать решительные меры в 1970 году. Состояние равновесия. Следовало бы ввести постоянный контроль за рождаемостью, существенно понизить загрязнение окружающей среды, а с сырьем обходиться чрезвычайно экономно. Что это означало бы в деталях, тут не уточняется, но ясно, что условием для такого состояния — которое изображало бы долгосрочное уверенное существование на очень высоком жизненном уровне — должно было стать окончание роста экономики и населения.

Джон снова вспомнил статью Лоренцо. Его кузен точно указал пальцем на ту же самую проблему: постоянный, неустойчивый, прямо-таки всеми обожаемый экономический рост.

— Окончание роста, — задумчиво повторил он. — И как этого можно было достичь?

— Вопрос, почему это уже давно не достигнуто. Рост происходит, в конце концов, не сам по себе. Для этого надо напрягаться. Это требует пота и лишений. Вопрос, почему не останавливаются, когда уже всего достаточно.

— Ну, хорошо. И почему не останавливаются?

— Потому что никто не хочет начать первым. Это как в гонке вооружения — каждый боится сделать первый шаг, потому что боится отстать. Никто не останавливается, потому что никто не останавливается.

Джон смотрел на растрепанную книгу. У него разболелась голова.

— О'кей. И какое все это имеет отношение ко мне? И к вам?

— Разве это не лежит на поверхности?

— Нет. На поверхности я не вижу ничего.

— Хорошо, — сказал Маккейн, откинувшись в кресле и скрестил руки на груди. — Мистер Фонтанелли, что вы знаете о том, как становятся богатым?

— Что-что? — Джон моргал, глядя на него. — Как становятся богатым?

— Да. Как это функционирует? Почему одни становятся богатыми, а другие нет? Наследство давайте исключим.

— Об этом я никогда не думал.

— Как и большинство людей. Но ведь вам ясно, что должны быть определенные взаимосвязи?

— Я думаю, во многом это случайность. Кроме того, я не вижу никакой связи между этим и тем, о чем мы говорили.

— Сейчас увидите. — Маккейн встал, внезапно погрузнев. — Расслабьтесь. Откиньтесь на спинку. Я вам объясню.

* * *

Ее звали Карен, и чем дольше Марко с ней перешучивался, тем больше она ему нравилась. Время от времени он поглядывал сквозь стеклянную дверь, но оба мужчины были погружены в разговор, и не походило на то, чтобы мистеру Фонтанелли что-нибудь угрожало. Рыжеволосая секретарша, казалось, была сегодня не особенно занята, несмотря на ее компьютер и солидное телефонное устройство связи.

— Бывают такие дни, — сказала она. — А в другие дни просто сущий ад. В зависимости от того, что происходит на бирже, понимаете?

— В этом я не особенно разбираюсь, — признался Марко.

Карен уговорила его еще на один кофе, принесла откуда-то печенье, и они принялись рассказывать друг другу о своей жизни.

— Я могла бы показать вам Лондон, — предложила Карен. — Когда вы приедете в следующий раз.

Взгляд Марко украдкой скользнул по ее фигуре.

— Это было бы интересно, — сказал он и с искренним сожалением добавил: — Но не знаю, когда я снова приеду в Лондон.

— О, вам придется приезжать сюда довольно часто, — заверил его Карен О'Нил с лукавой улыбкой. — Мой шеф хочет работать с вашим шефом, а он умеет быть очень убедительным...

— Богатство связано в первую очередь с приходом и во вторую очередь с расходом, — наставлял Маккейн, стоя темным силуэтом на фоне светлой панорамы Лондона. — Если вы больше тратите, чем получаете, то становитесь беднее, а если тратите меньше, чем получаете, то становитесь богаче. Что касается расходов, то их вы можете сократить лишь до известных пределов, по крайней мере если хотите оставаться нормальным членом общества. Итак, остается повысить приход. До этого места все понятно?

Джон скептически кивнул.

— До этого места, честно говоря, банально.

Маккейн, казалось, не слышал его.

— Достижимый приход следует определенной иерархии. На самой нижней ступени этой иерархии стоит просто *работа*. Вы что-то для кого-то делаете, и он вам дает за это деньги. Это может быть работа по найму или работа самостоятельного ремесленника, это не играет роли. В народе ее называют «честной работой», и приход, которого вы ею достигнете, никогда всерьез не превысит ваши расходы. Это связано с налогами. Государство хочет ваших денег, и оно предпочло бы забрать их все. Но тогда вы умрете от голода или откажетесь рождать на свет детей, то есть новых граждан и новых налогоплательщиков. Поэтому государство оставляет вам на жизнь. Но не больше. Никакое государство и никакое общество не заинтересовано в финансово независимом населении. Честная работа — то есть то, в чем большинство людей проводит все свое время, — приносит человеку только общий жизненный стандарт, не больше того.

Джон вспомнил времена своей работы в прачечной, потные ночи за паровой гладильной машиной. Недельного заработка хватало только на самое необходимое.

— Следующая по высоте ступенька достижимого прихода, — продолжал Маккейн, — это *специализированная работа*. Стоимость работы следует, как и все в экономической жизни, принципу спроса и предложения. Если вы учились тому же, чему и все, и можете то же, что и все, то вы заменимы, на вас легко надавить, поэтому достижимая плата скатывается на самый низкий возможный уровень. Плата повышается, если вы готовы делать то, на что гото-

вы не все — вредить здоровью, физически перенапрягаться, работать ночами или в праздничные дни, — либо если вы можете то, что могут не все, при условии, что это умение востребовано.

Для этого вам сначала нужно найти на рынке эту востребованность — нанятый государством учитель всегда зарабатывает одинаково, независимо от того, насколько хорошо он преподает, но если он хороший преподаватель, он может в частной школе выторговать себе лучшую зарплату.

Профсоюзы, адвокатские конторы и объединения ремесленников заботятся о том, чтобы их членам был гарантирован уровень оплаты, ниже которого они опуститься не могут. Но это мстит ограничением оборота, поскольку исполнение за более высокую цену находит не так много клиентов, как за низкую. Как бы то ни было, чем специальнее услуга, которую вы можете предложить, если она востребована, тем выше она может взвинтить ваши доходы. Адвокат может зарабатывать пятьсот долларов в час, более-менее знаменитый певец — двадцать тысяч за одночасовое выступление. Но бесконечно эти доходы расти не могут — у адвоката возникают расходы на его бюро и секретариат, а певцу приходится нести расходы на поездки, на костюмы, репетировать, договариваться о концертах и раздавать автографы, не говоря уже о том, что ему годами приходилось выступать за бутерброд, когда он еще не был знаменитым.

Джон вспомнил Пола Зигеля, который когда-то был его лучшим другом. Пол уехал в Гарвард и выучился там кое-чему такому, за что его наниматель платит ему до тысячи долларов за час его работы. Джон хорошо помнил тот момент, когда Пол рассказывал ему об этом, и свое безграничное недоумение перед лицом той пропасти, которая разверзлась между ними.

— Теперь последует первый скачок. Так сказать, переход от наклонной плоскости к принципу рычага. Следующая ступень иерархии прихода — это *торговля*. Торговля означает: что-то дешево купить, чтобы продать дорого. Выражаясь менее банально, это означает, что торговец своей деятельностью выравнивает различия между спросом и предложением и тем зарабатывает. Принцип рычага кроется в том, что вознаграждение зависит от стоимости товара, а не от затрат на деятельность. Если вы продаете дыни, то торговля

принесет вам десять центов с одной дыни, а если вы продаете опреснительные установки для фабрики, это принесет вам десять тысяч долларов с одной установки. Но собственные затраты времени и сил могут быть одинаковыми. Оплачивается не ваша работа, а ваша способность обнаружить потребность и удовлетворить ее. На этой ступени разница уже сравнительно высока — торговлей можно заработать и мало, а то и вовсе ничего, а можно и сильно разбогатеть. Книготорговец может иметь выручку тридцать—сорок процентов от продажной цены книги, а хозяин модного бутика набрасывает на отпускную цену своих товаров и двести, и триста процентов. Для торгового посредника обычные комиссионные — десять—пятнадцать процентов, что при торговле предметами стоимостью в несколько миллионов может составить изрядные суммы за каких-нибудь несколько телефонных звонков и за вечер переговоров.

Джон молчал. Галеристы, у которых Сара и другие художники выставляли свои работы, попадали предположительно в эту категорию. Они были посредниками между теми, кто производил искусство, и теми, кто хотел его приобрести, и деньги получали с обеих сторон. Неудивительно, что владелец галереи всегда приезжал на крутой машине, а художники — на метро.

— Следующий скачок состоит в том, что вы в известной степени умножаете себя. Вы больше не работаете, а побуждаете других делать то, что нужно вам. И тогда вы, одним словом, *предприниматель*. Кто-то делает то, что вы ему скажете, и за это получает от вас деньги. Вы стараетесь купить его работу как можно выгоднее для себя, поскольку вы с ним находитесь по разные стороны рыночного механизма: все, что из прибыли вашего предприятия вы раздаете служащим, сокращает ваши собственные доходы. Основание предприятия сопряжено со многими рисками и поначалу дело очень трудное, но собственное умножение вы можете выстроить как угодно. Вы можете нанять людей, которые, в свою очередь, тоже наймут людей, и так далее. И если вы хорошо освоитесь на своем рынке, то зарплата, которую вы будете платить вашим служащим, будет самым лучшим вложением денег: с экономической точки зрения служащий стоит своих денег, если он приносит предпринимателю как минимум 1,3 от них. Другими словами, если он при-

носит доход 30 процентов! Мало какое другое инвестирование может приносить вам такой доход в течение длительного срока. Большие концерны — пример того, как далеко может завести этот принцип, и соответственно шеф такого концерна может заработать десять миллионов долларов в год. Пусть даже при высокой рабочей нагрузке это составляет более трех тысяч долларов в час.

Ему вспомнился Мурали. Тот не испек за свою жизнь ни одной пиццы, не говоря о том, чтобы развозить их, но он умел дешево нанять пекарей и развозчиков, он был в лавке с раннего утра допоздна, кричал, ругался, отдавал распоряжения и всех держал в движении. Благодаря этому тысячи людей в Южном Манхэттене быстро получали пиццу, и Мурали с этого жил, хоть Джон и понятия не имел, сколько тот зарабатывает.

— Я надеюсь, вы заметили, какую роль в этих категориях играют уже имеющиеся в наличии деньги. Если у вас нет средств, для вас почти нереально получить образование, которое позволило бы вам выбраться из низшей категории. Если же у вас уже есть какое-то собственное состояние, вам существенно легче организовать торговлю или основать предприятие. Чем больше у вас денег, тем легче вам заработать следующие деньги.

— Но ведь это несправедливо, — сказал Джон, не раздумывая.

— Природа несправедлива, — ответил Маккейн. — Мир несправедлив. Справедливость означала бы равновесие, но жизнь — неравновесное состояние, поэтому она фундаментальная несправедливость, которая проявляется в этой иерархии доходов. — Он поднял указательный палец, темный Мефистофель на светлом фоне лондонского неба. — И в конце концов мы приходим к высшей категории доходов, к оптимальному умножению вас самого, к ультимативному действию рычага. Это ступень, на которой *ваши деньги сами зарабатывают* следующие деньги. Мы говорим о рынке капитала, об области чистых финансов. Владеть предприятием — доходно, однако его тем труднее держать в руках, чем оно больше, как будто вмешиваются силы, которые противодействуют безграничному росту. Не то с деньгами. Пропускаете вы по всемирным финансовым каналам миллион, сто миллионов или сто миллиардов, затраты те

же самые. Вы, мистер Фонтанелли, находитесь на этой верхней ступени. Вам больше вообще не нужно работать, за вас работают ваши деньги, и это каждый год приносит вам больше новых денег, чем их есть у следующего после вас по богатству человека. Замечаете вы эти усилия? Напрягают они вас? Нисколько. Так может идти и дальше. Никакой верхней границы не просматривается.

Маккейн резким движением, почти испугавшим Джона, покинул свое место у окна и начал ходить по комнате взад и вперед.

— Деньги, — воскликнул он, — есть величайшая сила на этой планете! Если у вас есть деньги, у вас есть все остальное. У вас есть имя. Вы наслаждаетесь вниманием. Вам оказывают почтение. Вас любят! Да, я знаю, говорят, *любовь не купишь*, но это — как и с большинством народных мудростей — полная чепуха!

Разумеется, вы можете добиться женщины и не имея ничего и не являясь никем, но для этого вы должны быть по меньшей мере симпатичным, привлекательным и внимательным человеком. Вам придется постараться как следует. И вы можете быть как угодно привлекательны, — если вы не богаты, определенные категории женщин останутся для вас недостижимы. Назовите мне хоть одну фотомодель, которая была бы замужем за столяром или киоскером: не найдете ни одной. Вы думаете, Джекки Кеннеди вышла замуж за Онассиса, потому что он ослепительный красавец? Чушь собачья! Он смог ее уложить, потому что был одним из богатейших мужчин мира, все очень просто. Деньги очень сексуальны.

— М-м, — промычал Джон и вспомнил Константину. И ту немецкую журналистку, вроде бы студентку, изучающую историю. Урсула, кажется.

— Если вы богаты, вам не нужно быть красивым. Вам даже не нужно быть интеллектуальным или талантливым, ведь вы можете купить и интеллект, и талант. Лучше быть богатым, чем художником, потому что за деньги вы можете купить искусство — да что там, вы можете купить даже художников! — Маккейн сделал паузу, чтобы отдышаться, и посмотрел на него. — Вам не нужно быть хорошим торговцем, если у вас много денег; ведь вы можете просто вытеснить конкурентов с рынка. И хорошим предпринима-

телем вам не нужно быть; потому что вам не понадобится основывать фирму и, в лишениях и трудах, годами ставить ее на ноги, не спать ночами, не отдыхать по воскресеньям и недели проводить в паническом страхе, когда чеки не приходят, — вы можете купить любое готовое предприятие! Понимаете, о чем я говорю? Понимаете, что означают на самом деле деньги? Деньги, мистер Фонтанелли, — *власть*.

Джон заметил, что сидит с раскрытым ртом, и захлопнул его.

Маккейн медленно подошел к нему, умоляюще сложив руки на груди.

— Вы находитесь в несравненной позиции, мистер Фонтанелли. Вы можете стать могущественнейшим человеком в мире. Ваши деньги, ваша тысяча миллиардов долларов могущественней всех атомных ракет, потому что деньги — жизненные соки мира, его кровь, его определяющий элемент. Если у вас есть деньги, мир вам по яйца.

Он указал на книгу, которая все еще лежала раскрытой на странице с диаграммой, показывающей переход в мир продолжительного существования.

— Само по себе это не наступит никогда. Я знаю это, вы знаете это, каждый это знает. Прошедшие двадцать лет не оставили ни одного разумного сомнения. Единственный шанс, который еще остается, заключается в том, что придет некто, обладающий властью сказать: мы пойдем этим путем. Вы, мистер Фонтанелли. Вы можете принять такое решение. Потому что вы можете их *заставить*.

— Это и есть ваш план?

— Да.

— Заставить их?

— Другой возможности нет, — сказал Маккейн. Взгляд его, казалось, мог прожигать дыры в мебели. — В этом, признаться, нет ничего приятного. Но то, что случится в противном случае, будет еще менее приятно.

— Заставить их? Разве я смогу? — Джон поднял руки. — Ну, хорошо, триллион долларов — это целая куча денег — но разве этого *хватит*?

Маккейн только кивнул.

Джон покачал головой:

— Я читал про банки, на балансе у которых по четыре-ста—пятьсот миллиардов. Ситибанк, например, да? И японские банки, названий я не запомнил. Есть страховки, гарантирующие сотни миллиардов...

— Да, — снова кивнул Маккейн. — Но ваш триллион, мистер Фонтанелли, не только единственный в своем роде, он обладает одним решающим преимуществом: он *принадлежит* вам! — Он снова принялся ходить по комнате. Теперь Джон понимал, почему здесь такой истертый ковер. — Банки, страховки и инвестиционные фонды — и поверьте мне, я знаю, о чем говорю, — это рабы рынка. Посыльные богатства. Миллиарды, которыми они двигают, им только доверены, и если они их не приумножат при помощи хозяйственной деятельности, они их лишатся. Это не только сужает пространство действия, это полностью аннулирует их власть. Какое решение они властны принять? Купить эти акции или те. И это решение зависит от того, от каких акций они ожидают большей прибыли. Я в моей фирме управляю пятьюстами миллионами фунтов. Как вы думаете, что произойдет, если я приму решение купить за эти деньги земли в бассейне Амазонки, чтобы спасти тропические леса? Вкладчики в мгновение ока заберут свои деньги назад, а я окажусь либо в тюрьме, либо в сумасшедшем доме. При том, что это была бы инвестиция, которая обогатит

детей и внуков этих инвесторов — но она не принесла бы доходов. Понимаете, что я имею в виду? Вы видите разницу? Банки хоть и владеют деньгами, но они не распоряжаются ими свободно. Они лишь исполняют инвестиционные намерения своих вкладчиков. Не путайте владение и собственность. Собственность — это решающее.

Он зашел за письменный стол и достал из-под стекла бумажку, которая, видимо, давно дожидалась своего часа.

— Теперь к вашему второму вопросу — что же представляет собой триллион долларов? Я тут записал для сравнения несколько цифр. Такие цифры, кстати сказать, не так легко добыть, да они и не требуются человеку на каждый день. Эти цифры относятся к 1993 году, они взяты из статистики *Financial Times*. Судя по ним, общий оборот мировой торговли составил в 1993 году 4,5 триллиона долларов, из которых один триллион долларов составили услуги. Если причислить сюда доходы, получаемые за границей, и международные денежные трансферты, мы выйдем на потребность в валюте в 5,8 триллиона долларов. Общая оценка капитала действующих на бирже фирм США составляет 3,3 и Японии — 2,3 триллиона долларов, а в целом по всему миру это 8,8 триллиона долларов. — Он поднял голову. — Ваш триллион, мистер Фонтанелли, большие деньги. Недостаточные, чтобы купить весь мир, но достаточные, чтобы определять направление его движения.

Джон потер лоб. Все это было так много, так тяжело, так подавляюще.

— Но как это должно происходить в реальности? — спросил он, наконец. Голос его прозвучал так жалобно, почти слезливо, что он рассердился на себя. — Я что, выйду и скажу: делаем в будущем так и так, а не то... А не то что? И кому я должен это сказать?

— Нет, это происходит совсем по-другому, — улыбнулся Маккейн и сунул свою бумажку в карман. — Власть — это не шантаж. Нет, единственное, что вы должны делать, — это покупать фирмы. К вашей выгоде, о чем я еще не упомянул, вам не нужно владеть этими фирмами целиком, чтобы иметь возможность их контролировать. Достаточно, чтобы вам принадлежал 51 процент их стоимости. Иногда достаточно и меньше. А если вы контролируете фирму, вы можете за ее деньги покупать другие фирмы, таким обра-

зом вы существенно повышаете влияние вашего состояния. К этому добавляется, что решающие в наши дни производственные факторы — интеллект, ноу-хау, личная активность — в экономике и организации производства оцениваются совершенно неправильно, поскольку эта оценка все еще ориентирована на отношения раннего капитализма. Она основана на производственных фондах, складских запасах, машинах и так далее. Но представьте себе, что вы натолкнулись на молодую, маленькую фирму, основатель которой носит с фантастической идеей, для осуществления которой ему нужно лишь немного денег на пару компьютеров, и тогда вы сможете за пятьдесят или сто тысяч долларов и кредит в несколько миллионов — который вы получите назад даже с процентами — получить контроль над фирмой, которая через пять лет будет стоить миллиарды. — Он сложил ладони. — И, разумеется, вы не добьетесь ничего, если будете инвестировать в видеотеки или в сеть быстрых закусокных. Вы должны действовать в стратегически решающих областях. Продовольствие. Финансы. Информационные технологии. Средства массовой информации. Сырье.

Энергообеспечение... Если Shell или BP чего-то захотят, разве они этого не добьются? Многие убеждены, что нефтяные концерны являются движущей силой по крайней мере половины региональных войн этого столетия. Неважно, соответствует это действительности или нет, уже одно то, что им это приписывают, свидетельствует об их мощи.

Джон сжал губы. И откуда только берется эта головная боль? И пить хочется.

— Неужто обладание фирмами действительно означает влияние, — с сомнением сказал он.

Маккейн задумчиво мял свои губы. Немного поразмыслив, он кивнул:

— Наверное, я требую слишком много. Я опрокинул на вас то, над чем сам размышлял десятилетиями... Но есть один исторический пример. — Он подошел и снова упал в кресло напротив Джона. — Вам когда-нибудь приходилось слышать имя *Фуггер*?

— Нет.

— Так я и думал. А между тем это имя должно быть так же на слуху, как имя Наполеона или Чингисхана, но по каким-то причинам историческая наука слепа на финансо-

вый глаз. Фугтеры были купеческим родом, жившим в Аугсбурге, городе, который расположен на юге Германии и который по сей день носит на себе печать деятельности этого семейства. Они начинали как ткачи, но в их лучшие времена буквально владели миром — их рука простиралась от западного побережья Южной Америки через Европу до пряных Молуккских островов. Без телеграфа, без спутников и компьютеров они держали под своим контролем свои зоны влияния с эффективностью, о какой некоторые крупные предприятия наших дней могут только мечтать, и они доминировали практически во всех областях тогдашней экономики. Они были крупнейшими землевладельцами, крупнейшими банкирами, у них были самые большие торговые дома, какие тогда существовали, крупнейшие рудники и прииски, они были величайшими работодателями для ремесленников, важнейшими производителями оружия — они владели просто всем, временами они обладали десятком процентами всей собственности государства. Концерн с мощью Фугтеров в наши дни почти непредставим — он должен был бы охватывать шестьдесят крупнейших предприятий мира. Могущественнейшие из сегодняшних многонациональных концернов, будь то General Motors, Mitsubishi или IBM, просто карлики по сравнению с Фугтерами.

Макейн прищурил глаза и набрал воздуха, ему требовалось много, очень много воздуха для того, что он собирался сказать.

— Имя человека, о котором я думаю, было Якоб Фугтер. Он управлял семейным предприятием в те блестящие времена, и его называли Якобом Богатым. Поскольку он действительно был богат и могуществен. Он определенно был, принимая во внимание время, в которое родился, самым могущественным человеком, который когда-либо жил на планете. Никогда ни до, ни после ни один человек не сосредоточивал в своих руках столько влияния, не соединял в себе столько власти. Якоб Фугтер был тем человеком, который определял, когда быть войне, а когда заключать мир. Он смещал князей, если они стояли на пути его предприятий. Его финансовая помощь определяла, кому быть главой Священной Римской империи, и он содержал армию этого императора. Когда в его время в Европе началась Реформация, он некоторое время колебался, кого поддер-

жать, и лишь потому, что у него были свои дела со Святым Престолом, он выступил в конце концов на стороне Рима, и восставшие крестьяне были истреблены в кровавых битвах. Выступи он на стороне Реформации — я убежден, это означало бы конец католической церкви.

Маккейн сложил вместе кончики пальцев. Глаза его приобрели стеклянный блеск, как будто он заглядывал прямо в другое, давно прошедшее время.

— Футтеры, мистер Фонтанелли, были современниками Медичи. Когда Медичи жили во Флоренции и поощряли высокое искусство, Футтеры жили в Аутсбурге и гребли деньги лопатой. И они были таким образом современниками вашего предка. Якоб Футтер Богатый был на двадцать лет старше Джакомо Фонтанелли, который, будучи купцом, бесспорно ощущал власть Футтеров на всех рынках. Фонтанелли знал, где была сосредоточена реальная власть в его время, кто стоял за кулисами политических событий. Без сомнений, он знал это. — Маккейн смолк, глядя на Джона, и рассматривал его так, будто внезапно обнаружил в его лице что-то чрезвычайно интересное. — Вы никогда не задавались вопросом, что навело его на мысль, что тот, кто должен изменить курс движения человечества, должен обладать именно *деньгами*?

Это, подумал Джон, действительно хороший вопрос. Но он его ни разу себе не задавал.

— Фонтанелли увидел в своем провидческом сне не странствующего проповедника, который идет из страны в страну босой и силой своего глагола обращает людей к прозрению, — сказал Маккейн. — Он увидел человека, владеющего деньгами, огромным их количеством. Не забывайте, он сам был купцом. Проценты и проценты на проценты составляли его насущный хлеб. Он мог *высчитать*, как велико будет состояние через пятьсот лет. Насколько неисчислимо оно будет. И эту невероятную сумму денег он хотел передать своему потомку вместе с прорицанием — почему? Потому что он знал, что деньги означают власть. И поэтому он, насколько мог, видел, что кому-то придется принимать властные решения.

Не успел Джон ничего на это сказать, как Маккейн вскочил, остановился перед ним вплотную и уперся пальцем ему в грудь:

— Вы первый человек за прошедшие пятьсот лет, кто может продолжить то, что оборвалось после смерти Якоба Фуггера. Вы можете стать таким же могущественным, как он в свое время. И только с такой властью в руках вы сможете сделать то, что связано с исполнением прорицания. Ваш триллион, мистер Фонтанелли, в настоящий момент — куча денег, которая лежит бессмысленно. Но если вы превратите ее в экономическое влияние, вы сможете перевернуть мир!

Джон глянул на свою грудь, на палец, упертый в нее, крепкий и бледный. Он взял его и отвел в сторону, как дуло пистолета, после чего вытер руку о свои брюки, потому что ощутил ее холодной и влажной.

— Что вы представляете под этим конкретно? — спросил он. — Я что, должен купить IBM? Или Boeing? И если они будут моими, что я должен буду с ними делать?

Маккейн задумчиво отвернулся, неторопливо двинулся к своим шкафам.

— Правда, мистер Фонтанелли, такова, — медленно заговорил он, отвернувшись, — что вы не сможете сделать это один. Вы можете купить яхту, но купить предприятие вы не сможете — и тем более не сможете управлять им. Это не критика в ваш адрес или в адрес ваших способностей. Вы не учились, чему для этого полагается учиться, и у вас нет четвертьвекового опыта в финансовой сфере. Все, чего вы сможете добиться, идя на свой страх и риск тем путем, который я только что наметил, это пустить свое состояние по ветру.

Он открыл шкаф, полный папок и регистраторов.

— Это текущие балансы важнейших предприятий мира. Могли бы вы их прочитать? Могли бы вы определить, какие из них значительные, а какие гиблые? Поймете ли вы, о чем речь, если примете участие в заседании наблюдательного совета или в заседании совета центрального банка? Сможете солидно и обоснованно вести переговоры с Международным валютным фондом? — Он снова закрыл шкаф. — Я готовился двадцать пять лет не для того, чтобы только сказать вам, в каком направлении надо двигаться. Я делал это для того, чтобы идти с вами в этом направлении. Чтобы делать всю работу в деталях. Все, что нужно делать вам, — это принимать большие решения. Если вы позовете

меня, я брошу здесь все, продам мою фирму, сожгу за собой все мосты, без всяких *но* и *если*. Если вы меня позовете, я включусь в дело на все сто процентов. Все, что требуется от вас, это решить, хотите вы этого или нет.

Джон начал непроизвольно месить свои щеки. Осознав, что делает, он снова опустил руки на колени. Ему еще сильнее хотелось пить, и у него болела голова.

— Но ведь не сию же минуту?

— Когда бы вы мне ни позвонили, я готов. Но звонить вы должны только в том случае, если будете уверены в вашем решении.

— На сегодня этого многовато. Мне надо об этом подумать.

Маккейн кивнул.

— Да. Разумеется. Я вызову машину, которая отвезет вас в аэропорт. — Он глянул на часы. — Вы как раз успеете к ближайшему рейсу на Рим. Пожалуйста, не поймите как невежливость то, что я не провожаю вас в Хитроу — я сказал все, что собирался сказать, и я не хочу давить на вас в вашем решении. Понимайте это как вид сдержанного отступления.

— Да, я понимаю. — Ему это было очень кстати. Еще одна небольшая лекция, и у него лопнет голова. Если этот Маккейн так работает, как говорит — без пауз, без оглядки на потребности тела, — то с триллионом долларов за спиной он действительно способен укатать всю мировую экономику. — Мне нужно подумать об этом спокойно. Утро вечера мудренее.

И в аэропорту он наконец пойдет с Марко чего-нибудь съесть.

— День-другой тут ничего не решает.

— Может, теперь, когда я уже знаю ваше имя, имеет смысл дать мне и ваш номер телефона?

— Я бы непременно это сделал. — Маккейн прошел к письменному столу и достал визитную карточку, заламинированную, как водительские права. На ней значилось только «Малькольм Маккейн» и номер телефона, больше ничего.

— Еще одно слово на дорогу, — сказал Маккейн, пожимая ему руку на прощание. — Пожалуйста, не затягивайте с решением. Хоть день-два и не решают ничего, но мы теряем время. Я думаю о человечестве и хотел бы, чтобы у него

было будущее — но я верю также, что план Джакомо Фонтанелли — последний шанс, какой у нас есть.

* * *

Пока ехали на машине, Джон сидел с закрытыми глазами, и это было так хорошо, что он не открывал их и в самолете. Он не спал, но, собственно, и не думал ни о чем. Скорее он вызывал в себе многообразное эхо настойчивых речей Маккейна и следил, как они звучат в нем перед тем, как исчезнуть.

Когда принесли еду, он снова открыл глаза, и Марко тут же наклонился к нему, будто только того и ждал.

— Синьор Фонтанелли, можно вас спросить?

Джон устало кивнул:

— Конечно.

— Ваши переговоры прошли успешно?

Джон задумался. Что он мог сказать? Что вообще об этом можно было сказать?

— Я пока не уверен.

— А может быть так, что нам придется чаще бывать в Лондоне?

— Хм-м. — Джон прислушался к себе. — Да. Конечно, может быть.

Марко разулыбался.

— Это хорошо, — сказал он. — Лондон мне понравился. Джон удивленно взглянул на него.

— Откуда вам знать? Вы же его практически не видели. Марко улыбнулся.

— Достаточно, чтобы знать.

— Что бы ты сделал с деньгами на моем месте?

Эдуардо поднял плоский камешек и швырнул его в море так, что он несколько раз подскочил на волнах, прежде чем утонуть. В ответ пенный прибой лизнул его туфли.

— Понятия не имею, — ответил молодой адвокат. — Но я бы точно не стал ломать себе голову из-за пророчества суеверного средневекового купца. Есть множество внятных, целесообразных проектов, которые можно было бы поддержать. Помочь встать на ноги нескольким беднейшим развивающимся странам. И тому подобное. Можно потратить на это миллиарды, так много денег тебе все равно не понадобится. Если ты оставишь себе сотню миллионов, этого вполне хватит для хорошей жизни. — Он бросил на него шуточный взгляд. — Тем более что потребности у тебя ну очень уж скромные.

* * *

— Что бы вы на моем месте сделали с деньгами?

Грегорио Вакки серьезно кивнул, оторвавшись от книги по юриспруденции. Его пальцы начали беспокойно барабанивать по переплету.

— Я много раз задавал себе этот вопрос, — признался он. — Что можно сделать с тысячей миллиардов долларов во исполнение прорицания? Профинансировать всемирную образовательную программу, например, чтобы все люди были осведомлены о проблемах планеты.

Но, с другой стороны, в индустриально развитых странах с образованием все в порядке, чтобы понять все взаимосвязи, а ведь ничего не меняется; значит, и такая программа не в силах ничего изменить. Или, может, покупать лицензии на экологически чистые технологии и экспортировать их в развивающиеся страны, чтобы воспрепятствовать повторению начальных ошибок, которые мы уже совершили? Заставить, например, китайцев с самого начала выпускать автомобили с катализатором? Но в конце концов, говорил я себе, все это лишь капли на горячий ка-

мень, никакого революционного решения нет. — Он скорбно покачал головой. — Я должен признаться, что ничего не могу посоветовать вам.

* * *

— Что бы вы сделали с деньгами на моем месте?

Альберто Вакки достал из кармана своего передника садовые ножницы, которыми срезал засохшие ветки с розового куста.

— Я рад, что я не вашем месте, — сказал он. — Честное слово. Столько денег, да еще это пророчество... Могу себе представить, что творится у вас на душе. Я бы, наверное, ночи не спал. Конечно, с такими деньгами можно многого добиться, но, честно признаться, я не понимаю запутанности нынешнего мирового хозяйства. Что кому принадлежит, кто где и каким образом участвует... — Он начал подвязывать ветки розового куста. — Да о чем я говорю? Я этого никогда не понимал на самом деле. Какое отношение все это имеет к моей жизни?..

— Что бы вы сделали на моем месте с деньгами?

Кристофоро Вакки сидел на скамье, положив руки на трость с серебряным набалдашником и прикрыв глаза.

— Слышите, Джон? Пчелы гудят. Это похоже на отдаленный хор из тысячи голосов. — Он помолчал, прислушиваясь, потом оглядел Джона водянистым взглядом. — Я много размышлял над этим, когда был моложе. Но в конце концов пришел к тому, что обсуждать это — не наше дело. Нашей задачей было сохранить состояние. Мы бы не смогли ее выполнить, не будь мы семья хранителей. Из поколения в поколение мы развили просто абсурдное отвращение ко всякого рода переменам. А тот, кому суждено исполнить прорицание, должен быть преобразователем. Это так далеко от менталитета нашей семьи, как Северный полюс от Южного. — На его старом лице появилась улыбка, выражение почти неземной уверенности. — Но я убежден, что вы тот самый человек, Джон. Все, что Джакомо Фонтанелли увидел в своем провидческом сне, исполнилось — значит, осуществится и это.

Вечером они снова сидели на террасе, как в самые первые дни, когда Джон приехал в Италию, и снова стол ломился от мисок и горшков, из которых пахло мясом, чесноком и хорошим оливковым маслом. Альберто наливал в бокалы темное красное вино и хотел знать, что Джон поделывает в своем далеком Портесето.

— Я только что вернулся из Лондона, — сказал Джон, прожевывая мясо.

— Понимаю — пополнить гардероб! — кивнул Альберто, а Грегорио кислозато заметил:

— Есть прекрасные портные и в Италии, если хотите знать мое мнение.

— У меня были переговоры с владельцем одной инвестиционной фирмы, — продолжал Джон.

— Передайте, пожалуйста, соус, — попросил *патрон*, указывая на темно-коричневую соусницу на другом конце стола. Эдуардо подал ему и сказал:

— И что, ему недостает денег на какой-то проект?

— Его имя, — сказал Джон, — Малькольм Маккейн.

Понк! — звякнула соусница, упав на стол.

Донк! — стукнула бутылка вина, резко отставленная в сторону.

Воцарилась тишина, как будто весь мир затаил дыхание.

Потом все разом загалдели.

— Этот аферист?! Надеюсь, вы не поверили ни одному его слову? Я должен вас предостеречь, не дай вам Бог с этим человеком еще раз...

— Я так и знал, что он непременно объявится! Я с самого начала это говорил, с этим человеком у нас будут одни...

— Джон, ради Бога, как это случилось? Как могло произойти, что вы связались с таким...

В первый момент Джон думал, что они все четверо накинутся на него с кулаками. Он съежился, Вакки наперебой кричали, их лица исказились от ярости, а он не мог произнести ни слова.

Но никто не может долгое время быть вне себя. Хотя бы потому, что кончаются силы.

— Берегитесь, Джон! — воскликнул Альберто. — Этот Маккейн — самый прожженный лжец, какого я только встречал за мою жизнь!

— Уже тогда, когда он устанавливал компьютер и узнал о состоянии, он пытался перевести его на себя! — волновался Грегорио. — Он уговаривал нас нарушить обет и самостоятельно распорядиться деньгами! — В ярости он вонзил вилку в незащитный кусок мяса и сунул его в рот, чтобы перемолоть челюстями.

— Я должен вас предостеречь, — сказал *патрон* и задумчиво склонил седую голову. — Маккейн психопат. Одержимый. Он очень опасный человек.

— Джон, ты можешь нанять любого финансового советника в мире, хоть нобелевского лауреата, если захочешь, — заклинал Эдуардо. — Но только не Маккейна!

Джон уже был готов согласиться с ними, забыть Маккейна и все оставить как есть. Без сомнения, к англичанину нельзя было подходить с обычной меркой, но и Вакки тоже были люди незаурядные. Но если и было для него что-то хуже ссоры со своими благодетелями и покровителями, так это возврат к состоянию нерешительности и бессилия последних недель. Поэтому он осторожно отложил нож и вилку и так же осторожно сказал:

— Впервые с тех пор, как я услышал о пророчестве моего предка, кто-то указал мне путь, как его исполнить. Я понимаю, что у вас с Маккейном есть свой неприятный опыт, но это было двадцать пять лет назад, и я должен вам сказать, он произвел на меня впечатление.

В четырех парах глаз он увидел отторжение.

— Маккейн умеет быть очень убедительным, я это хорошо помню, — холодно сказал Кристофоро. — Но это насквозь аморальный тип. Я бы даже сказал, что от него можно ждать любой подлости.

— О'кей, я был еще ребенок, когда все это здесь происходило, — сказал Эдуардо, качая головой. — Я знаю только его программы, и частично они весьма своеобразны. Я бы не стал рисковать, Джон, честно.

— Не связывайтесь с ним, — предостерег Альберто. — Я готов спорить на что угодно, что вам придется раскаиваться в этом.

Взгляд Грегорио был убийственный.

— И я хочу заранее вас предупредить: если вы примете решение работать с Маккейном, мы не сможем впредь сотрудничать с вами.

* * *

Сerp месяца отражался в спокойном, темном море. Джон стоял у балюстрады и слушал по телефону звучный, наполненный голос. Было немного непривычно, что теперь он мог связать с этим голосом определенное лицо и историю.

— Эти люди сколотили личную религию, — спокойно говорил Маккейн о семействе Вакки. — По воскресеньям они ходят в церковь, но в действительности верят в видение Джакомо Фонтанелли и в священную миссию, которую он доверил их семье.

— Но вы, должно быть, чем-то насолили им, если ваше имя до сих пор приводит их в такую ярость?

Тот мрачно рассмеялся.

— О да, я им насолил. Я совершил святотатство. Я осмелился предложить им забыть про священную миссию и священный контрольный день, а пустить имеющиеся в наличии деньги на дела, которые могли стать решающими уже тогда, в 1970 году. Тогда состояние составляло свыше трехсот миллиардов долларов, и если бы их вложили в альтернативные источники энергии, в защиту плодородных земель от эрозии и в программы ограничения роста населения, можно было бы избежать многих бед, которые делают сегодняшнюю ситуацию такой отчаянной.

— Вакки так ополчились против вас только потому, что вы это им предложили?

— Я предложил им комплексный план. Таков уж мой подход. То, что я делаю, я делаю с полной отдачей. Вакки могло показаться, что я хочу урвать деньги для себя. — Маккейн с досадой вздохнул: — Столько времени потеряно впустую, бесценного времени, и все только из-за упертости Вакки. Каждый день вымирает какой-нибудь вид животных, каждый день погибают от голода тысячи людей, а эти адвокаты знать ничего не хотят, кроме своего обскурантистского обета.

* * *

В эту ночь он не мог уснуть. Он лежал без сна, смотрел на телефон, который, казалось, светился в темноте, и думал про Пола Зигеля. На улице, где родители Пола держали магазин часов, были развалины старого здания. Это было

любимое место их встреч. Они могли часами сидеть на руинах стен, болтая ногами, наблюдая за прохожими и разговаривая обо всем подряд. Иногда они делали там уроки, разложив тетради на треснувшем бетоне. Пол всегда ему помогал, он мог все объяснить лучше любого учителя — будь то история Гражданской войны, тригонометрия или то, что хотел выразить Сэлинджер в своем романе «Над пропастью во ржи». Только в девочках они разбирались одинаково мало. Джон рассказывал то, что знал от Лино, и когда они обсуждали это, их уши пламенели.

Это было вечность назад. А телефон продолжал светиться слоновой костью.

Может, теперь Пол втайне ему завидует? Богатству, которое на него обрушилось. Без всяких стипендий для одаренных. Без ночей над книгами, без выматывающих экзаменов.

Может, из-за этой ревности и зависти он не дает о себе знать?

Джон протянул руку и замер перед тем, как взять трубку. Но все-таки взял. Который час в Нью-Йорке? Ранний вечер. Может, еще рабочее время, но он хотя бы наговорит что-то на автоответчик. Он достал из ящика ночного столика лист с адресами и набрал номер Пола.

Но никакого автоответчика не оказалось. Приветливый женский голос ответил, что этот номер больше не обслуживается.

* * *

— *Signora Sofia! Caffè, per favore! E presto!*

Это доносилось с кухни и походило на голос Марвина, даром что по-итальянски. Джон остановился на нижней ступени лестницы, раздумывая, хочет ли сталкиваться с гостем. Нет, такого желания не было. Но наступило время кое-что упорядочить в его жизни, и, может быть, неплохо начать с Марвина. Он сделал над собой усилие и открыл раздвижную дверь на кухню.

Марвин сидел во главе большого стола. Он заставил Софию испечь ему на завтрак американские блины и макал их в кленовый сироп. София наливала ему кофе с убийственным выражением лица.

— Доброе утро, господин секретарь, — сказал Джон, подойдя к спинке стула на другом конце стола. — Давненько вас не было видно.

Марвин поднял голову, жуя с набитым ртом.

— Привет, великий мастер, — произнес он, и изо рта у него выпало несколько крошек, чего он даже не заметил. Он сделал приглашающий жест: — Садись же.

Джон и не подумал отреагировать на приглашение в его собственном доме.

— Можно узнать, где ты пропадал последние дни?

Марвин проглотил пищу и принялся жестикулировать.

— Ну, то там, то сям... Константина не баба, а просто чертовка, скажу я тебе. Просто ненасытная. И мне уже неотложно понадобилось подкрепиться и передохнуть, ты понимаешь?

— Джереми говорил, что она звонила сюда и искала тебя. Значит, ты не все это время был с ней?

— Эй, но ведь она же не единственная женщина в Италии, а? — Он откинулся, небрежно закинул руку на спинку стула и ухмыльнулся. — Если бы я знал, как здесь принимают музыканта только потому, что он приехал из Нью-Йорка, я бы уже давно сюда прискакал. Просто полный отпад, представляешь? Я купил себе бас с первой зарплаты — Штейнбергер, прибор обалденный, скажу тебе, — и немного погонял тут. Просто гениально. У моей киски был один тип, ну просто итальянский кузен Джона Бон Джови, и она его бросила — только потому, что тотально запала на мой нью-йоркский акцент, можешь себе представить?

Джон даже не сделал попытки что-нибудь себе представить.

— При ключевых словах «первая зарплата», — сказал он подчеркнуто холодно, — я вспоминаю, что в библиотеке все еще стоят нераспакованные коробки с книгами, а стеллажей и в помине нет.

Марвин бросил на него презрительный взгляд, потянулся к бутылке с кленовым сиропом и полил им очередной блин.

— Честно говоря, я не предполагал, что мне придется вкалывать. Я думал, это договор между приятелями, одному из которых повезло, а другой тоже мог бы немного урвать от этого везенья.

лет в Нью-Йорк, чтобы я забрал там мои песенки и пожитки. И ты от меня избавишься.

Джон смотрел на него. В мозгу у него было чисто выметено.

— И, эй, полет первым классом, если это тебя не надорвет.

— Договорились, — сказал Джон, пока Марвину не пришлось в голову еще что-нибудь.

* * *

Час спустя Джон проследил из окна, как Марвин сел в такси со своим вешмешком, с чеком на сто пять тысяч долларов и миллионом лир наличными в кармане. Когда такси свернуло за угол, он вздохнул с облегчением.

Одно дело сделано. Не геройский подвиг, но все же дело, доведенное до конца.

И теперь, когда землю окропили первые капли крови, он мог идти вперед и чинить кровавые расправы. Он поднял телефон, который все это время держал в руках, и набрал номер Маккейна.

— Я принимаю ваше предложение, — просто сказал он.

— Хорошо, — спокойно ответил звучный голос. — Завтра я приеду.

После этого, дрожащими руками, он набрал номер Вакки. Секретарша соединила его с Грегорио.

— Я только что нанял Маккейна, — сказал Джон, даже не поздоровавшись, — чтоб хватило запаса мужества.

— Мне очень жаль это слышать, — ответил Грегорио голосом как полярный лед. — Это значит, что отныне мы чужие люди.

Позднее Джон вспоминал этот день как момент, когда его жизнь рывком переключилась на полный ход и он перестроился на полосу обгона, чтобы ускоряться и ускоряться, не видя, кого или что догоняет — или от чего бежит...

Маккейн позвонил еще раз, чтобы поставить его в известность, что он прилетит charterным рейсом и что встречать его не надо, он приедет на такси. И утро превратилось в неподвижное ожидание. Солнце палило, не было ни ветерка, море лежало гладкое, как свинец. Даже в сухих кустах, где обычно свиристело, шелестело и чирикало, воцарилась бездыханная тишина. Из-за жары, должно быть, но Джону казалось, что цикады и певчие птицы замерли в ожидании вместе с ним. Он то и дело выходил на балкон перед гостевой комнатой, откуда хорошо просматривалась дорога, над которой дрожал зной. Больше ничего. Он всякий раз набирал воздух и снова уходил в прохладу, спрашивая себя, правильное ли принял решение.

Такси приехало, когда он зашел в кухню выпить стакан воды. Через кухонное окно он видел, как открылась дверца машины и наружу вывалилась массивная фигура Маккейна. В руках у него был только дипломат, и он опять умудрялся выглядеть неряшливо в костюме за четыре тысячи долларов.

Джон вышел ему навстречу.

— Мистер Фонтанелли, — воскликнул Маккейн, пытаясь так, будто ему пришлось всю дорогу толкать такси.

— Называйте меня Джон.

— Малькольм, — ответил Маккейн, пожимая ему руку.

Дом он не удостоил даже взглядом. Джон провел его в гостиную, где Маккейн немедленно расположился за журнальным столиком, будто зашел на минутку. Он раскрыл свой дипломат, извлек оттуда карту мира и развернул его на полированной поверхности.

— Какой город, — спросил он, — должен стать будущим центром мира?

— Что-что? — растерялся Джон.

— Речь идет о размещении штаб-квартиры фирмы. Мы откроем холдинговую компанию в качестве крыши для всех

дальнейших мер, и у нее должна быть официальная штаб-квартира. Естественно, у нас будут филиалы по всему миру, но нам нужна централь. Вопрос: где?

Джон нерешительно склонился над картой мира:

— А какое место подошло бы лучше всего?

— Любое. Вы Джон Сальваторе Фонтанелли, богатейший человек всех времен. Где вы, там и верх.

— Хм-м. — Что-то мешало ему принять это решение здесь и сейчас, причина крылась в настроении. Но Маккейн явно ждал от него именно этого. Джон где-то читал, что вкус к принятию решений является одним из важнейших свойств руководящего персонала. — Как насчет Флоренции?

Маккейн кивнул, хоть и с колебанием.

— Флоренция. Хорошо, не хуже и не лучше любого другого места.

— В принципе мне все равно, — поспешно добавил Джон.

— Тогда я мог бы предложить вам Лондон. Не потому, что я там живу, и не потому, что в моем доме живет моя старая мать, — это все легко урегулировать, и я, естественно, подстроюсь к вашему решению. Но Лондон — важная финансовая площадка. С традициями. Если мы откроем штаб в лондонском Сити, это будет иметь значительную символическую ценность.

Джон пожал плечами.

— Хорошо. Лондон мне подходит.

— Чудесно. — Маккейн снова сложил карту мира. — Тогда мы открываем *Fontanelli Enterprises* со штабом в Лондоне. — Он мельком огляделся, как будто только сейчас заметил, что он в чужом доме, а не в своем бюро. — Будет нетрудно там же подобрать для вас соответствующее жилье.

— Что вам не нравится в этом? — удивился Джон.

Маккейн энергично поднял руки:

— Что вы, что вы. Дом в полном порядке. Не поймите меня неправильно... — казалось, он раздумывал, как ему выразить то, что вертелось у него на языке. — Вакки выстроили вас по своему образу и подобию, это сразу видно. Но у них не так много фантазии. Каким бы красивым ни был этот дом, это жилье обычного миллионера, а не богатейшего человека всех времен. С позиции даже миллиардера из конца списка журнала *Forbes* вы живете как бедняк.

— На это плевать, — сказал Джон. — Главное, мне здесь удобно.

— Дело не в этом. Для такого человека, как вы, удобство не цель, а нечто естественное. Основное условие, так сказать. — Маккейн сидел на диване, а Джон стоял по другую сторону журнального столика, но англичанину каким-то образом удавалось поглядывать на него так, будто строгий учитель доброжелательно склоняется к первокласснику. — Здесь действуют другие правила, Джон. Куда бы мы ни пошли, речь будет идти уже не о богатстве, а о власти. А в мире власти приходится играть по правилам власти, и нравится нам это или нет, но к этим правилам принадлежит и импонирующая манера держаться. Вы должны производить на других впечатление и указывать им их место. Вам придется стать самой сильной гориллой в стаде, вожаком, за которым следуют остальные. — Он попытался улыбнуться, но серьезность не ушла из его глаз. То был взгляд генерала, который должен повести свое войско в суровую битву. — И вы им станете. Поверьте мне.

На секунду натянулась тишина — упавшую иголку было бы слышно. Потом за окном закричала чайка. Джон кивнул, хотя не мог бы утверждать, что со всем согласился. Но он выбрал этот путь и пойдет им.

— Кроме того, этот ваш дом никуда не денется, — Маккейн снова рывком пришел в движение, открыл дипломат, достал из него бумаги, толстый календарь и мобильный телефон. — Итак, начали! — сказал он, и это прозвучало как клич к бою. Джон сел на подлокотник кресла и слушал, как Маккейн звонил лондонскому нотариусу и обрабатывал его до тех пор, пока тот не смирился с тем, что ему придется принять их еще сегодня вечером по поводу основания финансовой компании.

— Пока соберите с собой самое необходимое, — сказал Маккейн. — А я тем временем все организую.

Джон был рад, что хоть на несколько мгновений вырвется из магнитного поля этого человека. Ему еще предстояло привыкнуть к темпу, который задавал Маккейн. Он позвал Джереми и попросил его собрать дорожную сумку.

— На какой срок, сэръ? — спросил дворецкий.

Джон пожал плечами.

— Несколько дней. Я не знаю. Может продлиться и дольше.

— Я должен поставить в известность охранников? Когда вы уезжаете?

— Сегодня. Сейчас. Да, дайте знать Марко.

Дворецкий кивнул с каменным лицом и скрылся наверху. Джон остался стоять в холле, слушая эхо голоса Маккейна — который настаивал, уговаривал, требовал, отдавал распоряжения, скрыто угрожал. Это был не человек, а бульдозер. С триллионом долларов за спиной он мог сровнять с землей все, что стояло на его пути.

— Выписки со счетов! — крикнул Маккейн из гостиной.

— Что выписки? — крикнул Джон в ответ, не уверенный, к нему ли это требование относилось.

Но тут англичанин собственной персоной скатился по лестнице:

— Вы должны распечатать выписки со своих расчетных счетов и взять их с собой. Как я полагаю, компьютер стоит в подвале, так?

— Да, но я понятия не имею, как делаются распечатки.

— Я вам покажу.

И он строевым шагом направился в подвал, который сейфовая фирма укрепила и забронировала по последнему слову техники. Маккейн тактично отвернулся, когда Джон набирал цифровой код, и одобрительно кивнул, увидев за дверью компьютер и новую программу:

— Неплохо. Кто это сделал? Молодой Вакки, как я понимаю. Как его зовут? Эдуардо?

Джон кивнул. Сумма в нижней строчке нарастала быстрее, чем когда бы то ни было, и теперь она составляла один триллион и тридцать миллиардов долларов.

— Прекрасно, прекрасно. Можно мне? — Он сел перед компьютером на стул и покликал мышкой. — Как я и думал, он просто надстроил мою программу. Но удачно, я должен признать. Да, тогда посмотрим, что он нам напечатает...

— Наверное, понадобится огромное количество бумаги? — сообразил Джон.

— По одной строчке на каждый счет — приблизительно двенадцать тысяч страниц, — кивнул Маккейн. — Тридцать пачек бумаги. Это, разумеется, слишком много; мы сделаем сводную таблицу по странам и по видам вкладов. Это

будет листов сорок. — Принтер принялся жужжать и выплевывать страницы. — Я сейчас подумал: а компьютер в канцелярии Вакки все еще стоит? Мы должны его отключить. Не то что я не доверяю Вакки, это люди прямо-таки сверхчеловеческой честности, но мысль, что существует сморозовая дыра в наши финансы, мне не нравится, вы это понимаете?

— М-м, — промычал Джон. Ему стало не по себе, когда Маккейн заговорил о *наших* финансах. Но он наверняка допустил это лишь по рассеянности.

* * *

Процедура основания компании *Fontanelli Enterprises Limited* проходила еще более закрыто, чем передача состояния. Над Лондоном смеркалось, когда они вошли в контору нотариуса, обшитую темными панелями, с высокими потолками, в которой еще витал дух Британской империи. Нотариус, седой господин с изысканными манерами и осанкой игрока в поло, выглядел и вел себя так, будто был кровным родственником самой королевы. Он излагал Джону содержание Устава компании на четко артикулированном первоклассном английском так, будто во рту у него перекатывалась горячая картофелина, и запнулся, лишь когда до его сознания дошло, что он удостоверяет основание общества с собственным ликвидным капиталом в один триллион долларов. Хотя тут же взял себя в руки, как будто ничего и не было. Джон становится, как он объяснил, единственным акционером общества, а Малькольм Маккейн — его управляющим. Дальше шли целые страницы с параграфами, и в конце он пожелал взглянуть на договор найма управляющего акционерным обществом.

— Сейчас это не важно, — вырвалось у Маккейна заметно несдержанно. — Мы заключим самый обыкновенный договор найма. Для этого и нотариус не потребуется.

— Как вам будет угодно, — ответил нотариус и склонил голову набок, что должно было выражать некоторое неудовольствие.

Маккейн бросил на Джона быстрый взгляд.

— Он хотел слупить с нас дополнительный комиссионный сбор, — шепнул он ему по-итальянски.

Снова штемпели, подписи, пресс-папье. Ни шампанского, ни поздравлений. Тонкая, бледная женщина ждала в дверях, чтобы забрать на хранение экземпляры определенных документов, потом нотариус передал Джону его экземпляр, пожал руку ему и Маккейну, и на этом все кончилось. Пять минут спустя они уже ехали в машине в отель Джона.

* * *

На следующее утро Джон ожидал, что отель будет осажден прессой. К его немалому облегчению, проснувшись и выглянув за тяжелую штору на улицу, он не обнаружил ни одной спутниковой тарелки.

Но и незамеченной их ночная церемония не осталась. Когда Джон сидел в столовой своего номера за удивительно плохим завтраком, появился Маккейн с охапкой газет. *Sun* где-то в глубине приводила пространное сообщение, суть которого сводилась к тому, что «триллионовый мальчик завел себе новую игрушку». *Financial Times* дала статью на две колонки, но хотя бы на первой странице, правда, внизу и в том язвительном тоне, которым это издание славилось. Снисходительно отмечалось, что пока не установлено, какие деловые задачи ставит перед собой *Fontanelli Enterprises*. Не собирается ли компания под давлением пророчества купить тропические леса Амазонки, чтобы остановить их истребление и сохранить зеленые легкие Земли?

— Мы их еще удивим, — было единственным комментарием Маккейна.

Джон пролистал охапку:

— А что американские газеты?

— Для них еще рано, — сказал Маккейн. — Только CNN пообещало дать специальный сюжет на полчаса. Мне, правда, интересно, чем они его наполнят. Домыслами, наверное.

— Это плохо или хорошо? — спросил Джон, разглядывая остаток своего неаппетитного тоста и решив его не доедать.

Маккейн сгреб газеты в кучу и выбросил их в мусорную корзину.

— «Любая реклама — хорошая реклама», это действительно не только для Голливуда. Это у многих отобьет сегодня утом Appetit.

Кофе при ближайшем рассмотрении тоже оказался плохим.

— Можем мы куда-нибудь пойти, где можно хорошо позавтракать? — попросил Джон.

* * *

Еще в лифте отеля Маккейн начал вести телефонные переговоры с маклером о подходящем офисе.

— Лучше всего целый высотный дом в лондонском Сити, — говорил он своему собеседнику, шагая через фойе. — Если нужно, я заплачу наличными.

Джон растерянно отметил, что Маккейн все держит в памяти. Он помнил наизусть все телефоны, знал все адреса и не нуждался в карте города, чтобы разыскать эти адреса.

— Я думаю, для начала достаточно иметь филиалы в Нью-Йорке, Токио, Париже, Берлине, Сиднее и Кувейте, — объявил ему Маккейн, когда они маневрировали через центр Лондона в его по-прежнему не прибранном «Ягуаре». Марко, Кэрлин и третий телохранитель, которого тоже звали Джон, следовали за ними в бронированном «Мерседесе», который они арендовали у одной лондонской охранной фирмы. — Как только организация встанет на ноги, она должна быть представлена как минимум в каждой мировой столице.

— Кувейт? — удивленно переспросил Джон.

— Нефть, — объяснил Маккейн.

— Нефть? Разве в наши дни это так важно?

Маккейн бросил в его сторону презрительный взгляд.

— Вы имеете в виду, по сравнению с генной техникой?

— Ну хотя бы. Ведь речь идет о будущем, а его наверняка будут определять такие отрасли... Так пишут, во всяком случае.

— Забудьте про все эти разговоры. Отрасли будущего — разумеется, генная техника, фармацевтика, информатика и так далее — дадут возможность зарабатывать большие деньги. Если верить бирже, «Майкрософт» стоит дороже, чем вся Россия. Но неужто вы в это верите? Чтобы несколько зданий и компьютеров стоили больше, чем самая большая страна на Земле, со всей ее нефтью, полезными ископаемыми, ее безграничными территориями? Это неправда. Это лишь взгляд биржи, а биржа — не более чем род тотализатора. Просто там играют с более высокими ставками.

На уличное движение Маккейн взирал взглядом военного разведчика. Быстрым маневром он поменял полосу.

— В реальной жизни все выглядит иначе. В реальной жизни считаются только продовольствие и энергия. Знаете ли вы, что в этом году мировые запасы пшеницы, риса и других сортов зерна оказались на самом низком уровне за последние двадцать лет? В новостях об этом, естественно, не говорят, они предпочитают чесать язык о какой-нибудь перепалке в Боснии-Герцеговине. И прогнозы на новый урожай плохие, а это значит, что запасы следующего года могут опуститься ниже пятидесятидневной мировой потребности. В то время, когда население растет, используемые в сельском хозяйстве площади сокращаются — из-за эрозии, засоления, наступления пустыни и заселения. Только на Яве ежегодно двадцать тысяч гектаров земли застраиваются дорогами, поселками и фабриками — площадь, которая может прокормить триста тысяч человек. А население Индонезии ежегодно прибывает на три миллиона. Почему, вы думаете, США такое большое значение придают тому, что они являются крупнейшим мировым экспортером зерна? Потому что это означает власть. Скоро американские зернохранилища будут представлять собой бóльшую мощь, чем авианосцы ВМФ США.

— Значит ли это, что вы намереваетесь угрожать правительствам лишением продовольствия? — спросил Джон.

— Нет. Зачем угрожать? Достаточно, чтобы другие поняли, что с ними *можно* сделать, тогда сами спросят, чего от них хотят. — Маккейн непонимаемо улыбнулся. — Не беспокойтесь. Скоро вы заметите, как это работает.

* * *

Неделей позже Джон подписал платежные поручения на внушающую почтение сумму в британских фунтах — за внушающую почтение офисную башню в лондонском Сити, принадлежавшую до этого Национальному банку Вестминстера. Его вывеску как раз снимали, когда они впервые явились в качестве полноправных новых владельцев.

— Они не обеднели, — мимоходом заметил Маккейн. — У них осталось еще пять небоскребов здесь же, неподалеку.

Даже опустевшее, это здание все еще дышало могуществом, богатством и многовековой историей. Шаги гулко

отдавались в просторных помещениях с лепными украшениями, из огромных окон открывались великолепные виды на город.

Маккейн, судя по всему, был очень доволен приобретением, которым они внедряли свою штаб-квартиру, как он выразился, в самый центр территории противника.

— Выгляните наружу, Джон, — потребовал он, когда они добрались до верхнего этажа. — Это лондонский Сити, независимый, самоуправляемый район города с собственной конституцией, собственной полицией, почти суверенное государство. Вон там Банк Англии, вон там лондонское отделение компании Ллойд, Лондонская биржа акций находится здесь же, буквально каждый значительный торговый дом мира имеет здесь свою контору. Нигде на Земле вам не найти более богатой квадратной мили. Это поистине Ватикан денег — и мы находимся посреди него.

Джон смотрел на городскую линию горизонта, темнеющую ленту Темзы, думал о множестве нулей на чеке, который он подписал, но не испытывал такого уж сильного подъема.

— И что дальше? — спросил он.

Маккейна можно было разбудить ночью — и он дал бы точную справку о деталях своих намерений.

— Мы найдем людей, — заявил он без промедления, сам так и не глянув в окна, из которых действительно открывался фантастический вид. — Аналитиков, которые под лупой будут изучать все фирмы мира, чтобы выяснить, какие из них нам нужны. Специалистов-управленцев, которые выстроят организацию. Юристов, которые все загерметизируют. И так далее. Мы можем взять кое-кого из моей старой фирмы, но этого недостаточно. Я поместил объявления во всех важнейших газетах, которые выйдут в свет завтра, и, кроме того, несколько специалистов по персоналу получили задание подобрать для нас хорошие управленческие кадры.

— Специалисты по персоналу? — эхом повторил Джон.

Он лишь вслух размышлял, о какой именно профессии идет речь, но Маккейн воспринял его замечание как тревогу о связанных с этим расходах, и поспешил развеять его сомнения:

— Успех любого предприятия зависит от его сотрудников. В этом заключена главная тайна экономики, но никто

эту тайну не бережет, потому что в ней мало кто смыслит. В первую очередь те, кто ищет работу. Если бы они ее понимали, мир выглядел бы иначе.

Позднее Джон совершил еще одну прогулку по Ватикану денег. Один, впервые с тех пор, как... Он уже и припомнить не мог, когда в последний раз перемещался один. Маккейн его заверил, что ничего не случится; с каждого угла его записывает видеокамера, и вездесущие полицейские не спускали с него глаз. Все вокруг было чисто вылизано и немного скучновато, несмотря на позолоту гербов и величественные фасады. Людей на улицах было мало, а туристы среди них, видимо, вообще не попадались.

В одном узком, неприметном переулке с односторонним движением он наткнулся на вывеску с надписью «Н.М.Ротшильд и сыновья». Он заглянул в стеклянный входной холл. Там на стене висело громадное полотно, изображающее Моисея и его народ, только что принявших от Бога десять заповедей.

— Сэр? — Рядом с ним откуда ни возьмись появился человек из службы безопасности в темной форме. — Не будет ли вам угодно пройти дальше? — попросил он со стальной учтивостью.

Джон посмотрел на него. *«Я мог бы купить этот банк и уволить его»*, — мелькнуло у него в мыслях. Он увидел себя отраженным в темных стеклах вестибюля. Вид не тот. Он оставил костюм в отеле, был одет в джинсы и тонкую ветровку. Все это тоже стоило немалых денег, но они не бросались в глаза.

Нет, он решительно не походил на клиента Н.М.Ротшильда и сыновей.

— Ладно, — ответил Джон. — Я так и так собирался идти дальше.

* * *

Маклер был щуплый, что-то бормотал, и лицо у него было кривое, но его парфюм издавал дорогое благоухание, а на визитной карточке красовался золоченый герб. И, естественно, по «объектам», как он выражался, они разъезжали на «Роллс-Ройсе»

— Имя, — гнусавил он, направляя машину к гигантским кованым воротам, — принадлежало восемнадцатому

графу Хэррингтон-Кейнсу, который, к сожалению, умер бездетным. — Он привел в действие пульт управления. Пока ворота с аристократическим безразличием пропускали их, он указал на кованый герб: — Все эти знаки вы, разумеется, при необходимости устранили.

— Разумеется, — ответил Маккейн. — При необходимости.

Они въехали в ворота. Ограда, казалось, была построена еще во времена нашествия норманнов, а могучие деревья, возможно, давали тень еще Генриху Восьмому. Самого имени пока не было видно. Машина мягко скользила вверх по холму, пересекая ландшафт, похожий на обширные охотничьи угодья или одичавшие площадки для гольфа.

— Графиня последние годы живет в доме престарелых и больше не имеет возможности подобающим образом заботиться о семейном владении, — продолжал маклер. — Два года назад она решилась на продажу.

Они пересекли холм. Взгляду открылся простор. Словно не от мира сего, перед ними предстал замок, построенный на века из неприступного серого базальта. Замок состоял из трех многоэтажных частей, обращенных к симметричному пруду, с башнями и эркерами на внешних углах.

Они вышли из машины. Джон растерянно переводил взгляд с одного конца замка на другой. Интересно было бы сосчитать, сколько в замке окон.

— Ну, Джон? — спросил Маккейн с воодушевлением, как будто построил все это собственными руками. — Что скажете?

Джон посмотрел туда, откуда они приехали.

— Далековато будет до почтового ящика, а? — сказал он. — Особенно в дождливую погоду.

Маклер в ужасе вытаращил глаза, но Маккейн только засмеялся и сказал:

— Давайте заглянем внутрь.

В холле можно было играть в теннис. С масляных картин в золоченых рамах на них взирали свысока портреты умерших графов.

— Галерея предков завещана одному музею, — объяснил маклер. — Так что вы должны представить себе помещение без картин.

— С огромным удовольствием, — сказал Джон.

Коридорам не было конца. На дверных ручках лежала пыль. Столовая походила на церковь.

— Абсолютно соразмерно положению, — находил Маккейн.

— Немного мрачновато, — находил Джон.

— Один американский историк пишет, что этот замок по площади ровно в десять раз больше Белого дома в Вашингтоне, — вставил маклер и добавил: — Но я не проверял.

Маккейн веско кивал. Джон неуютно сглотнул. Они походили по замку и когда снова вышли, Маккейн отвел Джона в сторонку и тихо спросил:

— Ну? Я думаю, это достойное жилье для богатейшего человека мира.

— Замок? А не слишком ли это?

— У любой мало-мальской рок-звезды есть что-то в этом роде. Хотите, покажу вам имение Мика Джаггера? Или замок, в котором живет Джордж Харрисон?

— Но он такой... ужасно большой!

— Джон, — сказал Маккейн и строго посмотрел ему в глаза. — Вам надо научиться мыслить масштабно. Этот замок — только начало. Рассматривайте его как площадку для ежедневных упражнений.

Так Джон Сальваторе Фонтанелли, богатейший человек мира, купил английский замок пятнадцатого века с четырьмя квадратными милями имения, с просторными домами для прислуги, подсобными помещениями, садовыми домами и беседками, домом привратника и собственной капеллой. Консорциум строительных фирм взял на себя реставрационные работы, представитель ответственного архитектурного бюро раз в три дня являлся с докладом о ходе работ и для уточнения деталей. Незадолго до Рождества, как и было запланировано, Джон уже смог переехать.

Маккейн настоял на том, чтобы все было обустроено с максимальным великолепием, не считаясь ни с расходами, ни с усилиями. Нижний этаж северного крыла замка был перестроен в просторный бассейн, с джакузи, с несколькими саунами и парной, с массажными залами и зимним садом. Чтобы достойно разместить роскошные машины, которые Джон заказал по настоянию Маккейна — для начала по одному экземпляру «Роллс-Ройса», «Ягуара»,

«Мерседес-Бенца» и «Ламборджини», — и содержать их в ухоженном состоянии, большая часть конюшен была перестроена в гаражи и оборудована собственная автомастерская. Двести штатных сотрудников следили за домом и садом. Чтобы заняться их подбором и наймом, Джереми в Портесето передал дела Софии, а сам перебрался в Лондон. Для руководства кухней наняли увенчанного лаврами французского повара, который привел с собой всю команду — от специалиста по соусам до резчика овощей — и получил полную свободу действий и почти неограниченный бюджет для технического вооружения кухни.

В отдаленном уголке имения построили вертолетную площадку с мачтами заливающего освещения. Весной обнаружилось, что шум приземляющегося вертолета, вполне терпимый в самом замке, пугает специально импортированных павлинов, живописно разгуливающих среди цветочных клумб.

Его жизнь, как никогда раньше, разом приобрела прочные и регулярные основы. Утром он вставал в половине седьмого, принимал душ, завтракал и в половине восьмого его уже ждала машина, чтобы отвезти в офис под охраной целой толпы телохранителей, число которых, казалось, росло день ото дня. Везли его всякий раз по новому маршруту, и таким образом он хотя бы увидел Лондон, потому что остальное время он проводил с одержимым Маккейном, одна близость которого действовала как наркотик.

На здание их офиса набросились орды мастеров, устанавливая телефонные устройства, компьютерные сети и системы контроля и безопасности, настилая полы, обновляя отопление, переоформляя стены и потолки, укладывая мрамор там, где прежде была тиковая древесина, и золото там, где раньше довольствовались нержавеющей сталью. Неожиданно Джон обнаружил себя в кабинете, по площади равном четырехкомнатной квартире, с таким панорамным видом на город, что за него впору было взимать отдельную плату. Маккейну достался симметрично расположенный кабинет в другом конце этажа, а между ними располагался огромный конференц-зал. Остаток этажа занимала приемная со множеством кожаных кресел, стеклянных столов и пышных растений, чтобы толпам посетителей уютно было ждать, когда их примут. Шесть топ-модельных секретарш восседали за стойкой из снежно-белого мрамора, чтобы радовать глаз вышеозначенных посетителей, писать письма и вести телефонные переговоры.

Дни выстраивались в недели, недели в месяцы, и дела постепенно набирали ход. Площадки перед лифтами и лестничные пролеты наполнялись людьми. Этажом ниже руководства располагался отдел персонала, а нанятые им аналитики и экономисты занимали еще три этажа. Остальное здание пока пустовало, но уже были точные планы его использования, каждый день мастера устанавливали мебель, и уже было видно, что до конца года вся башня будет вибрировать от кипучей деятельности. Это походило на то, как

многотонный локомотив медленно набирает обороты, вначале едва заметно, а потом неудержимо.

Они поговорили о том, чтобы завести для Джона квартиру на промежуточное время, но у него не было желания снова разъезжать с маклерами, и было решено, что какие-то часы он может проводить и в отеле. Номер там был довольно просторный, и роскоши тоже хватало. Даже завтраки стали лучше после того, как он сделал менеджеру отеля замечание; тогда к нему каждое утро после завтрака стал являться лично шеф-повар, чтобы осведомиться о пожеланиях гостя, пока блины не стали такими мягкими, кофе таким душистым, а тосты такими хрустящими, что Джон, ложась в постель, уже предвкушал следующее утро.

Он хотел было распорядиться, чтобы ему привезли из Портесето побольше костюмов, но, вспомнив совет Маккейна *мыслить масштабно*, велел позвонить портным, у которых уже были его мерки, чтобы заказать весь гардероб заново. И на сей раз со сроком исполнения не шесть недель, а *pronto!* И, о всесильная власть денег, никому не понадобилось больше трех дней, чтобы доставить ему в отель заказанные костюмы и рубашки. Никто не обременял его счетами. Как-то все регулировалось само собой, Джон не замечал как да и не интересовался этим.

Дни превратились в бесконечный водоворот событий, без пауз, без выходных и без праздников. Маккейн таскал его с собой на переговоры, знакомил его с планами, проектами договоров и бесконечными цифрами и выкладками, говорил ему о балансах и экономической статистике, присылал ему на подпись чеки, договоры аренды, договоры найма, договоры покупки, бланки из налоговых органов и так далее.

Когда у Джона появлялась свободная минута, он садился в своем роскошном кабинете за свой роскошный стол и читал газеты, финансовые выпуски и биржевые ведомости или какую-нибудь книгу по народному хозяйству, управлению предприятием или по экологии, рекомендованную ему Маккейном. Он мало чего во всем этом понимал, но старался, чтобы это не бросалось в глаза. Как правило, не проходило и получаса, как Маккейн просил его зайти, и Джон с удивлением наблюдал, как этот человек управляется с целой батареей телефонов одновременно, выслушивая при

этом людей, пришедших с докладом, и отсылая их с дальнейшими поручениями. Когда Джон приезжал в восемь утра, Маккейн уже был на месте, и хотя тот ни словом, ни взглядом не давал ему понять, что ждет от него такой же жертвенной жизни, у Джона возникало чувство вины, когда в восемь вечера ему уже хотелось к себе в отель, а Маккейн все еще продолжал работать. Со временем он стал задумываться, уезжает ли Маккейн вообще домой.

Так дни выстраивались в недели, и время шло. Франция, невзирая на международные протесты, провела испытание атомной бомбы под атоллom Муруроа, бывшая футбольная звезда О.Дж.Симпсон был оправдан в сенсационном судебном процессе по обвинению в убийстве, а израильский премьер-министр Ицхак Рабин был застрелен во время демонстрации сторонников мира. Все чаще Лондон окутывался по утрам серым туманом, уже давно никто не подстерегал Джона Фонтанелли у выхода из отеля с микрофонами и фотовспышками, как вдруг наступил день, когда все разразилось.

* * *

— Вот они. Первые рекомендации аналитиков.

— А, — сказал Джон.

— Которые мы, — сказал Маккейн, бросив на стол пачку бумаг, — поначалу проигнорируем.

Хлопок, с которым бумаги упали на безупречную поверхность стола, отдался эхом. В этом огромном кабинете наверху было так тихо, что существование наружного мира начинало вызывать сомнения.

— И *что* сделаем вместо этого? — спросил Джон, чувствуя, что Маккейн ждет от него именно этого вопроса.

— Наше первое приобретение фирмы, — объяснил Маккейн, — должно стать сенсацией. Настоящим ударом молота. Чем-то таким, чем уже никто не сможет пренебречь. Наш первый удар должен пробрать весь мир до мозга костей.

Джон смотрел на рассыпанные бумаги. Просторная поверхность стола блестела в свете утреннего солнца, как черное озеро в штить, а стопка бумаги была посреди него как скалистый остров.

— Вы хотите сказать, что мы должны купить по-настоящему крупную фирму.

— Да, конечно. Но одного этого мало. Она должна что-то символизировать. Она должна быть больше, чем просто фирма. Она должна быть институцией. И это должна быть американская фирма. Мы должны отхватить филейный кусок ведущей экономической власти, одним-единственным смелым взмахом ножа.

Джон наморщил лоб, мысленно пробежая названия фирм, которые он знал. Более или менее они все были институциями, разве нет? Казалось, сутью успешной фирмы как раз и было то, что она представляла собой институцию.

— Но вы же не хотите спросить у меня, какую фирму мы должны купить. Ведь у вас уже что-то есть на примете?

Маккейн неприметно кивнул, положив властную руку на черное, тихое озеро.

— Вы как американец какое имя связываете с понятием богатства?

— Билл Гейтс.

— Ол райт, но я имею в виду не его. Я думаю о человеке из прошлого века.

Джон задумался.

— Рокфеллер?

— Правильно. Джон Д. Рокфеллер. Вы хоть знаете, как называлась его фирма?

— Погодите-ка... Standard Oil? — Изучал это в школе? Он не мог вспомнить. В какой-то книге ему попадалось, но скорее случайно. И по телевизору что-то говорилось, несколько лет назад. — Да, правильно. Standard Oil Corporation. Это была история. У Рокфеллера была монополия на нефтяном рынке, пока правительство не издало антитрастовый закон и его концерн был разбит.

— Это народная версия. Реальная история такова: Джон Д. Рокфеллер в 1892 году в Огайо был обвинен в связи с антитрастовым законом, но ушел от решения суда, разложив Standard Oil на части и переместив фирмы в другие страны. Фирмы, которые по-прежнему контролировались его штабом. Судебный процесс заставил его создать первый международный концерн.

— Ну, хорошо. И что? Standard Oil ведь больше не существует.

— Вы думаете? Нью-Йоркская Standard Oil Company с 1966 года называется Mobil Oil. Отделения Standard Oil из

Индианы, Небраски и Канзаса с 1939 года по 1948-й слились и с 1985 года называются Амосо. Отделения Standard Oil из Калифорнии и Кентукки объединились в 1961 году и работают с 1984 года как Chevron. А самый крупный кусок бывшего холдинга, Standard Oil из Нью-Джерси, изменил свое название с 1972 года на Exxon Corporation.

Джон уставился на него и чувствовал, как его нижняя челюсть хочет стать самостоятельной.

— Вы хотите купить Exxon!

— Вот именно. Exxon по многим причинам идеальный кандидат для нанесения первого удара. Он один из пяти крупнейших предприятий мира, второй по величине энергетический концерн после Shell, действует по всему миру, представлен на всех континентах, кроме Антарктиды. И, что немаловажно, Exxon — одна из самых прибыльных фирм на этой планете.

— Exxon?.. — Джон вдруг почувствовал пульс на своей шее. — Но разве мы можем позволить себе это? То есть ведь Exxon же гигант...

Маккейн вытянул из принесенных с собой бумаг журнал и раскрыл его на определенной странице.

— Это «Форчун-500», список пятисот крупнейших промышленных компаний мира. Самая важная — предпоследняя графа, собственный капитал. 51 процент его должен принадлежать вам, чтобы вы могли контролировать фирму. — Он подвинул к нему список. — Просто посчитайте, насколько вас хватит.

Джон смотрел на список, видел названия — такие, как General Motors, IBM, Daimler-Benz, Boeing или Philip Morris. Он взял большой калькулятор, начал складывать, только миллиарды, и остановился, дойдя на первой странице до 50-го места, когда у него все еще оставалось шестьсот миллионов.

— Да я действительно могу купить полмира, — пролепетал он.

Маккейн кивнул, как учитель, довольный ответом своего самого трудного ученика.

— И даже если вы купите полмира, — довершил он, — ваши деньги никуда не денутся. Они инвестированы. Это значит, что они только начнут по-настоящему зарабатывать. Зарабатывать те деньги, за которые мы купим и все остальное.

Это был один из тех магических моментов, которые на всю жизнь остаются в памяти ярко освещенными картинками. Джон смотрел на список фирм и колонки цифр — жалких по сравнению с чудовищным весом триллионного состояния, и в это яркое, пронзительное мгновение впервые постиг, какую власть он получил в свои руки. Только теперь он понял, что задумал Маккейн, уразумел масштаб плана и неотразимую динамику, какую они способны были развить. Их ждал неотвратимый успех. Просто потому, что не существовало на свете ничего, что могло встать у них на пути.

— Да, — прошептал он. — Это мы сможем.

— Две недели, — сказал Маккейн. — И мы будем сидеть в Техасе.

Джону пришла в голову еще одна мысль.

— Это значит, практически все крупные нефтяные концерны восходят к рокфеллеровской Standard Oil Corporation?

— Не все. Корни Shell в Нидерландах и в Англии, и у них никогда не было ничего общего со Standard Oil. Elf Aquitaine — французская, British Petroleum, как следует уже из названия, изначально британская. — Маккейн подался вперед. — Но заметили ли вы? Кое-кто уже пытался двигаться в нашем направлении. Проблема Рокфеллера состояла в том, что он появился слишком рано. В принципе он не знал, как распорядиться могуществом, каким он уже обладал. Живи он сегодня, уже никому не удалось бы разбить Standard Oil, и можно предположить, что он задумал бы тот же план, что и мы.

* * *

В тот же день Fontanelli Enterprises объявила, что намерена поглотить Еххон. Инвестированная стоимость Еххон Corporation составляла к этому времени 91 миллиард долларов, куда входил собственный капитал 40 миллиардов, поделенный на два с половиной миллиарда долей во владении шестисот тысяч зарегистрированных акционеров. Курс составлял 35 долларов, Фонтанелли предлагал 38 долларов за акцию.

Немедленно собралось правление Еххон, чтобы обсудить положение. Это был шок; экономические показатели были так хороши, что предприятие казалось неуязвимым против

попыток поглощения. Никто не рассчитывал на атаку инвестора, для которого несколько миллиардов туда, несколько миллиардов сюда — не играло роли.

Правление связалось с крупнейшими акционерами, постановили выкупить самые большие пакеты акций, чтобы воспрепятствовать поглощению. Тем временем биржевой курс неудержимо лез вверх, перешагнув даже заданные 38 долларов, когда все поняли, что Fontanelli Enterprises располагает практически неограниченными средствами, и продолжал расти. Инвесторы как в лихорадке пытались влезть в число акционеров Еххон, поскольку безумный триллионер из Лондона якобы готов был заплатить любую цену.

— Идет игра на нервы, — говорили биржевые профессионалы, когда курс преодолел отметку в 60 долларов. — Если он захочет получить Еххон, он заплатит.

Лондон реагировал холодно. Курс достиг 63,22 доллара, когда по телеграфу пришло одно из тех сообщений, которые выворачивают наизнанку кишки у тех, кто понимает далеко идущие последствия произошедшего. Джон Сальваторе Фонтанелли, как стало известно в хорошо осведомленных кругах, сказал, что *тогда мы купим «Shell»*. На следующий день были объявлены предложения о скупке акций всех остальных концернов сырой нефти.

Все, кто купил акции Еххон по безумно завышенным курсам, теперь панически пытались их сбросить. Но покупать больше никто не хотел, и курс падал камнем.

Маккейн следил за показателями Нью-Йоркской биржи по своему компьютеру в Лондоне с напряженным спокойствием бомбардира.

— Пора, — мягко сказал он своему телефонному собеседнику при курсе 32,84 доллара.

Через две недели служащие компании повсюду в мире начали день с того, что выбросили старые бланки в контейнеры для мусора, чтобы заменить их на другие — с шапкой «EXXON — A Fontanelli Corporation».

* * *

На сей раз заголовки вышли на первые страницы всех газет. Не было телевизионной компании, которая не сообщила бы о поглощении в первоочередных новостях. Тон сообщений можно было передать в двух словах: *просто ужас*.

Даже последним журналистам стало ясно, что означает личное состояние в триллион долларов. В бесчисленных телепередачах, круглых столах и интервью по всему глобусу обсуждалось то, что Маккейн объяснил Джону во время их самой первой встречи: одно дело, когда инвестиционный фонд или банк распоряжается сотнями миллиардов долларов, и совсем другое, когда одна-единственная персона действительно обладает этой же суммой денег.

— Разница в том, — подытожил известный лорд Питер Робурн в интервью одному из самых значительных журналистов в области мировой экономики, — что Фонтанелли в своих решениях плюет на рентабельность. Это делает его непредсказуемым. Можно даже сказать, *свободным*.

Такой размах свободы вызывает опасения. Министры экономики заговорили о социальной ответственности. Профсоюзные вожди задумались об опасности такой концентрации денег и влияния. Председатели правлений других крупных концернов тшили излучать уверенность и создавать впечатление, что они все держат под контролем.

Кто на очереди? — потирали руки сторонние наблюдатели. Некоторые журналы, в том числе серьезные финансовые издания, опубликовали реальные карты мира, на которых было помечено — фирменным логотипом и биржевой стоимостью, — как будет выглядеть всемирный концерн Фонтанелли.

— Они избавили наших аналитиков от половины работы, — довольно жмурился Маккейн.

Один не очень серьезный журнал подсчитал, какие страны Африки Фонтанелли мог бы купить со всеми потрохами и госсобственностью. Все прогнозы на будущее расходились. В принципе, казалось, можно было ожидать чего угодно.

* * *

На Рождество Маккейн пригласил Джона к себе и своей матери на домашний ужин.

Миссис Рут Эрнестина Маккейн, страдавшая прогрессирующим ревматизмом, скособочившись сидела в цветастом обширном кресле, но излучала непоколебимую решимость бороться с болезнью. Серо-голубые глаза смотрели пронизательно, улыбочное лицо обрамляли седые курчавые волосы поразительной густоты.

— Как вам нравится в вашем замке? — спросила она.

— Пока трудно сказать, — ответил Джон. — Я живу там всего неделю.

— Но ведь из него сделали красивое строение?

— Да, очень красивое.

— Вы должны знать, — вставил Маккейн с веселой улыбкой, — что моя мать прекрасно осведомлена обо всем, что пишет *желтая* пресса. Поэтому она знает ваш замок лучше, чем вы сами.

— А, — понял Джон. — Ну, это нетрудно.

Несколько номеров таких журналов лежали на столе рядом с ней. Бегло глянув на них, Джон с облегчением удостоверился, что леди Диана по-прежнему сохраняет за собой главенствующее место на обложках.

Ему странно было видеть Маккейна в домашней обстановке, расслабленным и благодушным. В офисе это была динамомашина, работающая на полных оборотах, рассыпающая искры от высокого напряжения.

Дом располагался на тихой улице спокойного предместья Лондона и казался почти неприметным среди других, куда более роскошных вилл. Для матери Маккейна, которая передвигалась с трудом, был сооружен современный стеклянный лифт, нарушивший архитектурную гармонию вестибюля, во всем прочем здесь сохранялась обстановка довоенных времен.

Еда была вкусная, но не изысканная, почти домашняя. Сервировала ужин пожилая домработница, единственная прислуга в доме, как узнал Джон, если не считать сиделки, которая приходила дважды в день, чтобы присмотреть за миссис Маккейн.

Когда Маккейн ненадолго вышел, его мать указала на акварель над камином, в простой раме из нержавеющей стали.

— Узнаете это?

— Флоренция? — спросил Джон. — Один из мостов через Арно.

— Понте-Веккио, да. — И она добавила заговорщицким тоном: — Это Малькольм.

— Неужели? — Никогда в жизни Джон не подумал бы, что Маккейн может держать в руках кисть.

— В юности он много рисовал, — рассказала миссис Маккейн. — Моего покойного мужа часто переводили по

службе, знаете, и мы много переезжали. Тогда мы жили в Италии, Малькольм ходил в эту компьютерную фирму и вскоре перестал рисовать. — Ее глаза блеснули: — Только не говорите ему, что я вам об этом рассказала.

Джон смотрел на картину и не знал, что думать. Глупо было принимать это за особый знак, но вдруг? Значит, они оба рисовали, а потом перестали. Всего лишь мелкая деталь. Знак, что они должны были когда-то встретиться.

* * *

— Есть еще одно дело, которое мы постоянно откладываем на потом, — сказал однажды Маккейн, собираясь в Техас на переговоры с правлением Еххон. — Договор моего найма. Надо его наконец подписать, чтобы я представлял предприятие как его управляющий.

— Ах, да, — сказал Джон и схватился за ручку. — Конечно. Я про это совсем забыл.

— Ну, забот и без того хватало, — сказал Маккейн и достал из своей кожаной папки многостраничный договор в трех экземплярах. — Но вы же понимаете, иногда я должен подумать и о себе. Предположим, если сейчас мы не придем к согласию об условиях этого договора, это будет означать, что в течение нескольких месяцев я работал на вас бесплатно. И я окажусь на улице, а вы не будете мне должны и ломаного гроша.

Его тревога удивила Джона. Неужто британец до такой степени в нем сомневался?

— Ну, уж я думаю, мы как-нибудь договоримся, — попробовал он отшутиться и протянул руку: — Давайте сюда.

— Прочитайте как следует, прежде чем подписать. — Маккейн сел, закинул ногу на ногу и скрестил руки, приготовившись к долгому ожиданию.

Джону пришлось заставить себя прочитать одну за другой все страницы, лишь приблизительно понимая, что значила вся эта юридическая казуистика.

И лишь дойдя до параграфа, где значилось вознаграждение, он очнулся. Сумма, которая там стояла, была вполне однозначной. У Джона отвисла челюсть.

Маккейн требовал годовой зарплаты в сто миллионов долларов!

Глядя на цифру, красующуюся на бумаге как нечто само собой разумеющееся, Джон почувствовал, как в нем поднимается горячая волна. Это нахальство его разозлило, но вместе с тем он непостижимым образом чувствовал, что должен проглотить свою злость.

— А вы, м-м, не погорячились малость?

Маккейн поднял брови:

— Что вы имеете в виду?

Джон слегка приподнял лист. Он вдруг показался ему очень тяжелым.

— Я читаю параграф о зарплате, и у меня такое чувство, что вы по ошибке приписали лишний нуль.

— Нет, точно нет.

— Но сто миллионов долларов... Во всем мире нет управляющего, который зарабатывал бы хоть что-то близкое к ста миллионам в год!

— Да бросьте вы, Джон, — ответил Маккейн с налетом досады в голосе. — Сто миллионов — это проценты с вашего состояния за один-единственный день. А ведь я повышаю ваши доходы. Я легко их удвою. Это значит, что я возьмешу вам мою зарплату более чем трехсоткратно. Покажите мне другого служащего на этой планете, который мог бы утверждать нечто подобное.

— Но ведь мы делаем все это не для того, чтобы огрести побольше денег, так? Я думал, мы здесь для того, чтобы выполнить задачу? Чтобы направить судьбу мира в другое русло?

Маккейн разглядывал свои ногти.

— Вы знаете, что я делаю все это не ради денег, Джон. Моя зарплата — это символ. Она показывает, что я — шеф самой крупной фирмы мира. *С большим отрывом* крупнейшей фирмы мира. Потому и зарплата моя должна быть самой большой в мире, с отрывом, это вы понимаете? Такие вещи не удержишь в тайне. И я не хочу держать это в тайне. Когда я буду сидеть напротив кого-то из этих ребят, которые обычно воображают о себе черт знает что, я хочу, что-

бы он знал, что я зарабатываю в пятьдесят раз больше, чем он. Такова игра, Джон. Он будет это знать и чувствовать себя маленьким и сделает все, что я ему скажу.

Джон снова глянул на число. Сто миллионов долларов. Разумеется, теоретически он может не подписывать этот договор. Деньги принадлежат ему, фирма принадлежит ему, все здесь принадлежит ему — стул, на котором сидит Маккейн, бумага, на которой распечатан договор, ручка, которой он должен был поставить свою подпись. Он мог зачеркнуть число и написать другое, двадцать миллионов, например, или двадцать пять, а то и десять, что уже целая куча денег, и если Маккейн с этим не согласится, то их пути разойдутся.

Теоретически. Практически он только что купил мультинефтяную компанию, офисное здание в много миллионов, нанял людей и наподписывал договоров... Он затеял дела, с которыми одному ему не управиться. Обо всем, что касается бизнеса и экономики, у него более смутное представление, чем у Мурали, хозяина пиццерии. Он был бы не в состоянии вести дела газетного киоска, не говоря уже о предприятии, собственный капитал которого был больше, чем вместе взятый капитал трехсот следующих за ним по величине предприятий.

Он почувствовал, что ладони у него вспотели. Как будто от бумаги исходил жар. Он бросил на Маккейна взгляд, но тот сидел, отвернувшись.

В конце концов, высокая зарплата — лишь часть рафинированного плана поскорее выйти на большие деньги? Джон почему-то чувствовал себя загнанным в угол. Собственно, дело было даже не в деньгах, а в чувстве, что ты целиком в чьих-то руках. А в своих аргументах Маккейн, должно быть, даже прав.

Выбора у него не было.

Джон снова взял ручку, которая выпала у него при чтении договора.

— Ну да, — он сделал слабую попытку придать этому вид суверенного решения. — Вы правы. Если подумать о масштабах, то все соответствует. — Он раскрыл последнюю страницу и черкнул свою подпись на отведенной для нее строке, быстро повторил процедуру на двух остальных эк-

земплярах, один положил себе в папку, а остальные протянул Маккейну, который взял их без видимого волнения чувств.

Какое-то время длилась неловкая пауза.

— О'кей, — сказал Джон с деланой легкостью, откинулся и хлопнул в ладоши. — Когда начнем? Какие у нас намерения с техасцами?

Маккейн поднялся из кресла:

— Мы приветливо поговорим с правлением, всем пожем руки и потом половину из них уволим.

— Что? Почему? — Джон моргал. Ему показалось, что в помещении стало градуса на два холоднее. — Ведь они хорошо работали, если Еххон оказался таким прибыльным?

— Наверняка. Но это не основание. Основание состоит в том, что мы должны внятно дать им понять, что слово теперь за нами.

— То есть?

— Мы поставим несколько наших людей.

Джон поднял руку:

— Погодите. Мне это не нравится. Я не хочу заниматься этими абсурдными играми во власть.

Маккейн холодно смотрел на него сверху вниз.

— Джон, в вашем сознании крепко засело одно представление, от которого вам нужно как можно скорее избавиться. Это представление, что мы можем делать то, что задумали, и при этом оставаться милыми, приятными для всех ребятами. — Он отрицательно покачал головой. — Забудьте об этом. То, что нам предстоит, — не прогулка и уж точно не приятная. Нас будут ненавидеть. Наши имена станут ругательствами лет на сто, а то и навсегда. Черчилль в свое время пообещал нам кровь, пот и слезы, но эта метафора уже поизносилась; второй раз людей ею не проймешь. Мы можем ни у кого не спрашивать разрешения, мы должны добиться того, чего должны добиться, а это лишь вопрос власти, так точно. О власти, Джон, вам еще многое предстоит узнать. В этом я вижу часть моей задачи — научить вас всему, что знаю сам. — Он поднял вверх оба экземпляра договора о своем найме. — Вот это — первый урок. Что вы из него извлекли?

Джон наморщил лоб:

— Что вы имеете в виду?

— Я подсунул вам договор с чрезмерно завышенными требованиями по зарплате, и вы его подписали, хотя нашли их решительно неприемлемыми. Почему?

— Потому что ваши аргументы по некотором размышлении убедили меня.

Маккейн тонко улыбнулся:

— Неправда.

— Почему же? Не восставать же мне из-за нескольких миллионов...

— Это вы сами перед собой оправдываетесь. А правда такова: вы нашли мою зарплату чрезмерно высокой, но подумали, что у вас нет выбора и остается только принять мои условия. Другими словами, я был в более сильной позиции, хотя вы богатейший человек мира, а я голь перекатная. — Маккейн повернулся, сделал несколько шагов, остановился. — Хотите знать, как я это сделал?

У Джона отвисла челюсть, и ему не сразу удалось закрыть рот. Мало того, что Маккейн повозил его мордой об стол и огреб себе зарплату, которая в двести раз выше зарплаты американского президента, теперь он еще похвалается этим и хочет растолковать ему во всех подробностях, как он этот фокус проделал?

— Было бы интересно, — сипло сказал он.

— Вы сделали большую ошибку вначале, которую никогда больше не должны повторять. Элементарное правило, касающееся любых договоров. Вы затянули с заключением договора. За это время свершились многие факты, а свершившиеся факты не могут быть предметом переговоров. Я мог спокойно ждать, когда вы окажетесь в ситуации, когда вам не так просто встать и уйти. Но если вы начинаете переговоры без этой возможности — просто встать и уйти, — вы автоматически оказываетесь у короткого конца рычага. — Маккейн походил на профессора, который объясняет элементарные основы своего предмета. — Допустим, вы переезжаете в новую квартиру, не договорившись о квартплате. Если вы сначала переедете, то арендодатель может потребовать от вас чего угодно — любую плату, ежегодный косметический ремонт и так далее, потому что у вас нет альтернативы, какая была до вселения: закончить разговор и подыскать другую квартиру. Теперь ваша альтернатива — дорогой, хлопотный съезд с квартиры. Понимаете? Вы до-

пустили, что состоялся факт, который ослабил вашу переговорную позицию.

— То есть нам следовало еще при первой встрече поговорить о вашей зарплате?

— В идеале, да, — кивнул Маккейн. — Тогда ваша позиция была оптимальной. Я всю свою жизнь посвятил идее, осуществить которую мог только с вашего согласия. Вы были богатейший в мире человек и не были во мне заинтересованы. Черт, да если бы вы потребовали, я согласился бы работать на вас *бесплатно*.

Джон вспомнил тот день, когда они с Марко прилетели в Лондон, впервые без ведома Вакки.

— Да, я не знаток в таких вопросах.

— Это не та способность, с которой рождаются на свет. Этому можно научиться. Курс как раз начался.

— У вас жесткие методы обучения.

— Но и предмет не менее жесткий, — сказал Маккейн. — Не правда ли, вы сегодня с этим договором подумали: «Что я буду делать, если он со всем этим бросит меня одного?»

Джон против воли кивнул:

— Что, по мне было видно?

— Нет. Просто я знал, что вы так подумаете. Но вы заметили, ведь я ничем не грозил? Это было бы шантажом. Если бы я сказал что-нибудь вроде: «Либо вы подписываете, либо я уйду!», — это вызвало бы ваш протест. Моя власть состояла в том, что вы ясно представляли мои возможности и вашу ситуацию. Не упомянуть ни того, ни другого — это укрепляло мою позицию. Вы не знали, что бы я сделал, но знали, что я *мог* сделать. Аргументы, которые я привел, были хоть и существенными, но не решающими. Решающим было соотношение власти между нами на тот момент. — Маккейн сделал широкий жест в сторону окон. — В ближайшие месяцы мы будем много разъезжать и подолгу сидеть на переговорах. Важно, чтобы вы понимали, что при этом происходит. *На самом деле* происходит, я имею в виду.

Джон смотрел на него, пытаясь понять. Почему-то трудно было представить, что есть свои правила игры в том, как функционирует мир.

— Кто же из нас двоих от кого зависит? — спросил он. — *На самом деле?*

Маккейн пожал плечами.

— Как я это вижу, зависимость переменная. Вы не могли бы осуществить план без меня, без моего опыта, всей моей предварительной работы, а я без вас. Такое положение называется симбиозом.

Джон взял свой экземпляр договора о найме.

— Значит, мы его сейчас порвем?

Маккейн сложил свои договоры пополам вдоль листа и сунул их во внутренний карман пиджака.

— Ну что вы! — Он насмешливо улыбнулся. — Спишите это как плату за обучение.

* * *

Они слетали в Техас, пожали там руки всем членам правления Еххон, дружески улыбаясь, а когда сели, Маккейн зачитал имена тех, кто считался немедленно уволенным.

Это походило на казнь. Представители службы безопасности, которых Маккейн специально привез с собой, сопровождали уволенных к их кабинетам и столам, следя за тем, чтобы они взяли с собой только личные вещи и ни с кем не разговаривали, и не отходили от них до самой парковки. Компьютерщики позаботились о том, чтобы их пароли и коды доступа были тут же стерты. Джон сидел, не говоря ни слова, и следил за происходящим с непроницаемой миной.

Средства массовой информации терялись в догадках, поскольку не было ни интервью, ни официальных заявлений. «Чего хочет Фонтанелли?» — так был озаглавлен комментарий газеты *Frankfurter Allgemeine*.

Маккейн был в высшей степени доволен; отдельные статьи несколько дней лежали развернутыми на столе в его переговорном уголке. Джон спросил его, не боится ли он, что такого рода сообщения им только навредят.

— Да что вы, — отмахнулся тот. — Через неделю это будет уже вчерашний снег.

И так оно и было. В середине января шестидневная драма с заложниками в Чечне привела к кровавому исходу, когда русские войска сровняли село Первомайское с землей. В начале февраля Боинг-757 турецких авиалиний *Birgen Air* рухнул у берегов Доминиканской Республики. IRA после семнадцатимесячного перерыва устроила несколько взрывов в Лондоне с тремя погибшими и более чем сотней ране-

ных. В середине февраля танкер *Sea Empress* под флагом Либерии налетел на скалу перед портом Милфорд в Уэльсе и залил нефтью гнездовья десяти тысяч морских птиц, а также заповедный участок побережья Пемброкшир. Эксперты считали эту катастрофу равной аварии *Exxon Valdez* 1989 года.

— Мы должны позаботиться о том, чтобы с нашими танкерами ничего подобного случиться не могло, — предложил Джон, с удивлением отмечая, с какой естественностью он уже может говорить о *наших танкерах*.

— Хорошая идея, — сказал Маккейн после короткого раздумья. — И еще должны дать соответствующую информацию в прессу.

Вскоре после этого появилось сообщение, что *Fontanelli Enterprises* будет перевозить сырую нефть только в танкерах, прошедших строгий контроль специально созданной службы безопасности и что уже запланировано строительство танкера с двойными стенками. Единственной реакцией стало некоторое падение курса акций Exxon.

20 марта британскому правительству пришлось согласиться, что связь между коровьим бешенством BSE и болезнью Якоба Кройтцфельда у людей нельзя исключить, после чего Европейский союз установил запрет на экспорт и вынес распоряжение о принудительном забое четырех с половиной миллионов голов крупного рогатого скота. Видеть причину коровьего бешенства в неправильном откорме считалось между тем вопросом спорным.

— Самое время остановить этих политиков, — мрачно прокомментировал Маккейн, скомкал газету, швырнул ее в мусорную корзину — и попал с семи метров, что произошло на Джона впечатление.

Из-за все новых и новых катастроф интерес общественности к действиям и побудительным мотивам *Fontanelli Enterprises* поубавился. От большинства людей ускользнуло, что вал приобретений только начался.

Следуя рекомендациям аналитиков, они покупали большие фирмы, маленькие фирмы, фирмы продовольственной отрасли и химической индустрии, транспортные фирмы, авиалинии, телефонные сети, производителей электроники и производителей металлических полуфабрикатов, машиностроительные и целлюлозно-бумажные предприятия, рудники, сталелитейные заводы, атомные электростан-

ции, бюро программного обеспечения, сети супермаркетов, страховые компании и фармацевтические фирмы. Маккейн, казалось, вообще перестал спать, зато временами у него было больше четырех рук, которыми он использовал восемь телефонов сразу. Одни переговоры вытесняли другие, с раннего утра до полуночи — и в невероятном темпе. Джон научился управляться с системой видеоконференций лучше, чем с пультом своего телевизора. В иные дни в приемной скапливалось по дюжине делегаций в ожидании, когда для них откроется двустворчатая дверь конференц-зала. Деловые партнеры летели к ним сюда по двенадцать, четырнадцать, двадцать часов, чтобы после получасового разговора их снова выпроводили. Они открывали новые холдинговые компании, которые, со своей стороны, тоже покупали фирмы, чтобы реструктурировать их. С фирмами, которые нельзя было купить, они заключали кооперативные договоры. Они приобретали права, патенты, лицензии и концессии. Они покупали земельные наделы, уголья, фермы и плантации. Один молодой дизайнер по образцу подписи Джакомо Фонтанелли под завещанием разработал элегантный логотип из размашистой, красной буквы *f* на белом фоне, и этот царственно простой логотип начал завоевывать карту мира.

То, что со стороны казалось лавкой смешанных товаров, при ближайшем рассмотрении оказывалось сложным переплетением стратегических зависимостей, только не находилось человека, которому было доступно ближайшее рассмотрение: *Fontanelli Enterprises* как предприятие частного владения не обязано было публиковать свои балансы. Понемногу они обеспечили себе монополию на несколько неприметных, но незаменимых материалов — таких, как вольфрам, теллур и молибден, — и значительную рыночную долю селена и лития. Инвестирование в производство и распределение энергии было непомерным, простираясь во все формы добычи энергии: они владели атомными электростанциями, им принадлежали фирмы, производящие стержни для сердечников реакторов, и бериллий, из которого они состояли. Они владели нефтяными полями, нефтеперерабатывающими заводами, нефтепроводами и танкерными флотами, но в первую очередь им принадлежали самые перспективные права на бурение по всему миру.

— Каждый идиот в наши дни инвестирует в книготорговлю по Интернету и в фирмы программного обеспечения. Это объясняет, почему можно заработать миллионы на акциях фирм, которые не имеют ни доллара прибыли, — говорил Маккейн. — Но когда дело дойдет до серьезного, считаться будут только реальные ценности. Энергия. Сырье. Продовольствие. Вода.

Но и *Fontanelli Enterprises* выступил за пределы этих областей, купив большой итальянский дом моды, участвовал во всемирно известном рекламном агентстве и — что произвело сенсацию — разом приобрел десять европейских фирм звукозаписи, чтобы слить их в одну. Такого рода шаги, по словам Маккейна, служили двум целям: запутать постороннего наблюдателя и получить легкую прибыль. Такого рода инвестиции всегда можно отозвать, как только выгода уменьшится.

— Мы должны повесить наши доходы, — объяснил Маккейн. — Можете посчитать: если мы достигнем дохода 30 процентов, через двадцать лет нам будет принадлежать буквально весь мир!

Некоторые сенсационные приобретения еще обеспечили им крупные заголовки в газетах — например, когда они купили Уолл-стрит номер 40, небоскреб, который когда-то был самым высоким зданием Нью-Йорка, пока его не перещеголял Chrysler Building. Он пустовал со времени биржевого краха 1987 года, и они получили его на аукционе чуть больше чем за полмиллиарда долларов. Тут же в здании начались реставрационные работы, и на карте Нью-Йорка издания 1997 года оно значилось уже как Fontanelli Tower.

— Дональд Трамп тоже хотел его купить, — рассказал Маккейн, который вел переговоры. — Он предложил даже больше, чем мы. Но я позвонил мэру и нескольким сенаторам и объяснил им, что нам нужно именно это здание, чтобы вести наши дела в Нью-Йорке, и что наша единственная альтернатива состоит в том, чтобы перенести центр тяжести нашей американской активности в другой город — Атланту или Чикаго. — Он зло улыбнулся: — Это подействовало.

Вечером, на фоне ночного Лондона, большой конференц-зал походил на кафедральный собор. Посетители, которые еще перед дверью были говорливы, тут поневоле смолкли.

Маккейн сразу перешел к делу.

— Чего я хочу: чтобы вы с самыми современными средствами разработали компьютерную программу, которая моделировала бы развитие мира во всех важнейших областях. Как будет изменяться народонаселение, резервы энергии, обеспеченность сырьем, загрязнение окружающей среды и так далее — в ближайшие пятьдесят лет. Просчитайте последствия разных решений и мер.

— Именно этим мы и пытались заниматься последние несколько лет, — сказал их гость.

— И что же вам до сих пор мешало?

— Недостаток денег, что же еще? — профессор Коллинз, худощавый человек немного за сорок выглядел так, будто денег ему не хватало не только на его деятельность. Костюм мятый, вместо рубашки — протертая до основы водолазка, а волосы понемногу покидали его, чтобы он мог экономить и на парикмахере. Он был эколог и кибернетик, руководил Институтом изучения будущего в Хэртфорде и считался, по словам Маккейна, светилом в своей области. Джон занял свою обычную наблюдательную позицию, листал бумаги, принесенные профессором, и весь разговор доверил Маккейну.

— Что это значит? — цеплялся тот. — У вас недостаточно компьютеров?

Коллинз махнул рукой:

— Компьютеры — не проблема. Возможности любого ПК сегодня больше тех, которыми располагали великие Форстер и Медоуз в своем вычислительном центре. Нет, нам не хватает денег на компетентную помощь. Мы должны добывать данные, систематизировать их, каждую цифру проверять на достоверность. Невозможно выстроить четкую модель, если она опирается на приблизительные данные. И вот большую часть своего времени я провожу, объезжая потенциальных деньгодателей и объясняя им прописные истины.

— Отныне это не понадобится, — заявил Маккейн, откинувшись на спинку. — Если мы придем к соглашению, конечно. Вы вернетесь в свой институт и будете делать свою работу. А все деньги, какие вам понадобятся, вы будете получать от нас.

Профессор выпучил глаза.

— Вот это я понимаю, предложение. И что я должен для этого сделать? Расписаться кровью?

Маккейн фыркнул.

— Вы, наверное, уже слышали, что мы здесь пытаемся исполнить одно прорицание. Мы должны вернуть человечеству утраченную перспективу. Для этого провидение выделило в наше распоряжение триллион долларов.

— Я люблю задачи со щедрым бюджетом, — кивнул ученый. — Да, я об этом слышал.

— Хорошо. Что вы скажете насчет исходной предпосылки, будто мы потеряли перспективу?

— В принципе я знаю даже слишком много об исследованиях будущего, чтобы отважиться на такие высказывания.

— Вы меня удивляете. — Маккейн подтянул к себе стоящий наготове лаптоп, запустил программу и указал на картинку, которую отразил на настенном экране большой видеопроектор. — Я полагаю, эта кривая вам знакома.

Профессор сощурился.

— Да, конечно. Это стандартный ход WORLD3.

— Слегка модифицированный. Видите красные линии, которые заканчиваются 1996 годом? WORLD3 был разработан в 1971 году, чтобы предсказать будущее. Я ввел в программу реальные данные. До сих пор прогнозы поразительно точно совпадают с реальностью, вы не находите?

Профессор Коллинз не смог сдержать покровительственную улыбку терпения.

— Ну да. Это как посмотреть. Вам, наверное, ясно, что WORLD2 и WORLD3 давно не на уровне техники.

— Что-что? — Маккейн был явно озадачен.

— Обе модели объединяют государства Земли в одно оперативное единство, без учета региональных различий. Эта модель была критически исследована, и оказалось, что она очень чувствительно реагирует на заданные параметры, а они содержат широкую область ошибок. С другой стороны, знаменитые границы роста почти не зависят от исходных

данных. Другими словами, поведение программы, кажется, зависит скорее от кибернетических взаимосвязей, чем от данных, с которыми она стартовала.

— Кажется? — повторил Маккейн. — Это не похоже на основательное исследование.

— Я думаю, для Аурелио Печчи и других членов Римского клуба было важно затеять мировую дискуссию. Для этого WORLD3 и его предсказания подходили идеально.

Маккейн вскочил и принялся ходить взад и вперед вдоль гигантской световой панорамы ночного Лондона.

— А что с моделью Мезаровича и Пестеля? Она учитывает региональные различия.

— *World Integrated Model*, да. WIM гораздо меньше включает окружающую среду, чем модели WORLD. Это часто подвергалось критике и объяснялось непомерной сложностью модели.

— Но разве точная модель не должна быть сложной?

— Конечно. Но в первую очередь она должна быть убедительной. Чтобы можно было понять, что она делает. В противном случае это недалеко уйдет от гадания по кофейной гуще.

Маккейн достал из ящика стола толстый том и бросил его на стол.

— Что и сделали сочинители этого исследования, если вы хотите знать мое мнение. Я полагаю, это вам знакомо?

— Разумеется. «Global 2000», исследование, проведенное по поручению президента Картера. Якобы самая продаваемая из нечитаемых книг в мире.

— И как? Что вы о нем думаете?

— Ну. Исследование основано главным образом на том, чтобы свести воедино оценки разных экспертов, дополнив их некоторыми не очень точно задокументированными расчетами. Но самый большой изъян не в этом, а в ограничении во времени до 2000 года. Уже сейчас видно, что настоящие перемены если и произойдут, то лишь в начале следующего столетия.

— Правильно. И я хочу знать какие, — сказал Маккейн.

— И что вам это даст?

— Я хочу при помощи вашей модели узнать, как можно предотвратить катастрофу.

Ученый посмотрел на него долгим взглядом, потом медленно кивнул.

— Хорошо. Какие вам видятся условия такой модели? Маккейн не медлил ни секунды.

— Первое — это должна быть кибернетическая модель. Все равно, какой степени сложности, все равно, какой затратности. Никаких оценок и предположений, никакой интуиции, никаких допущений. Все должно быть количественно выражено, все взаимно соотнесено, все с прозрачной ясностью должно следовать из компьютерных вычислений.

— Над такой моделью мы и работаем. Вы это знаете — иначе бы не пригласили меня.

— Правильно. Второе — первым делом вы ставите в известность меня. Я буду определять, когда можно опубликовать результаты.

Профессор Коллинз слышно втянул воздух сквозь зубы.

— Это жесткое условие. Я подозреваю, что вы от него не отступитесь?

— Можете держать пари, — сказал Коллинз. — Третье...

— И много еще?

— Это последнее. Я хочу знать правду. Не какое-нибудь политкорректное высказывание. Не какое-нибудь успокоение для масс, не пропаганда. Только правда.

* * *

Вскоре им был поставлен мощный реактивный лайнер, купленный за четыреста миллионов долларов и перестроенный по их заказу в летающую централь концерна — с офисами, переговорными помещениями, барами, спальнями и гостевыми комнатами, — связанную через спутники со всем миром и соответственно обставленную. Лайнер был белоснежного цвета, лишь на хвостовом стабилизаторе красовалась размашистая красная *f*. Из-за отдаленного сходства с цифрой 1 самолет стали называть — вначале персонал, потом и пилоты, и диспетчеры по всему миру — *Moneyforce One*.

Отныне они иногда неделями летали вокруг света с одних переговоров, обсуждений или осмотров на другие. Джону стало нравиться положение бизнесмена, который приземляется на собственном самолете, которого всюду сопровождают красивые люди на черных лимузинах и которого всюду принимают как важную и желанную персону. Он начал наслаждаться сидением за огромными столами из бла-

городного дерева в роскошных конференц-залах, заслушивая доклады нервничающих господ старшего возраста, тем более что теперь он уже кое-что соображал в цифрах, которые называли управленцы или излучали проекторы. Случалось, что он задавал один-два вопроса, на которые отвечали с видимым вздрагиванием; но по большей части он окутывал себя многозначительным молчанием, передавая слово Маккейну и со временем приобретая славу таинственного и неприступного босса.

Для журналистов и просителей Джон Фонтанелли был практически недосягаем, другое дело — для своей семьи и старых друзей. Он держал личный секретариат, работающий по принципам, введенным еще Вакки. Даже список знакомых ему лично отправителей, чьи звонки и письма переадресовывались непосредственно ему — их лишь просвечивали во избежание взрывоопасных вложений, — был тот же самый. Его мать, дозвонившись до него после третьего или четвертого переключения, находила его в самолете, что было для нее непостижимо. Непостижимой была и скорость, с какой ему доставлялись письма, где бы на земном шаре он в этот момент ни находился. Как будто в секретариат наняли ясновидящего, который раньше их самих знал, где их самолет приземлится в очередной раз. Таким образом его однажды настиг первый компакт-диск Марвина.

Джон с некоторым любопытством открыл конверт с защитной внутренней прокладкой и расплылся в улыбке, увидев диск. Он назывался *Wasted Future*. С конверта смотрел Марвин — взглядом, затуманенным мировой скорбью, — снятый на фоне какой-то мусорной свалки. «Дорогой Джон, вот тебе первый шаг крутого восхождения», — было нацарапано на вложенной почтовой карточке и подписано Марвином и Константиной, которая на диске тоже значилась как вокалистка.

Очень интересно. Джон все бросил, прошел в салон самолета, оборудованный Hi-Fi-установкой за пятьдесят тысяч долларов, и с любопытством поставил диск.

Если одним словом, это было чудовищно. Из колонок вырывался глухой, размазанный шум, из которого неприятно выделялась лишь бас-гитара, тогда как пение терялось в чрезмерно просторном зале с плохой акустикой. Невели-

ка потеря, поскольку пение Марвина было клинически-депрессивным и одновременно остро-чахоточным. Все громыхало в монотонном ритме, а если и удавалось различить начатки мелодии, то она так сильно напоминала что-то уже знакомое, что на язык просилось слово «плагиат». Константину было почти не слышно, но об этом тоже жалеть не приходилось — судя по тому немногому, что доходило до слуха.

Джон с содроганием убрал диск, не дослушав и раскаяваясь в своей доле вины в том, что такая поделка увидела свет. Это был не первый шаг восхождения, а завершающая точка падения. А значит, вскоре Марвину опять понадобятся деньги.

Он выкинул диск вместе с конвертом и карточкой в мусор и позвонил в свой лондонский секретариат, чтобы имя Марвина вычеркнули из списка.

Стоял лучистый день конца апреля, по существу первый весенний день. Замок сиял великолепием, словно был центром мира.

Марко тоже весь светился. Кнопка в ухе, переговорное устройство в руке, револьвер в кобуре, а в глазах — сияние безудержного счастья.

— Кажется, вам действительно нравится в Англии, — заметил Джон.

— Да, — кивнул Марко. — Только причина не в Англии, а в Карен.

— Кто это?

— Карен О'Нил. Может, вы ее помните, она была секретаршей мистера Маккейна в его прежней фирме. — И снова счастливая улыбка: — Теперь мы вместе.

— О! — удивился Джон. — Примите мои поздравления!

— Спасибо. — Рука Марко потянулась к кнопке в ухе, прижала ее как следует. — Машина премьер-министра только что миновала ворота.

Это было то, чего не купишь за все деньги мира.

Со времени его приключения с Константиной у Джона в затылке засел скепсис, от которого он уже не мог избавиться. Он знал, что может залучить себе в постель красивейших женщин мира, хоть за плату, хоть бесплатно, но с тех пор, как он переехал в Англию, он больше не подпускал к себе ни одну из них. При каждой улыбке и каждом взмахе ресниц в нем вспыхивало подозрение, что этот интерес относится не к нему, а к его состоянию. Иногда и улыбки не требовалось.

Как в случае с той журналисткой, которая копалась в архиве Вакки и потом разнесла по всему свету молву о предсказании.

Причем она ему даже не понравилась. Совсем не его тип. Бог знает почему он до сих пор вспоминал о ней.

Они вышли наружу. Машина премьер-министра, темно-серый «Ягуар», перевалила через холм. Павлины стояли среди клумб, распутив хвост как по заказу.

Джон набрал воздуха, незаметно вытер ладони о брюки и почувствовал, как сердце ушло в пятки.

Это была затея Маккейна. И он еще бросил его одного. «Вы справитесь», — сказал он. Его темп, размышлял Джон, имел по крайней мере то преимущество, что ему не слишком часто приходилось думать о своей любовной жизни.

Автомобиль с достоинством остановился. Сотрудник безопасности открыл дверцу, и оттуда собственной персоной поднялся премьер-министр Джон Мейджор, с седыми волосами на пробор, большими очками в тонкой оправе и с широкой улыбкой как в телевизоре, и когда они пожимали друг другу руки, Джону показалось, что политик тоже нервничает.

«Он будет вас бояться, — сказал ему Маккейн. — Пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать те страны в мире, которые могли бы устоять против натиска вашего состояния — и Великобритании даже близко не принадлежит к их числу. Он будет задаваться вопросом, чего вы от него хотите. Он будет спрашивать себя, не потребуете ли вы от него чего-нибудь чудовищного за ужином, между главным блюдом и десертом».

Джону казалось, что он стоит рядом с самим собой и с удивлением смотрит со стороны, как пожимает руку премьер-министру и обменивается с ним приветственными любезностями так, будто всю свою жизнь только это и делал. В подготовке к этой встрече он взял несколько уроков этикета.

Маккейн только посмеивался. *«Вы богатейший человек в мире, Джон, вы можете вести себя как хотите!»*

Джон почувствовал потрясение Мейджора, когда они вошли внутрь. Видимо, интерьерному архитектору, одному из лучших в мире, удалось то, что он задумал: создать элегантную, достойную среду, не пуская при этом пыль в глаза, что здесь живет представитель многовековой аристократической династии. Ценные антикварные предметы соседствовали с дизайнерской мебелью из стали и стекла, современные картины расставляли интересные акценты, а главное, после перестройки в замке стало светлее: яркие излучатели освещали некогда темные уголки, что придавало старинным залам атмосферу простора и легкости.

Они вышли, как было предусмотрено хорошо продуманной программой, прогуляться по саду, наблюдаемые издали дюжиной сотрудников безопасности, и упражнялись в светской беседе. Джон Мейджор, как оказалось, любил оперу и крикет — и то, и другое было абсолютно чуждо Джону. И о проблемах разведения павлинов ему нечего было сказать, так что они хвалили не по сезону хорошую погоду и уверяли друг друга, как им приятно познакомиться. Потом премьер-министр высказал, что Его Королевское Высочество принц Уэльский выказал свою заинтересованность в том, чтобы познакомиться с ним.

— Он настоятельно просил меня приветствовать вас от его имени, — добавил глава британского правительства, — но было бы хорошо, чтобы он мог вас как-нибудь пригласить.

Джон кивнул. Они обсуждали с Маккейном, не пригласить ли вместо премьер-министра престолонаследника, но Маккейн был против. «Это было бы вызовом общественности. Не то что мы не можем себе это позволить, я даже могу предположить, что принц Чарлз принял бы приглашение — однако этим мы слишком рано раскрыли бы истинное соотношение сил».

Полчаса спустя прибыли остальные гости. Издательница видного ежемесячного журнала *20th Century Observer*, Виктория Хольден, которую называли «великой старой дамой высокой журналистики», приехала из Лондона поездом, и Джон послал за ней машину на вокзал. Одновременно с ней прибыл Алан Смит, издатель популярной газеты *The Sun*, которая на журналистской шкале качества располагалась на конце, противоположном *Observer*. Несмотря на это, оба приветствовали друг друга как старые добрые друзья. Вскоре после них появился британский корреспондент *Washington Post*, поджарый молодой человек по имени Дэвид Моди, рукопожатие которого Джон чувствовал еще пять минут после него, и наконец появился лорд Питер Робурн, знаменитый журналист: несколько раз заглохнув и заставив телохранителей нервно хвататься за пиджаки, он с чиханьем мотора перевалил через холм на груде металлолома «Астон Мартин», бесцеремонно припарковался рядом с благородными лимузинами и вышел в растянутых твидовых

лохмотьях, как будто только что явился с охоты. Все формы и нормы приличия он, казалось, давно послал к черту.

Лорд Питер как раз и привел вечер в движение.

— Ну, выкладывайте, мистер Фонтанелли, — сказал он, когда уносили тарелки из-под закусок. — Не для того же вы нас пригласили, чтобы убить время, я не прав?

Джон отложил салфетку в сторону, посмотрел на гостей и снова почувствовал, что у него крутит в животе, отчего он уже несколько ночей плохо спал. Он надеялся, что со стороны выглядит не таким беспомощным, каким ощущает себя. Свою речь он репетировал раз сто — перед зеркалом и перед видеокамерой, пока не счел, что сможет высказаться довольно непринужденно — так, будто вовсе и не репетировал сто раз. Лишь бы удался переход.

— На это бы я не отважился, — попытался он пошутить, но никто не засмеялся. Дальше он начал по-заученному: — Я искал случая уточнить некоторые моменты, касающиеся моей фирмы. *Fontanelli Enterprises* принято рассматривать в печати как вложение большого состояния с целью получения прибыли. — Джон сделал легкое движение рукой, напоминая окружающим, где они находятся. — Но вы согласитесь со мной, что иметь еще больше денег — вероятно, последнее, в чем я нуждаюсь.

«Единственное, что вы должны умолчать при них, — это то, что мы якобы стремимся к мировому господству, — предупреждал его Маккейн. — Держитесь скромно».

— Я знаю людей, о которых можно сказать то же самое, — вставила мисс Хольден. — Но они все равно не останавливаются. Я как-то спросила одного из них, почему он хочет заработать все больше и больше денег, хоть уже и не нуждается в них. Он ответил: «Я делаю это не потому, что *нуждаюсь*, а потому, что я это *могу*».

— Но я-то этого не могу! — спонтанно вырвалось у Джона. Он прокашлялся. — То есть я имею в виду, никто про меня не скажет, что я прирожденный бизнесмен.

— Но вы быстро обучаетесь, — заметил Дэвид Моди. — Вы инвестируете с толком и по всему миру. Я думаю, вы ничего не купили только в Ираке и в Северной Корее, а единственная страна, где у вас нет представительства, это Антарктида.

— У меня сметливые сотрудники. Кроме того, такое большое состояние невозможно вложить в одну-единственную страну или даже в один-единственный континент, не захватив при этом монополии.

— А то и в одну-единственную планету, — пошутил Алан Смит.

Джону стало жарко. Издатель *Sun*, сам того не подозревая, попал в точку.

— Я ощущаю свое состояние в первую очередь как обязанность, — медленно произнес Джон. — Я не хочу с его помощью заработать еще больше денег, я хочу, чтобы оно послужило людям...

— Значит, — вставил лорд Робурн, — вам не дает покоя прорицание вашего предка.

— Почему бы вам тогда просто не раздать деньги бедным? — спросил Смит. — Хотя бы часть их.

Джон посмотрел на него.

— Потому что этим, как я думаю, на самом деле никому не послужишь.

— Бездомный под мостом Темзы посмотрел бы на это иначе.

— Он бы ошибся. — Джон сам был поражен тем, с какой определенностью слова слетают у него с языка, и еще более поразился, увидев, что это подействовало. Алан Смит смолк и кивнул, как будто всерьез взвесил это и признал правоту Джона. Больше никто не перехватил слово, и Джон вернулся к своей заготовленной речи. У него вдруг появилось чувство, что теперь он сможет ее завершить, не умерев прежде того. — Вот что я хотел сказать: главное, на что я обращаю внимание, — это защита окружающей среды. Мы как раз заняты сейчас тем, что вводим директиву природо-защиты, она будет обязательна повсюду в концерне, даже в странах и ситуациях, где это принесет нам убыток. Вы, может быть, уже слышали о наших усилиях сделать перевозку сырой нефти более защищенной. Это стоит денег, но я хочу сделать что могу, чтобы с судном, которое идет по моему заданию, не произошло того, что было с *Sea Emperess*. Сейчас мы проводим мероприятия, которые можно быстро реализовать — всеобщее внедрение экологичной бумаги для нужд управления, например, раздельный мусор и рециклинг. Отказ от газообразного топлива, которое наносит

ущерб озоновому слою, и так далее. К сожалению, как правило, это меры скорее символического значения. Затем мы запустим далеко идущие проекты, которые, например, касаются экологического состава продуктов, деталей обработки и так далее. Но у нас есть и более честолюбивые планы. Только, — сказал Джон и посмотрел на премьер-министра, — тут нам потребуется помощь политиков.

Мейджор удивленно раскрыл глаза, а может, просто так показалось через его большие очки.

— А я все спрашивал себя, зачем меня пригласили, — сухо сказал он.

Джон набрал побольше воздуха. Дрожь в животе все не унималась. Продолжать, не сбиваться!

— Группа Фонтанелли в будущем, как мне кажется, будет играть в мировой экономике значительную роль. Это побуждает меня инициировать некоторые хозяйственно-политические изменения, которые, я думаю, в долгосрочной перспективе пойдут во благо людям. Я поддержал бы соответствующую политику, даже неся убытки, в надежде, что *Fontanelli Enterprises* подаст пример, которому последуют и другие.

Он посмотрел в растерянные лица.

Алан Смит, сидящий на нижнем конце стола, схватился за свой бокал, и до Джона донеслось его бормотание:

— Ну, сейчас будет...

Лицо премьер-министра закаменело.

— Я рад слышать о вашей готовности к сотрудничеству, — сказал он абсолютно безрадостным тоном. — Но, тем не менее, я должен напомнить, что в демократической стране корректный путь достижения политических изменений должен вестись через парламент, а не через частные договоренности за ужином.

Виктория Хольден подалась вперед, жемчуг ее ожерелья невзначай со звоном царапнул по ее тарелке.

— Мистер Фонтанелли, не объясните ли вы нам, какие конкретно хозяйственно-политические изменения вы имели в виду?

Джон благодарно взглянул на нее. «Мисс Хольден, не взирая на ее почти восемьдесят лет, будет за вашим столом представителем самой открытой и передовой мысли, — предвидел Маккейн. — И то, что она скажет, будет иметь большой вес, чем можно предположить по тиражам ее газеты».

— Как я уже сказал, я новичок в мире бизнеса, — объяснил он, обращаясь к ней и к остальным. — Может, поэтому для меня удивительны многие вещи, с которыми другие, выросшие в этом мире, свыклись. Например, я задаюсь вопросом, как может быть выгодно везти в Марокко североморских крабов? Как может быть, чтобы яблоки из Новой Зеландии стоили дешевле местных? — Теперь он снова попал в фарватер своей речи и, наконец, в ту ее часть, где мог говорить искренне. — Или более общий вопрос: как самое вредное для окружающей среды может быть экономически самым выгодным? Только если цена, которую предприятие платит за что-то, в данном случае за перевозку, не соответствует действительной стоимости. Если бы все стоило столько, на сколько оно обременяет экологию, не было бы природозащитных проблем. Потому что мы, люди, наловчились избегать расходов. В этом мы все находчивы. История индустриализации — единственная история понижения стоимости предметов первой необходимости. Почему бы не направить нашу изобретательность в сторону долговременного рационирования Земли? Почему мы не настаиваем на том, чтобы фактор природоущерба учитывался во всех калькуляциях? Почему мы не сделаем так, чтобы урон, наносимый природе, просто *стоил денег*?

Бесконечно долгая секунда была такой тихой, будто он сказал что-то постыдное.

— Если вы увеличите стоимость перевозки, вы свернете шею мировой торговле, — наконец сказал Дэвид Моди и откинулся на спинку стула. — Хозяйство зависит от хороших транспортных условий.

Это возражение можно было предвидеть. Он и сам пришел к нему, когда они с Маккейном прорабатывали свои соображения.

— Дело не просто в стоимости перевозки. Экономика стала такой, какова она есть, *потому что* транспортировка была дешевой. А не наоборот. Мне уже ясно, что внедрение моего предложения будет иметь весомые последствия. Я не говорю, что это должно произойти единым махом. Но это должно произойти.

— Ваше предложение означает, — подытожил Смит, — например, вычеркивание дотаций для горнодобывающей промышленности и, наоборот, введение изрядного налога на уголь. Так? Но результатом стали бы тысячи безработных.

— Если некуда деться, придется на это пойти, — сказал Джон.

Премьер-министр ничего не сказал, но был явно невесел. Он смотрел прямо перед собой и, казалось, хотел поскорее очутиться где-то в другом месте.

В наступившем молчании подали следующее блюдо — лососевый паштет под рислинговым соусом. «Ничего себе, подходящая обстановка для разговора о нуждах мира», — думал Джон, глядя на причудливо декорированную тарелку, которую опытная рука ловко поставила перед ним.

— По-моему, мистер Фонтанелли прав, — взял слово лорд Робурн. Он вооружился вилкой и ножом для рыбы. — Мы здесь все свои, мы достаточно интеллигентные люди, и нам не надо притворяться. Если посмотреть на хозяйственный процесс, мы обнаружим, что можно провести границу, на которой что-то отнимается у природы — сырье, природный продукт, — и другую границу, где природе что-то снова отдается — как правило, отходы. Все, что происходит между этими двумя границами, так сказать, внутреннее дело людей. Экологические проблемы создает существование обеих этих границ. Мы пользуемся ресурсами, которые не безграничны, а то, что мы отдаем, тоже не может быть воспринято в неограниченном объеме. Это все давно знают, но это знание не влечет за собой никаких последствий. Предложение мистера Фонтанелли затрагивает самую сердцевину проблемы: до тех пор, пока ущерб, наносимый природе, не сказывается на экономике финансово отрицательно, а охрана природы — финансово положительно, невозможно действовать соответственно. Я намеренно говорю *невозможно*. Тем не менее многие идеалисты все время ждут, что хозяйство начнет действовать неэкономично. Правила игры не принимают во внимание окружающую среду. Но мы можем изменить правила игры. В этом нет ничего особенного; мы постоянно делаем это. Мы изменяем банковское право, биржевое право, налоговое право, принципы страхования — все это есть правила игры для экономических процессов. Так же просто мы можем ввести правила игры, что нагрузка на окружающую среду будет стоить денег. И тогда то, к чему мы долго и тщетно апеллировали морально, произойдет само собой, просто через динамику рыночных сил. И действовать нужно только так. Другого пути нет.

Дэвид Моди, начав во время речи Робурна отрицательно мотать головой, так и не мог остановиться.

— Все это, без сомнения, задумано во благо, — сказал он, — хоть и не оригинально. Тот же призыв к государственному контролю. Но фактически окружающая среда страдает меньше в тех странах, где правит свободный рынок, тогда как в странах бывшего планового хозяйства она разрушена.

Робурн подался вперед и нацелил кончик своего ножа на американца.

— Правила игры — это не то же самое, что плановое хозяйство, вы это хорошо знаете, мистер Моди. Государство должно устанавливать правила игры. Для того оно и существует. Ваш свободный рынок не функционировал бы без правил игры, установленных государством, — мы говорим о таких вещах, как закон об акционерных обществах, государственный контроль над банками, договорное право и так далее. И в государствах, которые не в состоянии добиться соблюдения правил игры, ваш свободный рынок тоже нежизнеспособен. Именно на отсутствие знаменитых рамочных условий жалуются, когда объясняют, почему не хотят инвестировать в Россию.

Джону казалось, что он должен что-то сказать, чтобы их взаимная враждебность не разрасталась.

— Я совсем не специалист в экономике, — сказал он. — Я только спросил себя, как бы она выглядела, эта наша экономика, если бы Земля, природа была бы сама по себе отдельной фирмой. Если бы все, что нам от нее нужно, мы покупали бы у этой фирмы. Действительно все — не только сырье, но и воду, и воздух, и землю под ногами.

«Однажды мы станем такой фирмой», — сказал Маккейн.

Виктория Хольден улыбнулась.

— Тогда бы жизнь была нам не по средствам!

— Продукт больного воображения, — сказал Смит.

— Это была бы монополия, — заявил Моди. — Ваша фирма «Земля» могла бы устанавливать такие цены, что они стали бы неподъемными.

— Кажется, вы исходите из того, что люди на земле — нежеланные гости, — возразил лорд Робурн. — Интересная точка зрения, которая при случае заслуживает более при-

стального рассмотрения. При этом ответ на вопрос мистера Фонтанелли лежит на поверхности: конечно же, природа не фирма. Я вижу в этом вызов государству. До сих пор государство представляло интересы своей экономики, в лучшем случае — иногда — интересы своего населения. Интеллигентнее было бы предоставить экономику себе самой и взять на себя роль опекуна природы.

— Все это звучит прекрасно, лорд Робурн, — сказал премьер-министр, — но что касается политической реальности, то это чистая утопия. Даже если допустить, что подобное изменение курса было бы поддержано большинством — все, чего бы вы добились, это чувствительное ослабление позиции Великобритании во все обостряющемся глобальном соперничестве.

— Разумеется, это потребовало бы международной кооперации, — сказала мисс Хольден. — Действие какой-то нации в одиночку было бы не только бессмысленным, но и неэффективным.

Алан Смит отмахнулся.

— Забудьте об этом, Виктория. Каждое государство только искало бы пути выйти из такого соглашения.

Джон Мейджор мрачно кивнул.

— В этом я могу только согласиться с вашим коллегой.

Ужин проходил в горячих, но малопродуктивных дискуссиях и в совершенном пренебрежении его кулинарными качествами. И как только наступил момент, когда по всем нормам стало возможно проститься, премьер-министр уехал — разумеется, не забыв выразить благодарность за приглашение и надежду на будущие отношения.

Алан Смит последовал за ним чуть позже.

— В любом случае, — сказал он на прощание, — меня успокаивает, что во главе крупнейшего концерна мира стоит человек, которым движут другие мотивы, чем обычная комбинация из алчности, честолюбия и властолюбия.

— Я уверен, что ваш природозащитный ангажемент даст результат, — сказал Дэвид Моди. — Только не стоит перебарщивать. Лучше следуйте политике малых дел.

Виктория Хольден не давала никаких напутствий и советов, только поблагодарила его за приглашение.

Последним уходил лорд Питер Робурн.

— Вы мыслите в верном направлении, — сказал он, пожимая Джону руку. — Только пока не до конца все продумали.

С этими загадочными словами журналист уселся в свою развалину и уехал, отравляя окружающую среду чудовищным выхлопом нечисто сгорающего горючего.

* * *

Джон еще долго стоял у окна своей гостиной и смотрел на звездное небо, пока тоненькие очертания одной идеи уплотнялись в решение. Взгляд на часы, когда решение созрело. Половина двенадцатого.

Он шагнул к телефону, перелистал лежавший рядом список номеров. В замке было свыше двухсот телефонов; поэтому все внутренние номера были трехзначные. Он нашел то, что искал, и набрал номер.

— О'Шагнесси, — назвался несколько испуганный голос.

— Это Фонтанелли, — сказал Джон. — Надеюсь, я вас не разбудил.

— Эм-м, нет, сэр, — сказал библиотекарь. — Я еще читал.

Джон кивнул. Ничего другого он и не ожидал от худого ирландца с необычайно редкими для его возраста волосами.

— Мне очень жаль беспокоить вас в столь поздний час, но у меня к вам неотложная просьба...

Спустя неделю утром Джон вошел в кабинет Маккейна, положил перед ним книгу и выжидательно остановился у стола. Было видно, что настроение у него не самое лучшее.

— *Juan, un momento, por favor,* — попросил Маккейн своего телефонного партнера, прикрыл трубку ладонью и подался вперед. Книга называлась «Автоматическое спасение человечества». Ее автором был Питер Робурн. Он снова поднес трубку к уху. — *Juan? Lo siento. Podria llamar usted mas tarde? Vale. Hasta luego.* — Он положил трубку, взял книгу и посмотрел на Джона. — Доброе утро, Джон. Где это вы ее раздобыли?

— О'Шагнесси ее раздобыл, — сказал Джон и принялся покачиваться на каблуках.

— О'Шагнесси? Смотри-ка. Находчивый библиотекарь, должен я сказать. — Маккейн раскрыл книгу, с наслаждением полистал, изучил титул. — Хорошо сохранившийся экземпляр. Гораздо лучше моего.

Джон запыхтел.

— Вы пригласили лорда Робурна и преподнесли мне идеи, которые я должен был выдать как свои, а у него они были уже двадцать лет! Каким же идиотом вы меня выставили!

— Чепуха, — ответил Маккейн. — Он был в восторге, вы мне сами рассказывали. Он принял вашу сторону, разве не так?

— У меня вчера вечером просто глаза на лоб полезли. Вы знали эту книгу. Почему вы мне ее не показали?

— Потому что, — терпеливо объяснил Маккейн, — было лучше, что вы пришли к этим идеям сами.

— Но я не сам к ним пришел! Все их, вместе и по отдельности, внушили мне вы.

Маккейн отрицательно покачал головой.

— Мы целый вечер сидели за бутылкой хорошего вина и обсуждали стратегию перестройки мировой экономики. Мы вместе, вы и я. Согласен, я был под влиянием мыслей Ро-

бурна, но вы набросились на них, усыновили их, продумали дальше, были от них в восторге. И что? Разве идеи становятся хуже оттого, что кто-то их уже имел?

— Вы должны были мне сказать, что родоначальник этих идей будет сидеть за столом, где я о них заговорю!

— Тогда бы вас это стесняло. Вы казались бы прозели-том. Человеком, который только что обратился в новую веру и хочет осчастливить ею весь мир.

Джон запнулся.

— Да? Вы хотели, чтобы я ничем не был стеснен?

— Джон, — сказал Маккейн, медленно захлопнул книгу и отложил ее к Джону, поверх стопки бумаг, — я не настолько гениален, чтобы приходить к таким вещам самостоятельно. Признаюсь в этом. Но мне безразлично, совершенно безразлично, откуда взялась хорошая идея и кто ее уже имел. Я не плачу лицензионный сбор за спасение мира. Если идея чего-то стоит, я ее применяю.

— А остальные? Они тоже знали, что я пережевываю идеи Робурна, да?

— Ни один человек сегодня не знает идей Робурна. — Маккейн указал на книгу. — Это отпечатано частным образом. Тираж составлял двести экземпляров. Вы не задавали себе вопрос почему? Или не задавали себе вопрос, почему он в тот вечер просто не оборвал вас? Почему он сделал вид, что просто развивает вашу мысль дальше?

— Нет, не задавал, — признался Джон.

— Потому что он вам поверил. Он поверил, что вы сами пришли к этому. И это пробудило в нем надежду, что время постепенно созреет для его мыслей. Когда он написал эту книгу — ему тогда было самое большее лет двадцать шесть, — мир еще однозначно был не готов. Вы вряд ли можете себе представить, в какой угол его загнали с его идеями в его же кругу. Налоги на использование окружающей среды, воды и сырья, на землевладение, на произведенные отходы! Если бы лорды уже сами не были такими дохлыми, они бы его точно повесили. — Маккейн откинулся назад и скрестил на груди руки. — Высшие классы ему до сих пор этого не простили и никогда не простят. Остальная цивилизация знает его как, наверное, самого компетентного экономического журналиста мира. Если он что-то говорит, каждый навост-

ряет уши, и Уолл-стрит, и Даунинг-стрит 10, и Франкфурт, и Белый дом. То, что он заключил вас в свое сердце, для наших намерений более ценно, чем если бы он подарил вам British Petroleum.

Джон сглотнул.

— Серьезно?

— Вы читали газеты на этой неделе?

— Эм-м, нет.

— Почитайте. Вы обнаружите, что стали героем. Английские массовые газеты широко вещают о нашей природоохранной инициативе. Американские газеты открывают новую кампанию по более пристальному вниманию хозяйства к окружающей среде и называют эту кампанию *тенденцией Фонтанелли*. И на континенте нет такого главного редактора, который не выписывал бы *20th Century Observer*.

Джон осмотрел Маккейна, его рубашка уже в этот утренний час пропотела под мышками.

— И все это — результат единственного ужина и моего короткого выступления?

— На это можно было держать пари. Вы больше не безумный наследник, который не знает, куда девать деньги. Вы рождаете симпатии. Люди начинают понимать, что вы истинный наследник; что вы исполните пророчество. Вы поп-звезда, Джон, — сказал Маккейн. — Смиритесь с этим.

Лицо Джона омрачилось.

— То, что делаю я, может каждый. Я неудачник, который случайно получил сумасшедшее наследство.

Он сам испугался собственных слов.

Маккейн задумчиво оглядел его, потом откатился со своим креслом в сторону и выглянул наружу на крыши Лондона.

— Вы потерпели неудачу в мире, который неправильно поляризован, — сказал он спокойно. — Мы его переполяризуем. Мы позаботимся о том, чтобы успех имели люди, которые его заслуживают, и чтобы правильное поведение вознаграждалось, а все остальное урегулируется само собой.

* * *

Другую поп-звезду Джон обнаружил, когда однажды вечером, слишком взвинченный после напряженного дня,

сел перед телевизором и, чтобы успокоиться перед сном, принялся переключаться с программы на программу. И на MTV неожиданно наткнулся на лицо Марвина, под гром музыки бормочущего малопонятные строфы песни, тогда как на заднем плане гора обломков автомобилей как по волшебству вырастала все выше и выше. Музыка была все так же чудовищна, но клип впечатлял, особенно рефрен песни, когда подчикивала Константина, одетая лишь в самое необходимое, да и оно казалось подобранным на мусорной свалке. Ее непристойные телодвижения невольно напомнили Джону об одном известном вечере, о яхте, уже много месяцев бесполезно стоящей на якоре, и ему стало от этих мыслей нехорошо.

Прокуроршей ей, видимо, уже не стать.

* * *

В подвале здания прокуратуры Флоренции все еще громоздилась гора коробок с надписью «Письма с угрозами — Фонтанелли». До отъезда Джона Фонтанелли в Великобританию ими занималась особая комиссия, что имело следствием большое количество арестов и обвинений по всему миру, и множество людей угодили в тюрьмы или психиатрические лечебницы.

В июне 1996 года людей привлек к окнам странный шум во внутреннем дворе здания. Посреди двора стоял грузовик фирмы по переработке макулатуры и тархтел себе, а измельчитель бумаги на заднем конце заглатывал коробки, которые выносили из подвала, спрессовывал их в горючие брикеты и расфасовывал в коричневые бумажные мешки.

— Четкое указание министра юстиции, — сказал генеральный прокурор своему посетителю, когда они наблюдали этот процесс через окно, и воспользовался возможностью тайком выковырнуть ногтем застрявшее в зубах с обеда волоконец мяса. — Который, в свою очередь, подчинился настойчивой просьбе министра финансов, как я слышал.

— В самом деле? — из вежливости удивился посетитель.

Мясное волоконец поддалось. Генеральный прокурор испытал упоительное чувство освобождения.

— И правильно, если вы меня спросите. Синьор Фонтанелли, принимая гражданство, обещал платить налоги в

нашей стране, а через три месяца смылся в Англию. Непонятно, почему мы должны на кого-то работать даром.

* * *

— Мы не платим налоги? — Джон поднял взгляд от баланса. — Это правда?

Маккейн писал длинную резолюцию на чьем-то письме.

— Это документ для внутреннего пользования и предназначен только для нас, — сказал он, даже не взглянув. — Я бы хотел надеяться, что каждая цифра там истинна настолько, насколько может быть истинна цифра.

— Здесь стоит тринадцать миллионов долларов.

— Тринадцать лишних миллионов, если хотите знать мое мнение. Но, видимо, без них нельзя было обойтись.

— Я обещал итальянскому министру финансов как минимум один год платить налоги в Италии...

— Семь миллиардов, которые в прошлом году мне не удалось спасти, достанутся ему.

— Я это ему обещал, вы понимаете?

Теперь Маккейн все-таки поднял голову.

— Я сейчас заплачу. Извините, Джон, но мы здесь говорим о двадцати, тридцати миллиардах долларов и более. За эти деньги вы можете купить Молдавию или половину Африки. Я и не подумаю швырять такие деньги в пасть какому-то министру финансов.

— Но не можем же мы... то есть мы зарабатываем деньги и должны платить налоги, разве не так?

— Мы международное предприятие. Мы можем сами выбирать, где платить налоги. А если я могу выбирать, то я буду платить налоговую ставку Каймановых островов, а именно ноль целых, ноль десятых доллара.

Джон смущенно кивнул и снова уставился в документ. Тринадцать миллионов.

— Но как это может быть? — не унимался он. — Мы же не на Каймановых островах. Мы здесь, в Лондоне.

— У нас есть фирмы и на Каймановых островах. Так же, как есть фирмы на острове Сарк, в Белизе, на Гибралтаре, в Панаме, которые именуются налоговым раем. Эти фирмы ничего не делают, там нет служащих, они состоят из одной строчки в торговом регистре и одной маленькой таблички

на почтовом ящике. И на этих табличках значатся неброские имена, чтобы никто не видел, что они принадлежат вам. Одна из этих фирм, например, называется *International Real Estate*, это фирма недвижимости, которой принадлежит ваш замок и высотный дом, и они выставляют нам изрядный счет за аренду. Эта аренда уменьшает нашу прибыль и тем самым нашу налоговую нагрузку — но что может сделать финансовая служба? Она же не может запретить нам жить и работать в арендуемых помещениях. И такую игру можно вести со страховками на транспорт, с инвестициями, гонорами консультантам и так далее, так что в конце концов вообще не платишь никаких налогов.

— Разве деньги там защищены, на всех этих островах?

— Не будьте так наивны. Деньги двигаются только в компьютерах банков, с одного жесткого диска на другой. Ни один пенни не покидает эту страну, даже в форме байтов.

Джону все это показалось невероятным. Но он уже привык к тому, что оказался в области, где невероятное является нормой.

— Мне все это кажется не совсем чистым.

— А никто этого и не утверждает. Напротив, в моральном смысле это абсолютно предосудительно. Но посмотрите на статистику Международного валютного фонда: свыше двух триллионов долларов управляется в офшорных финансовых зонах. Наша позиция была бы чувствительно ослаблена, если бы мы платили налоги, а другие нет.

Джон провел ладонями по лицу.

— Каждый мелкий ремесленник должен платить налоги. Мой отец должен платить налоги. Каждый. По какому праву я должен уклоняться от этого?

Маккейн снова откинулся в своем кресле, сложил кончики пальцев и оперся на них подбородком, задумчиво разглядывая Джона.

— Вы предприниматель. Вы один из самых крупных работодателей в мире. Вы половину планеты обеспечиваете товарами повседневного спроса. Вы приносите такие результаты, которые не под силу ни одному правительству. Итак, если вы меня спросите — я не понимаю, почему ко всему этому вы должны еще и платить налоги.

— Разбойничий набег продолжается! — протрубил Маккейн, входя в свой кабинет. Несколько недель они провели в поездках по всему миру и снова сделали остановку в Лондоне, и опять все здание будто завертелось в вихре.

Под конец они вели бесчисленные переговоры с фирмами в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, осматривали фабричные помещения, иногда походившие на музеи или мрачные темницы бесправных рабов, видели покрытые коростой сточные трубы, из которых в реки беспрепятственно стекала вонючая, пенистая жижа, брели по нефтяной грязи и через безнадзорные свалки, всегда в сопровождении управляющего или директора, которые не могли обойтись без финансовой помощи.

— Сирийцы потребовали, чтобы мы отказались от наших инвестиций в Израиль, — рассказывал он Джону во время одного из их скудных обедов, которыми они привыкли довольствоваться чуть ли не прямо за столом переговоров. — А израильское правительство хотело, чтобы мы не инвестировали в Сирию. Я обоим сказал: послушайте, если так, я не буду инвестировать ни туда, ни сюда. И те мигом примолкли.

— Хорошая разминка, — сказал Джон, всякий раз удивляясь могуществу, вложенному в его руки.

— Кстати, мы получим государственную дотацию в триста миллионов долларов на строительство фабрики микрочипов в Болгарии. Кроме того, государство несет первые пять лет девяносто процентов всех возможных убытков. Которые мы, разумеется, и понесем.

Джон растерялся.

— Неужто у нас больше нет денег?

— Не делайте такое испуганное лицо, Джон. У нас денег больше, чем когда бы то ни было. Вы можете спуститься вниз к нашим торговцам валютой и посмотреть, как они их дополнительно умножают.

— Тогда зачем нам субсидии от государства?

Маккейн отложил вилку для салата.

— Как я вам уже говорил при нашей первой встрече, одного триллиона долларов недостаточно, чтобы купить мир.

Поэтому мы должны, насколько возможно, контролировать как можно больше чужих денег. И мы это делаем. Каждый доллар, который нам дает болгарское правительство, они не могут отдать ни на что другое. Они будут слабее, мы будем сильнее. А поскольку мы усилимся, в следующей подобной сделке мы сможем выторговать еще больше — и так далее. Это винт без конца.

— Понял. — Когда Джон узнавал о такого рода приемах и маневрах, у него появлялось неприятное чувство, хоть он и пытался понять, что правила игры власти именно таковы. — Но что правительство имеет с того, что мы инвестируем в его страну, если на самом деле они почти все оплачивают сами?

— Что я вам внушал? Им ясно, что мы точно так же могли бы построить фабрику чипов в Румынии или Венгрии. А так они наращивают авторитет в глазах других иностранных инвесторов. По принципу, что где инвестирует Фонтанелли, там и другим бояться нечего. — Маккейн помотал головой и с издевкой засмеялся. — Знаете, я люблю, когда все эти главы правительств во всех их дворцах, со всеми их титулами становятся в моих руках как воск. Когда я вижу, что они вдруг начинают понимать, за кем последнее слово. Что вся их власть лишь карнавальный костюм для народа. Нет никаких правительств, Джон, есть только люди в своих кабинетах. Иные из них такие дубины стоеросовые, что им приходится все объяснять. Остальным хочется быть снова избранными, поэтому для них новые рабочие места важнее, чем уравновешенное государственное хозяйство.

* * *

— Наступит время, и вы познакомитесь с тайной чудесного умножения денег, — сказал Маккейн некоторое время спустя и насмешливо добавил: — А то в последнее время вы так печетесь, как бы наши деньги не кончились.

Джон вспомнил Марвина, который в старые времена охотно поддавался на подозрительные соблазны умножения денег и пытался и его уговорить на участие в цепочках писем и подобных играх. Он уверял, что слушает его внимательно, но не ждал ничего особенного.

— Поначалу, — объяснял Маккейн, — мы учредим новую компанию. Назовем ее, скажем, *Fontanelli Power*. Устав-

ная цель — торговля электроэнергией. В Европе самое позднее через четыре года этот рынок будет либерализован, так что речь идет о перспективной отрасли. В качестве уставного капитала мы внесем наши различные электростанции, так что они будут принадлежать в будущем *Fontanelli Power*, акции которой станут принадлежать *Fontanelli Enterprises*, так что в отношениях владения де-факто вначале ничего не изменится.

Учреждение *Fontanelli Power Limited* было делом простым, его оформили в несколько дней. В принципе произошло не что иное, как выделение маленькой части существующей фирмы под новым именем. И с собственным фирменным логотипом, эскизы которого недорого сделало одно рекламное агентство из Нью-Йорка, в котором *Fontanelli Enterprises* было акционером.

— Теперь второй шаг. Мы объявляем, что *Fontanelli Power* выходит на биржу. Это несколько хлопотнее, поскольку придется выполнить множество юридических предписаний, но прежде всего надо в преддверии введения на биржу пробудить интерес вкладчиков. Что с учетом имени Фонтанелли не будет проблемой.

Всю юридическую часть обеспечивали юристы фирмы, и в обсуждениях появились понятия *биржевой проспект* и *новая эмиссия*, которые Джон себе пометил, чтобы впоследствии почитать об их взаимосвязи. Рекламное агентство разработало рекламную кампанию, которая в итоге не понадобилась, поскольку на основе газетных сообщений к акциям *Fontanelli Power* и так возник непомерный интерес.

— Мы выбросим на рынок лишь маленькую часть акций. Скажем так, пятнадцать процентов. Поскольку акции из-за этого будут превышены...

— Будут что? — спросил Джон, которого раздражала китайская грамота биржевого языка.

Маккейн снова взялся поучать его.

— Заявок на покупку подано больше, чем будет выставлено на продажу акций. Мы разделим акции на лоты, что лишь обострит жажду тех, кому они не достанутся. Следите внимательно.

Цена акции при эмиссии составляла 28 долларов. Уже к концу первого дня торгов курс был 59 долларов, а через неделю он подскочил до 103 долларов.

— Вы видели, что произошло? У нас все еще 85 процентов *Fontanelli Power*, но эти 85 процентов теперь стоят больше, чем вся фирма до выставления на биржу. Таким образом, наше введенное состояние, пусть всего лишь на бумаге, но совершенно легально и в соответствии с правилами игры на бирже, за неделю утроилось.

Джону все это показалось сюрреальным.

— И теперь мы продадим все? — попытался отгадать он.

— Вот уж нет. Это было бы безумие: как только мы выбросим на биржу остальные акции, предложение превысит спрос и обрушит цену.

— Значит, это только видимость состояния?

— Что значит видимость? Ваш триллион существует тоже лишь в форме магнитных импульсов в компьютерах банков. Ни один из этих банков не был бы в состоянии выплатить вам все наличными деньгами.

— Но какая нам польза с того, что наша фирма стоит в три раза больше, чем на прошлой неделе, если мы не можем обратить ее стоимость в деньги?

Маккейн хитро улыбнулся:

— Очень просто. До сих пор мы покупали фирмы и платили за это деньги. Теперь мы сможем забирать фирмы, в обмен предлагая акции *Fontanelli Power*. Нам придется лишь следить за тем, чтобы у нас оставался 51 процент, тогда мы сможем контролировать предприятие. Этот маневр позволяет нам получать в нашу собственность фирмы за деньги, которых вообще нет.

Джону пришлось попросить дополнительных разъяснений, и Маккейн нарисовал ему схему действия этого приема в блокноте.

— И правда, — с трудом поверил Джон.

— Эти правила как будто созданы для нас, — сказал Маккейн с нескрываемым чувством победы. — А скоро будет еще лучше.

— Это как?

— Намного лучше. Мы учредим свой банк.

* * *

Через год существования *Fontanelli Enterprises* из слияния нескольких банков, которые Маккейн скупил главным

образом в Средиземноморском регионе, возник *Banco Fontanelli di Firenze*, крупнейший частный банк с резиденцией во Флоренции.

Поскольку имя Фонтанелли в сознании общественности ассоциировалось с непостижимой суммой триллион долларов, это известие прозвучало так, будто *Banco Fontanelli* — крупнейший в мире банк. На самом деле в момент его создания он занимал приблизительно четырехсотое место. Сам Джон Фонтанелли имел в собственном банке довольно скромный счет — по сравнению с его счетами в американских и японских банковских гигантах, — но это обстоятельство никогда не становилось достоянием гласности, поскольку частные банки подлежали лишь ограниченной документальной прозрачности. Для «человека с улицы» Банк Фонтанелли располагал капиталом свыше триллиона долларов и невольно вызывал доверие. Многочисленные крупные вкладчики приняли решение в его пользу. Уже через несколько недель Банк Фонтанелли занимал 130-е место, неуклонно стремясь вверх.

— Мы станем одним из крупнейших банков мира, — предсказал Маккейн с уверенностью в победе, — и все на деньгах чужих людей.

* * *

— А для чего нам банк? — спросил Джон.

— Чтобы контролировать деньги, — ответил Маккейн, не отрываясь от документов, которые он изучал.

Их самолет был на пути во Флоренцию, он летел над лучисто-синим Средиземным морем, поверх крохотных, будто нащипанных облаков. Они должны были принять участие в заседании правления, а после обеда снова вернуться в Лондон, чтобы успеть пожелать счастья Марко, который сегодня женился.

— Но как банк может контролировать деньги других людей? Если любой владелец счета в любой момент может отозвать свои деньги и сделать с ними что хочет?

Теперь Маккейн поднял голову.

— Для многих вкладов это совсем не так. Помимо того, все люди не снимают свои деньги разом; это означало бы крах банка. Нет, деньгами, которые вкладчики нам отдали, мы можем распоряжаться.

— Но за это мы должны платить им проценты.

— Естественно.

Джон взял лист с действующими процентными ставками Банка Фонтанелли.

— Честно признаться, это не выглядит таким уж хорошим гешефтом.

— Потому что вы смотрите на процентные ставки как человек с улицы. Три процента для сберегательного вклада, десять процентов за кредит, и человек прикидывает, что банк зарабатывает разницу — семь процентов. Что считается приемлемым. Но функционирует это по-другому.

— А именно?

Маккейн улыбнулся своей тонкой улыбкой.

— Когда слышишь это впервые, звучит неправдоподобно. Но вы можете прочитать это в любом учебнике по банковскому делу. Банковский бизнес функционирует так: допустим, на вкладах, которыми мы распоряжаемся, 100 миллионов долларов. Из них мы обязаны держать у себя предписанный законом минимальный резерв, скажем, десять процентов, а остальное, в нашем случае 90 миллионов долларов, можем раздать как кредиты. Тот, кто берет у нас кредит, должен иметь счет, по возможности у нас — мы можем, если захотим, сделать это условием кредита, и тогда деньги, которые мы ему даем, снова оказываются у нас. В идеале мы получаем для выдачи кредитов еще 90 миллионов долларов, из которых мы снова, за вычетом минимального резерва, 81 миллион можем раздать на кредиты, которые опять приземлятся в наши же кассы, и так далее. Таким образом, 100 миллионов долларов вкладов мы можем превратить в 900 миллионов ссуды, за которую мы получаем оговоренные десять процентов в год, которые в сумме составляют 90 миллионов. Ну что, похоже это на хороший гешефт?

Джон не мог поверить своим ушам.

— Неужели это в самом деле так?

— Да. Звучит как лицензия на печатание денег, правда?

— Да уж не меньше.

— И у нас в руках — контроль. Мы можем решать, кому мы ссудим деньги, а кому нет. Мы можем привести фирму к краху, потребовав возврата кредитов, которые у нас же и

крутятся. Имеем на это полное право, кстати; если будем утверждать, что видим угрозу надежности кредита. Захватывающе, верно?

— И это легально?

— Абсолютно. Именно такие правила игры предусмотрены законодательством и находятся под надзором государства. Банкиры — самые авторитетные, самые уважаемые люди, какие только могут быть. И мы, — улыбнулся Маккейн, снова обращаясь к документам, — в этом избранном кругу такие же авторитетные и уважаемые члены. Нам будут доверены тайны, которых не знает больше никто. Мы будем делать гешефт, невозможный для стоящих вне этого круга. Не говоря уже о том, что обладание собственным банком великолепно приспособлено для того, чтобы защитить финансовые сделки от пристального государственного ока. Если бы банков не было, их следовало бы придумать.

* * *

Массивное одиннадцатизэтажное строение из песчаника находилось, так сказать, в тени Всемирного торгового центра, что, по насмешливому замечанию Маккейна, ставило с ног на голову реальное соотношение дел. Над порталом красовался громадный, покрытый сусальным золотом рельеф, на котором было начертано: *«Кредит — это воздух свободной торговли. Он внес в богатство наций тысячекратно больше, чем все золотые прииски мира»*. Джон был совершенно ослеплен, когда они ступили на тайную территорию, в *Moody's Investors Service*, крупнейшее в мире агентство оценки капиталовложений.

Здесь исследовали на степень риска фирмы, страны, нации — все, во что можно было инвестировать. Ни в каком другом месте мира не была так защищена секретная информация стольких государств и предприятий. Ни один непрошенный посетитель не мог ступить в кабинет сотрудника, будь то сам папа римский. Аналитики, проверявшие государственные финансы по заявке национальных министерств, разъезжали исключительно вдвоем, во избежание попыток подкупа, и их личные инвестиции должны были вкладываться открыто, во избежание конфликта интересов. Оценка кредитоспособности государственных займов через

Moody's сказывалась на процентах, которые правительства платили по облигациям. *Moody's* был нечувствителен к попыткам правительств оказать на него давление. Если *Moody's* незадолго до выборов подвергал проверке кредитный статус какой-то страны, это могло означать, что правящая партия, считай, проиграла выборы. Именно это произошло недавно в Австралии и привело к тяжелейшему поражению правящей партии лейбористов.

В принципе, у них не было конкретной причины для посещения.

— *Moody's* — один из реальных центров мировой власти, — просто сказал Маккейн. — Нам не повредит там показаться. Раз уж мы очутились в этих краях.

Их провели в приемную, устланную толстыми коврами, а затем на одиннадцатый этаж, в элегантное помещение для переговоров, где их приветствовал президент этой фирмы, основанной в начале века.

— Какая честь, мистер Фонтанелли, познакомиться с вами лично, — сказал он, очевидно взволнованный.

Затем он заверил их, что *Banco Fontanelli di Firenze*, разумеется, получило наивысшую оценку и стоит в сводках под желанным *Тройным А*. «И если бы мы располагали четвертым А, вы бы получили и его», — добавил он с блеском в глазах. Джон не удивился бы, если б этот седой господин попросил у него автограф. В чертах лица президента он видел себя самого, того Джона Фонтанелли, которого он до сих пор не знал. Для заслуженного аналитика он, богатейший человек истории, был воплощением кредитоспособности. Просто бог Мамона собственной персоной.

— Приятно слышать, — сказал Джон и улыбнулся.

* * *

Со временем они повидали и другие учреждения, о которых Джон никогда прежде не слышал. *Society For Worldwide Interbank Financial Telecommunication*, сокращенно SWIFT, тоже принял за честь посещение Джона Фонтанелли. Лимузин с тонированными стеклами вывез их из Амстердама и доставил по петляющей дороге к зданию, вид и размеры которого угадывались лишь схематично.

— Синьор Вакки тоже был здесь однажды, — рассказал им бледный голландец с голым черепом, ведя их вдоль ко-

ридора, где сквозь бронированное стекло виднелись бесконечные ряды больших компьютеров. — Правда, уже давно. Как у него дела?

— Хорошо, — коротко ответил Джон, которому не хотелось распространяться на эту тему.

SWIFT, узнал он, ежегодно организует по всему миру пятьсот миллионов денежных переводов. Обладая техникой кодирования, которая удовлетворила бы и военные требования, организация отвечала за то, чтобы банки могли прийти к обязательным соглашениям по электронным переводам. Послания SWIFT должны были подтверждаться дважды, прежде чем последует сама операция. Проникнуть в эту систему извне было невозможно. Нервные волокна глобальной финансовой системы были защищены, как бункер с атомными бомбами, и засекречены, как коды доступа к ним.

* * *

Приехав в Брюссель на переговоры с депутатами Европарламента, они посетили *Euroclear* — организацию, которая осуществляла международную торговлю ценными бумагами и скрывалась за анонимным фасадом из гранита и стекла на Avenue Jaquimaïn. Здесь они не могли даже увидеть компьютерную централь, не то что войти в нее — это могли сделать лишь десять из девятисот сотрудников, — но зато им показали генераторы аварийного электроснабжения и резервуары с запасом охлаждающей воды на крыше. В некоем засекреченном месте, узнали они, все устройства полностью продублированы и готовы взять на себя все операции, если вычислительный центр выйдет из строя. Сделки на бирже проводятся в секунды по одному выкрику, но собственно операция может длиться до трех дней, хотя в распоряжении организации имелось лучшее электронное оборудование, а связь была всемирной.

— Не разумнее ли было все мои активы во всех других банках перевести к нам? — спросил Джон во время следующего перелета.

— Об этом я уже думаю, — ответил Маккейн и склонил голову. — Доходнее это было бы точно. Но, с другой стороны, остальные банки дрожат при мысли, что вы однажды сделаете именно это. И мне нравится видеть их дрожащими.

* * *

Так они неустанно неслись вокруг Земли, учиняли гигантские реорганизации и реструктуризации, покупали и продавали, проводили меры рационализации в заседаниях, которые редко длились дольше получаса. Если было ясно, что конференция потребует больше времени, они проводили ее в воздухе, по дороге к следующей цели, откуда их партнеры по переговорам возвращались на родину уже рейсовыми самолетами.

Если они что-то говорили, их слушали, если они что-то устраивали, их слушались, если они кого-то хвалили, тот испытывал громадное облегчение. Они были властителями мира. Большая часть этого мира об этом пока не догадывалась, но им предстояло стать повелителями будущего века, и они были непобедимы.

Распоряжение собственным банком, который с неподаваемой скоростью превращался на рынках планеты в финансового монстра, открывало новые возможности. Некоторые из этих возможностей были не вполне легальны — например, когда они тайно изучали движения по счетам, чтобы проникнуть в планы, связи и отношения конкурентов или перехватить кандидатов на заем. Люди в аналитическом отделе не спрашивали, откуда у Маккейна списки, которые он выкладывал им на стол, но эти списки всегда оказывались чрезвычайно содержательными.

Но как раз самые действенные возможности были абсолютно легальны. Одним лишь заданием инвестиционных стратегий и критериев кредитов они могли как угодно поощрять целые отрасли или регионы или ввергать их в трудности, приводить к кризисам правительства стран третьего мира или вырывать их оттуда. Как следствие таких кризисов они дюжинами приобретали фирмы в Малайзии, Южной Корее или Таиланде буквально за бутерброд. Не было таких разрешений или концессий, каких не мог бы получить *Fontanelli Enterprises*: они скупили больше прав на разведку и лицензий на бурение, чем кто-либо мог использовать до конца тысячелетия. Между тем на Земле больше не было человека, который напрямую или косвенно не был бы затронут решениями, принятыми в летающей командной централи империи Фонтанелли.

— Мы как черная дыра, — увлеченно потирал руки Маккейн, когда они в очередной раз взлетали в воздух. — Мы поглощаем все, что нас окружает, и чем больше мы поглощаем, тем становимся больше и непреодолимее и тем скорее поглотим еще больше окружающего. Мы растем, пока не станем размером с весь мир.

Джон не взглянул на него и ничего не сказал. Он следил из окна за взлетом. Аналогия с черной дырой ему совсем не нравилась.

Потом пришла огорошивающая новость. Немецкая и итальянская налоговые службы устроили проверку отделе-

ний Банка Фонтанелли во Франкфурте, Мюнхене, Флоренции, Майланде и Риме и даже произвели выемку нескольких ящиков с документами, которые, конечно, были отвоены назад эскадрой юристов фирмы еще до того, как охранители закона успели на них взглянуть.

— Что, черт возьми, все это значит? — кричал Джон, не в силах усидеть в кресле. — Что они ищут? И к чему они могут придаться? — Он смотрел в окно, ничего не видя.

— Ни к чему, — сказал Маккейн. — Они ничего не могут нам сделать. Не волнуйтесь, Джон, дело того не стоит.

Он невозмутимо стоял, разглаживая лацканы своего пиджака и поправляя галстук.

— Но мы не можем это так оставить!

— Разумеется, нет. Самое время появиться перед камерами и выложить все возражения. Мы проявим глубокую обеспокоенность финансовым положением Европы. Мы будем произносить как заклинания «свободное движение капитала», «неминуемость глобализации» и «неподконтрольность денежных потоков». И так далее. — Он засмеялся, как будто для него все это было забавной игрой. — И они снова поверят каждому слову.

Джон нерешительно оглядел Маккейна.

— А разве это возможно — контролировать международные денежные потоки?

Маккейн снова засмеялся. В высшей степени забавная игра.

— Да, конечно. Все деньги проходят через компьютеры банков, из этой системы не ускользнет ни один цент. Куда уж лучше контроль?

— А глобализация? Ведь это неукротимый процесс развития?..

— Джон, глобализацию *делаем* мы. Вы и я, глобализация — это мы. Нас, конечно, могут остановить государства, если все они объединятся. Но они не объединятся. — Он поправил свои манжеты. — *Разделяй и властвуй*, называется этот принцип.

В дверь постучали, одна из секретарш просунула в кабинет по-тициановски рыжую голову.

— Мистер Фонтанелли, мистер Маккейн, журналисты уже внизу, в салоне.

— Спасибо, Фрэнсис, — сказал Маккейн. — Мы сейчас выйдем.

Джон позавидовал уверенности и спокойствию Маккейна. Ему самому это все не нравилось. У него было такое чувство, что они идут по тонкому льду. И чтобы не слышать хруст под ногами, громко поют и насвистывают.

* * *

Moneyforce One летел вдоль Северного Борнео на север. Под левым крылом сверкала синева Южно-Китайского моря, под правым мерцали туманы над темно-зелеными джунглями Борнео.

— Вам понравится, — пообещал Маккейн еще перед поездкой.

Посреди гигантской бухты показался город, будто парящий над водой. На золотых куполах мечетей и дворцов играло солнце, как в сказках «Тысячи и одной ночи». Джон смотрел из окна самолета, не в силах отвести глаз, и лишь спустя некоторое время заметил, что рот у него от удивления открыт.

— Вы были правы, — сказал он, почти не дыша. — Мне нравится.

Маккейн поднял голову от толстой папки и мельком выглянул, чтобы увидеть, что Джон имеет в виду.

— Ах, это, — сказал он. — Это еще ничего.

Кампонг-Аер, «Город на воде», как позднее узнал Джон, на самом деле был возведен на сваях, причем сотни лет назад. Еще арабские мореплаватели средневековья называли его так, а страна вокруг называлась Срибудза. В нынешнем веке город простерся и на сушу и теперь назывался Бандар-Сери-Бегаван, столица Султаната Бруней. Это был современный, богатый город. Когда они ехали по широкому проспекту, им не встретилось ни одного старого автомобиля, справа и слева тянулись красивые особняки и супермаркеты. С минаретов донеслись призывы муэдзинов к молитве, и их шофер остановился, вышел из машины и раскатал молитвенный коврик.

— Здешним жителям есть за что благодарить Аллаха, — сказал Маккейн, глядя через стекло, как шофер творит молитву. — Они никогда не платили налогов, образование и медицинское обслуживание бесплатно, бедных нет, даже частное строительство жилья дотируется государством. А всю черную работу выполняют иностранцы, по большей части китайцы.

— И все благодаря нефти, — предположил Джон.

— Благодаря нефти, — подтвердил Маккейн. — Примечательно уже то, как целенаправленно Творец почти все крупные месторождения нефти разместил среди исламских стран, вы не находите? Это дает пищу для размышлений. Наши коллеги из Shell платят султану столько, что он даже после вычета всех государственных расходов может откладывать на черный день по два с половиной миллиарда долларов в год. И уже скопил около тридцати миллиардов. Султан Хаджи Хассаналь Болкиах был богатейшим человеком мира, пока на горизонте не объявились вы.

Шофер скатал свой коврик, погрузил его в багажник и как ни в чем не бывало продолжил поездку.

— И что нам здесь нужно? — спросил Джон, чувствуя, как в него закрадывается неприятное чувство.

Маккейн сделал неопределенный жест.

— Не повредит познакомиться лично. Султан дал понять, что будет очень рад познакомиться с вами.

— Я должен чувствовать себя польщенным?

— Хороший вопрос. Султан — *Dewa Emas Kayangan*, золотой бог, сошедший с неба. По крайней мере, для его подданных, почитающих традиции. Для остального мира он просто властелин с нефтью.

Машина доехала до набережной и подкатилась к гигантскому строению с золотыми куполообразными кровлями.

— Мило, а? — насмешливо обронил Маккейн.

Джон с недоумением смотрел на это чудовищное сооружение, похожее на неудачное скрещение собора Святого Петра с дюжиной минаретов.

— Самый большой дворец в мире, — объявил Маккейн. — Построен учеником Ле Корбюзье, который, правда, не очень гордится этим, поскольку султан многое просто навязал ему. Во дворце тысяча восемьсот комнат и двести пятьдесят туалетов. Специалисты по интерьеру были приглашены из Рима, мастера витражей из Венеции, шелковые обои заказывались во Франции, мрамор сорока видов привезен из Италии, золотые слитки для тронного зала — из Индии, ониксовые плитки из Марокко — и так далее...

— О господи, — сказал Джон. — Это же стоило целого состояния.

— Около пятисот миллионов долларов. Чуть больше нашего самолета. Правда, это было в 1981 году.

— Наш самолет куда эстетичней.

— Но не такой просторный. — Маккейн пожал плечами. — Как бы то ни было, я хотел, чтобы вы это увидели. Может, теперь вы мне, наконец, поверите, что ваша резиденция вас недостойна.

* * *

Об этих словах Джон вспомнил, когда они в очередной раз заехали в Лондон и он отправился к себе. Сказать «домой» язык не поворачивался. Замок был такой огромный, со штатом в сотни человек, что скорее походил на вокзал. И это было все еще «неподобающим» для его положения? Сколько же еще чванства и роскоши он должен нагородить вокруг себя? И для чего? Он иногда вспоминал — когда позволяла вся эта кутерьма — о первых неделях в Италии: какая была идиллия! Тогда ему мешали один-два телохранителя. Теперь служба безопасности вокруг него разрасталась, как собственная армия, охраняя каждый его шаг еще до того, как он его делал. Утром он должен был ставить этих людей в известность, куда хочет отправиться в течение дня и где и насколько думает задержаться, и тогда стаи его личной секретной службы разлетались, проверяли все места на предмет планирующихся покушений, на закладку взрывчатки и обсуждали, что может ослабить его безопасность. Их было много, они старались сохранять тактичную дистанцию, но он знал, что они всякий раз обливаются кровавым потом, когда он останавливается под открытым небом, а то и на людной площади; поэтому он старался свести такие моменты к минимуму, хоть и чувствовал себя иногда заключенным, а не богатым человеком. Заключенным, которого под мощной охраной перевозят из одной тюрьмы в другую.

Но ему не на что было жаловаться. Ни на Маккейна, который работал как бешеный, ни на кого-нибудь еще. Он был наследником состояния Фонтанелли, он был исполнителем пророчества. И с какими-то неудобствами ради этого приходилось мириться.

Джереми ждал его. В обстановке настоящего английского замка он как дворецкий уже не казался таким эффектным.

— Звонил мистер Коупленд, — доложил он. — Он сказал, что речь идет о жизни и смерти.

Джон почувствовал, как у него на лбу образовалась поперечная складка.

— Откуда он знает этот номер?

У Джереми был несчастный вид.

— Я боюсь, сэр, в наши дни это можно узнать.

— Если он позвонит еще раз, отделайтесь от него. Я не хочу с ним разговаривать.

— Так точно, сэр, — кивнул Джереми в той угодливой позе, которую Джон терпеть не мог в других людях, даже если они были прислугой. — Эм-м, сэр, и еще одно...

Собственно, ему не хотелось сегодня ничего обсуждать. Только лежать на диване и слушать музыку. Брюса Спрингстина, может, или Мадди Уотерс.

— Да? Что именно? И еще, Джереми, пожалуйста, смотрите на меня, когда разговариваете со мной!

Дворецкий сделал попытку распрямить хребет. Частично ему это удалось.

— Сэр, судя по всему, некоторые из штата... эм-м, воруют, сэр.

— Воруют?

— Как я заметил, исчезло кое-что из продуктов и недостает кое-каких ценных предметов из замка, сэр.

Джон смотрел на него растерянно. Мысль, что его обкрадывают люди, которые постоянно попадают к нему на глаза, показалась ему абсурдной.

— Вы уверены?

— К сожалению, да, сэр. — Держать позвоночник прямо ему явно не удавалось.

Первым импульсом Джона было игнорировать это известие. Он был достаточно богат, чтобы не ощутить урона от нескольких мелких краж. Но в следующий же момент он ощутил урон. Он не хотел при виде каждой горничной, садовника или повара подозревать, что имеет дело с человеком, который его обкрадывает и обманывает в его же четырех стенах.

Ну, хорошо, в его четырехстах стенах.

— Покажите мне хозяйственные книги, — сказал он.

Изучая документы, он обнаружил, что все обстоит еще хуже, чем он боялся. Джереми не справлялся с ведением такого большого хозяйства. Накладные оформлялись неряшливо, счета лежали неделями незарегистрированные. Во-

ровство обнаружилось только потому, что воры обнаглели. Ничего не поделаешь, придется этим заняться. Хотя бы для того, чтобы честные не чувствовали себя ущемленными, он должен был найти виновных и тут же уволить. Без привлечения полиции ему не обойтись. И надо найти другого управляющего.

Он почувствовал, как под ногами у него пошли первые трещины.

* * *

Маккейн, как всегда, вставал до прихода почтальона и забирал газеты, уже выходя из дома, чтобы прочитать их в офисе.

В это утро, глянув на заголовки, он остановился и прочитал первую страницу на ступенях крыльца. И тут же перечитал снова.

Швейцарское банковское объединение SBC и Швейцарское банковское общество произвели слияние. Новый банк назывался *United Bank of Switzerland (UBS)*, достигал балансового итога восемьсот миллиардов долларов и управлял состоянием в размере полутора триллионов долларов. Таким образом, UBS становился крупнейшим в мире банком.

В статье со всей определенностью говорилось, что соответствующие переговоры велись уже давно, но к ускоренному завершению пришли лишь под давлением постоянно расширяющегося концерна Фонтанелли.

В это утро соседи Маккейна впервые слышали, как он взревел от бешенства в полный голос.

Таким разъяренным Джон Маккейна еще не видел.

— Вот! — крикнул тот, швырнув ему газету и топая по кабинету, как загнанный зверь. — Они заключили союз против нас!

Джон взял газету. Опять слияние. Вчера *United Bank of Switzerland*, сегодня объединились *Mobil Oil* и *Texaco*. Опять на том основании, что лишь таким образом можно что-то противопоставить доминирующему на рынке *Fontanelli Enterprises*.

— И антимонопольные органы дали им на это добро! — кипел Маккейн. — Те же самые антимонопольные органы, которые встали у нас поперек пути, когда мы хотели купить *Texaco*. Да от этого вонь за версту!

— Мы хотели купить *Texaco*? — удивился Джон. — А я и не знал.

Маккейн запнулся, потом махнул рукой.

— Интермеццо давностью в несколько дней. Зачем мне обременять вас этим? — Он сжал кулак. — Америка. Проклятье! У нас пока руки до них не дошли, но мы еще дадим жару этим типам в Вашингтоне.

— Вы говорите о демократически избранном правительстве. — Джон почувствовал, как у него напряглась спина. И голос прозвучал холоднее и дистанцированнее, чем он ожидал. — В Северной Дакоте и Миннесоте есть парни, которые строят себе в лесах хижины, вооружаются до зубов и кланут правительство. Так же и вы.

Маккейн ничего не ответил, только пронзительно посмотрел на него — так, будто в глаза у него был инсталлирован рентгеновский аппарат. Он медленно разжал кулак, опустил руку и так же медленно пошел к окнам, и где-то на середине пути ярость, переполнявшая его, куда-то исчезла, растворилась в воздухе.

— Джон, — сказал он тоном, похожим на удар хлыста. — Вы все еще не поняли, что поставлено на кон. Иначе бы вы не приводили такие смехотворные сравнения. — Он повернулся. — Таких людей, как ваши парни в Северной Дакоте,

я знаю. И все их песни. Они считают, что дальше так продолжаться не может. И если все рухнет, они хотят иметь надежную крепость, в которой смогут жить. Крепость, которую они будут защищать с оружием в руках. Их позиция такова: к черту остальной мир, лишь бы выжили мы!

Джон мрачно кивнул:

— Правильно.

— Но правительства, — продолжал Маккейн, — демократически выбранные правительства — того же поля ягода! Кто их выбрал? Народ! Правительства выступают за интересы народа. А большинство народов живет по принципу: черт с ними, с другими, лишь бы нам было хорошо.

Джон открыл рот, но не знал, что сказать. Он только хмыкнул, злясь на себя, что ненаходчив в такого рода разговорах.

— А мы работаем над тем, чтобы из сильной позиции направить ход вещей в нужное русло. Мы же ничего не хотим для себя. У нас есть больше, чем достаточно. Вы же понимаете: мы настолько благополучны, что подозрение, что мы хотим разбогатеть, вообще не возникает. И наши намерения подчинены абсолютно рациональным критериям. В первую очередь мы получим в свое распоряжение компьютерную модель мира, самую подробную, какая только есть. С ее помощью мы сможем просчитать последствия любого шага, принимая во внимание все взаимодействия с остальным миром. Мы сможем обосновать любое из наших решений. И единственной мерой всего станет выживание человечества, наилучшее самочувствие для наибольшего числа людей. — Маккейн встал перед ним, подняв руки к груди заклинаящим жестом. — Неужто вы не понимаете, что любой вид чьих-то групповых интересов — наш враг? Неважно, правительства то, профсоюзы, объединения лоббистов — все они имеют в виду только выгоды своей группы. Они выступают против несправедливости — в свою пользу! Вы понимаете?

Джон невольно отступил на шаг. Находиться так близко к Маккейну — все равно что встать на пути двадцатитонного локомотива. Но то, что он сказал, было не лишено своей внутренней логики.

— Так я на это еще не смотрел, — с неохотой признал Джон.

— Мне это ясно.

— Я не пропустил ни одних выборов. По крайней мере пока жил в Нью-Йорке. Мой дед учил меня не пренебрегать избирательным правом. Мол, многие погибли за то, чтобы я мог избирать. Он тогда...

— ...сбежал от Муссолини, я знаю. И он был прав, ваш дед. Демократия — великое достижение, кто же спорит. Но не все могут себе ее позволить! — Маккейн набрал воздуха, отступил на шаг и посмотрел на Джона, как бы прикидывая, чего от него можно требовать, а чего нет. — Вам не понравится то, что я сейчас скажу.

— И то, что уже сказали, не очень понравилось.

— Куда деваться. Таков мир. Когда запахнет жареным, не до пространных рассуждений. В тяжелые времена нужен человек, способный взять командование на себя. Вождь. Знаете ли вы, откуда взялось слово «диктатор»? Из латыни. В Древнем Риме в критической ситуации на ограниченное время выбирали властителя, приказам которого подчинялись, не рассуждая. Это был *диктатор*. Когда возникает опасность, демократия отходит в сторону. Всегда, во все времена. Взгляните на историю непредвзято, и вы увидите, что я прав.

Джон почувствовал, как в нем поднимается испуг:

— Вы хотите, чтобы мы стали *диктаторами*?

Маккейн громко рассмеялся:

— А как бы вы назвали то, что мы все это время замыслили? Два человека приводят себя в позицию, из которой они могут отдавать приказы всему миру. Ведь именно такой план был с самого начала?

— Но раньше вы не называли это «диктатурой».

— Если бы я произнес это слово, вы бы встали и ушли.

— Разумеется. Я и сейчас раздумываю, не поступить ли так.

— Пожалуйста. Никто вас не неволит. Это ваш триллион, но, Джон, вы должны исполнить пророчице. Прежде чем вы встанете и уйдете, скажите мне, пожалуйста, как вы собираетесь это сделать. Вашей хваленной демократии до сих пор не удалось сделать даже такую малость, как остановить производство фторохлороуглеводородов, не говоря уже о серьезных, действенных мерах. Пожалуйста, скажите мне, что вы собираетесь делать. Если вам придет в голову луч-

ший путь, скажите, я его приму! Но я искал его четверть века и не нашел.

Джон смотрел на него с нарастающим ужасом, и глаза его в любую секунду могли лопнуть. Ему пришлось отвернуться, он вдруг ощутил громадную тяжесть.

— Да, у меня никогда не было ясного представления о моей жизни. Но то, что мне никогда не хотелось стать *диктатором*, — это однозначно.

А ведь ему уже давно пора было понять, что дело идет именно к этому.

— Джон, — сказал Маккейн тихо, почти мягко, — мы гнушаемся таких людей, как Саддам Хусейн, вовсе не потому, что они диктаторы. Мы их гнушаемся потому, что они действительно губят людей. Вот то, что делает их тиранами. Мы, Джон, не будем уничтожать людей, мы будем их *спасать*. Мы обладаем такого рода властью, какой еще никто никогда не обладал, и мы единственные, кто еще способен удержать человечество перед пропастью, к которой оно мчится сломя голову.

Джон поднял глаза. Помедлил. Мысли в его голове пришли в полный хаос.

— Я знаю, что это нелегко. У меня было двадцать пять лет времени, чтобы привыкнуть к этой мысли, но даже это было нелегко.

— Конечно, — собственный голос показался Джону чужим и охрипшим.

— Я тоже всегда ходил на выборы. — Маккейн безрадостно рассмеялся: — Но за Джона Мейджора я не голосовал.

Джону припомнился ужин. Холодное неприятие, продемонстрированное премьер-министром.

— Думаю, я как-нибудь справлюсь.

— Значит, продолжим?

— Да.

— Я должен быть уверен, что вы прикрываете меня с тыла.

Джон вздохнул, чувствуя отвратительный привкус предательства на языке.

— Да. Я вас прикрою.

— Спасибо.

Пауза. Тишина. Сквозь открытые окна слышались удары колокола с Биг-Бена.

— И что будем делать теперь? — спросил Джон.

Маккейн стоял у края письменного стола, вяло отбивая пальцами тихий, беспокойный ритм. Взгляд его блуждал в неопределенной дали.

— Битва началась, — сказал он. — Значит, будем сражаться.

* * *

В следующие дни в Лондон слетелись директора, председатели правлений и руководители предприятий со всего мира. Конференц-зал на верхнем этаже резиденции *Fontanelli Enterprises* впервые был заполнен так, что потребовались дополнительные стулья.

Верховный босс всех этих директоров, председателей правлений и руководителей предприятий, Джон Сальваторе Фонтанелли, богатейший человек мира и обетованный спаситель будущего, открыл собрание коротким елейным докладом об угрозе природным основам жизни и о центральной роли, которую играет защита окружающей среды в целях концерна. Доклад венчала фраза:

— Подумайте о том, что защита окружающей среды — роскошь, которая далеко не всем по карману. Одними благородными намерениями сыт не будешь. Только если мы радикально сократим наши издержки и исключим расточительство, мы сможем подумать о будущем.

После этого Джон удалился в свой кабинет, передав детальную работу Маккейну. Великого оратора из него пока не получалось. От волнения перед этой своей маленькой речью он не выходил из туалета, ночью почти не спал, в полусне повторяя заготовленное обращение, а сейчас настолько взмок от пота, что ему пришлось принять душ и полностью переодеться. А ведь посмеивался, когда Маккейн настоял на том, чтобы при их кабинетах было по собственной ванной и гардеробной.

— Мне кажется лживой эта речь о защите окружающей среды, — признался он Маккейну, который заглянул на минутку за документами для доклада. — Ведь суть в том, чтобы просто зарабатывать побольше денег.

Маккейн ипохондрически взглянул на него.

— Вы меня разочаровываете, Джон. Они-то ладно, — он указал пренебрежительным кивком в сторону ожидающего собрания, — от них я не жду понимания взаимосвязей. Но вы-то!

— Такая, видно, судьба. Всех-то я разочаровываю.

— Ну, хорошо. Еще раз медленно, для конспектирования. Мы самый крупный в мире концерт, так? *Пока*, во всяком случае. Мы должны позаботиться о том, чтобы остаться им. Чего нельзя допустить — так это образования равных нам по величине блоков. Тогда мы попадаем в ситуацию равновесия, а это нам уже не позволит осуществить задуманное. — Маккейн сложил пленки для проектора и держал их перед грудью Джона, будто хотел уколоть его углом этой стопки. — Неужто это так трудно понять? Мыслите с перспективой, Джон. Долгосрочный взгляд выигрывает.

С этими словами Малькольм Маккейн вернулся в конференц-зал, оглядел там всех присутствующих, которые смотрели на него испуганными кроликами, поправил микрофон и сказал то, что в следующие дни ему пришлось говорить на многих подобных собраниях:

— Господа, я хочу от вас только трех вещей. Первое, доходов. Второе, доходов. И третье, доходов.

* * *

Одной из немногих женщин среди участников всех этих конференций, замаскированных под хозяйственные мероприятия, была Глэдис Ван, руководительница медиаконцерна *Polytone Media*, образованного слиянием нескольких европейских фирм звукозаписи, с резиденцией в Брюсселе. За прошедшие три месяца два важных фигуранта концерна — поп-певица из Израиля и одна английская группа — перешли к EMI *Electrola*, что чувствительно снизило квартальный доход: цифры сползли в красную зону. Компакт-дисковая дама с дымчато-седыми волосами, соответственно, получила по первое число.

Вернувшись в Брюссель, она немедленно созвала похожее собрание, чтобы похожими словами дать понять серьезность положения шефам различных подразделений.

— Но без созидательного труда не обойтись, — возразил руководитель испанского дочернего предприятия. — Мы должны инвестировать в людей искусства. Конечно, это требует времени, пока артист пробьется на рынок, но если мы не дадим ему этого времени, мы лишимся артистов.

— Если мы будем работать нерентабельно, артисты лишатся фирмы звукозаписи, — резко заявила Глэдис Ван,

которая твердо решила, что больше не позволит неуклюжему британцу делать из себя девочку для битья. — Что не принесит прибыли, то вылетает.

Менеджеры брендов пригнулись и усердно рылись в своих бумажках. Руководитель *Cascata Records*, фирмы звукозаписи из Милана, которая вот уже полгода как принадлежала *Polytone*, уныло разглядывал скорбные цифры продаж компакт-диска с названием *Wasted Future*.

* * *

— Мы переживаем спад, — сказал Маккейн. — Это плохо, но в жизни такое случается. Спады неизбежны, и они отделяют мальчиков от мужчин.

Джон только кивнул. Они ехали в аэропорт, и их бронированный лимузин застрял в пятничной пробке. Если глянуть вперед, казалось, будто грузовики и красные двухэтажные omnibusы стоят впритирку друг к другу. Моросил дождь, и вдоль улицы покачивались антрацитовые зонты.

— Именно сейчас мы не должны упускать из виду наши цели, иначе мы утонем в мелочах. И одна из наших ближайших целей — Международный валютный фонд.

Вот преимущество личного самолета: можно не беспокоиться, что опоздаешь на рейс. Джон как раз обдумывал то, что сказал Маккейн, и напряг лоб.

— МВФ? — повторил он. Он уже читал об этой наднациональной организации, призванной обеспечивать функционирование финансовой системы по всему миру, чтобы валюты оставались конвертируемыми одна в другую и так далее. Описание наводило смертную скуку. — Вы должны мне это объяснить, — попросил Джон. — Какое отношение это имеет к нам.

— В МВФ в настоящий момент 180 членов. Каждая страна-член делает свой взнос, так называемую квоту, и квота тем больше, чем богаче страна. Квота также определяет право голоса, то есть кто больше вносит, тот и задает тон. Сейчас это США с восемнадцатью процентами голосов. — Маккейн поднял растопыренную ладонь и приготовился загибать пальцы. — Это первый пункт, который подходит к нашей концепции: богатство есть влияние. Открытое влияние, нескрываемое, заложенное в уставе.

— Ну-ну, — сказал Джон. — Влияние, но на что?

— Это второй пункт, интересный для нас. МВФ может заглянуть в документы всех своих членов, может затребовать от правительств информацию об их денежной и налоговой политике, правда, не может давать указания. В нормальном случае. Другое дело, если страна получает от МВФ кредиты. Такие кредиты выдаются только под строгие обязательства, и выполнение обязательств контролируется. Нет более прямого влияния на политику государства, чем через МВФ. — Маккейн загнул уже два пальца. — Понимаете? Через Валютный фонд мы можем воспрепятствовать тому, чтобы развивающиеся страны гробили окружающую среду в своей дикой индустриализации.

Джон посмотрел на Маккейна, как будто видел его впервые. Сам он никогда в жизни не додумался бы до такой мысли, в этом он мог признаться без зависти.

— Через МВФ, да, — кивнул он. — Но как вы собираетесь влиять на МВФ?

Маккейн пожал плечами:

— Сладкоречивыми заверениями. Предложениями о кооперации. Или — что было бы самой смелой моей надеждой — тем, что *Fontanelli Enterprises* стал бы первым членом МВФ, не являясь нацией.

Джон невольно хватил ртом воздух:

— Действительно смело.

— Ну уж не настолько. Сейчас МВФ располагает за счет взносов общей суммой разве что 190 миллиардов долларов, половина которой — в неконвертируемой валюте, то есть ни на что не годные деньги. Для нас было бы пустяком дать им даже больше, чем США.

Джон почувствовал, как в нем поднимается чувство непобедимости, которое не покидало его все лето и которое было лучше, чем секс. Но если это чувство сберегалось в некоем сосуде, то он у Джона был с трещиной, через которую непобедимость вытекала, оставляя после себя лишь смутное недовольство.

— Не думаю, чтобы они нас приняли.

Маккейн посмотрел наружу.

— Это лишь вопрос времени, — сказал он. — Эра наций уже прошла. Люди еще держатся за них, как за бабушкин чайный сервиз, которым больше не пользуются, потому что его нельзя мыть в посудомоечной машине, но следу-

шее поколение будет просто недоумевать, для чего нужны нации. — Он указал на витрину книжного магазина, где были выставлены альбомы о недавних Олимпийских играх в Атланте. — Вы еще захватите те времена, помяните мое слово. Спортсмены на Олимпийских играх будут выступать не от имени наций, а от имени концернов.

* * *

— А что, если учредить премию? — рассуждал Джон однажды вечером, в небе над Тихим океаном. — Что-то вроде Нобелевской, только за защиту окружающей среды?

Маккейн, который, как всегда во время полетов, неотрывно изучал документы, меморандумы и проекты договоров, делая на них пометки, или диктовал письма, поднял глаза от своего блокнота.

— Премия Фонтанелли?

— Необязательно. Но я представляю себе ежегодную премию для людей, которые сделали что-то в духе прорицания. Думаю, это могло бы стать стимулом. Поощрило бы новое мышление. И благотворно бы сказалось на нашем имидже.

Маккейн стучал кончиком шариковой ручки по подбородку.

— Вы *хотите* учредить такую премию? — спросил он.

Ударение этого вопроса показалось Джону странным.

— Да, — сказал он.

— Тогда сделайте это.

— Я? — Джон смотрел на него с сомнением. — Я понятия не имею, как это делается.

Маккейн задумчиво положил свою ручку на блок.

— Вам и не нужно иметь никакого понятия, как что-то делается. Вспомните, что я сказал вам в нашем первом разговоре. Деньги заменяют все, деньги могут все. Вам нужно только знать, чего вы хотите. А *как* это сделать, должны думать другие.

— Кто, например?

— Позвоните в организационный отдел, вызовите кого-нибудь к себе в кабинет и скажите ему, чего вы хотите. И он это сделает, в конце концов за это он получает зарплату. — Маккейн улыбнулся: — Кстати, мне эта идея кажется великолепной.

Один из их проектов, подвергнутых рационализации, фирма Hugemover, некогда лидер мирового рынка строительных машин, принесла неожиданные результаты: профсоюз объявил забастовку.

— Хэлло, Джим, — сказал Маккейн, когда включили видеоконференцию. — До нашего слуха тут дошли вещи, в которые мы отказываемся верить.

Джон сидел немного в стороне поля охвата камеры. Это ему посоветовал Маккейн.

— Наверное, будет неприятно, — сказал он.

Джим Стросс, председатель правления фирмы, имел внешность мягкого человека, с розовой кожей свежескупленного младенца. В его взгляде на экране читалась строптивость. Дональд Раш, его заместитель, сидел рядом и сосредоточенно испытывал шариковую ручку на излом.

— Хорошо, я солгал бы, утверждая, что не понимаю этих ребят, — заявил Стросс. — Зарплата сокращается на двадцать процентов, рабочая неделя удлинняется на два часа, и все это вводится разом, без переговоров. Вы бы тоже бастовали, Малькольм.

— Что бы я делал или не делал, тут не обсуждается. Вопрос в том, что будете делать вы, Джим.

— Хорошо. Я думаю, мы вступим в переговоры.

— Как раз этого я не хотел бы слышать. Зарплаты у вас утопические, в сравнении с мировым рынком, а продолжительность рабочей недели наводит на мысль, что Hugemover — парк культуры и отдыха.

— Малькольм, вспомните, я с самого начала предостерегал вас. Изменения слишком велики, и произведены они слишком быстро. Я это предсказывал.

Джон видел, как челюсть Маккейна заходила ходуном.

— При случае справьтесь по хорошему словарю, что такое «самоисполняющееся предсказание». Переговоры вы вести не будете.

— Мы не сможем по-другому. Хорошие отношения с профсоюзом — это традиция Hugemover.

Маккейн опустил голову и принялся самозабвенно массировать переносицу. Возникла пауза, тем более зловещая, чем дольше она тянулась.

— У меня и без того было плохое настроение, — наконец сказал Маккейн, — а тут еще вы произнесли это слово, на которое у меня аллергия. *Традиция*. Сегодня не ваш день, Джим. Вы уволены.

— Что? — Картина, которую являл собой Стросс, могла бы быть отличной иллюстрацией понятия «съехавшие черты лица».

— Дональд, — обратился Маккейн к заместителю Стросса, — скажите мне вы, может, у вас лучше получится.

Неуклюжий человек доконал-таки свою ручку.

— Эм-м, мистер Маккейн, сэр...

— Дональд, простой вопрос, простой ответ. Вы справитесь с этим? Да или нет?

— Эм-м... — Раш уронил обломки ручки на свои бумаги и бросил неуверенный взгляд на своего недавнего шефа, который все еще пытался взять себя в руки. После этого он, кажется, понял, что поставлено на карту. Он вырос на два сантиметра, когда снова поднял глаза на Маккейна и сказал: — Да, мистер Маккейн.

— Что вы сделаете, Дональд?

— Я не буду вести переговоры. Мы устоим.

— Вы наш человек, Дональд. Вы получите ваши новые бумаги в самом скором времени. Позаботьтесь о том, чтобы мистер Стросс получил свои. — С этими словами Маккейн отключился.

На какой-то момент он замер, молча созерцая погасший экран, потом посмотрел на Джона.

— Ну что, вы находите это brutальным?

— Да, — сказал Джон.

Маккейн серьезно кивнул:

— Иногда по-другому нельзя. Сейчас мы должны демонстрировать решимость.

* * *

Журнал *Time* опубликовал пространную статью о борьбе рабочих *Union* — с коллажом на обложке, который базировался на плакате одного старого фильма с Теренсом Хиллом и Бадом Спенсером, только их лица были заменены лицами Джона Фонтанелли и Малькольма Маккейна, и заголовок был: «Правая и левая рука сатаны». Статья была беспощадная, называла активность Джона в защиту окру-

жающей среды «притворной», а маккейновские методы ведения бизнеса — «рыцарским разбоем».

Читая, Джон чувствовал, как у него горят уши и выступает пот. Он удивлялся, с каким спокойствием и невозмутимостью пролистал журнал Маккейн.

— Это начинает мне надоедать, — сказал он наконец. — Мы так или иначе собирались покупать медиаконцерны — газеты, телевидение и так далее. — Он захлопнул журнал и небрежно отбросил его. — Пора уже начинать.

* * *

Близилося Рождество. Над Темзой все чаще повисал густой туман, расползаясь над городом, превращая высотные дома в призрачные замки троллей, а уличные фонари — в огни эльфов.

Лидерами предрождественских продаж на сей раз были сувениры с логотипом Фонтанелли — *f*. Люди покупали шапочки, чашки, брелоки, шарфы, папки, а главным образом рубашки — все белое, кроме размашистой красной, с переходом в фиолетовый, буквы. Одни лицензионные сборы за использование логотипа составили — невероятно, но факт — трехзначное число в миллионах.

* * *

15 декабря произошло слияние компаний *Boeing* и *McDonnell-Douglas*, после чего они стали самой крупной самолетостроительной компанией мира. Комментарии в экономических изданиях ссылались в этой связи на быстрорастущую сферу влияния концерна Фонтанелли и предсказывали множество дальнейших слияний в ближайшие годы.

* * *

Ситуация с *Hugobover* зашла в тупик. Профсоюз бастовал, руководство предприятия отказывалось вступать в переговоры. В рождественские и новогодние праздники снижение выпуска продукции не только было терпимо, но ввиду отсутствия заказов даже приветствовалось, но с наступлением рабочих дней стали поступать новые заказы, которые нельзя было выполнить только силами неорганизованных рабочих.

— Трудовое законодательство США запрещает увольнять бастующих, — огрызнулся Дональд Раш. — Мы покупаем

сколько можем у наших иностранных дочерних предприятий и каждую неделю проводим такие реорганизации, на какие раньше уходил год, но границы возможностей обозримы. С экскаваторами мы уже достигли границ.

Маккейн сложил ладони как при молитве:

— Что вы намерены предпринять?

— Нанять новых людей. Трудовое законодательство не запрещает принимать на работу штрейкбрехеров. В промышленности спад, другие фирмы тоже ведут сокращение, да и из-за океана прибывают хорошие люди, готовые работать за небольшие деньги. Кроме того, за это время мы настолько упростили многие рабочие операции, что нам не так уж и нужны квалифицированные специалисты. Раньше это всегда было проблемой при забастовках: все упиралось в людей, но сейчас не проблема найти новых.

— Профсоюзы на этот счет в курсе? — спросил Маккейн.

— Хм-м, я думаю, да. — Раш задумчиво разглядывал Маккейна. — Может, достаточно будет пригрозить им.

— Попробовать стоит, — сказал Маккейн.

Через два дня бастующие вышли на работу — за зарплату, сокращенную на двадцать процентов, и на рабочую неделю, увеличенную на два часа.

— Ну вот, — прокомментировал Маккейн, и впервые за долгое время в его чертах появилось что-то вроде улыбки.

* * *

Телефон у кровати вырвал Джона из сна. Он вскочил, уставился на проклятую штуку и поначалу был уверен, что звонок ему приснился. Была половина третьего утра.

Но тут звонок повторился. Недобрый знак. Телефон, который звонит в половине третьего, никогда не приносит радостных вестей. Он снял трубку.

— Алло?

— Чертов говнюк... — Женский голос издали, со странным звуковым фоном, будто она говорит из канализации. И говорит по-итальянски.

— Что-что?

— Я говорю, ты чертов говнюк. — Она была вдрызг пьяна.

Джон провел ладонью по лицу, будто желая привести в действие мыслительную деятельность.

— Несомненно, — сказал он. — Но не будете ли вы так любезны сказать мне, кто вы?

— *Porco Dio...* — Возникла долгая пауза, в которой он слышал лишь тяжелое дыхание. — Неужто ты меня забыл? Скажи, что это неправда. — Она начала тихонько плакать и подвывать.

Джон ломал голову, но никак не мог припомнить, чей это может быть голос.

— Мне очень жаль... — сказал он, помедлив.

— Ах, тебе жаль? Впрочем, как же иначе. Ведь это ты во всем виноват. — Послышался всхлип, звук которого разбудил в Джоне смутные воспоминания. — Ты во всем виноват, слышишь? Один ты виноват, что Марвин сидит в тюрьме. И меня тебе тоже когда-нибудь придется соскребать с дороги. Я надеюсь, тогда тебе тоже будет жаль, говнюк. — Трубку положили с шумом и треском, как будто она не могла попасть на аппарат.

Джон держал трубку в руках, с колотящимся сердцем бессмысленно глядя перед собой. Константина. Боже мой! А он даже не узнал ее.

Марвин в тюрьме? Кажется, она ляпнула об этом не спяну. Он набрал номер службы безопасности. Ответил Марко — абсолютно бодрым для такого мертвого часа голосом. Джон рассказал ему, что произошло.

— Мне жаль, мистер Фонтанелли. Я ничем не могу объяснить, как этот звонок прорвался к вам. Собственно говоря, это секретнейший из всех секретных номеров.

— Он у нее от Марвина. А тот пройдоха в таких делах. Но я звоню не поэтому. — Он объяснил, почему он звонит. А потом влез в свой халат и беспокоило ходил по своим вокзалоподобным жилым покоям, пока телефон не зазвонил снова.

— Все правильно, — сказал Марко. — Небезызвестный Марвин Коупленд арестован в Бриндизи. По обвинению в торговле наркотиками.

Два стула. Вот и вся мебель квадратного помещения, провонявшего мочой и плесенью. В массивной двери, через которую ввели Марвина, было зарешеченное смотровое окошко.

И вот он сидит, Марвин Коупленд, угрюмый и превратившийся в развалину, с трудом держась на стуле прямо. Одежду, которая на нем была, он, видимо, не снимал неделями.

— Что произошло? — спросил Джон.

Марвин пожал плечами, скривил лицо. Наконец произнес:

— Ну, что еще могло произойти? Они меня застукали.

— На торговле наркотиками? Это правда?

— Ах, *fuck!* Моя фирма звукозаписи выставила меня на улицу, без предупреждения. Якобы мой альбом не продается. На самом деле они просто не провели нормальную рекламную кампанию, а без этого как пробьешься против таких игроков, как Майкл Джексон или «Аэросмит»? — Он сидел, понурившись, согнувшись, потом глянул на Джона искоса и снизу. — Кстати, почему это я говорю «моя фирма звукозаписи»? Это теперь твоя фирма звукозаписи. Как и половина планеты твоя.

— Марвин, у тебя было сто тысяч долларов. И я запросил у *Cascata Record* цифры. Они заплатили тебе аванс триста тысяч. Ты просадил за полтора года почти полмиллиона долларов.

— Слушай, скажи это своему реактивному самолету.

— При чем тут мой реактивный самолет?

— Да, *shit!* все это стоит денег. Я должен как рок-звезда ездить на соответствующей машине, тряпки и так далее... Ты представить себе не можешь, сколько все это стоит.

— Ты хочешь сказать, я не имею представления, сколько стоит кокаин. Тут ты действительно прав.

— Эх ты! Послушал бы ты сам себя. Говорил же я, деньги тебя испортят.

— Марвин, кокаин! Это тебе не косяк из прежних времен. И дилерство ты всегда отвергал.

Марвин откинулся туловищем назад так, будто хотел отломить спинку стула, и запрокинул голову с закрытыми глазами. Вид у него был бледный и голодный. Некоторое время он так и сидел. Из узкого, расположенного высоко под потолком зарешеченного оконца на него падал слабый свет, с улицы прорвался шум, как будто кто-то увеличил громкость.

— Это все комета, — сказал, наконец, Марвин и снова открыл глаза.

— Комета?

— Хейл-Бопп. Комета. Только не говори, что ты ее еще не видел. Она сразу выделяется на небе. — Он шумно втянул воздух между зубов. — Кометы приносят беду. Это известно с незапамятных времен. И художник, как я, чувствует это. Он чуток к таким вещам, понимаешь? О'кей, кокаин выводит тебя в другое измерение, но и без него... — Он задумчиво помотал головой и посмотрел на Джона. — Ты можешь вытащить меня отсюда?

Джон изучал лицо Марвина, выражение его глаз. На миг ему почудилась в них хитрость, но потом там снова установилась мольба, будто Марвин собрал остатки гордости, чтобы не упасть на колени.

— Для этого я и приехал, — сказал Джон и спросил себя, действительно ли оказывает этим Марвину услугу. — Они говорят, что могут отпустить тебя под залог. Но ты даешь подписку о невыезде и так далее. — Он набрал побольше воздуха и добавил с отвратительным привкусом на языке: — Причем я не разорюсь, даже если ты сделаешь это. Если ты понимаешь, что я хочу этим сказать.

Марвин посмотрел на него так, будто не понял ни слова, потом кивнул:

— Все-таки ты друг. Несмотря на все деньги.

* * *

Маккейна все это не позабавило, когда Джон вернулся в Лондон.

— Ваш друг или то, что вы держите за друга, — сказал он, — образец неудачника, какого мне только приходилось видеть. Он никогда не сделал ничего путного и никогда ничего путного не сделает. Забудьте его, Джон. Как можно

скорее. Избегайте всякого контакта. Неудачник опасен для людей с высокими целями, поверьте мне. Будь вы самый способный человек, какой только жил на божьем свете: если вы связались с неудачником, вы ничего не достигнете. Он утянет вас вниз. Он сорвет все ваши планы, в решающие моменты встанет вам поперек пути, отравит вашу жизнь, будто он разносчик заразной болезни. А может, это и есть болезнь.

Джон устал и хотел только одного — чтобы его отвезли из аэропорта домой. Он не был настроен спорить.

— Вы говорите о нем так, будто он крыса какая-нибудь.

— А как бы вы назвали то, что он сделал с этой Константиной? — Маккейн стоял как скала на фоне вечерней панорамы Лондона, скрестив руки. — Марко был так любезен и разъяснил мне все обстоятельства.

— Константина Вольпе — взрослая женщина и сама отвечает за себя, — нервно возразил Джон. — А Марвин очень помог мне в один трудный момент. Я перед ним в долгу.

— Вы ему должны? А. Ну да. И когда вы с ним рассчитаетесь?

— Понятия не имею. — Об этом он не думал. Собственно, бесконечно это длиться не может, если хорошенько подумать. — Ну да. Можно сказать, теперь мы квиты.

Маккейн хрюкнул:

— Разумеется, вы полагаете, что оказали ему этой акцией услугу.

— Я вытащил его из тюрьмы.

— А потом? Как вы себе это представляете? Вы внесли за него залог, он выходит на свободу и сможет скрыться?

— Примерно так.

— Вы действительно верите, что он со своими замутненными наркотическими мозгами в состоянии обойти пограничный контроль или ускользнуть от международного розыска? Не будьте так наивны.

— В таких вещах он изощренный человек, — сердито возразил Джон.

Маккейн снова расцепил руки, побарабанил пальцами по столу Джона и сказал:

— Собственно, я хотел попросить вас только об одном, Джон: если у вас впредь появится проблема такого рода, придите с ней ко мне. Можем мы условиться об этом?

— Что вы имеете в виду под «проблемой такого рода»?

— Вы поняли, что я имею в виду. — Маккейн остановился в дверях, взявшись за ручку. — Не делайте ничего без меня. Приходите с такими вещами ко мне. Я сам о них позабочусь.

* * *

Проект фонда и премии Джон поручил менеджеру Лайонелу Хилману, человеку интриганского вида с рыжими кудрями и такого же цвета волосами, растущими из носа, от которых невозможно было отвести взгляд, разговаривая с ним.

Хилман взялся за проект со всей энергией, жил им и дышал, сросшись с ним воедино. Он предложил назвать премию *Гея-премией*, по имени античной богини Земли, матери неба и титанов, источнике снов, кормилице растений и детей. Джон, которому все эти значения были незнакомы, с воодушевлением согласился. Хилман составил жюри из пяти признанных биологов, экологов и природозащитников, которые происходили из разных частей света, разработал процедуру и модель фонда — по образцу Нобелевской премии, заказал художнику эскизы наградного приза, которые пока что у всех, кто их видел, вызывали почти благоговейные кивки, и, наконец, наметил рекламную кампанию, которая довела бы до сведения каждого землянина суть и значение *Гея-премии* еще до того, как она будет впервые вручена в сентябре 1997 года, в последнюю субботу месяца. Время — ровно за две недели до присуждения Нобелевской премии — было выбрано осознанно, равно как и место, Копенгаген, — обещая поместить премию в самую высокую сферу в сознании общественности.

Он пригласил Джона на фотосессию. Образ Матери-Земли должна была воплощать не кто-нибудь, а Патрисия де-Бирс, самая дорогая модель мира, единодушно признанная СМИ красивейшей женщиной столетия. И она была красива, боже правый, просто оглушительно красива. Джон стоял в сторонке и наблюдал, как фотограф дает указания, и эротичная богиня Земли, задрапированная каким-то прозрачным шлейфом, выгибается, вытягивается и поворачивается, и как полыхают фотовспышки. Уж

если такое не подвигнет людей позаботиться о природе, то он и не знал, что еще.

— Перерыв, — объявил фотограф. Он дал своей помощнице несколько указаний, касающихся установки кулис, и, уходя, обнаружил Джона.

— А, мистер Фонтанелли. — Он подошел, пожал ему руку — худощавый человек с уже заметной возрастной пигментацией на лице. — Кэртис. Говард Кэртис. Лайонел мне намекал, что вы можете заглянуть сюда. Добро пожаловать. Как вам нравится?

Джон кивнул. Да, он впечатлен.

— Классная женщина, а? Абсолютно профессиональная, знает, что и как действует, полностью владеет собой. Настоящая профи, правда.

Джон смотрел мимо него на кулисы. Патрисия де-Бирс сидела на табурете с прямой спиной, откинув покрывало, а толстенькая визажистка припудривала ее бюст. Эта картинка сильно затрудняла ему восприятие слов фотографа.

— Знаете что?.. — Человек, о котором Хилман отзывался как о лучшем в мире фотографе, отступил на шаг и разглядывал Джона, прищурив глаза. — Один вопрос, мистер Фонтанелли — не могли бы мы кое-что попробовать?

— Только не говорите, что хотите меня сфотографировать.

— Всенепременно.

— Нет.

— Я не приму никаких «нет», мистер Фонтанелли.

— Ни в коем случае.

— Ради вашего фонда.

— Именно поэтому. Я не хочу делать премию смехотворной еще до того, как ее будут вручать в первый раз.

Кэртис с бездонно-глубоким вздохом отступил еще на шаг и ожесточенно тер подбородок, не сводя с Джона глаз.

— Одно предложение, — сказал он.

— Нет, — ответил Джон и уже собирался просто уйти.

— Я сниму вас вместе с мисс де-Бирс и призом. А решать вы будете потом, с готовыми снимками. Прошу вас. — Кэртис поднял руку, прежде чем Джон успел возразить. — Ради меня. Реноме фотографа меня обязывает.

— А с готовыми снимками вы будете меня обрабатывать до тех пор, пока я не соглашусь.

— Честное слово, нет. Могу дать расписку или при свидетелях, как вам будет угодно. Если вы скажете «нет», это будет последнее слово. — Кэртис лукаво улыбнулся: — Но вы не скажете «нет».

* * *

Через несколько дней после фотосессии — он протягивал богине Земли приз, так сказать, в надежные руки, стараясь при этом не пялиться на ее грудь, а вокруг без конца все вспыхивало и щелкало, — за завтраком он увидел газету, развернутую так, что сообщение, напечатанное на одной из последних страниц, было на виду. Кто-то даже подчеркнул его красным, Джон понятия не имел, кто. «Обвинение американской рок-звезды в торговле наркотиками оказалось безосновательными», — гласил заголовок. В тексте говорилось, что обвинения с Марвина сняты: подозрения не подтвердились.

— Не будьте наивны, Джон, — сказал Маккейн, когда Джон заявился к нему в кабинет и победно предъявил публикацию. — Ваш друг виновен, как Иуда. Мне пришлось дать взятки пятерым полицейским чинам и двум судьям, чтобы дело было улажено.

Джон посмотрел на него сокрушенно.

— *Взятки*? Да вы что!

— Я же сказал, что позабочусь об этом, так?

— Да, но взятки?.. — Джон казался себе ужасно провинциальным.

Маккейн терпеливо сложил ладони.

— Джон, ведь вы же не думаете, что мы смогли бы предотвратить появление заголовка вроде «Богатейший человек мира выкупает на свободу наркодилера»? Никакими деньгами мира. И как бы вам это понравилось?

— Не знаю. Но то, что теперь мы подкупаем людей, как какие-нибудь мафиози, мне совсем не нравится.

— Этого от вас никто и не требует. — Маккейн испытующе смотрел ему в глаза с такой интенсивностью, что Джон вздрогнул. В кабинете воцарилась тишина, будто ангел пролетел. — Совершенно нормально, что вам это не нравится, — сказал, наконец, Маккейн. Он говорил так тихо, будто ангел все еще сидел в углу комнаты. — Мне это тоже

не нравится. Но если надо, я буду давать взятки, буду врать на чем свет стоит, если это понадобится для исполнения пророчества. Вы можете это понять? Я посвятил этой миссии всю мою жизнь. Я бы душу за это продал, Джон. Я вполне серьезно. Мою душу.

Джон смотрел сверху вниз, как он сидит за своим письменным столом с телефонами и компьютерными экранами, в костюме, который был сшит для того, чтобы излучать значительность и силу. Но все, что в этот момент излучал Маккейн, было самоотречение, превышающее все человеческие меры. Он выглядел скорее как монах, иступленный в вере, чем как акула бизнеса.

Джон кашлянул, смятая газету.

— Да, — сказал он, и этот ответ показался ему убогим. Но все, что он смог сказать в довершение, было: — Спасибо. — И он вышел, избегая взгляда Маккейна.

* * *

Малькольм Маккейн действительно видел себя чем-то вроде монаха. Однако вечером этого дня, который, как всегда, до последней минуты был заполнен неустанной работой и решениями, которые приводили в движение тысячи людей и миллионы долларов, он почувствовал, что настало время сделать исключение.

Он выгнулся, потянулся, бросил взгляд на настенные часы, которые показывали время в основных городах мира. Потом взгромоздил папки с текущими документами поверх других стопок на его всегда перегруженном письменном столе, нырнул в пиджак, вынул кассеты из нескольких диктофонов и, уходя, погасил в кабинете свет.

Все секретарши давно ушли. Он распределил надиктованное по их столам и прошел к лифту, который доставил его прямо в подземный гараж.

За прошедшие десятилетия у него не оставалось ни времени, ни энергии, которых, на его взгляд, заслуживали настоящие отношения с женщиной, и поэтому он находил альтернативы для удовлетворения хотя бы основных физиологических потребностей. Одной из таких альтернатив было заведение, куда он после недолгого размышления и отправился. Заведение пользовалось доброй славой благодаря ис-

ключительной гигиене и абсолютному такту среди избранного круга клиентов, готовых платить за это по таким же эксклюзивным тарифам.

Его приветствовала хозяйка, со вкусом одетая дама лет сорока пяти, которую легко можно было принять и за руководительницу телефонного маркетингового агентства. Она никого не называла по имени или фамилии, но всех помнила в лицо.

— У нас много новых девушек, — сказала она. — Красивые молодые женщины из Азии и Африки...

— Да-да. — Маккейн не вполне понимал, что она хотела сказать. Он жил в стольких странах, рос с таким множеством людей разных национальностей и цвета кожи, что расизм был ему абсолютно чужд. То, чего он искал, никак не было связано с этим. Он медленно шел вдоль строя девушек, вплотную к ним, каждой испытующе заглядывая в лицо. Он видел равнодушные лица, тупые лица, алчные лица, иногда даже приветливые. Он знал, что непривлекателен — слишком грузный, слишком громоздкий, неповоротливый. Он шел от одной к другой, пока не обнаружил в глазах одной из них то, что выдавало ее мысли: *Не меня! Только бы не меня!*

— Ты! — сказал он, удовлетворенно отмечая ее испуганный вдох.

Она была стройная, но ничем не примечательная. Ему нравилось подниматься за ней по лестнице и видеть сопротивление в ее шагах. Его возбуждало, что он ей противен, но поскольку у него есть деньги, она все же раскинет перед ним ноги.

* * *

Начался май 1997 года. Британцы выбрали Лейбористскую партию и новое правительство во главе с Тони Блэром, и новый харизматический премьер-министр пообещал, что все станет лучше. Джон размышлял, отсматривая по телевизору новости, есть ли смысл пригласить как-нибудь и Блэра; по крайней мере выглядел он более симпатичным, чем его предшественник.

Фотографии, которые Кэртис сделал с Джоном Фонтанелли и Патрисией де-Бирс, были между тем готовы и, как

и предсказывал фотограф, приятно поразили Джона. После некоторого колебания и обсуждения с Маккейном он дал согласие на использование этих снимков в запланированной рекламной кампании.

В Hugemover опять начались проблемы. Профсоюз сыпал в привод песок, чиня скрытые диверсии бездельем и работой строго по предписанию — тем самым принуждая руководство к новым переговорам. Дональд Раш казался растерянным, когда обрисовывал эту ситуацию на телеконференции.

От лица Маккейна исходила мрачная угроза.

— Профсоюз в своей кипучей деятельности наверняка имеет ключевые фигуры — функционеров, подстрекателей. Вам известно, кто они?

— Да, — сказал Раш. — Конечно.

— Выгоните их.

Грузный американец выпучил глаза:

— Но... это противозаконно!

— Выгоните их, несмотря на это.

— А потом? Рабочие будут бастовать. И в этом случае я не имею права нарушить забастовку наймом посторонней рабочей силы. По действующему праву, во всяком случае.

— Тогда пошлите в цеха ваших конторских, — сказал Маккейн. — Инженеров, управленцев среднего и нижнего звена. Сами идите в цех и закручивайте гайти. — Он взял листок с цифрами о составе штата Hugemover. — И у вас будет пять тысяч рабочих с неполным рабочим днем, которых вы можете привлечь, не сталкиваясь с законом. Скажите им, что они должны постараться, если хотят сохранить работу.

— Но это же... — Раш смолк, прикусил губу и кивнул: — О'кей.

Маккейн сделал длинную паузу, едкую, как кислота. И затем сказал:

— Это вопрос прецедента. И мы его проведем. Вы поняли, Дональд?

Выражение лица Дональда Раша показывало его понятливость.

— Да, мистер Маккейн, — сказал он.

На следующий день в газетах сообщалось, что Hugemover уволил всех профсоюзных функционеров. Еще через день

завод бастовал, уверенный в победе, поскольку увольнения были противозаконны. То, что отдел продаж наденет синие рабочие комбинезоны, отдел кадров вооружится тяжелыми разводными ключами, а секретарши будут управлять вилочными погрузчиками, было дополнительным поводом для всеобщего веселья.

* * *

Проектор, установленный на торце огромного стола в конференц-зале, излучал на стену световую трапецию. Темнота сгустилась по углам помещения и затаилась там, как боязливое животное.

— А что вы скажете насчет великого шахматного поединка? — спросил Маккейн профессора Коллинза, который поправлял свои подложки на проекторе. — Человек против машины. Каспаров против *Deep Blue*?

Ученый поднял голову.

— Должен признаться, я лишь краем уха следил за репортажами. А как там обстоят дела?

— Все кончилось. Сегодня Каспаров проиграл последнюю партию, после девятнадцати ходов. Компьютер IBM, так сказать, стал чемпионом мира по шахматам.

Коллинз кивнул:

— И какого высказывания вы от меня ждете? Я думаю, что те, кому кажется задетой честь человеческого разума, неправильно воспринимают этот турнир. Мне это просто показывает, на что способен компьютер. Для чего компьютер вообще, для чего, в конце концов, любые машины: чтобы лучше человека выполнять специальные задания.

Маккейн улыбнулся:

— Хорошо сказано.

Доклад начался, как начинаются все доклады такого рода: с обзора итогов минувшего года. Джону приходилось сдерживаться, чтобы не зевать.

— Переезд в новое, просторное здание, — рассказывал профессор Коллинз, подложив в проектор снимок ни о чем не говорящего строения с плоской крышей, — очень позитивно сказался на нашей работе. Мы получили новых выдающихся сотрудников, несмотря на то, что из-за нашей засекреченности мы не так привлекательны для студентов и

докторантов, как нам хотелось бы. Что касается оснащения компьютерами, мы все заменили на машины RS-6000 и на UNIX в качестве операционной системы, все объединено в сеть и через систему Firewall подключено к Интернету; то есть что касается условий работы и мотивации людей, я могу утверждать, что лучше не бывает.

Маккейн милостиво кивнул. Джон откинулся назад и сдвинул свою папку на три сантиметра влево, просто так.

— И, — продолжал профессор Коллинз, — мы прошли первые процессы моделирования, способные дать результаты, и оценили их.

Джон заметил, как тонкие волоски на тыльной стороне его кистей встали дыбом, и поднял голову. В голосе профессора прозвучало нечто, пронзившее его насквозь. Это был не просто доклад. Исследователь будущего принес тревожные вести.

Коллинз выложил на проекторе пленку со сложными диаграммами, которые больше походили на электрическую схему, и нервно подвигал ее туда и сюда, пока не удовлетворился ее положением, несколько раз откашлялся и вернул себе прежний деловитый тон. Но он звучал как отвлекающий маневр.

— То, что мы переживали в последние десятилетия, — объяснил он, — было непрерывным ростом продуктивности и повышением жизненного уровня. Это элементарная взаимосвязь, поскольку независимо от других факторов средний жизненный уровень напрямую зависит от средней продуктивности. При этом речь идет о позитивном контуре регулирования, то есть развитие усиливает само себя: продуктивность, которая не используется для непосредственного поддержания жизни, можно инвестировать в образование, в развитие новых методов работы, благодаря которым продуктивность опять же нарастает, и становится легче освободить дальнейшую продуктивность, и так далее. Скачок продуктивности, которого добился в начале века Генри Форд, был обусловлен новыми технологиями — высокой производительностью труда на конвейере. Сейчас конвейер играет лишь подчиненную роль; доля тех, кто работает на конвейере, так же мала, как доля занятых в сельском хозяйстве. Выигрыш продуктивности сегодня до-

стигается за счет развития техники, внедрения роботов, химических вспомогательных средств, но главным образом за счет более высокого уровня образования и более изощренных технологий. Возникает даже мета-уровень, то есть развиваются методы развития улучшенных технологий — это области качественного управления, организации производства и так далее.

Маккейн боевито подался вперед:

— Но все это звучит чрезвычайно положительно.

— В неограниченной окружающей среде так бы оно и было. Но Земля не безгранична. И по мере роста производства нарастает — к счастью, не прямо пропорционально — и нагрузка на природные ресурсы. Сырье добывается все эффективнее, воздух, вода и почва быстро истощаются.

— А нельзя ли справиться с этим как раз за счет дальнейшего роста продуктивности? Я припоминаю, как в детстве я стоял на берегах рек, которые представляли собой вонючие, отравленные сливами химических фабрик клоаки; сегодня уже можно позволить себе очистку сточных вод, и в реках с некоторых пор можно стало купаться.

— На это нет простого ответа. Найдено много хорошо действующих технических решений. Последовательное очищение топочного газа от серы дает в итоге гипс такого высокого качества, что теплоэлектростанции вытеснили с рынка традиционные гипсовые шахты. Но очистка сточных вод, содержащих тяжелые металлы, оставляет в качестве отходов высокоядовитые, концентрированные вещества, которые слишком часто оказываются там, где они могут нанести огромный вред. Или вспомните о климатических изменениях. Все технологические решения сопряжены с расходом энергии, а расход энергии — это неизбежный разогрев: пробивающийся изо всех щелей мощный поток тепла может повлиять на земной климат в целом.

Маккейн хлопнул ладонью по столу, и этот хлопок разнесся по залу сигналом.

— Хорошо. Как выглядят ваши прогнозы? Если и дальше все пойдет так, как идет?

Подложка проектора сменилась. Новая картинка показывала филигранный клубок пересекающих друг друга кривых, некоторые из которых были отмаркированы толстым фломастером.

— Мгновенная, на первый взгляд кажущаяся позитивной тенденция будет какое-то время продолжаться, как минимум десять лет, скорее даже двадцать. При условии, если не случится политических искажений; наша модель пока недостаточно избирательна, чтобы предусмотреть такие моменты. Итак, нам предстоит дальнейший рост продуктивности и связанное с этим повышение общего жизненного уровня, в бедных странах выраженное слабее, в богатых сильнее. Рост продуктивности хорошо подпитывается сетевыми эффектами и интеграцией, одно за другим рушатся препятствия — такие, как границы, языковые барьеры, торговые ограничения и тому подобное, — несовместимость устраняется, освобождая резервы, которые раньше приходилось тратить на преодоление этих барьеров. Попросту говоря, мир срастается — хозяйственно, коммуникационно, культурно, во всех смыслах.

Маккейн кивнул:

— Честно говоря, я нахожу, что это не так уж плохо.

— В принципе я с вами согласен. Но ничто не обходится даром, а в данном случае мы расплачиваемся потерей прежней гетерогенности. В этом процессе наши общие системы жизнеобеспечения, будь они природного или технического свойства, становятся все уязвимее. Типичный эффект монокультур. Возьмите в качестве примера компьютерные вирусы. В слабо объединенном, несовместимом компьютерном ландшафте возникновение вируса не проблема — он паразит несколько компьютеров, другие этого даже не заметят. Другое дело, если мы имеем связанные в общую сеть высокоэффективные компьютеры, все с одинаковой операционной системой, все с одними и теми же программными продуктами. В нормальной повседневности это связь, о какой можно только мечтать, но как только появляется вирус, в мгновение ока сотни, тысячи, миллионы компьютеров заражаются, и вся система выходит из строя. Именно это и грозит системе наших жизненных основ.

— Компьютерный вирус?

— Нет. Крушение. Катастрофа. Срыв.

— Что это значит?

— Мы все сильнее напрягаем комплексно связанные системы, уже одним их растущим числом. Становится не-

избежным, что один из компонентов сети однажды переступит граничные значения и откажет. Отказ одного компонента окажет обратное действие на остальные системы, а поскольку общее напряжение высоко, с большой вероятностью и другие компоненты переступят свои лимиты и тоже откажут, и так пойдет дальше, как падают ряды костяшек домино, как только упадет первая костяшка. Срыв охватит систему в целом, и это произойдет непостижимо стремительно, по сравнению с обычной до сих пор скоростью изменений в системе.

Джон прокашлялся:

— Извините, пожалуйста. Что я должен представлять под этим конкретно? Что атомная электростанция взлетит в воздух?

— Нет, в качестве начала цепной реакции это было бы слишком слабое событие. Есть целый ряд мыслимых сценариев крушения, среди них и такие, которые может развязать и непосредственная активность человека. Например, атомная война или искусственно вызванная эпидемия. Большинство сценариев начинаются с отказа одного из природных ресурсов. — Он развернул карту мира, на которой были обозначены морские течения. — Наша текущая модель вычисляет в качестве побудителя катастрофы иссякание Гольфстрима.

При этих словах тьма, казалось, выползла из углов и придвинулась к ним.

— Гольфстрима? — эхом повторил Джон, не веря своим ушам.

Коллинз указал острием карандаша на соответствующие стрелки на карте.

— Северо-Атлантическое течение, как, собственно, называется Гольфстрим, приносит теплую воду из тропических широт к Европе, согревая и увлажняя холодные воздушные потоки из Арктики, прежде чем они достигнут континента, и чуть не до самого Урала обеспечивая равномерную температуру и равномерное выпадение осадков. Механизм, который гонит это течение, основан на различии содержания соли в морской воде и на разности ее температур. Чем дальше теплая вода продвигается на север, тем она становится холоднее, а из-за испарения в ней повышается

содержание соли. В конце концов она становится сверхсоленой и более тяжелой, чем то, что находится под ней; она тонет на морское дно и юго-западнее Гренландии низвергается на дно Атлантики мощным подводным водопадом. Тяга, которая при этом возникает, постоянно подсасывает новые теплые потоки из Мексиканского залива.

Джон вспомнил об их перелетах через Атлантику, о грандиозных видах бескрайних вод и попытался представить себе, о каких же гигантских движениях идет речь.

— Но ведь это колоссальный процесс, — сказал он. — Что же способно его затормозить?

— К сожалению, это очень легко устроить, — сказал Коллинз с пасмурным взглядом. — И я говорю не об *ослабевании* Гольфстрима, а о его *исчезновении*. Чтобы вызвать его, достаточно нагревания Северного полушария примерно на пять процентов. К чему мы движемся семимильными шагами. — Он положил в проектор другую диаграмму, состоящую из стрелок и формул, которые Джону ни о чем не говорили. — Я хочу в грубых чертах набросать этот процесс. Всеобщее потепление ведет, как известно, к усиленному таянию полярных льдов. В этой связи мы всегда думаем только о повышении уровня моря и радуемся, если живем не в портовом городе. Но что касается Европы, подъем уровня моря — еще не самое худшее. Гораздо весомее то, что полярные льды состоят из пресной воды. Пресная вода легче морской, поэтому она распространится по поверхности моря, и она легче замерзает. С началом зимы образуется тонкий ледяной покров, который изолирует теплую воду тропиков от арктического холодного воздуха, который больше не сможет ни согреться, ни увлажниться до того, как достигнет Европы. А поскольку, наоборот, тропические воды теперь не смогут испаряться, они не будут засаливаться, тяжелеть и опускаться на дно. Подводный водопад иссякнет, с ним прекратится тяга, которая подгоняла Гольфстрим. — Ученый посмотрел на своих слушателей: — В Европе воцарится такой же климат, как на Аляске или в Сибири — холодный, сухой, с надолго промерзающей землей. Здесь, в Лондоне, температура даже летом едва будет подниматься выше нуля. В Европе живет полмиллиарда людей — куда им идти, как прокормиться? Цепная реакция политичес-

ких, экономических и социальных процессов приведет к таким следствиям, которые будут означать конец цивилизации, какой мы ее знаем.

У Джона пересохло во рту, и он бы мог поклясться, что в помещении стало холоднее.

— И как воспрепятствовать этому? — спросил он.

— Остановить согревание Земли.

— А как остановить согревание Земли?

— Сократить выброс углекислого газа.

— А как... — начал Джон, но Маккейн перебил его.

— Нет, Джон, это функционирует не так. Это линейный путь решения проблемы, а в сетевых системах действуют нелинейные отношения. Если вы не рассматриваете систему в целом, вы будете принимать решения, которые одну проблему решают, зато порождают дюжину новых и усложняют две дюжины существующих. — Он взглянул на профессора: — Так или нет?

Коллинз кивнул:

— Рост числа атомных электростанций, например, существенно понизит выброс углекислого газа, но вероятность аварии с радиоактивным облучением обширных территорий заметно возрастет. — Он сделал неопределенный жест рукой. — Кроме того, эта модель показывает, что критические области все больше заостряются, и с течением времени побудителям катастрофы достаточно будет достичь и небольших величин. Пусть Гольфстрим сохранится, но десять лет спустя будет достаточно, скажем, большого землетрясения в Токио, чтобы рухнуло все мировое хозяйство и как следствие разразился голод такого масштаба, в ходе которого полностью разрушится вся экосистема — из-за отчаянных мер, таких, как беспощадный вылов рыбы, выжигание лесов и так далее. Независимо от этого вся цивилизация станет более подвержена эпидемиям — с одной стороны, из-за того, что возбудитель легче продвигается по современным путям сообщения и быстро распространяется по всему миру, с другой стороны, из-за того, что иммунная система все большего числа людей по множеству причин становится все слабее. И так далее. Я мог бы выложить перед вами целый список возбудителей катастрофы, но это только дезориентирует вас, ведь это всего лишь взры-

ватели, образно говоря. А собственно взрывчатка — это рост народонаселения, индустриализация, климатические изменения и так далее.

Тьма потекла по стенам, как черная кровь, когда он выключил проектор.

— Как многое из того, что вы нам сейчас рассказали, известно другим? — спросил Маккейн. — Правительствам, организациям — таким, как ООН и так далее.

— Трудно сказать, — ответил профессор Коллинз. — Вице-президент Ал Гор на удивление вовремя оказался в Белом доме, он сведущ в этих вопросах. Я думаю, американское правительство располагает теми же сведениями, что и мы. Во всяком случае в их решениях на первом плане стоят скорее национальные интересы, чем глобальные.

Джон положил ладонь на стол — из потребности взяться за что-нибудь, чтобы удостовериться, что это реальность, а не сон.

— Насколько все это достоверно? — тихо спросил он. Голос его потерялся в просторном конференц-зале, но не расслышать его было нельзя. — Насколько ваша программа надежна, профессор?

— Помимо основ, заложенных еще Форстером, Медоузом и так далее, наша модель опирается на работы Акиры Ониси, который сейчас разрабатывает *FUGI Global Model*. *FUGI* — это сокращение от *Futures of Global Interdependence*, упомянутый уже в названии признак будущего означает взаимодействие всего, что происходит. Это динамичная кибернетическая модель, отдельные части которой были разработаны выдающимися специалистами и которую мы откалибровали по историческим датам. Это значит, наши симуляции стартуют в 1900 году и должны выдать нам даты, которые согласуются с реально наблюдаемыми процессами до сегодняшнего дня. Если это достигнуто, мы исходим из того, что системные взаимозависимости установлены правильно, и поэтому пересчет в будущее является корректным.

Маккейн сцепил ладони:

— А эта модель, *FUGI*, выдает такие же результаты, что и ваша?

— Нет. Профессор Ониси работает для ООН; он сосредоточен на прогнозах будущих миграций и потоков бежен-

цев. — Коллинз трогал пальцами пленку, которая все еще лежала в проекторе. — Помимо того, в некоторых существенных пунктах мы приходим к другим выводам, чем он. В противном случае мы бы просто взяли его модель в готовом виде.

— Понятно. — Маккейн отодвинул свое кресло назад. Послышался скребуший звук, напомнивший Джону о похоронах его деда: когда могильщики накрыли гроб крышкой и стали ее привинчивать, был такой же звук.

Никто ничего не сказал. Тишина, казалось, сплывалась с тьмой. Становилось все холоднее — или это ему только чудилось?

— Было бы неплохо, — нервно нарушил молчание профессор Коллинз, — принять решение о том, что делать дальше. Публиковать ли результаты этого исследования...

— Нет, — тотчас ответил Маккейн. Он шумно набрал воздуха и вцепился в подлокотники кресла. — И без того опубликовано достаточно мрачных прогнозов. Это ничего не дает. Никто не хочет этого знать. Я, кстати, тоже. — Он вскочил из кресла, чуть не лопааясь от энергии. — Я хочу знать только, как мы сможем воспрепятствовать этому. Вот в чем эта модель может быть для нас полезной. Завтра вы еще в Лондоне?

— Да, — кивнул профессор Коллинз.

— Хорошо. Соберемся завтра рано утром. Принесите с собой этот толстый том, описание системы. Мы определим в ней все элементы, на которые мы можем повлиять через *Fontanelli Enterprises*, а также, насколько велико это влияние может быть. — Он шагнул сквозь темноту назад и вперед. — Вы проведете прогоны моделирования для всех комбинаций. До тех пор, пока мы не будем знать точно, какая стратегия поможет избежать катастрофы.

Профессор Коллинз шумно вздохнул:

— Надеюсь, вам понятно, сколько это будет прогонов? Перестановок такого рода набегает многие миллионы...

Маккейн остановился:

— Ну и что? Вы получите столько компьютеров и с такими скоростями, какие вам понадобятся. Я куплю вам *Deer Blue*, если вы с ним справитесь. Он просчитывал миллиарды всевозможных сочетаний. И выиграл! — Его глаза сверкнули. — Точно так же сделаем и мы.

Поезд ехал по мосту через Эльбу, перед окнами мелькали опоры. Отсюда был виден порт. Подъемные краны походили на стадо невиданных животных, пришедших на водопой к сверкающей реке. Гамбург, да почему нет? Урсула Фалендохнула на стекло и смотрела, как запотевшее место быстро истает. Раз уж она решила уехать из Лейпцига. Раз уж она ищет работу.

Для чего она приехала сюда? Что, она действительно хотела заниматься пиаром для торгового концерна? Нет. Правда состояла в том, что она искала выход.

Оглядываясь назад, теперь можно сказать, что то была ошибка — пытаться избежать неизбежного. Магазин электротоваров, который ее отец открыл сразу после объединения Германии, был его гордостью. Все шло хорошо, да. Но недостаточно хорошо. Наверное, ей следовало настоять на том, чтобы магазин переехал в другое, более дешевое помещение, еще до того, как она начала собственными деньгами затыкать дыры, которые открывались то там, то сям, и подписывать поручительства, за которые ей придется расплачиваться годами. Но... Не помогла никакая экспансия, ни новые сотрудники, ни реклама в трамвае. В конце концов ее отец все-таки закрыл дело, и еще хорошо, что смог устроиться на работу у одного из своих бывших клиентов.

Вот такой был расклад после двух лет тяжелой работы: все ее деньги кончились, долгов было выше крыши, а вместо докторантуры ей пришлось ограничиться магистерским дипломом, причем с такими оценками, что ее диплом едва стоил той бумаги, на которой был напечатан.

Но больше всего ее злило то, что родительский магазин доконали ужасные траты по уходу за дедом. И почему эти старые нацисты такие живучие? Восемьдесят восемь лет, а дед все еще крепкий, как кожа, и твердый, как крупновская сталь. Гитлеровское отребье! Он собирал вокруг себя старых маразматиков и натравливал их на руководство дома престарелых, тиранил санитаров-иммигрантов расистскими высказываниями, а то, что некоторые из них отказывались иметь с ним дело, наполняло его злорадством. Расплачиваться за все приходилось ее родителям. После объедине-

ния Германии дела с ним стали даже хуже. Во времена ГДР он хотя бы время от времени сидел в тюрьме.

— Вам надо было вовремя меня отравить, — ответил он на ее упрек, что он в очередной раз разрушил мечту ее жизни.

Урсула Фален не верила в Бога, но иногда ей в голову закрадывалось подозрение, что он все-таки есть, но не торопится призвать деда к себе, потому что тоже не хочет иметь с ним дела.

Ее окружил громадный вокзал, настолько схожий с Центральным вокзалом Лейпцига, что на мгновение ее охватил ужас, не вернулась ли она назад. Она влилась в поток других пассажиров и попыталась думать о предстоящем собеседовании, но перед глазами так и видела своих родителей. Старые и усталые люди, для которых она была единственным светом в окне. Ей больно было оставлять их в Лейпциге одних.

Она рассеянно изучала план подземки, отыскивая нужную линию. Кажется, в Гамбурге не так много изменилось с тех пор, как она была здесь в последний раз. Два года тому назад, совершенно точно. Тогдашнее ее посещение было урожайным, но все запросы, которые после этого приходили, она отклоняла — сама не зная почему.

Три часа спустя все было позади. Ей сказали, что позвонят ей, но таким тоном, который она уже научилась истолковывать правильно. Она вышла на улицу через большую стеклянную дверь-вертушку, остановилась, закрыла глаза и выдохнула, как будто все это время сдерживала дыхание. Она испытала облегчение. У нее оставалось целых полдня до отхода поезда.

— Едете в Гамбург? Непременно загляните там в *Paraplui Bleue*, — вспомнилось ей. — Это быстро рядом с Гусиным рынком. Его реклама — синий зонтик, его не проглядишь.

— И что же в нем такого особенного?

— Сами увидите, — сказал ей тот журналист, в прошлом репортер «Штерна», а теперь более крупный зверь в *Leipziger*.

Она действительно быстро нашла это быстро. Сбоку от людных пассажей Гусиного рынка балансировала безликая

кукла, подняв вверх синий зонтик, который то раскрывался, то складывался. Она вошла, огляделась. Пахло поджаренным хлебом и ветчиной, и она вдруг почувствовала, что проголодалась. Села на один из табуретов у стойки.

Мужчина за стойкой поставил на поднос две кружки пива, а потом повернулся к ней. Урсула выронила меню.

Это был Вилфрид ван Делфт.

— Что вы здесь делаете? — огорошенно спросила она.

Ван Делфт, казалось, был удивлен не меньше ее. Он поднял полотенце и криво улыбнулся:

— Работаю.

Она невольно оглянулась, ища полки, забытые рукописями, журналами и книгами, искала детские рисунки на стене, а видела только зонтики всех цветов и форм, стойки для зонтиков и в рамках — фотографии дождя в городе.

— Но...

Взгляд ван Делфта скользнул мимо нее. В его подбородке мигом появилось что-то стальное.

— Я сам собирался позвонить вам и поведать, что меня вышвырнули, — сказал он.

В два часа быстро заметно опустело, и у ван Делфта появилось время подсесть к ней за столик.

— Этот ресторан принадлежит моему брату и его жене. Удивительно доходное дело, — рассказывал он, иногда мельком улыбаясь. — Но, разумеется, это не совсем то, чем я хотел заниматься до пенсии.

Урсула Фален по-прежнему была молчалива. До разговора, когда она уже съела свой салат с жареной куриной грудкой и наблюдала, как ван Делфт записывал заказы, приносил их, пробивал чеки — все это с удивительной ловкостью, — в голове у нее теснилось множество вопросов. Но теперь из них остался лишь один:

— Почему?

— Официально, — сказал ван Делфт, — это было неизбежное сокращение в рамках внутренней реорганизации. — Он сделал паузу, которая недвусмысленно дала понять, что это еще не вся история и далеко не истинная. — Кого-то уволили за то, что он прихватил домой детям пригоршню шариковых ручек, рекламные подарки по тридцать пфеннигов за штуку. Они вели за ним слежку, пока не подловили хоть на чем-то. Такое и со мной могло произойти. В этом смысле мне просто повезло.

— Но кому пришла в голову эта безумная идея — такого человека, как вы, с многолетним опытом...

— Я мог бы процитировать Гамлета, но не стану. Методы ужасающе просты. Вы ведь знаете, что наш концерн, как уже скоро половина планеты за последние два года, куплен этим симпатичным вам, защищающим природу молодым наследником триллиона? Ну и я был настолько самонадеян, что пытался противостоять цензуре, которая с тех пор у нас установилась.

— Цензура?

— Никто, естественно, не звонит из Лондона и не диктует, что можно, а чего нельзя. Так грубо мог действовать разве что Геббельс или Рэндольф Херст, но сегодня? Нет, если сегодня кто-то хочет что-то убить молчанием, он про-

сто заполняет информационное место в СМИ чем-то другим, предпочтительнее всего пустяками и мелкими событиями, оправдываясь тем, что люди хотят читать именно это. А мы должны давать то, что люди хотят читать, в противном случае мы потеряем рейтинг и рекламные площади и погибнем в беспощадной конкуренции, все ясно, нет? И уже никто не узнает, что в Африке идет война, что существует в мире голод и такие-то и такие политические мнения. — Он двигал свой стакан по поверхности мраморного столика. — Все знают, какие темы там, наверху, якобы считаются деньгоносными и обеспечивающими рекламу, а какие нет. И если кого-то увольняют, для этого всегда находится хорошая нейтральная причина, формальный повод. Но любому ясно, что в действительности увольняют того, кто не нравится хозяевам в Лондоне.

Урсула разглядывала этого рыжеватою мужчину. Ван Делфт погружал с тех пор, как она видела его в последний раз, и больше не казался таким здоровым, как раньше. Она не знала, что ему сказать. И не хотела верить в то, что все обстоит так, как он сказал.

Ван Делфт испытующе смотрел на нее:

— Что, звучит параноидально? Как попытка оправдания неудачника?

Она пожала плечами:

— И что же вы такого натворили?

— Добился публикации репортажа о катастрофическом положении одного болгарского химического завода, принадлежащего группе Фонтанелли. Жуткий контраст к тем хвалебным гимнам, которые поют его действиям по защите природы и его концепции замкнутых циклов. Репортаж вышел, четыре страницы, семь цветных снимков, через неделю пошли разговоры о реорганизации, и к концу понедельника я оказался на улице. С выплатами, понятно. Но в моем возрасте это называется конец.

— Но ведь от этого за версту несет нечистым делом!

— Конечно. И *должно* нести. Как вы думаете, насколько осторожнее стали остальные — с их учащимися детьми и невыплаченными ипотечными кредитами? Это террор во всех смыслах слова. Террор, упакованный в бархатную ложь насчет давления обстоятельств и читательского рейтинга. — Ван Делфт посмотрел на свой стакан, решительно поднес

ко рту и опрокинул внутрь его содержимое — самую невинную воду. — Ладно, хватит плакаться. А что у вас? Что привело вас в Гамбург? Как ваша учеба?

Она коротко и рассеянно рассказала ему что могла.

Теперь настала его очередь иметь огорошенный вид.

— О, боже мой. Урсула! Ведь вы же хотели получить докторскую степень? Разобрать архив семейства Вакки и заново переписать экономическую историю последних пяти веков?

— Да. — Она отвела волосы со лба на затылок и подоткнула их там. Но тщетно, потому что заколки у нее не было. — Детская мечта. Вместо этого я писала прайсы и вела бухгалтерию. Я могу вам рассказать все про каблирование радиосети.

У него был озабоченный вид.

— Но ведь это же была ваша мечта. Вы говорили, что архив во Флоренции — дар небес...

Урсула Фален разглядывала край своего стакана, в котором отражались окна быстро.

— Дар небес... Да, тогда мне так казалось.

Кристофоро Вакки несколько раз звонил ей, чтобы спроситься, как у нее дела. Он никогда не пытался к чему-то ее принудить. Просто в какой-то момент перестал звонить и напоминать о себе.

— А теперь? Ведь самое трудное позади. Что мешает вам теперь написать докторскую диссертацию?

— Долги, например. Я должна зарабатывать деньги. И, кроме того, кто я такая? Одна из бесчисленных женщин с дипломом магистра, который им не пригодился.

— Вы женщина, которую Вакки допустили к своему архиву!

— Хотелось бы узнать почему. — Она смотрела в пустоту, думая о том дне, о рядах полок с бухгалтерскими книгами, запахе пыли и кожи, о завещании под стеклом... Она тряхнула головой: — Нет. Эта глава закрыта.

Ван Делфт хотел что-то возразить, но потом лишь задумчиво посмотрел на нее и сказал:

— Вам виднее.

Некоторое время они смотрели на прохожих за окнами, потом Урсула Фален тихо спросила:

— Неужто он правда стал таким могущественным? Фонтанелли, я имею в виду.

— Говорят. Я не настолько ориентируюсь в мире финансов, но иногда встречаю Джо Дженнера из экономической редакции — может, вы его помните, всегда шикарно одет, в таких очках под пятидесятые годы...

— Да. Кажется, я знаю, о ком вы говорите. Всегда с таким бледным лицом.

— Он всякий раз бледнеет еще больше, когда речь заходит о Фонтанелли. Он говорит, даже представить себе нельзя, какой возник гигант. Триллион долларов, говорит он, с самого начала был как куча взрывчатки, достаточная для того, чтобы разнести огромный жилой дом. Но Фонтанелли распределил эту взрывчатку по маленьким пакетикам, разместил их по стратегически важным точкам и соединил проводами. Теперь ему достаточно нажать на кнопку — и в воздух взлетит весь мир, образно говоря.

* * *

— Мы должны, наконец, что-то сделать, — сказал Джон и отодвинул тарелку. Жареная индейка с салатом осталась почти нетронутой. Сейчас тарелку унесут и вымоют, моющее средство вместе со связанными жирами стечет в канализацию. Все это попадет в ближайшие очистные сооружения, а о дальнейшем Джон не имел ясного представления. Со времени разговора с профессором Коллинзом конференц-зал отбивал у него всякий аппетит.

— Вы правы, — кивнул жующий Маккейн. — Но вначале мы должны узнать что.

Коллинз уехал с гигантским рабочим планом и с обещанием денег на десятикратное увеличение числа компьютеров, которые должны работать день и ночь, просчитывая миллиарды вариантов. Но даже если все они будут работать до изнеможения, первые результаты появятся только через три месяца — первые рекомендации действий.

С того вечера Джон плохо спал ночами, а днем его не отпускала нездоровая взвинченность. Он едва находил время почитать газеты, а вечерами иногда пытался просто напиться.

— Уже два года, — говорил он, разминая пальцы, — мы не делаем ничего, только скупаем фирмы. Но все, чего мы до сих пор достигли — это несколько тысяч тонн бланков на экологически чистой бумаге взамен обыкновенной. Но ведь задача состояла не в этом, а?

Маккейн кивал:

— Верно. Задача состояла не в этом.

— Будущее человечества. Вот в чем задача, да? Но если послушать профессора, с будущим покончено. Это лишь вопрос времени, когда конец наступит.

— Если ничего не произойдет.

— Но что должно произойти?

— Он это вычислит для нас.

— А потом? Сможем ли мы заставить это произойти? Располагаем ли мы какой-то властью? Можем ли мы вообще на что-то повлиять? Скажите мне.

Маккейн держал перед собой вилку и разглядывал ее зубья, будто впервые в жизни задаваясь вопросом, что это такое.

— Власть у нас есть, — тихо сказал он.

— Но какого рода власть? Мы же не можем двигать армиями? Мы не можем отдавать приказы на аресты людей. Мы можем только увольнять людей, и это все.

— Но вы же не хотите этого на самом деле — двигать армиями.

— Я только хочу знать, какого рода влиянием мы вообще обладаем.

— Понял. — Маккейн снова обратился к своей тарелке, отрезал кусочек жареного мяса и стал перемалывать его челюстями. — Понял, — сказал он еще раз. — Ну, хорошо. Нам не мешает показать когти. Поупражняемся в этом.

* * *

— Все азиатское пространство представляет собой сплошную проблему перенаселенности, — объяснял Маккейн перед большой картой мира, украшавшей стену его кабинета. — Китай кое-что предпринимает против этого, и даже на удивление эффективно, Индия тоже хотя бы пытается что-то сделать, хоть пока и без сопоставимого успеха. Но абсолютно безутешно все выглядит на Филиппинах. Здесь властвует римско-католическая церковь, практически любое средство предохранения считается грехом или запрещено, филиппинский *мачизм* требует от мужчин, чтобы они произвели на свет как можно больше сыновей, и люди размножаются так, что оторопь берет. — Он постучал пальцем по россыпи островков на карте. — Вот здесь и начнем.

Джон скрестил руки:

— Как я понимаю, запустив рекламную кампанию про нас как крупнейшего в мире производителя презервативов и противозачаточных пилюль.

— Это слишком дорого, слишком хлопотно, слишком долго, слишком недействительно. Вспомните, что я вам рассказывал про Международный валютный фонд. Вот рычаг. Мы весь этот регион — Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины и так далее — подвергнем финансовому давлению сконцентрированной спекулятивной атакой на их национальные валюты. МВФ будет вынужден вмешаться, предоставит им финансовую помощь, и одним из условий будет массивное ограничение рождаемости.

— Точно?

— Вы сами полетите в Вашингтон и сами выложите это директору МВФ как наше условие прекращения финансовых атак. — Маккейн улыбнулся: — У Камдессю у самого шестеро детей. Думаю, он не большой сторонник контроля за рождаемостью. Придется его подтолкнуть.

Джон смотрел на карту мира и пытался сглотнуть так, чтобы Маккейн этого не заметил. Он сам?.. Ну и миссия.

— И какого рода это будут финансовые атаки? — спросил он с пересохшим ртом.

— Почти все местные валюты завязаны на курс доллара и из-за этого переоценены с тех пор, как доллар вырос. Это уменьшает экспортные возможности, но большие кредиты, взятые правительствами и фирмами, исчисляются в долларах, и после девальвации те, естественно, не смогут их выплачивать. И чтобы обезопасить себя, они уже начали местную валюту менять на доллары. Что сделаем мы: будем по-крупному подписывать срочные контракты, доллар за местную валюту, со сроком действия от одного до двух месяцев. — Он поднял тонкий меморандум, в углу которого красовался логотип Фонтанелли и проходила красная косая линия, обозначающая его как конфиденциальный документ руководителя. — Наши аналитики уже все просчитали. Нам нужно выйти только на критическую величину таких контрактов, после чего их центральные банки будут вынуждены отказаться от привязки к доллару, обменный курс упадет, и мы сможем по срокам платежа рассчитаться

тамошней валютой дешевле, чем мы ее продали. Джордж Сорос однажды провел похожий маневр с британским фунтом и при этом между делом порушил европейскую валютную систему. Верный гешефт, который принесет нам, помимо сочувствия МВФ, еще и изрядную прибыль.

Джон взял меморандум, пролистал его, разглядывая графики и калькуляцию. Он спросил себя, когда же Маккейн успел дать аналитикам такое поручение. Или аналитический отдел непрерывно производит планы монетарных войн? Вполне может быть.

— А если МВФ не откликнется?

— Этого не будет. Он *должен* вмешаться, предоставить кредиты, как минимум в десятки миллиардов. Все это пойдет в новостях под рубрикой «Программа помощи», однако при ближайшем рассмотрении окажется, что все эти миллиарды нужны только для того, чтобы потечь в наши карманы. И в карманы тех, кто успеет вскочить на ходу в уходящий поезд. МВФ должен будет к нам прислушаться, иначе мы его просто высосем.

Невероятно! Джон вдруг снова почувствовал триумф. Выходит, что власть у них есть. Деньги остаются самой великой силой на земле.

Но отвратительное пятно портило картину победы.

— Но если это получится, то лишь потому, что эти государства испытывают финансовые трудности? От этого мы зависим?

— Нет. — Маккейн отрицательно покачал головой. — Если мы готовы потерять несколько миллиардов долларов, мы можем проделать это почти с любым государством на Земле, неважно, насколько оно прочно в финансовом отношении.

Отвратительное пятно исчезло. Джон прочитал последнюю страницу плана, просмотрел цифры. Над цифрами было указано: «*Все данные приведены в миллиардах долларов*». Большие числа.

— А вы уверены, что наших средств на это хватит? — спросил он.

Маккейн с ухмылкой взял меморандум у него из рук и вразвалочку прошел к своему письменному столу.

— Никто не говорит, что это должны быть наши средства. Нет, мы дадим только стартовый аванс. Я полечу в

Цюрих, на переговоры с банковским обществом. Благородные господа чрезвычайно открыты и готовы плясать под нашу дудку, инвестируя крупные суммы. Если я их еще вовлеку в нашу режиссуру, все начнется завтра же. А я их вовлеку, будьте уверены.

Джон слушал, и ему казалось, что он становится все легче и легче и того и гляди взмоет вверх.

— Звучит неплохо.

— Вам это подходит?

— Абсолютно.

— Тогда дайте отмашку, и все завертится.

Джон смотрел на Маккейна, изучая его темные, полные ожидания глаза, в которых полыхала неиссякаемая энергия, готовая броситься в мир и действовать в духе прорицания. Джон глотнул воздуха, попытался прочувствовать, что решающий момент наступил — если бы это было в фильме, тут зазвучала бы драматическая музыка, но это был не фильм, а действительность, — и сказал:

— Вперед.

Маккейн кивнул, нажал клавишу селектора и сказал:

— Договоритесь о времени встречи в Цюрихе. Сегодня вечером. И позвоните пилотам. — Он отпустил клавишу и улыбнулся: — Начинается.

Возникла странная пауза, оба молчали.

— Эм-м, — произнес Джон. — На сегодня это все?

— Да, — кивнул Маккейн.

— Хорошо. Тогда, эм-м, я желаю вам успеха и...

— Спасибо. Не беспокойтесь.

— Все ясно. — Джон смущенно повернулся, чтобы уйти, но медлил, тогда как Маккейн только и ждал, когда его оставят в покое. Чтобы снова просмотреть документы и подготовиться к встрече. — Завтра снова увидимся?

— Думаю, да.

— Ну, тогда приятного полета.

— Спасибо. Да... — Маккейн вдруг что-то вспомнил, когда Джон уже был в дверях. — Есть еще одно дело. Нам надо его срочно уладить.

Джон обернулся:

— Какое?

— Я уже давно хотел с вами об этом поговорить, но все не до того было...

Джон медленно вернулся к письменному столу. Маккейн откинулся назад, скрестил на груди руки:

— Эти люди из банковского сообщества в последний раз задали мне вопрос, который мы и сами давно должны были задать себе, — Маккейн пронзительно смотрел на Джона.

— Ну-ну?

— Что будет с *Fontanelli Enterprises* в случае вашей смерти?

Джон смотрел на этого грузного человека за письменным столом, и у него появилось чувство, что и себя самого он видит со стороны. Как будто все происходящее было нереально.

— Моей смерти? — услышал он самого себя. — А почему я должен умереть?

— Это банкиры, Джон. Банкиры хотят гарантий.

— Я исполняю предсказание. Божью волю. Он не даст мне умереть, пока я не управился.

— Я боюсь, — сказал Маккейн, подняв брови, — что цюрихские банкиры не настолько богобоязненны, чтобы проникнуться логикой этого аргумента. — Он сделал быстрое движение рукой, будто отгоняя назойливую муху. — Вы должны их понять, Джон. Если они будут инвестировать под нашу дудку, они должны быть уверены, что план будет доведен до конца. Они не хотят, чтобы в случае вашей смерти состояние унаследовали ваши родители и все подарили бы, предположим, Красному Кресту, понимаете? И я могу их понять. Неважно, справедлива ли тревога этих людей или нет, они тревожатся — и это превращается в нашу проблему, становясь нам поперек дороги.

Джон кусал губу.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

— Долгосрочное решение состоит в том, что вы женись и родите детей. Тогда мы сможем сослаться на то, что есть наследники, которые, естественно, получают наилучшее воспитание и образование и когда-то смогут возглавить концерн. — Маккейн поднял руки и расставил их перед собой, как рыбак, рассказывающий о своем улове. — Но это, как я сказал, долгосрочное решение. На это вам понадобится несколько лет. Но я должен сослаться на что-то в разговоре с банкирами уже сегодня вечером.

У Джона все еще оставалось чувство нереальности происходящего.

— Но до сих пор этот вопрос ни разу не поднимался.

— До сих пор мы имели дело с бедняками. А это банкиры, Джон, люди, у которых вместе больше денег, чем у вас. Даже если бы мы снова продали весь концерн, у вас было не больше капитала, чем эти люди готовы предоставить в наше распоряжение. Деньги вкладчиков, Джон. Я же вам объяснял, что в этом ключ.

Джон кивнул.

— Да, но я не представляю, как мне до вечера обзавестись женой и ребенком, — сказал он, боясь, что Маккейн мог заранее приготовить и такой вариант — мгновенную женитьбу с усыновлением ребенка, например.

Маккейн отрицательно покачал головой.

— Вам не нужны жена и ребенок, вам необходим наследник. А этот вопрос решается быстро и просто. — Он достал из ящика стола лист бумаги, взял авторучку и протянул все это ему. — Составьте завещание и укажите меня в качестве вашего наследника.

— Вас?

— Стоп, — сказал Маккейн, предостерегающе подняв руки. — Не поймите меня неправильно. Речь идет лишь о том, чтобы мне было что показать банкирам. А поскольку они меня знают, для них будет самым убедительным, если вашим наследником назначаюсь я.

Джон смотрел на белый лист бумаги, на ручку.

— Это что, — медленно спросил он, — снова очередной тест? Урок обращения с могуществом?

— Хороший вопрос. Ответ: нет. Вы можете не делать этого. Я попытаюсь убедить банкиров иначе. Хоть и не знаю как. — Маккейн положил руки на стол ладонями вверх и строго взглянул на него.

Джон смотрел на него, чувствуя себя грязным, беспомощным, жалким. На протяжении какого-то мига он заподозрил, что Маккейн хочет его убить, но тут же почти утятился этой мыслью. Почти.

Он сел, подтянул к себе лист бумаги, взял ручку и свинтил с нее колпачок.

— Значит, это, как говорят, *pro forma*?

— Да.

— Что я должен написать?

— Я вам продиктую. Вначале заголовок. *Моя последняя воля.*

Джон было начал писать, но остановился.

— А не лучше ли напечатать это?

— Наоборот, тогда это будет недействительно. Завещания пишутся от руки.

— Но у меня ужасный почерк.

— Это не имеет значения. Важно лишь то, что это ваш почерк.

— Ну, если вы уверены... — Джон снова начал писать и снова остановился. — А что с моими родителями? Могу я вписать сюда, что вы берете на себя их пожизненное содержание?

Маккейн вздохнул:

— Да сколько угодно. Да, напишите это. И упомяните также ваших братьев. Но сейчас не сосредоточивайтесь на этом. Пока это лишь бумажка, которую я должен предъявить на сегодняшнем заседании, не более того. Как только появится на свет ваш ребенок, вы перепишите завещание в его пользу, и тогда все встанет на свои места.

Джон хмыкнул. Все это ему совсем не нравилось. Пальцы, сжимавшие ручку, побелели на кончиках. Может, оттого, что мысли о своей смерти он отодвигал подальше, для него было шоком, что ему вдруг пришлось сегодня заниматься этим вопросом? Его смерть, гибель будущего, гибель человечества... Как его во все это втянули? Где те беспечные дни, когда он не думал ни о прошлом, ни о будущем? Все в нем сопротивлялось, ему хотелось вскочить и бежать прочь, он не хотел думать ни о смерти, ни об оледенении, ни об озоновых дырах, эпидемиях и войнах.

— Пишите, — сказал Маккейн.

И Джон стал писать. *Я, Джон Сальваторе Фонтанелли, находясь в своем уме и трезвой памяти, выражаю мою последнюю волю...*

— Спасибо, — сказал Маккейн, когда Джон поставил подпись и подвинул лист к нему.

* * *

Весь май и июнь финансовый рынок сотрясали спекулятивные атаки на тайландскую валюту бат. Таиланд и Сингапур сообща пытались поддержать бат, но все равно в начале июля правительство прекратило борьбу и отказалось от привязки бата к доллару США.

8 июля 1997 года центральный банк Малайзии сделал интервенцию в пользу ринджита, местной валюты, попавшей под мощное давление, но через две недели Малайзия тоже капитулировала, а вслед за ней и Индонезия. Курс акций на здешних биржах неудержимо обрушивался.

11 августа Международный валютный фонд в Токио опубликовал программу помощи Таиланду в виде кредита в шестнадцать миллиардов долларов, финансируемую частично МВФ, частично соседними странами.

— А что с Филиппинами? — спросил Джон.

— Они уже давно под опекой МВФ, — сказал Маккейн. — Мы управились разом со всем регионом.

* * *

Во всех крупных журналах мира в эти недели появились цветные рекламные объявления на всю страницу, в которых возвещалось об учреждении нового благотворительного фонда, *Fontanelli Foundation*, который ежегодно будет вручать *Гея-премию* за природозащитные и ориентированные на будущее проекты предприятий. В качестве членов жюри были названы пять именитых ученых из пяти частей света. Образ *Геи*, Матери-Земли, воплощала в этих объявлениях знаменитая фотомодель Патрисия де-Бирс.

Второй каскад объявлений показывал, как Джон Фонтанелли, «наследник триллиона», передавал приз в верные руки *Геи*. Джей Лено был первым, кто в своем позднемночном шоу всех насмешил, показав это объявление со словами: «Красавица и чудовище!» Эти слова разошлись по свету и варьировались, мотив объявления карикатурно обыгрывался в скетчах и комиксах, и Маккейн уже начал беспокоиться за имидж Джона Фонтанелли в глазах общественности.

Во всех индустриальных государствах провели социологический опрос, что люди думают о Джоне Фонтанелли. Оказалось, шутки и анекдоты усиливают внимание к природозащитной деятельности Джона Фонтанелли. Прохожий с улицы воспринимал Джона Фонтанелли как человека, который всерьез озабочен будущим планеты и достаточно богат и могуществен для того, чтобы превратить свою озабоченность в материальные факты.

— Великолепно, — сказал Малькольм Маккейн и запустил еще одну серию плакатной рекламы.

Урсула Фален увидела такой плакат на длинном строительном заборе, когда ехала к себе домой, навестив родителей. Это разбудило в ней неприятные воспоминания о том, как с ней говорили свысока, в унижительной для нее форме. Потом ее подрезал «Порш», перестроившись в ее ряд, даже не помигав и заставив ее резко затормозить. Она негодуяше посигналила и помахала вслед наглецу руками, забыв про плакат.

Дома она обнаружила, что разносчик газет — мало того что всегда приносит газету поздно, — так небрежно сунул ее в ящик, что она выпала и теперь валялась на полу, распавшись. Ну, ничего, она уже и так знала, что произошло в течение дня. Она подняла пыльную газету и понесла ее к мусорному баку. На одном из листов снова была рекламная фотография с Джоном Фонтанелли, разыгрывающим из себя ангела-хранителя окружающей среды.

— Это уже не спасет мир, — буркнула она и сунула газету в бак.

Но он уже не шел у нее из головы.

Она поднялась по лестнице в свою маленькую квартиру-мансарду. Открыла окна, чтобы комната проветрилась, бросила сумку в угол и поставила чайник. Взяла чашку, положила ложку растворимого кофе. Поставила пластинку. И нерешительно стояла у плиты, дожидаясь, когда закипит вода. Залила кофе. Положила на тарелку немного печенья и яблоко.

Подошла к стеллажу у своего письменного стола, порылась в папках на нижней полке и нашла то, что искала. Все было в целости и сохранности. Она давно забыла про добычу из Флоренции, завалила эти папки и ни разу за несколько месяцев про них не вспомнила. Между тем все лежало в двух шагах от нее, скрепленное и прошитое.

Она отпустила зажим на бумагах. Джон Сальваторе Фонтанелли давно был темой для экономических редакций, а не предметом рассуждений студентки исторического факультета. Но это не значило, что все вопросы, касающиеся истории, уже были прояснены.

Например, вот это. Она разглядывала фотокопии, которые сделала в тот раз со счетоводных книг Джакомо Фонта-

нелли и Микеланджело Вакки. Счетоводные книги Вакки были образцовыми, с четким заполнением всех граф. В книгах Фонтанелли, напротив, царил полнейший неразбериха из записей во флоринах, цехинах, талерах, грошах и пфеннигах, местами целые абзацы были зачеркнуты, испещрены пометками и дополнительными вычислениями. Даже самый великодушный ревизор свернул бы этому купцу голову.

Дивясь неряшливой бухгалтерии Джакомо Фонтанелли, она чуть было не пропустила один странный факт.

Книги Вакки начинались 1 февраля 1525 года с состоянием счета в триста флоринов и пометкой, что эта сумма получена в целости и сохранности. Один флорин, *florino d'oro*, состоял из трех с половиной граммов золота. По действующей цене доллара на лондонской бирже триста флоринов соответствовали, таким образом, ровно десяти тысячам долларов США — сегодня это не много, но в те времена было внушительным состоянием.

Книги же Джакомо Фонтанелли завершались пятым января 1525 года — несколькими итоговыми цифрами в различных валютах, пересчитанных друг в друга и в сумме действительно составлявших около трехсот флоринов, но не разнесенных по валютам: было несколько сумм в цехинах, целый ряд сумм во флоринах и так далее. И после каждой цифры стояло, хоть и неразборчиво, имя. Она тогда еще подумала мельком, что бы это могло значить, но так и не спросила.

Теперь же у нее вдруг возникло подозрение, настолько невероятное, что у нее дыхание пресеклось.

Она полистала назад, пробежала глазами по графам, взяла блокнот и калькулятор и попыталась все пересчитать. Разве так могло быть? Разве могло быть, что за эти пятьсот лет она была первой, кому пришла в голову эта мысль?

Суммы, которыми завершались книги Джакомо Фонтанелли, обозначали не его имущество, а его долги, а имена после цифр были именами тех, кому он был должен означенные суммы. Флорентийский купец был в 1525 году банкротом.

В начале августа бастующие Hugemover капитулировали. Они месяцами устраивали пикеты у ворот, выставляли транспаранты и раздавали листовки, а в цехах между тем продолжалось производство, причем продуктивность даже выросла. В конце концов они объявили забастовку оконченной и приняли трудовые условия, которые за это время еще раз ужесточились; они объявили, что согласны с тем, что зарплата понизилась и что при необходимости они будут работать по двенадцать часов в день, включая и выходные, без дополнительной оплаты.

— Меня просто предали, — сказал по телевизору токарь, проработавший в Hugemover 27 лет. — Моя фирма решила меня напоследок добить.

У Джона комок стоял в горле, когда этот человек говорил. Он глянул на Маккейна:

— Неужто правда нужно было действовать так жестко? Из-за каких-то нескольких процентов прибыли?

Маккейн бросил на него пренебрежительный взгляд.

— Во-первых, проценты никогда не бывают «какими-то». Вам ли этого не знать после того, как вы получили свое состояние благодаря «какой-то» четырехпроцентной ставке. Во-вторых, — сказал он и мрачно выдвинул челюсть вперед, — мы пришли не для того, чтобы делать людей богатыми и счастливыми. Этот человек, — он кивнул головой в сторону телевизора, — имеет и еды вдоволь, и крышу над головой, и многое другое, чего лишены миллионы людей на этой планете. Мы здесь для того, чтобы спасти будущее человечества, а это будет тернистый путь, если он вообще есть. От людей придется отречься, и они с этим смирятся. Одни усвоят этот урок раньше, другие позже. Это правда, хотя я никогда не высказал бы ее перед телекамерами.

Джон кивнул, глядя на экран, где люди сначала повесили, а потом подожгли чучело Дональда Раша. Он понимал людей и их ярость, но он также понимал, что они не видят главных взаимосвязей. Он чувствовал, что все неправильно, все отвратительно, но альтернативы не было.

Победу они одержали. Хотя она и была невкусной.

Вскоре после этого Джон Сальваторе Фонтанелли, богатейший человек мира — все еще, и даже богаче, чем был — полетел на переговоры с управляющим директором Международного валютного фонда в Вашингтон. В газетах уже стало расхожим понятие «азиатский кризис»; по последним сообщениям, под давление попала и индийская рупия, и южнокорейский вон.

Самолет Джона приземлился в аэропорту Вашингтона с особым приоритетом, и его препроводили в охраняемую зону, где уже стояли в ожидании три черных лимузина с тонированными стеклами, один из которых должен был отвезти Джона к резиденции МВФ, тогда как остальные должны были отвлекать ожидающих фотографов и репортеров. Джон успел лишь мельком глянуть на здание МВФ, неуклюжую громадину из стали и бетона, с особым оформлением окон на верхнем этаже — они походили на вентиляционные шахты, — прежде чем машина въехала в подземный гараж, откуда его и сопровождавших его юристов и специалистов — через коридоры и лифты — проводили в просторное помещение для переговоров. Там их ожидал хорошо одетый человек с короткой седой стрижкой и ледяным рукопожатием.

— Меня зовут Ирвинг, — сказал человек тихим, выверенным голосом. — Роберт Ирвинг. Мистер Камдессю передает вам сердечный привет и глубокое сожаление, что по личным причинам не сможет сегодня присутствовать. Все полномочия говорить с вами он передал мне.

Джон слышал, как его сопровождающие недовольно откашливались. Один наклонился и шепнул ему на ухо:

— Отговорка, сэр. Мы должны перенести встречу на другое время и улететь.

Но такой вариант был для него неприемлем. Он и так весь полет бегал в туалет от нервозности и не хотел ничего откладывать.

Кроме того, обсуждать-то было нечего — он скажет, что собирался, и все. Джон водрузил на лицо улыбку и сказал:

— Очень приятно.

И они сели за стол, Джон и его сопровождающие по одну, Ирвинг и его штаб — по другую сторону. Одно место на стороне МВФ оставалось пустым.

— Один из моих сотрудников подойдет чуть позже, — сказал Ирвинг. — Начнем без него.

Шорох папок, отвинчивание колпачков чернильных ручек, разворачивание блокнотов. «Помните о том, что вы контролируете как минимум в десять раз больше денег, чем валютный фонд, — настраивал его Маккейн. — У них есть все основания бояться вас». Джон откашлялся и сказал вступительное слово, которое отрепетировал вместе с Маккейном. Что они с тревогой наблюдают за развитием в Азии. Что он имеет в виду не финансовый кризис, а аспект долгосрочного развития. Что особенным поводом для тревоги является рост населения на Филиппинах.

— Как вы знаете, я прилагаю усилия, чтобы выполнить старинное пророчество, — сказал Джон, чувствуя при этом, как его сердце грозит вырваться из груди. — Я хотел бы просить вас поддержать нас в этих усилиях. Эта просьба не кажется мне самонадеянной, потому что, в конце концов, нашей целью является общее благо. — «Вы можете позволить себе разговаривать мягко и выражать вежливые просьбы, — говорил Маккейн. — Вы настолько могущественны, что вам не нужно ничем грозить, помните об этом». — У нас есть возможность остановить кризис азиатского финансового рынка. Мы предлагаем сделать это, если МВФ дополнит свой список регуляционных мер в этом регионе одним компонентом демографической политики, иначе говоря, позаботится о том, чтобы там был разрешен и проводился активный контроль за рождаемостью. — Даже не кивок, а лишь короткий взгляд, и один из адвокатов протянул ему по столу подготовленный документ. — Подробности изложены в предложении, которое разработали наши эксперты.

Бумагу передали дальше, пока она не дошла до Ирвинга, и тот ее бегло пролистал и отложил в сторону, чтобы закурить следующую сигарету. Три окурка уже лежали в его пепельнице.

— Для меня это звучит так, — сказал он, высекая из зажигалки только искры, потому что слишком торопился, — будто крупный производитель презервативов и противозачаточных пилюль — каким вы, кстати, и являетесь, если меня правильно информировали, — осваивает новый рынок сбыта.

— Чепуха, — сказал Джон. Это прозвучало грубее, чем он рассчитывал, но пошло на пользу, так как некоторые из них вздрогнули.

— Помимо того, что МВФ как международная организация не может принять никаких предписаний от фирм частной индустрии, — продолжал Ирвинг, — такого рода меры выходят за рамки, обычные для интервенций. Я не хочу оспаривать благородные цели вашего предложения. Что касается демографической политики, то, насколько мне известно, эксперты расходятся во мнениях, как оценить современное состояние. Я думаю, все решения по этим вопросам должна принимать каждая нация, это ее внутреннее дело.

Джон растерянно смотрел на худощавого, седого человека. Он почти слово в слово сказал то, что и Маккейн, который в их вечерних репетиционных дискуссиях играл роль управляющего директора МВФ.

— Это ваша точка зрения, — ответил он так, как он это делал уже много раз. — Но мы придерживаемся других взглядов. Через несколько месяцев мы представим результаты самого сложного компьютерного моделирования глобальных взаимосвязей и развитий, какое когда-либо было принято. И хоть в настоящий момент подробности еще не уточнены, мы можем исходить из того, что огромные усилия по ограничению рождаемости станут неизбежны. И чем скорее мы это начнем, тем будет лучше. — Хорошо. Лучше, чем у него получалось перед Маккейном.

Ирвинг ничего не сказал, лишь затягивался своей сигаретой и потом держал ее перед собой, наблюдая, как накал снова бледнеет. Кольцо дыма, которое он выпустил, было безупречной формы.

— Вы не думали о том, что ваши слова и то, *как* вы их сказали, может прозвучать как попытка шантажа?

— Я хочу лишь сказать, что у меня есть влияние на спекулянтов и инвесторов, которые определяют события в Азии. И я предлагаю вам воспользоваться моим влиянием в ваших интересах, если вы, со своей стороны, употребите ваше влияние в моих интересах. В моем понимании я предлагаю вам сделку, и ничего более.

Ирвинг отрицательно потрянул головой — быстрым, едва уловимым движением.

— Это не может обсуждаться. Такой образ действий лежит вне области нашей компетенции.

Джон почувствовал что-то похожее на боль в животе. Что он тут, собственно, делает? Три года назад он развозил пиццу, и его единственной заботой было заплатить за квартиру. Разве это было не лучше, чем биться с такими людьми и обсуждать с ними демографическое развитие на Филиппинах? Его внезапно покинули силы сражаться против этого холодного, неуязвимого человека на другой стороне стола.

— Я сказал все, что хотел сказать, — тускло произнес он, испытывая только одно желание — уйти.

В этот момент открылась дверь. Последний советник, которого не хватало на стороне Ирвинга, вошел, широко улыбаясь, и, обойдя вокруг стола, протянул Джону руку:

— Хэлло, Джон. Давненько не виделись.

Это был Пол Зигель.

* * *

Начиная с какого-то времени Урсула Фален уже не знала, отчего у нее лопается голова — от немилосердной августовской жары или от бесконечных вычислений. Ее окружали фотокопии бухгалтерских книг Джакомо Фонтанелли, ярко светясь в солнечном свете. Ее блокнот был из серой экологичной бумаги и не светился, но капли ее пота расплывались на этой бумаге, как на промокашке.

Она не могла ошибиться. Только бы не осрамиться, если в расчете окажется ошибка. Проклятье, они изучала историю, и в этих вещах ей полагалось разбираться. Итак, еще раз с начала. Финансовое дело в Средние века — это значило монетное дело. Карл Великий построил его на серебре, фунт, или 384 грамма, поделенный на двадцать солиди, называемых также шиллингами, которые, в свою очередь, делились на двенадцать денариев или пфеннигов. В 1252 году Флоренция начала чеканить монеты из золота, где на лицевой стороне был герб города, лилия, а на обороте — портрет Иоанна Крестителя: *fiorino*, позднее названный флореном, или флорином, тогда как в немецких странах про них говорили *goldener*, или гульден, а потом стали так называть и те монеты, которые чеканили сами. Золотой фло-

рин содержал три с половиной грамма золота и соответствовал в 1252 году двадцати солиди, а в 1457 году — ста восьмью.

Был также серебряный флорин, *fiorino d'argento*, который равнялся по стоимости двум третям талера, но что, черт возьми, означал в этой связи талер? Цехин был подражанием флорину в Республике Венеции, он назывался еще дукатом. В Северной Европе был в ходу грош, который по стоимости равнялся четырем пфеннигам.

Полный хаос, черт бы его побрал. Она швырнула книгу вместе с блокнотом и ручкой на пол и почувствовала острейший импульс все собрать, все эти папки, и отнести вниз в мусорный контейнер.

Если бы еще не эта жара! И не эта головная боль. Она встала, добралась до холодильника и влила в себя холодно-го чая прямо из пакета.

В двенадцатом столетии в Генуе и других итальянских городах были образованы первые банки, которые принимали деньги и платили за это проценты, а купцам, ремесленникам и дворянам выдавали ссуды. Уже давно было заведено отдавать деньги на хранение менялам и отправляться в путешествие лишь с квитанциями на внесенный вклад, а то и расплачиваться этими квитанциями, то есть векселями. В четырнадцатом веке венецианские банки впервые стали допускать, чтобы клиенты брали больше денег, чем было внесено, в пятнадцатом веке во всей Западной Европе были введены арабские цифры и купеческие счета, а в Италии развилась двойная бухгалтерская запись. Но Джакомо Фонтанелли ее не использовал. Его книги велись вообще без какой-либо внятной системы.

Что, если в следующие годы он образовал накопления, которые в позднейших балансах больше не отражались — чтобы избежать налога или просто так, из-за неряшливости? С ним могло стать. Поскольку она скопировала далеко не все его счетоводные книги, это значило, что ей не миновать еще одного посещения архива.

Конечно, если ей нужна ясность.

Что, опять во Флоренцию? Рассказать Вакки то, чего они наверняка не хотели бы слышать? Она смотрела, как пыль кружилась в луче света, косо падающем через окна

крыши. Не долго думая, без колебаний, как стрелок из лука, который становится единым со стрелой и с центром мишени, и остается только произвести выстрел, она взяла записную книжку, нашла номер Кристофоро Вакки, подошла к аппарату и набрала.

— Разумеется, синьора Фален, — тотчас сказал Кристофоро Вакки. Голос его звучал устало — или печально, это трудно было определить, — но он, несомненно, обрадовался ее звонку. Ни слова о прошедших двух годах, ни одного вопроса о причинах такого промедления, ни единого укора. — Приезжайте, когда вам будет удобно.

* * *

Зал был не очень просторный, а скругленные углы делали его еще меньше. Овал стола замыкал свободное место посередине, походившее на арену, и серые кресла на колесах окружали все это в три ряда. В торце зала топорщился белый занавес; нельзя было определить, что он скрывает.

— Здесь заседает исполнительная дирекция, трижды в неделю, — сказал Пол, коротко кивнув в сторону стен, обшитых светлым деревом и частично обитых белой тканью. Он посмотрел на Джона и помотал головой. — Надо же! Чтобы мы встретились именно здесь?

— Да. Нарочно не придумаешь, — кивнул Джон.

— Я всегда жалел, что меня тогда не оказалось дома, когда ты позвонил из отеля «Уолддорф». Я как раз был в Японии. Когда вернулся, про тебя уже говорили во всех новостях, и я подумал, что мне уже не надо перезванивать.

— Да, уже не имело смысла.

Пол полез в карман и достал футлярчик с визитными карточками.

— Но я поклялся, что дам тебе номер своего мобильного телефона, если мы когда-нибудь снова встретимся. И теперь я эту клятву исполню. Нет, ничего не говори, клятва есть клятва, и кто знает, вдруг у тебя снова случится что-то в этом роде... — Он написал телефонный номер на обратной стороне карточки и отдал ее Джону.

Джон посмотрел на внушительную монограмму МВФ и не менее впечатляющий титул под именем Пола, перевернул карточку, прочитал номер телефона и вздрогнул:

— Вот это да.

Пол как раз всовывал шариковую ручку в специальное ушко своей записной книжки.

— Что? Что я дал тебе мобильный телефон? Говорю же тебе, я без него ни на шаг. Как только появятся аппараты, которые можно вживлять в руку, я буду первым на такую операцию.

— Нет, я имею в виду сам номер. Это ведь дата твоего рождения. Как ты это устроил?

Пол поднял брови:

— Ну, это очень просто. Я с самого начала был первым, и выбор номеров тогда был свободный.

— Легко запомнить.

— Только тому, кто меня знает.

Они сели — Джон на кресло русского директора, Пол на кресло директора из Саудовской Аравии — и восполнили пробел последних трех лет: с тех пор как в последний раз сидели вместе в квартире Пола в Вест-Вилледж на Манхэттене и у Джона за душой не было ни гроша, только долги перед всем миром. Два года назад Пол, после разрыва недолгих любовных отношений, сменил работу и переехал в Вашингтон. Поэтому Джон уже и не смог бы его найти. Вот и все, что рассказал Пол. На нем были новые очки, они ему очень шли, его непокорные темные волосы были подстрижены по-новому, что шло ему не очень, во всем прочем он остался таким, как был — воплощением интеллекта, вошедшего в плоть и кровь.

Джону понадобилось больше времени, чтобы рассказать обо всех изменениях в его жизни, и когда он управился, Пол смотрел на него долго и молча.

— Не знаю, завидовать тебе или сочувствовать, — наконец признался он. — Правда. Триллион долларов, боже всемогущий! Поди узнай, то ли это наказание, то ли проклятие. — Он засмеялся. — Но хотя бы мне не нужно больше беспокоиться, не умер ли ты от голода.

Джон тоже засмеялся. Вдруг снова все стало как раньше. Когда они сидели на развалинах дома на Тринадцатой улице, обмениваясь познаниями и догадками о том, как устроены девушки.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил он. — Строго между нами.

— О чем? О твоём филиппинском предложении?

— Обо всем. О том, что я делаю с деньгами. О Маккейне. О *Fontanelli Enterprises*. О пророчестве.

— О пророчествах я вообще не думаю, я и сам могу напророчить что хочешь, — ответил Пол и откинулся назад. — А об остальном... Не знаю. Когда я узнал, что ты приедешь, я навел кое-какие справки. Не так много удалось узнать. Несколько деталей о прежних фирмах Малькольма Маккейна, ничего настораживающего, и о его карьере. Из IBM его отпускать не хотели, об этом я слышал не раз. Учебу он закончил с блестящими оценками, некоторые его профессора до сих пор вспоминают его как странную птицу, вот и все. А *Fontanelli Enterprises* — м-да. — Он потер себе нос, так же, как делал это и раньше. — У меня возникает нехорошее чувство, когда я думаю о существовании такого колосса. У любого бизнесмена возникло бы такое чувство. Для экономики плохо, когда один участник настолько больше всех остальных. Ты доминируешь во многих сферах — может, даже больше, чем сам думаешь, а это ситуация, от которой мне не по себе.

— А ты что бы сделал на моем месте?

— Хо-хо! — Пол помотал головой. — Если бы я знал... — Он огляделся, посмотрел на пустые кресла. — Я думаю, я бы все растратил. Я бы инвестировал в проекты экономического равенства женщин во всем мире. Женщины — это ключ. Мы заметили это по нашим собственным проектам; для коллег из Всемирного банка это уже давно азбучная истина. Всюду, где женщины образованны и достаточно свободны, чтобы самостоятельно принимать решения о своей жизни, рождаемость падает до разумного уровня. Всюду, где женщины могут иметь собственность, вместо того чтобы быть ею, жизненный уровень достигает такой высоты, что позволяет задуматься и о защите окружающей среды. Во многих проектах экономической помощи развивающимся странам деньги в руки получают практически только женщины, потому что они могут что-то улучшить, тогда как мужчины их только пропивают или покупают себе золотые часы.

— Тогда ты должен был поддержать мое предложение по Филиппинам.

— Да, но МВФ не та организация. Мы — орган надзора за международной валютной системой, не более того. Мы ориентированы на сотрудничество со всеми правительствами, мы с пониманием относимся к политическим принуждениям всех видов... Нет, это должна делать частная организация. Мы этого не можем.

Разом исчезла стена, на которой они когда-то сидели. Теперь они снова были в современности, сидели друг против друга — представитель верховной валютной стражи планеты и богатейший в мире человек — за столом, за которым еженедельно принимались решения всемирного значения. За дверью их появления дожидалось много людей.

— Я подумаю об этом, — сказал Джон.

* * *

Снова ее встречал «Роллс-Ройс», когда она вышла из поезда на вокзале Флоренции, только за рулем уже был не Бенито, а незнакомый молодой человек. Он тоже был в форме, и он взял ее чемодан, молодцевато открыл перед ней дверцу и не сводил с нее пылающего взгляда.

— У Бенито был инсульт, — рассказал Кристофоро Вакки по дороге. — Не такой тяжелый, но водить машину он уже не может. Он живет неподалеку, в одной семье, которая о нем заботится. Как только встал на ноги, он приходит каждый день и полирует *Эмму* — ну, ту фигурку на радиаторе...

Урсула кивнула. *Патрон* похудел с тех пор, как они виделись, и казался почти прозрачным. Уход Джона Фонтанелли, должно быть, глубоко ранил его.

— Синьор Вакки, мне очень жаль, что я так долго не...

— Я знал, что в один прекрасный день вы вернетесь, — перебил он с мягкой улыбкой. — Это был только вопрос повода.

Урсула глотнула воздуха.

— Не знаю, понравится ли вам повод.

Она ошиблась, определенно. Просто катастрофически просчиталась. Вакки поднимут ее на смех — в лучшем случае. А в худшем — отругают. Завтра она снова уедет домой, сожжет все свои лекции и конспекты и наймет на собственную кухонную работу в *Parapluie Bleue*. Она еще раз на-

брала воздуха и рассказала, что привлекло ее внимание в счетоводческих книгах Джакомо Фонтанелли, и при этом чувствовала себя так, будто заказала прощальный обед перед казнью.

Но Кристофоро Вакки, когда он закончила, только сказал:

— Да, эта старая загадка... — и некоторое время задумчиво кивал.

Глаза Урсулы расширились.

— Так вы об этом знали?

Патрон улыбнулся:

— О, да! Моя семья издавна ломала над этим голову. И мы ни малейшего понятия не имеем, откуда на самом деле взялись первоначальные деньги.

— То, что вы пережили в Вашингтоне, называется инерцией, — объяснил Маккейн. — Сила, которая поддерживает жизнь во всех тех процессах, против которых мы боремся. Каждому хочется, чтобы все оставалось так, как ему нравится. — Он сжал кулаки. — Теперь вы видите, что это была иллюзия — рассчитывать на что-то вроде понимания, на добровольный отказ? Это не свойственно человеческой природе. Принуждение — единственное действенное средство.

Джон мрачно кивнул:

— Значит, придется бороться дальше.

— Это как пить дать. — Маккейн взял со стола хрустящую полосу факсовой бумаги: — Новости от Коллинза. Разработка продвигается по плану. Его люди день и ночь только и знают, что распаковывать новые процессоры, подключать их к сети, устанавливать в них программу симуляции и запускать ее. Это значит, что результаты лягут перед нами в срок.

— Хорошо, — сказал Джон. — А мы что будем делать до того времени?

Маккейн посмотрел на него странным взглядом, встал и принялся ходить вдоль окон. Этого он не делал уже давно. Город сиял за стеклом в ярком августовском солнце, как будто кто-то перенес его на Средиземное море.

— Вы бы мне очень помогли, — неожиданно сказал Маккейн и остановился, устремив на Джона напряженный взгляд. — Моя просьба, может быть, покажется вам безумной, может, даже беззастенчивой, я знаю, но вы мне действительно очень помогли бы этим.

— Если вы хотели вызвать мое любопытство, вам это удалось.

— Нам предстоит борьба. Наши противники по всем фронтам трубят тревогу к бою, и это будет резня, вне сомнений. Может быть, нам придется сделать несколько шахматных ходов, которые не предусмотрены правилами игры, если вы понимаете, что я хочу этим сказать. Короче говоря, это ситуация, в которой ничто не пригодилось бы нам

так, — сказал Маккейн и мрачно улыбнулся, — как отвлекающий маневр.

— Отвлекающий маневр?

Маккейн посмотрел на него исподлобья лукавым взглядом а-ля Джек Николсон.

— Я не хочу, чтобы все, что я сделаю или, наоборот, не сделаю, немедленно смаковалось в газетах, понимаете? Поэтому было бы хорошо, если бы газеты были заняты чем-то другим.

— Ага, — понял Джон. — Но в чем же проблема? Ведь нам принадлежит половина газет...

— Проблема — в другой половине. В газетах, которые нам не принадлежат.

Джон посмотрел на Маккейна, сощурившись.

— Хм-м, да. Ясно. Только боюсь, я не понимаю мою роль во всем этом.

Маккейн вернулся назад к своему письменному столу, достал из ящика газету, в которой даже издали легко опознавался бульварный листок, и бросил его перед Джоном:

— Взгляните на это.

Газета была двухнедельной давности, и заголовок гласил: *«Красивейшая женщина, богатейший мужчина — это любовь?»* Под ним был напечатан снимок, на котором Джон узнал фотомодель из *Гей-рекламы*, Патрисию де-Бирс, она шла по улице за руку с мужчиной, доверительно шепча ему что-то на ушко.

И этот мужчина, с безграничным удивлением увидел Джон, был он сам!

— Что это? — ужаснулся он.

— Фотомонтаж, — объяснил Маккейн. — Очень искусный, кстати. Но эта газетенка славится такими вещами: они то и дело дают снимки летающих тарелок, детей с двумя головами и тому подобное, и никто потом про это не вспоминает, но вот что интересно: со времени публикации этого снимка телефоны нашего отдела по связям с общественностью не умолкают. Весь мир хочет знать, что стоит за этими слухами.

— Ничего, разумеется. Я никогда не ходил с этой женщиной гулять, тем более за ручку.

— Вот об этом я и хотел вас просить, — мягко сказал Маккейн, — сделать это.

Джон воззрился на него:

— Что-то я, видимо, прослушал или ослышался. Простите, *что* я должен сделать?

— Да, я огородил вас, теперь я вижу. — Маккейн взял газету, тщательно сложил ее и поднял вверх, словно вещественное доказательство перед судом. — Обычно никто не верит в то, о чем пишет эта газетка. Раз в полтора месяца появляется воскресший Элвис Пресли или чудовище озера Лох-Несс, и никто, за исключением клинических сумасшедших, не принимает это за чистую монету. Поэтому реакция людей на это сообщение и заставила меня задуматься. Мир *хочет*, чтобы эти слухи были правдой. Общественность мечтает о романе между богатейшим мужчиной и красивейшей женщиной. Тогда бы исполнились все грезы, подтвердились все предначертания. Душа *тоскует* по такому.

— Вполне может быть, но у меня с этой женщиной ничего нет. Во время съемок мы, может, и обменялись четырьмя словами, а еще я старался не смотреть на ее грудь, вот и все. — Джон замолчал, и ему вдруг стало тошно.

Маккейн задумчиво кивнул:

— Но это был бы превосходный отвлекающий маневр! Вы и Патрисия де-Бирс, и снова фотограф, которому повезет сделать моментальные снимки, как вы идете, держась за ручку... Средства массовой информации на недели забудут про все остальное.

— Вы что-то задумали, — Джон изучал подчеркнуто непроницаемое лицо Маккейна. — Скажите, что это не то, о чем я начал догадываться.

Маккейн свернул газету в трубочку и стал ее выкручивать.

— Я позволил себе распорядиться вашей яхтой и отправил ее в Гонконг. Ей так или иначе нужно проходить там инспекцию радарной системы. Сегодня или завтра она причалит в Маниле. И я нанял мисс де-Бирс на продолжительный срок, чтобы...

— Как вы сказали? *Нанял*?

— Я настоял, чтобы в договор было вписано условие конфиденциальности, и потом так долго торговался с агентством за более низкий гонорар, что они потом уже сами просили меня сохранять в тайне столь низкую сумму вознаграждения. Было интересно.

— Наняли? Но для чего?

— Вы с нею будете изображать влюбленную пару, хотя бы в глазах общественности, а уж чем вы будете заниматься в четырех стенах, дело ваше. Просто немного покатаетесь с ней на яхте по райским островам Филиппин, подпустите к себе репортеров на расстояние снимка, иногда будете сходить на сушу для шопинга — пожалуйста, рука об руку, для прессы...

— Вы что, серьезно?

— Раз уж весь мир смотрит на Филиппины, то пусть он видит там не биржевой курс и ставку рефинансирования, а вас двоих. Вот все, что мне необходимо.

— Значит, вы это серьезно. — Джон приложил ладонь ко лбу, будто проверяя, нет ли у него жара. — Вы хотите разыграть пошлую комедию.

— Да бросьте вы, Джон. — Маккейн швырнул в корзину для бумаг то, что осталось от газеты. — Будто нет ничего ужаснее, как отправиться на пару недель в круиз с одной из красивейших женщин планеты. Как знать, вдруг вы понравитесь друг другу...

— Нет. Довольно об этом.

— ...и иллюзия станет реальностью? — Маккейн ухмыльнулся, будто рассказал скабрезный анекдот. — Хорошо, я умолкаю. Дело ваше. Я только хочу напомнить, что вам пора подумать об основании династии...

— Ну уж только не с наемной фотомodelью, — сердито парировал Джон. У него это в голове не укладывалось. Нет, это было слишком. Он не может пойти на такое. Он скажет «нет»...

Маккейн снова посерьезнел:

— Нам предстоит очень трудное дело. Мы должны поставить на колени полдюжины правительств, да еще транснациональную организацию. И это при том, что конкуренты подстерегают малейший наш промах. ...Это бы нам действительно очень помогло.

Джон побежденно закрыл глаза. Горестно вздохнул:

— Ну, хорошо. Когда я должен выезжать?

— Как только сможете. Мисс де-Бирс уже в пути. Она будет ждать вас в Маниле на яхте.

— О. Я весь нетерпение. — Он встал, чувствуя себя бесконечно усталым. — Пойду собираться.

Маккейн двусмысленно улыбнулся. Если подумать, он в последнее время все чаще ухмылялся двусмысленно.

— Счастливого пути, — сказал он. — Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие.

— О, большое спасибо. — Выходя, Джон посмотрел на себя в зеркало у двери и пробормотал, ни к кому не обращаясь: — Мне это надо?

* * *

Урсула блаженствовала. Она приняла душ и чувствовала приятную усталость после долгой дороги. Она сидела в нижней столовой со старшими Вакки — Эдуардо отсутствовал — за чудесно накрытым столом, благоухающим майораном и орегано.

Что бы Джованна ни подавала, на благородной посуде все приобретало восхитительный вид.

Они обсуждали то, что она обнаружила и что семейству Вакки было уже давно известно.

— Если вы ясно представите себе, что состояние семейства Медичи — самого могущественного семейства своего времени — даже в момент расцвета не превышало сумму в четыреста тысяч флоринов, — сказал Кристофоро Вакки, неторопливо промокая губы пухлой салфеткой, — то вы поймете, что триста флоринов тогда были очень хорошие деньги. Правда, не такие хорошие, если ты был их кому-то должен.

— Джакомо Фонтанелли был кандидатом в долговую яму, — заявил Альберто Вакки, увлеченно орудуя ножом и вилкой.

Патрон взял свой бокал вина и отхлебнул.

— Или просто находился в бедственном положении.

— А не могло быть так, — предложила Урсула, — что он за эти годы образовал запасы, которые не отражены в счетоводных книгах? Тогда последняя страница просто сводила вместе все его долги. Я думаю, он не ушел бы в монастырь, не уладив все свои мирские дела.

— В принципе да, — сказал Грегорио Вакки, неодобрительно поджав губы. — Но только из его счетоводных книг не видно, каким образом он мог бы образовать такие запасы. Другими словами, дела его шли плохо.

Урсула отложила вилку и посмотрела по очереди на троих мужчин.

— И это вас никогда не озадачивало? Ни разу не дало повод усомниться в вашей миссии? То, что вы не знаете происхождения денег, на которых все основано?

Они переглянулись, и Кристофоро Вакки тоже отложил свои приборы.

— Чтобы понять это, — сказал он, — вы должны знать, что счетоводные книги Джакомо Фонтанелли попали к нам не так давно. Я тогда был еще ребенком, это было в преддверии Второй мировой войны, и тогда ни у кого не было времени заняться этим подробно. Признаться честно, мы сами лишь лет двадцать назад обратили внимание на то, что обнаружили и вы.

— Лет двадцать назад? — удивленно повторила Урсула. Но по дороге с вокзала это звучало так, будто семейство Вакки ломало над этим голову веками. — И почему так получилось? То есть где эти книги хранились раньше?

— В монастыре святого Стефана.

— В монастыре Фонтанелли?

— Да. Это был крошечный монастырь в горах, в Апеннинах; если ехать от Флоренции в сторону Форли, можно увидеть его развалины. Он перестал действовать в 1890 году и пустовал, пока Муссолини не превратил его в оружейный склад, который к концу войны взлетел в воздух. Говорят, из-за авиабомбежки.

— А книги?

— Их, насколько я знаю, вывезли в Рим с остальным архивом, когда монастырь закрылся. Там они пролежали несколько десятилетий, пока кому-то не пришлось в голову передать их нашей семье.

— И кто же это был?

Кристофоро Вакки устало поднял плечи:

— Не знаю. Жаль, но я тогда был еще ребенком.

— Хм-м. Вы сказали, что существовал и другой архив...

— Мне говорил об этом мой отец. Он сам не знал, что это за архив и где он находится.

— Но это было бы интересно узнать, а? — сказала Урсула Фален, чувствуя выброс адреналина.

Он проснулся оттого, что солнце падало ему прямо в лицо и щекотало нос. Облака под самолетом простирались сияющей равниной, а чистый купол неба внушал благоговение. Он глянул на часы. Оставалось недолго. За спиной он слышал приглушенные разговоры охранников, слов под равномерный рев турбин было не разобрать.

Он и в страшном сне не мог представить, что частью его пути во исполнение прорицания станет то, что ожидало его в ближайшее время: разгуливать на людях с арендованной красавицей, изображая из себя плейбоя. Как смешно. И как постыдно, если правда откроется.

В аэропорту они, как обычно, получили надежную стоянку, и там, как всегда, дожидался лимузин, на сей раз белый, похожий на «Кадиллак», но не «Кадиллак». Ну какая разница! В последние два года Джон так много летал, что уже можно было беспокоиться насчет дозы облучения. И даже неплохо будет несколько недель отдохнуть, расслабиться, и к черту всех этих репортеров!

Из машины он почти не смотрел. Кондиционер работал на полную мощность, и с заднего сиденья роскошного автомобиля Манила была похожа на все большие города: высотные дома, широкие улицы, толпы прохожих, яркие рекламные щиты, как и в Лос-Анджелесе. Строительные площадки. Мужчины, в жарком мареве августовского дня укладывающие горячий асфальт или работающие отбойными молотками.

— Порт, — сказал Марко, когда они свернули с главной улицы на широкую, не столь оживленную дорогу с выбоинами.

Против ожидания, Джон пришел в восторг при виде своей яхты. Она стояла у причала, гордая и великолепная, белая роскошная мечта. Два года он не поднимался на борт, только засылал ее куда-нибудь время от времени, чтобы она оставалась на ходу, а команда в движении, а сам целыми днями торчал в своем офисе, делая вид, что смыслит в бизнесе. Дурацкая трата времени!

Капитан Броссар стоял у поручней мостика и махал сверху рукой. В тот момент, когда Джон уже занес ногу над палубой, навстречу ему метнулось что-то яркое, искряще-

еся, и не успел он опомниться, как его уже обнимала и страстно целовала стройная женщина в воздушном наряде.

Она повисла на нем и не отпускала. Джон, сначала напрягшийся для защиты, расслабился и почувствовал, что ему это приятно. Он тоже обнял ее, ощутил мягкую, прогретую кожу под душистой тканью, вдохнул аромат ее волос и почувствовал однозначную реакцию своего тела...

Патрисия де-Бирс отпустила его и отступила на шаг назад, как бы для того, чтобы лучше разглядеть его после долгой разлуки. Сама она выглядела превосходно, гораздо лучше, чем в его воспоминаниях. Совершенное сложение, гармоничное лицо, воплощение женской красоты, и тропическое солнце только подчеркнуло все это. Поездка обещала быть приятнее, чем он думал.

Она схватила его за руку, сказала: «Идем!» и повлекла за собой на кормовую палубу, хохоча, как свежевлюбленная школьница, а оттуда — через стеклянную дверь в салон.

Внутри она отпустила его, закрыла дверь и остановилась на дистанции в три шага, скрестив на груди руки:

— Это была работа, как я ее поняла. Вы довольны?

Джон растерялся. Что-то в ее голосе будто окатило его ледяной водой.

— О, да. Еще бы. Абсолютно убедительно сыграно.

Все только шоу, ну, ясно. Как договорились. Может, даже есть написанный сценарий на ближайшие недели.

— Ну и прекрасно. Я люблю, когда клиенты довольны. — Но по ее тону и виду это не походило на правду. Она стояла с искаженным лицом, ошетинившись и дрожа всем телом.

Джон сделал жест рукой, давая понять, что готов сделать все, лишь бы успокоить ее.

— Грандиозно, — осторожно сказал он.

Она отвернулась, глядя в окно, на сияющее море, на фаланги парусных мачт и походила на ожившее фото с календаря.

— Знаете, кем я себе кажусь, мистер Фонтанелли? — наконец спросила она, вкладывая в обращение все свое презрение. — Вы можете представить себя на моем месте?

Это из-за того способа, каким ее наняли. Он и сам догадался об этом.

— Послушайте...

— Нет уж, это *вы* послушайте меня. Вы богатейший человек на божьем свете, ну и прекрасно. Но это не дает вам права обращаться со мной как с дерьмом. Я была моделью, представлявшей вашу *Гей-премию*, хорошо, это моя профессия — быть моделью и представлять то одно, то другое. Но это не делает меня шлюхой, вы понимаете? Вы можете арендовать мое время, вы можете купить мое изображение для использования в ваших целях — это сделка. Вы ее заключили, и я свою роль сыграю. Я профи. Но вы не можете купить мою симпатию, мистер Джон Фонтанелли, мистер Триллион Долларов. Я модель, но в первую очередь я женщина, вы понимаете? Человек!

— Да, я вижу... Извините, я хотел сказать... Это была не моя...

Она часто моргала, будто борясь со слезами.

— И вам не пришло в голову ничего другого, кроме денег?

— Нет, понимаете...

— Ведь вы же могли меня просто *спросить*. Просто спросить, как один человек спрашивает у другого. Мужчина может спросить у женщины, не хочет ли она быть с ним вместе, пусть даже на ограниченное время, на отпуск, на несколько недель. Она может и отказаться, ясно, тут приходится идти на риск. Но если она согласится, то это больше ничего не стоит, понимаете?

Джон бессильно смотрел на нее. Ну и кашу заварил Маккейн, а ему теперь расхлебывать.

— Да, — сказал он. — Это я понимаю.

Она тряхнула головой так, что волосы взлетели.

— Нет. Вы ничего не понимаете. Вы просто наняли меня. Вы оплачиваете ангажемент. Поэтому то, что я согласилась, ничего не стоит. Ничего. — С этими словами она ушла, скрылась в темноте коридора, не зажигая света, и Джон вскоре услышал, как хлопнула дверь ее каюты. Он вздохнул.

Откуда-то появился стюард с телефоном:

— Просят вас, — сказал он.

Это был Маккейн.

— Капитан сказал мне, что вы прибыли, — пробасил он. — Первое представление уже состоялось, и среди зрителей было как минимум десять фотографов. Прислать вам потом газеты?

— Спасибо, не надо, — прохрипел Джон и опустился в ближайшее кресло. Эта поездка обещала быть еще хуже, чем он думал.

— Хорошо. Еще несколько деталей о плане поездки. Вы выйдете в море, как только ваш багаж доставят на борт, а на ночь встанете на якорь в бухте южнее, перед маленьким портом. Завтра на борт прибудет представитель правительства Филиппин, который будет вас сопровождать, переводить, если нужно, и покажет вам лучшие места среди тысяч островов.

— Где репортеры не смогут выйти на наш след, так?

— Не беспокойтесь, выйдут. Мы должны усложнить задачу, чтобы оставаться интересными. — Маккейн умолк. — Вы чем-то подавлены или мне показалось?

Джон запрокинул голову на мягкую спинку кресла и смотрел на потолок, обшитый драгоценной древесиной. В узорах структуры можно было разглядеть головы чудовищ.

— С чего вы взяли? Все хорошо.

* * *

На следующее утро завтрак накрыли на палубе — в соответствии с программой, чтобы что-то досталось и фотографам. «Прорицание» стояло на якоре неподалеку от гавани, и Джон на верхней палубе сидел за столом как на блюде. Синий тент защищал от прямых солнечных лучей, но не от влажной жары, которая уже набирала силу.

— Всего девятнадцать, мистер Фонтанелли, сэр, — сказал не двигая губами стюард, подавая кофе и свежие, горячие круассаны.

— Девятнадцать — чего? — озадаченно спросил Джон.

— Трое вон там, на причале, в серой машине, видите? У мужчины на заднем сиденье такой огромный телеобъектив, каких я еще не видел. — Он наливал кофе со всей обстоятельностью. Без сомнения, он пересмотрел слишком много фильмов про Джеймса Бонда. — У нас на мостике прекрасная подзорная труба, оттуда можно незаметно рассмотреть всю местность. Видите большую яхту у третьего причала, с голубым корпусом? Там на палубе сидит один. А еще двое на...

— Довольно, — перебил Джон и взял чашку у него из рук. — Спасибо. Избавьте меня от подробностей.

Стюард казался обиженным. Он продолжал сервировать молча, пока появление Патрисии де-Бирс не переключило его на другие мысли. До такой степени другие, что он пролил кофе мимо ее чашки.

— Что такое? — напустилась она на беззащитного человека.

— Извините, мисс де-Бирс, извините меня, — согнулся он в поклоне. — Я сейчас же принесу свежую чаш...

— Да уж надеюсь. И, пожалуйста, еще сегодня, если удастся.

— Еще сегодня, конечно, мисс де-Бирс. — Он убежал.

Джон потрясенно разглядывал ее поверх своей чашки. Профи, как она вчера выразилась. Она явилась в душистом утреннем халате, непричесанная, и все равно выглядела сногшибательно — любому наблюдателю было очевидно, что она провела чудесную ночь любви. Ведь ее резкого тона на берегу не было слышно.

— Ну? Что будем делать сегодня? — спросила она с обворожительной улыбкой и взяла круассан.

Джон отставил свою чашку. Ему приходилось напрягаться, чтобы не испортить общее впечатление.

— Скоро должен появиться человек от правительства, который будет нас сопровождать.

— О, как эксклюзивно!

Неужто она теперь неделями будет язвить? Это становилось уже весело.

— Сегодня ночью я, — начала она, но сделала паузу, жуя, улыбнулась, давая своим словам прозвучать как следует, — читала путеводитель по Филиппинам. Из бортовой библиотеки, представьте себе. Тут есть просто невероятные аттракционы. На острове Палаван можно прокатиться на лодке с веслами по подземной реке, по гигантским сталактитовым пещерам, которые пока даже не исследованы. Разве это не увлекательно?

— М-м, — задумался Джон. — Заманчиво.

Заглянуть в путеводитель — такая мысль ему даже в голову не пришла. Временами ему казалось, что, несмотря на все безумное богатство, он пропустил собственную жизнь. Как сейчас, например.

— Или серные источники у подножия потухшего вулкана, Монт-Макилинг, что ли. Это недалеко отсюда, миль

пятнадцать. Скажите честно, — она понизила голос до сокровенного воркования, — разве вам не хочется... в горячих серных источниках, со мной... *искупаться*?

Джон уставился на нее. Он собирался взять круассан, но его рука на полдороге забыла об этом намерении.

— Вы что, серьезно?

Она надула губы и подобрала под себя ноги. Полы ее халатика интригующе раскрылись.

— Дайте же и мне получить какое-то удовольствие, — двусмысленно укорила она. Потом повернула голову в сторону трапа и крикнула: — Так где же моя чашка, черт возьми?

* * *

От подъема на четвертый этаж канцелярии оба запыхались — Урсула потому, что несла свою тяжелую дорожную сумку, а Альберто Вакки потому, что был уже не так молод. Когда он открывал замок, рука у него заметно дрожала.

— Вот, — сказал он, все еще тяжело дыша, — это квартира.

Урсула вошла, огляделась. Ей понравилось. Стены беле-ные, мебель прошлого века, дополненная холодильником, плитой и цветными покрывалами на кроватях. Воздух застоялся.

— Тут давно никто не был, — сказал адвокат, извиняясь, и распахнул окно. Внутрь хлынул городской шум, затопив чувство вневременности, возникшее у нее, когда они вошли. — Вы уверены, что хотите здесь остаться? А то никаких проблем. Водитель заезжал бы за вами вечером и...

— Нет, — Урсула поставила сумку на скамью. — Каждый день такой длинный путь отнимал бы много времени. Я устроюсь.

Альберто Вакки прошелся вдоль кухонных шкафчиков, заглядывая внутрь.

— Посуда... Запасы консервов. — Он взял одну баночку, посмотрел дату: — И даже непросроченные.

Урсула открыла холодильник. Он был включен, но там не было ничего, кроме бутылки воды.

— Могу порекомендовать вам пару ресторанов, тут поблизости, там вы...

Урсула помотала головой:

— Я сама буду готовить.

Старый адвокат провел пятерней себе по кудрявой гриве.

— Нам следовало позаботиться об этом заранее и завезти продукты. Привезти вам?

— Я сама куплю. Мне нужно не так много. Несколько *pani*, немного *latte*, чуть-чуть *verdure... e salame... vino rosso...*

— *Bene*, — сказал он. — *D'accordo*. — Некоторое время он задумчиво разглядывал свои туфли. — Комбинацию замка архивного зала я вам сказал. Они меняют ее каждый месяц, но эта действительна до конца августа, это еще две недели. Ключ я вам дал... Что еще? — Он посмотрел на нее. — Ах, да. Охранника я предупрежу. Он проверяет дом каждый день и будет о вас знать. Если что — тут всюду телефоны... Просто позвоните.

— Так я и сделаю, — кивнула Урсула. Старый человек со шегольским платком в нагрудном кармане был трогательно заботлив.

— И что вы собираетесь делать? — спросил он.

Урсула пожала плечами:

— Искать. Это я умею. Искать, пока не найду что-нибудь.

* * *

Посланник от правительства был молодой, статный филиппинец по имени Бенино Татад, мужчина с торсом олимпийского чемпиона по плаванию. Он вежливо поздоровался с Джоном, донеся до него привет от президента Рамоса, и при всем своем атлетическом облике казался оробевшим, как будто богатство Джона было такой силой, перед которой полагалось опускаться на колени. А когда в поле зрения появилась еще и Патрисия, у него съехала крыша. Он дрожащими руками развернул карту Филиппин и предложил им курс «к сказочным островам и пустым пляжам». Он форменным образом искал спасения бегством и исчез, как только Джон попросил его сообщить курс капитану.

Вскоре «Прорицание» снялось с якоря и двинулось к югу. За день море поменяло все цвета, к закату окрасившись в оранжевые и багряные тона, а к ночи приобретает фиолетовое свечение. Они встали на якорь перед Пуэрто-Галера и на моторной лодке ринулись в яркую ночную жизнь.

Они представляли собой живописную группу. Вместе с телохранителями их было семеро мужчин, окружающих Патрисию со всех сторон, и королева красоты явно наслаждалась своим положением. Она шла, пританцовывая, кокетничала налево и направо и искрилась весельем.

— Нас видят? — спросил Джон у Марко, когда они выходили из первой дискотеки.

Тот невозмутимо кивнул:

— Позади наискосок двое с камерой. И вон тот, впереди, на велосипеде.

Джон наклонился к Патрисии:

— Мы на работе.

— Спорим, вам эта работа нравится, — шутливо сказала она.

Они заглянули еще на несколько дискотек и в довольно грязный бар, после чего, наконец, вернулись вдоль пляжа к лодке. Их делегированный государством провожатый делал хорошую мину при плохой игре, и его улыбка превратилась в маску, но он признался Джону, что ночная Пуэрто-Галера — не совсем тот хай-лайф, который ему поручено было демонстрировать гостям.

* * *

В последующие дни они скользили по морю мимо скалистых берегов, пышных тропических лесов и пальмовых пляжей. То и дело им попадались ярко раскрашенные рыбацкие лодки, под парусами и с трескучими моторами. С лодок им махали руками, но не особенно интересовались огромной яхтой. Они пересекли море Сабаян, прошли вдоль побережья Южного Лазона и наконец увидели вулкан Мэйон, который идеальным конусом поднимался высоко к небу. Над жерлом курился белый дымок — как нескончаемое предупреждение об опасности.

Патрисия предложила побродить по городку Легаспи у подножия вулкана. Бенино Татад отважился на осторожное возражение, что это исключительно безынтересное и скучное место, лишенное всякого очарования.

— Нам надо править в сторону Борасэя, — сказал посланник. — Многие говорят, что пляжи Борасэя — лучшие в мире.

И они продолжили скольжение по воде, прозрачной, как в раю, мимо больших и маленьких островов. Однажды над ними покругил спортивный самолет, но трудно было сказать, то ли в нем сидели репортеры, то ли просто богатые туристы с камерами. Рабочая цель круиза постепенно отходила на задний план; спокойные дни, главными событиями которых были изысканные обеды и ужины, полудремные часы под тентом убаюкивали их мягким покачиванием на волнах и изгоняли все мысли о мире, который существовал где-то по ту сторону рая. С Джона постепенно спадало напряжение последних двух лет, походивших на бесконечный марафон. В иные моменты он боялся растаять от полного расслабления.

Борасэй. Они парили над лазурной глубиной просторной бухты, в которой толклись рыбацкие лодки, дивились на белые песчаные пляжи, обрамленные кокосовыми пальмами. Самый большой пляж Вайт-Бич оказался слишком цивилизованным и полным туристов, но они нашли под руководством Бенино небольшой дикий пляж на южной стороне.

— Здесь чудесные коралловые рифы. Если хотите, можете понырять, — предложил Бенино.

Джона это не воодушевило:

— Я не умею нырять.

— Я вызову преподавателя по дайвингу, он вас научит, нет проблем. Он прибудет вместе со снаряжением.

Патрисии эта мысль очень понравилась. Она настояла на том, чтобы Бенино нырять вместе с ней, и тот согласился со смешанным чувством. На следующий день прибыл тренер по дайвингу, пожилой седой филиппинец, который, за исключением необходимых в дайвинге специальных выражений, говорил по-английски лишь с пятого на десятое и выгрузил из своей лодки снаряжения на полбатальона.

Джон проводил свой досуг на передней палубе, предоставив другим осваивать дыхательные трубки и аппаратуру, а сам наслаждался покоем.

* * *

— Официально я явился, чтобы сообщить вам новые кодовые цифры для замков, — сказал Кристофоро Вакки,

опираясь на трость, и тонко улыбнулся. — Но, разумеется, я просто рад случаю повидаться с вами. За столом мы всегда говорим о вас. Не то чтобы слишком беспокоимся о вас, но вспоминаем. А впрочем, что нам еще делать.

Урсула смотрела на *патрона*, растерянно моргая, удивленная его неожиданным появлением и отвыкшая от людей.

— Неужто уже конец августа? — спросила она.

— Тридцать первое.

— Невероятно. — Она потеряла представление о времени, как всегда, когда рылась в архивах, ни на что больше не отвлекаясь. Ей казалось, что она только вчера приехала, и вместе с тем она бы поверила, если бы ей сказали, что прошли целые годы. Она отложила ручку и встала, с непривычки чувствуя себя оглушенной от необходимости говорить. — Я кое-что нашла, что показалось мне странным. Может, вы бы взглянули?

— С удовольствием.

Она открыла витрину, в которой хранились книги Джакомо Фонтанелли, просмотрела корешки где грубо, а где искусно переплетенных томов, из которых торчали закладки, испещренные пометками.

— Вот. — Она извлекла из ряда тонкий том и раскрыла его на нужном месте. — Эта запись. Как бы вы ее перевели?

Патрон поправил очки и взгляделся в выцветшую корявую запись.

— Хм-м. Не так просто.

— Фонтанелли со временем привык делать заметки на полях, что-то вроде дневника. С кем он говорил, где запах-ло выгодной сделкой и тому подобное. А это — единственная заметка, которая носит личный характер.

Кристофоро Вакки сел к ее рабочему столу, подвинул лампу ближе и стал читать про себя.

— Действительно, странно, — сказал он и перевел: — «Сегодня говорил с отцом. Может быть, есть выход». Что он имел в виду?

— До сих пор я полагала, что он родился вне брака и его отец неизвестен, — сказала Урсула.

— По крайней мере, так он пишет в завещании.

— В котором утверждает также, что оставляет состояние, а не долги. — Урсула покачала головой. — Я все просчитала. Все годы, все флорины и цехины, марки и пфен-

ниги. Хаос невероятный, но он не ошибся в расчетах. Если у него и были отложены деньги, то из сделок, которые не отражены в книгах.

Патрон осторожно полистал хрупкие старые страницы.

— Когда сделана эта запись?

— В марте 1522 года. — Она сверилась со своими записями в толстой тетради, испещренной колонками цифр: — Тогда его долги составляли почти пятьсот флоринов, и он опаздывал с платежами, пока некий Дж. не выдал ему ссуду в двести флоринов. Иначе не сдобровать бы нашему великому основателю.

Вакки закрыл книгу и отложил ее в сторону.

— И как вы это объясняете себе?

Урсула теребила подбородок.

— Пока никак. Я только знаю, что надо ехать в Рим. Я должна разыскать другие бумаги Джакомо Фонтанелли.

— Бог знает, где они могут быть.

— Их перемещали в этом веке. Наверняка остались какие-то входящие отметки, протоколы, что-нибудь такое, что поможет мне выйти на их след.

— Вы в себя верите?

— Да.

Ей приходилось работать в одном комитете, который после окончания правления Социалистической единой партии Германии принимал кадровые решения о дальнейшей занятости учителей, профессоров и других государственных служащих. У нее обнаружился особый талант находить документы в открытых архивах Штази, службы госбезопасности, и порой она сама пугалась, натываясь на бумаги, обличавшие кого-нибудь в сотрудничестве со Штази, хотя эти документы были хорошо спрятаны или неправильно заархивированы. Это было что-то вроде шестого чувства. Да, она верила в себя.

— Хорошо, — сказал *патрон*. — Мы все организуем. Я знаю людей, которым нужно позвонить, чтобы для вас открылись некоторые двери...

* * *

Стюард, разбудивший его, сделал это не для того, чтобы напомнить ему про обед, а из-за телефонного звонка Маккейна.

— Погибла принцесса Диана, — сказал тот.

Джон приподнялся, переложил трубку в другую руку и стал корчить гримасы, чтобы очнуться из полудремы.

— Что-что? — Влажная жара просто оглушала.

— Разведенная супруга британского престолонаследника. Сегодня ночью в Париже она разбилась в своей машине, налетев на опору туннеля.

— Как же это случилось?

— Кажется, они пытались оторваться от толпы фотографов, которые гнались за ними на мотоциклах. Их было четверо в машине, она, ее друг, водитель и охранник. Трагический случай.

Наконец он смог сфокусировать зрение. Наверное, смог бы назвать и свое имя. Видимо, он должен был испытывать сострадание, но это было ему не по силам.

— И для чего вы мне это рассказываете? Я должен прийти на похороны?

— Ну, так далеко дело не зашло. Я рассказываю вам об этом, потому что это означает, что все внимание общест-венности будет приковано к другому и, должен признаться, более интересному событию, чем ваш роман с мисс де-Бирс.

— Ясно. — Может, стоило обидеться на это? — И что, я должен вернуться?

Маккейн хмыкнул:

— Ну, вы, кажется, только того и ждете. Не пойму, неужто вам так плохо с красивейшей в мире женщиной?

— Да нет, уже терпимо.

— Наверное, после того, как вы ее уложили. Ну, ладно. Нет, я хочу вас просить все-таки еще остаться. Я бы понаблюдал, сколько продержится интенсивность этой новости. Судя по всему, пресса входит в затяжной оргазм по этому поводу, но даже похоронам принцессы когда-то приходит конец, и тогда... Оставайтесь еще на две недели. Если нам еще есть что инсценировать.

Джон разглядывал свои босые ступни, шевелил пальцами и шурился в бесконечную синеву неба. Он не мог себе представить, что ему придется возвращаться в свой офис.

— Ну, хорошо. Пусть будет так.

«Надеюсь, это прозвучало достаточно самопожертвенно, — подумал он, блаженно растягиваясь на шезлонге. — Кто бы мог подумать, что папарацци могут быть настолько опасны...»

Маккейн положил трубку, и на лбу у него пролегли морщины мрачной озабоченности. Было пять часов утра, а он еще не покидал своего кабинета. Напротив него стояли три телевизора, показывающие новости параллельно по трем каналам: CNN, NEW и SKY. По четвертому монитору бегущей строкой шли текстовые новости агентства Reuter. За окнами постепенно просыпался Лондон.

— Фостер, — сказал он в сумрачную темноту.

Мужчина, подошедший к столу, был высок и худошав, но больше о нем ничего нельзя было сказать. У него были глаза обсидианового цвета и тонкие усики, но глаза перебивали уже всех цветов, а усики быстро сбрасывались, если не были приклеены.

— Вчера погибла не только принцесса Диана, — сказал Маккейн, взял тонкую папку из стопки на столе и подвинул ее Фостеру.

Тот молча почитал, посмотрел фотографии.

— Константина Вольпе. И что же с ней случилось?

— Проблема не в ней. Проблема в Марвине Коупленде. Самодеятельный рок-музыкант и, по несчастью, друг мистера Фонтанелли по его прежней жизни. — Он откинулся на спинку кресла и обеими руками прочесал волосы. — Похорошему сидеть бы ему сейчас не в парижском следственном изоляторе, а в настоящей итальянской тюрьме. Мистер Фонтанелли сделал ошибку тем, что спас его тогда. Не сделай он этого, Константина Вольпе сейчас не усугубила бы французскую статистику лишней героиновой смертью.

Фостер вернул ему досье. После прочтения он больше не нуждался в нем.

— И что я должен сделать?

Маккейн снова со вздохом поднялся.

— В аэропорту стоит наготове самолет, который доставит вас в Париж. Как только у французской юстиции начнется рабочий день, вы уже должны стоять у нее под дверью. Вытащите Коупленда — под залог, под увещевания, как угодно, и увезите его из страны.

— Куда?

— В Канаду. Там есть одна частная клиника для наркозависимых, она хорошо работает и не задает вопросов, пока

оплачиваются ее счета. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда карточку. — Вот адрес. — Достал вторую карточку. — По этому номеру свяжитесь с человеком, который уже давно работает на меня в США. Он вам поможет на месте.

Фостер изучил обе карточки в бледном свете настольной лампы и тоже вернул их.

— Как его зовут?

— Как бишь его зовут, да. — Маккейн задумался. — Скажем, пусть он будет Рон Батлер. — Он выдвинул другой ящик, взял из него стальной ящик и извлек оттуда толстый конверт. — Вот сто тысяч фунтов. Все, что было в сейфе. Если вам понадобится для залога больше, позвоните мне. Позвоните мне в любом случае, как только получите Копленда на руки. Клинику я уже информировал и жду теперь только окончательного подтверждения; администрация клиники работает только днем.

— Хорошо. — Фостер взял конверт и небрежно сунул его в карман. — А клиника... это надежное решение?

— Не забывайте, Копленд — друг мистера Фонтанелли.

— Не забуду.

— Кроме того, могу вас успокоить. Клиника находится в глухом месте, в Квебеке, и там знают, как смотреть за пациентами. Статистика побегов у них лучше, чем в Алькатраце. Оттуда человек выходит только тогда, когда он абсолютно *clean*, чистый — а иной раз и тогда не выходит. — Маккейн протер свои покрасневшие глаза. — Пока оплачиваются счета. А они будут оплачиваться.

Фостер кивнул. Неужто на его лице промелькнуло подобие улыбки? Нет, наверное, это рефлекс рассвета за окнами.

Маккейн потянулся, потом уронил ладонь на стопку документов.

— Все на сегодня. Как будто мало мне боев со всеми этими картельными исками, судебными разбирательствами и проблемами баланса, еще и хлопочи об этом идиоте, который погубит все, к чему ни прикоснется. Меня тошнит от таких. Идите, Фостер, и, пожалуйста, освободите меня от этой проблемы.

— Будет сделано, мистер Маккейн. — Он коротко кивнул и снова отступил в темноту, растворившись в ней. Но в дверях еще раз обернулся: — Этот случай... Если бы о нем пронохала пресса, мистеру Фонтанелли было бы неприятно, так?

Маккейн угрюмо кивнул:

— Так.

— В таком случае гибель принцессы нам на руку.

— Да, — коротко ответил Маккейн.

* * *

Яхта шла дальше к югу, сквозь гущу тысячи островов, мимо маленьких и крошечных возвышенностей, скалистых берегов, песчаных откосов, изогнувшихся пальм — где только радар находил достаточную глубину под килем. Патрисия и Бенино ныряли, как только «Прорицание» становилось на якорь, и потом с воодушевлением рассказывали о подводном великолепии кораллов, морских анемонов и рыбных стай, когда Джон встречался с ними за столом. Ему казалось при этом, что в их обращении между собой появилась та доверительность, которая наводила на размышления, не затеяла ли Патрисия интрижку с молодым, красивым представителем правительства. С другой стороны, его это никак не касалось; пусть себе.

Но он заскучал от постоянной дремоты на палубе и дал себя уговорить тоже попробовать понырять. Он дышал под водой через трубку под присмотром тренера, глядя, как те двое дружно, рядышком исчезли в таинственной лазурной глубине, Полюбовался подводной частью корпуса яхты и заскучал. Потом, когда яхта скользила по морю дальше, Джон осваивал дыхание из баллонов, изучал основные знаки жестов и учился натягивать неопреновый костюм. Наконец они снова стали на якорь неподалеку от довольно большого, явно обитаемого острова, у скалистого мыса, за которым начиналась пестрящая на солнце коралловая бухта, узкий песчаный пляж которой был усеян плавниковыми деревьяшками.

— Это остров — вы знаете, как он называется? — обратился Джон к посланнику правительства.

Тот был занят своим гидрокостюмом.

— Панглаван, — сказал он, глянув на него с беглой, немного принужденной улыбкой. Джон уже научился интерпретировать такого рода ответы; это значило, Бенино не знал или знал не точно.

В принципе это было неважно. По сигналу тренера Джон вслед за остальными надел маску, поправил дыхательный

аппарат и погрузился в лазурную синеву навстречу чудесам нетронутой природы.

Вначале перед глазами у него стояла стена воздушных пузырьков, кислородные баллоны, казалось, хотели отделиться от него, и потребовалось некоторое время, чтобы он управился со всем этим. И когда он наконец огляделся, он увидел лишь подводную пустыню.

Все было мертвым. Горстка мелких тропических рыбок сверкнула над серым морским дном, как будто поспешно удирая отсюда. Когда Джон подплыл ближе, рыбки спрятались в темных провалах окаменевшего кораллового рифа. Джон дотронулся до какого-то камня, и он раскрошился у него в пальцах. Он глянул вверх. К нему подплыла Патриция со своими длинными, реющими волосами, как русалка, и в ее глазах он тоже прочитал такую же подавленность, какую чувствовал сам.

Они поплыли дальше, Бенино немного впереди, но куда они ни приплывали, всюду находили только серую, безжизненную подводную пустыню. Любая автостоянка перед супермаркетом содержала в себе больше признаков жизни, чем эти коралловая бухта. Наконец Бенино остановился, повернулся к ним и знаком подозвал к себе ближе.

В это мгновение Джон услышал глухое «Бум!» и тут же второе, и ему понадобилось несколько бесконечных секунд, чтобы понять, что это были взрывы.

Альберто Вакки ждал на открытой террасе перед отелем, когда она вернется из государственного архива, как и во все предыдущие дни. Она не знала, что он делал целыми днями; возможно, у него и не было никаких других занятий, кроме как сидеть здесь, пить капучино и ждать ее.

Она села на свободный стул перед ним, поставив на колени сумку с блокнотами и фотокопиями, и лишь устало взглянула на него.

— Что-то вы рано сегодня, — сказал старый адвокат, с состраданием приняв ее взгляд. — Хотите чего-нибудь выпить? У вас, наверное, горло пропылилось.

— Не только горло, — кивнула Урсула Фален и переставила сумку на третий стул. — Воды, да, пожалуйста. Или виски. Двойной, тройной...

Он подал знак официанту.

— Но, боже мой, это звучит как-то нерадостно.

— Все безнадежно, Альберто. Безвыходно. Мне больше не приходит в голову, под каким ключевым словом я должна вести дальнейшие поиски. У меня такое чувство, будто я все листики этого архива уже перебрала руками.

— Может, прислать вам подкрепление, помощников. Я мог бы организовать нескольких студенток...

— Нет, дело не в этом. Люди, которые мне там помогают, просто замечательные — старательные, подключают и свои мозги, английским владеют лучше меня... Нет, документов просто нет. Точка.

Появился официант, тонкий, темнокожий человек с четко очерченным горбатым носом. Урсула Фален заказала Сан-Пелегрино и кофе *con latte*, а Альберто Вакки — *amarretto*.

— Хм-м, — озадачился он после ухода официанта. — Но ведь они были в журнале входящих документов, правильно? Значит, где-то они должны быть.

— Мы обыскали каталог имен. Никакого Фонтанелли. Есть один Вакки, но совсем другой. Мы искали по географическому каталогу, по алфавитному каталогу, по...

Внезапный грохот заставил ее испуганно вздрогнуть. У двустворчатой клапанной двери, ведущей на кухню, произошло столкновение, на полу валялся поднос, осколки зеленой бутылки из-под минеральной воды и стакана, и чуть не плачущей девушке-ученице приходилось выслушивать нагоняй от официанта.

Альберто эта сцена позабавила.

— Такое я здесь уже видел и раньше, — сказал он. — Наверное, им надо было пометить створки табличками, какая входящая, какая выходящая.

— Да, — рассеянно сказала Урсула. — Но я боюсь, они все равно будут сталкиваться. — Позднее солнце лучисто отражалось в осколках стекла. Одна створка все еще продолжала качаться туда и сюда, издавая скрип, похожий на птичье чириканье. Альберто что-то сказал, но она не слушала его, думая о табличках входа и выхода с кухни, и вдруг начала мотать головой. — Ах я, идиотка! Я самая большая идиотка, каких свет...

— Урсула? — встревоженно окликнул ее Альберто. — Что с вами?

Она встала, глянула на свои часы. Она успевала.

— Мне надо вернуться в архив, — сказала она, только сейчас сообразив, что предыдущую фразу нечаянно произнесла по-немецки.

— В архив? Но что вы хотите там перед самым закрытием?

— Журнал исходящих. Я забыла попросить у них журнал исходящих документов.

* * *

Они вынырнули. Бенино сорвал с лица маску.

— Они глушат рыбу динамитом, — взволнованно воскликнул он, огляделся и показал рукой: — Вон там.

Действительно, в четверти мили от них на волнах показывалась рыбацкая лодка. В ней сидели два рыбака, один греб, а второй орудовал большим черпаком.

— Тогда поплыли отсюда, — сказал Джон и огляделся в поисках «Прорицания», но яхта стояла на якоре за скалой, и ее не было видно.

— Нет, я поплыву к ним, — настаивал уполномоченный правительства. — Глушить рыбу строго запрещено. Динамит разрушает кораллы, разрушает нерестилища... Вы же сами видели. Мой долг задержать этих людей.

— И как вы собираетесь это сделать? Голыми руками? Ведь эти люди — *с динамитом!*

Но Бенино только упрямо помотал головой, снова надел маску и нырнул в сторону лодки.

— Что будем делать? — тревожно спросила Патрисия. — Не можем же мы оставить его одного.

Джон скривился.

— Мои охранники откажутся от меня, если я поплыву за ним. — Он пошарил у себя на поясе и снял пластиковый футлярчик, который Марко всучил ему перед погружением, расстегнул его и извлек приборчик. — Посмотрим, такой ли он герметичный, как уверяет производитель. — Он включил его, и, на удивление, на мокром приборе загорелся красный светодиод. — Ай да игрушка! — Он нажал кнопку вызова. — Марко? Вы меня слышите?

— *Яш слышу ваш отлишно*, — с треском вырвалось из коробочки.

— Марко, приезжайте, пожалуйста, на моторке, — крикнул Джон в запечатанный микрофон, надеясь, что выражается просто и недвусмысленно. — Мы в бухте. И поторопитесь.

В ответ послышалось неразборчивое *мхкрхр*.

— На лодке, — повторил он. — Скорее.

— Мхр крхр техрх.

Джон посмотрел на красный светодиод, похожий на издевательски мигающий глаз.

— Я сделал все, что мог, — сказал он, отключил прибор и сунул его в держатель на поясе. — Поплыли. Мы же не хотим оставить Бенино одного.

Они сбросили кислородные баллоны и поплыли за ним поверху, не имея никаких шансов его догнать. Видимо, тренированным торсом пловца он был обязан не только генам. И пока они плыли к лодке, на поверхность воды стали всплывать дохлые рыбки, размером все больше и больше, чем ближе они подплывали к лодке.

Оба рыбака отвернулись к другому борту, собирая добычу, и не заметили их приближения. Когда Бенино внезапно вынырнул перед ними из воды, они насмерть перепугались.

Один чуть не выронил свой черпак, другой принялся кричать. Бенино тоже кричал в ответ на языке, который,

на слух Джона, представлял собой вариации слов *маланг-маланг* и *алала*, и потом принялись кричать все трое.

Тут рыбак с веслом заметил приближение Джона и Патрисии. Он вскочил, угрожающе поднял весло, как дубину, крича и жестикулируя, явно готовый пустить орудие в ход. Другой пытался его уговорить и успокоить, но, видимо, имел мало влияния на своего спутника.

— Боже мой, — крикнула Патрисия, захлебнувшись, отплевалась, — он же ударит Бенино по голове!

Джон не ответил, прежде всего потому, что быстрое плавание совершенно выбило его из дыхания. Он остановился и расставил руки, чтобы не пустить Патрисию ближе к лодке. Лодка ходила ходуном и раскачивалась от яростного топота гребца и перевернулась бы, если бы не широкие стабилизаторы по бокам. Дело принимало серьезный оборот.

— Он боится за лодку, — запыхавшись, крикнула Патрисия, колотя руками по воде. — Лодки здесь конфискуют, если застукают рыбака на динамите. Раньше за это полагалась даже смертная казнь.

Джон удивленно глянул на нее:

— Откуда вы знаете?

— Прочитала в путеводителе.

Тогда становилось понятным волнение рыбака. Лишиться лодки означало, без сомнения, гибель. Людей убивали и по меньшему поводу.

Но вместо того чтобы опустить весло на голову Бенино, рыбак внезапно замер, застыл, как статуя, и уставился в сторону горизонта. Они невольно повернули головы туда же: по волнам прямо на них мчалась белая и элегантная моторка с «Предсказания». Только теперь, когда крики стихли, стал слышен приглушенный шум подвесного мотора.

Приземистая фигура рыбака сникла. Он выпустил весло, сел и спрятал лицо в ладонях — заплакал. Второй растерянно смотрел на него, перебирая в ведре пойманных рыбешек и предавшись судьбе.

Моторная лодка мощно подплыла бортом к борту. Марко сидел за рулем, рядом с ним — молодой, жилистый мужчина в солнечных очках, которого, насколько мог припомнить Джон, звали Крисом, это был рыжий ирландец, трудно переносивший тропическое солнце.

— Все в порядке? — встревоженно спросил Марко, спуская веревочную лестницу, по которой они смогли подняться на борт.

Больше всего Джона потрясло то, насколько убогим был улов рыбаков. Рыбешки длиной с ладонь только прикрывали дно пластикового ведра. Вместе с той рыбой, которая пока болталась на волнах, всего этого насилу хватило бы на две жаренки, если есть вместе с плавниками и костями.

— Я не понимаю, — сказал он Бенино. — Какой расчет? Ведь надо еще заплатить за динамит.

У Бенино не было желания вникать в экономические расчеты. Он сидел, дрожащими руками вытирая лицо, и бормотал что-то на своем родном языке.

— Уже девяносто процентов коралловых рифов разрушено динамитом, — вырвалось у него. — Им запрещают, у них отбирают лодки, а они все равно не прекращают.

— Да, — кивнул Джон. — Но для этого, наверное, есть причины?

— Просто они *тупые!* — Он выглядел на пределе нервных сил. — Тупые, суеверные и толстокожие.

Джон посмотрел на остальных. Марко ждал распоряжений. Патрисия села рядом с Бенино на скамью и колебалась, обнять его или лучше не надо. Оба рыбака поглядывали на них снизу из своей лодчонки, и на их лицах был написан голый ужас.

— Бенино, — сказал Джон, — я хочу посмотреть, как они живут.

Посланник правительства непонимающе взглянул на него.

— Как они живут?

— Да. Их деревню, их семьи, все остальное. Я хочу понять, почему они это делают.

— Зачем?

— Я же сказал: я хочу понять, как они живут.

Широкоплечий филиппинец хотел возразить, но вспомнил, для чего направлен сюда.

— Они живут очень просто. Ничего интересного их жизнь собой не представляет.

— Если я интересуюсь, значит, представляет.

Тот боролся с собой.

— Но это не самая красивая сторона жизни нашей страны. А я должен показать вам красоту. А не убогую рыбацкую деревню.

— На красивую сторону вашей страны я насмотрелся за три недели.

Бенино смотрел в дно лодки, как будто там было что-то притягательное.

— На самом деле мы должны сдать их куда полагается и ехать дальше. Это было бы лучше всего.

— Но не для них. И у меня нет желания изображать из себя полицию. — Джон потер подбородок. — Но, разумеется, я не хочу вас принуждать. Мой секретариат подыщет мне переводчика и отправит его сюда самолетом. Вопрос нескольких часов. — Он солгал, что не хочет его принуждать. Впервые ему пришлось воспользоваться уроками Маккейна о власти и ее применении, и целенаправленно.

И успешно. Бенино невидяще смотрел перед собой. В молчании, которое возникло после слов Джона, можно было форменным образом различить, что он думает. Что его прогонят. Что это будет для него позор.

— Нет, этого не понадобится, — наконец пробормотал он. — Раз уж вам так хочется...

— Спасибо, — Джон указал в сторону рыбаков. — Скажите им, чего мы хотим. Чтобы они отвели нас в свою деревню.

— Прямо сейчас? — взвилась Патрисия. — Нет, Джон, вы не можете так поступить. Мне надо на корабль, смыть соль с волос.

«Разумеется, прямо сейчас, — подумал Джон. — Потом мы их уже никогда не найдем».

— К вечеру вернемся. Бенино, пожалуйста.

Пока Патрисия чертыхалась, посланник правительства перегнулся через борт и поговорил с рыбаками. Тот, который с веслом, приземистый человек со шрамами на лице, был явно главный; другой, у которого, как Джон успел заметить, не хватало на обеих руках по пальцу, что свидетельствовало о том, что он не впервые глушит рыбу динамитом, был хоть и старше, седой и морщинистый, казался подчиненным.

— Они отказываются, — объяснил Бенино. — Они спрашивают, чего нам надо в их деревне. Они думают, мы что-нибудь сделаем их семьям.

— Скажите им, чтоб не боялись. И что мы на них не заявим.

Бенино прокашлялся.

— Если позволите предложить вам... Дайте им немного денег. Пять долларов или десять, это здесь целое состояние. Тогда они вам поверят.

Джон схватился за свой неопреновый костюм. Разумеется, никаких денег при нем не было. Если вспомнить, то с тех пор, как он разбогател, у него практически больше никогда не было при себе денег.

— Есть у кого-нибудь десять долларов? — спросил он, глядя на остальных. — Марко, может, у вас? Я верну.

— С процентами и процентами на проценты? — ухмыльнулся Марко, обшаривая свои карманы. И действительно извлек десятидолларовую купюру и протянул Джону. — Теперь вы мой должник.

— Спасибо. — Он передал купюру Бенино, а тот — рыбакам.

Рыбаки оживились, закудахтали, у гребца загорелись глаза. Они смотрели снизу вверх на сидящих в моторке и взяли деньги.

— Его зовут Педро, а другого Франциско, — сообщил Бенино. — Они поведут нас в свою деревню.

* * *

Деревня стояла так близко к воде, как будто напиравший сзади лес постепенно оттеснял ее в море. Маленькие серые хижины с плетеными стенами и крышами из растрепанных пальмовых листьев стояли тесно, некоторые на сваях над водой или в кронах мангровых деревьев, которые росли из реки. На веревках висели выцветшие лохмотья, в которых Джон только со второго взгляда опознал майки, рубашки и шорты, так же лишь со второго взгляда он рассмотрел чуланы из картона, волнистой жести и пластика, которые были пристроены за хижинами и между ними. Сбежались толпы полуголых детей, завидев большую белоснежную моторную лодку, подплывающую к ветхому причалу словно из другого мира.

— Никого не гладьте по голове, — тихо предупредил Бенино, — детей тоже. Это считается невежливым.

Но такая опасность им не грозила, потому что дети держались на почтительной дистанции и только непрерывно хихикали над плотно облегающими гидрокостюмами. В со-

провожении эскорта детей они шли за рыбаками, и Патрисия тоже, хотя она до самого причала повторяла, что ноги ее не будет на этой земле. В лодке остался только Крис.

Уже на причале к ним навстречу вышел мужчина, у которого вместо правой руки был ржавый крюк; они пожали ему левую руку. Перед одной из хижин сидел на стуле мужчина, у которого от обеих ног уцелело только одно бедро, и он держал на этом бедре коричневую бутылку, глядя на гостей мутным взором. Они увидели нескольких молодых мужчин на самодельных костылях, потому что они были одноногие. Еще один остался без рук, и когда провожающие заметили, как это тронуло их гостей, они показали им одного мужчину в хижине, у которого не было ни рук, ни ног. Он был подвешен в мешке к потолку. Они что-то сказали и от души расхохотались; смеялся даже человек, подвешенный к потолку, раскрыв свой неопрятный, щербатый рот.

— Что они сказали? — спросил Джон.

— Что уже без рук и без ног он сделал двух детей, — смущенно перевел Бенино.

Патрисия отвернулась.

— Меня сейчас вырвет, — сказала она.

Это походило на наркотический туризм в чужой мир, на кошмар с картины, изображающей ад. Это была не рыбацкая деревня, а театр военных действий. Люди, казалось, жили прямо на фронте, на минном поле, хотя единственная битва, в которую все они были вовлечены, велась за выживание.

Они дошли до хижины Педро. Его жена, хрупкое существо с большими потухшими глазами, низко поклонилась, и ее муж прикрикнул на нее, чтобы обслужила гостей. Она исчезла и вернулась с опущенной головой, безымянной коричневой бутылкой, из которой пахло алкоголем, и миской холодного риса с подмешанными в него кусочками рыбы. Педро между тем подвел к ним своих детей, числом семь, четверо из которых были сыновья, которых он представил по имени. Потом он жестом пригласил их садиться — для трапезы и беседы.

— У меня еще есть немного денег, — прошептал Марко. — Если уместно будет показать им нашу признательность за гостеприимство. Ведь мы сейчас, наверное, съедим их недельный рацион.

— После, — шепотом ответил Бенино.

Франциско, про которого так и оставалось непонятным, кем он приходится Педро и его семье, остался сидеть с ними, а потом и еще стали приходить деревенские, чтобы посмотреть на пришельцев — хотя никто не осмеливался надолго поднять на них глаза, кроме самых маленьких детей, и принять участие в разговоре.

— Они говорят, что им приходится выходить все дальше в море, потому что вблизи уже ничего не ловится, — переводил Бенино, добавляя от себя: — Чему удивляться, они же все истребили. Включая и самих себя.

С места, на котором сидел Джон, виднелся кусочек берега, на котором жалкий старик, до которого еще не дошли деревенские новости, закидывал и вытягивал сеть, должно быть, мелкоючеистую, судя по тому, какие в ней поблескивали мальки, с ангельским терпением, на одно и то же место

— Они хоть знают, почему динамит запрещен? — спросил Джон. — К каким последствиям он приводит?

Бенино спросил, собравшиеся рыбаки отвечали, потом Бенино объяснял им явные взаимосвязи, о которых они, судя по удивленным лицам, никогда не слышали. Что коралловые рифы — родина миллионов живых существ, многие из которых являются кормом для рыб, привлекая тем самым косяки. Что динамит все это разрушает. Что они своими попытками увеличить улов истребили самые основы лова, опустошили дно, лишив своих детей пропитания.

Джон снова глянул наружу, на старика на берегу и вспомнил, что он когда-то, сто лет назад, как ему казалось, сидел в своем кабинете и читал книгу об этих взаимосвязях. Тогда он видел все это в другом свете, причем коралловые рифы казались ему пустяком. Теперь он видел действительность. Для этих людей коралловые рифы были вопросом жизни и смерти.

— Они этого не знали, — в замешательстве сообщил Бенино. — Они думали, динамит запрещен потому, что он опасен для самих рыбаков. — Он покачал головой. — Они и сейчас этого не понимают толком...

Патрисия де-Бирс вертела между пальцев кончики волос и придирчиво разглядывала их.

— А почему они вообще начали глушить рыбу? Ведь старый добрый способ действовал веками, а?

— Хороший вопрос, — кивнул Джон.

Бенино перевел ее вопрос. Отвечали на него в основном старшие — протяжными и мелодичными рассказами, — а остальные согласно кивали. Но все, что они рассказали, посланник правительства уместил в одну фразу:

— Улова больше не хватало.

— Почему?

— Их стало очень много.

— И пришлось искать новые методы лова, — Джон понимающе кивнул. Итак, мать всех проблем: рост населения. Он огляделся, рассматривая толпы детей, человеческие проценты и проценты на проценты с их предков. — А им не приходило в голову поумереннее плодиться?

Бенино помедлил, покачал головой:

— Об этом и спрашивать нечего. Такое здесь запрещено.

— Что? — возмутилась Патрисия. — Противозачаточные средства?

— Это противозаконно. И богопротивно.

— А давать пенициллин ребенку с воспалением легких — не богопротивно?

Он развел руками.

— Не мне судить. Это дело церкви. Я руководствуюсь тем, что говорит священник.

— А, ты руководишься. — Она оглядела его с язвительной и уязвленной улыбкой, потом нагнулась к нему и тихо сказала: — У меня есть для тебя загадка, принимаю я пилюли или нет. Отгадай.

Бенино смотрел на нее, широко раскрыв глаза, и у Джона возникло сильное подозрение, что если между этими двоими и был роман, то сейчас он как раз закончился.

Потом, по дороге назад, к лодке им встретился старик с мелкойчеистой сетью. За те два часа, что они провели здесь, он собрал пригоршню мальков длиной в один-два сантиметра.

— Спросите его, понимает ли он, что эти мальки уже не вырастут во взрослых рыб, способных размножаться, — попросил Джон Бенино. — Понимает ли он, что лишает себя последнего шанса получить пропитание через год-другой.

Бенино медленно вздохнул и сделал, что попросили. Старик, одетый только в рваные спортивные штаны, посмотрел на них близорукими глазами, печально улыбнулся

и что-то ответил. Потом, проходя мимо них, он слегка хлопнул Джона по плечу.

— Он сказал, — перевел Бенино, — если он будет ждать, когда эти мальки вырастут, он умрет еще раньше.

Наступил тот вечерний час, когда наконец подул прохладный бриз. Они, как всегда, хорошо поужинали — с нечистой совестью, но хорошим аппетитом, а двое молодых охранников тем временем сплавали на лодке в бухту за аквалангами, которые бросили Джон и Патрисия.

Яхта слегка покачивалась по легкой зыби. Стоя у поручней и прислушавшись, можно было различить, как работают под водой стабилизаторы. Обрывки облаков, похожие на клочья дыма, скрывали часть звезд, и даже казалось, что пахнет дымом.

Патрисия сидела в салоне, погрузившись в себя, и писала письма, Бенино Татад сидел на носу и рассеянно смотрел в воду. Джон прошелся по судну, поговорил со stewardом и коком, с машинистами и, наконец, с капитаном Броссаром, убедился, что все в полном порядке, и удалился к себе в каюту.

Это было помещение, которое совсем не казалось ему уютным, скорее напоминая назойливо обставленный номер в отеле, чем свое жилье, но сегодня он был рад, что может здесь закрыться. Он опустил в кресло, некоторое время бессмысленно пялился в пространство, а потом взял телефон, чтобы позвонить Маккейну.

— Окружающую среду разрушает бедность, — сказал он после того, как изобразил ему события прошедшего дня. — Не рост населения, не недостаток образования — бедность. Тот, кто голодает, не имеет выбора, сохранить ли жизнь животному вымирающего вида, потому что тогда он вымерет сам. Есть-то ему нужно *сейчас*. Тот, кто мерзнет, не имеет выбора, оставить ли ему дерево несрубленным, чтобы земля не опустевала. Ему надо выжить самому, и его единственный выбор — или дерево, или он сам. Бедность припирает человека к стене. В таком положении не думаешь ни о других людях, ни о природе. Бедность — вот ядро проблемы.

Маккейн помолчал — а может, это было лишь запаздывание спутниковой связи.

— Мне нечего возразить, — сказал он. — Вопрос только в том, какие выводы вы делаете из этого.

— Я спрашиваю себя, не лучше ли было бы осуществить множество мелких проектов, по всему миру, ориентированных на такие проблемы. Например, здесь, на Филиппинах. Я перед ужином сделал несколько звонков, переговорил с людьми, которых мне смог назвать посланный от правительства и которых мне раздобыл секретариат, и я выяснил, что даже смехотворно маленькие вложения могли бы дать здесь большой эффект. Если здесь перестали бы глушить рыбу динамитом и на пару лет оставили рифы в покое, жизнь бы в них возродилась и рыба вернулась бы. Боже мой, да если бы даже просто накидать в море старых автомобильных шин, они бы заменили рифы. Надо только сделать это. Надо снять несколько простых учебных фильмов, на всех местных диалектах, чтобы объяснить рыбакам взаимосвязи. И надо улучшить использование ресурсов — иначе треть улова гибнет, шестьсот тысяч тонн в год, только оттого, что не хватает холодильных складов и рефрижераторов, а дороги в плачевном состоянии. Я пришел к сумме в десять, ну, в пятнадцать миллионов долларов, разделенных на несколько лет, которые могут здесь буквально совершить чудо, если приложить их с умом.

— М-м-м. Без сомнения, вы понимаете, что такого рода проектов по всему миру бесчисленное множество.

— Конечно. Но, в конце концов, у меня есть на них целый триллион долларов.

— Да уже как минимум вдвое больше, если вы позволите мне внести поправку.

— Тем более. Этого хватит на сто тысяч таких проектов. Сто тысяч мест на глобусе, где мы можем вмешаться в ситуацию и сравнительно небольшим толчком направить ее в позитивную сторону. Буквально точечные уколы, но в сумме это даст акупунктурное лечение планеты, так я себе представляю это.

Маккейн хрюкнул.

— То, что вы предлагаете, сведется к латанию дыр.

— Но это было бы хоть что-то *реальное*, — настаивал Джон. — А не эти гигантские планы *когда-то* что-то сделать.

— Знаете, что вы как раз сейчас делаете? Вы прячете голову в локальных взаимосвязях, потому что сложность глобальных взаимосвязей вас страшит. Но если вы верне-

тесь к линейному мышлению, вы только усугубите положение, потому что именно линейное мышление завело мир в тупик. Но вполне может быть, что такого рода проекты окажутся целесообразными, как только наша компьютерная модель...

— Но это всего лишь *модель*, а не действительность. Модель никогда не сможет учесть все подробности, которые влияют на реальность.

— По счастью, это и не нужно. Расчет околоземной орбиты — тоже лишь модель, и довольно грубая, а спутники, глядишь, по ней летают, через которые мы с вами сейчас говорим, — терпеливо растолковывал Маккейн. — Смотрите, Джон, я хочу привести вам пример. Остров, на котором вы побывали, называется Панглаван, вы сказали?

— Да.

— Я подозреваю, что деревня, которую вы посетили, построена на удивление близко к морю. Хотя ее не теснят никакие горы, позади нее равнина и лес.

Джон даже растерялся.

— Да.

— А вы знаете, почему так?

— Нет.

— Потому что лес принадлежит послу Филиппин в Ватикане, равно как и плантации сахарного тростника в середине острова, и набожный господин не разрешает жить в его лесу никому, кто на него не работает. Вы просматриваете какую-нибудь взаимосвязь? Филиппинцы строят свои лачуги на сваях или на кронах деревьев не потому, что это так романтично, а потому, что берег никому не принадлежит. Потому что почти вся суша и плодородная почва на Филиппинах находится в собственности двадцати семейных кланов, которые заняли правильные позиции еще в старые колониальные времена, и они меньше всего хотят каких бы то ни было перемен. Они будут вам благодарны, если вы решите их проблемы, не ставя под вопрос существующие структуры власти. Нет, Джон, таким способом вы только растратите деньги, и понадобится всего несколько лет, чтобы все вернулось в прежнее русло. И совсем не это имелось в виду под «возвращением людям потерянного будущего».

Трубка в руке Джона потяжелела, и ему показалось, что сам он как воздушный шар, который проткнули и из которого теперь выходит воздух.

— Хм-м. Боюсь, что и мне нечего вам возразить.

— Ключ — в структурах власти, — продолжал Маккейн. — Тут не надо входить в подробности. Это, кстати, действительно и для нас. Время запрета на охоту на нас с вами кончилось. Сильные мира сего сообразили, что происходит. США, Япония строят против нас интриги. Все втихую, разумеется.

В ушах Джона это звучало несколько параноидально.

— Вы в этом уверены?

Маккейн безрадостно рассмеялся.

— Мне достаточно окинуть взглядом мой стол, чтобы удостовериться в этом. Нас завалили исками — шьют нам нарушение соревновательного права, картельного права, закона об участии рабочих в управлении предприятием, закона о защите окружающей среды, короче, весь кодекс; к тому же иски по производственной ответственности на безумные суммы возмещения — и все наглая ложь, и в судах выступают свидетели, про которых известно, что они сотрудничают с ЦРУ, — как вам это понравится? В Японии сотрудникам налоговой полиции в пору выдавать постоянные пропуска на наши предприятия, они ходят к нам как на работу, все останавливают и задают дурацкие вопросы. Или вот, например, в Марокко мы собирались заполучить *Bank of Rabat*, уже обо всем договорились и заручились согласием, и вдруг там приземляется самолет американского госсекретаря по пути из Израиля, якобы для заправки, которая длилась почему-то больше четырех часов — и на следующий день мы получаем уведомление, что аукцион выиграл Chase Manhattan Bank. Мне продолжать?

— Довольно, я вам верю. — Джон собрал лоб в морщины. — Может, мне в такой ситуации лучше вернуться?

— Если вы за время вашего отпуска успели сдать экзамен юриста и запаслись десятилетней практикой, то ваше присутствие может оказаться тут полезным. А если нет, то вам лучше оставаться там, изображая фигуру природозащитника в качестве украшения носа судна. Вы хоть слышали о лесных пожарах?

— О лесных пожарах?

— В Индонезии вышло из-под контроля огневое корчевание лесов, и теперь есть опасность, что в ближайшие недели сгорят все леса, поскольку в этом году там небывалая засуха. Это беспрецедентная катастрофа. Дым и гарь тянутся до самой Малайзии и Сингапура; я думаю, в ближайшие дни перекинется и на Филиппины. И это только начало.

— И что я должен в связи с этим делать?

— Клеймить позором злоупотребление природой, отказ политиков нести ответственность, ну и все такое. Напишем речь, когда до этого дойдет. — Маккейн на этих словах, судя по звучанию, зевнул и потянулся.

Джон помедлил.

— Мне не так просто будет здесь болтаться и отбывать отпуск, если у вас все так, как вы говорите: иски и происки. Не поймите меня неправильно... Но мне в некотором роде интересно, останется ли что-нибудь от моей фирмы к моменту моего возвращения

Маккейн засмеялся. На сей раз это звучало даже весело.

— Разумеется, все так, как я вам сказал. Но это не значит, что мы не держим ситуацию под контролем. Война в разгаре. Японские финансовые институты, которые устраивают нам налоговые проверки, с некоторых пор начали испытывать *странные* трудности с выходом на ликвидные средства на рынке денег. Один из них, Yamaichi Securities, самый старый брокерский дом Японии и, соответственно, высокоавторитетный, оказался к тому же впутанным в высшей степени позорную историю шантажа, что привело к тому, что все больше и больше клиентов отзывают у них свои капиталы — я удивлюсь, если они продержатся до конца года. А что касается США, тут с нами Бог. Мы на днях узнали, что президент затеял любовную интригу с практиканткой Белого дома, а пресытившись, устроил ее в Пентагон на работу с годовым заработком семьдесят тысяч долларов, чтобы избавиться от нее. Что вы думаете, какую пользу можно из этого извлечь? Да он кровавым потом изойдет. У него больше не будет времени строить против нас козни, он горько пожалеет о том, что не евнух, помяните мое слово.

— Ну, не знаю. Честно говоря, эта новость не валит меня с ног. Да любой президент в возрасте до шестидесяти имеет какую-нибудь интрижку. Я сомневаюсь, что это кого-нибудь сильно взволнует.

А это действительно интересный подход, подумал Маккейн, закончив разговор.

Он хотел сделать глоток кофе, но в чашке осталась одна гуща на дне, и термокофейник тоже был пуст. Он переставил то и другое на журнальный столик, где громоздилась уже гора пустых чашек. Надо будет как-нибудь вынести все это. Он больше никого не допускал в свой кабинет для уборки, потому что всюду лежали секретные материалы — на всех столах и штабелями на полу. В теперешней ситуации приходилось исходить из того, что всюду приставлены американские шпионы, чтобы выведать, чем *Fontanelli Enterprises* располагает, что он может и что замышляет. Поэтому он выставил перед дверью кабинета охранников и каждый вечер собственноручно запирал его.

Он взял свою папку с записями и вернулся в конференц-зал, который он называл *Военным залом*.

— ...взять премьер-министра к нам на зарплату и включить в платежную ведомость — не проблема, — говорил мужчина с длинными седыми волосами, схваченными в конский хвост на его бычьей затылке.

Маккейн бросил взгляд на карту Южной Америки, которую отбрасывал на экран проектор. Он не знал, о каком премьер-министре шла речь, и его это не интересовало.

Куда важнее было держать Фонтанелли в хорошем настроении. Его возвращение в такой момент было бы некстати и сулило множество проблем, не говоря уже о необходимости разъяснять ему каждую акцию, которую они проводили или готовили и которая могла и не отвечать общепринятым представлениям о «моральной безупречности».

Он сел.

— Мистер Фреман, — обратился он к мужчине с конским хвостом, — господа... Извините, что я перебиваю. Мистер Фонтанелли только что высказал соображение насчет дела Клинтона, и мне это соображение кажется важным.

— А именно? — с мрачным взглядом спросил Фреман.

— На него не произвело особого впечатления сообщение об интрижке президента. Он сказал, что, по его мнению, у любого президента младше шестидесяти есть интрижки.

— Да, правильно, — сказал сухой молодой человек, сидящий у проектора.

Маккейн скрестил руки.

— Может, мы переоцениваем действенность нашей истории.

— Хм-м, — нагнулся вперед Фреман, и это движение казалось у него агрессивным, уперся локтями и стал вертеть массивное кольцо с печаткой на пальце. — Все зависит от того, как это сделать, — сказал он, насмотревшись в пустоту перед собой. — Допустим, мы сделаем не обычную разоблачительную историю, а... Да. Мы подберемся к нему с другой стороны. Это даже лучше. Вначале мы дадим кое-чему просочиться — ничего конкретного и доказательного. Для него это должно выглядеть так, что он сможет выйти сухим из воды, если просто будет все отрицать.

— И что потом? — скептически спросил мужчина рядом с ним, грузный чернокожий со шрамом на подбородке.

— Если мы заставим его отрицать интрижку под присягой, — объяснил Фреман со злой улыбкой, — то он нарушит свою присягу. Тогда мы выступим с доказательствами и сломаем ему шею, когда захотим.

— С каких это пор американский президент клянется, что не будет иметь интрижек? — прорывал его сосед.

Фреман презрительно поднял брови.

— Под присягой президент клянется соблюдать законы США. Вы хотите поспорить со мной, является ли ложная присяга нарушением закона?

— Момент! — Маккейн поднял руку. — Я не хочу свержения президента. Я хочу лишь отвлечь его, чтобы он занялся другими делами.

Фреман нетерпеливо кивнул.

— Это ясно. Это мы сделаем. Но я полагаю, не будет лишним, если вы сможете ему позвонить и попросить о той или иной любезности?

* * *

Джон проснулся необычно рано, и когда поднялся на палубу, там пахло дымом. Он посмотрел в небо, оно было затянуто серой, нездоровой, угрожающей пеленой: не облаками, а дымом.

Все тенты на борту были скатаны. Но уже предчувствовалась дневная жара, которая их ожидала.

Он поднялся на верхнюю, солнечную палубу, сел за еще не накрытый стол для завтрака и разглядывал ландшафт, такой великолепный, будто они заново обрели потерянный рай.

Через некоторое время по трапу поднялся Бенино. Он нерадостно улыбнулся, увидев Джона.

— *Magandang umaga po, Ginoong Fontanelli*, — сказал он, садясь рядом.

— И вам доброе утро, *Ginoong* Татад, — ответил Джон. Он указал на пустой стол: — Вы что-нибудь замечаете?

— Он не накрыт.

— Для этого еще рано. Я о другом.

Филиппинец уставился на столешницу, отчаянно ища ответ.

— Он серый, — подсказал Джон. — А должен быть белый. — Он провел ладонью по столу и показал ему. Ладонь почернела. — Сажа от лесных пожаров в Индонезии.

Бенино посмотрел на его руку, потом на след, оставленный на деревянной, со специальным покрытием, столешнице.

— Это ужасно, — сказал он наконец.

— Да? Кажется, положение обостряется. — Джон достал из кармана платок и вытер руку. — Я, кстати, собирался сегодня еще раз съездить на остров и поговорить с людьми в деревне. Кое-что так и осталось для меня неясным.

Бенито он посмотрел в окно

ноги ступали на землю и он увидел, что это был конец пути

он рассмеялся и сказал, что это было конец пути
он был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он
был доволен в то время и он молился, чтобы он

Весть о том, что снова приехали люди, которые застукали Педро и Франциско за динамитным ловом и не заявили на них, молниеносно облетела деревню, и что они раздают десятидолларовые банкноты, настоящие американские доллары, тоже не долго продержалось в тайне. Вскоре гости сидели в окружении всех тех, кто сегодня не вышел в море — кто из-за отсутствия лодки, кто оттого, что больше не годился для работы рыбака, — и расспрашивали о разном, о деревне, есть ли телефон, где покупают продукты, которые не выращивают или не добывают сами, и где продают свою рыбу. Они рассказали им о Туае и тамошнем рынке, где они покупают рис и кокосовое масло, о скупщике рыбы с его холодильником и что в Туае есть не только телефон, но и настоящая почта, а еще есть правление, доктор и церковь.

— Спросите их, кто продает им динамит, — сказал Джон Бенино.

Внезапно улыбки застыли на их лицах, глаза спрятались, один пошел прочь, не дожидаясь долларов. Джону и перевода не потребовалось, чтобы понять, что это вопрос нежелательный.

— Скажите, что мы их не выдадим. Что мы не имеем никакого отношения к полиции.

— Это я им уже говорил, — ответил Бенино.

Джон сжал губы и раздумывал.

— Понимаете, Бенино, должен быть кто-то, получающий от всего происходящего выгоду. Должен быть кто-то, заинтересованный в том, чтобы все оставалось как есть. И должен быть кто-то, заботящийся о том, чтобы все оставалось как есть. Я хочу лишь понять, кто это, и больше ничего. Мы здесь находимся на самом краю паутины, и я хочу только найти паука. Скажите им это. — Он свернул пачку долларов и у всех на виду сунул их в карман. — Скажите им также, что мы уедем в другую деревню, если не узнаем здесь то, что хотим.

Это постепенно развязало им языки. Динамит им продает скупщик рыбы. Он же продает им бензин — для лодок с

маленьким мотором, чтобы они могли выезжать подальше в море, где еще есть рыба. Бензин на один выезд стоит пять песо, но этих пяти песо у них нет. Скупщик дает им взаймы, но вернуть ему они должны уже восемь песо.

— Ничего себе, — сказал Джон. — Ссуда под шестьдесят процентов.

Большинство рыбаков были ему должны, и со временем долги не уменьшались, а только нарастали. Как-то не получается расплатиться, печально говорили они. Без динамита об этом и думать нечего. Есть еще несколько тайных мест, далеко в море — собственно, слишком далеко для их лодчонок, — где еще можно поймать рыбу, которая заслуживает этого наименования, иногда даже *lapu-lapu*, благороднейшую рыбу Филиппин, которая приносит хорошие деньги. Но и это означает только то, что скупщик зачеркнет одну цифру в своей черной тетрадке и напишет другую, но все равно приходится брать у него кредит, чтобы купить рис.

— И сколько таких скупщиков? — спросил Джон.

В Туае он всего один. Его зовут Джозеф Балабаган. С Джозефом Балабаганом портить отношения нельзя.

— Значит, цену назначает он, — понимающе кивнул Джон, — и рыбакам ничего другого не остается, как соглашаться. Они все от него зависят.

Один из мужчин, с крюком вместо правой руки, рассказал, как он пытался расплатиться с долгами. Он выходил в море в ранние утренние сумерки и работал до темноты, пока держали ноги. Он вытянул свою правую руку, всю в шрамах, с ужасной культей на конце. Это случилось вечером. Он так устал, что смыкались глаза, и просчитался, опоздал бросить динамит.

— Моя красивая рука, — добавил он на чуждом для его языка английском, и хотя он улыбался, как все они тут постоянно улыбались, в глазах его блестели слезы.

Джон смущенно смотрел на него, пытаясь представить, что это значит — потерять руку, и не мог.

— И как вы живете теперь? — тихо спросил он.

Рыбак опустил глаза, глядя на циновку, на которой они сидели, и у его рта внезапно появились жесткие черты.

— Дочь шлет деньги. Она работает нянькой в Гонконге, — перевел Бенино.

— Нянькой? — удивился Джон.

Бенино пристыженно откашлялся.

— Проституткой, наверное, — тихо объяснил он.

— Ясно. — Джон оглядел темнокожих инвалидов, сидящих вокруг с мягкими улыбками, но печальными глазами, и ему показалось, как в горячечном бреду, что за каждым из них разверзлась пропасть беды, страдания и нужды, зияющий провал, откуда наверх пробивались лишь крики да запах крови. Это видение длилось одно мгновение, но у него мороз прошел по коже при виде пальм, моря и деревни, которая на первый взгляд казалась идиллией. Эта тропическая декорация показалась ему кулисой, маскирующей ужасные тайны — как цветы, растущие на братских могилах.

— Сколько стоит песо в долларах? — повернулся он к Бенино.

— Около двух центов, — сказал тот.

— Два цента. — Он поделил между ними остаток своих денег, встал и подозвал Марко. — Позвоните на «Прорицание». Пусть выгрузят джип. Мы поедем в Туай.

* * *

Первые рыбаки возвращались с дальнего лова, когда на берег выгрузили джип. Они вытаскивали свои лодки на берег и смотрели, как с мотобота по наклонной рампе буксировали большую, противоестественно чистую машину.

Патрисия де-Бирс поехала с ними.

— Я не хочу, чтобы все приключения достались вам одному, — сказала она.

— Ваши волосы пострадают, — напроорочил Джон.

— Грязь можно смыть, а скуку нет.

Узкая дорога в Туай была покрыта белой ломкой щебенкой, и машина вмиг покрылась слоем пыли. Они ехали под пышными пальмами и буйно разросшимися деревьями, мимо грязных луж, в сопровождении роев насекомых, среди оглушительной стрекотни, треска и щебета, и добрались до Туая меньше, чем за полчаса.

Местечко выглядело так, будто было построено во времена испанского владычества и с тех пор не изменилось. Церковь, массивная и уныло-коричневая, высилась посреди кучи домов, узенькие переулки между ними были почти непроходимы для машины. Пахло огнем, рыбой и гниющими отбросами. Они видели ремесленников, тачавших обувь

и строгающих доски, видели женщин перед кипящими горшками, видели школьников, сидящих под тентом в ряд перед учителем. И, к своему удивлению, они увидели порт. Целая толпа мужчин разгружала коричневые мешки и ящики кока-колы из буксира, пришвартованного к причалу.

— Может, можно было и на яхте причалить? — сказал Марко. — Тогда джип поднимем на борт просто краном.

— Об этом подумаем на обратном пути, — недовольно сказал Джон.

Джозеф Балабаган был упитанный человек лет пятидесяти. В коротких штанах, чистой белой рубашке и бейсболке он возился перед своим домом с мопедом, когда они подъехали. У него что-то явно не ладилось, он крутил поочередно какие-то колесики в моторе, нервно пинал мопед и изрыгал проклятия. Когда Марко остановил джип рядом с ним, Балабаган недовольно поднял голову, коротко и презрительно оглядел их и фыркнул:

— Мне некогда.

— Нам нужно с вами поговорить, — сказал Джон.

Скупщик рыбы пнул мопед.

— Я сказал, мне некогда, — грубо рявкнул он. — Вы что, плохо слышите?

Пронзительный женский голос прокричал ему что-то из темноты дома, на что он ответил гневной тирадой, в которой то и дело слышалось «О!» и «Ого!». Потом он стал прокручивать стартер своего мопеда, снова и снова, но безуспешно.

Джон дал Марко знак заглушить мотор. За спиной мужчины появились две маленькие девочки из тени лавки, в которой виднелись некогда крашенные синей краской деревянные ящики, а в ящиках — рыба, уложенная во льду. Запах соли мешался с запахом плохо сгоревшего выхлопа.

— Мы хотим поговорить с вами о вашем бизнесе, — настойчиво объяснил Джон. — О кредитах, которые вы даете рыбакам. И о...

В это мгновение из дома раздался крик, от которого кровь стыла в жилах. Кричала женщина, резко, пронзительно, страдальчески.

— Проваливайте отсюда! — прикрикнул Балабаган на Джона. — Понятно, нет? У меня сейчас нет времени.

Джон смотрел на него, на покосившийся дом, слышал крик, отдающийся во всех закоулках его памяти. Он беспомощно оглянулся на остальных.

— Джон, — Патрисия просунулась между передними сиденьями. — Спросите его, может, его жену надо отвезти в больницу?

— Почему вы так решили?

— Она же кричит. Так кричит только женщина в родовых схватках.

* * *

Вскоре они ехали в Ломиао, ближайший город, где была больница. Марко гнал, насколько позволяли поршни и дороги, Джон и Бенино теснились на пассажирском сиденье, Патрисия и супружеская пара Балабаган — на заднем сиденье. Женщина обливалась потом, стонала, учащенно дышала, а живот у нее был такой, что одна могла заполнить все заднее сиденье. Выбоины и колеи на дороге были для нее сушей пыткой.

Через пятьдесят миль наконец показались окраины города, дико разросшиеся трущобы из волнистой жести, кишашие людьми, рекламными плакатами, велосипедами и мопедами. Балабаган нагнулся вперед и подсказывал, куда ехать, пока они наконец не добрались до здания, в котором безошибочно угадывалась больница. Скупщик рыбы побежал в приемный покой, его жена, мертвенно бледная, лежала на сиденье и непрерывно бормотала молитву, схватившись за живот. Патрисия поддерживала ее голову, и все в нетерпении смотрели в сторону широкой двери, откуда в любую секунду должны были выбежать врачи и медсестры.

— Наконец-то, — вырвалось у Марко, когда створка двери шевельнулась, но оттуда показался только отчаявшийся Балабаган, лепеча:

— У меня не хватает денег... Они не возьмут ее, если я не заплачу...

Джон полез в карман.

— Сколько нужно?

— Это стоит 650 песо, а у меня только 500.

— Вот десять долларов. Они здесь берут доллары?

— Не знаю. Я спрошу. — Он дрожал, снова входя в больницу, но, видимо, доллары приняли, поскольку тут же

появились две медсестры с носилками и помогли роженице выбраться из машины.

Больницы во всем мире выглядят одинаково, думал Джон. Они припарковали машину немного дальше и теперь сидели в приемном покое в надежде, что либо появится Балабаган, либо кто-нибудь принесет весть, что происходит.

— Меня удивило, — сказал Джон Патрисии, — что вы знаете, как женщина кричит в родах.

Она весело приподняла брови, фото которых украшали любой парфюмерный магазин на земле.

— Что же в этом удивительного?

— Глядя на вас, не скажешь, что вы можете это знать.

— А что скажешь, глядя на меня?

— Ну... Вы должны быть выше таких вещей.

Она вздохнула.

— Неужто вы думаете, что де-Бирс моя настоящая фамилия? Меня зовут Патрисия Миллер, и я выросла в штате Мэн, самом унылом месте. У меня четыре младших сестренки, все они родились дома, все зимой и все ночью, еще до того, как успевала приехать акушерка. Я стараюсь избегать таких вещей, но я не могу быть выше их.

— Ах, вон что, — сказал Джон и почувствовал себя ужасно глупо.

Вскоре появился смущенный Джозеф Балабаган, комкая в руках свою бейсболку с надписью *New York Yankees*.

— Мне очень жаль, что я был с вами так невежлив, — сказал он и виновато сглотнул, — тогда как вас ко мне послало само небо, как я теперь понял... — Он кусал губы, делал резкие, неловкие жесты правой рукой, как будто отбрасывая что-то от себя. — Этот мопед! Он сведет меня с ума! Всегда, когда он нужен, он ломается. Надо его выкинуть. Да, я его выкину.

— Что с вашей женой? — спросила Патрисия.

Он обмахивался руками.

— Они говорят, уже лучше. Они говорят, еще три дня. А мне можно отправляться домой...

Смешанное чувство довольства и беспокойства наполняло Джона. Довольство, что своим внезапным появлением смогли помочь отчаянному положению женщины, а беспокойство — поскольку муж этой женщины был тот, кого он

искал, но он совсем не соответствовал тому образу, который он составил себе по рассказам рыбаков. Балабаган не был ответом на его вопрос. Пусть он использовал рыбаков как свою добычу, но он сам был лишь звеном в цепи кормления. Они продвинулись на шаг дальше по паутине, но до самого паука они так и не добрались.

Он велел скупщику рыбы сесть и объяснил ему то, что они узнали о практике глушения рыбы динамитом на острове Панглаван, а также о практике кредита для рыбаков. По мере того как Джон говорил, Джозеф Балабаган становился все смиреннее, а когда речь зашла о динамите, испуганно огляделся.

— Послушайте, — тихо сказал он. — Что вы от меня хотите? Я только пытаюсь прокормить мою семью. Мне приходится требовать назад восемь песо за те пять, что я ссужаю, потому что большинство так и так никогда не возвращают долги. Что я должен делать? Я же не могу раздаривать свои деньги. И больше платить за рыбу тоже не могу, потому что иначе ничего не заработаю. О, мне так часто приходится покупать у них уже несвежую рыбу; я кладу ее в лед и надеюсь, что на рыбзаводе ничего не заметят. Но они часто замечают, и с меня вычитают деньги, и кто мне это возместит? Никто. Вы же видите, что я не богач. Будь я богаче, разве бы я довольствовался мопедом, который всегда ломается? Разве бы я просил у вас деньги на больницу?

— А откуда берется динамит? — спросил Бенино Татад. Балабаган пожал плечами.

— Беру у одного полицейского. Я плачу ему и его шефу. Я продаю его рыбакам, которым он необходим. Он им необходим, потому что они хотят ловить больше; вот так. Ведь каждому хочется заработать больше.

— Вы знаете о том, какой вред наносит динамит коралловым рифам? — прошипел Бенино. — И что он разрушает основы пропитания рыбы?

— Коралловые рифы несъедобны, — ответил Балабаган и развел руками. — Если я не буду продавать им динамит, будет продавать кто-то другой.

— Этот рыбзавод, — снова вмешался Джон, — где он находится?

— В Сан-Карлосе. У них цены десятилетней давности, а за эти годы все сильно подорожало. Но мне больше некуда

даться с моей рыбой. Если мне перепадает *lari-lari*, я могу продать ее в ресторан здесь, в Ломиао, но вся остальная рыба им не нужна. Я ничего не могу изменить. — Он покачал головой. — Я сам выплачиваю долги. И мне никто ничего не дарит, тем более банк.

Джон поперхнулся.

— Банк? Какой банк?

— Здесь, в Ломиао. И они не так терпеливы ко мне, как я к рыбакам, уж поверьте мне.

— И что вы выплачиваете?

Скупщик рыбы недовольно оглядел его.

— Кредит, известно, — сказал он неохотно.

— Кредит?

— А за что еще платят банку?

— И что это за кредит?

У скупщика был такой вид, будто он готов встать и уйти. Даже Бенино слышно вздохнул. Филиппинцы не любят такие вопросы в лоб, это Джон уже успел усвоить, но он уже не мог отступить. Он пристально смотрел на скупщика, и тот сдался.

— Всегда на что-нибудь не хватает денег, — тихо сказал он. — Только я выплатил за морозильник для льда, как он сломался, и у меня не было денег на ремонт. Потом мне пришлось купить цистерну для бензоколонки... И так далее. — Он скривился. — Сейчас я едва поспеваю с выплатами. А теперь еще и вам должен.

Джон раскрыл ладони.

— Это я вам дарю. И вашей жене. — Его занимал рыбзавод. Возможно, это была следующая ступень эксплуатации. Может, они делают то же, что и Балабаган: используют свою монополию, пользуются тем, что рыботорговцам некуда деться, кроме них, дают им самые низкие цены и гребут таким образом...

— Знаете, — сказал Балабаган, — 27 процентов — это тоже немало.

— Что-что? — спросил Джон, думая о другом. — Какие 27 процентов?

— Ну, вы же сказали, если я даю пять несо за восемь, то это 60 процентов. Но мой банк берет с меня 27 процентов, да еще гарантия... Разве это мало?

Джон посмотрел на него с недоверием.

— 27 процентов? — переспросил он. — Здешний банк берет с вас *двадцать семь* процентов за кредит?

— Да.

Он вызвал в памяти соответствующие формулы, которые вечность назад научился понимать в своем офисе. 27 процентов означали, что каждые два с половиной года сумма, подлежащая погашению, удваивалась.

— Как же это можно выплатить?

— Я сам задаю себе этот вопрос. Тогда с морозильником для льда было только четырнадцать процентов, с этим я худо-бедно справился...

— Но 27 процентов! Почему же вы на это соглашаетесь? Балабаган удивленно отпрянул.

— А что мне делать? Морозильник сломался. Я не могу вести свое дело безо льда.

— Пошли бы в другой банк.

— Другие банки не хотят мне ничего давать.

Джон медленно кивнул. Это выводило на горячий след. Он почувствовал, как его беспокойность уступает место холодной, не знающей снисхождения ярости, и он спросил себя, что бы он сделал, если бы добрался до центра всего этого беспощадного гнета и безоглядного принуждения, если бы выследил паука в его гнезде, нащупал конец этой цепи, босса всех боссов, верховного эксплуататора.

Смог бы он тогда совладать с собой?

* * *

— Итак, — прошептала Урсула Фален. В пыльной тишине библиотеки это прозвучало как нарушение порядка.

Журнал исходящих документов государственного архива попал в самую точку: в 1969 году все документы были переданы историческому институту университета, где они полтора года использовались для написания докторской диссертации, которая так и не была защищена, а затем остались на сохранении в библиотеке института, причем в том отделе, где хранятся исторические оригиналы и куда поэтому требуется особый допуск. Допуск, получить который можно было по одному звонку Альберто Вакки.

Там были собраны неслыханные сокровища — средневековые рукописи, древние Библии, письма и дневники исторических личностей и так далее. Она не смогла удержаться

жаться, чтобы не заглянуть в некоторые архивные боксы, в одном из которых наткнулась на письма Муссолини, написанные размашистым почерком. Разумеется, она не могла прочитать ни слова, а может, и перепутала что-то, но это было очень волнующе.

Наконец она вытянула с полки бокс с нужным номером и понесла его к столу, который сам был антикварным предметом, открыла его, затаив дыхание, и на первом же листе, который взяла в руки, узнала знакомый почерк, которым были написаны и заметки на полях счетоводных книг. Это были они, личные записи Джакомо Фонтанелли, купца из Флоренции пятнадцатого века.

Удивительно много записей для человека Средневековья, думала она, перелистывая тонкую стопку. Это были отдельные листы, хорошо сохранившиеся и хорошо читаемые, если бы она была сильна в средневековом итальянском. Почти все записи были датированы, большинство 1521 годом. Некоторые листы отличались по формату и были написаны другим почерком — видимо, письма к Фонтанелли, которые тот сохранил...

Она оторопела при виде одного из них. Чрезвычайно примечательно. Все письмо состояло из колонок цифр, лишь в самом конце были приписаны две строки нормального текста. Она положила листок под лампу и внимательно изучила ряды цифр. Начинались они следующим образом:

1525	300	12
1526	312	12 1/2
1527	324 1/2	13

Она почувствовала, как в животе у нее растекается тепло, когда она поняла, о чем идет речь. Первая колонка — это годы. Вторая колонка — состояние. Третья колонка выражала разность соседних значений второй колонки, то есть абсолютный прирост состояния. Она все пересчитала в своем блокноте и вышла на годовой прирост в четыре процента.

Взгляд ее дошел до конца колонок, и она еще раз, как и в те дни, когда подобные подсчеты печатались во всех газетах, удивилась, как состояние медленно, незаметно, почти смехотворно робко росло поначалу, чтобы в какой-то момент набрать почти непостижимую скорость увеличения. Больше четверти века, до 1556 года, понадобилось, чтобы сумма из трехсот флоринов доросла до тысячи. В 1732 году

она превысила миллион, но уже в 1908-м составила больше миллиарда, чтобы до 1995 года дойти до тридцати миллиардов флоринов — в пересчете как раз триллион долларов.

То, что она нашла, представляло собой расчет роста состояния Фонтанелли за пятьсот лет.

И расчет этот был сделан *не* Джакомо Фонтанелли.

— Фабиана? — она оглянулась в поисках молодой студентки исторического факультета, которая должна была помогать ей в переводе.

У Фабианы были роскошные черные волосы длиной до попы, немного рыхлые черты лица, но все выпуклости были на нужных местах, и Урсула нашла ее сидящей у ящиков картотеки и самозабвенно лакирующей ногти.

— Чао, Урсула, — блаженно улыбнулась она. — Вы что-то нашли?

Урсула положила перед ней последнюю страницу письма и показала на текст под вычислениями.

— Что здесь написано?

Фабиана склонилась над документом пятисотлетней давности, равномерно дуя на свои ногти.

— Здесь написано, хм-м... — Она напрягла лоб и перестала дуть на ногти. — Я бы перевела это так: «Ты видишь, как по законам математики мое творение достигнет бессмертия». Странная фраза, да? — Она перечитала ее еще раз. — Да, все именно так. Подписано: Якопо.

— Что? — Урсула вздрогнула, как от электрического разряда. Присмотрелась. С самого начала подпись показалась ей неразборчивыми каракулями, но теперь, когда имя было произнесено...

— *Якопо?*

— Так написано, — невозмутимо сказала девушка.

— Я думаю, — слабо произнесла Урсула Фален, — мне надо вначале сесть.

* * *

Джон увидел, как вспыхнули глаза банковского служащего, когда он представился. Без сомнения, его имя не было пустым звуком для этого человека, да и лицо его он видел не впервые, но изо всех сил старался не выказать своего потрясения.

— Очень приятно, — сказал он и назвал свое имя, которое значилось и на бейджике на лацкане его пиджака. — Лабарьентос. — Он указал на два стула перед своим письменным столом. — Прошу садиться. Чем могу быть полезен?

Банк был маленький, помещение было приятно кондиционировано, народ не толпился. Джону, привыкшему к тому, что банки любят роскошествовать в обстановке, этот банк показался очень скромным, если не сказать дешевым. Балабаган не смел шевельнуться, приниженно скрючившись на краешке своего стула.

Джон не знал, как лучше приступить к делу, чтобы распутать его и раскрыть первопричины. По дороге сюда он раздумывал, не купить ли просто этот банк, чтобы без проблем заглянуть в его учетные книги, но потом сказал себе, что эта возможность от него не уйдет и, может, лучше сначала зайти, а там будет видно.

Он развалился на стуле, закинул ногу на ногу, руки ослабленно уронил на колени, применяя все те приемы, которые внушил ему Маккейн, чтобы в переговорах показать себя важным и независимым, и сказал:

— Я хотел бы знать, каким образом вы пришли к тому, чтобы насчитать мистеру Балабагану за его кредиты 27 процентов годовых.

Тут господин Лабарьентос нервно заморгал.

— Не в наших традициях, — ответил он, помедлив, — обсуждать условия кредита клиента с посторонними лицами. Джон кивнул.

— Охотно верю, что при таких ростовщических процентах вы предпочитаете договариваться с клиентами с глазу на глаз. Но господин Балабаган здесь — пожалуйста, вы можете спросить его, согласен ли он с такими условиями.

Скупщик рыбы так горячо закивал, как будто хотел избежать вопросов, обращенных к нему.

— Ну, хорошо, — сказал банковский служащий и повернулся к своему компьютеру, нажал на несколько клавиш, выждал, когда на экране появятся цифры. — Десять лет назад мы предоставили господину Балабагану ссуду, это верно. Она тогда пошла на погашение нескольких других, подлежащих возврату кредитов. Вас интересуют точные суммы или что-то еще?

— Меня интересуют проценты. 27 процентов, это верно?

— Это корректно.

Джон подался вперед.

— Я хочу знать: сколько господин Балабаган за это время уже погасил? Приблизительно?

Лабарьентос бросил неуверенный взгляд в сторону скупщика рыбы, постучал по клавишам, придвинул бумаги.

— Господин Балабаган многократно просил об отсрочке платежей, а восемь лет назад ходатайствовал о сокращении размера выплат. Мы удовлетворили ходатайство, но это, естественно, замедлило погашение.

Джон почувствовал, как в нем закипает ярость.

— Так сколько он выплатил на сегодняшний день? Два процента? Один процент? Совсем ничего?

Теперь, несмотря на кондиционер, над верхней губой банковского служащего выступили мелкие капельки пота.

— Фактически, — признался он, — последнее из того, что вы сказали.

— Что это значит? — подозрительно спросил Балабаган.

— Это значит, что все десять лет вы платили только проценты, что ни на один песо не уменьшило сумму вашего долга, — грозно произнес Джон. Он ощущал в себе неведомую прежде брутальность. Ему хотелось вытряхнуть этого приземистого человека, сидящего по другую сторону стола, из его красивого синего костюма.

— Что? — взвился рыботорговец. — Да, но как же так? Ведь я почти всегда платил, и так много...

— Недостаточно, — помотал головой Джон.

— И что теперь будет? Я что, должен теперь платить всю мою жизнь или как?

Лабарьентос сделал каменное лицо.

— Нет, — сказал он. — Кредит выдан на двадцать пять лет. По истечении срока он должен быть либо погашен, либо мы его взыщем по исполнительному листу.

— Это значит, — перевел Джон, — если через пятнадцать лет все деньги, какие еще не выплачены, то есть саму ссуду плюс еще не выплаченные проценты, вы не вернете им за один раз, то банк заберет ваш дом или что там у вас заложено в качестве гарантии.

— Но как же я смогу это сделать? — в ужасе воскликнул Балабаган. — Откуда я возьму деньги? Мой дом? И дом, и

магазин должен унаследовать мой сын. А что банк будет делать с рыбным магазином?

— Они могут сдавать его в аренду вашему сыну, — сказал Джон. Постепенно он начал понимать условия игры. Он нагнулся, посмотрел на банковского клерка, с трудом сдерживая гнев. — Мистер Лабарьентос, как ваш банк пришел к тому, чтобы требовать за ссуду такие проценты? Скажите мне. Скажите мне, обычная ли это практика?

Тип-тип-тип на компьютере. Казалось, он делает это, чтобы выиграть время, чтобы заставить их нервничать.

— Это была ссуда, — неторопливо объяснил Лабарьентос, — выданная в момент высоких ссудных процентов, по фиксированной ставке. Ссуда выдана под слабую гарантию, это означает для банка высокую степень риска. В таких случаях ставка повышается, это абсолютно обычная практика.

— Это все? — спросил Джон, вспомнил про рыбаков с динамитом, про их оторванные руки и ноги, вспомнил мужчину, который сидел в мешке, подвешенном к потолку, о дочери, которая уехала в Гонконг, чтобы обменивать свое тело на деньги для семьи. — Это все, что играет роль — банковский риск?

Лабарьентос посмотрел на Джона, облизнул губы и положил ладони на стол.

— Как банк, — сказал он, ничуть не оробев, — мы в первую очередь выполняем обязательства перед нашими вкладчиками. Перед вами, например, мистер Фонтанелли. У вас в нашем банке один из самых крупных счетов, какие мы ведем. Вы доверили нам много миллионов песо. И вы, конечно, не хотите, чтобы мы эти деньги потеряли, и вы, конечно, хотите получить проценты на свой вклад, не так ли? Вот этим мы здесь и занимаемся. Мы зарабатываем ваши проценты.

* * *

Лицо Джона горело от стыда, когда они ехали назад. Он мог бы стать первым человеком, получившим ожоги кожи от краски стыда. Он криво отвалился на спинку заднего сиденья, закрыл лицо локтем, и ему было дурно от ужаса.

Все это ему следовало бы знать все время. Все это было так очевидно, так просто, так ясно. Лежало на поверхности.

Вопрос: как умножаются деньги? Ответ: вообще никак.

Каким надо быть идиотом, чтобы думать иначе.

И все же — с раннего детства человеку внушают, непрерывно повторяют как благочестивую мантру, более страстную, чем «Отче наш»: деньги умножаются в сберкассе. Это перетирают в своих заповедях мельничные жернова рекламы, родители, учителя, друзья, все лепечут одно и то же: отнеси деньги в банк, чтобы их стало больше. Даже Пол Зигель, который закончил Гарвард с *summa cum laude* и был умен, как никто другой, напоминал ему: твои деньги должны работать на тебя.

Но деньги не работают. Работают только люди.

Если бы было иначе: что мешало бы напечатать достаточно денег, чтобы каждый стал миллионером? Ничто. Только некому было бы печь булочки для завтраков миллионеров, некому было бы выращивать зерно для булочек, жать его и молоть в муку.

Деньги не работают. Работать всегда приходится людям.

И деньги не умножаются. Каждый доллар, каждый отдельный цент, на который подрастает твой счет, кто-то когда-то заработал своим трудом. Кто-то, имеющий долги, должен отдавать заработанные деньги своему кредитору.

Долги — это означает: платить арендную плату за использование денег. Долги и проценты были тем гигантским, рафинированным механизмом, транспортирующим деньги от тех, у кого их мало, к тем, у кого их много. Этот транспорт действует в гомеопатических дозах, которые для большинства безболезненны, и действует с математической, просчитанной точностью.

Так возникло его состояние. Вплоть до капитала, с которого все началось, с тех смешных десяти тысяч долларов, каждый отдельный доллар из тысячи миллиардов был взят у какого-то другого человека.

Джон окинул своим внутренним взором чудовищное сплетение, систему кровеносных сосудов, большие вены которой разветвляются на меньшие вены, а те на более тонкие вены и затем на волосяные капилляры, которые опутывают весь земной шар, проникая в каждую страну, в каждый город, в каждую деревню, в жизнь каждого отдельного человека, который живет на Земле, только по этим сосудам текла не кровь, а деньги, центы и сотые доли центов, по капиллярам, откуда они стекаются в четвертаки в

более крупных сосудах и в доллары в еще более крупных, в сотни, тысячи и миллионы и, наконец, объединяются в этот чудовищный поток денег, который постоянно и с нарастающей силой течет на его счета, сорок миллиардов долларов в год, свыше ста миллионов долларов каждый день.

Он следовал по паутине в поисках паука, и вот: он сам и был тем пауком. Он исследовал цепочку питания и установил: он сам стоял на ее конце. Он был босс всех боссов. Он был последним эксплуататором. Он был наследником состояния Фонтанелли и верил, что решит проблемы мира. На самом деле он был причиной этих проблем.

— Остановите, — прохрипел он. Машина затормозила. Он выбрался наружу, и его вырвало так, будто он должен был освободиться от всего, что съел за последние два года.

Наконец они доставили его назад, на борт яхты. Как-то он продержался ночь и утро, а потом снова пожелал сойти на берег, потому что у него остались там дела. Они отвезли его на мотоботе в Туай, где все еще стоял джип, и спросили, не понадобится ли он еще. Нет, отрицательно покачал он головой, можете снова погрузить его на яхту. Они заикнулись о том, что «Прорицание» слишком большое судно, чтобы причалить сюда, на что он лишь кивнул, у него все болело внутри, да, яхта действительно слишком велика для одного человека. И пока они буксировали машину на мотобот, он тяжелыми шагами побрел вверх по дороге, которая представляла собой просто утрамбованную землю с втоптаннными в нее камешками и вела к рыночной площади, хотя бы заасфальтированной, посмотрел на высокую церковь, постоял перед нею с таким ощущением в горле, будто там застрял крик, который не может вырваться, и в конце концов направился к дому скупщика рыбы.

Джозеф Балабаган сидел на ящике и смотрел на мальчика, который разбирал мотор мопеда. Заметив Джона, он вскочил и пошел ему навстречу. Он сказал, что звонил в больницу, у его жены все хорошо, и сегодня вечером он туда снова поедет, в крайнем случае на автобусе, если не удастся починить мопед, и он еще раз поблагодарил его за все, что он для него сделал.

Джон подошел с ним вместе, кивнул мальчику, который ему вежливо улыбнулся, пальцы перепачканы в мазуте. Рыботорговец послал одну из дочерей принести стаканы и достал из ящика со льдом две бутылки кока-колы. Джон сел на стул, который ему предложили, достал чековую книжку и шариковую ручку, которая, хоть с виду и не скажешь, стояла больше, чем все имущество Балабагана.

— Сколько у вас долгов? — спросил он.

Балабаган выпучил глаза.

— О нет, — выдавил он из себя. — Это... это я не могу...

Джон только смотрел на него, чувствуя себя глухим и раненным изнутри, и сказал:

— Мистер Балабаган, я самый богатый человек на земле. Вы мне помогли, теперь я хочу вам помочь. А вам нужна помощь, потому что своими силами вам никогда не расплатиться за этот кредит. Итак?

Рыботорговец смотрел перед собой, на лице его читалась борьба, пока одна сторона в конце концов не одержала победу — видимо, инстинкт выживания. Он тихо назвал сумму, и Джон, без усилий пересчитав ее в доллары, написал вдвое большее число, вырвал чек и отдал ему.

— Было бы хорошо, если бы вы больше не продавали динамит, — сказал он.

— Но... — начал Балабаган.

— Прощайте, — сказал Джон и встал. — Передайте привет вашей жене. И спасибо за кока-колу.

И он ушел. Снова пахло дымом, небо на западе было затянуто серой пеленой, потому что в Индонезии жгли леса, потому что они там работали на него, его подданные, сами не зная того, что платят ему дань. Повсюду в мире было так, повсюду мужчины и женщины вкалывали, потели, напрягались, выполняя опасную, тяжелую или просто скучную работу, и, даже не догадываясь об этом, изрядную часть времени работали на него, вносили свой вклад в рост его состояния, делали его все богаче и богаче, хотя он их не заставлял.

Ибо, как стало ему плачевно ясно сегодня утром, это были не только те его подданные, его крепостные, его рабы, которые сами имели долги. Машинерия денег работала гораздо тоньше, рафинированнее. Они с Марвином когда-то платили за квартиру мисс Пирсон, владелице дома, но в действительности она не оставляла эти деньги себе, она должна была отнести их в банк, чтобы расплатиться за ссуду, с помощью которой купила этот дом. «Капитальные затраты» — выражение, которое он видел во множестве калькуляций, совершенно не задумываясь о его смысле. Покупая что бы то ни было, каждый человек оплачивал и кредиты производителя. Гигантскую долю налогов, взыскиваемых с человека, поглощали проценты за долги государства. И все эти деньги в итоге, пройдя извилистый путь, оседали на его счетах. Ну, не все, но все большая и большая их часть. Самое большое состояние обладало в этой системе самой большой силой притяжения, было как магнит, ко-

торый увеличивает свою силу за счет притянутых предметов. Как сказал когда-то Маккейн: однажды ему будет принадлежать весь мир.

Джон остановился, посмотрел на бухту и на ландшафт, такой райский на вид, но с запахом гари и отбросов. Не он ли сам, не его ли деньги, в конечном счете, виноваты в этом кризисе? Все было бы по-другому, если бы столетиями не накапливалось это гигантское состояние с его ненасытным голодом на проценты, не давило бы на все, как кошмар? Как Молох, которому весь мир должен был приносить жертвы, так что на удовлетворение потребностей людей и природы оставалось слишком мало?

И если все было так — а он должен был перепроверить, пересчитать, должен был как следует обдумать все это, пока не убедится, — то единственное, что он должен был сделать во исполнение пророчества — *уничтожить* это состояние?

Что за мысль?! Настолько парадоксальная, что звучала чуть ли не подкупающе убедительно.

Ничего удивительного, что Вакки так и дошли до такого решения. Уничтожить состояние означало бы снять с мира груз жадного до наживы, скаредного к процентам триллиона долларов. Так ли это? Таков ли был ответ?

Он представил себе обширную площадь, просторную равнину, в одной из пустынь на Западе США, скажем. Надо, чтобы туда была дорога. Наверняка соберутся ротозеи поглазеть. Триллион долларов в купюрах, сколько это будет грузовиков? Наверняка не один. Какое зрелище. Оно войдет в историю, как грузовики один за другим выгружают деньги, пачки долларовых банкнот, их сложат в костер, какого мир еще не видывал. Потребуется вооруженная охрана, конечно же. Он скажет короткую речь, объяснит то, что он узнал и почему деньги надо уничтожить, потом возьмет в руки факел и засунет его в изображения Бенджамина Франклина и Джорджа Вашингтона, а потом вместе со зрителями будет с жутким облегчением следить, как самое огромное в мире состояние превращается в дым и золу — пепел, который ветер еще долго будет разносить на мили вокруг...

Джон поморгал, потер лоб, снова вернулся в действительность, на главную улицу Туая. Люди странно посматривали на него.

Что-то в этом представлении было не так. Каким бы волнующим оно ни было. Он критически обследовал его, как

ощупывают языком зубы, предполагая, что в одном из них появилось дупло.

Ему припомнилось посещение одного центрального банка, теперь он уже забыл, в какой стране. Они с Маккейном стояли за бронированным стеклом и смотрели, как работают люди, сортируя старые, изношенные купюры, бросая их в измельчитель и заменяя свежоотпечатанными купюрами.

Что такое денежная купюра, идентична ли она деньгам? Сможет ли он уничтожить свое состояние тем, что снимет со всех счетов деньги наличными и сожжет их? Во многих странах уничтожение купюр наказуемо, вспомнил он. Во многих местах запрещено причинять купюрам вред, потому что на них зачастую печатают портреты королей или национальных героев. Но помимо этого что помешает центральному банку заменить уничтоженные деньги на новые купюры? Ведь это всего лишь бумага.

И если подумать: зачем все эти хлопоты и расходы с грузовиками, груженными деньгами? Он ведь мог просто попросить Федеральный резервный банк, в виде исключения, напечатать для него одну купюру номиналом в один триллион долларов. Эту бумажку можно было бы сжечь в пепельнице, удобно и несенсационно. Боже мой, да просто выписать чек! Но даже это — зачем? Дело, в конце концов, упирается в то, чтобы обнулить все его счета. Это можно сделать, если ему вручат наличные деньги или чек, — ведь и то, и другое в принципе всего лишь ордер на получение денег. В этом случае были бы сделаны бухгалтерские проводки, и все свелось бы к нулю. Но точно так же он мог перевести все свое состояние в собственный банк, потом просто отправился бы в расчетный центр и сказал программисту или оператору: «Вот это место в памяти компьютера, на котором стоит триллион — или два триллиона, или сколько там еще, — сотрите и забейте туда нуль». И тогда состояние можно считать уничтоженным. Или нет?

Джон помотал головой, убрал волосы со лба. Как все это было запутано. Если деньги можно было так легко уничтожить, то что мешает кому-нибудь так же просто создать их? Вбить в это место компьютерной памяти сто миллионов или сто триллионов — но будут ли это деньги? И если нет, то почему? Что, собственно, такое — деньги?

Ноги несли его дальше, в жаркую тень под деревом. Он сел, не сводя глаз с моря и яхты, но не видя их.

Деньги. Допустим, будет уничтожено не только его проклятое состояние, но вообще все деньги, какие существуют на земле. Что тогда будет? Люди окажутся в беспомощном положении, они будут вынуждены развивать новую экономику без денег, вернувшись к натуральному обмену? Неправдоподобно. Его отец получал бы ордер за ремонт пары башмаков и шел бы с этим ордером к булочнику и получал бы за этот ордер буханку хлеба и еще несколько ордеров на несколько следующих буханок хлеба. И так люди постепенно снова создали бы деньги в том или ином виде.

Да, деньги были человеческим изобретением. И их уже нельзя было уничтожить, как и атомную бомбу.

* * *

— Хэлло? Мистер Фонтанелли?

Джон вздрогнул, поднял голову. Перед ним стоял мальчик лет шестнадцати или семнадцати и с любопытством разглядывал его своими живыми глазами. Во взгляде его читалась некоторая озабоченность.

— Что случилось? — Он огляделся. Он сидел на грязном пластиковом ящике, в каких возят овощи. — Это твой ящик? Извини, надеюсь, я его не сломал...

— Нет, сэр, мистер Фонтанелли, — мальчик отрицательно помахал рукой. — Это не мой ящик. Просто я увидел, что вы тут сидите, и хотел с вами поговорить. — Он протянул ему руку и ослепительно улыбнулся: — Меня зовут Мануэль Мельгар, сэр. Большая честь для меня.

— Ну, что ж... — Джон пожал ему руку и разглядел его получше. Мануэль Мельгар был тонкий черноволосый юноша в чистеньких джинсах, которые он носил так, будто это была его единственная гордость, и в синей майке с надписью *Bon Jovi* и *Keep The Faith*. Джон улыбнулся, прочтя надписи; от этой улыбки ему стало больно в груди. — Хэлло, Мануэль. Как дела?

— Спасибо, хорошо, сэр, — гордо ответил тот. Даже стоя спокойно, он производил впечатление проворной белки.

— Рад слышать, — сказал Джон.

Мануэль раздумывал, с чего начать.

— Сэр, может быть, у вас сейчас найдется время? Я хотел бы с вами посоветоваться. — Тут он все же начал нервно покачиваться из стороны в сторону. — Извините, если я помешал вам размышлять. Но я подумал, раз уж вы здесь...

— Ничего, — кивнул Джон. *Keep The Faith*. — Время у меня есть.

Мануэль улыбнулся, немного напряженно, но радостно.

— Итак, я обратил внимание, что у рыбаков пропадает довольно много рыбы до того, как они успеют ее продать. Наверняка четверть, если не вся треть. Это оттого, что далеко ехать до рыбороторговца; большинство едут к нему утром, вернувшись с рыбалки, но к этому времени рыба уже целую ночь пролежала в лодке. Неудивительно, что пропадает так много.

Джон кивнул.

— Понимаю.

— И если бы кто-то купил трицикл...

— Извини, — перебил его Джон, — что такое трицикл?

— Трехколесный мотоцикл с коляской. Вы же были вчера в Ломиао; там их много разъезжает в качестве такси.

Джон мимолетно удивился, откуда парень знает, что он вчера был в Ломиао, и кивнул. Да, он помнит, видел несколько таких транспортных средств, разукрашенных, со множеством наклеек и прибаμβасов.

— Это и есть трициклы? Я и не знал.

— У нас их так называют; не знаю, может, в других местах по-другому.

— Боюсь, что в других местах их вообще нет.

Мануэль запнулся, потеряв нить, но быстро вернулся в русло.

— Я мог бы купить трицикл. Подержанный, по сходной цене. И я бы так переоборудовал коляску, чтобы ее можно было заполнить льдом. Один друг у меня работает в мастерской в Ломиао, он мне поможет. И я бы объезжал рыбацкие деревни и забирал рыбу, пока она еще свежая. Это, правда, требует бензина, но окупится, поскольку рыба не будет пропадать; я все просчитал. — Он с ожиданием посмотрел на него. — Как вы находите эту бизнес-идею, мистер Фонтанелли?

Джон озадаченно оглядел юношу.

— Звучит хорошо. А где ты будешь брать лед?

— У мистера Балабагана. Он бы хотел, чтобы я собирал рыбу для него, а он бы мне за это бесплатно давал лед, но на это я не пойду.

— Почему?

Мануэль хитро улыбнулся.

— Надо оставаться самостоятельным, если хочешь к чему-то прийти. Если я буду ездить для него, то я и через десять лет все еще буду ездить для него, а прибыль будет получать он. Нет, я буду скупать рыбу у рыбаков и продавать ее мистеру Балабагану. И буду покупать у него лед, а как только смогу, куплю морозильный агрегат для коляски.

— Но так больше риска.

— Другие теряют деньги, играя в кости; лучше уж я сделаю что-то разумное. Кроме того, на побережье есть и другие скупщики рыбы, и я хочу иметь возможность продавать тому, кто больше платит. Если к скупщику должны приехать за рыбой, а у него полупустые ящики, то ему лучше заплатить дороже, потому что чем больше рыбы он погрузит в фуру, тем лучшую цену получит.

— Правильно рассуждаешь, — одобрил Джон.

— И я могу, раз уж я все равно еду по деревням, сделать дополнительный бизнес, — гордо продолжал Мануэль. — Я прихвачу рис, масло и тому подобное и буду продавать их по тем же ценам, что на рынке. Но закупать продукты буду на оптовом рынке в Ломиао, там гораздо дешевле. Это будет дополнительная прибыль. — Он распрямил ладони и выжидающе смотрел на Джона. — Как вы это находите?

Джон даже позавидовал деловому подходу юноши. Он живо представлял его за рулем разукрашенного трехколесного ледомобиля тархтящим по окрестным деревням.

— Это очень хороший план, — сказал он.

— Правда? От этого все только выиграют. Если сейчас пропадает треть рыбы, а потом потери исчезнут, улучшение может быть до 50% без увеличения цен. — Он сиял и добавил с хитроватой улыбкой: — А скажите, мистер Фонтанелли, сэр, Вы бы не поддержали этот проект кредитом?

Джон отпрянул. Он непроизвольно схватился за грудь, так его пронзило это слово.

— Кредит? — прохрипел он. — *Я больше не даю кредитов. Я не хочу высасывать человечество, как вампир.*

— Видите ли, сэр, — перешел Мануэль к жалобам и мольбам. — Никакой банк не даст мне кредит. У меня ничего нет, родители мои тоже бедны, мне нечего заложить под гарантию. У меня есть только эта идея. Вы богаты. Я могу представить себе, что вы могли бы на некоторое время ото-

рвать от себя даже несколько сотен долларов... Вы получите их назад, с процентами и процентами на проценты. Честное слово.

Он смотрел на юношу, все еще чувствуя себя больным и несчастным, но да, он должен был признать, идея была хорошая. Это было именно то, что здесь давно следовало сделать, и этот юноша готов был это сделать и был достаточно сметлив, чтобы сделать это хорошо. Он достал чековую книжку.

— Сколько тебе нужно?

Глаза юноши вспыхнули от радости, руки заплясали, словно выводя те цифры, которые он уже давно и не раз продумал и просчитал.

— Итак, трицикл будет стоить сто пятьдесят долларов, его переоборудование, я думаю, обойдется еще в пятьдесят долларов. Деньги на первый бензин, на лед и на то, чтобы расплатиться с рыбаками... Я думаю, мне понадобится триста долларов.

— Я дам тебе тысячу, — сказал Джон и написал *Мануэль Мельгар* в графе *Получатель*.

— Нет, сэр, — отказался тот. — Я ценю вашу щедрость, но проценты на такую сумму мне не выплатить.

— Тебе не надо платить проценты. Я дарю тебе эти деньги.

Юноша отступил на шаг назад.

— Извините, сэр, мистер Фонтанелли. Нет. Этого я не хочу.

— Я не обеднею, поверь мне.

— Дело не в этом. Дело в том... — Он ударил себя руками в грудь. — Сэр, если... когда я буду старым, я хочу иметь возможность сказать, что я всего добился собственными силами, понимаете? Что все только благодаря *моей* идее. *Моей* работе. А не чьим-то подачкам. — Он решительно тряхнул головой. — Это не принесет мне удовлетворения. Прошу вас, сэр, триста долларов в качестве ссуды. Ведь это сделка!

Юноша стоял перед ним, полный энергии и решимости — того, чего так не хватало Джону. *Keep The Faith*. Вот именно.

— Хорошо, как скажешь, — кивнул он. — Сделка так сделка. Триста долларов?

— Триста долларов.

— Сколько это в песо?

— Я бы предпочел в долларах США, сэр.

— Все ясно. — Он заполнил чек и протянул его юноше, принявшему его с радостью, которой можно было только позавидовать.

Мануэль осторожно упрятал чек в карман своих джинсов.

— А теперь мне нужна ваша карточка, — деловито сказал он.

— Моя карточка?

— Ваша визитная карточка. С вашим адресом. Чтобы я знал, куда посылать мои выплаты.

— Ах, да. — Он обшарил карманы, нашел карточку, отдал ему. Наверняка он будет показывать ее своим будущим детям. Со временем он сообразит, что ничего не случится, если он не вернет эти деньги; что и с ними все достаточно тяжело.

Но в эту минуту он был счастлив, благодарил, желал ему всего хорошего, снова благодарил и потом, наконец, удалился со своим чеком. Джон встал, отряхнул брюки и пошел дальше, вниз к порту, где его ждал мотобот.

* * *

— Я вас покидаю, — заявила Патрисия де-Бирс, когда он вернулся на борт. Она сидела на кремовом диване в салоне, вокруг нее беспорядочно валялись журналы и стояли чашки из-под кофе, в руках у нее был конверт, которым она помахала: — Сегодня пришло приглашение. Кастинг в Голливуде; я ждала его уже давно.

— Поздравляю, — сказал Джон.

— Я попросила капитана, чтобы сегодня после обеда меня отвезли на вертолете в Цебу. Это ничего? А оттуда мое агентство уже заказало мне самолет на Лос-Анджелес.

Он опустил в кресло.

— А я и не знал, что в Цебу есть аэропорт.

— Есть. Но я думаю, что полетим через Манилу. Отсюда все равно надо убираться. Вы же слышали про эти пожары в Малайзии и Индонезии? Только что прошла информация по телевизору, это ужасно. В Куала-Лумпур вид как после атомной войны. Люди в дыхательных масках, а дым такой густой, что не видно домов, не говоря уже о солнце.

Джон глянул за окно. Небо на западе было маслянисто-серое; с каждым днем становилось все хуже.

— Да, — сказал он. — Я об этом слышал.

Появился стюард. Джон попросил его принести и его почту.

Патрисия де-Бирс задумчиво разглядывала письмо.

— Не пойму, как это получается? Откуда ваша почтовая служба знает, где мы окажемся и куда пересылать почту?

— Самая расхожая теория гласит, что мы по недосмотру взяли на службу ясновидца, — сказал Джон, принимая из рук стюарда пачку конвертов. Из них особенно выделялся большой коричневый конверт. Судя по адресу отправителя, письмо пришло из Рима, но имя ему ни о чем не говорило.

— Ясновидец? Интересно. А не лучше бы было перевести его к вашим биржевым маклерам?

— Не знаю, — сказал Джон. — А что тогда будет с моей почтой?

Он разорвал конверт указательным пальцем. Там было несколько скрепленных листов — фотокопия текста, написанного на пишущей машинке. По-итальянски. Он извлек сопроводительное письмо — к счастью, по-английски.

Оно было от главного редактора школьной газеты, для которой писал Лоренцо. Нашлась вторая часть его статьи, и Джону прислали копию. «Против ожидания, — писал он, — виноватой в этой задержке оказалась не итальянская почта. Письмо Лоренцо просто завалилось за шкаф; там мы его обнаружили, когда недавнее пожертвование местного университета позволило нам обставить редакцию новой мебелью. Я, между тем, успешно покинул школу, но успел проинструктировать моего преемника, чтобы он ждал щедрого пожертвования от вас, которое вы нам обещали в случае обнаружения статьи».

* * *

Разумеется, на борту не оказалось итальянского словаря. Джон выписал все незнакомые слова и обороты и отправил по факсу в свой секретариат с просьбой о переводе, а сам поднялся наверх проститься с Патрисией.

Она поцеловала его, а Бенино лишь пожала руку.

— Что же мне делать? — воскликнул он, когда запустили турбины вертолета. — Я седьмой из восьми детей в семье. Если бы в те времена ввели контроль над рождаемостью, меня бы вообще не было!

— Ничего себе аргумент, — возмутилась Патрисия. — У меня есть одна подруга, которой не было бы, если бы ее мать не изнасиловали. Спрошу ее при случае, не находит ли она изнасилования благим делом. — С этими словами она села в вертолет, и машина поднялась в небо, половину которого заполонил дым.

Когда Джон спустился вниз, факс с переводом уже был здесь. Он взял его, прихватил блокнот и шариковую ручку и удалился в свою каюту.

«В первой части мы установили, что в бедах мира виновата не наука или техника, а индустриализация, то есть экономика. И хотя наш уровень жизни легко затмевает любого средневекового вельможу, в голове у нас лишь одно: экономический рост! Все выше рост, все больше скорость использования природных запасов Земли, все обширнее мусорные свалки.

Но почему, собственно? Это главный вопрос: почему все вкалывают как сумасшедшие?

Обычно на этот вопрос отвечают, что человек алчное создание, ему всегда мало. Ответ, преимущество которого — простота, а недостаток — ошибочность. Посмотрите же вокруг, как немного нужно большинству из нас. Картошка фри, пиво и футбол — для многих это уже счастье. Найдется несколько жадин, но большинство людей все-таки довольствуется ужасающе малым.

Нет, вы присмотритесь. Если вы еще разговариваете с своими родителями, поговорите с ними. Они вам расскажут, что они оттого так упираются, что вынуждены. Оттого, что, как ни упирайся, все равно остается чувство, что не угонишься за расходами и платежами. Даже если доходы растут, расходы нарастают сильнее и быстрее — цены, налоги, выплаты, все. Как Алисе в Стране Чудес, приходится бежать изо всех сил только для того, чтобы оставаться там, где ты есть.

А причина этого, друзья, кроется в одном дурацком, маленьком конструктивном пороке нашей экономики. Собственно, сущий пустяк, но не забывайте — этот пустяк способен разрушить нашу планету. Причина маленькая, последствия громадные.

Людей уже давно мучает чувство, что в систему вкралась какая-то ошибка, что что-то не так. Вначале искали ошиб-

ку в самих деньгах. Братцы, уж как только ни ругали эти деньги. Не было такого апостола морали, не было такой религии, которые не проклинали бы деньги — однако церковную торбу для пожертвований они никогда не забывали выставлять. И все-таки, друзья, дело не в деньгах. Мы могли бы долго дискутировать на эту тему, если бы хватало печатной площади и вашего читательского терпения; но поскольку не хватает ни того, ни другого, то я сразу приведу здесь конечный результат: деньги сами по себе — классное изобретение, и они ни в чем не виноваты.

Следующие на очереди подозреваемые всегда были проценты. Как вы помните из уроков математики, вычисление процентов не такое простое дело и иногда приводит к ошеломляющим результатам, потому что проценты, начисляемые на проценты, быстро увеличивают сумму до труднодостижимых размеров. Большинству людей поэтому видится в процентах что-то зловещее, но на самом деле это просто такая взаимосвязь. Если один дает другому деньги взаймы, он хочет от этого что-то иметь, и хорошее решение — чтобы другой платил ему, так сказать, арендную плату за использование денег, как платят за взятый напрокат автомобиль. Арендная плата за деньги называется процентами. Ясно, если кто-то берет взаймы большую сумму, заранее не просчитав все как следует, то цифра, которую он должен вернуть, может ввергнуть его в шок. А тот, у кого много денег, больше, чем ему нужно, может давать их взаймы и собирать проценты — возможно, даже столько, что сможет больше не делать ничего другого.

Это действовало на наших простодушных предков, как красная тряпка на быка — скорее всего из зависти, — во всяком случае запрет на ростовщичество всегда был актуальной темой в истории. Поскольку евреям это разрешалось, а христианская церковь запрещала это, повсюду возникали погромы, и, какое странное единодушие, фашисты тоже ввели запрет на ростовщичество на том основании, что нетрудовое обогащение аморально и предвзвешено.

Несмотря на это, даже во времена церковного запрета проценты всегда платили, поскольку всегда возникала потребность взять деньги в долг. Есть вещи, на которые нужна целая куча денег — и сразу, чтобы вообще что-то начать делать.

Например, было бы глупо всю жизнь копить деньги, чтобы к восьмидесяти годам построить дом. Лучше сначала построить его, а деньги копить, так сказать, задним числом, хотя это и выйдет дороже. Или кто-то желает открыть самостоятельное дело, в качестве ремесленника например: ему с самого начала нужны машины и инструменты, чтобы он вообще мог заработать какие-то деньги, поэтому ему целесообразно взять кредит и выплачивать его частями, с процентами. Если ему это запретить, он останется бедным.

И вот мы приблизились к месту, где уже «тепло». В сплетении денег и процентов и кроется один дефект конструкции. Им мы сейчас и займемся.

Для начала я хотел бы вам напомнить, что в нормальной жизни существует круговорот денег. Вы покупаете в лавке за углом банку кока-колы. Ваши деньги перекочевывают в кассу, и хозяин лавки оплатит ими счет фабрики напитков. Фабрика напитков купит на них новый компьютер и оплатит его, среди прочих, и теми деньгами, что когда-то лежали у вас в кармане. Ваш отец работает в компьютерной фирме, которая выдаст ему зарплату в том числе и вашими карманными деньгами. И так далее.

Вам наверняка приходилось играть в знаменитую игру «Монополия». Сперва у вас денег в обрез, вы гуляете по игровому полю и озабоченно прикидываете, какие улицы можете позволить себе купить. А в конце уже строите дома и отели, получаете арендную плату и купаетесь в деньгах.

Вопрос на засыпку: откуда, собственно, берутся все эти деньги? Посмотрите внимательно. Помимо тех маленьких сумм, которые обозначены на игровых карточках, все деньги попадают в игру, когда кто-нибудь из игроков оказывается на звездном поле и всякий раз получает знаменитые двадцать тысяч лир.

А теперь подумайте, как это происходит в реальной жизни. Тут тоже есть определенное количество денег, которые находятся в обращении, и это количество не остается неизменным. Экономика развивается, растет, и даже как одержимая, и ей требуется все больше денег. Откуда они берутся? Разумеется, напечатать деньги — не проблема, дело не в этом. Вопрос: как они попадают в игру? Я еще ни разу не получал письма от Центрального банка, где было бы написано: «В этом году снова появилась необходимость увели-

чить количество денег, находящихся в обращении. Поэтому каждый гражданин получит пятьсот тысяч лир, см. приложенные купюры». Спорим, и вы не получали таких писем, и никто не получал.

Но тогда как это функционирует? Как новые деньги попадают в обращение? Только не говорите, что вам это не интересно. Это должно интересовать вас. Потому что здесь и зарыта собака дефекта конструкции.

То, что я сейчас объясню, не изучают в школе. Но мы ведь знаем, что в школе не изучают ничего, что может пригодиться в жизни, поэтому примите это как верный знак. Кто настроен скептически, может почитать об этих закономерностях в учебниках по экономике и финансам; ключевое слово — «новая денежная эмиссия».

Допустим, уже упомянутая фабрика хочет построить новую линию разлива. На это она берет кредит в своем банке. Обычно банк выделяет ссуды из вкладов своих клиентов, но предположим, что их как раз маловато, потому что роздано много кредитов. В этом случае они обращаются в Центральный банк. Центральный банк дает кредиты, не нуждаясь для этого во вкладах клиентов. Они создают деньги, так сказать, из ничего и таким образом вводят их в обращение. Тут любой банк может получить дополнительные деньги, естественно, тоже в форме займа, то есть под гарантии и под твердую процентную ставку, так называемую учетную ставку. Она каждый день публикуется в газетах, в разделе экономики, посмотрите при случае. Ее устанавливает сам Центральный банк, по такому принципу: если Центральный банк считает, что кредитов берется больше, чем было бы благотворно для экономики, то он повышает учетную ставку, кредиты дорожают и, соответственно, становятся менее привлекательными. И, наоборот, понижение учетной ставки делает кредиты дешевле и интереснее для инвестиций. Итак, учетная ставка — инструмент для управления экономикой.

Звучит хорошо, да? При том, что это величайшая глупость. Миллионы банковских специалистов изучают это и находят великолепным, но стоит хоть раз задуматься об этом, как обнаруживается, что именно в этом и состоит дефект конструкции.

Давайте подумаем, что происходит. Центральный банк выдает кому-то кредит из ничего в размере, скажем, сто

миллионов лир. Учетная ставка пусть будет три процента. Это значит, что возвращено Центральному банку будет (срок действия возьмем для простоты один год) сто три миллиона лир.

Но откуда возьмутся эти дополнительные три миллиона лир? Ведь их же нет вообще! И нет никакой возможности добыть дополнительные три миллиона, поскольку право эмиссии есть только у Центрального банка, а за них он опять же возьмет проценты, и так далее! Полная ахинея!

Да, разумеется, в обращении становится еще больше денег, и из этих денег выплачиваются и проценты — однако с тем результатом, что где-то их не хватит. А там, где денег не хватило, снова вынуждены брать кредиты в надежде выплатить их после. Финансовая система обширна, в ней многое рассеивается, перемешивается, компенсируется, действует с запозданием, но одно в ней не происходит точно: в ней ничего не пропадает, ни одной жалкой лиры. И в конечном счете это приводит к тому — когда-то, после всех циклов и обращений, — что приходится брать у Центрального банка новый кредит, чтобы заплатить проценты по старому.

Если бы экономика была человеком, мы бы сказали: она стала зависимой. Центральный банк подсадил ее на иглу.

Можно привести и другое сравнение. Помните прошлогодний юбилейный праздник нашей школы? Каждый из нас получил по одному красному пластиковому чипу в качестве карточки на кусок пиццы, по одному синему чипу на кока-колу и по одному зеленому чипу на мороженое. На время праздника это были наши деньги. Я поменял свой зеленый чип на красный, потому что не люблю мороженое. Кто-то поменял все чипы на синие, потому что сильно хотел пить. И все работало превосходно, каждый получил то, что хотел. А когда праздник закончился, наш директор выкинул эти чипы, потому что пицца была съедена, кола выпита, и от мороженого тоже ничего не осталось.

Представьте себе, что фирма, которая производит эти чипы, не просто продала их ему, а сказала бы: вот вам тысяча красных чипов, можете ими временно пользоваться, а потом вернете назад, но уже не тысячу, а тысячу тридцать. Но наш директор не настолько глуп, чтобы не заметить, что это полная несуразица.

Нет, то, что мы пережили на этом празднике, сами того не заметив, была денежная система, какой она должна быть. Деньги поступают в оборот в равновесии с товаром, и когда товар употреблен, деньги снова исчезают. Они служили только одной цели, ради которой и были когда-то изобретены: упрощению товарообмена. Таким образом, каждый после этой вечеринки мог спокойно идти домой. Не нужно было гоняться за чипами, которых вообще не существует.

Вот мы и дошли до точки: из-за того, что Центральный банк требует проценты на деньги новой эмиссии, возникает больше долгов, чем денег. Это и есть ошибка системы.

Дальше все разыгрывается как в игре в «Черного Петра», с той лишь разницей, что на каждом круге в игру вводится все больше Черных Петеро́в. Каждый старается избавиться от своего Черного Петра, и это тем труднее, чем их больше. Приходится ускорять темп, работать еще больше, опережая других, не считаясь ни с чем и выжимая из себя последнее. Все ускоряются без надежды уйти в отрыв. Спираль закручивается все туже и туже.

Разве это не то, что мы с вами наблюдаем? Экономика растет и растет, но — вот чудеса-то! — всем приходится только туже затягивать пояса, рабочих мест не хватает, каждому приходится работать все напряженнее, оставляя все меньше времени для себя и для своей семьи, налоги растут, и у каждого остается чувство, что все становится хуже и хуже, хотя все работают только для того, чтобы становилось лучше. Лучше не станет. Чем больше мы напрягаемся, тем больше возникает неоплатных долгов. Чем больше мы стараемся уйти от невзгод, тем сильнее ухудшаем положение. Единственный выход — найти кого-нибудь, кто расплатится за нас, — кого-нибудь дальнего или саму природу. Вырубим этот дремучий лес, это даст мне дополнительные деньги, чтобы я смог расплатиться с долгами. Выбросим на рынок еще один продукт, который в принципе никому не нужен, уговорим людей, что он им все-таки нужен, хотя бы для того, чтобы быть не хуже других, а произведем этот продукт так, чтобы он скорее сломался, тогда мы больше продадим. Давайте вытягивать деньги у людей из кармана, всеми средствами, чтобы хотя бы с нашими долгами расплатиться. Ядовитые отходы просто зароем, мы не можем себе позволить платить за их обезвреживание. Своя рубашка ближе к телу, каждый воюет за себя.

Самое коварное во всем этом то, что долги — дело частное, тайное. Большинство людей их скрывает как знак своей личной несостоятельности, неудачливости. Они скорее признаются в своей сексуальной несостоятельности, чем в долгах. Официально никто не имеет долгов, с виду все успешные и счастливые. Финансовые проблемы люди скрывают так же тщательно, как в викторианскую эпоху маскировали наличие половых признаков.

Что делать? Экономика призвана давать нам то, что необходимо для жизни. Это не функционирует без денег, деньги — так сказать, кровь экономики. Но эта кровь больна. Она вызывает абсурдный рост экономики и при этом разрушает самые основы нашей жизни. Будь экономика живым существом, мы бы сказали, что у нее лейкемия. Поэтому без оздоровления денежной системы все, что мы можем сделать для спасения Земли, остается бездейственным. Надо устранить дефект конструкции».

Зазвонил телефон. Джон поднял голову и только теперь почувствовал, что глаза у него болят от усталости. Он глянул на часы. Почти половина второго. Время, когда можно ожидать только дурных вестей. Он снял трубку.

— Фонтанелли.

— Эдуардо Вакки, — произнес голос, который он не слышал целую вечность. — Извини, мне только что сказали, что ты на Филиппинах. Там у вас очень поздно?

— Да. Но я все равно еще не ложился.

— Я звоню из-за деда, — сказал Эдуардо. — Он лежит при смерти. И он попросил меня сказать тебе, что он хочет тебя еще раз повидать.

Пересадка в Маниле. Перелет в Бангкок. Оттуда еще лететь в Париж с посадкой в Карачи, и только потом во Флоренцию, где он окажется лишь через двадцать шесть часов. Столько Кристофоро Вакки еще придется жить, если он хочет повидать Джона.

Джон едва сознавал, где они, целиком полагаясь на своих телохранителей. В аэропорту Манилы царил крошечный ад — и в залах, и снаружи. Даже не верилось, что самолеты могут приземляться в этот черный маслянистый смог, окутывающий землю, но в других местах, по слухам, было еще хуже: аэропорт Куала-Лумпур был уже закрыт, Сингапур тоже встал; такого еще не случалось, больницы были переполнены людьми, глаза и дыхательные пути которых не выдерживали чада, некоторые уже умерли.

Наконец они поднялись из адского котла в воздух. В самолете перестало вонять гарью. Джон отмахнулся от напитков, предложенных стюардом; он мог только сидеть в прострации, прислонившись лбом к прохладному окну из пластика. Самолет прочертил в воздухе дугу и развернулся на запад. Отсюда, с высоты сияющей стратосферы, сгустки чада походили на отвратительные черные наросты гигантской цветной капусты, протянувшейся до горизонта, на атмосферную опухоль, разбухшую и омерзительную.

Метастазирующая карцинома печени, сказал Эдуардо о болезни своего деда. Его опухоль была обнаружена полтора года назад, росла относительно медленно, как и бывает у стариков, и вследствие возраста уже ничего нельзя было сделать. Теперь дело шло к концу, и быстро. Джону нужно было спешить.

Какие упреки ему придется выслушать? Перед лицом смерти *патрон* не станет церемониться, скажет ему все, что думает. Что он пошел за Маккейном по ошибочному пути, что растратил впустую драгоценное время на построение империи, которая никому ничем не помогла. Что он, Кристофоро Вакки, глубоко разочарован в нем. Что Джон оказался недостойным своего наследства.

Лоренцо бы знал. Эти слова то и дело отдавались в его сознании, попадая на одно и то же место, как в китайской пытке каплями воды. Уже одно то, что нашлась вторая часть статьи Лоренцо, казалось ему насмешкой судьбы. Сам он не только никогда не додумался бы до таких мыслей, он даже в готовом виде не до конца их понимал.

Лоренцо бы знал, скажет ему Кристофоро Вакки. *Лоренцо был бы истинным наследником.*

Все в нем трепетало в страхе перед той минутой, когда он предстанет перед стариком. Вполне можно было бы устроить себе и опоздание. Все-таки не пустяк — кругосветное путешествие. Никто бы не упрекнул его.

Никто, кроме него самого.

* * *

Так странно было снова оказаться в этих краях, увидеть из окна надпись *Peretola Aeroporto* — почти как тогда, два с половиной года назад. Только здесь по-настоящему началась его новая жизнь. Два с половиной года. Они казались ему вечностью, хотя все это случилось будто вчера.

Странно было снова ехать на том же «Роллс-Ройсе» и той же дорогой — мимо магазина «Феррари»... Только машину вел уже не Бенито. Эдуардо рассказал ему об инсульте и пожал плечами: что поделаешь.

— Как долетел? — спросил он.

— Четыре с половиной часа ожидания в Карачи были лишними, — сказал Джон. — А в остальном ничего. Хорошо, что вообще смогли улететь.

— Я думал, ты прилетишь на своем самолете.

— Нет, он... м-м-м... — «Он нужен Маккейну», — хотел сказать Джон. Но сдержался. — Его надо было вызывать. Получилось бы еще дольше.

— А, да. Конечно, — кивнул Эдуардо.

Он изменился за то время, что они не виделись. Посерьезнел. Нет, созрел. Повзрослел. Джону хотелось узнать, как он жил все это время, но не хотелось спрашивать. Как-нибудь потом.

— Как... м-м-м... он себя чувствует? — подавленно спросил он.

Эдуардо смотрел из окна.

— Он угасает. По-другому не скажешь. Каждое утро мы заходим к нему, а он... все еще жив. Такой смиренный, кроткий... Ничего не хочет, всем доволен, улыбается. В основном спит.

— И уже определенно, что... то есть, действительно уже ничего нельзя сделать?

— Врач приходит дважды в день и вводит ему морфин, так что боли он не чувствует. Это единственное, что можно сделать.

— Понятно. — Он смотрел вперед. Марко сидел рядом с водителем и наслаждался возможностью снова говорить на своем родном языке. Это было видно даже через разделительное стекло. — Значит, это лишь вопрос времени.

— Врач удивляется каждый день. Он говорит, у него такое чувство, будто дед чего-то ждет.

«Меня», — подумал Джон, и ему стало дурно. Он оглянулся на тяжелый «Мерседес», в котором их сопровождали остальные охранники. Но и они ничем не могли ему помочь.

* * *

Со странным чувством он ступил в дом Вакки. Осмотрелся и увидел, что ничего не изменилось. Да уезжал ли он отсюда вообще? Неужто прошло столько времени? Все приветствовали его с серьезными лицами.

— Идите, — тихо сказал Альберто, будто заметив неуверенность Джона. — Он ждет вас.

И он поднялся наверх по столетним мраморным ступеням, с бьющимся сердцем и дрожащими руками прошел к двери, которую указала ему сиделка. Тяжелая ручка показалась ему холодной, и он нажал на нее.

Комната была просторная, тихая, затемненная. Хотя чувствовалось, что ее регулярно и хорошо проветривают, в воздухе все равно оставался запах дезинфекции, как в больнице. Огромная кровать с подвязанным пологом стояла изголовьем к стене и преобладала в комнате. Рядом на металлическом медицинском столике лежали медикаменты и всевозможные приспособления, стояла капельница с прозрачной жидкостью. А в кровати лежал *патрон*, с первого взгляда почти неразличимый. То, что от него еще оставалось в этом мире.

— Джон, — сказал он, — вы приехали... — Он смотрел на него темными, глубоко запавшими глазами. Голос был едва слышен, хотя в комнате царила полная тишина. Джону пришлось подойти ближе, чтобы лучше слышать его.

— *Патрон*, я... — быстро заговорил Джон, но умирающий перебил его:

— Возьмите же стул. — Он указал пальцем в полутьму.

Джон пошел туда и взял то, что сам никогда не называл бы «стулом»: скорее трон с мягким сиденьем, с подлокотниками, с резной спинкой, старинный и, без сомнения, стоявший целое состояние. Но пригодный, в принципе, и для сидения.

— Я рад снова видеть вас, Джон, — сказал старик. — Вы очень хорошо выглядите. Загорели.

Джон стиснул руки и мял их.

— Я был на Филиппинах. Недель, наверное, шесть.

— Ах да, Эдуардо говорил. На Филиппинах, это хорошо. Меня иногда мучает совесть, что я так повлиял на вашу жизнь, взвалил на вас все это... Но, судя по вашему виду, все не так плохо, да?

— Да, конечно. Все хорошо...

Патрон улыбнулся.

— Эта девушка, с которой вы мелькаете в газетах... Я говорю «девушка», извините, ведь, конечно, она взрослая женщина, Патрисия де-Бирс. У вас с ней что-то серьезное? Извините мое любопытство.

Джон сглотнул, отрицательно покачал головой:

— Это было только... То есть все в порядке, в конце концов мы даже подружились, но вначале это была лишь акция. Для средств массовой информации.

— А. — Он кивнул, очень медленно, почти незаметно. — Это он придумал? Маккейн?

— Да.

Он улыбнулся:

— Маккейн. Меня это даже успокаивает. Я почти так и думал, но мне казалось, что ни у кого не хватит бестактности инсценировать такое. ...Снимки очень походили на постановочные. Не знаю, почему. Мисс де-Бирс, разумеется, великолепного вида молодая дама, вне сомнений... но мне всегда казалось, что она вам не подходит.

Джон кивнул, не зная, что на это сказать. Он не ожидал, что человек, лежащий при смерти, способен интересоваться такими вещами.

Патрон прикрыл глаза, провел рукой по лбу, по бледной, почти прозрачной коже.

— Вы, может быть, думаете, — сказал он, снова открыл глаза и посмотрел на него поразительно ясным и твердым взглядом, — что я в вас разочаровался, а? Только честно.

Джон готовно кивнул:

— Да.

Он мягко, почти нежно улыбнулся.

— Но это не так. Может, вы думали, что я хочу вас видеть для того, чтобы дать вам нагоняй? Что я буду тратить на это мои последние часы?

Джон кивнул, в горле у него стоял комок.

— Нет, я просто хотел вас еще раз увидеть. В высшей степени эгоистичное желание, если угодно. — Взгляд его устремился к окну, сквозь которое виднелось ясное небо. — Я еще помню тот момент, когда мне стало ясно, что я доживу до того времени, когда будет найден наследник. Мне было тогда лет двенадцать. Незадолго до войны. Все говорили о Гитлере, я это хорошо помню. Я много раз пересчитывал, пока не убедился: мой отец, который всю мою жизнь рассказывал об этом, не доживет, а я — доживу. Я чувствовал себя избранным. Я чувствовал себя связанным с вами, когда вы еще даже не родились на свет. Я дважды в год навещал вас, когда вы были еще ребенком, следил за тем, как вы растете, видел ваши игры, пытался проникнуть в ваши желания и мечты. Так что же удивительного в том, что я не хотел умирать, не повидавшись с вами? — Он сделал паузу. Ему было утомительно говорить. — Вы не сделали того, что я ждал. Но я и не ждал, что вы сделаете то, что я жду. Иначе я и сам смог бы это сделать.

— Но я связался с человеком, против которого вы меня предостерегали. И вы, и остальные. Я использовал деньги для того, чтобы выстроить всемирную империю фирм вместо того, чтобы помочь бедным, насытить голодающих, спасти тропические леса или сделать еще что-то полезное. Я устремился к могуществу, но теперь даже не знаю, для чего оно мне. Я...

— Ч-ш-ш, — произнес старик, поднимая руку. — Я был огорчен, когда вы ушли, не скрою. Мне понадобилось время, чтобы все понять. И немалое время, если быть честным. — Он опустил руку. — Но когда смерть стоит так близко, что краем глаза всегда видишь ее, куда бы ни смотрел, это расставляет приоритеты правильно. Не думайте о себе так плохо. Вы наследник. Что бы вы ни сделали, все будет правильно.

— Нет. Я не тот наследник, который предполагался в прорицании. Теперь я это знаю. Настоящим наследником был бы Лоренцо. Который...

— Джон...

— Мне прислали одно его сочинение, в котором он исследует денежную систему и обнаруживает, что в ней и кроется ошибка, в самой денежной системе. Это гениально. Я бы до такого не додумался никогда в жизни. Даже теперь я еще не до конца все понимаю. Лоренцо бы знал, что делать, *патрон*, а я не знаю.

— Но так было угодно Богу — взять Лоренцо к себе, незадолго до назначенного дня. Значит, наследник — вы. Значит, это вы вернете людям утраченное будущее при помощи этого состояния. Так гласит предсказание, и так оно и будет. Вы ничего не можете сделать ни за, ни против, это вне вашей власти. Что бы вы ни сделали, в итоге окажется, что это и было правильнее всего.

Джон смотрел на него непонимающе.

— Вы продолжаете верить в это?

— Я продолжаю верить в это, истинная правда. — Он закрыл глаза, будто вслушиваясь в себя. — Я думаю, мне надо немного поспать. Джон, я благодарю вас, что вы приехали. Я беспокоился, честно признаться...

Голос его становился все тише, а в конце превратился в такой шепот, что его заглушал даже шорох одежды.

Джон осознавал, что это, может статься, последний его разговор с *патроном*, *мистером Анджело* из его детства, посланником весны и осени; что все, что он должен сказать, надо сказать сейчас или никогда. Он искал в себе недосказанное, ничего не находил и лишь беспомощно взирал на умирающего.

— Ах, чуть не забыл, — встрепенулся Кристофоро Вакки. — У нас в гостях одна молодая дама, вы ее знаете, ка-

жется. Она обнаружила что-то поистине удивительное. Вам надо это увидеть. — Его исхудавшая рука скользнула по одеялу и легла поверх руки Джона — невесомо, скорее как тень, а не часть тела. — Прощайте, Джон. И расслабьтесь. Вот увидите, в итоге все будет хорошо.

Его рука скользнула дальше, бессильно поникла рядом с истощенным телом, почти неразличимым под одеялом. Джон с ужасом подумал, что присутствует при смерти, но Кристофоро Вакки всего лишь уснул. Если присмотреться, было заметно, как дышит его грудь.

Джон осторожно встал, стараясь не вызвать шума. Поставить ли стул на место? Лучше нет. Он посмотрел на *патрона*, пытаясь осознать, что, может быть, в последний раз видит его живым — но так и не осознал, понял лишь, что хорошо сделал, что приехал проститься. Он пытался удержать это мгновение и закрепить в памяти, но все ускользало от него. Еще никогда прежде он так отчетливо не чувствовал, с какой неумолимостью уходит время.

В конце концов он оставил свои попытки и просто смотрел на старика, который так верил в него. Он просто стоял и смотрел, пока в нем не установился покой и сознание, что пора уходить.

Только оказавшись за дверью спальни, он заметил, что щеки у него мокрые, а в горле скопились всхлипы.

* * *

Она сидела за столом как член семьи, бледная и серьезная, и Джон не сразу вспомнил, откуда ее знает: правильно, тогда в архиве. Студентка исторического отделения из Германии, которая перевела завещание и опубликовала историю пророчества.

— Урсула Фален, — напомнила она ему свое имя, когда он поздоровался с ней.

Тогда он был сильно рассержен на нее, но теперь не мог вспомнить, за что.

— *Патрон* сказал, что вы обнаружили нечто такое, на что я непременно должен взглянуть, — сказал он.

Она удивленно подняла брови.

— Он вам сказал? Удивительно.

— Почему?

— Вы поймете, когда увидите. — Она сделала неопределенный жест. — Как только все здесь... ну, *кончится*.

Но это оказалось не так скоро. Они сидели и ждали, а врач, спускаясь по лестнице, всякий раз отрицательно качал головой.

— Мне еще не приходилось видеть такого смирения в смерти, — сказал он однажды, а в другой раз спросил: — Есть ли в ближайшее время какая-нибудь дата, важная для него? Годовщина или что-то вроде того?

— Я ничего такого не припоминаю, — сказал Альберто. — А что?

— Бывает, что умирающий держится из последних сил, потому что хочет дожить до определенного дня — дня рождения, юбилея, годовщины смерти жены...

— Наша мать умерла в мае 1976 года, это отпадает, — сказал Грегорио. Он подвинул к себе свой ежедневник, задумчиво изучил его и покачал головой: — Нет, мне ничего не приходит в голову.

И они продолжали ждать. Урсула жила в гостевой комнате, Джону тоже выделили комнату, а телохранителей разместили в деревенской гостинице. Они подолгу сидели вместе, Вакки рассказывали о старых временах, ели и пили, что подавала на стол Джованна, а это было немало: как будто они могли спасти жизнь *патрона*, опустошая погреб с припасами. Проходила ночь, наступало новое утро, а *патрон* был все еще жив, он часами пристально смотрел в окно на небо, но не хотел ни с кем говорить.

Это случилось в тот час, когда во всем доме и вокруг него воцарился покой, будто не от мира сего. Как будто все было заколдовано и время остановилось.

Но за пределами семейного гнезда волшебство не действовало.

— Не считите меня бесчувственным, — сказал Грегорио Вакки врачу, — но жизнь и ее будни продолжают, меня ждут назначенные встречи, которые нельзя отменить...

— Я сам не знаю, сколько это еще протянется, — ответил врач. — Никто не может этого сказать. Еще несколько дней назад я был уверен, что следующую неделю вы можете планировать по своему усмотрению, но теперь... Я не удивлюсь, если затянется и до октября.

И они продолжали ждать. Рассказывать было уже нечего; каждый думал о своем или беспокойно прогуливался, нервы дрожали от интенсивности атмосферы.

— Вы тоже думаете, что он чего-то ждет? — спросила Урсула Фален, встретив однажды вечером Джона в саду — в том конце, откуда было видно море.

Джон пожал плечами:

— Понятия не имею. Надеюсь, не того момента, когда меня озарит гениальная идея об исполнении прорицания.

— Как будто вы верите в это прорицание.

— Но он-то верит.

— Да, я знаю, — она кивнула и стала смотреть в сторону моря. Над берегом висела прозрачная дымка. Близилась осень.

Джон смотрел на нее со стороны. В ней была своя строгая красота. При их первой встрече он этого не заметил. Ему захотелось сделать ей комплимент, но если вспомнить, как он повел себя тогда, при их первой встрече, то лучше было промолчать.

— А вы, значит, изучали архив? — сказал он вместо этого. — Ведь вы хотели написать книгу, насколько я помню?

— Я собиралась, да, — неохотно ответила она, не желая вспоминать об их тогдашней ссоре в канцелярии, и сменила тему. — Кажется, мы стоим как раз перед окном мистера Вакки. Вон то, с плотными шторами, да?

Джон попытался представить себе план дома.

— Вполне возможно.

— Как вы думаете, он нас видит?

— Со своей кровати он видит только небо. — Он подумал о двойном смысле этого выражения. — В некотором роде я ему завидую, — признался он, удивляясь, почему говорит это ей.

— Завидуете умирающему?

— Он умирает с сознанием исполненного долга, для которого была предназначена его жизнь. Хотелось бы такого и для себя. Хотя бы знать свое предназначение.

Кажется, ей это не понравилось.

— Разве у нас у всех не одно предназначение? Просто прожить свою жизнь?

Джон смотрел на высохшие, жесткие травинки под ногами.

— Честно говоря, я не знаю, что это значит.

— Что жизнь не представляет собой ничего сложного. Живешь. Любишь. Смеешься. Или плачешь, если придется.

— Люди делают это уже многие тысячи лет, но если все будет идти так, как идет, то через несколько десятков лет

людей вообще больше не будет. — Он покачал головой: — Нет. Это не ответ.

Теперь она посмотрела на него. Глаза у нее были глубокие и темные. Но ему нравилось, как она смотрит на него. Что она смотрит на него.

— Вы много взваливаете на себя.

— Это на меня взвалили. Вместе с безумным количеством денег.

Деньги, которые порабошают весь мир. Но лучше об этом не думать.

— Мне кажется, — сказала она, — я должна вам срочно кое-что показать.

— Ваше удивительное открытие?

— Более чем удивительное. — Она огляделась. — Но для этого нам придется поехать во Флоренцию, в офис Вакки, в их канцелярию.

Он заметил, как все стихло. Только что стрекотали в кустах цикады, но и они, казалось, выжидательно смолкли. Облака на небе тоже остановились, бледные и бездвижные.

— Врач сказал, что еще не скоро, — добавила она.

Джон колебался.

— Рискнуть только из любопытства?..

— Какой тут риск? Все равно каждый умирает в одиночку.

Джон посмотрел на нее, и ему показалось, что он знает ее с незапамятных времен. На глаза у него выступили слезы, и их совсем не нужно было скрывать.

Он еще раз глянул в сторону окна, за которым старик ждал смерти, и его пронзило глубокое согласие. *Что бы вы ни сделали, все будет правильно.*

— Идемте, — сказал он.

* * *

На втором этаже канцелярии царил хаос. Витрины стояли открытыми, бесценные фолианты громоздились небрежными штабелями, на столах лежали раскрытые справочники, словари и горы исписанной бумаги, даже на стенах висели бумажки с датами, внесенными суммами и ключевыми словами по-немецки, которые он не мог прочитать. Должно быть, у нее уже долгое время был доступ к архиву.

— Вот, взгляните сперва на это. — Она достала из витрины с кондиционером книгу и раскрыла ее. — Это одна из

счетоводных книг Джакомо Фонтанелли. Тут есть две примечательные вещи. Первое. В пятнадцатом веке в Италии развилось то, что мы теперь называем *двойной бухгалтерской записью*. Тогда это называлось бухгалтерией *по-венециански*, и этот новый метод был основой доминирующего положения, которое тогда занимали итальянские купцы. Но Фонтанелли не пользуется им, а ведет своего рода бизнес-дневник, и он скорее бессистемный, мягко выражаясь. Обратите внимание на почерк — нечеткий, с переменным наклоном. Тот же самый почерк, что и в завещании.

Джон смотрел на бледные каракули, сравнивал их с завещанием, которое по-прежнему лежало на своем месте под стеклом.

— Но в этом нет ничего неожиданного, а?

Урсула Фален рассеянно кивнула:

— Это еще сыграет свою роль. Сейчас важно, что такой способ, скажем так, хаотических записей не дает возможности быстро получить представление о фактическом состоянии дел купца. Поэтому долгое время никому не бросилось в глаза, что книги Фонтанелли заканчиваются не тремястами флоринами прибыли, а тремястами флоринами убытков. Если быть точной, я была первой, кто это заметил, и с того времени не прошло и трех месяцев. — Она положила перед ним другую счетоводную книгу, последнюю в ряду, раскрыв ее на последней исписанной странице.

— Убытков? — Джон наморщил лоб, разглядывая цифры. Они ему ни о чем не говорили. Ему оставалось только поверить ей на слово. — Но как же тогда он смог оставить состояние, если его не было?

— Этот вопрос я тоже себе задавала. Поэтому мне пришлось разыскать другие записи Джакомо Фонтанелли — с помощью Альберто Вакки, кстати, которого в этой стране, кажется, знают все и каждый, — сказала она, подняла крышку старинного металлического ящика и достала оттуда несколько таких же древних бумаг. — И в конце концов я наткнулась вот на это. Пункт второй.

Несколько листов, исписанных колонками цифр. Джон смотрел на них, пытаясь понять, что перед ним. Цифры выглядели чужеродно, двойка скорее походила на лежащую волнистую линию...

— Это годы? — вдруг осенило его. — Вот, 1525, 1526... — Он долистал до конца. — Заканчивается 1995 годом.

— Точно! — сказала Урсула. — Это расчет, во что превратится состояние за пятьсот лет, с процентами и процентами на проценты. И обратите внимание на почерк — он строгий, четкий, равномерный. Это мог написать кто угодно, но только не Джакомо Фонтанелли. Как видите, это письмо, которое он получил, должно быть, в 1523 году.

Джон смотрел на цифры, и у него было такое чувство, что его глаза готовы сгореть.

— Это значит?..

— Это были не его деньги, и это была не его идея, — произнесла она страшные слова. — Кто-то другой разработал весь этот план и дал на него деньги.

У Джона зашатался под ногами пол.

— Тот, кто написал письмо? — Он перелистывал, ища конец. — Этот... что это значит? *Якопо*?

— *Якопо*, — подтвердила Урсула Фален, — итальянская форма немецкого имени «Якоб». Известно, что Якоб Фуггер при жизни имел обыкновение именно так подписывать свои письма в Италию. Говорит вам о чем-нибудь имя Якоб Фуггер?

— Якоб Фуггер Богатый, — услышал Джон свой собственный голос. Это имя упоминал Маккейн, и он его вспомнил. — *Самый могущественный человек, когда-либо живший на этой планете*. Вы полагаете, моим состоянием я обязан ему?

Глаза ее превратились в большие, загадочные драгоценные камни.

— Более того, — сказала она. — Я думаю, вы его потомок.

* * *

То, как он сидел и смотрел на нее, делало его таким открытым и беззащитным, что ей впору было обнять его. Сейчас она не видела в нем ни капли той заносчивости, какая почудилась ей в первый раз, осталась только притягательность, да такая, что все в ней пронзительно звенело, напоминая ей о Нью-Йорке, о Фридрихельме, изменяющем ей с чужой женщиной, о ее безумной ярости. Сколько уже прошло времени с тех пор, а шрамы, оставшиеся от той травмы, еще болели. Болели и сейчас, в присутствии этого

мужчины, к которому она чувствовала необъяснимую теплоту, как будто он был тот, кого она долго ждала, кто долго отсутствовал и наконец вернулся.

Но, разумеется, этого не могло быть. Нельзя этому быть. Просто она переволновалась за старого Вакки за эти три недели, изо дня в день видя его угасание. Близость смерти обострила все ее чувства, пробудила голод к жизни... Значит, надо смотреть в оба. Чтобы ее ничто не подхватило и не увлекло.

Область исторических фактов и теорий была надежной крепостью. Она схватилась за исторический словарь как за спасательный круг.

— Все сходится. Якоб Фуггер родился в 1459 году, младшим из семи сыновей, и вообще-то ему была предуготована духовная стезя. Но после того как четверо его братьев умерли — от инфекционных болезней, как считалось, — Якоба в сентябре 1478 года забрали из монастыря назад в Аугсбург, в фирму. Первым делом он поехал в Италию, чтобы в тамошних отделениях Фуггеров изучить бизнес, начиная с самых азов. Он отправился сначала в Рим, а вскоре после этого в Венецию, где оставался около года. После этого вернулся в Аугсбург, чтобы стать тем, кого потом назовут Богатым. — Она отложила книгу, взглянула на него. — Согласно официальным историческим описаниям, Якоб Фуггер оставался бездетным, по неизвестным причинам. Часто предполагают, что он был импотентом, но это маловероятно. Возможной причиной могло быть бесплодие из-за ранее перенесенных болезней. Как бы то ни было, тогда, в 1479 году, двадцати лет от роду, он очутился в Венеции — городе, где жизнь была ключом — под воздействием непривычно интенсивного солнца и жары... Могло ли быть, чтобы это не повлияло на него? Балы-маскарады, необузданный водоворот событий — мыслимо ли, чтобы молодой, здоровый мужчина, проведя целый год в этой дурманящей, пьянящей атмосфере, обошелся хотя бы без короткого романа? И даже если впоследствии он оставался бездетным, мыслимо ли, чтобы тогда, во цвете юности, он хотя бы раз не оказался способным к оплодотворению? И вполне возможно, и вполне представимо, что Якоб Фуггер во время своего пребывания в Венеции сделал беременной молодую женщину и уехал, не зная об этом. Женщину, о которой нам известна лишь ее фамилия.

Джон понимающе кивнул:

— Фонтанелли.

— Правильно. Дата рождения Джакомо Фонтанелли, 1480-й, по времени как раз подходит. И другие частности тоже подтверждают это. Почему, например, он отказывался вести свои счетоводные книги *по-венециански*? Может, потому, что его мать из-за своих горьких воспоминаний внушила ему отвращение ко всему, что шло из Венеции?

Джон Фонтанелли разглядывал письмо, цифры на нем, подпись.

— А как с почерком?

Она достала из папки факс, который ей прислал услужливый куратор из Германии, с другим письмом Фуггера.

— Вот. Не идентично, но достаточно похоже.

— Невероятно. — Он сопоставил два листа, разглядывал их, но мысленно, казалось, был далеко. Внезапно он поднял глаза, посмотрел на нее и сказал: — Мисс Фален, я хотел бы извиниться перед вами. Я сам не знаю, почему в нашу первую встречу повел себя так несдержанно, мне очень жаль.

Она посмотрела на него растерянно, от неожиданности не зная, что сказать.

— Ну, — медленно произнесла она, — я тоже была далеко не образец любезности.

— Но я начал первый, — настаивал он. — Пожалуйста, простите меня. Я действительно восхищен тем, что вы все это разыскали, — он с беспомощной улыбкой поднял письма Фуггера. — К сожалению, коммерческие способности я от него не унаследовал. Состояние моего счета перед получением наследства скорее противоречит вашей теории.

Она невольно рассмеялась:

— Ах, это ничего не значит. Даже ваш предок Джакомо не проявил особых способностей к коммерции. Он часто оказывался в долгах, еле выкарабкивался. Вот, посмотрите сюда, — она положила перед ним счетоводную книгу, которую уже показывала *патрону*. — Вот запись. Март 1522 года. Некий Я. ссудил ему двести флоринов.

— Якопо?

— Можно предположить.

— Но как он вошел в контакт со своим отцом? И почему он никогда не упоминал, кто его отец?

Урсула помедлила. Все это было таким вольным допущением, что ей становилось не по себе.

— Я могу представить, что со временем мать ему все рассказала. Может быть, незадолго до смерти, а мы не знаем, когда она умерла. А что стало с этим Якобом Фуггером, с которым она в юности познакомилась в Венеции, тогда в Европе было известно каждому. Я могу себе представить, что Фуггер своими ссудами покупал молчание Фонтанелли. Судя по записям в счетоводных книгах, контакт начался самое раннее в 1521 году. Тогда Якобу Фуггеру оставалось жить еще четыре года, и он, возможно, уже чувствовал приближение смерти. Наследником был назначен его племянник Антон, и Якоб Фуггер уж совершенно точно ничего не хотел изменить в пользу своего незаконнорожденного сына, тем более такого коммерчески неуспешного.

— Но он разработал этот план...

— Однозначно. Подобный план мог возникнуть в голове только такого дальновидного и хваткого человека, как Якоб Фуггер.

— Но, — начал он и неуверенно смолк. — Как же тогда с прорицанием?

Вот они и добрались до самой горячей точки. Урсула почувствовала, как ей стало жарко.

— Я думаю, Джакомо Фонтанелли действительно увидел этот сон. Вы не должны забывать, что он вырос в монастыре, со всеми его легендами, мифами и историями о пророках и мучениках — для меня совсем неудивительно, если пятнадцатилетний увидит такой сон и истолкует его как видение.

— Сон, в котором он, во всяком случае, точно описал наше время, далекое для него пятисотлетнее будущее.

— Вы считаете? Но нарисованные им картины скорее похожи на общие места и с таким же успехом могли происходить из Библии — из Апокалипсиса или из Книги пророка Даниила. Нет, этот сон он действительно мог видеть, истолковал его как видение, даже как пророчество — но я думаю, что Якоб Фуггер воспользовался этим пророчеством. — Она указала на последние строчки письма. — Вот это в точном переводе означает: «Так законы математики помогут моему состоянию обрести бессмертие, а ты можешь считать, что вместе с тем исполнится и твое виде-

ние». Он хотел использовать религиозные убеждения Джакомо Фонтанелли и его друга Микеланджело Вакки, чтобы то, что он создал — величайшее в истории состояние, — возродилось в далеком будущем.

Джон некоторое время смотрел в пустоту.

— Можно рассматривать это и так, что божественное провидение использовало деньги и ум Якоба Фуггера, чтобы создать предпосылки, необходимые для исполнения пророчества.

— Да. Можно посмотреть на это и так. Кристофоро Вакки, например, именно так это и видит. Но я — нет.

— Вы ему все это показали?

— Конечно. — Урсула подняла брови. — Но не беспокойтесь, совсем не это сокрушило его.

Он встал, потянулся, будто пытаясь избавиться от тяжести, давившей на его плечи, — тщетно, — и прошелся вдоль ряда застекленных шкафов.

— Семейство Вакки осуществило невероятное, вы не находите? Мне трудно поверить, что за все это в ответе Якоб Фуггер, а не божественные силы.

— Я не ставлю под вопрос религиозные убеждения семьи Вакки. В чем я не уверена, так это в релевантности пророчества.

— Я думаю, это одно и то же.

— Нет. Я не могу принять, что возвращение утраченного будущего всего человечества может оказаться в руках одного человека. Я не могу принять, что для этого нужны деньги. Я не могу согласиться даже с тем, что человечество вообще лишилось своего будущего.

Он широко раскрыл глаза:

— Но все расчеты показывают...

— Все расчеты ошибаются. Они всегда ошибались. В конце прошлого века проводились расчеты относительно роста уличного движения, и из этих расчетов следовало, что мы сейчас должны были бродить по пояс в конском навозе. Все это ерунда, Джон. Мы живем в не более и не менее последние времена, чем любые другие исторические поколения. Мы лишь нервничаем оттого, что добавляется новая тысяча в нашем летоисчислении, только и всего.

Он остановился, посмотрел на нее, и она увидела в его глазах душу, отягощенную ледяным грузом.

— Вы не знаете, каково это. Обладать таким количеством денег означает держать в руках судьбу мира. Я бы с радостью сделал из этого что-то хорошее, но не знаю что. Я не знаю, можно ли из этого вообще сделать что-то хорошее. Единственное, что я знаю, — что из этого легко сделать очень много плохого.

— Тогда раздайте его. Создайте для этого фонды. Не позволяйте ему подавлять вас.

— Вы не понимаете. Я наследник. Я должен...

— Вы должны в первую очередь жить, Джон, — сказала она.

— Жить, — повторил он, осторожно, как будто еще никогда не произносил этого слова. В его взгляде промелькнула боль. — Если честно, я не знаю, как это делается.

Нет. От его тела исходила тяга, влекущая ее. *Нет. Меня этим не возьмешь.* Она вспомнила Фридрихельма, вспомнила Нью-Йорк, но все эти воспоминания вмиг сделались бесцветными, бледными, как фото из прошлого столетия.

— Но вы это уже делаете. Вам только нужно перестать верить в то, что к вам обращается сам Бог. Он не обращается к вам.

— А кто же тогда? Якоб Фуггер?

— Никто. Это просто старинная история, и все.

Его дыхание уже давно участилось, но он только сейчас заметил, что дышит толчками, будто того и гляди разрыдается. Руки его дрожали, в глазах тлел ужас.

— Но если... — начал он, задыхаясь, и продолжил шепотом: — Если это не миссия... если у меня нет жизненной задачи... тогда кто я? Для чего я живу?

Ей ничего не оставалось, как обнять его, прижать к себе, потому что он внезапно заплакал, и она чувствовала, как он дрожит, как слезы страха смывают его отчаяние и как он постепенно успокаивается. Какая сцена, подумала она между прочим: стоим тут, среди древних книг, в этом древнем доме...

Наконец он высвободился из ее объятий. Она заметила, что ей не хотелось его выпускать.

— Спасибо, — сказал он, шмыгая носом, и достал платок из кармана брюк. — Сам не знаю, что это со мной.

— Слишком много на вас обрушилось. — Как ни странно, все это нисколько не было стыдно.

Он стоял, глядя на нее внимательно, даже немного потрясенно.

— Мне понравилось, как вы меня успокоили, — сказал он с некоторым удивлением. — Это, наверное, глупо звучит, но я не хочу уходить, не сказав вам этого.

Ей показалось, что ее зашатало.

— Это совсем не глупо.

Они смотрели друг на друга. Стояли и смотрели друг другу в глаза, и что-то происходило. *Так не бывает*, кричало в ней что-то, но между ними возникло силовое поле, которое отменяло все правила и предубеждения, оно толкнуло их друг к другу в объятия, и они стояли, чувствуя друг друга, целую вечность, прежде чем их губы потянулись друг к другу и слились, и нечто, более сильное, чем сама Вселенная, вовлекло их в свой танец, который был самой жизнью.

— Идем наверх, в квартиру, — было последней ясно артикулированной фразой, произнесенной в этот вечер, и впоследствии они не могли вспомнить, кто из них произнес ее.

В эту ночь, в два часа тридцать минут умер Кристофоро Вакки, по странной случайности за несколько минут до землетрясения, сотрясшего Среднюю Италию, принесшего много жертв и частично разрушившего знаменитую базилику Святого Франциска в Ассизи. Земные толчки исходили из эпицентра в горном районе Фолиньо и ощущались вплоть до Рима и Венеции, но на пятом этаже канцелярии Вакки во Флоренции мужчина и женщина были настолько увлечены друг другом, что не заметили его.

Маккейн неистовствовал среди бумажных гор на полу своего кабинета. Это больше нельзя было выдержать. И когда, наконец, доставили стальной шкаф, установили и привинтили к полу — разумеется, под его наблюдением, — ему уже не нужно было все это выдерживать. Стопка за стопкой документы просматривались, упорядочивались, перекочевывали в ящики, получали регистрационные номера и ярлыки, чтобы всегда все было под рукой и в досягаемости. В углу стоял измельчитель бумаги, но он использовался не так часто: Маккейн не любил уничтожать документы. Сколько раз ему приходилось наводить справки по деталям давно отработанных проектов и дел, пусть для того, чтобы учиться на собственных ошибках.

Шкаф был огромный, но так ловко подогнанный и так изящно облицованный благородным ореховым деревом, что почти не бросался в глаза. Маккейн предпочитал палисандр, но это было бы неуместно для руководителя концерна, начертавшего на своем знамени девизом защиту окружающей среды, — приходилось брать и такие вещи в расчет. Он уже давал интервью в этом кабинете, в том числе и экономическим журналистам разных телекомпаний — и тут стенка из тропического дерева была бы совсем некстати. Хотя в его собственных глазах это было глупостью и типичным примером близорукости в способах решения проблем экологии — то есть без учета взаимосвязей. С его точки зрения, самым действенным путем было бы сократить выжигание тропических лесов, дать возможность странам выгодно продавать свою древесину вместо того, чтобы выжигать ее. Но он не питал надежд убедить в этом журналистов и общественность.

Время от времени он выглядывал за дверь, но в приемной царила тишина и одиночество раннего утра.

— Неужто я единственный идиот, который еще упирается в этом мире? — проворчал он, в очередной раз закрывая за собой дверь.

Это была тяжелая работа. Каждый документ был необходим для дела, для завоевания, для нашествия. И не все из

этих проектов были успешными, как раз наоборот. Все продвигалось с каждым шагом труднее и труднее. Биржевые котировки росли как безумные, самые смехотворные предприятия внезапно достигали биржевой стоимости в области миллиардов — какие-нибудь, например, интернет-фирмы, возникшие буквально из ничего — из имени, из скромного офиса и нескольких вшивых компьютеров — и не заработавшие ни единого цента хозяйственной деятельностью. Ну, хорошо, они ему совсем не были нужны, но они уже все пронизывали собой. Телекоммуникации, например: уже видно было, когда первые предприятия этой отрасли достигнут стоимости в сотню миллиардов долларов. Это неподъемно. И что самое обидное: он сам внес свою лепту в это развитие всеми своими биржевыми маневрами, проведенными *Fontanelli Enterprises* в прошлом. Все эти захваты фирм, оплаченные гипотетическими акциями, так сказать, воздухом. Теперь это аукнулось.

Наконец, без десяти семь появилась первая секретарша.

— Кофе, — гаркнул он ей, не успела она снять пальто. — Целый кофейник.

А Джон Фонтанелли был в Италии, все еще у Вакки. Лишь бы они ему опять не нашептали чего-нибудь. Он чувствовал сильное желание шарахнуть чем-нибудь о стену, когда думал о том, каких роковых ошибок можно было избежать, если бы он получил состояние Фонтанелли двадцать лет назад. *Слишком поздно!* Сколько раз он думал об этом, столько раз приходил к этому заключению. *Слишком медленно!* Все, за что он хватался, пускал в дело, продвигал, — все шло слишком медленно, как он ни подхлестывал, как ни грозил и ни уговаривал.

Он смотрел на карту мира, на которой были отмечены все их отделения, предприятия, долевые владения, кооперации и дочерние фирмы, монополии и рынки, а также степень их влияния. Это была ни с чем не сопоставимая империя, но она все еще была слишком мала и слаба, чтобы остановить ход вещей. И изменения не просматривались. Они начали слишком поздно, они слишком медленно продвигались вперед.

В дверь постучали. Кофе. Он взял кофейник и велел соединить его с профессором Коллинзом. И потом стоял, пил кофе прямо из кофейника, смотрел из окна и ждал.

Двадцать бы лет назад — и можно было воспрепятствовать сходу этих лавин. Все, что они теперь делали, было попыткой остановить их. Безнадежной попыткой.

Зазвонил телефон. Коллинз, спросонья.

— Мне нужны результаты, — потребовал Маккейн. — Я сам приеду к вам, только скажите когда.

— В следующую пятницу? — предложил профессор. — Годится?

— Договорились. В пятницу в пять часов я у вас, — сказал Маккейн и положил трубку.

* * *

— Знаешь, чего я немного стыжусь? — спросил Джон.

— Того, что совершенно распоясался? Что кричал, как сладострастный бык?

— А я кричал?

— Не знаю. Может, это я кричала.

— Нет, мне стыдно, что я совсем забыл про Марко и Криса. Они, наверное, всю ночь просидели в машине. И теперь гадают, что же случилось.

— Ах, вон что. Твоя лейб-гвардия. — Урсула зарылась лицом в подушку. — А я и забыла, какую жизнь ты ведешь.

— И эта женщина исследовала мое происхождение с незапамятных времен! Такой прокол.

— Не смейся. Это для меня серьезная проблема.

— Думаешь, для меня нет? Но у меня тогда был только один выбор: либо слишком мало денег, либо слишком много. А каково приходится, когда денег слишком мало, я уже знал.

— А что бы они сделали, если бы ты отказался от наследства?

— Об этом я не спрашивал. Хм-м. А действительно, было бы интересно увидеть их лица, а?

— Еще бы. Будь у тебя фотоаппарат... Эй, что это?

— Отгадай.

— Итак, если Якоб Фуггер действительно был импотентом, мне придется пересмотреть мою теорию...

Когда они проснулись во второй раз, было уже половина двенадцатого дня.

— Нам надо постепенно привыкать к мысли, что придется вставать, — сонно пролепетал Джон, подвинулся к Урсуле и принялся страстно ее целовать.

В конце концов она вырвалась и, задыхаясь, сказала:

— Бог мой, так меня никогда не целовали. В какой-то момент я могла бы поклясться, что подо мной дрожала земля.

Джон польщенно улыбнулся.

— Должно быть, я наверстывал упущенное, потому что... — Он перебил себя: — О, черт, кажется, действительно трясет!

Они, не веря своим глазам, вместе следили, как чашка, стоявшая на краю стола, упала и разбилась о стертый каменный пол.

* * *

За ночным землетрясением в Умбрии наутро последовали еще два сильных толчка — в 11.41 и в 11.45, — которые стерли с лица земли несколько горных деревень. Об этом они узнали на обратном пути в имение Вакки от телохранителей, которые в полдень слышали новости по радио. От них же они узнали, что *патрон* ночью скончался — мирно, во сне.

В доме царило смешанное состояние траура и облегчения. Кристофоро Вакки был старый человек, который после полной, богатой жизни мог уже и почить в бозе, утешали их посетители из деревни, пришедшие отдать последнюю дань уважения покойному. Джованна готовила и потчевала каждого, кто приходил. Грегорио Вакки занимался организацией похорон, которые были назначены на среду будущей недели, тогда как его старший брат Альберто только растерянно скреб себе бороду. Теперь он старейший Вакки, объяснял он, выпучив глаза, когда с ним заговаривали. Скоро «патроном» будут называть *его*.

Им казалось несвоевременным в такой ситуации показывать окружающим свою влюбленность. Вечером каждый ушел в свою комнату, но как только в доме стало тихо, молча сидевшие в темноте охранники слышали, как одна дверь открылась, и тихие, быстрые шаги босых ног прошествовали по коридору. Как только закрылась другая дверь, они тактично и бесшумно заняли новую позицию, достаточно удаленную, чтобы не слышать, что происходит в комнате, но достаточно близкую, чтобы при малейшем крике тотчас быть на месте.

— Что будем делать? — спросила Урсула в одну из таких ночей. — Когда здесь все кончится.

— Я заберу тебя в свой замок, — сонно сказал Джон, — одену в шелка и бархат, осыплю бриллиантами, а потом мы поженимся и нарожаем детей.

— Класс. Именно так я всегда и представляла себе мою жизнь. — Это прозвучало достаточно саркастично, чтобы Джон сразу проснулся.

— А почему ты спрашиваешь? То есть мы в любом случае останемся вместе, разве это не ясно?

— Я не уверена, получится ли.

Он сел в постели.

— Эй, только не говори, что я для тебя всего лишь временное приключение.

— А я для тебя разве не приключение?

— Ты?.. — Он провел рукой по волосам. — Ты женщина моей жизни. Собственно, я думал, это написано у меня на лбу.

— Я видела у Джованны один из этих журналов. Ты там на обложке, рука об руку с Патрисией де-Бирс. Отпуск на Филиппинах. Ей ты тоже это говорил?

— Нет, стоп. О, проклятье. Ничего такого не было. Я...

— Тебе не надо оправдываться. Все в порядке. Ты богатый и знаменитый мужчина, женские сердца летят к тебе стаями...

— Ко мне? Ну что ты. Разве что к моему кошельку.

— Я ни на что не жалуюсь. Это было прекрасное приключение. Но тебе вовсе ни к чему водить меня за нос. Именно это я и хотела тебе сказать.

Он помотал головой:

— Я не собираюсь водить тебя за нос. У меня ничего не было с Патрисией де-Бирс, честно. И я... Я люблю тебя. Давай поженимся. Пожалуйста.

— Об этом мне надо подумать, — ответила она и повернулась на бок, подмяв под себя подушку. — Кроме того, предложения так не делают. Их делают за красивым ужином, с розой в руке.

В понедельник они поехали во Флоренцию за покупками, поскольку у них не было подходящей для похорон одежды. Денег у Джона при себе не было, и он прямоком прошествовал в роскошное здание *Banco Fontanelli*. Лишь заме-

тив шокированный взгляд Урсулы, когда она оглядывала роскошное фойе, все в золоте, мраморе и лепнине, он сообразил, что надо было сделать иначе. К тому же еще и операционистка в зале чуть не рухнула в обморок от благоговения, несколько раз подряд воскликнув: «Синьор Фонтанелли!» да так громко, что все к ней обернулись, и никак не могла успокоиться. Не проводить ли его к директору? Или вызвать директора сюда?.. Джон умиротворяюще поднял руки и попытался довести до ее понимания, что ему всего лишь нужно немного наличных денег.

— Сколько нам понадобится денег? — спросил он Урсулу.

Урсула продолжала таращиться на высоченные мраморные колонны, на огромные, в золоченых рамах, картины эпохи Возрождения, на огромный, с современной росписью, купол.

— Это все твое? — непонимающе шепнула она. — Или нет? Так твое или нет?

Джон проследил за ее взглядом. Маккейн считал, что главный офис *Banco Fontanelli* должен выглядеть так, будто кто-то купил собор Святого Петра и переоборудовал его в банк. Его и самого-то подавлял вид этого банка.

— Боюсь, что да.

Она постепенно приходила в себя.

— Фуггер в городе Медичи. Насколько я понимаю, ты можешь себе позволить повести меня в одну из этих благородных лавок, к Гуччи или Ковери или к кому там еще. Возьми двадцать миллионов лир.

Он передал это мужчине за бронированным стеклом кассы и спросил:

— А сколько это в долларах?

— Тысяч десять, я думаю, — сказала Урсула и взяла его под руку. — Впрочем, мой богатый любовник, скажи-ка, почему у такого человека, как ты, собственно, нет кредитной карточки?

— Ну, нет, и все, — сказал Джон. Ему казалось неуместным объяснять ей, что все магазины присылают ему товары на выбор прямо домой, а рестораны он покидает, не затрудняя себя такими мелочами, как счет или оплата. — Нет, дайте мне лучше сорок миллионов лир, — сказал он

кассиру, который торопливо отсчитал ему банкноты, а потом чуть не подобострастно попросил расписаться на квитанции.

— Ты считаешь это в порядке вещей, что люди ползают перед тобой на брюхе? — спросила Урсула, когда они снова вышли в сутолоку этого странного города, кажущегося средневековым.

— Нет, — сказал Джон. — Но я устал отучать их от этого.

Она скептически оглядела четверых телохранителей, которые снова окружили их.

— Мне только страшнее делается от их крутых темных очков, — шепнула она ему.

— Эй, угомонись. У меня в кармане все-таки сорок миллионов.

— Ну, ладно. Ты можешь посидеть со своими крутыми парнями в уличном кафе, пока я самостоятельно займусь шопингом и порадуюсь тому, что я снова нормальный человек.

* * *

Народу пришло гораздо больше, чем могла вместить маленькая деревенская церковь. Половине людей пришлось остаться снаружи и слушать отпевание через открытые двери.

Когда траурное шествие двинулось к кладбищу, люди стояли вдоль дороги. Кристофоро Вакки был погребен, как и полагалось, в фамильном склепе.

— Красивый вид открывается отсюда, — задумчиво сказал Альберто Вакки, когда все молитвы были прочитаны, все гимны спеты и все венки возложены.

На обратном пути Урсула шла под руку с Джоном и шепнула ему:

— Я хотела бы представить тебя моим родителям.

Джон широко раскрыл глаза. Это звучало многообещающе. В конце концов с каких это пор родителям представляют своих мимолетных партнеров?

— Когда угодно, — шепотом ответил он. — А я тебя своим.

— По дороге туда мы сможем остановиться в Аугсбурге.

— В Аугсбурге?

— Это город Фуггеров.

— Фуггеров? А я думал, их больше нет.

— Много ты понимаешь!

Он почувствовал порыв дикой радости. Это прозвучало, как призыв подумать, когда и как он организует сцену с красивым ужином и розой.

— Понял, — сказал он. — И когда выезжаем?

Она подозрительно огляделась.

— А что, если сегодня вечером?

— Я не против. — Он уже достаточно долго эксплуатировал гостеприимство Вакки.

— А как ты смотришь, — добавила она, — если мы оставим твоих горилл здесь?

Джон даже закашлялся.

— Ого. Ты хочешь...

— Только ты и я. Мы сбежим. Поедем вторым классом на поезде, как миллионы других людей, и на несколько дней забудем про весь этот цирк.

Отчетливый внутренний голос говорил ему, что этого приключения ему не избежать, если он не хочет ее потерять. Тем не менее он осторожно сказал:

— Это не так просто, как ты думаешь. Я постоянно мелькаю в газетах и по телевизору. Меня обязательно узнают. И кому-нибудь в голову придет дурацкая идея.

— Если ты в дороге без охранников, тебя никто не узнает. Спорим на что хочешь. Людям бросается в глаза не твое лицо, а то, что вот идет некто, окруженный охраной.

— Не знаю. Я уже настолько привык к этому, что чувствую себя голым при одной только мысли...

— О боже! — Она закатила глаза.

— Ну, хорошо, давай, — поспешно сказал он. — Но сначала надо узнать, когда будет поезд...

— Около десяти вечера отходит ночной скорый поезд на Мюнхен, — сказала Урсула и пояснила: — Я уже посмотрела, когда в понедельник разгуливала без вашей команды.

Джон вспомнил о своем «Феррари», который без пользы простаивал в Портесето, в гараже его дома, нежилого, но, без всяких сомнений, вполне ухоженного.

— И как же мы уедем незамеченными?

Она насмешливо окинула его взглядом:

— Ну, это просто.

Вечером они снова попросили отвезти их во Флоренцию, в канцелярию. Объяснили, что им еще раз необходи-

мо порыться в книгах, и им выразили полное понимание, хотя невооруженным глазом было видно, что никто не верит ни одному их слову. Никому не бросилось в глаза, что Урсула прихватила с собой кое-какие вещи.

Охранники, как всегда, остановились перед дверью, удостоверились, что вокруг все спокойно, и тогда высадили их. Перед тем как дверь закрылась, Марко спросил:

— Сегодня мы вам еще понадобится?

— Нет, — ответил Джон. И это была правда. — Спасибо. Я вам позвоню.

Они расположились, распаковали вещи Урсулы, и Джону пришлось облачиться в дешевую серую куртку из кожзамениителя, которую Урсула купила тоже во время своего одинокого путешествия по магазинам.

— Твой шикарный миллионерский пиджак во время поездки постоит в сумке, — заявила она.

— Однако, ты все основательно подготовила, — признал Джон и оглядел себя в старинном тусклом зеркале в прихожей. — Вид у меня ужасный.

— Как у нормального туриста, — поправила она.

Было уже темно, узкий боковой переулок был тих и пуст, когда дверь канцелярии Вакки открылась и оттуда вышли двое, один с дорожной сумкой через плечо. Они закрыли за собой дверь и слышали, как щелкнула задвижка. Через некоторое время они вошли в здание флорентийского вокзала *Santa Maria Novella* и купили два билета до Мюнхена.

Все это оставалось незамеченным до тех пор, пока на следующее утро человек из вахтенной службы не позвонил в дом Вакки.

— Вы ведь говорили, что сегодня здесь будут двое молодых людей? Но здесь никого нет. Только внизу рядом с замком висит бумажка, похожая на письмо.

Но к этому времени Урсула Фален и Джон Фонтанелли уже бродили по улицам Аутсбурга.

* * *

Здание было выкрашено в сдержанный красно-коричневый цвет, лишь отдельные контуры выделены золотом. «Частный банк князя Фуггера», прочитал Джон на табличке рядом со скромной стеклянной дверью. Позади них по мостовой катились машины, мимо шли прохожие, а в не-

котором отдалении катил тяжелый синий трамвай. Город украшали великолепные старинные фасады, стенные росписи и золоченые узоры, но улицы казались широкими и просторными после тесноты средневековой, напоенной историей Флоренции.

Он посмотрел на Урсулу.

— Что, значит, Фуггеры здесь до сих пор еще помнят?

— Нет. Но они еще живут здесь. Банк вроде бы принадлежит княжеской фамилии Фуггер-Бабенхаузен. Фуггеры все еще очень богаты, им принадлежат пивоварни, доли в промышленности и замки, но главным образом земля. Они считаются одними из десяти крупнейших землевладельцев Германии. При том, что со времен Антона Фуггера эта семья больше не зарабатывает деньги. Они проедают тогдашнее наследство, вот уже больше четырехсот лет. — Она указала на быстро поблизости: — Идем, позавтракаем.

Под фотографиями мотогонщиков и под развешанными по стенам ободьями колес, лавровыми венками и вымпелами «Формулы-1» они пили крепкий кофе и ели круассаны с ветчиной. Джон достал из кармана немного немецких денег, которые они наменяли в Мюнхене, и изучал купюры и монеты.

— А кто, собственно, такая Клара Шуман? — пробормотал он, повертев купюру и глянув на пианино, изображенное на другой стороне. — Что-то, связанное с музыкой? — Это были тщательно сделанные купюры, с водяными знаками, вплетенными блестящими нитями, и выпуклой печатью. Никакого сравнения с долларами. Которые, тем не менее, выглядели более впечатляюще, как ему казалось.

Между тем он уже привык к тому, что никто не обращает на него внимания. В принципе, его это радовало. И действительно, за всю поездку никто с ним не заговорил; ни разу никому не бросилось в глаза его сходство с этим Джоном Фонтанелли. Единственное, что его угнетало, была мысль, что Марко и остальные будут беспокоиться за него, мягко говоря, — наверняка они уже кровавым потом обливаются. Это было нечестно по отношению к ним — просто удрать без предупреждения.

— И что здесь есть посмотреть? — спросил он. — Какой-нибудь музей?

— Кое-что получше, — сказала Урсула, вытирая пальцы о крошечную салфетку. — Фуггерия.

Они прошли по кривым переулочкам, вышли на другую просторную улицу, миновали турецкую закусочную, еще раз свернули в переулок и очутились перед целым фронтом домов бледно-желтого цвета, каждый с двумя рядами окон и островерхой двускатной крышей, предполагавшей внутри себя еще один невысокий чердачный этаж. На арке ворот, выкрашенных в косую голубую и кремовую полоску, была высечена надпись по-латыни: MDXIX. IACOB FVGGERI AVGVST GERMANI. Узкая калитка в воротах стояла открытой, и они ступили в другой мир.

Тут из-за туч выглянуло солнце и залило широкий переулок и дома осенним золотым светом. Джону почудилось, что он снова переместился в Италию, таким средиземноморским показался ему поселок, в который они вошли.

— И где же Фуггерия? — спросил он.

Урсула сделала широкий жест рукой:

— Как раз в нее мы и вошли. Это и есть Фуггерия, старейший в мире социальный поселок.

— Социальный поселок? — Джон разглядывал простые, но изящно выстроенные дома, уютно увитые плющом стены, тут и там стоящие в нишах фигуры святых. Он вспомнил о том пользующемся дурной славой квартале Нью-Йорка, который сооружался как социальный поселок: выбитые окна, измаранные краской стены и опрокинутые мусорные баки.

— Удивительно. Фуггерия? Это, как я понимаю, построено Фуггером?

— Якобом Фуггером Богатым собственной персоной. В 1511 году он почувствовал себя обязанным выступить в качестве мецената, а поскольку он мало ценил искусство и не мог поддерживать его, как это делали Медичи и Гримальди, он вместо этого соорудил этот городок. Без всяких сомнений, гениальная идея, поскольку Фуггерия и по сей день приносит ему большую славу, чем было бы оправдано ввиду его деяний.

Джон кивнул. Все это и в самом деле имело такой уютный вид, что он уже был очарован своим предполагаемым предком.

— И кто живет здесь теперь? — спросил Джон. Хотя в каждом окне были видны гардины и горшки с цветами, весь переулочек был погружен в тишину. Лишь одна скрюченная старушка в черном с трудом продвигалась с палочкой, неся в другой руке сетку с покупками.

— Фуггерия была основана как жилой поселок для безвинно попавших в беду граждан Аугсбурга католического вероисповедания. Если я не ошибаюсь, здесь всего сто шесть квартир, в основном трехкомнатные и по тогдашним временам исключительно комфортабельные. Весь поселок обнесен стеной и закрыт, маленькой городок в городе, — объяснила Урсула. — Ворота на ночь запираются, даже в наши дни.

— Когда, говоришь, он был построен?

— Между 1514 и 1523 годами. Это значит, что к тому времени, когда Джакомо Фонтанелли вошел с ним в контакт, в 1521 году, он имел дело с Якобом Фуггером, который уже несколько лет был озабочен тем, что станет с его состоянием после его смерти и в далеком будущем.

— Хм-м, — с сомнением покачал головой Джон. — Или подводил итоги своей жизни, спрашивал себя, для чего все это было. И тут вдруг возникает сын, о котором он доселе не подозревал, и просит помочь ему исполнить его видение. Это должно было явиться для него как Божья воля.

Урсула Фален отрицательно покачала головой.

— Я сомневаюсь, что Якоб Фуггер так думал, — сказала она и отвела со лба упавшие прядки. Она кивнула в другую сторону переулочка: — Идем, я покажу тебе, почему я так считаю.

В конце переулочка в череде домов стояла небольшая церковь, высокое помещение с великолепным алтарем и несколькими скамьями. В маленькой витрине перед входом в качестве информации для прихожан был вывешен текст, гласивший, что это церковь святого Маркуса и предназначена она для жителей Фуггерии — для ежедневной молитвы во спасение души основателей Георга, Ульриха и Якоба Фуггеров.

— Понятно? — спросила Урсула, переводя ему содержание четко отпечатанного листка. — Каждый житель Фуггерии с тех пор обязан исполнять две вещи. Во-первых, вносить годовую плату за квартиру в размере одного гульдена.

Это и в те времена был скорее символический взнос, а сегодня они платят одну марку семьдесят два пфеннига, просто смехотворная сумма, на которую не купишь и буханки хлеба. Во-вторых — и это как раз то, что я хотела тебе показать, — каждый житель Фугтерии обязан ежедневно молиться за души основателей. Это договорное обязательство, и оно отнюдь не шуточное. В грамоте фонда строго определены вид и состав молитвы: Отче наш, молитва Богородице, Символ веры, Слава Отцу и Сыну и Святому духу. И церковь построена специально для этой цели.

Джон задумчиво разглядывал узкие церковные окна и пытался понять, что могло побудить Якоба Фуггера к такому предписанию.

— Много, однако ж, ходатайств за его душу было произнесено за пятьсот-то лет, а?

— Еще бы. Сомневаюсь, чтобы за чью-нибудь душу молились больше, чем за Якоба Фуггера и его братьев.

Джон был подавлен этим представлением.

— Странно, да? Что же такого он натворил, что ему потребовалось столько молитв за спасение его души?

— Не думаю, что им двигало это, — сказала Урсула. — Скорее всего, он и в религиозных вопросах мыслил как купец. Если одна молитва за тебя — хорошо, то много — лучше. И он нашел путь — и при жизни, и в смерти — получить того, что хотел, больше, чем любой другой. Якоб Фуггер хотел и на небе быть богатым человеком, все очень просто.

К вечеру этого трудного дня у Джона появилось чувство, что Фугтеры и до сих пор вездесущи в Аугсбурге. Они поднимались на башню, обходили исторические переулки и фрагменты городских стен, были в Золотом Зале ратуши, где в смежном помещении была устроена выставка, информирующая о невероятных размерах экономической империи, которую Фугтеры выстроили по всему миру, вплоть до только что открытой тогда Южной Америки. Они осмотрели бывший центральный штаб концерна, те самые дома Фуггера на Максимилиан-штрассе, мимо которых они уже проходили утром и вблизи которых завтракали. Теперь в них размещались Банк Фуггеров и роскошный отель, войти в который Джону показалось рискованным; переночевали они

в другом, более скромном отеле, где никому не нужно было показывать паспорт и где они могли записать себя как Джон и Урсула Фален.

Когда Урсула еще раз выходила, чтобы позвонить своим родителям — для верности она звонила не из отеля, а из телефонной будки в безопасном отдалении, — Джон лежал в постели, смотрел в потолок и пытался навести порядок в хаосе своих мыслей, которые гудели в его голове, словно рой растревоженных пчел. Смерть *патрона*, не поколебленного в его вере в пророчество. Открытие, что деньги не увеличиваются и что он на самом деле никакой не спаситель, а величайший кровопийца человечества. Вторая часть статьи Лоренцо... Правда ли то, что написал его двоюродный брат? Могло ли быть так, что шестнадцатилетний юноша открыл то, что до сих пор ускользало от ученых экономистов, даже от лауреатов Нобелевской премии? Это казалось ему невероятным. Хотя статья показалась ему убедительной, ясной и логичной... Надо бы у кого-нибудь спросить, когда он вернется в Лондон. Какого-нибудь специалиста. Пола Зигеля, может быть. Он-то знает.

Он посмотрел на часы. Где же Урсула? Ну, раз уж он пошевелился, то можно и встать, и подойти к окну. Вся улица светилась яркой световой рекламой, и про половину надписей он знал, что это фирмы, полностью или частично принадлежащие *Fontanelli Enterprises*. Даже этот отель принадлежал к сети, в которой у него было тридцать процентов. Часть тех денег, которые он заплатил за две эти комнатки, через несколько этапов вернется к нему. То же самое и с черным платьем, которое он купил Урсуле. Все шло к тому, что в один прекрасный день ему будет принадлежать все, и тогда ему больше вообще не придется тратить деньги.

Тут он увидел, как Урсула возвращается, между припаркованных машин, сквозь сутолоку прохожих, и опустил штору. Он все еще не понимал, что с ними произошло, но надо ли это понимать? Он знал только, что чувствует себя в ее присутствии счастливым и что как только видит ее, все остальное отодвигается на второй план.

Может, сделать так, как она предложила? Деньги просто раздать — на небольшие, осмысленные проекты. Маленькие рефрижераторы для Филиппин и тому подобное.

Акупунктурное лечение и оздоровление планеты. В этом он мог бы провести остаток своей жизни, и это была бы хорошая, приносящая удовлетворение жизнь. Покончить со всей этой безумной роскошью, со всем этим кичливым богатством и спесью. Неважно, действительно ли Якоб Фуггер был его предком или нет, он продолжит его дело там, где Фуггер остановился со строительством соцгородка. Он будет помогать людям, а будущее пусть побеспокоится о себе само.

Открылась дверь, влетела Урсула.

— Все в порядке, — объявила она, — мои родители ждут нас завтра к вечеру.

Он посмотрел на нее и почувствовал себя счастливым.

— А в конце недели полетим в Нью-Йорк, — предложил он. — И ты познакомишься с моими родителями!

Что-то в ее лице не совпадало с этим планом.

— Погоди, — сказала она с колебанием. — Погоди, пока не познакомишься со *всей* моей семьей.

* * *

То, что охранники доложили Маккейну в это ясное утро, совсем его не порадовало.

— Иными словами, вы не знаете, где он провел вчерашний день, — прорычал он.

— Мы выяснили, что девушка звонила своим родителям в Лейпциг, — послышался в трубке голос Марко Бенетти. — Они ждут ее и мистера Фонтанелли сегодня к вечеру на кофе.

— А вы будете ждать их обоих на вокзале, хотел бы я надеяться.

— Само собой разумеется. Крис как раз говорит с пилотом самолета, который доставит нас в Лейпциг.

— Молите Бога, чтобы они вас не обставили. — Он швырнул трубку на аппарат и схватил пульт телевизора, чтобы прибавить громкость, потому что рядом с дикторшей появился логотип *Fontanelli*. «...сенатор Драммонд высказался решительно против поглощения «Dayton Chemicals» группой Фонтанелли. Он потребовал от Сената...»

Маккейн снова набрал телефонный номер.

— Уэсли? Я как раз смотрю новости. Кто такой этот сенатор Драммонд? — Некоторое время он слушал ответ. —

Хорошо, так пошлите же к нему кого-нибудь, кто объяснит ему, что мы не обязаны когда бы то ни было что бы то ни было покупать у поставщиков из Огайо, если он не уймется. А если он не уяснит, предоставьте ему расчеты, во сколько рабочих мест ему это обойдется, расскажите ему, на каких телевизионных каналах и в каких газетах он предстанет в качестве главного виновника, и затем предложите будущему экс-сенатору работу упаковщика в рассылочном центре в Толедо. Что? Разумеется, еще сегодня. Сегодня вечером я хочу узнать из новостей, что мы купили «*Dayton Chemicals*».

Одни неприятности. Он потер виски, просматривая календарь сегодняшних встреч. Делегация из Венесуэлы уже дожидалась в приемной. Нефть по-прежнему составляла хребет концерна. Почти во всех нефтеналивных портах он пускал в ход все свое влияние, чтобы танкеры *Cumana Oil* подготавливались дольше всех и проверялись чаще всех. Из-за этого они пропускали сроки и теряли клиентов, остальное довершали штрафы за неисполнение условий договора, штурмом обрушиваясь на фирму, и вот сегодня он должен был ее купить. После этого — обед с шефом *Mijasaki Steel Corporation*, которого он должен принудить к пересмотру структуры его поставщиков в свете его напряженной кредитной ситуации.

И затем он должен поехать в Хартфорд, где профессор Коллинз скажет ему, как всю эту всемирную, сложную сеть могуществ и зависимостей, которую он сплел за два года, применить для того, чтобы исполнить прорицание Джакомо Фонтанелли.

* * *

Слишком много машин, желчно отметил он по дороге. Первой же мерой, которую он примет, как только достигнет долгожданного монопольного положения на нефтяном рынке: поднимет цены на бензин до такого уровня, при котором автомобильный транспорт станет экономически невыгодным.

Сплошная давка, гудки и обгоны, ужасно. Он подумывал о том, чтобы вызвать профессора Коллинза к себе в кабинет, но отказался от этой мысли. Он хотел увидеть собственными глазами его *Институт изучения будущего*, по-

смотреть, что из этой затеи получилось после того, как он бесконечно вкачивал туда деньги, и почувствовать, насколько надежны выводы, к которым пришел профессор. Все это можно было сделать только на месте.

Сегодняшние разговоры протекали неудачно. Наверное, он сам был рассеян. В другое время он сожрал бы венесуэльцев с потрохами за требование гарантии самостоятельности *Cumana Oil*, но сегодня он удовольствовался тем, что отослал их восвояси несолоно хлебавши и приказал ребятам в отделе инвестиций усилить заградительный огонь на бирже. Чего они о себе возомнили? Разумеется, по существу предприятие было здоровое. В противном случае он бы им и не интересовался. Но они были маленькие, а он большой; это было его естественное право — поглотить их.

И Касагуро Гато, должно быть, нашел кредитора, о котором Маккейн ничего не знал. Наверное, смог заполнить одного из этих старых японских миллиардеров в качестве негласного компаньона, только этим можно было объяснить его улычиво-неуступчивую позицию. Придется пока утерпеться с этой идеей — влиять на самого крупного работодателя южнояпонского региона и тем самым выиграть залог правительства.

Он чувствовал себя не очень хорошо. Слишком много поражений для одного дня. Ему не удавалось отодвинуть в сторону то, что произошло. Собственно, ему хотелось съездить в Хартфорд еще и поэтому — одному, без шофера, без охранников, — чтобы по дороге немного отойти от дневных дел, чтобы быть в состоянии видеть все вещи в их взаимосвязи. Но в нем все клокотало. Плохой день.

По небу тянулись темные тучи, что очень подходило к его настроению. Сегодня вечером будет дождь, возможно, даже гроза. В черноте облачного покрова лежали фиолетовые тени.

И все еще пробка, даже здесь, за городом, когда он благополучно покинул Лондон. Он душил руль своего «Ягуара», пока машины еле продвигались вперед, как при китайской пытке каплями воды. А, они там впереди удумали устроить ремонт, да еще на большом участке, и это в пятницу, к концу рабочей недели. *Идиоты*, свирепо подумал он.

Перед участком ремонта дорога сужалась в один ряд. Маккейн наблюдал ритм, в каком машины встраивались в

единственный ряд, подобно застежке-молнии, пропустил вперед дребезжащий «Фольксваген» со сморщенной старушкой за рулем и только собирался последовать за ним, как слева подскочила грязно-коричневая машина и вклинилась перед Маккейном. Метнув гневный взгляд, он увидел за рулем широкоплечего громилу, который победно оглядывался на него, испытывая животную радость оттого, что обогнал «Ягуар». Рядом с ним сидела расфуфыренная бабенка и безмозгло скалилась.

Маккейн с недоумением глядел им вслед. И пока они медленно продвигались мимо ремонтного участка, на котором возились всего двое унылых рабочих, бабенка несколько раз оглянулась, явно восхищенная героизмом своего спутника. Они говорили о нем. Насмехались. Чувствовали свое превосходство. Маккейн ощутил позыв к рвоте. Но у парня вместо мозгов были мускулы, так что, его не следовало таранить, выволакивать из машины и пытаться задушить или что-то вроде того.

Бесконечные минуты он полз позади них, пережевывая вопрос: а почему, к черту, он должен вкалывать, спасая человечество. Человечество? Разве оно не состояло в большинстве своем из таких вот олухов, как те, впереди? Тупая, бездуховная скотина, и на них он разбазаривает свое время? Эволюция — или слепая случайность, — может, и произвела на свет несколько человек, достойных его усилий, но большинство явно было браком.

Может быть, мрачно думал Маккейн, это не только неизбежно, но даже и своевременно, что человечество вымрет.

За полчаса до Лейпцига поезд остановился в маленьком местечке Наумбург-на-Заале, и, повинаясь спонтанному импульсу, Джон и Урсула сошли здесь и на остаток пути взяли такси.

Водитель обрадовался неожиданно привалившей дальней поездке, и когда Урсула обсуждала с ним, где их высадить, Джон сказал:

— Главное, не на вокзале.

Он не мог избавиться от чувства, что Марко и остальные уже поджидают их там.

Они вышли в центре города, на огромной площади с большим фонтаном и впечатляющими фасадами. Джон расплатился с водителем, который поблагодарил его на ломаном английском и уехал счастливый. Урсула стояла в ожидании, поставив сумку у ног и засунув руки в карманы. Чем ближе они подъезжали к Лейпцигу, тем больше она замыкалась, а теперь была так напряжена, будто их поджидало что-то ужасное.

— Ну? — спросил он.

— Мы приехали, — сказала она и огляделась, будто желая удостовериться, что все здесь по-прежнему. — Аугустус-плац. Раньше это называлось Карл-Маркс-плац. Здесь все и началось. — Она указала на импозантное здание за фонтаном: — Это опера. А напротив Гевандхаус, концертный зал. — Позади него возвышалось высотное здание, похожее на гигантскую полураскрытую книгу. — Это университет, так же, как и вон то строение впереди...

— «Все началось»? — переспросил он. — Что именно?

Она посмотрела на него.

— Демонстрации. Восемь лет назад здесь была еще ГДР. Варшавский пакт. Мы жили за железным занавесом, а вы, американцы, были нашими врагами.

— А, да, верно, — кивнул Джон. Восемь лет назад? Тогда его отношения с Сарой подбирались к столь же болезненному, сколь и неотвратимому концу. — Я помню смутно. Тогда ведь пала Берлинская стена, так?

Урсула безрадостно улыбнулась:

— Она не пала. Мы ее растерзали. — Она смотрела мимо него, но это был взгляд, на самом деле устремленный в прошлое. — Здесь все и началось. Первые демонстрации, сентябрь 1989 года. Здесь, в Лейпциге. В ноябре люди вышли на улицы по всей стране. Венгрия открыла свои границы на запад, а девятого ноября была открыта граница в Западную Германию. В ФРГ. И вскоре ГДР больше не было. — Она незаметно поежилась. — Это легко сказать. Но совсем другое дело, когда сам присутствуешь при этом.

Она указала на современное прямоугольное здание наискосок, с гигантским темным рельефом над входом.

— Это было место моего тоскливого стремления. Университет. — Болезненная улыбка пробежала по ее лицу. — Голова на рельефе — это, кстати, Карл Маркс. Эта массивная штука отлита из металла и так соединена с фундаментом, что здание пришлось бы снести, чтобы ее удалить. Только поэтому она все еще здесь. — Она повернулась и показала на длинный комплекс зданий напротив. — А там я работала. На главпочтамте. Всякие управленческие бумажки, счета, прочие мелочи. Тогда я считала простой случайностью, что из окна виден университет. Во время обеденного перерыва я, бывало, смешивалась со студенческой толпой и воображала себе, что я одна из них.

— И почему ты не была одной из них? — осторожно спросил Джон.

— Для этого я должна была закончить двенадцатилетнюю среднюю школу, а это было для меня под запретом. Не потому, что я была слишком тупа, а потому, что имела не то происхождение. По политическим причинам. — Она подняла с земли сумку и нерешительно повесила ее на плечо. — Все было политикой. Я долго держалась подальше от демонстраций, не хотела светиться... Я боялась. Было известно, что Штази фотографирует каждого, кто идет на богослужение к Николай-кирхе. И все равно туда шло все больше народу, даже когда церковь уже не вмещала всех. А после службы все приходили сюда, на Карл-Маркс-плац и потом шагали к вокзалу, вдоль всего внутреннего городского кольца, со свечами в руках, вполне мирно. Иначе был бы повод хватать людей, понимаешь? А так... Они шли мимо «Круглого угла», штаб-квартиры Штази, пели песни и ста-

вили свечи на входную лестницу. И что им было делать? Ведь все было безобидно, правда? А на самом деле это было начало конца.

Джон зачарованно слушал ее, пытаясь представить себе, как это место, кажущееся таким будничным, могло выглядеть тогда, и не мог.

— Высшей точкой стало девятое октября. Понедельник. Демонстрации всегда проходили по понедельникам. Прошел слух, что ЦК СЕПГ решил в этот понедельник подавить контрреволюцию в Лейпциге. Так они это называли. В действительности это значило, что они хотели отдать приказ стрелять по демонстрантам. Это было то, чего все всегда боялись, — «китайское решение». В июне в Пекине были студенческие волнения, помнишь? На площади «Небесного мира», когда правительство направило туда танки, и были жертвы. Многие боялись, что то же будет в Лейпциге. Но все равно пришли.

Она смотрела на продолговатое здание песочно-коричневого цвета, в котором по-прежнему размещался почтамт.

— Я в тот вечер была на работе. Задержалась, было много работы, но главное... я не знаю. Может, я хотела видеть, как это будет. Я помню, мы стояли у окон, наверху, на пятом этаже... выключили свет, только стояли у открытых окон, и тут они пришли... Тысячи людей, вся площадь была запружена людьми, фонтана тогда еще не было... и они скандировали: *Мы — народ!* Одну только эту фразу, снова и снова, под черным небом, в свете уличных фонарей, в один голос: *Мы — народ! Мы — народ!* Я больше не могла выдержать, спустилась вниз и присоединилась к ним. Мне было уже все равно, будь что будет. Если будут стрелять, пусть стреляют. И с того дня я всегда была там, каждый понедельник, до конца. Если уж не с самого начала, то хотя бы помогу отнести диктатуру в могилу, так я думала.

Он с удивлением смотрел на нее. Уличное движение вокруг них, люди, которые несли в руках пакеты всемирно известных домов моды или с мобильным телефоном у уха ждали трамвай — все это казалось нереальным, казалось тонким слоем побелки поверх мрачной, подавляющей действительности.

— Тебе это вообще интересно? — спросила она. Его испугала серьезность выражения ее глаз. Он смог лишь молча

кивнуть и был рад, что это ее удовлетворило. Она протерла глаза, по-прежнему держа дорожную сумку на плече. — Для меня это как путешествие в прошлое. Извини.

— Я рад, что тебя не застрелили, — сказал он и взял у нее сумку. — Что все это оказалось только слухом.

Она отрицательно покачала головой:

— Это был не только слух. Впоследствии выяснилось, что такое решение действительно было принято. Полк охраны имени Феликса Дзержинского был уже откомандирован в Лейпциг, и у солдат был приказ стрелять. Но они не стреляли. Они просто не сделали этого. Они обсуждали это в своих подразделениях и решили не подчиняться приказу.

* * *

Институт изучения будущего находился южнее Хартфорда и издали был похож на военный объект. Три больших плоских барака с окнами из зеленоватого стекла группировались вокруг собственной тепловой электростанции — старого кирпичного строения с новой, будто полированной трубой. Охранник у ворот потребовал у Маккейна документы и, ничуть не впечатленный важностью его персоны, позвонил из своей будки в институт, чтобы удостовериться, что этого посетителя ждут, а его доберман злобного вида все это время не спускал с Маккейна глаз. Тот пока разглядывал забор трехметровой высоты, окружающий территорию и увенчанный толстым рулоном из колючей проволоки. На высоких мачтах прожекторы, газон вокруг института ровнехонький и аккуратно выкошенный. Все в соответствии с его распоряжениями.

— Милости прошу, сэр, — сказал коренастый охранник, возвращая Маккейну паспорт. Он поставил свое полуавтоматическое ружье, которое все это время держал за плечом, назад в штатив и нажал кнопку, открывающую железные ворота.

Маккейн припарковался на площадке, плотно уставленной машинами, невзирая на конец дня, и лишь подойдя к зданию, заметил, что для него было зарезервировано место у самого входа. Небо над Хартфордом было затянуто тучами, пахло грозой. Следующий охранник за стеклянной дверью впустил его беспрепятственно, а там его уже встречал профессор Коллинз, сразу начав экскурсию.

Маккейн осмотрел коридор и кабинеты, большие и маленькие залы, и все было заполнено компьютерами, светились сплоченные ряды мониторов, на которых мелькали цифры, дрожали диаграммы, быстро менялись графические изображения. Шум бесчисленных вентиляторов сливался в приглушенный хор ангельских голосов, предвещающих беду, тут и там перекрываемый шумом принтера, который жужжа выплевывал лист бумаги. Лист не оставался лежать, а тут же подбирался сотрудником, который подвешивал его на стену, полную множества других распечаток, или вкладывал в одну из папок. На стенах висели доски с такими надписями, как *Стратегия EN-1* или *Комплекс RES—POP*, на столах стопками громоздились пустые коробки из-под пиццы, чашки из-под кофе и пепельницы, полные окурков. Под потолком тянулись трубы мощной вентиляции, несмотря на которые везде воняло нестираными рубашками и сигаретным дымом. В одном из маленьких кабинетов Маккейн увидел молодого небритого мужчину, спящего с открытым ртом на раскладушке, так и не выпустив из расслабленных пальцев шариковую ручку.

— Тим Джордан, он отвечает за стратегию экстремальных точек, — тихо объяснил Коллинз. — Он здесь со вторника безвыходно.

— Трудно усомниться, — прорычал Маккейн, недоверчиво глядя на такое показное рвение.

Наконец они добрались до кабинета профессора, который выглядел не более комфортабельно, чем все остальные помещения института, но в качестве роскоши имел свободное кресло. Стены, свободные от книжных или архивных шкафов, и все дверцы были без остатка увешаны диаграммами и тщательно склеенными из множества распечаток иллюстрациями.

— Прошу садиться, — почтительно проводил его Коллинз к креслу. — Что бы вы хотели выпить: чаю, сока, воды?..

Маккейн отрицательно покачал головой:

— В настоящую минуту достаточно будет плана, который бы действовал.

Профессор сверкнул глазами за стеклами очков.

— А, да, понимаю, — сказал он и нервно потер руки. — Вы хотите знать, к каким результатам мы пришли. — Он кивнул, как будто ему это стало ясно только теперь, и при-

нялся ходить вдоль стен. — Может, будет уместно, если я сперва оглашу нашу стратегию. Еще в мае мы установили, на какие параметры модели вы сможете повлиять через *Fontanelli Enterprises* и в каком масштабе. Это дает определенное количество скачков параметров, как мы говорим, то есть дискретных изменений состояний к определенному моменту времени, причем и эти моменты времени тоже поддаются варьированию, в нашем случае начиная с января 1998 года. Поскольку мы имеем дело с комплексной моделью, то различные скачки параметров могут непредвиденным образом поддаваться влиянию, а это в свою очередь значит, что ради надежности был выбран *brute-force*-подход, то есть комбинация каждого из возможных скачков параметров с каждой любой комбинацией всех прочих скачков параметров, для чего в математике используется понятие пермутация. Уже малые количества пермутаций дают огромные числа, в нашем же случае число астрономически велико. Поэтому мы использовали различные метастратегии с целью исключить области недейственных комбинаций или хотя бы отложить их и сосредоточить наше внимание на многообещающих подходах. Одна из таких стратегий была — вначале исследовать пермутации экстремальных пунктов, то есть наиболее вероятные влияния в самые ранние из возможных временные пункты. Другая стратегия была нацелена на то, чтобы изучить последствия образования центров тяжести, чтобы идентифицировать чувствительные области — что, забегая вперед, оказалось неплототворным, из-за чего в середине июля мы прекратили ее, чтобы направить все силы на уточнение многообещающих комбинаций экстремы. Мы...

Маккейн поднял руку, чтобы остановить словесный поток профессора.

— Если память мне не изменяет, — сказал он, — мы все это обговорили еще в мае.

Коллинз запнулся и потом кивнул:

— Может быть. Да, так и есть.

— Тогда я бы попросил, чтобы мы *наконец* перешли к результатам.

— Да. Конечно. Как вам будет угодно. — Он казался чрезвычайно напряженным. Его рука нескладно махала в сторону диаграмм на стенах, а потом снова тяжело повисала вдоль тела. — Вот они перед вами, результаты. По ним все видно.

— Я вижу только линии, — сказал Маккейн.

— Конечно, они нуждаются в интерпретации. Вот это, например, развитие экономики в Азии как сумма экономических развитий всех отраслей во всех азиатских странах, причем пунктирная линия — это позитивный экстремум, обозначенный показателями соответствующего процесса, а точечная линия — негативный экстремум, тоже с отсылкой к набору исходных данных. Соседний лист — это обзор всех наборов данных, которые привели к экстремальным значениям; благодаря отсылке легко просматривается взаимозависимость...

— Профессор, — снова перебил его Маккейн, — в настоящий момент мне не интересно обсуждать ваши методы. Я приехал, чтобы получить результаты.

Ученый задумчиво кивнул, тяжело опершись о край своего письменного стола.

— Вы имеете в виду план, как направить развитие человечества в стабильные, устойчивые отношения.

— Вот именно. Если честно, ваши пространственные введения порождают во мне подозрения, что вы не так далеко продвинулись в вашей работе, как мы договаривались в мае и как вы мне все это время докладывали.

— О, нет, это не так, мы продвинулись, — ответил Коллинз, снял свои очки и стал протирать их полкой своего белого халата. — Мы продвинулись даже дальше, чем рассчитывали. Но ожидаемого плана, боюсь, среди наших результатов не отыщется.

— Этого не может быть.

Профессор взял со своего стола листок:

— Целью, к которой мы стремились, было провести до начала октября сто двадцать миллионов моделирований. Чтобы отработать все наборы экстремальных пунктов и выявить пятьсот лучших подходов. И фактически мы к десяти часам утра сегодняшнего дня закончили ровно 174 131 204 процесса, то есть почти в полтора раза больше, чем было намечено. — Он снова отложил листок. — Причина, по которой мы не нашли действующего плана, не в том, что мы были слишком нерасторопны или нам не хватало компьютеров. Причина в том, что такого плана нет.

Они отыскиали себе место на старой церковной скамье, белая краска которой постарела и вытерлась, сели и молчали.

Джон предался атмосфере. Ему казалось совершенно невероятным, что это и есть то место, откуда исходила революция. Николай-кирхе была небольшая и невзрачная, снаружи окруженная строительными площадками, внутри скромно освещенная и малолюдная. Окна с матовыми стеклами если не были завешаны темными шторами, то были загорожены снаружи. В ближнем углу рядом с доской объявлений и церковной урной для пожертвований стояла большая, нарисованная от руки табличка, на которой внутри круговой радуги была изображена фигура мужчины, орудующего молотом.

— «Перекуем мечи на орала», — шепотом перевела ему надпись Урсула. — «Моление о мире в храме Св.Николая каждый понедельник в 17 часов».

Так вот с чего все начиналось. Со скромного приглашения в эту церковь. Джон попытался прочувствовать, хранит ли это место память о надеющихся, отчаявшихся, испуганных, яростных, трепетных, на все решившихся людях, — но тут не было ничего такого. Самая обыкновенная церковь. Ему показалось примечательным отсутствие мемориальной доски в память о событиях осени 1989 года. Новое правительство не сочло необходимым ее повесить.

Как будто новое правительство тоже предпочитает забыть о том, как легко и просто свергнуть любое правительство — если все люди разом восстанут и скажут: «Хватит!»

Урсула испытующе взглянула на него:

— Ты, кстати... как это... верующий?

— Ты хочешь знать, хожу ли я в церковь? Последний раз я был в церкви двадцать лет назад, когда Чезаре женился. Это мой старший брат, — добавил он.

Она мельком улыбнулась:

— Я знаю. Я ведь летела с ним рядом в самолете.

— Ах, да, верно. — Это была одна из историй, которые они рассказывали друг другу в минувшие ночи.

— Нет, я хочу знать, религиозен ли ты. Веришь ли ты в Бога?

— Верю ли я в Бога? — Джон глубоко вздохнул. — Года три-четыре назад я дал бы тебе четкий ответ на этот вопрос, но сегодня... Я не знаю. Ты ведь спрашиваешь из-за прорицания, да?

— Естественно. Если ты веришь, что Джакомо Фонтанелли получил свое видение от Бога, ты по логике должен верить в Бога.

Джон повесил голову:

— Скажем так, я стараюсь быть открытым для возможности, что за всем этим может стоять Божественный промысел... Может быть, даже *надеюсь*. Но чтобы верить?..

— Так, как верил Кристофоро Вакки?

— Нет. Так — нет, — Джон решительно помотал головой. — Но хотел бы.

— Я в последний раз во что-то верила при посвящении в пионеры. «Готовы ли вы отдать все ваши силы за счастливую жизнь трудящихся? — Да, клянемся. — За миролюбивую, демократическую и независимую Германию? — Да, клянемся». И так далее. Я хотела «жить в духе дружбы между народами, встать в ряды солидарности трудящихся...» А потом меня не допустили до окончания средней школы, хотя я была лучшей ученицей в классе. Когда я жаловалась, все только глаза отводили и норовили улизнуть — из солидарности трудящихся. Все только пустые фразы. Вера и идеализм — не что иное, как способ использовать другого.

Они помолчали. Снаружи доносился шум уличного движения.

— Так, как Якоб Фуггер использовал веру Джакомо Фонтанелли?

— И Микеланджело Вакки, не забывай.

Из алтаря вышел человек, видимо, церковный служака, с дребезгом передвинул два подсвечника на новое место и стал возиться со свечами. Все это казалось сокрушающе обыденным.

— Люди в то время — во что они верили? — спросил Джон. — Те, что приходили сюда, в церковь. Должны же были они во что-то верить.

Урсула пожала плечами:

— Не знаю. У меня было чувство, что они просто отчаялись, а больше некуда было пойти. Уж точно они не верили в то, что государство можно сокрушить.

— Нет?

— Никто не верил в это. Да и мало кто хотел. Большинство удовлетворилось бы чуть большей демократией и свободой передвижения. С того и началось, что имена людей, подавших заявление на выезд, вывешивались на доске объявлений в церкви, потому что они боялись внезапно и бесследно исчезнуть. — Она повернулась к нему. — Никто всерьез не ждал, что последует что-то вроде воссоединения, вот в чем штука, понимаешь? Несмотря на Горбачева в Москве, несмотря на гласность и перестройку ни один человек в мире на это даже не рассчитывал. Секретные службы не рассчитывали, правительства не рассчитывали, никто. Никакой ясновидец не предсказал этого, никакой компьютер не просчитал наперед, не было ни одного утопического произведения, которое отважилось бы изобразить воссоединение Германии и развал Варшавского пакта, да к тому же еще мирный, без единой капли крови. И я утверждаю, что это не было ни предсказуемо, ни неотвратно. Все могло бы пойти и по-другому. Они могли бы расстрелять толпу девятого октября. А девятое ноября так же вероятно могло стать началом третьей мировой войны. Все балансировало на лезвии ножа. Это было просто везение.

— Или провидение.

— То же провидение, которое иногда допускает и другие пути развития событий? Нет уж, спасибо. Зачем мне провидение, которое точно так же могло предусматривать мою смерть? Уж лучше я скажу, что это было везение, если повезло.

— А что, действительно все было так плохо? Я совсем ничего не помню.

— Все это не особенно обсуждалось. Я специально проводила розыски; это была одна из моих первых работ, когда я стала изучать историю. Не было никаких военных планов на случай, если состоится мирное народное выступление и правительство пойдет на уступки. Кроме того, вечером девятого ноября люди только потому массами устремились к пограничным переходам, что они неправильно поняли соответствующее разъяснение правительства: открытие границ вообще не предусматривалось, а всего лишь упрощенное оформление заявлений. Что, если бы хоть один пограничник выстрелил?

Она смотрела на его реакцию и когда заметила, что это произвело на него впечатление, добавила:

— Для меня это значит, что все хитрые планы, экстраполяции и анализ тенденций можно просто брать с потолка. Происходит то, что происходит, и все по-настоящему важные события в этом веке произошли внезапно. Если теперь посмотреть на старые прогнозы, пятидесятилетней давности или старше, то просто смешно: практически ничего из предсказанного не сбылось. — Она взяла его под руку. — Поэтому говорю тебе, все это вздор. Пророчество — вздор. Человечество, лишившееся будущего, — вздор.

— А то, что мне принадлежит половина планеты? Тоже вздор?

Урсула сощурила глаза:

— Тебе пришлось сбежать от собственных охранников, словно вору. Как это можно назвать? Свободной, полной жизнью?

* * *

Профессор раскрыл перед Маккейном на столе толстую папку и перелистывал ему диаграммы.

— Вот здесь, например. Возможные развития всех народных хозяйств. Легко увидеть, как огромно здесь ваше влияние. Вы можете взять почти любую страну мира и решать по собственному усмотрению, то ли привести ее к экономике в состоянии расцвета, то ли в состояние руин. Соответствующие стратегии — в приложении. Настольная книга власти над миром.

Маккейн полистал страницы.

— Меня не убеждает, что такого рода влияние может оказаться полезным.

— Потому что вы путаете две вещи — *деньги* и *действительность*. Все, что вы можете контролировать, — это деньги. Но деньги — лишь фикция, договоренность между людьми. Если вы контролируете деньги, вы можете контролировать экономику — но лишь до тех пор, пока все придерживаются молчаливых договоренностей. А на все, что не является частью экономического процесса, вы практически не имеете влияния. Например, на размножение. — Коллинз подошел к одной из иллюстраций и постучал по ней тыльной стороной кисти. — Это экстраполяция возможных измене-

ний численности населения. Поразительно узкая область разброса, вы не находите? Еще до наступления 2000 года на свет появится шестимиллиардный житель, это неотвратно. И это число еще раз удвоится, и в этом тоже мало чего можно изменить.

Маккейн мрачно смотрел на кривые, прижав ко рту кулак, и неволью качал головой.

— И это лишь половина правды, — продолжал ученый. — Потому что если посмотреть на стратегии, которые на этой диаграмме понижающе действуют на рост населения, то окажется, что они содействуют наступлению степей, росту пустынь и засолению почв. — Он указал на другую, меньшую иллюстрацию. — Вот развитие пахотных площадей. В 1980 году на каждого жителя земли приходилось по 0,31 гектара плодородной земли, в 2000 году ее будет лишь 0,16 гектара. И плодородные почвы убывают — как по площади, так и по качеству. Эрозия лишь усиливается из-за неизбежного культивирования: там, где необходимо орошение, почвы засаливаются; своей дани требует и заражение отравляющими веществами. Через двадцать пять лет дойдет предположительно до восьмисот квадратных метров на душу населения — то есть с огородик на человека. Как этого может хватить? — Он в отчаянии опустил руки. — На всех не хватит.

Оба затихли, предавшись своим мыслям. Затем Маккейн неторопливо откинулся в своем кресле, и оно опасно закрипело под ним.

— И все равно я не могу поверить, — сказал он. — А что, например, с сырьем? *Fontanelli Enterprises* имеет фактическую монополию на многие металлы решающего технического значения. Мы можем остановить их добычу, если захотим. Или энергия? Мы контролируем хоть и не весь нефтяной рынок, но повышать цены можем по своему усмотрению. Это ведь должно возыметь свой эффект?!

Коллинз снова притулился к краешку своего письменного стола.

— Эффект есть. Но если вы окажете давление на комплексную систему, в ней возникнут стратегии уклонения — совершенно автоматически, поскольку вы тем самым повысите привлекательность альтернативных вариантов. Возьмите энергию. В том же масштабе, в каком поднимется цена

на нефть, станут привлекательнее другие системы энергии, например солнечная.

— Я бы ничего не имел против.

— Но вы при этом лишитесь инструмента давления. То же самое с сырьем. Есть даже исторические прецеденты. В мировых войнах противники пытаются отрезать друг другу доступ к стратегическому сырью через бойкоты и блокады морских путей — с тем результатом, что изобретаются вещества-заменители, иногда с улучшенными характеристиками.

Маккейн с каменным лицом положил руки на подлокотники.

— Итак, это и есть ваш результат? Что все тщетно и остается лишь вопрос времени?

— Этого я не сказал. Мой результат таков, что *ваши* возможности влияния на систему недостаточны для того, чтобы помешать краху. Проще говоря, это не в вашей власти.

— О, спасибо, — сказал Маккейн.

— Это не значит, что нельзя через продолжительное воздействие — например, через международное сотрудничество...

Профессор запнулся, потому что при этих словах его гость запрокинул голову и исторг зычный не то крик, не то смех.

— Международное сотрудничество?! — Профессор, на какой планете вы живете? Когда и где вы видели международное сотрудничество? Какие вам известны прецеденты? Мне известны только прецеденты катастроф. Все эти экологические конференции, от которых не было никакого проку... Нет уж, это вы оставьте. Это просто глупо.

— У нас имеются самые точные, самые обоснованные экстраполяции, какие когда-либо проводились. Во время международной конференции мы могли бы просчитать последствия любых предложенных программ и в тот же день доложить их делегатам.

Маккейн только фыркнул и отрицательно покачал головой:

— Забудьте об этом.

— Мы могли бы добиться через публикацию...

— Это не будет опубликовано.

— Дело ваше. — Тошная фигурка Коллинза, казалось, осела. — Но если быстро и решительно не произойдут чрез-

вычайно важные вещи, я больше ничего не смогу вам предложить, кроме голода и эпидемий за гранью всяких представлений, а в конце пустынную, отравленную, выщелоченную землю, на которой больше нельзя будет жить.

* * *

Они ждали их перед домом, в котором у родителей Урсулы была небольшая трехкомнатная квартира с балконом. Марко вырос перед ними словно из-под земли:

— Добрый день, мистер Фонтанелли, — он прилагал усилия, чтобы в его словах не прозвучала укоризна. Это не вполне ему удалось. Другие охранники, вышедшие из припаркованной машины, имели мрачный вид и не сказали ничего.

Семья Фален жила на пятом этаже, лифта не было. Они ждали в дверях, когда Урсула и Джон, запыхавшись, поднялись по лестнице. Лица пожилых людей заурядного вида просияли при виде дочери. Мать Урсулы хоть и сказала «*Welcome*», но тут же поспешила добавить «*I don't speak English*», и ей пришлось повторить эту фразу, чтобы Джон ее понял.

Отец немного говорил по-английски: компьютерная фирма, которая была когда-то в числе его клиентов, а теперь дала ему работу, была отделением американского концерна, и ему пришлось осваивать язык. В школе он учил только русский, рассказал он, но и того давно не помнил. Говоря, он много смеялся и приветствовал Джона так, будто они давно знали друг друга. За столом он то и дело откладывал приборы, чтобы размять ревматические суставы пальцев.

Сама Урсула походила на мать, которую можно было принять за ее старшую сестру, если бы не старушечье платье в цветочек и серый фартук поверх него. Урсуле приходилось переводить, потому что мать хотела побольше узнать о Джоне, о его родителях, о его братьях, хочет ли он иметь детей и сколько. Когда Джон ответил на это «десять», она отказалась переводить. Но отец понял и перевел жене, и все засмеялись, а Урсула покраснела.

— Здесь я выросла, — сказала Урсула, когда они смотрели с балкона на детскую площадку. — Качели все те же. Я их любила. А вон там, за мусорными баками, один мальчик хотел меня поцеловать, когда мне было одиннадцать.

— Неподходящее место.

— Мне тоже так показалось.

Квартира была тесная, заставленная мебелью и захлавленная. Бывшая детская комната Урсулы была занята моделью железной дороги, которую увлеченно собирал ее отец. Перед ужином было шампанское, названное по имени какого-то сказочного героя, не известного Джону, а после десерта извлекли фотоальбом, и Джон увидел Урсулу голеньким младенцем, потом в детском саду, потом первоклассницей и подростком на каникулах в Венгрии. Им пришлось посмотреть диапозитивы о поездке родителей на Канары, где они праздновали тридцатилетие свадьбы, и когда пришло время прощаться, была почти полночь.

Шел легкий дождь. Поразительно молчаливые телохранители отвезли их в квартиру Урсулы на другой конец города и лишь ослабились, когда Джон заверил их, что в эту ночь они ему больше не понадобятся.

* * *

Когда Маккейн поздним вечером покидал институт, упали первые капли, а когда он парковался перед гостиницей в Хартфорде, где был заказан для него номер, тучи словно прорвало. Он был в эту ночь единственным гостем, и комната, которую он получил, была даже великовата для одного человека. Он бросил дорожную сумку и мокрое пальто на двуспальную кровать и, не включая свет, подошел к двери на террасу.

О сне нечего было и думать. Дождь барабанил с такой силой, будто ковчег уже снова ждал где-то всемирного потопа, сверкали молнии, и гремел гром, раскалывая небо на куски.

Как это могло быть? Ведь он сделал все, что мог, жертвовал сном, друзьями, отношениями, голодал во время учебы, не щадил себя, нет, действительно не щадил — и вот...

Как это могло быть? Ведь все так хорошо сходилось. Для этой задачи его предназначила сама судьба, в которой он никогда не сомневался. Само провидение вело его, поставило его на то место, где он очутился, когда пришла пора... Он отдал своему предназначению жизнь, это можно было сказать с полным правом. И не одну. И все оказалось напрасным?

Немыслимо. Недопустимо.

Нестерпимо.

Маккейн смотрел на буйство стихии, упершись ладонью в прохладное стекло и чувствуя в кончиках пальцев биение пульса. Дождь неистово хлестал по стеклу, стекал пузырястыми ручьями, припадал под натиском бури. Улицы не было видно, даже во вспышках молний. Бело-голубой свет неистовой силы оставлял на сетчатке глаз рваный след. Где-то билась оконная ставня, жалобно выла собака, как будто с нее заживо сдирали шкуру, но все это были лишь слабые посторонние шумы, едва пробивавшиеся сквозь бешенство бури.

Удары грома, взрывы как при конце света раскалывали череп, обращая кровь в прах. Он стоял, предаваясь гулу кипящей ярости, лишь бы заглушить отчаяние, пожирающее его.

Слишком поздно. Слишком медленно. Экстраполяции профессора подтвердили то, чего он боялся с тех пор, как Вакки выставили его из своего дома. Слишком поздно он начал то, что необходимо было сделать. Слишком долго пришлось ждать.

Он потерпел крах... Нет. Этого не могло быть, не могло, не могло! Он отдал все, он праведно исполнил свою часть. Это было предопределено — исполнить лишь часть.

Снова молнии и гром, на сей раз одновременно, словно суд Божий. Он отпрянул от окна, ослепленный, оглушен-

ный, разорванный, казалось, на куски, и он бы рад был, если бы это действительно было так. Галстук душил его, он рванул его с шеи, скинул пиджак, швырнул и то, и другое в темноту позади себя. Как же так? Это непомерное, ни с чем не сопоставимое средство, которое было у него в руках, это доселе невиданное могущество, это взрывающее все представления богатство — все это оказалось ничто, этого недостаточно для того, чтобы своротить мир с гибельного пути, направив его к устойчивой жизни, к будущему, которое заслуживало бы этого имени? Неужто это действительно не под силу осуществить никакому плану? А он был так уверен... Горячее убеждение, которое он вынашивал ночами, в нетопленной комнате, надев на себя все свитера и пальто, в перчатках писал шариковой ручкой, читал, обдумывал. Убеждение, непоколебимое, как вера в восход солнца, поддержавшее его в минуты отчаяния, в первые дни его самостоятельности, когда рухнули акции, в которые он вложил, а инвесторы потребовали свои деньги назад... Он всегда был уверен, нет, он просто *знал*, что все будет хорошо. Потому что судьба предначертала ему этот путь, выбрала его из всех людей, чтобы он выполнил совершенно особую задачу.

И это оказалось не так? И никогда так не было?

Но как же все эти счастливые случайности? Столько странных стечений обстоятельств, вымостивших ему дорогу, событий, которые помогали ему, но вызвать которые было не в его силах. Нет, это не могло быть самообманом. Что-то вело его и направляло все эти годы, всю его жизнь.

На всех не хватит, сказал в заключение профессор Коллинз. Нет ошибки в стратегиях, нет ошибки в самой модели — ничего, что давало бы надежду. *На всех не хватит*. Земля, недостаточно большая, чтобы обеспечить всем людям достойную жизнь, уверенную и здоровую. Недостаточно богатая. Цифры доказывают это. Диаграммы дают однозначное толкование. Трезвые, безжалостные расчеты не оставляют сомнений.

Могло ли быть, что такова Божья воля? Может, он передумал за пятьсот лет? Решил все-таки истребить человечество?

Маккейн расстегнул рубашку, вытянул ее из брюк, снял, отшвырнул. Взгляд его упал на ночной столик у кровати. Он

бросился к нему, выдвинул ящик. В нем книга, Библия. Ной, как там было с Ноем? Он полистал книгу, но это был лишь Новый Завет на трех языках, а история Ноя — из Ветхого Завета. «Господь сказал: я хочу стереть людей с лица земли, от людей до скота и до последнего червя и до птиц небесных, ибо я раскаиваюсь в том, что сотворил». Сколько времени минуло с тех пор, как он учил это в школе. Теперь это лишь смутно припоминалось.

— Неужто я второй Ной? — спросил он темноту и вслушался в звук собственного голоса. Ждал знака, знамения, но его не последовало.

Он остался сидеть на кровати, глядя на дождь, бьющий по стеклам, и на уличные фонари, которые размыто покачивались на ветру. Ной построил ковчег, могучий корабль, в который взял по паре каждого вида животных и по образцу каждого растения. Легенда, конечно, но в наши дни она была бы осуществима. Бункер, сооруженный в уединенной местности, замаскированный и надежный, в нем — все знание мира в банке данных, сохраненное на компакт-дисках или в микрофильмах, и образцы генов всех известных видов... Дорого, да, но осуществимо. Без сомнений, средств *Fontanelli Enterprises* для такого намерения хватит.

Он почувствовал, как холод пробрал его до костей, но продолжал неподвижно сидеть, лишь дыша, и сердце его стыло. Неужто в этом и состоит задача, для которой он призван в мир? Позаботиться о том, чтобы знание человечества сохранилось и прошло сквозь темные годы или века до тех пор, когда станет возможным новое начало? Это казалось ему таким жалким. Таким подлым. Обреченно ждать краха...

Компьютеры профессора Коллинза предостерегли его вовремя. Оставалось еще несколько лет, может, десятилетий. Он успеет обдумать, кто должен быть спасен, какие меры принять для выживания в бункере — и что потом? Куда суждено вернуться последним людям? В отравленный, истощенный мир? В радиоактивную пустыню? К руинам?

Нет. Это было ужасно. В этом не было ничего от той грандиозности, которую он всегда предчувствовал в своей судьбе.

На всех не хватит. Эти слова снова повторялись в его голове как грозная мантра, как вердикт, как всеобщий приговор, исполнение которого взгромождено на его плечи. Он поднялся, пошатываясь, стянул ботинки, потом брюки.

В это мгновение он почувствовал на периферии сознания одну мысль, такую огромную, могучую и устрашающую, что ее невозможно было охватить разумом за один раз — осознание ее могло остановить сердце. Он застыл, не зная, что делать. Мысль надвигалась, как айсберг на пути неотвратимого столкновения, как падающая комета. Мысль, задуманная, должно быть, титаном, а не смертным человеком.

Крушение...

Однажды оно произойдет. Сегодня это еще немыслимо, но так многое поначалу казалось немыслимым, а потом свершалось; так многое было предсказано, осмеяно, а впоследствии пережито. И однажды так будет: конец цивилизации. Конец нынешнего мира.

Внезапно нижнее белье стало жечь ему кожу. Он стянул носки, снял все, что на нем еще оставалось, и стоял нагой в ночи, ожидая удара.

Крушение...

Может, эпидемия, против которой нет средств. Вирус, смертельный, как СПИД, и заразный, как грипп. Или локальная катастрофа — например, взорвавшаяся атомная электростанция в Европе, а в итоге — великие переселения, нападения и войны. Крах жизнеобеспечения — снабжения продовольствием, энергией...

Его настигли первые осколки этой беспощадной, опустошительной мысли, обрушились на него со слепящей ясностью, несравненные, великолепные в своей чудовищности, в своей кристальной, богоравной неотвратимости.

Чем позднее случится крах, понял Малькольм Маккейн в то жуткое мгновение, когда перед ним приподнялся занавес божественной истины: *тем будет хуже*.

Он опустился на колени, наклонился вперед и зарылся головой в руки. Он дрожал оттого, что с ним произошло. Его словно молнией пронзило, словно очистительный огонь пронесся сквозь него, и хотя снова стало темно и тихо, это сознание осталось, и уже ничто не могло вытеснить его из мира. *Чем позднее случится крах, тем будет хуже*. Тем большие разрушения возникнут на планете. Тем больше будет истреблено сырья. Тем больше расплзающихся ядов, радиоактивных отходов, громоздящихся отвалами, и пахотных земель, превращенных в пустыню.

Тем больше трупов, которые надо убирать.

Он закрыл глаза, желая прекратить мысль. Из его сознания вытекало то, о чем он давно догадывался, что он знал, но не хотел об этом думать, хотел отложить на потом, насколько возможно.

А может ли быть?..

Нет. Не думать дальше. Не в этом направлении.

А может ли быть, что?..

От Ноя этого никто не требовал. От Понтия Пилата тоже. Маккейн вскочил, суетливо огляделся, нет ли в комнате бара, нет ли алкоголя, чтобы остановить эти мысли?

А может ли быть, что его задача на самом деле состоит?..

Он начал задыхаться. Сердце его колотилось. Внезапно ему стало ясно, что эта мысль, если додумать ее до конца, убьет его, ведь она предназначена для титана, его же душу она потопит, пустит ко дну. И хорошо, это тоже выход. Да.

А может ли быть, что его задача на самом деле состоит в том, чтобы ускорить катастрофу? И позаботиться о том, чтобы выжил не кто попало, а кто надо — и после этого застать мир еще в таком состоянии, чтобы в нем можно было выстроить будущее?

Он повалился на бок и остался так лежать с закрытыми глазами. Время шло. Он не мог сказать, сколько он так пролежал, но гроза прошла, когда он снова решился пошевелиться, признаваясь себе, что еще жив. Ему было холодно, он мерз все сильнее. Его сердце билось с трудом, кровь, казалось, превратилась в густой сироп, нос заложило.

Он с трудом поднялся, дрожа, ощущая себя хрупким, готовым рассыпаться на куски. Но видел он отчетливо. Он видел перед собой путь, видел и пройденную дорогу, понимал, почему все должно быть именно так.

Разумеется, эти взаимосвязи не могли открыться ему раньше. В его юные годы он был слишком идеалистичным, чтобы взвалить на себя такую ответственность. Знание об истинных взаимосвязях было бы для него бременем, которое раздавило бы его, вместо того чтобы окрылить. Судьба милосердно оставляла его в иллюзии, что он может открыть дверь в будущее для всех людей. Он хоть и спрашивал себя, как это возможно, но верил иллюзии. В этом была его сила.

Потребовалась достоверность этих детализованных экстраполяций, чтобы открыть ему глаза на истинные масшта-

бы кризиса. Это было необходимо: ввергнуть его в глубокую пропасть отчаяния, чтобы до его понимания дошла необходимость того, что ему предстояло сделать. У него мороз шел по коже от величественной жестокости природы. Она давала не только жизнь, но и смерть. Без одного невозможно было другое. Вся жизнь состояла из проб и ошибок, из полноты и отбраковки негодного.

На этот масштаб божественного он всегда закрывал глаза, находясь в плену мышления своего времени. Но где жизнь, там должна быть и смерть. Без этого равновесия не было будущего, не было долговечности. Это равновесие он беспрестанно искал в своих расчетах, но не мог найти, потому что не был готов заплатить ту цену, за которую только и приобреталось это равновесие.

Он так и не встал на ноги, а на четвереньках дополз по колючему ковровому покрытию до кровати, спихнул на пол дорожную сумку и пальто и забрался под одеяло. Сколько же он провалился голый на полу? Он с трудом повернул голову. Цифровые часы бессмысленно мигали нулями: должно быть, прерывалась подача тока. Он потерял себе руки и плечи, но согреться не мог. Требовался горячий душ, неважно, насколько поздний теперь час.

Когда его больно стегала вода и по всему телу бежали мурашки, он вспомнил того типа в машине, с примитивным торжеством вырвавшего у него первенство на дороге, этого широкоплечего *homo erectus*, в голове у которого не было ничего, кроме траханья и езды на машине. Какое право на существование — если без предубеждений разрешить себе этот вопрос — было у этого примитивного организма? *Существа*, как те двое в машине, были лишь потребителями труда других — бесценных, полезных людей. Людей с понятием и вкусом, которые стремились что-то создать, ставили перед собой жизненные цели и пытались что-то сделать для сограждан. Но, кроме них, было полно этих паразитов. И незачем поддерживать жизнь таких полулюдей, когда и без них тесно.

Если на всех не хватит, надо позаботиться о том, чтобы хватило тем, кто достоин.

Малькольм Маккейн подставил лицо под горячую струю и мельком подумал о том, что с этой точки зрения Джона Фонтанелли трудно было бы причислить к последним.

* * *

Проснувшись, Джон не сразу сообразил, где он. Солнце светило сквозь окно на крыше, щекоча ему нос. Квартирка Урсулы состояла — смотря по тому, как оценить выступы стен, — то ли из одной, то ли из двух комнат и ванной, но все это было изобретательно встроено в сложную крышу и выглядело живописно. И хотя по мебели было видно, что она совсем недорогая, от всех вещей исходило очарование, от которого становилось уютно.

Урсула лежала рядом, полураскрытая, и, словно почувствовав его взгляд, тоже проснулась, заспанно моргала и улыбалась.

— Можно подумать, что я тебе нравлюсь, — пролепетала она.

— Можно, — ухмыльнулся Джон.

Она перевернулась, что тоже представляло собой привлекательное зрелище, и потянулась к будильнику.

— О! Сегодня суббота, что ли?

— Если они не поменяли календарь.

— Напрасно ты шутишь. Сегодня наш красивый роман может оборваться.

— Хочешь, я отгадаю? Ты собираешься познакомить меня с твоим мужем, а он боксер.

— Гораздо хуже. Я хочу познакомить тебя с моим дедушкой, а он нацист.

* * *

Джону казалось странной нервозность Урсулы. В конце концов женится-то он не дедушке, так ведь? Но она отреагировала на это лишь натянутым «Погоди». Кажется, она не на шутку боялась, что он бросит ее без объяснений и сбежит. Должно быть, ее дедушка сам сатана. В нем уже разгоралось любопытство.

По дороге в дом престарелых Урсула была взвинчена, непрерывно говорила с телохранителями, расспрашивала, как им удастся всю ночь охранять дом, а наутро выглядеть свежими, как яичко. Марко охотно изложил ей схему, как они по очереди спят и принимают душ в отеле, который всегда находится поблизости, и завтракают в машине так, чтобы ничего не запаковать.

— Есть надежда, — сказала она, когда они входили в богадельню. — Я только сейчас сообразила, что дедушка не говорит ни слова по-английски.

Джон усмехнулся:

— Но как же он будет рассказывать нам про свои военные подвиги?

Двое охранников следовали за ними: с них снова не сводили глаз.

— Он не рассказывает про военные подвиги, — мрачно сказала Урсула. — Он был инструктором СС — «Мертвая голова». Он стопроцентный нацист и *Mein Kampf* Гитлера знает наизусть.

Он сжал ее руку, в надежде таким образом успокоить.

— Он не говорит по-английски, а я не немец. Мне придется верить тебе на слово.

Йозеф Фален действительно не говорил по-английски.

Но говорил по-итальянски, и даже лучше, чем Джон.

— Я три года служил в Италии, по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера лично, — последовало по-военному четкое объяснение. — Офицер по связям с итальянскими камарадами. Основательное изучение языка было обязательным, как и для разведзаданий.

Урсула так и села. Джон был поражен. Древний дедушка Урсулы сидел в кресле-каталке, но Джону нечасто доводилось видеть стариков, настолько бодрых и разумных, как Йозеф Фален.

И он понял, чего боялась Урсула. От этого старика исходили флюиды жесткой беспощадности, от которых шерсть вставала дыбом. Он коротко стриг оставшиеся волосы и носил их на строгий пробор, а его ясные серые глаза смотрели на Джона, как смотрел бы волк на добычу. Легко было представить, как этот человек расстреливает женщин и детей. И страшно было спросить об этом, потому что ответ не хотелось знать.

— Значит, вы и есть тот знаменитый Джон Сальваторе Фонтанелли, — сказал Йозеф Фален и указал на стул: — Садитесь. Мой сын известил меня о вашем приезде; это для меня большая честь.

— *Grazie*, — пробормотал Джон и сел. Урсула зажала ладонью рот, во взгляде ее была паника.

Фален слегка развернул свое кресло-каталку.

— Я много о вас читал, синьор Фонтанелли. Разумеется, я не мог предположить, что однажды познакомлюсь с вами. Больше всего меня привлекает возможность узнать об этом пророчестве.

— Да, — кивнул Джон, чувствуя нарастающую дурноту. — Меня тоже.

— Вернуть человечеству утраченное будущее... — Старик пристально смотрел на Джона своими холодными глазами, изучая его. — Я всегда спрашивал себя, ясно ли вам, когда человечество, собственно, *потеряло* свое будущее?

Джон откинулся спиной к стене. Ему показалось, что в комнате стало холодно.

— Честно говоря, — ответил он, — нет.

— В 1945 году, — сказал Фален. — Когда всемирный еврейский заговор поставил наше отечество на колени. Когда выявилось, насколько прочно завладел Америкой еврейский капитал.

Джону следовало предполагать, что он услышит здесь нечто подобное.

— А, да, — кивнул он. Если недолго, то можно и потерпеть. — Я понимаю.

— Только не говорите: «Да, я понимаю!». Вы не понимаете, по вас же видно! — повысил голос старик. — Адольф Гитлер был призван провидением, чтобы познать взаимосвязи, освободиться от ослепляющего заблуждения, которым человечество было отравлено веками, и действовать. И он *действовал*. — Фален подался вперед и устремил на Джона свой костлявый указательный палец. — Ясно ли вам, что Гитлер хотел того же, что и вы?

Джон схватил ртом воздух.

— Что и я?

— Сохранить за человечеством будущее — естественно! Над этим он и работал. Ему было ясно, что мир ограничен, что его не хватит на всех. Что неизбежна битва за территории и ресурсы. И он понимал, что эта битва задумана природой так, чтобы в ней соревновались расы. Только битва поддерживает силу расы.

— Разве контроль за рождаемостью не был бы более приемлемой идеей для решения этой проблемы? — резко спросил Джон.

— Вы не понимаете, синьор Фонтанелли. Природа бросает живые существа в мир, и они должны проявить себя.

Слабый гибнет, сильный выживает — таков закон природы, аристократический закон самой жизни. Природа не ведет противозачаточных средств, она знает лишь отбраковку того, что нежизнеспособно. Остаться должны лишь пригодные для жизни, так хочет природа. И что сегодня? Взгляните вокруг — люди спариваются без всякого расового сознания, дебилам и наследственно-больным всеми средствами сохраняют жизнь и возможность дальнейшего размножения, и что в результате? Наследственный материал выхолащивается. Белая раса — собственно, носитель человеческой культуры — вся больна до мозга костей. Дегенерация, вырождение, вы понимаете? Мир, в котором мы живем, — мир вырожденцев и непригодных для жизни людей, поэтому он обречен на гибель.

Джон хотел остановить поток этих беспощадных слов, но не знал как.

— Человечество должно снова предаться мудрости природы, иначе оно вымрет. Это единственный путь, синьор Фонтанелли, — продолжал Йозеф Фален. — Но мудрость природы жестока. В ней нет места пацифизму и религиям сострадания, она знает лишь закон сильнейшего. Сильный подчиняет себе слабого и этой победой доказывает свое право на жизнь. В Третьем рейхе речь шла не о том, чтобы просто победить, речь шла о том, чтобы улучшить самих людей, речь шла о том, чтобы обеспечить дальнейшее существование вида. Понимаете? Дальнейшее существование вида, вот что было целью. Именно ее преследуете и вы...

— Один вопрос, синьор Фален, — перебил его Джон, и сердце его от волнения подпрыгнуло до самого горла. — Сами вы мало похожи на воплощение здоровья и полноты сил. Но вы имеете возможность жить здесь, за вами ухаживают — ведь вы ничего не имеете против этого, или я вас неправильно понял?

Йозеф Фален подкатился к нему на своей каталке так близко, что Джону чуть не стало дурно от запаха из его рта, и прошипел:

— Я издеваюсь над ними всеми, и эти скоты все терпят. Я плюю на их жалкое сострадание, и они это сносят. Значит, ничего другого они не заслуживают. Рабские натуры, все поголовно!

— Буду знать. И не желаю больше терпеть это. — Джон встал и отступил назад. — Я не рад, что познакомился с вами, синьор Фален, и я надеюсь, что мы больше не увидимся. Благополучной смерти. — И он вышел, и позднее ему пришлось признать, что в это мгновение ему было все равно, последует ли за ним Урсула.

Но она выбежала за ним, и он обнял ее и почувствовал, как она дрожит. Они услышали смех старика и слова, которые он прокричал им вдогонку:

— А вы мне понравились, Фонтанелли! Погодите, в один прекрасный день вы все сделаете как надо!..

Потом они свернули за угол коридора и уже не слышали его голос.

— Я больше не могу, — пробормотал Джон, обращаясь скорее к самому себе. — Если мне еще кто-нибудь предскажет, что я сделаю все как надо, я закричу...

* * *

— После войны он был приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы, — рассказала Урсула по дороге к аэропорту. — Что, я думаю, было счастьем для моего отца, он рос беззаботно. Он был последним ребенком, два его старших брата погибли в последние дни войны.

— Я не понимаю, почему вы вообще с ним еще возитесь.

— Я тоже. Но отец не бросает его. Иногда я думаю, что он хочет ему что-то доказать этим. Может, что любовь сильнее ненависти, не знаю. Мне всегда было только противно, когда мы его навещали — в тюрьмах или больницах, и он терзал нас своими высказываниями.

Охранник аэропорта с приветливой улыбкой пропустил их машину к летному полю, где их самолет уже ждал наготове, чтобы отвезти их в Лондон.

— По мне, так можешь больше не навещать его, — сказал он.

* * *

Маккейн распорядился два часа ни с кем не соединять его по телефону. Он сидел, глядя на панораму свежееумытого октябрьским солнцем Лондона, откинув спинку кресла и задрав ноги повыше, держа на коленях папку с целым

рядом неприятных для него цифр, и думал о том, как человечество будет умирать. По крайней мере, его бесполезная часть.

Естественно, в первую очередь голод. Голод дает тихую, незаметную смерть. Каждый год от голода умирают миллионы людей, это длится так давно, что уже не производит сколько-нибудь заметного впечатления на общественное мнение. Голодающие люди слишком слабы, чтобы затевать войны, — тоже аргумент в пользу голода как оружия.

Отрицательным пунктом было то, что голод, как показывают цифры, обусловлен не недостатком продовольствия, а недостатками его распределения. Люди умирают не оттого, что нечего есть, а оттого, что не на что купить еды. Придется провести переустройство международной логистики и структуры торговых отношений так, чтобы при этом ничего не изменилось. Еще труднее будет сделать это, не вызывая подозрений.

Это существенный минус. Почти критерий исключения.

Маккейн рассматривал диаграмму роста населения за последние две тысячи лет. Единственная впадина на этой постоянно ползущей вверх кривой была обусловлена эпидемией чумы в середине четырнадцатого века, которая выкосила треть европейского населения. А больше ничто не сказалось на росте, даже Вторая мировая война.

Эпидемия. Чума больше не рассматривается, с нею теперь легко справляются. Но СПИД выглядит неплохо, а? СПИД вызывается вирусом, а не бактериями, а против вирусов в арсенале медицины нет пока что почти ничего. СПИДу удалось — будучи практически незаразным, передаваясь только половым путем, — все-таки неудержимо распространиться. И с момента заражения до начала проявления болезни проходит достаточно времени, чтобы успеть заразить и других.

Он пролистал тонкий эпидемиологический отчет, сделанный одним авторитетным шведским институтом. Вот что следовало из этого отчета: СПИД затрагивает главным образом тех, у кого не хватает ума защитить себя, или кто слишком сластолюбив, чтобы делать это. Другими словами, СПИД осуществляет положительный естественный отбор, разве нет? Эта мысль очаровывала его. Болезнь метила позорным пятном, перстом Божьей воли, которой перечить нельзя.

СПИД годился. Это была эпидемия, лучше которой и не придумаешь. Единственный вопрос состоял в том, достаточно ли быстро она сработает?

В этом отношении статистика разочаровывала. Норма заражения была мала по сравнению с нормой рождаемости, а в некоторых местах даже шла на убыль. Этого недостаточно, чтобы переломить ход кривой роста населения.

Может быть, существует некая точка прорыва? Можно взять под контроль соответствующие фармацевтические фирмы, сделать лекарства недоступно дорогими и сократить исследования по вакцинам до незначительного минимума. Практические основания для этого всегда легко найти; в крайнем случае можно аргументировать *интересами акционеров*, которые в последнее время все в большей мере становятся признанными в обществе и обещают стать священной коровой в любом важном решении.

Телефон зазвонил, несмотря на строгое указание. Он взял трубку.

— Да? Понятно. Со своей подругой? Да что вы? Хорошо, спасибо, что поставили меня в известность. — Крис О'Хэнлон был самым надежным его осведомителем среди охранников, надо отдать ему должное.

Маккейн захлопнул папку и отнес ее на место, в шкаф. Надо заблаговременно подумать о расширении контроля над продовольствием, семенным фондом и вакцинами, но это еще не сегодня. Потребуется оружие, чтобы защитить последние бастионы цивилизации от нашествия варваров, от грядущего хама. Потребуется и основательный пересмотр их кошелька, а у него пока не было ни малейшего представления, как убедить в этом Джона Фонтанелли.

Он действительно был владельцем замка. Она не верила своим глазам, когда они ждали, когда раскроются створки кованых ворот, украшенные темно-красным логотипом Фонтанелли — *f*. Мало того, что они летели маленьким самолетом, который в любое время был в их личном распоряжении, мало того, что их забрал в аэропорту длинный черный лимузин, в котором она сама себе казалась героиней какого-то фильма, так еще и этот замок, о котором Джон всегда говорил, оказался правдой. А она принимала его слова за шутку.

Он вырос из-за холма — серый, неприступный и огромный — и показался ей странно неподходящим для человека, у которого были всего-навсего деньги, а не династия предков. И прислуга выстроилась шпалерами — мужчины и женщины в традиционной для своей профессии униформе: повара, горничные, кельнеры, садовники, мастеровые, конюхи и так далее; и дворецкий в строгом фраке выступил вперед, как только шофер распахнул дверцу, и приветствовал их на напыщенном, тонкогубом *британском английском*.

Сотни пар глаз устремились на нее, когда она вышла из машины. Только бы не споткнуться, не сделать неосмотрительного движения, о котором потом неделями будут перешептываться. Джона все это, казалось, совершенно не занимало, он не казался ни степенным, ни силящимся казаться степенным. Посреди всей этой помпезности он выглядел как обыкновенный нью-йоркский парень.

Замок, на самом деле! В вестибюле у нее возникло чувство, что она вошла в модернизированный музей; и она невольно оглянулась в поисках окошечка кассы. Прислуга по-прежнему с любопытством наблюдала за ней — или это было не любопытство, а зависть? Она затосковала по своей маленькой, скромной мансарде, где она могла быть самой собой и где на нее никто не смотрел.

— К этому быстро привыкаешь, поверь мне, — Джон взял ее за руку. — Идем, я тебе что-то покажу, ты глазам своим не поверишь.

Про лестнице наверх, вдоль по коридору, двери, двери, двери и, наконец, портал, достаточно высокий для того, чтобы самый рослый человек выглядел карликом, проходя меж створками дверей, а за дверями зал, выдержанный в голубых и золотых тонах, с великолепными гобеленами на стенах и огромными хрустальными люстрами под потолком, а посреди всего этого восточного великолепия... огромная золоченая кровать под пологом! Заваленная шелковыми подушками и застеленная богатым покрывалом, с феерическим парчовым занавесом на мраморных колоннах.

Урсула онемела и долго не могла издать ни звука.

— Уж не думаешь ли ты, — наконец выговорила она, — что я буду спать на этом чудовищном ложе?

Джон только ухмыльнулся.

— На этом чудовищном ложе еще никто никогда не спал. Это *шоу-спальня*, она здесь только для того, чтобы фотографы снимали. По словам интерьерного архитектора, нечто такое бывает у голливудских звезд, и он решил, что мне это тоже надо.

* * *

Но плавательный бассейн ей, судя по всему, понравился, как и обе сауны, парилка и маленький проход по стеклянной галерее с тропическими растениями. Джон сидел на краю бассейна, болтая ногами в воде, и смотрел, как она лежит на спине, закрыв глаза, а мягкие волны расходятся от нее, достигая бортиков. Световые блики плясали на голубой мозаике потолка и на искусственных скалах, с которых при желании можно было пустить небольшой водопад.

— Ты это делаешь? — спросила она, отфыркиваясь. — Каждое утро небольшой заплыв?

Джон смущенно улыбнулся:

— Скорее нет.

— Тогда ты не заслуживаешь такого бассейна. — Она оттолкнулась от стены, нырнула в глубину, снова вынырнула, тряхнула мокрыми волосами. Вид у нее был очень привлекательный.

— Эй, — крикнул он, — а ты когда-нибудь видела такую защиту от посторонних глаз?

Выключатели, надежно защищенные от брызг, располагались вдоль всего бассейна. Он нажал одну из кнопок,

и, как по волшебству, стеклянные стены, выходящие в сад, стали непрозрачными. Это был последний крик технологических новшеств и стоил оглушительных денег.

Урсулу это потрясло:

— Что это было?

— *Льезо*-чего-то, я забыл название. Пока идет ток, стекло непрозрачно, но свет по-прежнему пропускает.

— Прекрасно, но зачем?

— Ну, — осторожно сказал Джон, — чтобы никто тебя не видел. Например, мы могли бы плавать голыми. Если захотим. Или... все, что угодно...

Она смотрела на него взглядом, значение которого трудно было истолковать.

— Я пока не чувствую себя здесь настолько у себя дома, чтобы... — сказала она и скрылась под водой. Надолго. Лишь размытое цветное пятно скользило на глубине.

— Я сказал просто так, вообще, — пролепетал Джон и нажал кнопку, которая вернула стеклу прозрачность.

* * *

Можно было к этому привыкнуть. К элегантно накрытому к завтраку столу, к всегда свежим полотенцам, к четверти часа профессионального массажа перед душем. Помещения, в которых они на самом деле спали и жили, были обставлены добротнo и со вкусом и как по волшебству всегда были чисто прибраны. К этому все-таки можно было привыкнуть.

А за бронированными стеклами машины был Лондон.

— Я уже два месяца не был в своем офисе, — сказал Джон и попросил ее поехать с ним и познакомиться с его партнером и управляющим фирмы Малькольмом Маккейном.

Она еще никогда не была в Лондоне, и в Великобритании тоже нет. Левостороннее движение доставляло ей некоторое неудобство, и она сосредоточилась на городских видах. Тут действительно можно было увидеть мужчин в цилиндрах, с зонтами-тросточками. А она-то всегда принимала рисованные картинки в своем школьном учебнике английского за карикатуры.

Имя Малькольма Маккейна было у нее, как у всякого другого жителя Земли, на слуху, как имя американского президента. Босс *Fontanelli Enterprises*, самого крупного кон-

церна за всю историю. Человек с годовым жалованьем в сто миллионов долларов. Человек, которого половина всех экономических журналистов считала самым одаренным менеджером планеты, а другая половина — дилетантствующим выскочкой.

Но она никогда бы не узнала его, встретив на улице. Его почти никогда не показывали по телевизору. В газетных архивах, кажется, было только одно его фото — одно на всех. Ван Делфт рассказывал ей, что год назад одна австралийская экономическая газета хотела объявить Маккейна *менеджером года*, но он не допустил до себя репортеров и не дал интервью, так что намерение так и умерло.

Шофер оказал ей любезность и проехал мимо Букингемского дворца, через Трафальгарскую площадь и вдоль Темзы, чтобы она могла взглянуть на Биг-Бен. Выяснилось, что все эти легендарные строения на самом деле существуют! После стольких путешествий такие открытия еще не перестали ее удивлять.

Потом пошли высотные дома, старые и современные, банки и страховые компании, известные на весь мир и безвестные. Перед одним из строений машина свернула, остановилась, охранники столпились, оглядываясь по сторонам, как будто они попали в зону военных действий, и только по их кивку они смогли выйти и поспешно скрыться в стеклянном фойе. Непринужденная маленькая табличка *Fontanelli Enterprises Headquarters* была такой неброской, что она ее чуть не просмотрела.

Конвой к лифту, в котором на стене висел подлинник Пикассо, эффектно подсвеченный и наверняка эффективно защищенный от кражи. Лифт поехал вверх, и с каждым метром чувствовалось приближение к центру мира, единственному действительно центру могущества истекающего двадцатого столетия. Гонг, предупредивший об открытии створок, прозвучал так, будто он возвестил прибытие к подножию престола, с которого Бог-Отец правил земной жизнью.

— Мисс Фален, — услышала она низкий голос и тут же узнала его. Маккейн. Он пожал ей руку, слегка поклонился, улыбнулся и сказал: — Рад с вами познакомиться. — И казалось, что так оно и есть.

Джона он приветствовал не менее радостно:

— Хорошо выглядите. Тропическое солнце пошло вам на пользу. И вы нашли даму сердца, как я вижу?..

Ей стало почти стыдно, когда она увидела, как Джон просиял при этих словах. Как школьник, получивший похвалу от обожаемого учителя. Она даже отвернулась, разглядывая пышные растения между креслами и диванами — орхидеи и папоротники — под низко висящими лампами дневного света.

Ее провели в конференц-зал, от размеров которого у нее захватило дух, и потом в кабинеты. Кабинет Джона казался необитаемым, а маккейновский дышал неукротимой деятельностью. Карта мира за его гигантским письменным столом, раскрашенная красным цветом Фонтанелли, выдавала, что центр всего был именно здесь. А Джон зашел лишь в гости.

Потом спустились этажом ниже, в «Казино» — собственный маленький, роскошно оборудованный ресторан, где они вместе пообедали. Маккейн был обходителен, хотя бурная энергия, которую он излучал, в какие-то моменты подавляла. Он расспрашивал ее о жизни и предпочтениях и заинтересованно выслушивал ее ответы, хотя она не могла отделаться от чувства, что он давно знает все, что она ему рассказывает.

— Произошло много событий, пока вы отсутствовали, — сказал он Джону и одарил Урсалу улыбкой. — Но я не хочу нагонять ими скуку на вашу спутницу.

Джон серьезно кивнул:

— Скоро я вернусь к работе. Уже завтра, наверное.

— Спешка ни к чему, — отмахнулся Маккейн. — У нас все под контролем. И если я отвык от личной жизни, это не должно служить поводом так же губить и вашу.

Еда была хорошая. Вид из окон умопомрачительный. Маккейн рекомендовал ей отправиться в основательный шопинг-тур, а потом познакомиться с культурной жизнью Лондона.

— Я, правда, больше не слежу за событиями, — признался он, — но говорят, они есть.

Урсала пообещала подумать об этом.

— Интересный человек, этот Маккейн, — сказала она Джону на обратном пути в замок.

— Можно сказать и так, — кивнул он.

— В принципе все делает он, не так ли? Ведет все дела. Все решает

— Да, но без моей подписи ничего не делается, — забеспокоился Джон.

Урсула внимательно оглядела его. Кажется, эта тема была для него неприятна.

— Я не собиралась тебя критиковать, — сказала она. — Я только спросила, чтобы понять, что происходит.

Вид у Джона был мрачный.

— Он управляющий директор предприятия, то есть руководит делами. Но он мой наемный сотрудник. А принадлежит все мне.

— Но ты подписываешь то, что он перед тобой положит, так? Или иногда говоришь: «Нет, мы поступим иначе»?

— Я всегда могу это сказать, естественно. Просто пока не было таких ситуаций. Поскольку он случайно оказался очень подходящим работником, и глупости не приходят ему в голову.

Она затронула его болезненное место, это было ясно. Рану, о которой Джон сам не подозревал.

— Ты разве можешь об этом судить? — спросила она с жестокостью, неизвестно откуда взявшейся в ней. — Я хочу сказать, ведь ты не изучал ни экономику, ни производство.

— Мне это и не надо, — перебил ее Джон. — Я до такой степени богат, просто по-свински, что мне вообще незачем ни знать, ни уметь что-нибудь. И мне принадлежит половина мира. В этом и состоит самое безумное.

Она непроизвольно задержала дыхание.

— Судя по тому, как это прозвучало, — осторожно сказала она, — ты не очень счастлив этим.

— Совсем не счастлив. — Он устремил взгляд вперед. — Три года назад я был развозчиком пиццы. Нужно время, чтобы вжиться в эту ситуацию. Это не делается в один день. — Он сделал неопределенный жест. — Ясно, Маккейн все это изучал, он может все, имеет грандиозные планы. Моим единственным решением было дать ему свободу действий.

Она потянулась к нему, положила ладонь на его руку.

— Все хорошо, — тихо сказала она.

Он покосился на нее.

— Но теперь все будет по-другому, — заявил он. — Впредь я буду вникать во все детали.

Было как всегда, только лучше. Радостно было идти на работу, когда позади осталась чудесная ночь, а дома — чудесная женщина. Джон приветствовал каждого встречного лучистой улыбкой; поднимаясь на лифте, чувствовал, как к нему возвращается грандиозное победное чувство, а шагнув в кабинет Маккейна, крикнул:

— Ну? Есть у нас план?

Маккейн как раз собирался звонить по телефону, но снова отложил трубку и смотрел на него, озадаченно подняв брови:

— План? Он всегда у нас был.

Джон отрицательно помотал головой:

— Нет, я имею в виду профессора Коллинза. Ведь он уже должен завершить свои расчеты?

— А, это, — Маккейн медленно кивнул. — Да, конечно. Я в прошлую пятницу ездил к нему. Они закончили с первой фазой. Мы с ним до полуночи обсуждали результаты.

— И что?

Маккейн неторопливо перекладывал на своем столе стопки документов, но при этом не возникало впечатления, что он ищет что-то определенное.

— Странное дело с этими компьютерами. Они, кажется, не породили никакой идеи. Но если они с тупым упорством пересчитывают все возможные комбинации всех выходных данных, они делают это совершенно бесстрастно и без всякого предубеждения. Они не думают: «Ах, это все равно ничего не даст!» — они пережевывают цифры и выплевывают результаты. И бывает, что они таким образом находят то, чего и ожидать было нельзя, и наводят тебя на идеи, к каким сам бы ты никогда не пришел. — Он поднял взгляд, смотрел на Джона и, казалось, подбирая слова. — Помните первые дни здесь, в Лондоне? Как я вам говорил, что наступит время, когда американские зерновые закрома будут представлять собой большее могущество, чем авианосцы ВМФ США? Это и есть отправная точка.

— Закрома или авианосцы?

— И то, и другое. В принципе все очень просто. Численность народонаселения растет, площади полезной пахотной земли сокращаются. Какое логическое следствие? Весь

мир вынужден поднимать урожайность. Но традиционными методами многого уже не добьешься. Что тогда остается?

Джон скрестил на груди руки.

— Голод, я бы сказал.

— Голод — или генная техника.

— Генная техника? — Он озадаченно моргал. — Вы же всегда говорили, что эта область не представляет для нас интереса.

— С прошлой пятницы представляет. С прошлой пятницы эта область вообще стала для нас самой интересной. — Маккейн хитро улыбнулся. — Методами генной техники можно вывести более урожайные сорта растений, которые к тому же более устойчивы к болезням, вредителям и другим негативным воздействиям среды, чем все, чего может добиться нормальная селекция. — Он поучительно поднял указательный палец. — И прежде всего: соответствующий генетический код можно запатентовать. Это значит, никто, кроме нас, не может выращивать эту культуру. И никто не сможет обходиться без нашего посевного материала, просто потому, что проблема урожайности будет вынуждать. Разве это для нас не благоприятная позиция?

Джон кивнул:

— Благоприятная — не то слово.

— Более того. Рынок семян сейчас принадлежит всего нескольким, немногим производителям...

— ...которых мы купим... — усмехнулся Джон.

— Разумеется. Но интересно то, что уже сегодняшнее состояние селекции позволяет выводить сорта, так называемые *гибриды* — бесплодные скрещивания близких родственных видов. Проще говоря, дело поставлено так, что вы покупаете семена, из которых вырастает великолепное зерно или овощи, но они в свою очередь не дают семян, а если и дают, то эти семена бесплодны.

— То есть придется покупать новые семена для каждого нового урожая, — с удивлением вывел Джон.

— Свойство, которое, разумеется, можно привить и генетически измененным семенам, — кивнул Маккейн. — И это означает, что мы можем ввести абсолютный контроль.

Джон упал в кресло, закинул руки за голову и потрясенно смотрел на Маккейна.

— Это гениально. Государства будут вынуждены делать то, чего захотим мы, в противном случае они больше не получают от нас посевной материал.

— Хотя мы, разумеется, никогда не будем открыто грозить этим.

— Разумеется, нет. Когда начинаем?

— Я уже начал. К сожалению, биржевые цены этих геннотехнических фирм, мягко говоря, чрезмерны. Мы не преминем вышибить пару участников. И мы должны быть готовы к тому, что снова вызовем раздражение. Это значит, что мы должны сохранить за собой средства массовой информации, чтобы иметь возможность приглушить его.

— Раздражение? Кто же будет возражать против того, что мы будем улучшать семенной материал?

— Генные инженеры — редкость, и в настоящее время они в основном работают в медицинских исследованиях. Нам придется порушить несколько исследовательских проектов, чтобы забрать к себе подходящих специалистов. — Маккейн потер нос. — В первую очередь я имею в виду специалистов по исследованию СПИДа.

* * *

Урсула смотрела на Джона через великолепно накрытый обеденный стол. Он вернулся из Лондона в приподнятом настроении, упомянул некий гениальный план, который приведет к исполнению пророчества, и эйфория у него была, как у наркомана под дозой.

— Тебе нравится здесь жить? — спросила она, когда все официанты как раз вышли.

Он оторвался от своего десерта.

— А что? Замок, это же здорово? Как в сказке.

— Вот именно, как в сказке. Я сегодня все осмотрела.

— Скажи еще, что на это хватило одного дня! Я разочарован.

Она вздохнула.

— Ты сам-то видел это хоть раз? Ты во все комнаты заглянул?

— Во все комнаты? — Он пожал плечами: — Не знаю.

— Джон, я видела коридоры, где на всех дверных ручках лежит пыль. Дюжины комнат просто пустые, в них ничего нет.

Он ничего не понимал.

— Пыль на дверных ручках? — Он наморщил лоб. — Ну, это уже слишком. За что же я плачу всем этим людям?

— Ты платишь им за то, что они поддерживают в порядке замок, который для тебя слишком велик, — мрачно сказала Урсула.

Джон облизал ложечку.

— Знаешь, где мне нравилось больше всего? — сказал он. — В моем доме в Портесето. Я должен тебе его показать. Там правда хорошо. На юге. В Италии. И он совсем не большой. Такой, как надо.

— Тогда почему ты там не живешь? Если тебе там нравится?

Он посмотрел на нее, как на глупышку.

— Потому что мой штаб здесь, в Лондоне. И потому, что, если уж быть точным, дом в Портесето мне не по рангу.

— Не по рангу? Понятно. И кто определяет, что тебе по рангу, а что нет?

Джон взял свой бокал и разглядывал золотистое вино.

— Видишь ли, я самый богатый в мире человек. И надо, чтобы это было видно. Это психологически важно — производить на людей впечатление.

— Почему это так важно? То, что ты самый богатый человек в мире, известно каждому школьнику; тебе это больше не нужно никому доказывать. И, кроме того, кто тебя здесь видит? Ближайшая улица в трех километрах.

Он терпеливо смотрел на нее.

— Здесь, например, однажды был премьер-министр. Не Блэр, а предыдущий, Мейджор. На него это произвело впечатление, поверь мне. И это было важно. — Он самоотверженно вздохнул. — Это все является частью плана Маккейна. Мне самому пришлось к этому всему привыкать. Эй, послушай, я сын сапожника из Джерси, ты думаешь, я вырос с золотой ложкой во рту?

Она невольно рассмеялась, глядя на его веселую гримасу. Может, подумала она, ей действительно все видится в слишком уж мрачном свете. Она вспомнила свое собственное детство и как часто за столом речь шла о том, как что-то достать и через кого. Дефицит был повседневностью, как и постоянная нужда. Правда, после Объединения все изменилось, но внезапная перестройка и приспособление к миру избытка тоже дались им не так легко.

Спускаться в «Казино» они позволяли себе, только когда принимали важных гостей. А в остальное время возвращались к своим привычкам, и в обеденный перерыв для них накрывали небольшую закуску прямо в конференц-зале.

— Вам ведь ясно, что денег в действительности не становится больше? — спросил Джон в один из таких моментов.

Маккейн жевал, глядя на него:

— Что вы имеете в виду?

— Ведь как говорят: несите деньги в банк, чтобы они приносили проценты. Но если я положу деньги на счет, то проценты, которые я за них получу, возьмут у других людей. Которые должны их заработать. — Джон в нескольких словах обрисовал познания, полученные на Панглаване, не вдаваясь в подробности и не упоминая о том, какой шок он испытал при этом открытии: ему просто было стыдно, что эти взаимосвязи не были для него очевидны — как будто он все еще верил в Деда Мороза и только теперь обнаружил, что подарки на самом деле покупают родители.

— Именно так, — подтвердил Маккейн. — Инвестировать деньги означает давать их займы. И тот, кому вы их ссужаете, должен скопить плату за ссуду.

— Почему же мы продолжаем дурить людей? Я заглядывал в наши банковские проспекты — все тот же вздор. «Пусть ваши деньги работают на вас».

— Мы говорим это потому, что люди охотно верят в сказки. А пока они верят в сказки, они не особенно интересуются действительностью, — объяснил Маккейн. — На самом деле деньги не что иное, как вспомогательное средство, чтобы урегулировать две вещи, элементарно важные для сожительства людей: во-первых, *кто что* должен делать, а во-вторых, *кто что* получит. Когда два человека что-то делают вдвоем, в принципе речь идет о том же: каждый хочет заставить другого делать то-то и то-то. И то, чего хочешь от другого, по большей части примитивно: *Дай мне! Дай мне часть добычи. Дай мне секс! Дай мне то, что есть у тебя!* Так мы, люди, устроены, а поскольку деньги придумали мы, они отражают нашу природу, а как же иначе? — Маккейн сделал широкий жест вилкой. — Но это звучит

очень непривлекательно, надо признаться. Такую правду не хочет знать никто. Поверьте мне, люди предпочитают слышать сказки.

* * *

Постепенно Урсула научилась узнавать кое-кого из прислуги. У официанта по имени Ланс, который накрывал завтрак, была болезненно-бледная кожа и обгрызенные ногти, говорил он мало, в основном вообще ничего не говорил. Франциска, одна из горничных, едва осмеливалась поднимать глаза и казалась всегда печальной, но свои обязанности выполняла с полной отдачей. А шофера с волосатыми руками, который возил ее в город за покупками, звали Иннис. Во время поездки с ним нужно было либо говорить, либо поднимать разделительное стекло, потому что, если его рот ничем не был занят, он насвистывал мелодии, искаженные до неузнаваемости.

Джон дал ей золотую кредитную карточку, выписанную на ее имя, лимита которой по нормальным масштабам хватило бы на всю жизнь, не то что на один месяц, но Урсула обходилась с ней очень бережливо. Большую часть времени она просто слонялась, смотрела на людей — что они покупают — и пыталась забыть о присутствии двух широкоплечих мужчин, не отстающих от нее ни на шаг, — разумеется, на деликатном расстоянии. Однажды к ней подошел пьяный и стал грубо приставать — на диалекте, который Урсула едва понимала: видимо, он хотел денег, и тут как из-под земли слева и справа от него выросли охранники и... ну, в общем, быстро *устранили* его, незаметно и эффективно.

После этого случая она так задумалась, что уже не могла сосредоточиться на предлагаемых духах, модельных платьях и украшениях и вскоре попросила отвезти ее домой.

В один из таких выездов в город она порылась в книжном магазине и наконец отыскала большой иллюстрированный том о Средневековье, в котором был портрет Якоба Фуггера Богатого, написанный Альбрехтом Дюрером. Репродукция была очень качественной печати. Она купила этот том, вырезала из него портрет, изображающий мужчину, одетого в черное, без всяких украшений, с живым взглядом, велела вставить в рамку в багетной мастерской и повесила в спальне на видное место.

— Что, решила основать галерею предков? — удивился вечером Джон.

Урсула отрицательно покачала головой:

— Это для напоминания.

— Для напоминания? О чем? О Якобе Фуггере?

— О том, что он всю свою жизнь был заправилой. Что он прилагал все силы к тому, чтобы заставить людей действовать в его целях.

Джон посмотрел на нее. В его глазах вспыхнула злость, когда он понял.

— У тебя оригинальный способ испортить хороший вечер, — недовольно прорычал он и отвернулся.

* * *

Джон велел принести ему из бухгалтерии основные отчеты, подробно изучал их, вникал в суть и не останавливался перед тем, чтобы вызвать к себе ответственных лиц и потребовать разъяснений в том, чего не понимал. Оставшись один, доставал книги по экономике, которые держал в письменном столе, и только когда и они ему не помогали, шел к Маккейну.

Однажды он ворвался к нему с вопросом:

— С каких пор мы владеем акциями фирм вооружения?

— Что-что? — Маккейн поднял голову. — Ах, это. Да ничего значительного. Припаркованные деньги.

Джон помахал бумагами:

— Это *миллиарды*. Вложенные в производство автоматического оружия, бронебойных снарядов и взрывчатки всех видов.

— Мы знаем о предстоящем большом заказе из арабских стран. Мы получим прибыль на росте курса. — Маккейн поднял руки, как бы сдаваясь. — Это все делается через подставное лицо, и он потом переведет это в акции генной техники. Мы должны действовать осторожно, иначе только зря взвинтим курс.

Джон растерянно моргал, смутно понимая, какая тут связь.

— Ах, вон что, — сказал он и, когда Маккейн снова придвинул к себе свои бумаги, сдержанно поблагодарил и вышел.

Но на следующий день он снова натолкнулся на пункт с такого же рода загадкой, и ему опять пришлось идти к Маккейну.

— У вас сейчас есть время? — вежливо осведомился он.

Маккейн сидел за одним из своих компьютеров и всматривался в целую пустыню цифр. Зрелище, от которого он с трудом мог оторваться.

— Опять что-то обнаружили? — коротко спросил он, мысленно сосредоточившись на другом.

— Да, можно сказать и так. — Джон глянул на лист, который держал в руках. — По этому реестру мы одной только фирме Callum Consulting в прошлом году выплатили триста миллионов фунтов в качестве гонораров за консультации. — Джон недоверчиво поднял глаза. — Что это за фирма такая?

— Предпринимательские консультации, — недовольно ответил Маккейн. — Видно же по названию.

— Предпринимательские консультации? — эхом повторил Джон. — Зачем они нам? Да еще с такими гонорарами? Это же... это же почти миллиард долларов?

Маккейн исторг взрывообразный выдох, отвернулся от компьютера вместе с креслом и встал. Это было резкое, угрожающее движение, как будто боксер выскакивает из своего угла к первому раунду.

— Эти люди на нас работали. По всему миру. Высококвалифицированные люди, лучшие, каких можно получить за деньги. И именно такие люди нам нужны для того, что мы затеваем. Ведь не могу же я все сделать один, вы это понимаете?

— Да, но я вас умоляю, Малькольм — миллиард долларов за консультации! Это же безумие!

Маккейн затрясся, по-прежнему похожий на разозленного боксера.

— Джон, — сказал он медленно, выдвинув нижнюю челюсть вперед. — Мне кажется, настало время кое-что прояснить. Мои сутки составляют всего двадцать четыре часа, и в каждый из этих часов я могу находиться только в одном месте. Я работаю день и ночь — тогда как вы, кстати сказать, плаваете по южным морям, трахаете красивейших женщин мира и играете с вашими телохранителями в прятки. О чем, кстати, я хотел бы вас настоятельно попросить — никогда больше не делайте этого. Вы представления не имеете, под какую угрозу вы ставите и себя, и все наше дело. Но, — продолжал он, словно рубил топором, — из одних

морских круизов и сексуальных оргий власть над миром, которую мы здесь возводим, не возникает. Кто-то должен и работать, кто это *может*. Люди из Callum Consulting могут. Они — мои глаза и уши, мои руки и язык по всему миру. Они делают то, что должно быть сделано, они работают так, как нужно работать. Деньги, которые мы им платим, большие, да — но каждый пенни из них отработан.

Джон сверлил глазами свой лист бумаги и чувствовал, что уши у него покраснели, как уличный светофор. Пульс участился. Так его не разделявали с тех пор, как он ушел из школы.

— Ну, хорошо, — пролепетал он. — Я только спросил. Мне же нужно было понять... — Он запнулся, поднял взгляд. — Если они так хороши, разве не целесообразнее было их просто купить?

Маккейн опустил плечи и удостоил его снисходительной улыбкой:

— Есть фирмы, — сказал он, — которые нельзя купить, Джон. Особенно нам.

— В самом деле? — изумился Джон.

— То, что вы здесь видите, гроши. Покупать эту фирму было бы неоправданно. Ведь не покупают же корову, когда нужен всего лишь стакан молока.

Джон нерешительно хмыкнул:

— Ну да. Я ведь только спросил.

— Спрашивайте. Но только если сможете выдержать ответ.

На это Джону нечего было сказать, и он направился к выходу. Но у двери оглянулся и сказал:

— Кстати, я не спал с Патрисией де-Бирс.

Маккейн презрительно поднял брови:

— Тут я бессилён вам помочь.

* * *

И Урсула сказала, когда он стоял перед ней на коленях, держа в левой руке розу, а в правой футляр с обручальным кольцом стоимостью в двадцать две тысячи фунтов:

— Я не могу, Джон. Я не могу выйти за тебя замуж.

Он смотрел на нее с таким чувством, будто его ударили мешком с песком весом в двадцать две тысячи фунтов.

— Что? — прохрипел он.

Ее глаза наполнились слезами. Свет свечей отражался в них.

— Я не могу, Джон.

— Но... почему? — Он действительно старался. Организовал этот особенный ужин, продумал меню, нанял скрипичный квартет, музыканты играли в исторических костюмах с романтическим уклоном, ничто в оформлении маленькой столовой не было случайным, все работало на этот момент. И кольцо он купил. И громадный букет роз, из которого взял лучшую. Он больше ничего не понимал в этом мире. — Разве ты меня не любишь?

— Что ты, конечно же, люблю. Потому и тяжело так, — ответила она. — Встань.

Он остался на коленях.

— Тебе не нравится кольцо? — глупо спросил он.

— Ну что ты, чудесное кольцо.

— Тогда скажи, почему нет.

Она отодвинула свой стул, опустилась рядом с ним на пол, обняла его, и так они сидели вместе на ковре возле стола и всхлипывали.

— Я люблю тебя, Джон. С той секунды, как я впервые прикоснулась к тебе, мне казалось, что я знала тебя всегда. Как будто у нас одно сердце. Как будто я тебя когда-то потеряла и наконец снова нашла. Но как только я представляю, что выйду за тебя замуж, — сказала она прерывающимся голосом, — у меня выворачивает желудок.

Он смотрел на нее сквозь слезы, хотел сбежать и вместе с тем хотел, чтобы она никогда не выпускала его из объятий.

— Но почему?

— Потому что я, если выйду за тебя замуж, должна буду сказать «да» и жизни, которую ты ведешь. Которую я должна буду разделить с тобой. А перед этим я испытываю ужас, Джон, честно.

— Тебе страшно быть богатой?

— Мне страшно вести жизнь, чужую и для меня, и для тебя, Джон. Я дни напролет ходила по этому замку и не увидела в нем ничего от тебя, нигде. Когда ты здесь, все это, кажется, вообще не имеет к тебе никакого отношения. Здесь живет твоя прислуга. А ты здесь только гость.

Он почувствовал дрожь в гортани, как будто она готова была разорваться. По миру прошла трещина, вот что это было, и сквозь нее проглядывала бездна.

— Ты хочешь, чтобы мы жили где-то в другом месте? — спросил он, не чувствуя свой язык и уже зная, что спасать больше нечего, что все разрушено. — Ну, хочешь, мы купим дом в городе или за городом... где ты хочешь...

— Дело не в этом, Джон. Дело в том, что я хотела бы разделить с тобой жизнь, но у тебя нет жизни, которая была бы твоей. Человек, который умер пятьсот лет назад, предопределил смысл твоей жизни. Твой управляющий предписывает тебе, где и как тебе жить. Ты допустил даже, чтобы дизайнер диктовал тебе, что здесь должна быть спальня, о боже!

— Все будет по-другому, — сказал он. Свой собственный голос казался ему слабым и беспомощным. — Все будет по-другому, я клянусь тебе.

— Не клянись, Джон, — печально попросила она.

Он поднял голову, осмотрелся. Они были одни. Должно быть, музыканты тайком улизнули так, что он не заметил. Официанты тактично вышли. Столовая как вымерла.

— Что ты будешь теперь делать? — спросил он.

Она не ответила. Он поднял на нее глаза, увидел ее лицо и все понял без ответа.

* * *

Маккейн долго разглядывал его, ничего не говоря, лишь изредка еле заметно кивал и, казалось, основательно обдумывал, что сказать и что сделать.

— Казалось, что она вам пара... Насколько я могу судить, конечно. Я ведь не эксперт в любовных отношениях.

Джон чувствовал себя как мертвый. Как будто у него вырезали сердце, и осталась только дыра.

— Она настояла на том, чтобы улететь рейсовым самолетом, — сказал он. — И даже не захотела, чтобы я проводил ее в аэропорт.

— Хм-м.

— Вы думаете, это правда? Если женщина говорит, что ей необходимо время и разлука, чтобы все обдумать... может быть, что потом она все-таки вернется?

В дверь постучали, и одна из секретарш просунула голову. Маккейн грубым жестом велел ей исчезнуть.

— Я не знаю, Джон. Но если честно говорить то, что я думаю... — Он помедлил.

— Ну? — Джон замер с большими глазами.

Маккейн кусал губы, словно раскаиваясь, что заикнулся об этом.

— Конечно, я могу судить лишь по тому, что вы мне рассказывали, Джон.

— Да. И что?

— Мне очень жаль, что мне приходится вам это говорить, но мне кажется, что она женщина с принципами. С принципами, которые для нее важнее, чем вы.

Джон простонал. Сердце, наверное, все-таки осталось. По крайней мере осталось то место, которое могло болеть.

— И, — продолжал Маккейн ковыряться в открытой ране, — совершенно ясно, она не может принять на себя ответственность, связанную с наследством. Вы, Джон, можете это. Это тяжелое бремя, и иногда оно причиняет боль, но вы его, тем не менее, несете. Это то, что делает вас наследником. И как мне ни жаль, ваша партнерша должна вас в этом поддержать — или она не может быть вашим партнером.

Да, наверное, так и было. Джон смотрел в пустоту перед собой, разглядывал узор темно-коричневых и черных линий на ковровом покрытии пола, — они разбегались, как трещины.

— Вы это преодолеете, Джон, — сказал Маккейн. — Вешаться вам сейчас не стоит.

— Не знаю, — жалобно пролепетал он.

— Черт возьми, Джон, у вас есть задание. На вас лежит ответственность. Вы *наследник*, Джон!

— Если бы я им не был, она бы не ушла.

Маккейн издал звук, похожий на ругательство, исторгнутое сквозь стиснутые зубы, и принялся ходить по комнате, ероша волосы.

— Проклятье, Джон, это недостойно. Я не могу это видеть. Перестаньте, наконец, жалеть себя.

Джон вздрогнул, как от удара хлыстом.

— Вот там, снаружи, действительно страдание, — фыркнул Маккейн, указывая на фалангу своих телевизоров. — По всем каналам его доставляют нам прямо на дом, и никому невдомек, что это взгляд в будущее, которое мы получим, в *наше* будущее, если мы с вами, Джон, не возьмем себя в руки и не сделаем то, что должны. Понятно? Мы не

можем себе позволить сидеть тут, зализывать раны и жалеть себя. Мы должны действовать. Счет идет на дни. Поэтому проглотите все это. Слишком много работы.

— Много работы? — эхом повторил Джон. — И что же это за работа?

Маккейн протопал через весь кабинет, остановился перед своей картой мира и похлопал ладонью по Центральной Америке.

— Мехико. Здесь на следующей неделе состоится первое заседание очередной конференции по окружающей среде, встреча специалистов национальных рабочих групп. Вы должны принять в ней участие.

— Я? — Джон в ужасе уставился на карту. Его единственные отношения с Мексикой до сих пор ограничивались «тако» из ресторана быстрого обслуживания, когда на пиццу он уже смотреть не мог. — Но я же не специалист ни в чем.

— Но вы Джон Сальваторе Фонтанелли. Вы учредитель *Гей-премии*. Если вы захотите что-то сказать, вам будут внимать. И вы много узнаете о положении в мире, если будете слушать.

Джон растер лицо ладонями.

— В Мексику? Я должен лететь в Мексику?

Маккейн скрестил руки:

— По крайней мере это отвлечет вас и наведет на другие мысли.

* * *

Маккейн провожал его в аэропорт и по дороге инструктировал. Стопка бумаг была внушительной — научные заключения со всего мира, дискеты, проекты постановлений, переводы и синопсисы. Девяти часов полета как раз хватит все это пролистать.

Как обычно, машину пропустили на летное поле, где их самолет уже ждал наготове. Воняло керосином и жженой резиной, бетон был влажный после ночного дождя, и резкий ветер свистел над бескрайним открытым пространством.

— Это будет шпагат, — кричал Маккейн, стараясь перебить рев разогревающихся турбин. — На одной стороне мы должны установить глобально обязывающие правила защиты окружающей среды, но на другой стороне это не

должно нам сейчас ничего стоять. На это нацелена концепция биржи выброса вредных веществ, понимаете?

Несколько мужчин и женщин в бортовых униформах сбежали по трапу, чтобы выгрузить из машины коробки с документами и поднять на борт. Пилот тоже спустился, держа под мышкой планшет с контрольными листами, пожал им руки и объявил, что пора взлетать.

— Если мы пропустим наше взлетное окно, то следующее могут дать и через несколько часов. «Евроконтроль» абсолютно подчинил землю.

— Да-да, — с досадой крикнул Маккейн. — Сейчас.

— Почему нам это не должно ничего стоять? — спросил Джон.

Маккейн, казалось, избегал его взгляда, осматривая горизонт.

— Я же вам объяснил. Мы сейчас перестраиваем весь концерн для новой стратегии. Если мы в этой фазе возьмем на себя обязательства повсюду установить фильтры, то лишимся финансовой свободы действий, которая может оказаться для нас решающим моментом: победа или поражение.

Джону все это вдруг показалось нереальным. Как будто они стояли на сцене и играли спектакль абсурда. Он почувствовал, как в груди у него медленно поднимается то ли приступ смеха, то ли рвота, то ли и то, и другое вместе.

— Когда же мы действительно что-то сделаем? — перекричал он шум моторов. — Мы все время только накапливаем мощь и влияние, но ничего не делаем с ними. Напротив, мы все делаем только хуже!

Маккейн метнул в него прямо-таки убийственный взгляд. Совершенно ясно, Джон отклонился от текста роли. Смертный грех для актера, да?

— Вы все это видите совершенно неверно, — крикнул Маккейн. — Но я боюсь, что сейчас у нас нет времени это обсудить. Давайте поговорим об этом, когда вы вернетесь.

В это мгновение они увидели машину, которая неслась к ним на полной скорости. Через мгновение ока Марко уже загородил собой Джона и сказал:

— Может, вам лучше подняться на борт, мистер Фонтанелли.

— Что за черт?.. — рывкнул Маккейн, но машина уже остановилась, взвизгнув тормозами, распахнулась дверца, и к ним ринулся мужчина с усиками.

— Я ищу Марко Бенетти, — крикнул он. На его худосочной фигуре был темный костюм, в руках небольшая дорожная сумка.

Марко по-прежнему держал руку в кармане.

— Это я.

Мужчина показал удостоверение с несомненным шифром службы безопасности концерна.

— На централь поступил странный звонок от вашей жены, Марко, — сообщил он, задыхаясь. — Во всяком случае они думают, что это была ваша жена. Они пробовали перезвонить ей, но к телефону никто не подходил. — Он протянул ему ключ от машины. — Я должен вас сменить. Вы можете взять машину.

Марко побледнел:

— Может, что-то с ребенком?

— Мы ничего не знаем, как я уже сказал. Они считают, что будет лучше, если вы сами посмотрите за ней.

— Идите, — кивнул Маккейн, видя нерешительность Марко.

Пилот выглянул из кабины, выразительно показал на свои наручные часы. Пора.

— Да, идите, — подтвердил Джон. — Мы справимся.

— Спасибо, — сказал Марко и двинулся к машине.

Позднее, когда они были уже в воздухе и летели сквозь почти нескончаемый день трансатлантического перелета в западном направлении, Джон жестом подозвал к себе новенького в команде телохранителей.

— Я хотел бы знать, как вас зовут, — сказал он.

Мужчина смотрел на него без выражения. Глаза у него были темного цвета застывшей остекленевшей лавы.

— Фостер, — сказал он. — Меня зовут Фостер.

* * *

Он мчался на красный свет, не обращал внимания на знаки «СТОП» и превышал все внутригородские ограничения скорости, ему было не до того. Дом, довольно старый, на шесть семей, в расположенном к юго-западу от Лондона Уолтоне-на-Темзе, стоял такой притихший, что ему стало страшно. Он ринулся вверх по ступеням, на бегу доставая ключ от квартиры, открыл стремительными пальцами и...

Карен стояла в прихожей, держа в руках бутылочку с соской и запачканный слюнявчик.

— Марко?

— *Madre Dios!* — вырвалось у него. Он осел от облегчения, шатаясь, подошел к ней и буквально зарыл в свои объятия.

Она не знала, как вырваться.

— Эй, тихо, она как раз спит... Отпусти меня хотя бы слюнявчик отнести... Скажи, я что-то перепутала? Разве ты не должен сейчас лететь в Мехико?

Марко отпустил ее и не сводил с нее глаз:

— Ты звонила на централь?

— На централь?

Он рассказал, что произошло.

— В Мехико сейчас летит мой багаж. Придется, видимо, купить вторую бритву. — Он помотал головой. — С чего на централь взяли, что ты звонила?

Карен пожала плечами:

— Понятия не имею. Я не звонила. Я хотела позвонить Бетти, не зайдет ли она ко мне на чай, но не прозвонилась.

— Не прозвонилась? — Марко подошел к аппарату, снял трубку и послушал.

— И гудок сегодня утром был какой-то странный, я вспомнила, — сказала Карен с сомнением.

Марко покачал головой:

— Это не гудок. Это нарушение на линии. — Он положил трубку. Конечно, это могла быть случайность. Ошибочное соединение, недоразумение, чрезмерная реакция, повреждение телефонной линии. Мало ли что бывает.

Но у него все же возникло недоброе предчувствие.

Мехико на подлете предстал перед ними окутанным в бурый смог безбрежным морем домов в окружении гор и вулканов. Джон смотрел из окна на родину двадцати миллионов человек, один из крупнейших городов мира и наглядный пример готовящейся катастрофы окружающей среды. Без сомнения, подходящее место для очередной экологической конференции. Он захлопнул последнюю папку с документами, отложил ее и затосковал по кровати.

От аэропорта добирались вертолетом, потому что на машине, как объяснили, здесь не пробиться: час пик. И действительно, Джон увидел с воздуха бесконечные, кажущиеся неподвижными вереницы машин на всех улицах, а шум вертолетных турбин просто раскалывал ему череп.

Они летели на юг, поверх тени начавшихся сумерек. Незадолго до приземления Джон узнал по картинкам в путеводителях, которые изучил во время полета, знаменитую университетскую библиотеку с колоссальной загадочной мозаикой. На территории университета и должны были состояться заседания, но лишь через несколько дней, когда он выспится. Крис и Фостер помогли ему выйти из вертолета, и он сел в поджидавшую машину с полным ощущением, что оглох.

Закрытый и надежно охраняемый жилой комплекс, куда его привезли, представлял собой Элизиум, окруженный высокой стеной, там шелестели пальмы и бормотали искусственно проложенные ручейки. Колючая проволока на зубцах стен, улыбчивые охранники с револьверами и современные электронные охранные системы *made in USA* заботились о том, чтобы никто и ничто не нарушило покой жителей. Молодой человек в светлом костюме повел его к отведенным для него апартаментам, и при виде прозрачной воды, плескавшейся вдоль пешеходной дорожки, Джон вспомнил, что читал о стабильной нехватке воды в Мехико, который был расположен на высоте двух тысяч метров над уровнем моря и в котором иногда ощущался даже недостаток кислорода. Очень подходящее место для очередной экологической конференции.

Его апартаменты были оформлены в холодном современном стиле — белые стены, стекло и металл. Немногие, но благородные предметы мебели подчеркивали свободное пространство комнат; мечта.

— Где спальня? — осведомился Джон.

Крис поставил дорожную сумку с самым необходимым на низкий комод.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Спать, — сказал Джон.

— Понял. Спокойной ночи, сэр. — Он закрыл дверь снаружи.

Джон опустился на кровать и почувствовал себя таким тяжелым, будто очутился не только в другом временном поясе, но и в зоне повышенной гравитации. Сегодня ему не подняться. Снять костюм он не смог.

Зазвонил телефон. *Я сплю*, мысленно ответил ему Джон.

Но телефон не успокаивался. В конце концов он перекашлялся к ночному столику и снял трубку.

— Да?

— Это Фостер, мистер Фонтанелли. — Голос охранника доносился словно издалека. — Мне очень жаль, что я вынужден мешать вам, сэр, но это может быть важно...

— Ну, говорите уже, — пробормотал Джон.

— Я нахожусь в помещении охраны у ворот, — сказал Фостер, — и перед воротами стоит молодая женщина, она говорит, что ее зовут Урсула Фален...

— Что? — Это было как удар электрическим током, сам звук этого имени, выброс чистого адреналина. Он стоял на ногах, еще не зная, что произошло. Урсула? Каким образом Урсула могла оказаться здесь, в Мехико? Да еще сейчас, здесь, сегодня вечером? Откуда она могла узнать?..

— Вы спуститесь, сэр?

— Да! — крикнул Джон в трубку. — Да, я сейчас спущусь! Один момент, я уже иду.

Урсула? Здесь? Невероятно, просто невероятно... Он бросил трубку и побежал, толкнул дверь, помчался по холодному, гладкому мрамору, вниз по лестнице, по причудливым дорожкам между пальмами и кустами, все освещено и безопасно.

Когда он прибежал к воротам, Фостер нерешительно топтался на улице снаружи.

— Очень странно... — бормотал он сам себе, уперев руки в бока.

— Что? Где она? — задыхался Джон, на мгновение его пронзил жаркий страх, что телефонный звонок мог ему просто присниться.

Фостер нерешительно смотрел в даль улицы, потирая переносицу.

— Только что ушла. Я сказал ей, что вы уже идете, но...

— Только что? Куда?

— Вон туда, за угол, — указал охранник на конец ограды, откуда начиналась поперечная улица, по которой проезжали машины.

Джон бросился туда.

— Сэр, нельзя!.. — услышал он крик за своей спиной, но сейчас это было неважно, лишь бы ее догнать. Дорога шла под гору, ноги бежали сами по себе, он успеет. Воздух был отравлен выхлопными газами и жег ему глаза, стискивал горло, но он не останавливался. Добежал до конца высокой стены, окружавшей жилой комплекс, свернул за угол, увидел фигуру женщины в конце узкого переулочка, крикнул:

— Урсула!

Удар сзади по голове отрубил от него и женщину, и город, и вообще все.

* * *

Маккейна разбудил звонок телефона, предназначенного для самых крайних случаев. Он сел в постели и включил свет. Без трех минут пять. Через несколько мгновений так и так зазвонил бы его будильник.

— Могли бы и подождать три минуты, — пробормотал он, откашлялся и взял трубку: — Маккейн.

— Крис О'Хэнлон, сэр, — донесся до него смертельно испуганный голос. — Сэр, у нас беда. Мы, эм-м, потеряли мистера Фонтанелли.

Маккейн поднял брови. Интересная формулировка, если хорошо подумать.

— Вы можете объяснить толком?

Охранник был явно не в себе.

— Случилось так, что... Итак, Фостер нес первую вахту у ворот, а я на время прилег. Я проснулся, только когда из

аэропорта пришла машина с оставшимся багажом, и тут он мне это и рассказал, как бы между прочим...

— Что он вам рассказал?

— Что мистер Фонтанелли вскоре после того, как я проводил его в апартаменты, снова спустился вниз и вышел. Сказал ему, что хочет прогуляться, якобы он договорился с кем-то из университета о встрече в ресторане поблизости...

— Давайте, я отгадаю. Он все еще не вернулся.

— Да, к сожалению, сэр. А я готов спорить, что он сразу рухнул в кровать как мертвый, такой у него был усталый вид...

Маккейн хрюкнул:

— Фостер хотя бы подумал, по каким причинам строят охраняемые жилые комплексы?

— Это я ему уже сказал. Он и так напуган, видимо, боится за свою работу и вообще...

— Правильно боится, — сказал Маккейн и добавил: — Но пока держите это при себе.

— Да, сэр. — О'Хэнлон сглотнул. — Этого бы не случилось, будь здесь Марко. Этого бы ни за что не случилось.

— Да, я тоже так думаю, — сказал Маккейн. Он взял свой ежедневник со стопки документов, которая как обычно лежала рядом с ним на второй, никогда не используемой половине двуспальной кровати, и раскрыл его. На весь день не было назначено ни одной встречи. Он взял шариковую ручку. — Успокойтесь, Крис, и слушайте. Сделаете сейчас следующее...

* * *

Вначале он ничего не понял, чувствуя лишь эту ужасную пульсирующую боль в голове. Он оглушенно ощупал свой затылок, нашел шишку, которая причиняла боль и на ощупь была покрыта запекшейся кровью. До него дошло, что все это не к добру. И потом это странное давление на запястьях и бряканье, когда он шевелится... Наконец ему удалось открыть глаза и посмотреть, что там мешает на его запястьях: кандалы.

— Ну, класс! — пробормотал он. Похищение. Его украли.

Он еле поднялся в сидячее положение. Ужас осознания оттеснил боль на второй план, хоть его голова и грозила расколоться пополам при каждом шевелении. Рядом была

стена, на которую он мог опереться, это он и сделал, кряхтя, как от огромного усилия, и огляделся.

Темница. Нештукатуренные стены, окно замуровано до узкой щели наверху, которая ярко светилась дневным светом. А здесь, внутри, царил сумрак, стояла гнилая вонь — от пота и человеческих экскрементов: тюрьма, ясно, три шага в ширину и четыре в длину, если бы он мог двигаться. Но он не мог: его наручники были соединены с цепью, надетой на вертикальную чугунную трубу. Он сидел на матрасе, а в углу стояло ведро с крышкой, на крышке рулон туалетной бумаги... Джон с омерзением отвернулся и решил, что лучше доведет себя до запора.

Значит, все это было только ловушкой. В которую он ринулся, как последний идиот. Он вздохнул и собрался покачать головой, но благоразумно сдержался. Откуда похитители знали имя Урсулы? Загадка. Может, из газет? Хотя его краткое интермеццо в Германии и осталось незамеченным, но он был персона публичная, и его личная жизнь представляла интерес для общественности. Только когда папарацци были бы кстати, их как раз не оказалось на месте.

Он заметил какое-то движение на темном полу, и у него мурашки пробежали по спине, заставив его непроизвольно поджать ноги. Что-то там шевелилось. Затаив дыхание, он нагнулся и увидел огромного таракана, который бежал в его сторону, темно-коричневого, величиной с ладонь, с усами, торчащими из-под хитинового панциря. Джон быстро сорвал с ноги башмак и ударил скотину, но промахнулся: таракан метнулся к щели в стене, откуда, наверное, и выполз. При мысли, что это насекомое могло ползать по нему, когда он валялся без сознания, Джону стало дурно.

Он снова откинулся на стену, прикрыл глаза, почувствовал пульсирующую боль в черепе и затосковал. Должно быть, он ненадолго задремал или потерял сознание сидя, потому что очнулся от внезапного звука шагов.

В дверь постучали.

— *Hola!* — крикнул чей-то голос. — Ты спишь?

Джон скривил лицо, что тотчас отозвалось резкой болью в черепе.

— Не совсем.

— Лечь. Лицом вниз. Не смотреть, иначе мы тебя убьем. Лечь — *ánde! ánde!*

— Ладно, лег, — крикнул Джон и сделал, как приказано. Матрац жутко вонял. Видимо, пропитался потом ужаса бесчисленных жертв похищения.

Он услышал, как отодвинули засов, раздался скребуший звук, потом дверь снова захлопнулась — с рыхлым звуком, будто состояла из прессованного картона, и железный засов встал на место.

Шаги удалились. Тишина.

Видимо, это означало, что он снова может пошевелиться. Джон медленно поднял голову. Перед ним на полу стояла тарелка с куском хлеба, а рядом жестяная кружка, из которой пахло чем-то вроде кофе — настоящее благоухание в этом вонючем застенке.

И, да, он был голоден. Вообще, если не считать боли в голове, он чувствовал себя хорошо. Выспался. Как будто проспал несколько суток. Точно он не мог сказать, потому что его дорогие часы с календарем исчезли.

Он взял кружку. Кофе был сносный, с молоком и сахаром, и у хлеба был свежий вкус. Такой комфорт, несомненно, скажется на размере требуемого выкупа, но хоть что-то предлагают человеку за его деньги. Вообще все выглядело странным образом по-деловому; в голосе неизвестного и в его поведении не было ничего, что ввергало бы в ужас или в ощущение чрезвычайного положения. Скорее, он выполнял свою привычную повседневную работу похитителя заложников.

Похищение! В голове не укладывается! За все эти годы ничего такого не случилось. Охранники сопровождали его повсюду, но делать им было особенно нечего, кроме как прокладывать ему дорогу сквозь толпу репортеров или зевак. Он никогда не чувствовал себя в опасности, даже когда сбежал с Урсулой. Но, может быть, тогда просто повезло, что все обошлось. Маккейн, как всегда, был прав.

Когда он отставил тарелку и цепь лязгнула на металле, он поднял голову и задумчиво оглядел толстую железяку. Скрежет, должно быть, передавался по трубе и был отчетливо слышен наверху. Значит, они именно таким образом заметили, что он проснулся? И тут же поставили воду для кофе?

Джон встал, стараясь не греметь цепью, и остановился перед трубой. Что работает в одном направлении, должно

действовать и в другом, так? Он приложил ухо к холодному металлу и осторожно закрыл себе другое ухо, что было не так просто в кандалах.

И в самом деле. Он услышал бормотание телевизора, отрывок сентиментальной музыки и звучный голос телеведущего; кто-то орудовал кухонными принадлежностями и безмятежно подпевал музыке. Труба обеспечивала отличную слышимость. Зазвонил телефон, трубку сняли, и кто-то заговорил на мелодичном и неразборчивом испанском.

Долго выдерживать позу подслушивания было тяжело, а поскольку он все равно не понимал по-испански, это принесло ему лишь общее представление о ситуации. Расклад был такой, что похитители все держали под контролем. Он снова сел и предался наблюдению за щелью, в которой жил монстр-таракан.

Потом он заснул, и его разбудили на обед, состоявший из бобов с небольшим количеством мяса и кружки воды.

— Потерпите, — сказал по собственной инициативе неизвестный, ставя ему еду и забирая посуду от завтрака.

Постоянная дремота оказалась лучшим вариантом воплощения этого совета. Свечение оконной щели постепенно угасало, превратившись в вечернее тление. Прежде чем совсем стемнело, Джон помочился в ведро, которое после этого отставил как можно дальше от своего матраса.

Он еще раз послушал трубу. По телевизору шел американский сериал, видимо, с испанскими титрами, какой-то криминальный сюжет, в котором речь шла о похищенной дочери мультимиллионера. Почти как учебное пособие, подумал Джон, укладываясь спать. Но долго не засыпал, а только пялился в темноту, лишенную очертаний, и прислушивался к возможному нашествию орды тараканов.

Когда он снова открыл глаза, был уже день. И никаких тараканов. Он поднялся и прослушал трубу. Телевизор в виде исключения не работал, зато беседовали между собой несколько мужчин, очень непринужденно, как будто сидя за кофе и не имея других забот, кроме как убить время.

— Завтрак, *por favor*, — пробормотал Джон и нетерпеливо побрякал цепью.

Но завтрака не последовало, зато явился другой мужчина, который не тратил время на стук в дверь и дополни-

тельные указания, а просто вошел. Мужчина, говоривший по-английски и даже на сленге американского Восточного побережья.

— Мы никогда не встречались, — сказал он, — но знаем друг друга.

Джон скептически оглядел мужчину. У него было обрюзгое лицо, на котором оставила свои следы тяжелая форма юношеских угрей, и весь он густо порос шерстью. Она торчала у него из воротника и из-под рукавов. Несимпатичное явление. Вряд ли Джон ценил бы знакомство с таким человеком.

Потом он что-то припомнил. Да, он действительно видел его однажды. С другой прической. На экране телевизора.

— Бликер, — сказал он. — Вы Рэндольф Бликер.

* * *

Впоследствии уже нельзя было установить, как просочился слух. Мексиканские полицейские, вошедшие в особую комиссию, дали строжайшую подписку о неразглашении, а внутренняя служба безопасности не могла предположить, что проболтается кто-то из своих. Несмотря на все меры секретности, в Мехико слетелись телерепортеры иностранных телекомпаний, по факсу и телефону шли запросы, весь мир хотел знать, что стоит за утверждением, что Джон Сальваторе Фонтанелли похищен.

Штаб-квартира *Fontanelli Enterprises* в Лондоне отказывалась от всяких комментариев. Полиция Мехико воздерживалась от всяких высказываний. Территория *Universidad Nacional Autonoma de Mexico* кишела людьми, вооруженными камерами и микрофонами.

— Этому конца не будет, — пожаловалась Маккейну одна из секретарш. — Звонят даже из нашей собственной телекомпании. Что мне им говорить?

— Ничего, — ответил Маккейн. Он озабоченно захлопнул папку и сунул ее в ящик стола. — Отмените все мои встречи на ближайшие пять дней и закажите билет в Мехико.

* * *

— Что это значит? — спросил Джон. — Это что, месть за то, что тогда не удался маневр с моим братом?

Бликер пренебрежительно усмехнулся:

— Месть? Да что вы. Я не злопамятный. Я делаю только то, что мне поручено.

— А что вам поручено?

— О, ваш выкуп войдет в историю, я думаю. — Бликер осторожно держался за пределами досягаемости Джона. На нем был сильно измятый летний костюм, и он непрерывно потирал у себя за ухом. — А в остальном... Посмотрим.

— На что?

— На вас, например, на ваше поведение, на вашу готовность к сотрудничеству. На другие вещи, на которые вы повлиять не можете.

— Ничего не выйдет, — сказал Джон и сам удивился собственной невозмутимости. — Вас опять ждет неудача, Бликер. Как в тот раз, когда вы ввергли Лино в беду.

Бликер посмотрел на него и осклабился:

— Вы бы удивились, как детально ваш брат расписал свою жизнь в качестве отца наследника-триллионера.

Джон мог поверить, что это не ложь. Лино всегда был приверженцем жизненного кредо «Бери что можешь». С женщинами, с деньгами, со всем.

— Я бы предложил, чтобы вы, наконец, сказали, чего хотите.

— Контроля качества, — сказал Бликер. — Я ведь должен быть уверен, что мой... *субподрядчик* корректно выполнил свою работу. Что он добыл того, кого нужно.

— Ваш кто?

— Я делаю это только ради денег, мистер Фонтанелли. Поскольку они не валятся мне с неба, я за них работаю. Я обнаружил, что можно жить очень приятно, если готов время от времени делать очень неприятные вещи. Как это, например.

— И что потом? Ведь не собираетесь же вы оставить меня в живых. Ведь я же подам на вас в суд, как только окажусь на свободе.

— Вот это меня как раз не волнует. Я все равно в бегах, вы же знаете. Потом я знаю некоторые хитрости, и хотите верьте, хотите нет, мне вполне нравится так жить. По крайней мере нескучно.

Маккейн с неприятным чувством поглядывал на гигантскую хрустальную люстру у себя над головой. На Мехико время от времени обрушивались землетрясения; если оно случится именно сегодня, эта люстра его прихлопнет. Он откашлялся, и все глаза, микрофоны и объективы камер устремились на него.

Пресс-конференция состоялась в зале отеля *El Presidente*. Стены и потолок были задрапированы зеленым бархатом, позолоченные пилястры будто подпирали кровлю символического шатра, и все это причудливо контрастировало с колоссальной стенной фреской позади Маккейна, выполненной рукой самого Диего Ривера, крупнейшего из мексиканских живописцев. Не требовалось особого образования, чтобы знать это: отель изобиловал памятными досками и надписями, чтобы никто не остался в неведении на этот счет.

— До сих пор, — заявил Маккейн, объяснив причину своего присутствия, — нам известно лишь, что мистер Фонтанелли исчез. Обстоятельства его исчезновения, насколько они нам известны, не дают оснований заключить о насильственном случае; но и исключить их нельзя. Если это похищение, то похитители до сих пор не дали о себе знать.

Одна женщина подняла руку.

— Известно ли, с кем собирался встретиться мистер Фонтанелли?

— Нет, — сказал Маккейн. — И я сомневаюсь, что у него была такая договоренность. По моим сведениям, мистер Фонтанелли не знал никого из здешнего университета, с кем бы он мог условиться о встрече.

Это вызвало смятение.

— Тогда почему он так сказал? — крикнул один журналист, не дожидаясь, когда Маккейн даст ему слово.

Маккейн склонился к лесу микрофонов:

— Общеизвестный факт, что мистер Фонтанелли время от времени рискует выходить без охраны. Естественно, телохранители не одобряют такого поведения. Я, кстати, тоже. Но мистер Фонтанелли взрослый человек и не нуждается ни в чьих предписаниях, что ему делать и чего не делать. Во всяком случае мы установили, что вскоре после этого ис-

чез и один из телохранителей, — добавил он, обведя взглядом жадно стенографирующих журналистов. — Есть ли тут взаимосвязь, в настоящий момент расследует полиция.

— Не могло ли это быть спланированное похищение?

— Я не знаю, как его можно было спланировать. То, что мистер Фонтанелли полетит в Мехико, выяснилось лишь несколько дней назад и было известно очень узкому кругу, — сказал Маккейн. — Насколько мне известно, полиция склоняется к версии спонтанного преступления.

— Станете ли вы платить выкуп? — крикнул кто-то.

— И в каких пределах? — добавил другой.

Засверкали вспышки, потянулись вверх диктофоны. Маккейн некоторое время тупо смотрел в пустоту, задумавшись, прежде чем ответить.

— Разумеется, мы сделаем все, что в человеческих силах, чтобы вернуть мистера Фонтанелли целым и невредимым, если он находится в руках похитителей. Но в настоящий момент, как я уже сказал, мы не знаем ничего определенного.

— Есть свидетель, который видел, что мистер Фонтанелли бежал бегом, — возразил кто-то. — Что вы скажете на этот счет? Может, он сбежал?

Маккейн поднял руки извиняющимся жестом.

— На это я ничего не могу сказать. Меня при этом не было.

— Что, если мистера Фонтанелли больше нет в живых? Кто в таком случае унаследует состояние? — выкрикнул кто-то из глубины зала.

— Да, действительно? Кто унаследует? — крикнул другой, и поднялся общий крик, как будто все только и ждали этого вопроса, но никто не осмеливался его задать.

Маккейн обвел всех мрачным взглядом и ждал, когда все успокоится.

— Вы можете исходить из того, что все вопросы наследования урегулированы должным образом, — сказал он. — Но я счел бы в настоящий момент более чем бестактным рассуждать на этот счет или делать какие-то заявления.

Он не считал нужным упомянуть, что полетел в Мехико лишь после того, как один из самых значительных правоведов Великобритании тщательно проверил рукописное завещание Джона и заверил его, что оно, без сомнения, будет признано действительным.

Ожидание терзало его нервы. Если бы он мог, он метался бы по камере, как тигр в клетке, но цепь не позволяла. Когда ему приносили еду, он просил, послушно прижав лицо к вонючему матрацу, снять с него цепь, но это, казалось, только забавляло тюремщика. Глянув потом на дверь камеры, он понял почему: если бы не цепь, он вышиб бы эту дверь пинком — ни особенно сильным, ни особенно громким.

Поэтому каждые несколько минут он вставал к трубе, прижимал к металлу ухо и прислушивался, пока не занемет спина. Тогда он снова садился. Большую часть времени он слышал только телевизор, включенный дни напролет. Приторная музыка сменялась сентиментальными или преувеличенно взволнованными диалогами дешевого телесериала, в промежутке шли новости, которые диктор излагал в автоматном стаккато. Временами слышались кухонные шумы, стук кастрюльных крышек или звук шинкования на деревянной доске. Изредка переговаривались несколько человек, всегда только мужчины, и их беседа звучала исключительно буднично. Говорили по-испански, но даже если бы Джон владел этим языком, он не понял бы ни слова, таким нечленораздельным был их выговор.

Всякий раз, снова садясь на матрац, он говорил себе, что с таким же успехом мог и не подслушивать, потому что ничто из того, что он слышал, не давало ему ни малейших указаний на то, что происходит и что похитители собираются с ним сделать. Он говорил себе это, смотрел на тараканью щель и ждал, а потом опять не выдерживал, вставал и начинал слушать.

Так он подслушивал и однажды вдруг услышал свое имя. Звучание собственного имени содержит в себе что-то магическое. Даже произнесенное походя, даже в окружении других слов языка, в котором не понимаешь ни слова, даже среди толпы, где все говорят наперебой, — как только в общем гуле прозвучит твое имя, тотчас его различишь. И именно потому, что был к этому не готов, ты вздрагиваешь, как от легкого шока.

Джон услышал свое имя. И оно было произнесено по телевизору.

Он испуганно отпрянул. Должно быть, это была галлюцинация. Наверняка, говорили ему щели и пятна на стенах. Он снова прижал ухо к холодному металлу и, затаив дыхание, услышал, как в голосах мужчин вдруг возникло волнение.

Вот они слушают сообщение в новостях. Вот нервозный шепот. Аппарат переключают на другой канал, шепот переходит в возбужденный крик. Один перебивает другого, потом наоборот, все громче, пока наконец один не прикрикнул на остальных и не заставил их замолчать.

Кажется, он звонил по телефону, на кого-то орал. Потом с грохотом бросил трубку, и снова поднялось возбуждение, все больше и больше разгораясь в панику.

Что-то, видимо, у них сорвалось.

Джон отступил от трубы и прижал руку к груди, так колотилось о ребра сердце. Ничего хорошего это не сулило. Даже было очень плохо. Что-то пошло не так, как представляли себе его похитители, а он читал достаточно много историй о похищениях, чтобы знать, чем это может для него кончиться.

Он попытался успокоить дыхание, не создавать подозрительного шума цепью и снова вернулся к трубе.

Там все еще царило возбуждение, но хотя бы ненарастающее. Через некоторое время хлопнула дверь, послышались тяжелые шаги, и вмешался новый голос, который говорил на ломаном испанском. Джону показалось, что это Рэндольф Бликер.

Мужчины напустились на него, забрасывая его упреками и, кажется, не только упреками. Бликер возражал, огрызался, убеждал, кричал, жаловался и ругался, и наконец Джон понял, что именно у них сорвалось. Они до сих пор не знали, кого похитили. Они не знали, кто он такой. Лишь в тот момент, когда по телевизору сообщили о похищении самого богатого человека в мире, до них дошло, кого они посадили на цепь в своем застенке. И не на шутку испугались.

Видимо, это действительно были рядовые похитители, промышлявшие воровством мало-мальски состоятельных людей, отпуская их за умеренный выкуп и тем зарабатывая себе на пропитание. Полиции было не до расследований таких случаев, а чаще всего полиция о них и не знала. Но

похищение Джона Фонтанелли никто так не оставит. Полиция всех поднимет на ноги, землю рыть будет, но похитителей найдет. Это дело было им на размер великовато.

Бликер, без сомнения, пытался убедить их в обратном. Он ругался и приводил доводы, явно желая, чтобы все шло как запланировано, но мужчины наперебой кричали, опрокидывали стулья, кажется, началась драка, и в конце концов они вытолкали Бликера за дверь. Джон услышал, как бывший адвокат выкрикивал грязные американские ругательства, но издалека, а дверь захлопнулась на замок.

Джон отступил на шаг.

Они меня убьют, подумал он и почувствовал ужас, от которого его гортань заледенела. *Они придут и убьют меня.*

Он опустился на свой матрац и попытался представить, как они это сделают. Застрелят, зарежут ножом? Будет ли это больно? И здесь, в этой дыре, провонявшей мочой. Какой бесславный конец для человека, который был избран, чтобы исполнить божественное пророчество.

Сдавленный смех вырвался из его груди. Как повезло *патрону*, что он после долгой жизни умер в спокойном убеждении, что исполнил свою миссию — и вовремя, чтобы не узнать, как жестоко ошибался.

Урсула говорила ему это. Его вера в пророчество была не более чем удобная отговорка, чтобы не принимать решений самому. Ведь это означало бы, что он несет за них ответственность. Насколько удобнее было говорить: *«Так угодно Богу»*. Что бы ни происходило, вины на тебе нет. Просто подарок для жалких трусов, как он.

Джон смотрел на дверь, откуда должны были явиться его убийцы, и чувствовал, как эта вера умирает еще раньше него, как она сторае и гаснет, не оставляя пепла. Разве не принято считать, что перед лицом смерти перед тобой проходит вся твоя жизнь? Он видел все этапы своей жизни с болезненной ясностью. И всегда-то он искал кого-то, кто скажет ему, что делать. Его родители, его братья. Он ушел из дома, потому что этого хотела Сара. Марвин посоветовал ему устроиться на работу в пиццерию Мурали. Кристофоро Вакки сказал ему, что у него есть предназначение, а Малькольм Маккейн знал, как это предназначение исполнить.

Черт, даже то, что он занимался любовью с Константиной, решил за него Эдуардо. А Урсула? Урсула захотела, чтобы он поехал в Германию без охраны, и он ее послушался.

Дверь не шевелилась. Никаких шагов. Его убийцы не приходили.

Он посмотрел на трубу и решил больше не подслушивать. Он не хотел знать, что, может быть, там больше никого нет. Он не хотел знать, что они сбежали и бросили его подыхать здесь, где никто никогда его не найдет. Он остался сидеть, глядя на сумрачный свет из оконной щели, и перестал размышлять над своей жизнью, вообще перестал думать, только смотрел перед собой и дышал. Время остановилось, свет бледнел и потом совсем угас, и тут, наконец, послышались шаги.

В дверь постучали.

— *Hola?* Ты не спишь?

— Не сплю, — отозвался Джон.

— Ложись. Лицом в матрац.

Еще и это. В жизни он слушался других, почему же в смерти должно быть по-другому? Он лег на живот, закрыл глаза и предался неизбежному.

Дверь раскрылась, и на сей раз вошли сразу несколько мужчин. Чья-то рука ощупала его голову. Джон задрожал и стиснул зубы, чтобы не молить о пощаде. Тут ему натянули на голову мешок, заломили руки за спину и связали их, после чего сильные руки подхватили его и поставили на ноги.

— Идем, — сказал неизвестный.

* * *

Они повели его вверх по лестнице, в коридоре он задел плечом какую-то мебель, затем несколько ступеней вниз, потом привели в помещение, где даже сквозь мешок воняло опилками и дизельным маслом. Гараж, наверное, потому что его подняли, как игрушку, и затолкали в просторный багажник машины. Он еще слышал, как открылись ворота, кто-то завел мотор, и машина тронулась.

Ехали они бесконечно долго, и любая попытка как-то заметить путь, отсчитывая повороты налево и направо, была безнадежной. К тому же в багажник откуда-то просачивались выхлопные газы, от которых ему было так дурно, что

все силы уходили на то, чтобы его не стошнило внутрь мешка, завязанного на шее.

Наконец машина остановилась. Кто-то вышел, снова вернулся и сел, потом машина дала задний ход по ухабистой земле. Багажник открыли. Схватили его ноги и связали их проволокой, которая больно врезалась в кожу. Джон запротестовал, но на него не обращали внимания, выволокли наружу, пронесли немного, раскатали и закинули подальше.

Джон вскрикнул, не представляя, в какую пропасть ему придется падать. Он приземлился сравнительно мягко, на почву, податливую, как тряпки и мятая бумага, но смешанную с твердыми и колючими обломками, о которые он поранился. Вонь стояла чудовищная. Он попытался перевернуться, но при каждом его шевелении зловеще приходило в движение и то, на чем он лежал, — так, будто он в любой момент мог провалиться.

И он остался лежать, скрючившись в неудобной позе, со связанными ногами, руки заломлены и связаны за спиной, лицом вниз. Вонь, какой ему еще никогда не приходилось испытывать, все сильнее пробивалась сквозь его мешок. Это была смесь из гнили, падали, разложения и прочего неопишуемого зловония, по сравнению с которым воздух его подземной темницы показался бы благоуханным. Он исторг стон ужаса, когда понял, что сделали с ним его похитители. Это была мусорная свалка. Они выбросили его на свалку.

Холод прокрадывался постепенно, проникал сквозь одежду в кожу и неотвратимо пропитывал его до костей. Становилось все холоднее и тише. Вначале издали доносились звуки дорожного движения и шум работающего агрегата. Потом агрегат отключился, поток транспорта поредел, и единственное, что он еще слышал, было его собственное дыхание.

И явственный шорох в глубине, вызывающий ужас.
Крысы.

Джон невольно вздрогнул, перевернулся, отбросы наступили под ним, грозя поглотить его, и он в страхе замер. Разумеется, на мусорной свалке должны быть крысы, которые роются в гниющих продуктах в поисках добычи. Крысы, которые могут поедать заживо. Ему не спастись от этих писклявых, мохнатых, омерзительных животных с острыми, как гвозди, зубами и голыми хвостами. Его тело непроизвольно изогнулось так, что он чуть не сломал связанные за спиной руки.

Может быть, лучше не двигаться. Может, тогда они не тронут его. Он не смел дышать, прислушивался, ловя каждый хруст, в напряжении всех органов чувств, готовый дико отбиваться, если только хоть одна крыса дотронется до него. Он должен быть начеку, только это может его спасти.

Он испугался, внезапно ощутив на своем плече руку, и в тот же миг понял, что, должно быть, спал. Шум отдаленной дороги снова вернулся, и агрегат работал, и вокруг него слышались шаги. Он замерз так, будто провел ночь в холодильнике, руки превратились в онемевшие придатки, а связанные ноги ощущались как отмершие.

— Помогите! — прохрипел он и помотал головой, задущенный мешком, который стал сырым и липким. — Развяжите меня, пожалуйста!

Над ним переговаривались. Голоса детей. Один из них ткнул его ногой, как переворачивают раздавленное на дороге животное, чтобы посмотреть, живое ли оно.

— Да помогите же! — кричал он и дергался, чтобы не оставлять сомнений в том, что он не умер. Проклятье, даже если он и не говорит по-испански, неужто так трудно понять, чего он хочет? — Развяжите меня, прошу вас!

Он снова почувствовал ошупывающие руки, проворные пальчики, но они не развязывали узлы, а обшаривали карманы его брюк и рубашки. В голосах послышалось разочарование, когда они не нашли ни бумажника, ни денег, ни ключей.

— Эй, черт бы вас побрал! — проревел Джон, но дети не сделали даже попытки помочь ему. Они немного посоветовались, и их шаги стали удаляться, хрустя мусором, и никакие его крики не смогли вернуть их назад.

Он продолжал лежать, беспомощный, заброшенный, чувствуя, как по его телу струится пот. Который, без сомнения, привлечет животных. Вообще разве не Урсула виновата в его положении? Только потому, что она покинула его, он угодил в ловушку к своим похитителям. Если однажды здесь найдут его труп, она об этом узнает и будет скорбеть, но так ей и надо.

Кто-то жалобно плакал, и через некоторое время Джон заметил, что это был он сам. Его телом овладела дрожь, связанные места от этого болели, но он не мог унять ее. Ему было дурно; причина наверняка была в вони, которая уже осела во рту отвратительным вкусом, проникла в каждую пору его тела. И тут ему стало жарко, так жарко, что язык пересох и опух и ощущался во рту, как резиновый мяч.

Шорох, все ближе. Шаги? Крысы? Неужто они его сожрут. Ну и пусть. Но они не сожрали, они перегрызли ремни у него на спине, и его освободившиеся руки безжизненно упали вдоль тела, больше не принадлежа ему. В них толчками пульсировала кровь, грозя разорвать их.

Потом они принялись за его горло, но в них вдруг угадались человеческие руки — они теребили, дергали и развязывали, и наконец-то с его головы стянули мешок. Яркий свет выжал из его глаз слезы. Он видел над собой лишь бесформенную мглу, и в ней расплывчатые очертания лица темноволосой женщины.

— Урсула, — счастливо произнес он.

Урсула что-то сказала, и он удивился, что она говорит с ним по-испански. По мере того как боль уходила из его

икр, по ним пробегали мурашки. Она протянула ему руку, на ее ангельском лице горели темные глаза. Она помогла ему встать, и ребенок рядом с ней тоже помогал ему, но стоять было больно, его ступни горели, как открытые раны, а когда он глянул вниз, то заметил, что он бос, — ботинки исчезли.

— Это подлость, — сказал он ей. — Это были ботинки от Джона Лобба, сшитые по заказу, за шесть тысяч долларов.

Она только взглянула на него и подставила ему плечо. Он еле передвигал ноги, опираясь на нее. Они медленно спустились с мусорной горы вниз и подошли к дверному проему, на котором висел кусок клетчатой ткани. За занавеской было темно и тесно, но было куда лечь. Джон попил теплой воды, которую ему дали. Она отдавала привкусом металла, но он промочил горло, и тело жадно всосало ее. Когда кружка опустела, он заснул.

* * *

Он то и дело просыпался из горячечных кошмаров, выныривал из пространств страха и отчаяния, вскакивал с криком — и тут как тут была рука, которая снова укладывала его, подносила ко рту кружку воды. Мягкий голос, слов которого он не понимал, действовал на него успокаивающе, и он снова проваливался в темноту.

Сердце его в эти дни билось так, будто его удары требовались для того, чтобы удалить из его крови яды, умертвить возбудителей болезни, выпарить все кошмары. Он обливался потом, метался в бреду, слышал собственные крики и стоны, пока им снова не овладевало забытие.

Она говорила с ним, пела ему странные песни. Это была не Урсула, нет. У женщины была бархатная коричневая кожа и печальный облик. Она студила ему лоб холодными компрессами, когда его глазные яблоки горели, а сердце грозило разорваться на части. Время от времени она клала ему на грудь ладонь и молила неведомых богов до тех пор, пока у него не тяжелели веки и он не погружался в милосердный сон.

* * *

Джон очнулся и почувствовал, что весь его жар выгорел. Он ослабел настолько, что сердце ушаченно забилося даже

при попытке подняться, но голова была ясная, тело легкое, взгляд чистый. Теперь он мог вспомнить, что с ним произошло, и знал, что спасен.

Вот занавеска, которую он помнил, из клетчатой ткани, она светилась, потому что снаружи стоял день и светило солнце. Слышались голоса, далекие крики, близкие разговоры, вокруг были сотни людей. Звякал металл, глухо стучали друг о друга камни, шла усердная работа. И все было пронизано едкой вонью, дымом, тлением и гнилью.

Воздух был отвратительный. Сам он был весь грязный. Кожа казалась засаленной, покрытой слоем въевшейся грязи, белое липко врезалось в тело, голова свербела... Дотронувшись до подбородка, он обнаружил там бороду, и еще какую, боже всевышний, сколько же он провалялся в бреду? Это была не какая-нибудь щетина, а мягкая, длинная борода, какой у него не было никогда в жизни.

Он огляделся. Убогая нора была слеплена из волнистой жести и картона, только одна стенка рядом с ним была сложена из камня и крошилась. Он лежал на единственном ложе в этом жилище — на рваном кочковатом матрасе с серым одеялом. Рядом стояли коробки из-под апельсинов и плетеная корзина со скарбом, единственным настенным украшением было подпаленное изображение мадонны, под нею висел осколок зеркала, а на полу стояли грязные зеленые бутылки с водой, ящик со сморщенными овощами и примечательная вещь — пара туфель на высоких каблуках.

Он со стоном перекатился так, что смог увидеть себя в обломке зеркала, и на него оттуда глянул незнакомец. Исхудалое лицо с запавшими щеками, свалывшиеся волосы и почему-то курчавая борода: родная мать не узнала бы его. Должно быть, он провалялся здесь не меньше двух недель, если не дольше. Если в зеркале действительно отражался он. Если какое-нибудь колдовство не поместило его душу в тело кого-то другого, старого бродяги и сборщика мусора. Он ни в чем не был уверен.

Занавеску отвели в сторону, внутрь логова упала полоска света. Джон, щурясь, обернулся. Она. Та, что спасла его, нашла среди отбросов, освободила, привела сюда и выходила. Невысокая женщина с коричневой кожей, с широким индейским лицом и маслянистыми черными волосами спокойно смотрела на него.

— Ты хорошо? — спросила она.

— Да. Спасибо, — кивнул Джон. — Мне уже лучше. Большое спасибо, что вы меня взяли к себе; я уже думал, что содохну в отбросах.

Она мягко покачала головой, словно обдумывая, что он сказал, и вид у нее был озабоченный.

— Ты идти, — сказала она. — Один час. Потом назад. О'кей?

Джон растерянно смотрел на нее, не уверенный, что правильно ее понял.

— Я должен выйти на час?

— Да. Один час, потом назад. Лечь.

— Все понял, — кивнул он. — Нет проблем. — Он сел на матрасе и заметил, что проблема все-таки есть. Ему пришлось откинуться на стену и подождать, пока в глазах угаснет темное мерцание. — Нет проблем, — повторил он тем не менее и поднялся на ноги. Потолок был слишком низкий, чтобы выпрямиться во весь рост, и он вышел наружу, щурясь от яркого света.

— Я тебя звать, — сказала она.

— Хорошо, — Джон закивал и пошел, придерживаясь за остатки каменной стены высотой по пояс. К нему подошла кошка и стала тереться о ноги. Он чувствовал себя очень слабым и огляделся, ища, куда бы присесть. Дым ел глаза, они слезились, и он тер их тыльными сторонами ладоней. Дым шел от открытого огня неподалеку. На огне стояла помятая кастрюля, в ней что-то варилось, пахло овощами и кукурузой. Рядом лежали две шелудивые собаки, высунув языки. Появилась согбенная старуха, помешала варево и принялась ругаться — Джон не понял, то ли на него, то ли на собак. На всякий случай он встал и пошел дальше.

Это был настоящий поселок у подножия мусорной горы, деревня из жести, палаточной ткани и деревянных досок, построенная среди куч и отвалов. Джон с удивлением смотрел, как дети и взрослые, согнувшись, обыскивали склоны мусорных терриконов и находили то, что еще могло иметь применение; складывали металлолом в кучи, охраняемые другими членами этой причудливой армии собирателей мусора, расстилали картон и тщательно разбирали пластиковые мешки, извлекая на свет рваную одежду, старые аккумуляторы, бутылки, банки и прочий хлам. Старшие хо-

дили в бейсболках и перчатках, дети были в джинсах и полосатых рубашках с короткими рукавами; вид у них был не особенно и бедный, скорее они походили на школьников, которые прогуливают уроки и проводят время, копаясь в мусоре.

Внезапно мужчины, женщины и дети оживились. Послышался рев мотора, все затрещало и захрустело, и на верхнем краю мусорного склона появился огромный мусоровоз. Он перестраивался в удобную позицию, а люди внизу спешили занять лучшие места. Потом с пронзительным скрежетом поднялся кузов мусоровоза, и его содержимое вывалилось под откос. Абсурдным образом это выглядело так, будто из мусорных баков опрокинулся рог изобилия, полный бесценных даров.

Тут же разгорелась битва за лучшие куски. Кому-то удалось урвать себе моток электрокабеля, другой оттаскивал в сторонку мешок с одеждой, третий схватил помятую микроволновку. Из отбросов выбирали бутылки, в дело шла любая деревяшка, жестяные банки сплющивали каблуком и набивали ими мешки и пакеты.

Только теперь Джон разглядел несколько грузных фигур, сидевших кто на штабеле матрацев, кто на растерзанном кресле в сторонке от всего происходящего, сборщики ташили к ним свою добычу, те ее взвешивали и давали за нее деньги. Каждый из этих вождей отвечал за свой материал — кто за металл, кто за пластик, одна объемистая женщина скупала стекло, а жирный мужчина — дерево. Итак, все здесь вращалось вокруг денег, как и всюду в мире. Может быть, если бы он начал допытываться, в конце концов выяснилось бы, что все эти люди роются в отбросах, выбирают и сортируют их для того, чтобы внести свою долю в его растущее состояние. Ему стало дурно — от вони, от этого места, от всего.

Кто-то призывно кричал. Джон не сразу понял, что этот зов обращен к нему.

— Иди, — махала рукой женщина, выйдя из хижины. Он поднялся, пошел по мусору и обломкам назад, перешагивая через коричневые, в нефтяных разводах, ручейки жижи, сочащейся из-под мусора. Он увидел, как за женщиной из хижины вышел мужчина, застегивая брюки, и понял, чем они занимались.

Горячка вернулась, он снова слег, опять лишив свою гостеприимную хозяйку заработков. Однажды он очнулся ночью, увидел зажженную свечу перед образом мадонны и хозяйку, страстно молившуюся богородице, и ему стало ясно, что она просит о его выздоровлении или хоть о каком-то приличном избавлении от него. Когда он проснулся днем, рядом с ним сидел мальчик, положив ему на лоб холодный компресс, и строго глядя на него.

— Как тебя зовут? — спросил Джон.

— *Mande?* — вопросом ответил мальчик. Ему было лет семь или меньше, на нем были шорты и грязная клетчатая рубашка.

Он увидел, что за дверным проемом на открытом огне что-то варится, и когда хозяйка принесла ему миску супа, голод оказался сильнее всех сомнений. Казалось, ей это понравилось, она улыбалась и дала ему добавки.

Горячка вернулась, но больше не терзала его, а лишь хотела доделать начатое и с каждым днем шла на убыль. Скоро он уже сидел рядом с ней, когда она варила, и смотрел на нее; она в это время непринужденно беседовала со своим ребенком, как будто присутствие Джона здесь было естественным делом. Время от времени они обменивались несколькими словами — на ее беспомощном английском или жестами. Он узнал ее имя: Мари-Кармен Бертье. Она даже смогла написать его на обрывке картона, и он аккуратно спрятал этот обрывок в карман.

— Я хочу выразить признательность, как только смогу, — сказал он ей, не зная, понимает ли она. — У меня в любом банке мира есть счет, можешь себе представить? Мне нужно только зайти и сказать, кто я такой, и я получу деньги. И тогда я все тебе возмещу. И не только возмещу.

Она помешивала варево и грустно улыбалась, когда он говорил.

Наконец он почувствовал себя достаточно крепким, чтобы уйти. Она сказала ему, что он должен пробираться на запад. Он еще раз поблагодарил ее и простился. Она осталась стоять у хижины, обвинив себя руками, и смотрела ему вслед, пока он не скрылся.

Когда он добрался до дороги, около него притормозил маленький грузовик, едущий со свалки, и взял его в кузов, груженный металлоломом. Грузовик мчался на адской скорости мимо бесконечных трущоб, через задымленные промышленные районы и безлюдные микрорайоны с высотными домами — Джону бы и дня не хватило, чтобы преодолеть такое расстояние пешком, но в какой-то момент ему пришло в голову, что он не имеет ни малейшего представления, куда они, собственно, едут, и не удаляется ли он в этом бешеном темпе от цели своего назначения. И что это была за цель? Он постучал по крыше кабины и показал шоферу, чтоб его высадили.

И, предоставленный самому себе, очутился на краю дороги, потерянный в этом городе, против которого Нью-Йорк казался вполне обозримым. Он помахал вслед удаляющемуся грузовику, из окна высунулась рука и тоже помахала ему.

Он огляделся. Высокие стены оград, облупившиеся рекламные щиты, зарешеченные окна. Редкие прохожие обходили его стороной, и когда он глянул на себя, то понял почему. Его некогда элегантный, сшитый по мерке светлый костюм свисал с него клочьями неопределенного цвета, на ногах были только рваные носки, зато как от него воняло — к этому он давно потерял всякую восприимчивость. До него вдруг дошло, что ему будет трудно доказать, что он самый богатый в мире человек.

На одном месте, похожем на автобусную остановку, к стене дома была прибита простая деревянная доска с наклеенным планом города Мехико и его окрестностей, и Джон углубился в его изучение. Судя по всему, он находился на севере города, возможно, в районе, который назывался Ацкапотцалько. Он попытался реконструировать путь, по которому ехал от свалки грузовик, и пришел к заключению, что свалка расположена в Нетцахуалькойотл, неподалеку от озера Текскоко.

Это значило, что ему нужно двигаться к югу. По положению солнца и предполагаемому времени дня он попытался определить, где юг. Потом долго соображал, как бы ему сесть на автобус, но так ничего и не придумал. Сначала ему нужно несколько часов отмываться в ванне, полностью сменить гардероб и раздобыть денег и только после этого мечтать об автобусе.

Он повернул голову, услышав шум подъезжающей машины. Это была патрульная полицейская машина. Конечно же, полиция! Его наверняка ищут со дня похищения. Ему достаточно лишь обратиться к первому попавшемуся полицейскому, и его избавят от всех забот.

В это мгновение под крышей дома напротив открылось окно, оттуда высунула голову старуха, показала на него пальцем и что-то крикнула. Полицейская машина остановилась, из нее вышли двое мужчин и вразвалочку направились к нему походкой крутых мачо, держа дубинки наготове.

Судя по виду, они приближались совсем не для того, чтобы уменьшить количество его забот. Джон бросился в другую сторону и был рад без ума, что полицейские удовлетворились таким результатом своих усилий.

Обращаться к полиции значило снова оказаться в руках вооруженных людей, а этим он был уже сыт. Ему вспомнилось, как кто-то во время полета сюда — возможно, один из охранников — говорил, что в Мехико нет ничего более опасного, чем полиция. Нет уж, лучше он будет действовать, полагаясь только на себя. У *Fontanelli Enterprises* было отделение в Мехико, туда он может обратиться без риска для себя. Он, правда, не знал, где находится офис, но наверняка в центре. А туда он доберется и пешком.

И он зашагал. И даже если ему понадобятся дни, что делать? Голода он не испытывал после столь долгой горячки. Время от времени ему попадался по пути источник или ручей, из которого он делал несколько глотков, чтобы сполоснуть горло; пригодность воды для питья его не заботила.

Он шел вдоль улиц, движение на которых становилось все оживленнее, и это был знак, что он идет в нужном направлении. Он шел по живописным переулкам, мимо разноцветных хижин, у входа в которые в ржавых железных бочках росли цветы и огородная зелень, а на веревках, натянутых поперек улицы, сохло белье. Дети играли с кошками и с любопытством поглядывали на него, а одна женщина подозвала его, махнув рукой, и дала ему пару старых растоптанных кроссовок — подарок, от которого он чуть не заплакал. Он старался идти через бедные кварталы, где утоптанная земля была усеяна отбросами, дома сплошь и рядом представляли собой незавершенные строения, в которых из бетонных стен торчали прутья арматуры, а небо было

опутано сетью беспорядочно натянутых проводов и телевизионных антенн. Шелудивые собаки валялись в затененных углах, дети были в одних трусах. Здесь он никому не бросался в глаза. Потом он снова крался по чистым кварталам, с оштукатуренными домами и балконами во французском стиле. Световая реклама множилась, число полос на дорогах росло, и когда ему попался еще один городской план, на нем была изображена только центральная часть.

Тут ему стали попадаться нищие попрошайки: инвалиды, сидящие вдоль тротуара, жалобно протягивая руку к прохожим, женщины с грудными детьми, назойливо пристающие к мужчинам в деловых костюмах на их пути к машинам, ребятишки в таких грязных лохмотьях, каких он не видел и в трущобах, с жалобными криками окружающие японских туристов. Местные жители смотрели на попрошайек сквозь пальцы, но видно было, что они стараются обходить их подальше.

Он нашел телефонную будку с толстой телефонной книгой, а в ней адрес филиала, а также — по карте в справочнике — его приблизительное местонахождение. Площадь Сан-Хуан, это было чуть южнее парка Аламед, найти который было нетрудно: все, у кого он спрашивал дорогу, были рады, что он не просит денег. Ему оставалось следовать лишь в сторону энергично вытянутой руки:

— *Alameda? Allá!*

Наконец он нашел офис, узкое здание в колониальном стиле, на котором красовалась темно-красная буква *f* на белом фоне, и здание это было осаждено журналистами.

* * *

Мужчина за рулем опорожнил баночку колы до последней капли. Когда он пил, его кадык подпрыгивал. Потом он сплющил банку в руках и небрежно бросил ее прямо на дорогу.

— Допустим, его труп плавает в каком-нибудь озере, — сказал он женщине, которая стояла рядом у раскрытой дверцы. — Как они его найдут? И через пять лет все еще будем здесь торчать.

— Через пять лет нас здесь не будет, успокойся, — ответила женщина. Она была стройная и изящная, с кудрявой рыжей гривой.

Джон, стоя позади них и глядя, как и они, на здание, понял, что они говорят о нем. Его считают погибшим. Если он сейчас войдет в этот дом, на него набросятся так, что он, в конце концов, пожалеет о том, что не погиб.

— И надо же, чтоб это случилось именно в Мехико, — жалобно причитал мужчина. — Отвратительный город. У меня уже сказывается на легких. По утрам просыпаюсь — и кашляю, будто и не бросал курить. Ничего себе, да? Бросаешь курить, а потом на целые недели застреваешь в городе, где на каждом углу несусветная вонь... — С этими словами мужчина вдруг повернулся, как будто учуял Джона по запаху. Он скривил и без того перекошенное лицо. — Эй, Бренда, смотри-ка. У нас публика.

Его коллега повернула голову и посмотрела на Джона. Его пронзил ужас, когда он вспомнил, что знает эту женщину. *Бренда Тэйлор, CNN*, это имя даже пробудило в нем приятные воспоминания. Это она когда-то, сто лет назад, на самой первой его пресс-конференции в доме Вакки задала ему вопрос, счастлив ли он тем, что богат. И вот она изучающее смотрит на него...

Следуя спонтанному наитию, Джон втянул голову в плечи, протянул руку и жалобно попросил приблизительно на том сленге, по которому в телевизионных сериалах узнавали мексиканцев:

— Please, Missis! Ten dollars, please, Missis!

— О господи! — простонал мужчина. — Как я это ненавижу!

Она сразу перестала изучать его взглядом. Отвернувшись в сторону и нервно прошипела своему коллеге:

— Дай ему эти несчастные десять долларов, чтобы он слинял!

— Десять долларов? Какая наглость, Бренда, другие... — Он с отвращением порылся в кармане, выудил купюру и бросил ее Джону. — Ну ладно, на. И пошел отсюда, быстро. *Vamos*. Черт, как я ненавижу этот город, — проскрежетал он зубами и тоже отвернулся.

— *Gracias*, — пролепетал Джон, исчерпав этим все свои познания в испанском. — *Muchas gracias*. — И немедленно улизнул.

Через несколько кварталов ему попалась маленькая телефонная конторка с вывеской "*Larga distancia*". Он спустился по ступеням в низенькое помещение, в котором стоял автомат с напитками, а за стойкой сидел толстый мужчина. Стены были оклеены старыми плакатами концертов и богослужений. Конторка была пропащая, но достаточно чистая, чтобы мужчина оглядел Джона с оправданным недоверием.

— Можно позвонить? — спросил Джон и выложил перед ним десятидолларовую купюру.

Кустистые брови мексиканца поползли вверх.

— За границу, — добавил Джон. — В США.

Брови снова опустились. Лапа, униженная кольцами, потянулась к банкноте, другая указала на один из двух телефонных аппаратов на стене:

— *Esta bien. Dos minutes.*

Джон благодарно кивнул и схватился за трубку. Теперь бы не ошибиться номером. Он набрал выход за рубеж, 98 — это число значилось на аппарате на всех важнейших языках. Потом цифру 1 — для США.

И остановился. Он хотел позвонить в секретариат нью-йоркского филиала и попросить, чтобы его незаметно забрала служба безопасности. Но почему-то почувствовал, что это неправильное решение.

Мужчина за стойкой что-то пробурчал и жестом подсказал ему, что надо продолжать набор:

— *Andele, ándele!*

Нет. Это была не лучшая идея, неважно, почему. Джон поднял руку, хотел уже нажать на рычаг, как вдруг в голове его пронеслась другая мысль — мысль, которой он тут же подчинился, не раздумывая. Его палец набрал ноль и потом цифры телефонного номера, который он не мог забыть, так же как и дату рождения своего лучшего друга.

— Алло? — услышал он голос Пола Зигеля.

Цокало было центром города и его гордостью. Площадь была словно предназначена для парадов и маршей, в окружении величественного собора и помпезного дворца, большая и просторная, днем и ночью многолюдная от прохожих, попрошайек, уличных художников, влюбленных пар, семей и фотографирующих туристов. Никогда не иссякающий поток транспорта омывал площадь, посреди которой гордо реял национальный флаг. Вечерами здесь маршировал гвардейский полк, чтобы в обстоятельной церемонии спустить это полотнище, после чего вдоль всех фасадов вокруг вспыхивали тысячи ламп, образуя впечатляющую ночную иллюминацию.

Джон сам себе казался невидимым. Он медленно обошел всю площадь, с оглядкой, всегда готовый бежать, если понадобится, но никто не обращал на него внимания и ничего от него не хотел. Он прошел вдоль казавшегося бесконечным фронтона *Palacio Nacional*, углубился в созерцание рельефов на соборе и не спеша брел сквозь аркаду, в которой разместились магазинчики, торгующие украшениями либо шляпами, больше ничем. Он остановился перед витриной, разглядывая выложенные украшения, словно золото ацтеков, и тут массивная матрона с завивкой сунула ему в ладонь несколько монет, так уверенно, что он не посмел возразить. За эти монеты он купил себе в киоске на боковой улочке *тако*, съел его с волчьим аппетитом, и еда залегла у него в желудке, как бетон.

Он ощущал себя невидимым и странным образом свободным. За прошедшие недели с него, казалось, облетели все наслоения цивилизации, все жесткие установления личной гигиены, бесчисленные обязанности человеческого общежития, о которых он теперь вспоминал как о чем-то, известном ему лишь по рассказам других. Делать было нечего, но он не скучал, а наслаждался, сидя где-нибудь, привалившись к стене и в полном покое глядя в пустоту. Временами он ощущал какую-нибудь телесную потребность, но довольно приглушенно, как будто тело предоставляло

выбор ему самому — пойти навстречу потребности или нет. Голод, жажда, усталость — все это было, да, но держалось на заднем плане, не становясь навязчивым или требовательным. Это был мир с самим собой, чего он никогда прежде не испытывал, и ему почти хотелось, чтобы Пол так и не появился.

Но он появился. Его худую фигуру ни с кем не спутаешь, он стоял перед главным входом в собор и, не утомившись историческое строение даже взглядом, обыскивал глазами площадь. Джон со вздохом поднялся и побрел к нему — неспешным темпом, в обход, и остановился неподалеку, неузнанный.

— Хэлло, Пол, — сказал он.

Пол Зигель обернулся и уставился на него, вначале недоверчиво, потом все более недоуменно.

— Джон?.. — прошептал он с такими глазами, будто они удерживались в своих орбитах только стеклами его очков.

— Я так сильно изменился?

— Изменился? — в изнеможении ахнул Пол. — Господи, Джон, да ты похож на факира, который спустился с Гималаев после двадцати лет медитации.

— И воняю, как ассенизатор.

— После двадцати лет в канализации, да. — Он помотал головой. — Как хорошо, что я взял машину напрокат.

Они ехали из города на север — с открытыми окнами, иначе бы Пол не выдержал. Он запасся в дорогу едой — печеньем, фруктами, напитками в бутылках — и удивлялся, что Джон не набрасывается на них.

— Гигиенически все вне подозрений, — подчеркнул он, на что Джон только хмыкнул.

Они остановились у отеля, который Пол нашел в толстом и подробном путеводителе.

— Во время полета из Вашингтона у меня было время, — сказал он, почти извиняясь. — Можешь спрашивать, теперь я знаю Мехико как свои пять пальцев.

Он уладил все формальности и после этого более-менее незаметно провел в номер Джона.

— Я думаю, это не повредит, после того что ты мне рассказал о мусорной свалке, — он достал из сумки большую пластиковую бутылку специального жидкого мыла. — Таким отмываются шахтеры после смены и, ну да, мусорщики тоже.

Джон взял ярко-красную бутылку.

— Тебе можно поручать организацию любого дела. Спорим, свежую одежду ты тоже прихватил?

— В багажнике. Я схожу за ней, пока ты будешь отмокать в ванне.

— Ты просто гений.

Пол грустно улыбнулся:

— Тогда почему же я небогатый и несчастливый? Иди, мойся. Ты просто укор природе. Ах да, и вот что — бороду я бы на твоём месте оставил.

После ванны и невероятного количества специального мыла Джон будто снова родился на свет. Белье, привезенное Полом, пришлось в аккурат, рубашка, брюки и туфли были подобраны безукоризненно. После этого они сидели в крытом патио отеля, ужинали и обсуждали дальнейшие планы.

— Я летел до Сан-Антонио, а границу пересек в Ларедо, — сказал Пол. — Если у тебя нет никаких противопоказаний, мы можем вернуться тем же путем. Ах да, кстати, вот твой паспорт, — добавил он, доставая из кармана синий американский паспорт и кладя его на стол перед ним.

— Что? — Джон взял его, полистал. На фотографии был мужчина с небольшой бородкой, звали его *Денис Юнг*, родился 16 марта 1966 года в Рочестере. — Кто он такой?

— Хороший друг моего хорошего друга. Который не задает лишних вопросов и не знает ни одного журналиста.

Джон разглядывал молодое лицо на фотографии.

— И ты думаешь, этот финт нам удастся?

— Тебе ведь нужен паспорт, чтобы пересечь границу? А я, честно говоря, потрясен твоим портретным сходством с Юнгом, особенно после твоего пребывания на свалке. Не думаю, чтобы у какого-нибудь пограничника возникли подозрения.

— Хм-м, — Джон сомневался, но сунул документ в карман. — Спасибо.

— Пожалуйста, — сказал Пол. Он подлил себе вина и придвинулся вперед, держа бокал за ножку. — Тебе ясно, какой вопрос я должен рано или поздно задать?

— Ясно как день.

— Ведь ты мог бы обратиться в полицию.

— Да.

— Они все еще ищут тебя.

— Надеюсь.

— На худой конец, ты мог позвонить своим телохранителям.

— Вначале я так и хотел. — Джон шумно вздохнул. — Я не могу тебе это объяснить. Это было... как наитие. Внутренний голос, я бы сказал. И этот голос нашептывал мне, что лучше затаиться и нигде не показываться.

Пол скептически смотрел на него.

— Голос, говоришь?

— Ну, мне трудно объяснить, — сознался Джон. — Бывает, проводишь языком по зубам и чувствуешь, что не все в порядке, а посмотришь в зеркало — ничего не видно.

Пол хмыкнул.

Джон смел в кучку крошки на скатерти.

— Этот Бликер говорил про заказчиков. Это не дает мне покоя.

* * *

Квартира Пола в Вашингтоне настолько походила на его квартиру в Манхэттене, что Джон забыл, где они находятся. Только из окон был виден не Гудзон, а Потомак, но мебель была такая же, подобранная с тем же изысканным вкусом, и чуть ли не в той же расстановке.

— И та же строительная фирма, — сказал Пол. — Я решил, что дешевле будет воспользоваться проверенной планировкой.

Все прошло гладко. Они без приключений проехали по Мексиканскому плоскогорью, без задержки пересекли границу в Ларедо и вылетели ближайшим рейсом на Вашингтон. Возвращая машину в фирму проката, Пол пожаловался на запах, который в ходе поездки усугублялся, сотрудник проката в качестве причины заподозрил дефект в системе вентиляции и предложил дополнительную скидку, но Пол от нее отказался, и сотрудник вздохнул с облегчением.

— Кстати, я отпустил свою уборщицу, — сказал Пол, вернувшись домой с покупками на выходные. — Придется нам убирать за собой, пока ты здесь.

— Какие проблемы! — Джон устроился перед телевизором и просматривал все новости. Маккейну, кажется, удалось загнать *Yamaichi-Bank* в конкурс и впутать в финансо-

вый скандал японское правительство; эпизод, в котором плачущий министр финансов снова и снова кланяется и просит прощения, повторялся в нескольких сюжетах. Директор банка, как сообщалось, покончил жизнь самоубийством.

Об исчезновении Джона Фонтанелли, произошедшем более трех недель тому назад, сообщалось лишь вскользь. Специальный отдел полиции тщательно проверяет всю информацию, подозрение на похищение усиливается, но никаких требований пока выставлено не было. Было видно, что толком никто ничего не знает.

— Что ты намерен делать теперь? — спросил Пол. Они сидели за обеденным столом перед телевизором. Готовил Пол, и очень вкусно. Джон спросил себя, есть ли хоть какое-то дело, в котором друг его юности не проявил бы себя наилучшим образом.

— Вчера, перед тем как заснуть, — сказал он, любуясь волшебным блеском реки вдали, — мне в голову пришла одна мысль. Мысль ужасная, если быть честным, и лучше бы мне вырвать ее с корнем и забыть, но не получается.

— Бывает.

— Это подозрение.

— И подозрения бывают.

Джон принялся двигать по столу свой бокал и симметрично укладывать на тарелку вилку и нож.

— За пару дней до того, как Маккейн отправил меня в Мехико, — начал он, запинаясь, — я как раз начал вникать в бухгалтерию концерна. Раньше меня это ничуть не интересовало, понимаешь? Поначалу я не знал, с чего начать, но со временем стал что-то понимать, и у меня появились вопросы.

— Интересно, — сухо сказал Пол.

— Понимаешь, *Fontanelli Enterprises* перечислил миллиард долларов в качестве гонораров одной консалтинговой фирме. Миллиард долларов!

Пол озадаченно посмотрел на него, на некоторое время закаменел и потом вдруг прыснул от смеха.

— И ты думаешь, — веселился он, — что Маккейн из-за этого решил убрать тебя с дороги? Потому что ты его разоблачил?

Джон мрачно смотрел, как тот чуть не лопался от смеха.

— Что тут такого смешного?

— О, Джон... — Он досмеялся до слез. — В принципе ты как был сыном сапожника из Нью-Джерси, так им и остался. Для тебя уже миллион за пределами твоих представлений. О, Джон, это действительно весело...

— Что, это глупое подозрение?

— Глупое? Это не то слово...

Джон откинулся назад и ждал, когда Пол успокоится.

— Я рад, что хоть повеселил тебя, — сказал он. — Но мне совсем не смешно.

— Джон, — начал Пол, все еще вытирая слезы в уголках глаз. — Ты интересовался бухгалтерией. Значит, ты сможешь назвать мне несколько основных показателей. А из них можно будет сделать выводы. Каков, например, годовой оборот концерна?

Джон наморщил лоб.

— Чуть выше 2,4 триллиона долларов.

— А валовой доход?

— Ровно 180 миллиардов долларов.

Пол прикинул эти цифры в уме.

— М-да, не такие уж и блестящие показатели, но для концерна такой величины сойдет. Сколько всего сотрудников в концерне?

— Семь с половиной миллионов.

— Больше, чем все население Финляндии, кстати сказать. И каков общий фонд зарплаты?

Джон пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Хм-м. По осторожной оценке, полтриллиона долларов в год. Зависит от того, какая доля находится в зоне дешевой рабочей силы. — Пол ухмыльнулся. — И ты думаешь, у Маккейна хотя бы ресница дрогнула из-за какого-то паршивого миллиарда? Не говоря уже о том, чтобы он затевал против тебя заговор? Я тебя умоляю.

Джон кивнул. В принципе он выслушал это с огромным облегчением. Внезапное недоверие к Маккейну тяготило его, хотя он и не осознавал этого.

— Я думаю, ты прав. Относительно сына сапожника. Собственно, до сих пор мне удалось привыкнуть самое большее к миллионному порядку чисел. И миллиард — за *консультации* — о, господи, я думал, что это несметная сумма...

— Мне она кажется скорее скромной, — сказал Пол, качая головой. — Я уже и так не раз спрашивал себя, как Маккейн со всем этим справляется. Он, конечно, просто монстр менеджмента. За такой короткий срок сделать из ничего такой концерн...

— Но ведь в его распоряжении были мои деньги, — вставил Джон.

— Тогда подумай, что ты мог бы сделать с ними один, — посоветовал ему Пол. — Нет, это настоящее достижение, рекорд, и его вряд ли кто сможет повторить. Хорошо, он не самая симпатичная личность, ну так и Генри Форд тоже не был душкой. — Он задумался. — Я думаю, такова цена могущества.

Джон хмыкнул. Особого удовольствия он тоже не испытывал. Что-то продолжало его беспокоить, как заноза, какая-то деталь, которая не давалась ему, но была очень важна. Какая-то связь, но, проклятье, он понятия не имел, где ее искать.

— Это говорит скорее в его пользу, что он привлекает консультантов, не дожидаясь кризиса, — продолжал развивать свою мысль Пол, будто делая доклад перед заинтересованными слушателями из сферы экономики и науки. — Кто-нибудь другой в положении Маккейна оказался бы в опасности, не слыша критических голосов и целиком предоставленный своим суждениям. Следствием была бы потеря контакта с реальностью, незаметно для себя, и принятие безумных или даже опасных решений. Он явно знал о такой опасности. Поддерживать культуру критики внутри своего предприятия — дело трудное, а в рамках такого гиганта, как *Fontanelli Enterprises* — почти недостижимое. Сторонний консультант, которому как раз за это и платят, своей критикой создает необходимый противовес. И для управления особыми проектами тоже иногда лучше приглашать стороннего менеджера, которому все равно, будут его после окончания проекта любить или ненавидеть...

— У меня было такое чувство, что мы финансируем всю консалтинговую отрасль, — признался Джон, слушая его не особенно внимательно.

— Ну, конечно, не всю, но хороший кусок точно, — подхватил Пол ключевое слово. — Не требуй от меня точности, но у меня в голове вертится цифра порядка соро-

ка—пятидесяти миллиардов долларов, вот годовой оборот в области консалтинговых услуг по всему миру. Как, кстати, назывались фирмы? Я полагаю, гиганты этой отрасли были вам в самый раз — Маккинси, Андерсон, KPMG...

— Нет. Это была всего одна фирма. Callum Consulting.

— Callum? — озадачился Пол. — Никогда не слышал.

Джон наморщил лоб:

— Что, отстал от времени, а?

— Видимо, да, — кивнул Пол и встал. — Ты меня простишь, я просто не успокоюсь, пока не узнаю.

Он направился по винтовой лестнице наверх, в крошечный кабинетик под коньком крыши. Джон пошел за ним, и они вместе смотрели, как загружается его компьютер. Отсюда открывался прекрасный вид на садики и велосипедные дорожки.

— Есть несколько справочных служб по экономике, которые работают на МВФ, — объяснил Пол, выходя в Интернет. — Я сейчас наберу пароль одной из таких служб, а ты, пожалуйста, ответнись.

— Еще чего, — проворчал Джон.

На экране появился сайт с впечатляющим гербом. Пол ввел дополнительные данные, компьютер ответил, что устанавливается защищенное соединение, и на экране повис значок песочных часов.

— Callum Consalting, — повторил Джон название фирмы, пробуя его на язык. — О чем-то мне это напоминает, не пойму о чем. Что, собственно, значит Callum?

Пол пожал плечами.

— Думаю, это имя. Шотландское имя, если я не ошибаюсь.

— Имя? — О, черт. Почему-то это было важно. Как будто монетку подбросили, а она зависла и не падала.

Пол запустил опрос.

— На первом курсе в Гарварде со мной в комнате жил один с таким именем, ужасный нахал, — рассказывал он. — Его отец был успешный адвокат, но я не могу вспомнить фамилию.

Значок песочных часов вертелся на экране.

— Маккинли? — соображал Пол. — Нет, не Маккинли.

Джона вдруг будто горячей водой окатили. *Я не особенно изобретателен, что касается названий моих фирм; я всегда называю их именами членов семьи.*

— Маккейн, — вырвалось у него.

— Нет, точно не Маккейн, я бы...

— Отца Маккейна звали Филипп Кэллам, — вскричал Джон. — Поэтому Callum Consalting. Его мать зовут Рут Эрнестина, и его брокерская фирма называлась Ernestine Investment. Он ее ликвидировал, но я никогда не спрашивал, нет ли у него второй фирмы...

— Что? — машинально отозвался Пол.

В это мгновение на экране возник результат опроса, и они увидели его черным по белому. Callum Consalting была консалтинговая фирма, зарегистрированная в Гибралтаре. Юридически это была фирма с одним владельцем, в ней было всего десять служащих, и владельца звали Малькольм Маккейн.

* * *

До Рождества не оставалось и трех недель, и Артуро Санчес не знал, то ли ему радоваться этому заданию, то ли досадовать на него.

— Подождите здесь, — сказал адвокат водителю маленького фургона. Тот сморщил нос, что было вполне понятно. Воняло нестерпимо. И лучше не стало, когда он зашел на территорию свалки и начал расспрашивать мусорных мародеров, которые таращились на него, как на осла с двумя головами.

Наконец расспросы довели его до покосившейся времянки у подножия мусорной горы, и он спросил молодую, изработанного вида женщину, заскорузлую от грязи:

— Это вы — Мари-Кармен Бертье?

И она ответила:

— Да.

Санчес с облегчением вздохнул. Наконец-то.

— Это вы около четырех недель тому назад нашли на мусорном отвале мужчину, спасли его и держали у себя, пока он не выздоровел?

Она с колебанием кивнула:

— Да, американца. Его нашел мой сын. Я думала, он умрет от горячки, но он не умер. Матерь Божья его сберегла. — Она развела руками. — Но его тут больше нет. Он ушел неделю назад.

— Да, я знаю. — Артуро Санчес огляделся: — Нельзя ли здесь где-нибудь... Ах, какое там! — Он положил свой дип-

ломат на ближайший подходящий обломок бетона, расстегнул блестящий замок, достал блокнот и ручку и протянул это ей: — Пожалуйста, напишите на этом листке ваше имя.

Она помялась, но потом написала. Адвокат достал фотокопию, которую ему прислали, и сравнил почерк. Это была она, без всяких сомнений.

— Сеньора Бертье, — сказал он, — мужчину, которого вы выходили, зовут Джон Фонтанелли, и он поручил мне вас найти. Он хочет отблагодарить вас за то, что вы спасли ему жизнь. И поскольку он богатый человек, он хочет сделать вам подарок.

Откуда-то вынырнул маленький мальчик и спрятался за подолом своей матери. Санчес смолк и смотрел на обоих, как они стояли посреди всего этого убожества. Видит Бог, они заслужили то, что получают.

— Подарок? — спросила она, расширив глаза.

Санчес кивнул и достал свои бумаги.

— Речь идет о квартире в новом поселке Сан-Розарио, отдельной сумме на приобретение мебели, одежды и тому подобного, и щедрая ежемесячная пенсия до конца вашей жизни. Мистер Фонтанелли просил передать вам, что он будет счастлив, если вы примете этот подарок. Ваш сын сможет там учиться в школе, — добавил он.

— В школе? — эхом повторила она, оглянувшись и, казалось, впервые увидела, в какой обстановке жила до сих пор. Выражение ужаса мелькнуло на ее лице.

Санчес снова сложил все бумаги в дипломат. Теперь можно было не торопиться.

— Там наверху ждет машина, — сказал он. — Если хотите, мы можем уехать прямо сейчас.

Суббота, 29 ноября 1997 года, сырой, холодный лондонский день. Густой туман опустился на город, поглотил верхушки высотных домов, сделал мост Тауэр похожим на костлявый призрак и придал ударам Биг-Бена жутковатое звучание. Ночью шел дождь, холодный, едкий, морозящий, оповещающий о приближении зимы. Это был день, когда без острой надобности из дома не выходят.

В середине дня солнце пробилось сквозь туман, обозначившись в белой дымке размытым светлым кругом. Сити с его холодным фронтом основательных домов и впечатляющими высотными строениями лежал покинутый, если не считать охранников, которые совершали свои обходы с высоко поднятыми воротниками, да изредка какого-нибудь прохожего, торопливо идущего к ближайшей станции метро. Поэтому вахтер, дежуривший на первом этаже здания Фонтанелли, оторвался от своей газеты, когда знаменитое черное лондонское такси остановилось перед главным входом.

Из него вышел мужчина в темно-зеленой непромокаемой куртке с капюшоном и, не оглянувшись на отъезжающую машину, направился к двери. В его движениях была решимость, способная внушить страх. Он двигался как танк с намерением проломиться через входные двери, будь они хоть стократно усилены бронированным стеклом. Вахтер отложил газету и уже приготовился нажать на кнопку тревоги, но с облегчением вздохнул, когда мужчина остановился, чтобы набрать код доступа, как должен делать любой сотрудник, приходящий сюда в неурочное время. Но замок не шелкнул. Вместо этого на пульте зажглась красная лампочка. Это значило, что код набран неверно.

Вахтер нахмурился. Не позвонить ли сразу в службу безопасности? Кто-нибудь из них выйдет и разберется с пришедшим.

Тот сделал еще одну попытку набрать код, опять без успеха. Тогда он подошел ближе, постучался и откинул свой капюшон.

— Мистер Фонтанелли! — вырвалось у вахтера.

Босс собственной персоной. Тогда как весь мир ищет его в Центральной Америке. Его уже считали мертвым, а он стоит здесь, прямо перед ним! Вахтер показал ему знаками, что сейчас откроет, обежал вокруг пульта к наружной двери, сунул в щель магнитную карточку-ключ и распахнул дверь, чтобы впустить его — вместе с волной холодной сырости.

— Мистер Фонтанелли, радость-то какая... Я и не знал... Я думал, вы...

— Да, спасибо, — ответил Джон Фонтанелли. — Все хорошо.

Вахтер не мог прийти в себя.

— Мне очень жаль из-за входного кода, — извинялся он. — Мистер Маккейн распорядился заблокировать ваш код, на всякий случай...

— Пожалуйста, разблокируйте его снова.

— Я... ну, сегодня его нет, мистера Маккейна, то есть...

— Я знаю, — сказал Фонтанелли.

— Он в Копенгагене, вы знаете, на вручении...

— ...*Гей-премии*, — кивнул Фонтанелли, — я знаю. Скажите, сколько охранников сегодня в смене?

Вахтер заморгал, ошеломленный вопросом.

— О, — заикался он. — Я думаю, обычная смена, положенная для выходных. Двенадцать человек, я думаю.

— Вызовите их, — приказал Фонтанелли, указав на красный телефон на пульте. — Десять из них пойдут со мной. И пусть возьмут все ключи и отмычки, инструменты и ломы.

* * *

Скрипачи во фраках настраивали свои инструменты. Старик в ливрее ходил по залу и передвигал стулья до тех пор, пока они не выстроились в линеечку. Осветители возились с кабелем и штативами, совещаясь с телеоператорами. Две декораторши вносили последние штрихи в оформление сцены, подвешивая баннер с логотипом *Гей-премии*. Посреди этой кутерьмы стояли три африканки в ярких праздничных одеяниях и пытались понять, чего хочет от них церемониймейстер. Эти три женщины представляли победителя этого года, женское объединение, которое на краю пустыни затеяло удивительный проект по восстановлению леса и проводило его по собственной инициативе.

Маккейн сидел в кресле в заднем ряду и наблюдал за приготовлениями к торжественному вечеру. Это он выбрал место проведения церемонии — замок Христиансбург, просторное, внушающее почтение серое строение неподалеку от порта: по крайней мере, именно здесь заседал фолькетинг, датский парламент, равно как и верховный суд, и царственные помещения в своем великолепии и величии не оставляли желать лучшего. К сожалению, не удалось убедить королеву Маргарету II вручать премию; эта задача была поручена председателю жюри. Но в любом случае королева и принц-супруг будут присутствовать на праздничной церемонии, и Маккейн уже настроил съемочные группы телевидения, чтобы они как можно чаще держали их в кадре. Были разосланы приглашения природозащитным организациям по всему миру, большинство из которых не заставили себя долго упрашивать; в лучших отелях Копенгагена, пожалуй, еще никогда не бывало столько дебатирующих о защите природы гостей, как в эти выходные. *Fontanelli Enterprises* на самой церемонии должно было держаться на заднем плане; тому, кто захотел бы увидеть темно-красную букву *f*, пришлось бы ее хорошенько поискать. Маккейн, заменяя печально отсутствующего Джона Фонтанелли, должен был выступить лишь с краткой приветственной речью.

Итак, все шло наилучшим образом, когда к Маккейну подошла одна из секретарш.

— Звонок из Лондона, — сказала она, протягивая ему записку.

Это был приблизительно тот момент, когда Джон Фонтанелли, стоя перед закрытой на кодовый шифр дверью кабинета Маккейна, скомандовал десяти охранникам:

— Ломайте.

Маккейн прочитал записку.

— Фонтанелли? — прошипел он и недоверчиво посмотрел на женщину.

Она кивнула:

— Так он сказал.

— В Лондоне?

Она пожала плечами.

Это был приблизительно тот момент, когда в Лондоне тяжелая дверь поддалась и, треснув, раскрылась. Джон Фонтанелли шагнул в кабинет, указал на ящики и дверцы пись-

менного стола и запертый шкаф с документами у стены и распорядился:

— Ломайте. Все.

— Позвоните в аэропорт, — шепотом приказал Маккейн. — Пусть готовят машину к вылету. Мне срочно нужно возвращаться в Лондон.

И вот он сидел, перелистывая документы толщиной в большой палец, читал названия фирм, которых он еще никогда не слышал, хозяйственные термины, о которых имел лишь смутное представление, рассматривал непонятные кривые и страницы, полные загадочных цифр, с трудом разбирал пометки и ключевые слова, написанные корявым почерком Маккейна, пробегал глазами факсы, тексты договоров и копии писем. Чтобы, долистав до конца и нахмутив лоб, положить этот документ на стопку других, которые он уже просмотрел и так же мало в них понял.

Он не представлял, что все окажется таким трудным. Его дикая решимость улетучивалась с каждой минутой. Он сидел за письменным столом Маккейна, взломанные ящики которого с погнутыми запорами и расщепленной деревянной облицовкой зияли перед ним. Искореженная дверь кабинета теперь не закрывалась, ее можно было лишь прислонить к проему, за которым вполголоса переговаривались охранники, все еще не опомнившиеся от штурма, который он учинил в первые полчаса после своего появления. Теперь штурм утих. Остался лишь упадок духа и чувство непоправимого собственного идиотизма.

Что он предполагал здесь найти? Или, вернее, как он рассчитывал обнаружить изобличительные документы? В этих бумагах могли крыться величайшие заговоры, подлейшие интриги, гнуснейшие обманы — но он не смог бы их разглядеть.

Шкаф с документами. Монстр с выломанными дверцами. Джон рассматривал регистраторы, аккуратно подписанные корешки папок, всю внушающую уважение упорядоченность, которой никак нельзя было ожидать от Маккейна, если исходить из состояния его машины или богатства идей в выборе галстука, вернее, отсутствия богатства идей на этот счет. Но при взгляде на этот архив, который он вел с беспощадной дисциплиной, обнаруживалась прямо-таки

чудовищная одержимость в деле, для исполнения которого никакая жертва не была бы ни слишком большой, ни личной, да и вообще не была бы жертвой.

Вот папка под названием *Еххон*. Джон дотронулся до корешка, спросил себя, что он хотел бы в этой папке найти, и отказался от мысли заглянуть, но тут заметил рядом корешок с надписью *Fontanelli, John*.

Он извлек папку, раскрыл ее. Он нашел там всю свою жизнь, тщательно отслеженную и сведенную воедино, в виде отчета нью-йоркского сыскного агентства «Дэллоуэй». *Джон Сальваторе Фонтанелли, род. 1 сентября 1967 года в Бриджвотере, Нью-Джерси, сын сапожного мастера Франческо Фонтанелли и Джаннины Фонтанелли, урожденной Вентура. Два старших брата: Чезаре, род. в 1958 году, и Лино, род. в 1961 году, оба бездетны. Отец 1936 года рождения, единственный ребенок Энрико Фонтанелли, в 1932 году бежавшего в США от политического преследования режима Муссолини...*

И так далее, и тому подобное. *В настоящее время работает развозчиком пиццы в «Суперпицца-сервисе», которой владеет Г.Мурали. Не проявляет видимых амбиций что-нибудь в своей жизни изменить.* Вот эту деталь «Дэллоуэй», кто бы он там ни был, заметил точно. Джон перелистал папку. Копии школьных табелей, фотографии, как он едет на велосипеде по Манхэттену, копии выписок из его жалкого банковского счета, пока у него еще был счет. Документы о его родителях, его братьях, и вот, поди ж ты, Хелен уже три года проходит психотерапевтическое лечение! Об этом Чезаре никогда не говорил.

И протокол медицинского обследования Лино на предмет пригодности к полетам, естественно. Он рассеянно пролистал страницы — до последней, на которой так и стоял тот диагноз: *бесплоден*.

Одно-единственное слово, решившее исход войны между братьями.

Ну да. Он снова захлопнул папку и уже хотел поставить ее на место, как взгляд его упал на следующую папку, которая стояла следующей по алфавитному порядку.

— Ты смотри-ка, — тихо сказал Джон и раскрыл ее. Прочитал.

Это было сразу же на первой странице. Она была написана по-итальянски, но решающее слово, решающая короткая фраза была подчеркнута красным, с восклицательным знаком сбоку. Джон читал ее снова и снова, не доверяя своему знанию языка, потом не веря своим глазам, потом усомнившись в своем рассудке, и с каждым повторным чтением часть мира, который он знал, исчезала; как будто пол, на котором он стоял, по частям отламывался, пока под ним не обнаружилась бездонная пропасть.

* * *

Кавалькада черных лимузинов. Налет мужчин в серых костюмах. Малькольм Маккейн, управляющий крупнейшим концерном в истории человечества и самый высокооплачиваемый в мире менеджер, боевым шагом подошел к главному входу, который привратник поспешно открыл перед ним.

— Где он? — рявкнул Маккейн.

— Наверху, сэр... — прокашлял старик в ливрее.

— Вызовите мне лифт.

Привратник торопливо заковылял к лифту, а Маккейн сказал своим сопровождающим:

— Я все улажу сам. Ждите меня здесь.

Прозвучал гонг, и мерцающие серебром дверцы лифта раздвинулись.

Наверху неподвижно стояли люди из службы безопасности, и некоторые из них при появлении Маккейна встали навытяжку, готовые салютовать ему. Маккейн проигнорировал их, не сводя глаз со своей раскуроченной двери, повисшей на петлях. Он протопал к ней, оттолкнул ее в сторону и вошел в свой кабинет, который вот уже два года был истинным центром могущества на этой планете.

Джон Фонтанелли сидел с поникшими плечами за письменным столом. Вокруг беспорядочными кучами громоздились документы, ковер был усыпан щепками.

— Могу ли я узнать, — спросил Маккейн, с трудом сдерживаясь, — что здесь происходит?

Джон Фонтанелли поднял усталый взгляд. Глаза его глубоко запали, лицо было бледно, как будто он видел призрака, и это сверхприродное явление предсказало ему ран-

нюю и насильственную смерть. Он начал говорить, но закашлялся и начал с начала.

— Для этого я и пришел сюда, — сказал он. — Чтобы узнать, что происходит.

Маккейн скрестил на груди руки, демонстративно огляделся.

— Это вы? Это вы велели взломать все мои шкафы?

— Да, — просто сказал Джон.

— Могу я спросить, почему? И могу я спросить, — продолжал он с ледяной яростью, — что, черт возьми, вы здесь вообще делаете? Откуда вы вдруг взялись, когда весь мир считает, что вас похитили в Мехико? Что вас, возможно, давно уже нет в живых?

Джон потер подбородок.

— Нет в живых, да, — задумчиво сказал он. — До этого оставалось совсем немного. — Он изможденным движением взял папку, лежавшую перед ним на столе, и подвинул ее к Маккейну. — Вы знаете, что это такое?

Тот лишь бросил на папку недовольный взгляд.

— Понятия не имею.

— Это досье, которое я нашел в вашем шкафу для документов. Кстати, непосредственно за тем досье, которое вы вели на меня. — Он повернул папку так, чтоб была видна надпись на корешке. — Что неудивительно, если следовать алфавитному порядку.

На корешке было написано *Фонтанелли, Лоренцо*.

— И что? — злобно спросил Маккейн.

Джон раскрыл папку.

— Первый документ в ней, — сказал он со вздохом, — медицинское заключение. Подобное тому, какое вы раздобыли на моего брата Лино, одному Богу известно, каким образом. Медицинское заключение написано по-итальянски, но одна бросающаяся в глаза пометка — сделанная вашей рукой, как я полагаю — указывает на самый существенный пункт. — Он ткнул пальцем на строчку, подчеркнутую красным. — Здесь написано: *«Аллергия на пчелиный яд — опасность анафилактического шока»*.

Маккейн лишь смотрел на него, ничего не говоря. В рано опустившихся сумерках он внушал страх одним своим присутствием. Казалось, он целиком заполнял помещение и был в состоянии подавить в нем кого угодно.

— Я идиот, — сказал Джон. — Признаю это. Мне можно было вешать на уши любую лапшу, я верил. Я не задавал вопросов, не фиксировал расхождения и не замечал обмана. Я был так наивен, что при виде меня, наверное, трудно было сдерживать смех. Да, чистый идиот. — Он взял папку и положил ее перед собой. — Но когда перед тобой лежат все факты, ясные и однозначные, когда у тебя достаточно времени на раздумья, да если еще тебя пару раз ударят по башке твердым предметом, то, даже будучи идиотом, начинаешь понимать, что происходит.

Он встал, так тяжело, будто на его плечах лежал груз весом в тонны.

— Вы двадцать пять лет готовились к решающему дню. Разумеется, вы так же, как и Вакки, держали под наблюдением возможного наследника. Вы вели наблюдение за мной, а после того, как родился Лоренцо, стали наблюдать за ним: что он за человек, как он развивается, что намерен предпринять в жизни. — Он горько рассмеялся. — Лоренцо не повезло: он был слишком умен и прозорлив, слишком самостоятелен. Он был вундеркинд, он побеждал на олимпиадах и получал награды, его будущее было многообещающим. Вы видели его и сделали правильное заключение, что этим мальчиком вам никогда не удастся вертеть по своему усмотрению. Лоренцо бы сам знал, что делать с наследством, и его планы были бы хороши. Он был гениален в математике, производственные и экономические расчеты были бы для него парой пустяков. Он быстро научился бы обращению с деньгами и властью — если не он, то кто же? В вас Лоренцо не нуждался бы. И все ваши планы, все ваши приготовления пошли бы насмарку, если бы триллион унаследовал Лоренцо. И вы решили, что лучше сделать наследником простачка из Нью-Джерси, ни на что не годного сына сапожника.

Маккейн все еще молчал. Сумерки сгущались, но сквозь высокие окна проникало еще достаточно света, чтобы видеть, что глаза Джона Фонтанелли наполнились слезами.

— Истинным наследником был Лоренцо, — прошептал Джон, — а вы убили его. Это ему суждено было исполнить прорицание и вернуть людям утраченное будущее. У него было все, необходимое для этого. Я всегда догадывался об этом. Наследник — не я, и никогда не был им, я был лишь

пешкой в вашей игре, Маккейн. Вы убили истинного наследника, потому что вам любой ценой нужно было провести свой план.

Его шепот производил в темных углах кабинета странное эхо, похожее на змеиное шипение.

— Джон, — медленно сказал Маккейн. — Вы пытаетесь в чем-то убедить себя.

Джон Фонтанелли, казалось, не слышал его.

— Не знаю, как вы сделали это. Как убивают человека при помощи пчел? Например, стеклянная банка с закручивающейся крышкой, в крышке, может быть, несколько крошечных отверстий, чтобы у пчел был воздух, и в банке свежая, сладкая, сочная груша. Я представляю себе мужчину, который зажал шуплого подростка и заталкивает ему в рот грушу, облепленную пчелами. У вас что, был контакт с Лоренцо? Вы под каким-то предлогом говорили с ним? Может, и вас ужалила пара пчел. Вы знали, что Лоренцо умрет от пчелиного яда, как вы всегда знали все о каждом, с кем имели дело. И он умер, вовремя, незадолго до решающего дня, причем не вызывая подозрений.

Установилась тишина, в которой было слышно лишь дыхание Джона, походившее на задушенное всхлипывание.

Маккейн откашлялся.

— Нет, Джон, так дело не пойдет. Прежде чем возвести на кого-то обвинения, вы должны удостовериться, что все, что вы утверждаете, можно доказать.

— Ага, — рассеянно кивнул Джон.

— А этого вы не можете. Ничего из сказанного вы не можете доказать.

Джон с шумом вобрал воздух.

— Где вы были в тот день, когда умер Лоренцо?

— Не занимайтесь глупостями, — несдержанно ответил Маккейн. — Разумеется, я этого не помню. Но я не сомневаюсь, что достаточно заглянуть в мой старый ежедневник, чтобы реконструировать это.

— Преступление можно размотать.

— Не было никакого преступления. Вы немного помешались на этом, Джон.

— Можно проверить по данным авиакомпаний, когда вы были в Италии. — Он запнулся. — Хотя, если подумать, как я без проблем прилетел сюда из США с чужим паспортом, то не стоит, наверное, и розыски вести, да?

Маккейн кивнул.

— Вам ничего не доказать. Да и доказывать нечего.

— Вы правы. Я не могу ничего доказать, — сказал Джон и включил настольную лампу. — Но вы сделали еще кое-что, одну несусветную глупость, и ее я могу доказать. — В его голосе вдруг зазвучала сталь, и движение, каким он достал из кармана сложенный лист бумаги, подействовало как удар лапы пантеры. — Вы давали консультационные задания общей стоимостью в миллиард долларов фирме Callum Consulting. Фирме, которая принадлежит вам. Любой суд на этой планете признает вас в этом случае виновным как минимум в измене, которая является тягчайшим нарушением договора найма вас в качестве управляющего и оправдывает ваше немедленное увольнение.

Маккейн оглянулся. В дверях и вдоль стены у него за спиной стояли люди из службы безопасности, выросшие как из-под земли. Включение настольной лампы было сигналом, о котором Джон заранее с ними условился.

— Вы уволены, Малькольм, — сказал Джон ледяным тоном. — Если у вас еще остались в столе какие-то личные вещи, можете забрать их сейчас. После чего эти господа проводят вас к выходу. — Он окинул его взглядом, полным презрения. — Ну да ведь процедура вам знакома.

И потом он был один. Один отвечал на вопросы прессы. Один сидел в помещениях по ту сторону мраморных барьеров и пытался руководить концерном, о котором имел лишь схематическое представление. Один читал документы, вызывал к себе сотрудников, вел переговоры, принимал решения. Один сидел за огромным столом в огромном конференц-зале, ел свой обед, глядя на зимнюю панораму финансового центра Лондона, одиноким, непобедимым королем которого был он сам.

Журналистам Джон рассказал о похищении, по возможности близко к правде. Умолчал лишь детали своего возвращения в Великобританию под чужим именем; сказал, что ему помог друг, и этим ограничился. Упомянул он и о встрече с Рэндольфом Бликером, и об утверждениях того, что он действует по заданию заказчиков. И рассказал о неделях, проведенных в трущобах на свалке.

Это были минуты, когда в зале пресс-конференции установилась прямо-таки осязаемая тишина.

— Я дал поручение одному адвокату найти эту женщину. Она может подтвердить мои слова, так же как и то, что я был связан, когда она нашла меня, — сказал Джон. — Но не это было главным основанием моего поручения адвокату. Главной причиной было мое желание выразить ей признательность. — Он рассказал о квартире, которую он подарил женщине, о пожизненной пенсии, и представители желтой прессы взвыли от восторга. Ложкой дегтя в бочке меда было лишь то, что Джон не пожелал назвать ее имя.

Позднее к нему явились представители Интерпола, которые запротоколировали его показания, но оставили ему мало надежды на поимку преступников. Самое большее, на что можно было надеяться — если Бликер попадется случайно. На этот случай и хранились обвинительные материалы в папках и компьютерах Интерпола. От них он узнал, что Урсула, естественно, не была в Мехико и вообще ничего не знала о случившемся, и что телохранителя, при странных

обстоятельствах сменившего Марко Бенетти и известного коллегам под именем Фостер, тоже не могут найти.

Это были единственные развлечения последних недель. В остальном он работал так, как не работал еще никогда в жизни. В семь часов утра он уже появлялся в своем кабинете, а когда заметил, что времени все равно не хватает, стал приезжать к шести, а потом и к пяти часам, до девяти читал горы писем, проекты договоров и меморандумы, потом начинались переговоры, сменяя друг друга — до поздней ночи. Он вызывал к себе людей с докладом, давал указания, требовал пояснений к проектам, строительным планам и финансированием, на каждую проблему требовал предложений по ее устранению и принимал решения, говорил «Да» или «Нет» или требовал альтернатив. Он восседал во главе большого стола, за его спиной блистали очертания города, на него были устремлены глаза пятидесяти и более директоров, каждый из которых был как минимум лет на десять старше его, он говорил им, чего хочет, требовал их мнений и отпускал их кивком, потому что наступало время следующей встречи.

Поначалу его это возбуждало. Чистый адреналин. Он чувствовал свою значительность, он держал бразды правления, он нес на своих плечах тяжесть целого мира. В иные моменты это было лучше, чем секс, и он начал понимать, почему столь многие так падки до карьеры, могущества и влияния. Это было приятное чувство — подниматься поздно вечером из-за письменного стола в окружении той же темноты, которую застал здесь утром, то есть целую вечность назад, и быть опустошенным событиями дня не меньше, чем спортивным матчем или ночью любви.

Но уже через несколько дней он почувствовал, что силы его на исходе. Утром он едва вставал с постели, в зеркале ванной видел у себя круги под глазами, ему требовались невообразимые количества невероятно крепкого кофе, чтобы прийти в себя, и еще больше, чтобы там оставаться. Его «Роллс-Ройс» привозил его в подземный гараж замка далеко за полночь, и по дороге он регулярно засыпал на заднем сиденье. Во время переговоров он был раздражителен, быстро терял терпение, становился несдержанным и грубым. И хотя люди вздрагивали и искали в себе вину за дурное расположение духа этого могущественного человека, Джон

знал, что причиной была его собственная слабость, что он больше не мог контролировать то, что делал или говорил. Он понимал опасность своего положения: концерн принадлежал ему до последнего винтика и обгрызенного карандаша — он стоял вне риска лишиться должности. И был достаточно богат, чтобы умереть богатым даже после того, как до конца жизни будет нести миллиардные убытки.

Памятуя девиз Маккейна, что деньги компенсируют все, даже недостаток таланта, он в течение нескольких дней тайно проходил инструктаж у одного из лучших в мире консультантов в области менеджмента. Он начал устанавливать приоритеты. Он больше не принимал к рассмотрению заключений длиннее одной страницы. Он требовал, чтобы никто не приходил к нему с проблемой, не имея наготове предложения по ее решению. Переговоры он вел стоя, чтобы они не затягивались. Он упражнялся в искусстве правильного делегирования полномочий. И так далее.

Но легче ему не стало. Он хотел продать замок и купить себе квартиру в городе, но до этого у него так и не дошли руки. Он уже подумывал, не поставить ли в комнате, примыкающей к кабинету, кровать, но даже это намерение так и не дошло до исполнения. Он так и не позвонил Урсуле — и должен был признаться себе, что, если бы она и вернулась к нему, он не знал бы, куда ее втиснуть в его плотно утрамбованную жизнь.

Рождественские праздники он почти полностью проспал — передышка, в которой он безотлагательно нуждался. С невольным уважением он спрашивал себя, как Маккейн мог выдерживать такую нагрузку все эти годы.

* * *

— К сожалению, — сказал адвокат, потирая руки цвета слоновой кости, которые так и тянулись к пачке сигарет в кармане его рубашки и лишь в последний момент отдергивались.

Джон смотрел на него и чувствовал бесконечную усталость, лежащую на его душе, как толстый слой снега. Жар гнева тлел где-то под ним, не разгораясь, но и не угасая.

— Но ведь то, что сделал Маккейн, это обман! — настаивал он.

— Вопрос стоит не так. Вопрос в том, добьемся ли мы приговора? И тут мои прогнозы пессимистические, — ска-

зал адвокат мягким голосом. — Одно то, что процесс может затянуться на годы. Мистер Маккейн богатый человек. Он может воспользоваться услугами лучших адвокатов, какие только есть.

— Лучших адвокатов? А я думал, они все у нас?

— Ну да, скажем так, это будет борьба равнозначных партнеров. В любом случае это будет интересно. Один из тех процессов, которые годами кормят целые адвокатские конторы.

Джон смотрел то на адвоката, то на проект искового заявления и думал о Лоренцо, который был истинным наследником и которому пришлось погибнуть от пчелиного яда, потому что у Маккейна были другие планы. Он никогда не сможет этого доказать, хотя твердо убежден, что все случилось именно так. И если не за это, то хотя бы за обман он должен посадить Маккейна в тюрьму.

— Подавайте иск, — сказал он и почувствовал печаль, словно осколок в сердце. — Мне все равно, сколько это продлится.

— Воля ваша, — кивнул адвокат, показывая свою макушку с поредевшими волосами. — В любом случае, если вас это успокоит, встречный иск мистера Маккейна ждет та же самая участь.

— Что еще за встречный иск?

— Меня очень удивит, если он не подаст в суд на возмещение заработной платы и восстановление в должности из-за неправомерного увольнения. Поскольку в договоре его найма есть несколько крайне многозначных оговорок, которые можно повернуть и так, и эдак. — Он задумчиво улыбнулся. — Но, как я уже сказал, это может затянуться на десятилетия. Мы тоже мастаки в таких вещах.

* * *

В первые дни 1998 года необычайно много персонала из руководящего состава уволилось со своих ответственных, хорошо оплачиваемых мест в широко разветвленной иерархии *Fontanelli Enterprises*. Лишь когда один из ведущих аналитиков рассказал Джону, как во второй день Рождества ему позвонил Маккейн, предлагая более высокооплачиваемое место, стало ясно, что цейтнот и перенапряжения — еще не самый опасный противник.

Те, что увольнялись, не приводили убедительных оснований для этого; лишь один упомянул «слабость руководства» и «неуверенность в завтрашнем дне», не указывая, кого конкретно он имеет в виду. Из нескольких таких бесед Джон вынес впечатление, что люди поступают так не вполне добровольно: будто у Маккейна в руках есть какое-то средство воздействия на них.

Увольнения создавали ощутимые прорехи в деле. Но постепенно выявлялось, что есть кое-что похуже, чем преданные Маккейну люди, покидавшие концерн, а именно: те, кто остался для того, чтобы незаметно подсыпать в привод песок. То где-то склад вдруг оказывался пустым, потому что кто-то «забыл» своевременно сделать заказ, а в результате останавливались целые производственные линии. Случались нелепые ошибки в важнейших расчетах, влекущие за собой производственные потери или досадные юридические тяжбы. Внезапные компьютерные сбои парализовали целые предприятия, ввергали в хаос всю логистику межконтинентального масштаба и наносили урон балансу и престижу. Валютный отдел после двух триумфальных лет разом вошел в полосу неудач и проводил такие сделки, что Джону не оставалось ничего другого, как просто закрыть его.

В середине января Джон позвонил в Хартфорд. Уже сам замогильный голос, каким ответил профессор Коллинз, не предвещал ничего хорошего, и Джон даже не удивился, когда исследователь будущего на его вопрос, что с проектом, ответил:

— Ничего. Все уничтожил компьютерный вирус.

* * *

Времена, когда профессор Коллинз хотя бы изредка уделял внимание своему внешнему виду и одежде, миновали. Немногие оставшиеся на голове волосы делали что хотели, а то, что рубашка в пятнах, а рукава пиджака истрепались, он даже не замечал. Судя по кругам под глазами, спать ему в последнее время приходилось лишь урывками.

— Это может быть только саботаж, — заявил он. — Не только вычислительные центры UNIX полностью опустошены вирусной атакой, но и персональные компьютеры с программным кодом переформатированы, после чего все программы невосполнимо погибли.

Солнце светило с ясного неба, заливая конференц-зал нехотят радостным светом. Джон хотел даже опустить затемнение, потому что в глаза ему бликовал кофейник. Но удовольствовался тем, что отвернул в сторону хромированную ручку.

— Я не понимаю, — устало сказал он. — Ведь вы должны были создать резервные копии всех данных.

— Разумеется. Но все резервные копии оказались нечитаемы. Не читается ни один диск. Будто кто-то обработал их сильным магнитом. — Ученый начал разминать пальцами лоб. — Все разрушено. Мы пытаемся теперь восстановить программы и данные по записям на бумаге, по распечаткам, но на это уйдут месяцы. Просто катастрофа.

— И когда это произошло?

Коллинз вздохнул:

— В середине декабря. В ночь на четырнадцатое. В выходные.

— А почему я узнаю об этом только сейчас?

Исследователь будущего осекся, задумчиво разглядывая Джона.

— Да, я тоже спрашиваю себя об этом... Нет-нет, я же посылал вам факс. Теперь я точно припоминаю. Весь понедельник мы пытались оценить масштаб разрушений, а во вторник я послал вам факс. Вот как было. Я не хотел звонить, потому что был слишком взволнован, теперь я припоминаю. Но я должен был поставить вас в известность, из-за второй фазы.

— Вторая фаза? — Джон помотал головой. — Факс до меня не дошел, профессор. Такое, к сожалению, стало случаться. А о второй фазе я вообще ничего не знаю.

— Но разве вам не говорил мистер Маккейн?..

— Нет.

— Ах, вон что. — Он понимающе кивнул. И рассказал о событиях вечера, когда демонстрировал Маккейну результаты первой фазы. — Утром после этого он снова пришел, хотел переписать версию программы на свой лэптоп. Это довольно длительная процедура, и за это время мы обсудили задание второй фазы. Она имеет несколько умоузырительную природу; так, например, он хотел, чтобы мы просчитали последствия всемирной эпидемии в 2009 году и тому подобное... — Его глаза с темными кругами блеснули: — Я

вспомнил, этот лэптоп! Ведь он где-то остался. Не оставил ли он его случайно где-то здесь?

— Нет. Наверное, взял с собой. — Джон пренебрежительно махнул рукой. — Пусть удовольствуется этим.

* * *

В конце января 1998 года в новостях все большее место стала занимать одна тема: сексуальные проступки американского президента. Едва он успел, после долгой юридической возни, дать показания под присягой о тлеющем в течение нескольких месяцев инциденте, как всплыли новые имена и сомнительные магнитофонные записи, и споры обострились. Президент, как говорили, хотел подбить практикантку к ложной присяге. В то время, как его противники требовали начала процедуры импичмента, президент отрицал сам факт аферы с означенной женщиной. Его жена говорила о заговоре правых кругов, курс доллара на международных финансовых рынках упал, и финансовый кризис в Юго-Восточной Азии грозил перекинуться на Соединенные Штаты.

Джон следил за телевизионными новостями со странным чувством ирреальности. Телефонный разговор с Маккейном во время его филиппинского круиза все еще звучал у него в ушах. Недослушав телекомментатора, он встал, шагнул к шкафу Маккейна и отыскивал папку, озаглавленную *Клинтон, Билл*, содержащую тщательно спланированную концепцию дискредитации. Впереди было подшито короткое досье на человека, который занимался расследованием так называемой аферы *Whitewater*. У его портрета было нацарапано рукой Маккейна: родился в Верноне, Техас; отец священник; наряду с этим успешная адвокатская деятельность (1997 год: 1 миллион долларов), клиенты — среди прочих табачная промышленность. Далее следовал текст соглашения, к которому американское правительство пыталось принудить табачную промышленность: производители сигарет должны были во избежание дальнейших исков в продолжение 25 лет выплатить 368,5 миллиарда долларов на лечение больных курильщиков. «Сколько они, собственно, зарабатывают? — нацарапал Маккейн, и еще: — Клинтон ведет речь о повышении суммы до 516 миллиардов».

Смутное чувство грядущей беды охватило Джона.

И словно в подтверждение этого предвестия он прочитал в *Financial Times*, что Малькольм Маккейн избран председателем правления концерна *Morris-Capstone*. Об этом предприятии было известно очень мало. Оно практически полностью принадлежало одной из старых американских семей, живущей очень скрытно: в архивах прессы не было даже фотографий некоторых членов семьи. Джону пришлось расспрашивать своих аналитиков, чтобы узнать, что *Morris-Capstone*, помимо того, что он имел долю в некоторых окутанных тайной фирмах по генной технике и одной фабрике ручного огнестрельного оружия, был одним из крупнейших в мире производителем табачных изделий.

И также в собственности старого американского семейного предприятия была телекомпания, которой Малькольм Маккейн дал первое интервью после своего ухода из *Fontanelli Enterprises*. На эту тему он высказался подробным образом. Ни в коем случае, подчеркнул он в ответ на соответствующий вопрос, он не был уволен; он просто больше не видел альтернативы, сверх меры натерпевшись от эскапад Джона Фонтанелли, особенно после его последней выходки с разыгранным похищением в Мехико.

— Представьте себе, что вас похищают, — потребовал он от интервьюерши, — и потом снова отпускают — что бы вы сделали? Наверняка обратились бы в полицию, не так ли? Любой бы так поступил. Но не Джон Фонтанелли. Он бесследно исчезает и потом объявляется через три недели как по мановению волшебной палочки, целый и невредимый, за шесть тысяч миль от места похищения, в Лондоне. Это, на ваш взгляд, нормально?

Разумеется, журналистка совсем не находила это нормальным.

Маккейн поведал, как он лез из кожи, чтобы создать стабильное предприятие, которое и во времена глобализации обеспечивало надежными рабочими местами миллионы людей.

— Фонтанелли думает, что все сможет сам, — продолжал он. — Но не прошло и двух месяцев, как он единолично руководит концерном, а все уже трещит по швам. Видеть это очень больно, — добавил он с горьким выражением лица. После чего детально описал кризисы по всем концам

империи Фонтанелли, фактически настолько детально, что уже не требовалось доказательств, что внутри концерна у него остались внутренние осведомители.

— Каковы ваши прогнозы? — спросила журналистка. — Теперь все эти рабочие места в опасности?

Маккейн серьезно кивнул:

— Абсолютно.

После этого интервью Джон выключил телевизор. Он дал распоряжение секретариату в ближайшие часы ему не мешать и подошел к окну, чтобы смотреть в снежную метель и спрашивать себя, что, черт возьми, на самом деле происходит.

* * *

В высокие окна сыпал дождь пополам со снегом, декорации города размыло пеленой. Секретарша уже давно принесла кофе и печенье, но лорд Петер Робурн так и не притронулся к ним. Экономический журналист, предпочитавший вместо делового костюма носить вязаный пуловер ручной работы, известный под именем кардиган, и темно-зеленые брюки из вельвета, уютно сидел в кресле и внимательно слушал, что Джон говорит ему о цели приглашения.

— Честно говоря, я ждал этого момента с того достопамятного ужина в вашем замке, — сказал он, сцепив пальцы. — Собственно, я еще тогда думал, что мне удалось вызвать ваше любопытство, но... — Он развел руками и снова уронил их на колени. — Итак, вы хотите знать, как можно было бы спасти человечество.

Джон поежился:

— Можно сказать и так.

— Хорошо. — Робурн улыбнулся. — Ну, первый шаг очень простой: отмените подоходный налог.

Джону показалось, что он ослышался или попал не на тот фильм.

— Вы ведь шутите?

— Уверяю вас, это очень серьезно.

Он смотрел на журналиста-экономиста, наморщив лоб.

— Честно говоря, я ожидал чего-то другого.

— Потому что вы читали мою книгу, ясно. Но я написал ее двадцать лет назад. И с тех пор не переставал думать об этих проблемах. А когда долго и напряженно бьешься над

одной темой, неизбежно приходишь к каким-то новым мыслям. — Робурн снова развел руками. — Когда видишь, к каким ухищрениям прибегают люди, чтобы сэкономить на подоходном налоге, поневоле начинаешь думать о каких-то разумных переменах. Помимо того, — с улыбкой добавил он, — я люблю этот тезис еще и потому, что он неизменно вызывает интенсивную реакцию.

Джон скрестил на груди руки и откинулся на спинку кресла.

— Действительно вызывает.

Робурн впал в поучительный тон — так, будто этот доклад ему приходилось читать уже неоднократно.

— Интересно изучать историю налога. Дань с народа собиралась с тех пор, как существует городская цивилизация. Это был путь, каким господствующий класс мог финансировать свое существование, свои военные приключения и прочие проекты. Многие из налогов, изобретенные еще в античные времена, взимаются и по сей день, хоть и в видоизмененной форме, и это несмотря на то, что они составляют лишь крохотную часть государственных сборов, а в некоторых случаях собрать их стоит дороже, чем они приносят средств. Это связано еще и с тем, что налоговая нагрузка сегодня в целом выше, чем раньше. В течение столетий «десятина», то есть десятипроцентная дань, воспринималась как почти неприемлемо высокая. — Он поднял брови в аристократически-насмешливой улыбке. — Мы бы сейчас благодарно рухнули на колени, если бы налоги опустились до этого уровня — чего они, кстати сказать, никогда не сделают. Поскольку со времен промышленной революции и связанных с ней перемен — таких, как высокая стоимость вооружения и ведения войны, повышение социальных выплат и изобретение дотаций для определенных областей хозяйства и тому подобное, — государственные расходы росли существенно быстрее, чем экономика, фактически они настолько высоки, что сегодня практически все государства являются должниками, и это большой вопрос, как они выпутаются из своих долгов.

— Очень просто, — вполголоса вставил Джон. — Пусть возьмут в долг у меня.

На это замечание Робурн не обратил внимания.

— Великобритания ввела подоходный налог в 1799 году, чтобы финансировать войны с Наполеоном, и в 1815 году

снова отменила их. Но они уже вошли во вкус. В 1842 году его снова ввели, якобы в качестве временной меры, но, как мы все знаем, это длится и по сей день. Подобным же образом обстоят дела со всеми основными государствами, где сегодня существуют налоги с оборота, с прибыли, с зарплаты, и эти сборы составляют большую часть государственного дохода. — Он поднял указательный палец. — Что я хочу этим сказать: что подоходный налог не является ни богоданным установлением, ни неприкосновенной святыней. Его как ввели, так и отменить недолго. Стоит лишь захотеть.

— Но зачем? — возразил Джон. — Конечно, никто не любит платить налоги, но я не вижу, чтобы подоходный налог был бы настолько опустошитель, чтобы его приходилось отменять.

— Разумеется, его придется заменить чем-то другим, — согласился Робурн. — В конце концов современное государство не может жить с одного только соляного налога.

— Ваш налог на ущерб окружающей среде?

— Это уже ближе. Но это была моя позиция, повторяю, двадцатилетней давности. С тех пор мои убеждения немножко продвинулись. — Робурн сделал неопределенный жест рукой. — Надо прежде всего иметь в виду, что налоги выполняют управляющую функцию. Они умеряют то, что ими облагается. Налоги на активность по созданию новых стоимостей — такую, как работа, инвестиции или торговля — оказывают отрицательное влияние именно на нее, ибо благодаря тому, что они рассчитываются в процентах и, как правило, еще и прогрессивно, ими нельзя пренебречь, сколько бы ни зарабатывал. В США взимается около 500 миллиардов долларов налога на заработную плату в год, это повышает расходы предприятий по зарплате и приводит к сокращению рабочих мест, поскольку не всякое рабочее место себя окупает. Из-за этого экономика теряет до 150 миллиардов долларов.

Джон некоторое время раздумывал.

— Но эти потери возникают при любом виде налогообложения, так? Их нельзя устранить, разве что совсем отменить налоги.

— Правильно, — согласился журналист. — Дело не в том, чтобы их устранить, а в понимании, каким образом

налоги воздействуют на поведение и решения людей. Налоги управляют. Они наказывают то, что облагают. Моя основная идея состояла в том, чтобы обложить налогом ущерб окружающей среде. В первый момент звучит неплохо, да?

Джон озадачился.

— Да. Поэтому мы и сидим здесь.

— Вот так человека настигают грехи его молодости, — вздохнул лорд, но не очень сокрушенно. — Поскольку дьявол подстерегает нас в деталях. Ведь как рассчитать ущерб окружающей среде? В моей книге я от этого вопроса увильнул. Сколько могут стоить выбросы в атмосферу? Стоит ли кадмий в земле больше, чем двуокись углерода в воздухе, и если да, то на сколько? Как рассчитывать налог на отходы — по объему, по весу или по составу? И как учесть теплоизлучение от машин? Сложная тема, она просто приглашает к хитростям и манипуляциям. В те времена я считал, что это второстепенные вопросы, но когда начал этим заниматься, мне больше десяти лет пришлось вести расчеты в тщетном поиске простоты и справедливости. Пока до меня не дошло, в чем состоит принципиальная ошибка.

Тут он наконец взялся за свою кофейную чашку, наполнил ее, добавил сахар и принялся невозмутимо его размешивать. Джон обратил внимание, какие у Робурна нервные и тонкие руки — руки музыканта или художника, странно контрастирующие с его непритязательной манерой держаться.

— В восьмидесятые годы мне попался народнохозяйственный баланс Коста-Рики, который на первый взгляд выглядел радужно, а на второй вселял ужас. Эти люди вырубили на экспорт свыше сорока процентов своих вековых лесов. Меня шокировало, что в расчет валового внутреннего продукта это обстоятельство входило исключительно позитивно. При таком подходе им выгоднее всего было бы вырубить леса до последнего дерева. А то, что это вызвало бы в последующие годы сельскохозяйственную катастрофу, из цифр никак не усматривалось. Я долго размышлял об этом и пришел к заключению, что все зло кроется именно здесь: в ошибочных расчетах.

— Неправильно рассчитанный баланс? Я не понимаю.

— О, сам по себе баланс был корректный, я имел в виду совсем не это. Правила, по которым его составляли,

были неверные. Определение валового внутреннего продукта бездумно, если оно не учитывает такие факторы, как окружающая среда и ограниченные природные ресурсы. Теперь перешли на другой параметр — совокупный общественный продукт, но и он ненамного лучше.

— Вы критикуете как раз экономическую науку, если я вас правильно понял.

— Некоторые именитые люди вообще оспаривают, что есть такая наука — экономика.

— Это, случайно, не те же самые люди, которые оспаривают, что высадка на Луну действительно состоялась?

— Я не присутствовал при высадке на Луну, а вы?

— Мне тогда не было и двух лет.

— Отличие в том, что здесь я не обязан верить кому-то на слово. Я могу пересчитать все сам. И с тех пор, как я это понял, я снова и снова убеждаюсь, что все катастрофы начинаются с чьих-то неверных расчетов. — Наконец-то он сделал глоток кофе. — Возьмите, например, атомную энергию. Независимо от всех споров за и против использования атомной энергии, большинство из которых питаются скорее эмоциями, чем рассуждениями, дело обстоит так, что никогда бы не была построена ни одна гражданская атомная электростанция, если бы с самого начала все просчитали как следует. Такое якобы дешевое электричество атомных станций дешево только потому, что его производители тщательно избегают включения в калькуляцию отчислений в резервный фонд на обезвреживание отработанного атомного топлива. Поскольку атомная энергия была политически желанна, они могли исходить из того, что эти расходы можно перевалить на общество, тем более в неопределенном будущем, когда с них уже не спросится. На самом деле атомная энергия нерентабельна. Вот что я понимаю под неверными расчетами. Если ваш бухгалтер делает нечто такое, мистер Фонтанелли, он должен сесть в тюрьму.

Он неторопливо поставил свою чашку.

— Ошибка традиционного подхода состоит в том, что ресурсы считаются неограниченными и учитывается лишь стоимость их добычи. Это приблизительно так же разумно, как если бы купец приобрел магазин с большим складским запасом, ну, скажем, тостеров и в расчет цены включает лишь расходы на то, чтобы пойти на склад и взять с полки

тостер. Мы поступаем именно так. Вот лес, и мы считаем, во сколько обойдется спилить дерево, сколько стоит транспортировка в порт, и радуемся той сумме, которая у нас после этого осталась от продажи древесины. То же самое — с извлечением нефти, руды и так далее.

Джон кивнул:

— Понимаю.

— И до меня стало доходить, что в этом и кроется решение проблемы. — Он выдержал искусственную паузу перед тем, как подвести итог: — Я подумал: что, если отменить все имеющиеся налоги и ввести один только налог — на сырье?

— Что? — вырвалось у Джона. — Но это было бы несправедливо, потому что коснется только предприятий, обрабатывающих сырье.

Робурн поучительно поднял указательный палец:

— Кстати сказать, этот налог должен быть введен единообразно по всему миру, чтобы индустрия не перебегала с места на место в поисках благоприятных налоговых условий, и платить должны те, кто что-нибудь берет из земли — нефтедобывающие компании, угольные шахты, рудники и так далее. Но, разумеется, он перейдет дальше в более высокие цены, и в конце концов этот налог равномерно распределится на всех. Лишь расходы по управлению стали бы радикально ниже, чем в наши дни. Больше не было бы подоходного налога, налога с фонда зарплаты, с прибыли, с оборота и так далее, зато подорожали бы предметы повседневной необходимости.

— Потому что в них применяется сырье, и на цены лягут налоги.

— Вот именно.

Джон некоторое время осваивал эту мысль. Было ли это величайшим безумием, какое ему приходилось слышать, или гениальной идеей, своеобразным Колумбовым яйцом?

— Тогда люди станут экономнее обходиться с сырьем и энергией, — размышлял Джон. — Тогда не будет выгодно везти консервы через всю Европу; по крайней мере, после этого они уже не будут стоить в магазинах меньше доллара. Подорожает материал упаковки, и люди будут предпочитать нерасфасованные продукты.

Робурн кивнул:

— И восстановление вторсырья вдруг начнет окупаться. Сегодня приходится заставлять фирмы принимать назад банки из-под напитков и тому подобное. Почему? Потому что сырье слишком дешево. Потому что цены на него не соответствуют реальности — ни экономической, ни экологической. Но введите налог на сырье, и люди будут ломиться в двери фирм утилизации, чтобы *продать* им свои отходы. Когда сырье дорогое, то задумаешься, стоит ли выбрасывать его в трубу в виде вредных веществ. — Робурн поднял руку. — И подумайте, сами собой устранились все формы налога с оборота. Это значит, что работа снова подешевеет, потому что фонд зарплаты не будет отягощен дополнительным грузом налогов. Всевозможные услуги станут дешевле. Безработица перестанет быть проблемой.

Джон задумчиво кивнул.

— Но, — пришло ему в голову, — разве это было бы справедливо? Я хочу сказать, определенная часть ресурсов, прежде всего энергии, необходима просто для поддержания жизни. Разве ваш налог не коснется в первую очередь бедных, в то время как у богатых будут развязаны руки расходовать их деньги на природоразрушительную деятельность.

Робурн развел руками:

— От вас, наверное, не ускользнуло за всю вашу жизнь, мистер Фонтанелли, что все тяготы жизни задевают бедных куда чувствительнее, чем богатых, за исключением разве что кризисов в производстве икры.

— Да, но мне бы не хотелось обострять это еще и через налоговую систему. Или подумайте о том, что разные страны обладают разными запасами сырья. В Японии их почти совсем нет. И государство сможет собирать лишь минимальные налоги.

— Вот это, пожалуй, самое серьезное возражение, — признал Робурн, — и на этот случай у меня припасено одно предложение. Налоги на сырье, как мы уже говорили, во всем мире будут взиматься единообразно, но я бы предоставил свободу отдельным государствам или даже регионам и городам дополнительно облагать налогом *состояние* их граждан по их усмотрению. Это был бы налог, который коснулся бы сильнее богатых и таким образом сгладил со-

циальное неравенство. Более того, это позволило бы устранить многие препятствия, которые сегодня стоят на пути действительной свободы передвижения — границы, миграционные квоты, ограничения разрешения на работу и так далее, — потому что все миграционные передвижения регулировались бы сами собой различной привлекательностью регионов.

Это звучало хорошо, должен был признать Джон. И он снова вспомнил свое самое первое посещение Лондона, и другой кабинет, в других условиях, и как тогда тоже все звучало хорошо, прямо-таки гениально.

Как давно это было. Столько всего произошло за минувшие годы — и в то же время... *ничего*...

— Но как вы собираетесь определять, какое сырье каким налогом облагать? — спросил он.

Робурн кивнул, как будто ожидал этого вопроса.

— Для этой проблемы есть просто-таки беспощадно простое математическое решение. А именно: вы должны лишь корректно вести баланс по тем же самым меркам, что и для предприятия. Возьмите, например, нефть или уголь. Сегодня уже никто не будет оспаривать, что речь идет об ограниченных ресурсах. Есть различные теории о том, как велики природные запасы, но то, что они не безграничны, известно всем. И вот в экономике предприятия запасы принадлежат к наличному капиталу и поэтому проходят по графе восстановительная стоимость. И то же самое мы должны делать и здесь.

— Восстановительная стоимость? — озадачился Джон. — Но как вы сможете восстановить нефть?

— Нефть — ископаемый энергоноситель и тем самым в принципе законсервированная солнечная энергия. В качестве стоимости восстановления надо принимать в расчет как минимум те расходы, которые на сегодняшний день потребуются для добычи соответствующего количества солнечной энергии. Поскольку сжигание данного количества нефти, к тому же, обуславливает измеримый ущерб качеству воздуха, надо учесть и — правда, труднее рассчитываемую — надбавку на очистку воздуха. Вот вам и налог на ископаемый энергоноситель.

Джон нахмурил брови.

— Но благодаря этому солнечная энергия будет дешевле любого другого вида энергии.

Робурн лукаво сощурился:

— Поздравляю. Вы уже заметили, к каким благим последствиям приведет человечество моя реформа.

— Но как вы будете рассчитывать стоимость возобновления, скажем, меди? Ведь ее придется брать на какой-нибудь другой планете, а?

— Придется, да, но на этом месте мы можем себе позволить мыслить прагматически, — сказал Робурн. — Как вы, может быть, знаете, практически любой элемент, какой встречается в земной коре, обязательно растворен и в морской воде, причем в таких количествах, что этих запасов хватит на большой срок, чем мы продержимся на этой планете как вид. Сложность лишь в том, что извлечение из воды всех этих элементов — меди, например, — процедура исключительно энергозатратная. Но для энергии мы только что уже нашли расходную статью. Мы просто введем ее — вот вам и наш налог на медь.

— Но это повлечет безумное подорожание сырья.

— Благодаря чему стимулы для развития экономной техники тоже станут безумными, — подтвердил Робурн. — Есть множество чудесных историй, как недостаток какого-то материала активизировал техническую изобретательность.

— Но если в океане в избытке имеется все сырье, — доходило до Джона, — то в действительности вообще нет никакого сырьевого недостатка. Разве что в энергии.

Журналист-аристократ направил на него свой указующий перст:

— Этот кандидат набрал сто очков. Вот мы и приближаемся к сердцевине моей концепции. Так как налог на сырье радеет не о сохранении запасов. Фактически мы не так скоро израсходуем сырье, если не считать нефть и природный газ. Гораздо быстрее мы израсходуем емкости экосистемы, способные вобрать вредные вещества и избыточную энергию. Мы превратим мир в непригодную для обитания свалку, а в земной коре все еще останется достаточно металла для поддержания сегодняшнего технического производства. Опасность в том, что сырье и энергия идут на погибель окружающей среды. Это в принципе та же идея, что была тогда в моей книге, только запрыженная с другого конца.

Там, где легче проконтролировать. В принципе то же самое — облагать налогом то, что наносит вред, и таким образом предопределить направление перестройки хозяйства. И эта перестройка пойдет сама по себе — это лучшее, что есть в моей концепции. Не понадобятся ни предписания, ни десятилетние планы, ни экологическая полиция, ничего такого. Все мелочи вы сможете передоверить механизму свободного рынка. Вам останется только задать правильные рамочные условия. Отмените налоги на человеческую деятельность и вместо них введите налоги на сырье, и спасение человечества состоится автоматически.

* * *

После того как Робурн ушел, Джон метался по своему кабинету, как загнанный зверь, все по одному и тому же кругу, как и мысли в его голове. Он ожидал от этого разговора возникновения нового плана — как исполнить проризание, но вместо ясности и уверенности он чувствовал замешательство и упадок духа.

— Как же мне это сделать? — спросил он. — Ведь я не уславливаю налоги. Это делают правительства.

Робурн пожал плечами:

— Вы могущественный человек. К вам прислушаются. А я могу только подать идею.

Разве прислушаются? К предпринимателю, который требует изменения системы налогообложения? Да никогда в жизни.

На этом их разговор и завершился.

Джон смотрел в окно, и падающий снег все сильнее заслонял вид города.

— Я больше не могу, — сказал Джон и прислушался к звучанию собственного голоса. Он был не в состоянии больше предаться чьему-то плану, обещающему спасение мира. Каким бы убедительным он ни казался. У него больше не было веры. Маккейн поначалу тоже казался убедительным, и Джон словно исчерпал все возможности самоотдачи, вложившись в его проект.

Он медленно сжал кулак и увидел свои пальцы.

— Я хотел бы хоть раз в жизни иметь собственную идею, — сказал он своему отражению в стекле, за которым больше не видно было мира, погруженного в ночь и холод.

* * *

Позднее он позвонил Полу Зигелю и сказал:

— Ты мне нужен.

— Что, опять? — спросил тот.

— Я хочу, чтобы ты взял на себя управление *Fontanelli Enterprises*.

На другом конце установилось что-то похожее на долгий вдох.

— Джон, это мило с твоей стороны, ты, конечно, руководишь самыми благими помыслами, и это для меня, несомненно, большая честь. Но ведь я экономист, я не руководитель предприятия.

— Пол, — ответил Джон. — Оборот моего концерна выше, чем совокупный общественный продукт большинства государств в этом мире. У меня штат сотрудников больше, чем жителей Финляндии. Кто, как не экономист, должен со всем этим управиться?

Некоторое время царил молчание. Потом Пол Зигель откашлялся.

— Ну, это аргумент.

Temple Tomorrow Society проводил конгресс под названием «Управление планеты». Организация приглашала в Сан-Франциско лауреатов Нобелевской премии, бывших президентов США, посевших в почестях и внимании бывших руководителей иностранных государств и в первую очередь именитых хозяйственных руководителей со всего мира, чтобы в течение трех дней в знаменитом Фермонт-отеле *выявить и указать путь в XXI век, путь к новой цивилизации*. То, что Джона Фонтанелли не оказалось среди приглашенных экономических светил и хозяйственных воротил, никого, казалось, не беспокоило.

— Я не задет и не обижен, — сказал Джон, когда Марко пришел к нему с результатами разведки, проведенной сотрудниками безопасности. — Я лишь хочу знать, что происходит.

— Разумеется, мистер Фонтанелли, — сказал Марко.

— Ведь вы мне верите? — Джон посмотрел ему в глаза.

— Да, — сказал телохранитель и зарядил проектор.

Temple Tomorrow Society был основан незадолго до Рождества 1997 года. Учредитель и почетный председатель был Брэдфорд С. Темпл, до того председатель правления *Morris-Capstone*, ушедший на покой и передавший дела Малькольму Маккейну. Темпл был толстобрюхий мужчина со Среднего Запада, которому, судя по имеющимся фотографиям, можно было приписать страсть разве что к скачкам или к молоденьким стриптизершам, но от которого никак нельзя было ожидать основания общества, в уставе которого записано: «Торить дорогу человечества в будущее».

— Значит, за всем этим стоит Маккейн, — понял Джон. Теперь стало ясно, почему его не пригласили.

Конгресс «Управление планеты» заседал за закрытыми дверями, в строгой изоляции от средств массовой информации. Лишь небольшая, ручного отбора, группа журналистов была допущена на некоторые полуоткрытые заседания, причем все сообщения перед публикацией подвергались проверке, равно как и каждая аудио- или видеозапись.

Одну из таких видеозаписей Марко и запустил. Так быстро доставить ее из Сан-Франциско в Лондон стоило немалых денег.

Профессор экономики говорил о свободной торговле и ее будущем развитии. Миллиардер высказывался об инвестициях в новые рынки. Никто не говорил дольше пяти минут, все излагалось чрезвычайно сжато. Топ-менеджер компьютерной фирмы изобразил, как разработчики программных продуктов со всего мира благодаря компьютерной сети работают у них круглые сутки — когда они хотят и сколько могут, без миграционных проблем и независимо от национальных правительств и их предписаний в части трудового законодательства. «Людей принимают на работу по компьютеру, они работают на компьютере и по компьютеру же их увольняют». Один торговый магнат из Юго-Восточной Азии предсказывал, что вследствие повышения производительности труда в будущем будет достаточно двадцати процентов работоспособного населения, чтобы держать на плаву все мировое хозяйство. Пятой части будет достаточно, чтобы произвести все товары и оказать все услуги, какие мир сможет себе позволить.

После него к трибуне вышел Малькольм Маккейн, мрачно оглядел всех присутствующих и задал вопрос, который не мог не возникнуть:

— А что мы будем делать с лишними людьми?

Джон не верил своим ушам. Маккейн действительно воспользовался понятием *surplus people* — лишние люди. И никто не сказал ни слова возражения. Даже шепот не прошел по залу.

* * *

Пол Зигель приступил к работе управляющего *Fontanelli Enterprises* в начале марта. За несколько дней перед тем он приехал в Лондон и сделал то, что Джон пытался ему отсоветовать как неисполнимую затею: с помощью маклера и «бессовестного везенья» нашел квартиру, и даже такую, которая отвечала всем его представлениям. Она поразительно походила на его предыдущие квартиры, только из окон открывался чудесный вид не на Гудзон или Потомак, а на Темзу.

Джон распорядился отремонтировать кабинет Маккейна и перебрался в него сам, а Полу отдал свои комнаты. Мысль посадить его в кабинет Маккейна, так сказать в качестве эрзаца, была ему неприятна.

Пол ввел на управленческом этаже новый стиль и новые порядки. Отныне было покончено с уединенными скудными обедами за столом конференц-зала. Зигель обедал вместе со всеми директорами в «Казино», не смущался распорядиться, чтобы сдвинули вместе несколько столов и заводил мужчин и немногих женщин обсуждением самых животрепещущих вопросов. Джон после некоторых колебаний тоже примкнул к ним и обнаружил, насколько это освежает — иногда покидать свою уединенную командную высоту.

Но Пол Зигель был не только общителен и открыт. Он немедленно доказал, что может действовать и решительно, когда нужно. До его слуха дошло, что трое из директоров увлеченно обсуждают так полюбившуюся Маккейну идею *лишних людей*. Детективы, которых он к ним приставил, нашли и другие доказательства их связи с Маккейном, после чего он уволил их со словами «Лишние люди — это вы» и подал на них в суд, обвинив в измене, подстрекательстве к нанесению ущерба имуществу и промышленном шпионаже. Впоследствии он выявил и других «кротов» на разных уровнях управления и уволил всех без исключения.

Джон в общей сложности трижды пытался позвонить Урсуле. Первый раз он начал набирать номер, но на половине набора положил трубку, сказав себе, что она сама объявилась бы, если бы что-то питала к нему. Несколько дней спустя он пересилил себя и набрал номер до конца, но услышал автоответчик и снова положил трубку, не оставив сообщения: то, чего он хотел, не улаживается при помощи автоответчика. И когда несколько дней спустя сделал еще одну попытку дозвониться, аппарат не отвечал, лишь тянулись длинные, бесконечные и тщетные гудки.

В один из этих дней секретарша принесла ему письмо, заметно выделявшееся на фоне прочей почты.

— Мы сперва решили, что это одно из тех писем, которые вам иногда пишут дети, — сказала она, — но оказалось, что это деловое письмо.

— Деловое? — удивился Джон, беря конверт в руки. Как все письма, оно было, естественно, просвечено и вскрыто. Конверт был оклеен яркими марками и подписан неумелым почерком, но корректно: *Мистеру Джону С. Фонтанелли*. С марками Республики Филиппин. Отправителем значился некий Мануэль Мельгар.

— Кто такой Мануэль Мельгар? — пробормотал Джон и тут же все вспомнил. Остров Панглаван. Мальчишка. Который выпросил у него триста долларов.

В конверте было письмо, в котором Мануэль описывал свои успехи и поражения — он купил и переоборудовал трицикл, через два месяца поссорился с мистером Балабаганом и уже нашел другого скупщика рыбы, дела идут, причем самым выгодным неожиданно оказалась продажа сластей детям. Он приложил фотографию: трицикл, весь увешанный и оклеенный рекламными стикерами, за рулем — светящийся от гордости молодой филиппинец. Вторым приложением был листок в клеточку с тщательно написанным планом погашения долга. Мануэль сам установил срок кредита — пятнадцать лет — и процентную ставку — 6 процентов. По его расчетам, ежемесячная выплата выходила 2 доллара и 53 цента. За первые полгода он приложил чек на 15 долларов и 18 центов.

— Да, черт возьми, — пробормотал Джон. — Невозможно избавиться от денег.

* * *

Пол, казалось, не мог понять причину волнения Джона. Он пробежал письмо глазами, спокойно изучил план погашения, указал на одну из цифр и сказал, берясь за калькулятор:

— Думаю, здесь он ошибся в подсчетах.

— Дело вообще не в этом, — вскипел Джон.

— А в чем же? Ты дал ему в долг, он выплачивает. Естественнейшее в мире дело.

— С процентами! — Джон вскочил. — Проклятье, я дал ему денег, чтобы у него был шанс... а теперь еще и *зарабатываю* на этом! Когда это кончится? Я даю людям деньги, они мне возвращают больше. Должно же это где-то оборваться! Иначе в один прекрасный день *все* деньги соберутся у меня, и что тогда? Тогда мне будет принадлежать весь мир, так? Но это же не имеет смысла.

Пол откинулся на спинку и задумчиво смотрел на него.

— Я не думаю, что это зайдет так далеко. Что тебе будет принадлежать весь мир.

— Пол, ко мне притекает больше денег, чем я раздаю. Чем же это еще может кончиться, как не тем, что они однажды все соберутся у меня?

— До сих пор все крупные состояния в какой-то момент снова исчезали.

— До сих пор.

— Если бы все было так просто, как ты только что вывел, весь мир давно бы уже принадлежал семье Рокфеллеров, если не потомку Фуггера.

Джон даже вскрикнул:

— А я, по-твоему, кто? Я и есть потомок Якоба Фуггера!

— Так говорит некая Урсула Фален. Но что касается меня, то ты, в первую очередь, потомок Франческо Фонтанелли.

— О, да. — Джон опустился в кресло, прижал ко рту сложенные ладони и уставился в потолок. Некоторое время длилось молчание, пунктиром прочеркнутое шелканьем шариковой ручки, которой играл Пол. — А как же с прорицанием?

— А что с ним? — Судя по голосу, Пол был сейчас далеко отсюда.

— Но ведь наследник — я? Да. Я *истинный* наследник? Нет. Я не могу вернуть человечеству потерянное будущее. Я понятия не имею, как это сделать. Я даже не знаю, о чем идет речь. — Он начал двигать сложенные ладони из стороны в сторону. — Лоренцо бы знал. Если был бы истинным наследником. Но Маккейн его уничтожил.

— Джон? — позвал его Пол.

— Ну?

— Я не знаю, должен ли я почитать божественное провидение, которое допускает вмешательство таких, как Маккейн.

Джон удивленно поднял голову. Пол сидел за своим письменным столом, вертел в руках шариковую ручку и казался слегка раздраженным.

— Что?

— Все это просто *bullshit*, — сказал Пол. — Чушь собачья. Какая разница, чей ты потомок и что там кому-то когда-то привиделось или примерещилось. Считается лишь то, что

есть на сегодняшний день. Ты получил себе на шею это состояние и этот концерт и должен теперь с ним управляться. Ну что другое могло бы прийти в голову твоему кузену? Ему же было шестнадцать лет! Что можно знать о жизни в таком возрасте?

— Что можно знать о жизни в таком возрасте? — Джон поднялся на ноги. — Я тебе сейчас покажу, что Лоренцо знал о жизни в этом возрасте. — Он бросился в свой кабинет напротив, порылся в своих ящиках, нашел обе части статьи для школьной газеты и их перевод и вернулся к Полу. — Вот. Прочти это.

Пол стал читать. Он читал, вначале усмехаясь, потом нахмурившись, а дочитав, хмыкнул.

— Ну? — выжидательно спросил Джон. — Гениально, нет?

— Не знаю. Немного похоже на те памфлеты, которые хотят доказать, что Эйнштейн был неправ или что теория эволюции ошибочна. Такую статью уместнее всего сунуть на Таймс-сквер в руку какому-нибудь сумасшедшему со свалывшейся бородой и безумным взглядом. — Он отложил листки в сторону, как будто они были заражены блохами.

— Почему? — приступил к нему Джон. — Скажи, что тут не так? Я это не раз перечитывал. Новая денежная эмиссия функционирует именно так. Через Центральный банк или через коммерческие банки. Лоренцо этого не объясняет, но я вижу перед собой пример моего собственного банка: кто-то кладет деньги, я отдаю их в долг другому, кто тоже размещает их у меня, так что я снова могу отдать их кому-то займы, и так далее. Так возникает все больше активов, вкладов, и они считаются деньгами. Ведь это так, нет?

— Да, — невольно кивнул Пол.

— Но то, что он говорит, не написано в книгах, которые я читал. При том, что это лежит на поверхности. Ведь вместе с активами должны возникать и долги. Всегда, неизбежно. Причем из-за процентов *больше* долгов, чем активов. Вся система необратима. Она тащит за собой, и чем больше напрягаешься, чтобы выплыть, тем глубже она затягивает в погибель. Эффект снежного кома.

Пол Зигель растерянно моргал.

— Ну, не знаю. Это очень нетрадиционный взгляд на вещи... Это противоречит всему, что я изучал.

— Это мне ясно. — Джон снова упал в кресло. — И я при всем желании не знаю, что мне со всем этим делать.

Зависло молчание. Легкий шорох за столом выдал, что Поль снова принялся за чтение статьи.

— У тебя есть только одна альтернатива, — сказал он наконец. — Либо денежное хозяйство, со всеми его преимуществами и недостатками, либо возврат к какой-то форме обменного хозяйства. У которой сплошь недостатки. В наши дни, с Интернетом, много чего осуществимо... Но у меня, честно говоря, не хватает фантазии представить все это в деталях.

— Как ты думаешь, — спросил Джон, — а если бы мы нашли гениальную альтернативу денежной системе, хватило бы у нас мощи повсеместно ввести ее?

— Нет, — сказал Пол без промедления.

— У самого большого концерна в мире? У самого крупного частного состояния всех времен и народов?

— Никогда в жизни. Весь мир объединился бы против тебя.

— Да, — кивнул Джон и запрокинул голову на спинку кресла. — Именно так я и думал.

В его виске бился пульс. Он чувствовал какое-то неудобство, как будто проглядел какую-то взаимосвязь, какую-то важную деталь, и не может вспомнить, какую именно. Но, может, он просто заболевает? Он потрогал лоб. Горячий. Ну вот, ничего удивительного после такой недели, полной стрессов.

Он встал. За окнами уже смеркалось.

— Поеду домой, — сказал он. Пол ошеломленно глянул на него. — Мне нехорошо. Выпью травяного чаю и вовремя лягу в постель.

— Давай, — сказал Пол. — Так и сделай. — Он поднял со стола перевод статьи. — Я могу поддержать это некоторое время у себя? Вдруг мне что-то придет в голову.

— Конечно, не проблема. Мир мы спасем как-нибудь в другой раз.

* * *

Отвратительный снег с дождем встретил его, когда они подъехали к замку.

— Может, въехать в гараж, сэр? — спросил шофер. Оттуда можно было попасть в дом, правда, по многочисленным лестницам, которые сейчас страшили Джона больше, чем пять шагов под дождем.

— Нет, — сказал он. — Я выйду здесь.

В доме дворецкий взял его мокрое пальто, подал ему подогретое полотенце для волос, а когда Джон вытерся, подал гребень и зеркало. Джон попросил его распорядиться насчет чая от простуды и побрел вверх в свои покои.

Чай принесла горничная, Франческа, все эти годы такая же робкая, как и в первые дни, когда начала работать у него на вилле в Портесето. Она поставила перед ним поднос с фарфоровым чайником и чашкой, с лимоном, молоком, сахаром и маленькими песочными часами, оправленными в золото, которые показывали, когда пора вынимать ситечко с чаем. Поскольку время заваривания как раз истекло, она вынула ситечко и налила ему чашку чая.

— *Grazie*, — сказал Джон.

— *Prego*, — еле слышно ответила она, но вместо того чтобы бесшумно, как тень, удалиться, как это бывало с ней всегда, она с колебанием начала: — *Scusi, Signor Fontanelli...*

Джон вдохнул аромат чая и почувствовал себя больным настолько, что его череп мог лопнуть в любое мгновение.

— *Si?*

Она никак не решалась изложить ему свое дело.

— Я, эм-м... дело в том, что... эм-м, — каждое ее слово пульсировало в его слуховых путях так, что ему становилось страшно.

— *Come?* — прошептал он.

— *CD*, — выдавила она, загребая руками, как в спазматическом приступе. — Я купила *CD* и... хотела у вас спросить, не будете ли вы против...

Он слезящимися глазами смотрел на бледную горничную, с трудом соображая, как он может разрешить или запретить ей покупку компакт-диска.

— ...если я послушаю его на вашей стереоустановке? — наконец договорила она и отпрянула, как будто ожидая побоев. — Конечно, когда вас нет дома, — шепотом добавила она.

Только и всего? Джон вымученно кивнул.

— *Si. D'accordo*. — И поблагодарил небо, что после этого она оставила его в покое.

Он пил чай мелкими глотками и с каждым глотком ощущение простуды проходило. Но в голове ворочались тя-

желые, весом в тонны, мысли. Не вызвать ли врача? Или проглотить какую-нибудь таблетку?

Но он был не в состоянии принять какое-то решение. Без всяких сомнений, его голова сегодня ночью разорвется — ну и пусть. Он допил чай и лег в постель, тут же впад в беспокойный, полный кошмаров сон.

* * *

На следующий день ему было лучше, но ненамного: казалось, жестокая рана покрылась тонкой кожей, в любой момент готовая лопнуть. Но сидеть дома он не хотел и поехал в офис. Там он нашел на своем письменном столе записку от Пола: тот желал ему скорейшего выздоровления, уезжая на один день — до вечера — на переговоры в Париж.

Джон отменил все назначенные встречи и читал отчеты *Banco Fontanelli*, Южноамериканского горнорудного общества и газеты. Маккейн, за последние недели выступавший на публике больше, чем за предыдущие два года в качестве босса *Fontanelli Enterprises*, постепенно превращался в идола инвесторов со всего мира. Он все чаще открыто высказывался за то, чтобы освободить «производительную элиту» от налогов, единственный смысл которых состоял в том, чтобы поддерживать жизнь «непроизводительной обузы». «Природа не ведает социальных налогов», — заявил он под аплодисменты на одном экономическом симпозиуме и потребовал отмены всех торговых барьеров, а равно и радикального освобождения рынков от регулирования.

Джон видел по телевизору сообщение о демонстрациях, проходивших перед закрытыми дверями центра симпозиума. Один пожилой мужчина в очках с толстыми, как бутылочное дно, линзами говорил репортерше:

— Я тяжело болен сахарным диабетом и уже семь лет безработный. Я пришел на демонстрацию, потому что вижу: Маккейн и ему подобные хотели бы загнать таких, как я, в газовые камеры.

Аналитический отдел сообщал о растущем числе объединений предприятий под руководством Маккейна, который заседал уже в одиннадцати наблюдательных советах, среди которых был и второй по величине после *Fontanelli Enterprises* производитель энергии. Биржевой курс акций

предприятий, принадлежащих *Morris-Capstone*, если они попадали на биржу, поднимался до высот, которые доселе считались недостижимыми.

Джон принял все это к сведению и размышлял над этим, но, как ни вертел и ни крутил, чувство грозящей опасности не оставляло его, равно как и чувство бессилия.

* * *

В «Казино» царила полутьма, за окнами разливалось световое море Лондона. Они были единственными посетителями, и если бармен за стойкой и ждал, когда же наконец сможет уйти домой, вместо того чтобы полировать и без того чистые бокалы, то старался, чтобы по его виду это не было заметно.

— Раньше можно было просто посидеть в какой-нибудь пивной, — сказал Джон.

Пол пригубил свой напиток.

— Тем не менее мы никогда этого не делали.

— Но мы *могли* это сделать.

— Не могли. Потому что у тебя никогда не было денег.

— Вот всегда что-нибудь не так. — Джон смотрел в свой стакан. — После Мехико они пасут меня так, что мне иногда кажется, будто я в тюрьме.

— М-да. Ничто не обходится даром. Даже безграничное богатство.

От окон шла приятная прохлада. Вдали морозно поблескивала Темза. Внизу были видны проезжающие машины и крошечные пешеходы. Они возникали в световых конусах уличных фонарей и через несколько шагов снова сливались с темнотой.

— Что будет дальше? — спросил Джон.

— Что ты имеешь в виду? — поднял брови Пол.

— Мы забыли о предначертании. Мы погребли все амбиции повлиять на ход мировых событий. Мы делаем *business as usual*, покупаем, продаем, приостанавливаем кредиты, отпускаем их, считаем деньги. — Джон вертел свой стакан в руках. — А потом?

Пол откинулся на спинку.

— Никаких «а потом». Так будет продолжаться всю твою жизнь.

— Но какой это имеет смысл?

— Нет, ты все же не предприниматель, это видно. Дело не в том, чтобы считать деньги, дело в том, чтобы создать что-то. Такой большой концерн находится в постоянном развитии. Непрерывно где-то что-то происходит, меняются условия, приходится реагировать на эти изменения или действовать с опережением. Такова игра. Это как бейсбол. В конце концов, играют потому, что это доставляет удовольствие.

Джон поглядел на остатки в своем стакане, наконец опрокинул их в себя и жестом заказал новую порцию.

— Когда ты последний раз ходил на бейсбол?

— Ох, — Пол напрягся, вспоминая. — Давно уже. Я думаю, мы вместе были на матче в Нью-Йорке. Перед тем как мне уехать в Гарвард. — Он покачал головой. — Но убей меня, не помню, кто с кем играл.

— Я тоже не помню. — Подошел бармен, поставил перед ним новый напиток, а пустой стакан унес. Пол заказал еще раз то же самое. — Некоторое время следил за игрой лиги, а потом у меня долго не было телевизора, и я выпал из темы.

— Со мной то же самое. Готовился к экзаменам.

Джон кивнул и сухо засмеялся:

— Разве это не ужасно? Как быстро теряешь вкус к истинным ценностям?

— Просто трагедия. — Принесли новый напиток для Пола. Он принял его, благодарно кивнув, отпил глоток и подождал, когда бармен удалится. — А дальше будет вот что. От тебя пойдет новая финансовая династия. Семья вроде Рокфеллеров, Ротшильдов или Медичи. Или пусть хоть Фуггеров. Когда-то ведь ты найдешь женщину, которая выдержит деньги и роскошь, родишь кучу детей, которые будут учиться в лучших школах мира и постепенно входить в бизнес...

— Ты говоришь совсем как Маккейн. Он тоже все хлопотал об основании династии.

— Ну что ж, не все, что говорил Маккейн, так уж глупо. Судя по тому, что ты рассказывал и что я читаю теперь в газетах, он свихнулся совсем недавно. — Пол возил свой стакан по столу. — Просто так уж повелось, понимаешь? Это было хорошо заметно в Гарварде, все эти династические сыновья и дочери... При твоей жизни состояние вырастает

тет, твои дети будут поддерживать его на стабильном уровне, а с поколением твоих внуков оно начнет убывать. Так случается со всеми большими состояниями. Но триллиона долларов хватит на много поколений, какими бы расточительными они ни были.

Джон отпил глоток и почувствовал желание набраться сегодня под завязку.

— Звучит обнадеживающе. Может, когда-нибудь они будут проматывать миллионы на последние ведра чистой воды, как знать?

— Эй, — спохватился Пол. — Но ты можешь тратить деньги и на благотворительность, если хочешь. Старый Рокфеллер так и поступал, когда испытывал кризис смысла жизни, и без его фондов теперь немыслимы ни медицина, ни образование, ни наука.

— Лучше я разыщу какого-нибудь ясновидящего. Положу ему на счет полмиллиона долларов сроком на пятьсот лет, и какой-то бедолага году этак в 2500-м унаследует жуткие триллионы долларов. Или какая тогда будет валюта. — Он залпом проглотил спиртное и наслаждался жжением в горле. От него утихала боль в душе, будто накрытая ватным одеялом. — Как знать, может, и состояние Фуггера возникло таким же образом? Я умру от смеха, если со временем это обнаружится. Эй! — крикнул он бармену, подняв пустой стакан. — Еще один. Двойной!

Пол критически оглядел его.

— Ты что, хочешь напиться?

— Угадал, — с похвалой кивнул Джон.

— Не надо.

— Надо. Иначе сегодня ночью у меня лопнет башка от мыслей. — Но все же махнул бармену рукой: — Отбой. Кока-колу, пожалуйста.

Пол вздохнул и сказал:

— Знаешь, может, сейчас мы переживаем куда более значительную фазу, чем нам кажется. Может, на наших глазах возвращается Средневековье.

— Средневековье? — В этот момент перед внутренним взором Джона почему-то возник строгий облик Якоба Фуггера, портрет которого так и продолжал висеть у него в спальне.

— Я где-то читал, не помню. О сходстве между сегодняшними концернами и структурами владычества в Средние века. Например, ты — король, я твой канцлер, наши директора — герцоги, которых ты назначил, и так далее вплоть до последних сотрудников, твоих подданных. — Он сделал жест от пола к потолку: — Это — твоя крепость, охраняемая храбрыми рыцарями, так? У тебя есть своя коммуникационная система, и если подумать, что во всех наших столовых, на всех фирменных бензоколонках и так далее можно расплачиваться карточкой фирмы, то даже собственная финансовая система. И в то время, как вокруг опустошаются ландшафты и рушатся нравственные устои, в то время, как варвары придвигаются к границам и повсеместно тлеют кризисы, ты и другие короли продолжаете строить свои королевства, нарастает ваше могущество, пока прежняя великая империя — тогда Рим, сегодня, возможно, Америка — приходит в упадок, и вы устанавливаете в мире новый порядок.

— А что, — зачарованно воскликнул Джон. — Не так уж и глупо! — Перед его внутренним взором возникли неприступные стены монастырей, рыцари в доспехах и многоцветные торговые караваны. Он прямо-таки ощутил на своих плечах горностаевую мантию.

— Да? — улыбнулся Пол и грустно добавил: — Но Средневековье — это значит мрачные столетия невежества, полные войн, эпидемий и страдания. Может, пока не поздно, нам надо основать ряд монастырей, в которых сохранится хотя бы сегодняшний уровень знания. Раз уж свобода и демократия после короткой поры расцвета снова обрушиваются в феодализм.

Джон кивнул, находясь под сильным впечатлением.

— Да, — сказал он. — Может, так мы и сделаем. — Его взгляд устремился вдаль над крышами города. Окружающие башни вдруг показались ему похожими на зубы вражеских крепостей, улицы внизу были как бастионы и ходы вдоль крепостных стен. Туман казался дымом сражений. — Какая мысль...

Впоследствии он не мог сказать, что послужило толчком. Внезапно он закаменел, что-то внутри него судорожно сжалось, так, будто кожа поверх раны его души все-таки лопнула, и изнутри полилось то, что давно копилось, и

этот поток затопил его валом видений, идей и чувств. Наверняка в том, что сказал Пол, скрывалось какое-то ключевое слово, которое толкнуло ассоциативную цепочку, неудержимую, как ряды падающих костяшек домино, и в то время, как это происходило, раскололось все его окружение, раскололо его самого и сложилось заново, из тех же частей, но упорядоченных по-новому, лучше, впервые правильно с тех пор, как он научился думать. Будто лавина из тысяч деталек паззла обрушилась на него, чтобы лечь готовой картинкой. Больше не нужно было напрягаться, потому что все усилия уже были давно сделаны, оставалось лишь втянуть голову в плечи под ударами лавины и задержать дыхание.

— Теперь я знаю, — горячо прошептал он. И продолжал окаменело сидеть, не сводя глаз с окна, с далекого здания, со светлой точки в нем.

— Что-что? — спросил Пол.

— Я знаю, что мы должны делать. — Он продолжал оставаться неподвижным, потому что малейшее движение могло спугнуть это видение.

Пол наклонился вперед и с опаской присмотрелся к нему.

— Что мы должны сделать? — повторил он.

— Чтобы исполнить предназначение.

— Джон, тебе не кажется...

— Это очень просто. Совсем просто. И как мы только раньше не додумались.

— О, — Пол озадачился. Некоторое время он смотрел в пустоту перед собой, тогда как Джон продолжал фиксировать дальнюю светящуюся точку в темноте. И, наконец, спросил: — И что же?

И Джон сказал ему. Сказал, что нужно сделать.

Когда он закончил, в зале была тишина, как будто воздух застыл. Джон очнулся из своего оцепенения, нашел взгляд Пола и заглянул в его большие, недоверчиво устремленные на него глаза.

Впервые в жизни ему удалось поразить Пола Зигеля.

Нью-Йорк, центр вселенной, столица мира. Первый по-настоящему теплый весенний день сиял над городом на Гудзоне, поднимая пар из сырых ущелий улиц и заставляя стеклянные башни Манхэттена светиться далеко над Атлантикой. Можно было подняться на крышу Всемирного торгового центра и полюбоваться свежавымытым миром, не опасаясь, что ледяной ветер или дождь прогонит вас назад, под крышу.

Никто из тех, кто видел, как знаменитый белоснежный самолет с темно-красной *f* на хвосте — который не спутаешь ни с каким другим — снижается над аэропортом Джона Ф.Кеннеди, не удивился и ни о чем особенном не подумал. Машина прилетала в Нью-Йорк довольно часто и уже примелькалась.

— *Moneyforce One*, вам разрешена посадка.

Никто не догадывался, что на сей раз Джон Фонтанелли прилетел для того, чтобы изменить мир.

* * *

Здание Организации Объединенных Наций на Ист-Ривер — открытое и приглашающе расположенное, построенное по идее архитектора Ле-Корбюзье — и по сей день излучает величие и оптимизм. Тем не менее каждый входящий сюда имеет при себе особый световой пропуск, который выдается лишь после строжайшей проверки, а вся ноша подлежит педантичному досмотру. Вооруженной охраны, просвечивающих приборов и металлодетекторов не миновать никому.

Лимузин, который доставил Джона Фонтанелли и Пола Зигеля из аэропорта, был препровожден на строго указанное место на стоянке. Кордон вооруженных людей сопровождал их через все охранные посты, их отвезли на 38-й этаж, где в просторном, кажущемся стерильным кабинете их принял Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН.

— У меня всегда было предчувствие, что однажды мы встретимся, — сказал он. — Добро пожаловать.

Уютно устроившись после обмена любезностей, Джон заговорил о своем деле.

— Вы знаете, что я прилагаю все усилия для того, чтобы исполнить прорицание моего предка, — сказал он. — Долгое время я не знал, каким образом я смог бы это сделать. Но теперь знаю. Я хочу кое-что сделать и хотел бы заручиться вашей поддержкой. Не то чтобы я не мог без нее обойтись, но с нею мне было бы предпочтительнее. В крайнем случае я и сам сделаю то, что задумал, но мне бы не хотелось делать это одному.

— Чем я могу быть вам полезным? — спросил Аннан.

— Давайте вначале, — попросил Джон, — поговорим о глобализации.

* * *

В 1998 году во всем мире было 25000 объединенных фирм, то есть фирм, образованных путем слияния или поглощения. Одно из самых сенсационных слияний состоялось между немецким Daimler-Benz AG и американским Chrysler Corporation, образовавших первое «трансатлантическое предприятие» Daimler Chrysler и тем самым третью в мире по величине автомобилестроительную компанию. Самой гигантской сделкой было поглощение Инвестиционного дома *Bakers Trust Corporation* банком *Deutsche Bank*, который тем самым переместился по сумме баланса в 1,4 триллиона DM на первое место среди банковских учреждений, еще до нынешнего лидера *UBS — United Bank of Switzerland*.

— Что мы хотим этим сказать? — взял слово Пол. — Границы демонтируются, и на их месте возникают коммуникации. Принципы олимпийского движения, издавна хорошо нам известные — равенство в состязании, независимо от происхождения, цвета кожи или религии, — осуществляются и в экономической области. Программисты из Индии, инженеры из Кореи, режиссеры из Аргентины, врачи из Египта — способные люди есть повсюду в мире. Мы видим это своими глазами. Старые предрассудки поблекли, возникает взаимное уважение. Идет все более масштабное глобальное переплетение, которое делает мир между людьми более привлекательным и более вероятным, чем война, и одного этого уже достаточно для оправдания. Го-

вора о глобализации, мы говорим о процессе, который обладает потенциалом решить большие проблемы всего человечества.

Генеральный секретарь благосклонно кивнул:

— Вы говорите о содержании всей моей жизни.

— Темная сторона глобализации, — сказал Джон Фонтанелли, — состоит в том, что вырастают концерны, способные сравнить между собой национальные государства и принудить их к губительным для них уступкам. Я сам довольно часто делал это и знаю. Я оказывал давление на правительства, подкупал депутатов, я завлекал их инвестициями или грозил сокращением рабочих мест, чтобы получить то, что мне нужно: права на разведку, бурение и добычу и другие лицензии, выгодную монополию или условия, которые позволяли мне исключить конкурентов. Иногда я просто уничтожал национальную промышленность, чтобы получить весь рынок для себя одного. С тем результатом, что больше не оставалось никакого равенства шансов. Выступать против такого концерна, как *Fontanelli Enterprises* — для нормального предприятия все равно что играть в шахматы с противником, у которого в распоряжении сразу двадцать ферзей. — Он поднял руки извиняющимся жестом: — Я не горжусь этим, отнюдь. Я лишь говорю то, что есть. Я действовал под влиянием моего тогдашнего коммерческого директора, но, несмотря на это, я не снимаю с себя ответственность. Все договоры, письма и прочие документы подписаны мною.

— Никто вас в этом не упрекает, — сказал Аннан.

Джон кивнул:

— Да. Но в этом и состоит проблема, не так ли? Что нет никого, кто бы мог меня упрекнуть. Нет законов, которые связывали бы меня. Я могу позволять себе все, что хочу. — Джон подался вперед: — Есть одно слово для обозначения организаций, которые делают что хотят, не оглядываясь на закон. Слово, пришедшее к нам из итальянского языка: *мафия*.

— Всюду, где мы появлялись, уровень зарплаты падал, а социальные программы сокращались. Зато росли наши прибыли, не говоря уже о биржевых курсах. И ясно, что правительства, которые действительно озабочены благосостоянием своего населения, не должны были поддерживать

решения, которые к этому приводили. Но в реальности у них не было выбора. И хотя многие правительства все еще пребывают в иллюзии, что могут сохранять суверенитет хотя бы в главных вопросах, на самом деле они не могут этого, и такие концерны, как мой, только наживаются на этом.

Глава Организации Объединенных Наций озабоченно кивнул.

— Когда я говорю «наживаются», я имею в виду, что на этом зарабатываются деньги. Ради этой цели жертвуют всем, ей подчиняют все. Даже *Fontanelli Enterprises*, как я обнаружил, вопреки всем декларациям о благородных намерениях, всюду, где можно было безнаказанно делать это, сливали в реки ядовитые стоки, свозили на городские мусорные свалки промышленные отходы, отравляли воздух, пренебрегали правилами техники безопасности рабочих, игнорировали природозащитные постановления и обходили предписания врачей и экологов. И почему? Потому что так же поступали все другие. И если я в некоторых случаях пресекал это, мы оказывались в неравных условиях с нашими конкурентами: они могли продавать свою продукцию дешевле, и наша доля на рынке сокращалась вплоть до того, что какие-то производства нам приходилось прикрывать. И получается, что мы *вынуждены* были поступать как все. Мы все гонимые, которые гонят других. Когда все позволено, мы не можем позволить себе остановиться перед каким-нибудь позорным деянием.

У Джона было странное ощущение, будто он всегда знал, что однажды будет здесь сидеть. Уже в те времена, когда он развозил пиццу на своем велосипеде и проезжал мимо того места, где теперь был припаркован их лимузин. Как будто вся его жизнь была лишь подготовкой к тому, чтобы сказать те слова, которые он сейчас произносил.

— Но разве это идеал? Предприятие, которое может действовать независимо от закона? Я не вижу, чем бы такое предприятие отличалось от преступных организаций. — Он помотал головой. — И я не верю, что этого действительно кто-то хочет. Разбогатеть, может, и хотят, но ведь это можно сделать и там, где действуют правила игры. Но правила игры должны быть справедливы и обязательны для всех. Это исходный пункт. Такие правила игры на самом деле были бы облегчением. В принципе, их-то нам и не хватает.

Генеральный секретарь ООН молчал, подняв брови.

Джон сплел пальцы.

— Во времена Дикого Запада люди продвигались в глубь неисследованного материка быстрее, чем следовавшая за ними государственная власть. Тогда в целых районах правила разбойничьи банды, пока постепенно не воцарялось действие закона. В такой же ситуации мы оказались сегодня вновь. Мультинациональные концерны стали сильнее, чем национальные государства. Это означает не что иное, как преодоление принципа национального суверенитета. В таком случае необходима транснациональная власть, которая установила бы закон и порядок на глобальном уровне.

Кофи Аннан смотрел на него с озабоченной задумчивостью.

— Надеюсь, вы имеете в виду не Организацию Объединенных Наций? — спросил он для верности.

— Нет, — ответил Джон Фонтанелли. — Я имею в виду не ООН.

В эти дни здание на Уолл-стрит, 40, до сих пор известное как *Fontanelli Tower*, стало объектом интенсивного переустройства. Батальоны грузчиков в униформах выносили мебель, коробки и ящики и грузили их в фургоны, подъезжавшие бесконечной вереницей. Одновременно велись работы на фасаде здания. Нижние пять этажей были расписаны стилизованными человеческими фигурками пяти цветов: красного, желтого, черного, зеленого и синего. Остальные этажи покрасили новоразработанной специальной краской, содержащей оптический осветлитель, и все здание излучало невиданную, почти неземную белизну.

— Что здесь будет? — спрашивали репортеры у прораба.

— Первые пять этажей, — объяснял тот сквозь шум грузчиков и компрессоров, распыляющих краску, — станут штаб-квартирой...

— Нет, та, белая часть?

— О, это?... — Прораб снял защитную каску и вытер со лба пот, смешанный с пылью и краской. — Да, это действительно...

— Так же, как и другие международные организации — ВТО, МВФ, Всемирный банк и так далее, — говорил

Джон, — ООН вызвана к жизни правительствами, главным образом для того, чтобы иметь форум для обсуждения вопросов международного значения. Но сама ООН не могущественна. И вовсе не предполагалось создать в ее лице мировое правительство. Напротив, всеми средствами хотели *воспрепятствовать* возникновению такого всемирного правительства. Поэтому ООН не наделена реальной властью.

Генеральный секретарь нахмурил лоб:

— Что вы хотите этим сказать?

— Есть лишь одна реальная власть на этой планете, — сказал Джон Фонтанелли. — Мне понадобилось долгое время, чтобы понять это. Хотя это должно быть очевидно.

Подвижный мужчина с кудрявыми светлыми волосами подождал, когда фотографы приготовятся к съемке, и широким жестом стянул белое полотно, прикрывавшее доску у входа в здание. И стоял, пылая в фотовспышках, указывая рукой на вывеску, которую он открыл.

На фоне карты мира, напоминающей эмблему ООН, красовалось пять стилизованных голов тех же цветов, которыми окрашены олимпийские кольца — синего, желтого, черного, зеленого и красного, — и примерно так же расположенных.

Внизу надпись: *We The People Org. — Headquarters**.

У него было чувство, что в груди его тлеет огонь, который пожирает его, принуждая сказать то, что нужно — пока не поздно, не откладывая, не колеблясь. Словно дальние зарницы, вспыхивали на краю его сознания другие мысли: что он не дал слова Полу, хотя они заранее обговорили свои роли; и о Генеральном секретаре: был ли его вежливый интерес действительно интересом? А вдруг он просто не хотел рассердить богатейшего человека всех времен? Но в следующий момент эти мысли снова гасли и забывались.

— Я сбился со счета, — сказал он, — сколько раз я обманывал общественное мнение или как минимум успокаивал его, сколько раз я пытался отвлечь внимание прессы от определенных вещей целенаправленными манипуляциями. Я много часов провел, ломая голову над тем, как

* Мы народ. орг. — Штаб-квартира.

подать то, что я намеревался сделать, и в каком виде это дойдет до людей. Я потратил громадные суммы на то, чтобы вызвать в людях определенные эмоции, направить их на что-то или от чего-то удержать, короче, чтобы повлиять на их мысли, чувства и, тем самым, на их решения. И вот я спрашиваю вас: почему, собственно, я это делал?

Вопрос, казалось, повис в воздухе, и Джон Фонтанелли посмотрел в молчаливые лица остальных. Что мог чувствовать Джакомо Фонтанелли, когда сообщал о своем видении? Неужто и его терзали такие моменты упадка духа, эти искры слепящего страха, налетая, как порывы ветра?

— Для чего были все эти ухищрения? — тихо продолжал он дрожащим голосом. — Ведь я же, говорят, могущественный человек. Зачем я так старался оказать воздействие на людей, обычных людей на улице, на фабриках и в метро? Разве мне не все равно, что они думают?

Звук его голоса терялся в стенах кабинета, из окон которого открывался вид на бескрайнее море домов, лишь на горизонте исчезающее в бурой дымке.

— И вспомните обо всех *действительно* могущественных людях, величайших диктаторах истории: каждый из них как одержимый старался контролировать и подчинить господствующей идеологии средства массовой информации, держать в своих руках все, что печатает, показывает и говорит. Почему? Ведь если он могуществен, какое ему дело до того, что болтают люди? — Джон сложил ладони вместе, ощутил в кончиках пальцев биение пульса. — Потому что у них не было реальной власти. Потому что и у меня нет реальной власти. Только видимость одна.

Теперь, наконец-то, будто очнувшись из оцепенения ужаса, Генеральный секретарь снова принялся кивать, на сей раз с облегчением, и улыбка заиграла на его губах. Джона охватило чувство, похожее на пьяный восторг: он, сын сапожника из Нью-Джерси, говорит с первым лицом Организации Объединенных Наций — и тот его внимательно слушает...

— Есть лишь один действительный источник власти на земле, — сказал Джон с таким чувством, будто изо рта его выпадают стальные слова, — и это сами люди. Народ. И говоря это, я говорю не о том, что *должно быть*. Я говорю не о какой-то благородной идее или красивой утопии. Я

говоря о факте, который так же непреложен, как движение светил на небе. Человек, который хочет обладать властью, должен убедить других встать на его сторону и оказать ему поддержку — это демократия; или заставить других забыть, что они обладают властью, заставить их верить, что они немощны. И это тирания.

Он взглянул на Пола, который ободряюще кивнул ему, потом на Аннана, который неторопливо поглаживал свою курчавую бородку. Но ему казалось, будто в этот момент он снова сидит в Лейпциге, в Николай-кирхе и на сей раз ощущает то, что тогда не в силах был почувствовать.

— Я сам осознал это лишь несколько недель назад, — признался он. — В Лейпциге я узнал, что народ просто встал и сказал: «Хватит». И что тогда произошло. Я удивился. Я решил, что это, пожалуй, было особое событие — несомненно, оно и было особое, но в нем выразился основополагающий принцип. — Он поднял руку, как при капитуляции. — Это можно наблюдать даже при демократии, если присмотреться. Свою роль играют не только выборы, которые проходят раз в несколько лет. Нет, это происходит чуть не каждую неделю, какой-нибудь министр или госсекретарь якобы мимоходом роняет некое замечание или предложение, и потом все смотрят, как среагирует народ. Если поднимется недовольство, еще не поздно все опровергнуть, заверить, что он имел в виду совсем не это. Таким образом, народ непрерывно определяет, чему быть — даже сам того не замечая!

Он направил указательный палец на Генерального секретаря и почувствовал, что рука его дрожит:

— Вас не избирал народ. Никого, кто заседает на ваших пленумах, народ не избирал. Организация Объединенных Наций не имеет демократической основы. Поэтому она слаба.

— Мне кажется, я догадываюсь, что вы задумали, — сказал Аннан.

— Нет, — ответил Джон Фонтанелли. — Не думаю.

Четырехэтажное здание располагалось немного позади Парадной площади Цюриха, резиденции всех крупных швейцарских банков и самой большой площадки денежного оборота альпийской республики. Из окна кабинета, в котором работал руководитель *Fontanelli Foundation for Money*

Education, Эрнст Фербер, был виден один из литых чугуновых львов и слышался звон трамваев.

— Несколько десятков лет назад, — сказал плотный человек с усами и пронизательными, василькового цвета глазами, обращаясь к своим посетителям, — по всему миру проводились кампании, целью которых было привить основные понятия гигиены. Затем последовали крупные кампании по обучению грамоте всего взрослого населения. Мы видим нашу будущую деятельность как продолжение этой традиции.

Один из журналистов поднял ручку:

— Значит ли это, что вы хотите обучить население Третьего мира счету?

На лбу Фербера образовалась суровая складка.

— Если вы это напишете, молодой человек, мы больше никогда не пригласим вас на пресс-конференцию. Мы приступаем к тому, чтобы научить всех людей правильному обращению с деньгами. Обучить счету? Этого мало. Это они и без нас умеют.

— Но с деньгами тоже умеют обращаться все, — скептически возразил другой репортер.

— Вы думаете? Тогда почему так много семей увязло в долгах? Почему так много людей работают всю свою жизнь не покладая рук, а в конце все равно остаются бедными? Сколько людей не имеют ни малейшего понятия, как и на что они тратят деньги? — Фербер покачал головой. — Чуть позже я познакомлю вас с доктором Фюзли, нашим психологом, который считает, что у большинства людей проблем с деньгами больше, чем с сексом. Соглашаться ли вам с его мнением или нет, дело ваше, но, дорогие дамы и господа: обращение с деньгами — не роскошь, а вопрос первой необходимости. Это не та область, куда можно заглянуть мимоходом, как вы заглядываете в путеводитель перед отпуском. Деньги — вещь первостепенная. Их никому не обойти, даже монастырскому послушнику. Денежные проблемы могут разрушить ваш брак, здоровье, большие долги могут привести к ранней смерти, а исполнится ли мечта всей вашей жизни, зависит от того, сумеете ли вы правильно рассчитать стоимость вашего кредита.

Он повел толпу журналистов через светлое, просторное и наполненное воздухом здание, дал им возможность за-

глянуть в большие и маленькие бюро, где за комфортабельно оборудованными столами прилежно работали люди.

— У нас есть собственные телевизионные спутники, которые достают до любого населенного уголка Земли, — говорил он. — Со следующего месяца наша телекомпания начнет трансляцию учебной программы на сто двадцати одном языке. В настоящее время мы открываем в разных концах света по два института в день, которые тут же начинают работу; как правило, они печатают в местной типографии учебные материалы и книги.

— Складывается впечатление, что у вас как раз нет проблем с деньгами, — пошутила одна журналистка.

Фербер весело кивнул:

— Капитал фонда составляет шестьдесят миллиардов швейцарских франков. Таким образом, *Fontanelli Foundation for Money Education* — самый крупный из когда-либо существовавших фондов. — Он позволил себе сдержанную улыбку: — На сегодня, по крайней мере.

— Есть одна поговорка. *Деньги правят миром*. Но странным образом почти никто не думает о том, кто же, собственно, правит деньгами и по каким правилам это происходит. Вряд ли есть более таинственная область, чем «высокие» финансы и управляющая ими финансовая аристократия.

Джон смотрел на своего собеседника, и внутри у него распространялось тяжелое, жалкое чувство. Страх. Как будто, произнеся эти слова, он ступил на территорию могущественного врага.

Не странно ли это было? Ему принадлежал один из крупнейших банков мира. Он обладал самым крупным личным состоянием всех времен. Ведь он сам и был этот могущественный враг!

Но он себя так не чувствовал. По-настоящему он не принадлежал к этому миру. Для директоров его банка он был чужой, самозванец, захватчик трона. Даже после трех лет он так и не стал своим.

— Финансовую систему воспринимают так, будто она что-то вроде водопровода. Нечто примитивное и скучное. И в принципе незначительное. Нечто, подчиняющееся незыблемым законам, так что не стоит тратить на него раздумья, —

сказал Джон словно о себе самом. Так было бульшую часть его жизни. Деньги были — он их тратил, не было — сидел без денег. Даже счет в сберкассе был за пределами его ясных представлений. Финансовым разделом газет он разве что мусорное ведро выстилал. — А это одна из самых больших ошибок. Закономерности вовсе не незыблемы, и уж никак не малозначны.

Он указал на серый компьютерный монитор на письменном столе Генерального секретаря:

— Денежная система — это что-то вроде операционной системы нашей цивилизации. Ее правила определяют, как будет действовать все остальное. Кто эти правила устанавливает, тот и правит миром.

Глава ООН поднял брови.

— Только что я готов был держать пари, что ваше предложение состоит в учреждении мирового правительства, которому будут подчиняться все вооруженные силы. Тогда бы я вам сказал, что это невозможно.

Джон кивнул:

— Без сомнений.

— Но вы, кажется, клоните к тому, чтобы создать единый контроль над финансовой системой мира.

— Правильно.

— Такие попытки уже не раз предпринимались, мистер Фонтанелли, — серьезно сказал генеральный секретарь. — Никто не спорит, такое учреждение могло бы оказаться весьма полезным. Но до сих пор все инициативы такого рода терпели крах, потому что государства не хотят лишаться суверенитета.

Джон кивнул. С прозрачной ясностью он вдруг понял, каким заблуждением было верить, что его видение убедительно само по себе. Единственное, что оно внушало ему, была решимость.

— Ваши намерения вызывают уважение, — продолжал Кофи Аннан, — но я не могу себе представить, как вы собираетесь их осуществить.

— Да? — Джон Фонтанелли удивленно поднял брови. — А я думал, что это лежит на поверхности.

Ларри Кинг склонился над столом, засунув большие пальцы под широкие подтяжки, которые были его фирменным знаком.

— Мистер Фонтанелли, на что могла бы повлиять такая организация? Такая... Что бы это, собственно, было? Своего рода Центральный Всемирный банк?

— Нет. Скорее род всемирного министерства финансов, — сказал его гость.

— А оно нам нужно? — спросил знаменитый ведущий. — То есть, мистер Фонтанелли, насколько я припоминаю, прорицание, которое вы должны исполнить, гласит, что наследник состояния — то есть вы — должен вернуть человечеству утраченное будущее. Тут думается — мне, по крайней мере, — скорее о таких вещах, как озоновая дыра, нарушения климата и демографический взрыв. Но никак не о деньгах и налогах.

— Но деньги стоят за всем, что вы назвали. Люди умирают от голода, потому что у них нет денег, чтобы купить себе еды. Люди производят на свет много детей, потому что это единственный шанс быть обеспеченными в старости. Заработать себе на жизнь — значит заработать деньги, поэтому финансовые условия определяют почти все, что мы делаем или не делаем.

— Но спасет ли мир, если я буду платить такую же ставку налога, как, скажем, крестьянин-рисовод в Индокитае или сельский врач в Танзании?

Богатейший человек мира улыбнулся:

— Все упирается скорее в то, чтобы принципиально изменить налоговую систему. Я хочу привести вам пример, знакомый мне по собственному опыту. Вы знаете, что невообразимые денежные массы затапливают мир через валютные рынки, свыше полутора триллионов долларов в день, их за доли секунды переводят из одной валюты в другую, чтобы заработать на малейших колебаниях курса. Это бизнес, попросту выражаясь, при котором ничего не производится, не создается никакой новой стоимости, никакого нового продукта. Никто не насытится от этого. Каждый день владельцев меняет большее количество денег, чем их задействовано в мировом товарообороте за целый год, и к вечеру финансового дня в результате всех этих гигантских манипуляций на земле не возникает ни одной дополнительной буханки хлеба. Но возникают огромные прибыли, а каждая прибыль неизбежно, до самой последней цифры после запятой, означает потерю кого-то другого. Я сам еще

недавно имел в своем концерне валютный отдел и был замешан в этом бизнесе, и я не горжусь этим, поверьте мне.

— Но ведь люди в этом бизнесе одни и те же? Я хочу сказать, это как в тотализаторе: кто-то выиграл, кто-то проиграл — какое нам до этого дело?

— Это неизбежно сказывается и на вас. Посмотрите, такая волна денег, она постоянно в движении, это настоящее цунами электронной валюты, она подчиняет себе все сферы в реальном, материальном хозяйстве, она их просто расплющивает, обрушиваясь тяжестью громадных чисел. Азиатским кризисом, со всеми его плачевными последствиями, с ограбленными предприятиями и лопнувшими фирмами, мы обязаны внезапному шторму на валютном рынке.

— Шторму, который развязал *Fontanelli Enterprises*, — вставил Ларри Кинг, сощурившись за своими массивными роговыми очками. — Умышленно. Чтобы оказать давление на правительства региона.

— Да. Просто мы могли это сделать. Пусть это было некрасиво, но не противозаконно.

— Но что могло бы предпринять против этого ваше всемирное министерство финансов?

— Нечто поразительно простое и действенное, — сказал Джон Фонтанелли. — Потому что еще с семидесятых годов есть один план, разработанный экономистом и нобелевским лауреатом Джеймсом Тобином, и этот план с научной точки зрения неоспорим. Он предусматривает всего лишь введение налога на все валютные трансакции, этому налогу достаточно быть не выше одного процента.

— То есть я должен платить один процент налога, если я, скажем, еду в отпуск во Францию и хочу поменять доллары США на французские франки?

— Вряд ли это вас так уж сильно обременит, ведь вам так или иначе придется платить банковский сбор за эту операцию. Нормальный экспортный бизнес был бы затронут этим минимально, равно как и долгосрочные серьезные инвестиции.

— Хорошо, но тогда на что же повлияет этот налог?

— Валютные спекулянты, — объяснил Фонтанелли, — обменивают большие суммы — скажем, сто миллионов долларов США — на другую валюту, чтобы через пару часов, а то и минут снова обменять их назад. Допустим, обменный

курс улучшился на одну сотую процента, тогда прибыль составит десять тысяч долларов. Но если ему придется при обмене платить один процент налога, что в данном случае составило бы один миллион долларов, а ему пришлось бы совершать обмен дважды — туда и назад, — то этот бизнес сразу теряет свою привлекательность. При этом налог необязательно должен составлять один процент, хватило бы и одной десятой процента, чтобы благотворно затормозить эти операции.

Ларри Кинг подпер подбородок.

— Ну, хорошо. Ребята лишатся своей работы — и что потом? Что с этого будет иметь крестьянин-рисовод в Индокитае?

— В наши дни финансовый кризис в одной части света тотчас отзывается на остальном мире. Инвестированный капитал бежит, отчего кризис только обостряется. Вполне возможно, рисовод нежданно-негаданно получит за свой рис гораздо меньше денег и обнищает, только потому, что в Японии лопнул банк, или экономика Бразилии начнет работать с перебоями. — Фонтанелли обеими ладонями изобразил над столом волну. — Налог Тобины стал бы примерно тем, чем является плотина против штормовой волны. Она до известной степени отделяла бы регионы друг от друга, так что соответствующие эмиссионные банки снова смогли бы регулировать уровень процентной ставки в своих странах применительно к своей экономике. Причем речь идет лишь об определенном пороге, а не о заградительной крепостной стене, поэтому правительства далеко не вольны делать за этим порогом все, что захотят.

— Но ведь это будет означать меньшую свободу в торговле валютой?

— Почему же? Свобода торговли валютой никак не будет ограничена. По-прежнему каждый может менять конвертируемую валюту в любых количествах в любую другую, просто это будет чего-то стоить.

— Но оправдает ли это себя? Я имею в виду, когда в движении находится столько денег, как вы говорите, потребуются целые легионы компьютеров, чтобы все это контролировать?

— Конечно. Но все эти компьютеры уже есть, иначе была бы невозможна торговля в мировом масштабе. Останется

только приспособить свои программные продукты. Это был бы самый простой для внедрения налог.

Ведущий склонил голову.

— Не знаю. Если это так просто, как кажется из ваших слов, почему этого не сделали давно?

— Потому что те, кого это должно коснуться, стравливают государства между собой. Ибо если хоть одна финансовая площадка на этом свете будет освобождена от налога, она притянет к себе всю валютную торговлю. Система сможет функционировать, только если налог будет введен повсеместно.

— И этим вы спасете наше будущее?

— Это лишь первый, самый маленький шаг. Есть и дальнейшие концепции, которые еще предстоит проверить, — например, переход к экологически ориентированным налогам.

Ларри Кинг повернулся к камере:

— Все это мы обсудим после рекламы. Оставайтесь с нами.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций посмотрел на своих посетителей весьма скептически.

— Я основал организацию, которая в эти дни уже начинает свою работу, — сказал Джон Фонтанелли. — Речь идет о независимом фонде с капиталом в сто миллиардов долларов, который в ближайшие месяцы проведет всемирное голосование, референдум о том, нужна ли миру такая организация общемирового масштаба. Называется она *We The People*, ее резиденция будет располагаться на Уолл-стрит, дом 40. — Вот он и сказал это. Весь свой безумный план. — Должен быть избран *Всемирный спикер*, представитель народов, чтобы координировать действия национальных правительств в вопросах глобального значения. — Джон поднял руку, как бы предвосхищая возражения. — Бюллетень для голосования, естественно, предусматривает возможность высказаться против такого учреждения.

Кофи Аннан нагнулся вперед, опершись о подлокотники, и посмотрел на Джона.

— Это отчаянно до безрассудства. — Его слова прозвучали так, будто сказать он собирался что-то другое, совсем не дипломатичное. — Это абсолютно... отчаянно, — повторил он, будто в голову ему не приходило никакого другого слова.

Джон, начиная с той минуты, как они вошли в это здание, даже с того момента, как они садились в самолет, готовился к отказу. Теперь он, к своему безграничному изумлению, заметил, что именно этот отказ укрепил его силы, будто что-то внутри него только и дожидалось противника, чтобы усилиться и расцвести. Он улыбнулся.

— Почему-то все так говорят. Вы сомневаетесь, что можно провести такой референдум?

— Имея за спиной сто миллиардов долларов? Хотел бы я иметь хотя бы один из них. Нет, я не сомневаюсь, что вы сможете провести такие выборы. Я сомневаюсь только в том, что из этого что-то получится. Почему вы полагаете, что правительства будут слушать то, что скажет им *Всемирный спикер*?

— Потому что он или она будет иметь за собой вотум всего человечества.

Генеральный секретарь хотел возразить, но передумал, некоторое время невидящим взглядом смотрел в пустоту и, наконец, задумчиво кивнул.

— Безусловно, это сильная моральная позиция, — признал он. Поднял взгляд, посмотрел на Джона. — А как вы собираетесь избежать упрека в манипуляции голосами?

— Все, кроме самого процесса волеизъявления, будет проходить абсолютно открыто. На любой избирательный участок будут допускаться наблюдатели, подсчет голосов будет вестись открыто. Мы будем применять обыкновенные бюллетени с галочкой или крестиком — никаких компьютеров, никаких других машин, которыми можно манипулировать. Даже финансовые дела организации *We The People* будут вестись радикально открыто. Не будет ничего скрытого, каждый, кто пожелает, сможет через Интернет или лично заглянуть во все движения на счетах и все бухгалтерские записи.

Возникла долгая пауза, похожая на вдох мифологического чудовища.

— *We The People*, — задумчиво повторил Аннан.

— Да, — кивнул Джон Фонтанелли. — Люди, которые девять лет назад в Лейпциге и в других городах Восточной Германии вышли на улицы, скандировали: «Мы — народ». Это именно то, о чем здесь идет речь.

— Такого еще никто не пытался сделать, — сказал Генеральный секретарь.

— Поэтому наступило время, чтобы кто-то попытался, — ответил Джон.

Наименование фонда: We The People Organisation (WTPO).

Адрес: Уолл-стрит, 40, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США.

Уставные цели фонда: Организация и проведение всемирных голосований, выборов и референдумов.

Уставной капитал: 100 миллиардов долларов США. Спонсор — Джон Сальваторе Фонтанелли. Размер уставного капитала выбран так, чтобы все ожидаемые расходы в полном объеме покрывались доходами с капитала.

Управляющий: Лайонел Хиллман.

Область основных задач: Формирование избирательных участков (в общей сложности 5,1 миллиона) во всех странах земли. Набор и обучение местных агитаторов. Регистрация избирателей. Составление избирательных списков. Регистрация кандидатов, их публичное представление. Печать и подготовка бюллетеней. Организация и проведение голосований. Публикация результатов.

Предоставление информации: Все документы, движение денег на счетах, бухгалтерский учет и прочие процессы в Фонде — открыты. На вебсайте Фонда (www.WeThePeople.org) будут постоянно доступны все банковские счета. Заинтересованные граждане смогут в любое время ознакомиться с любыми документами, предварительно записавшись по телефону.

Исключения из открытой информации: Списки избирателей не подлежат всеобщему обозрению. Но каждый гражданин может получить информацию, касающуюся его лично: в какой список он внесен; при желании он может быть перенесен в другой список. При этом он обязан представить документы, подтверждающие его личность. Обращайтесь в Ваше региональное бюро WTPO.

Открытая информация во время голосований: Наблюдатели допускаются в любое время на все избирательные участки — как во время голосования, так и во время открытого подсчета отданных голосов. Результаты всех голосований публикуются в региональных газетах.

Принципы выборов: Все голосования проходят тайно, свободно и равно. Право на голосование имеют все взрослые не моложе 18 лет, которые на момент голосования не находятся в заключении вследствие преступления, а также не состоят под опекой вследствие душевной болезни.

Информация для туристов: Все офисы Фонда находятся на нижних пяти этажах (легко узнаваемых по яркой росписи фасада; автор росписи — чилийский художник Чико Роксас). Верхняя, покрашенная в белый цвет часть здания, начиная от 6-го этажа, подготовлена под резиденцию будущего *Всемирного спикера*.

Аннан сидел, откинувшись на спинку стула, сплетя чуткие пальцы и глубоко задумавшись. На лице его отражалась борьба профессионального скепсиса с восхищением.

— Подумали ли вы о том, — наконец спросил он, — что вам понадобятся кандидаты?

Джон Фонтанелли и Пол Зигель переглянулись.

— Это одна из целей нашего прихода, — кивнул Джон.

— Идеально подошел бы для работы *Всемирного спикера*, — сказал Пол, — бывший глава государства или человек сопоставимого положения. Известный всему миру, пользующийся уважением и уже имеющий контакты с основными правительствами.

— Мы думаем о вас, — добавил Джон.

Кофи Аннан сначала удивленно поднял брови, потом руки — жестом отказа.

— О нет. Я для этого не подхожу. — Он отрицательно покачал головой. — Нет. Спасибо.

— Почему нет? Ведь вы...

— Потому что я дипломат. Посредник между различными позициями. Администратор. — Он развел руками. — Не будем даже говорить об этом. Вы в принципе задумали выбрать президента мира. А меня не примут в качестве президента мира.

— Но вы ближе всех к этой позиции.

— Как раз нет. — Генеральный секретарь покачал головой. — Уже из принципа политической интеграции я был бы последним, кто мог бы выступать кандидатом на эту должность. Мне пришлось бы постоянно отвечать на вопрос, не поддерживаю ли я ваши начинания ради собствен-

ной карьеры. Для меня это большая честь, но я вынужден отказаться.

Джон чувствовал глубокую усталость, которая с каждой минутой завладевала им все сильнее. Неужто и это будет проблемой? Нет, видения не рушатся из-за таких пустяков. Он убрал со лба прядку волос и ощутил свою руку как выжатую тряпку.

— Но, — продолжил Кофи Аннан, — я могу вам предложить одного человека. Которым я восхищаюсь и который как никто другой подходит для этой должности.

Еще когда их самолет только летел над Атлантикой, соответствующие сообщения пошли в информационные агентства, и первые информационные телеканалы объявили о глобальном референдуме. И уже по дороге из лондонского аэропорта Хитроу в Сити в пиджаке Джона зазвонил телефон.

— Джон? — прогудел из трубки знакомый бас. — Вы что, с ума сошли?

Он даже отставил аппарат от уха.

— Малькольм? Это вы?

— Да, черт возьми. Скажите, вы что действительно до такой степени ничего не понимаете? Всемирное голосование?! Чтобы это необразованное, дремучее быдло решало, чему бывать, а чему нет? У меня в голове не укладывается. Я вам годами втолковывал, как устроен мир, и стоило мне отвернуться, как вы тут же затеяли «час сказки» для детей. Как вы думаете, за что проголосует индонезийский крестьянин или перуанский горняк, если вы его спросите, как он хочет жить? За лишения и самоотречение?

— Об этом я его не спрашиваю, — холодно ответил Джон.

— Если человечеству будет позволено высказаться, какой стиль жизни ему по нутру, то вам придется застроить всю землю загородными виллами, бассейнами и торговыми центрами. Это будет конец, Джон, надеюсь, хоть это вам ясно?

— Я уверен, что для большинства людей справедливость и будущее для их детей окажутся важнее, чем бассейны.

Маккейн захлебнулся, разрываясь между желанием заорать и набрать в легкие воздуха.

— Вы фантазер, Джон!

— Моя мать тоже так говорила, — ответил Джон. — Я думаю, именно поэтому судьба сделала наследником меня, а не вас. Прощайте, Малькольм. — Он прервал связь, позвонил в секретариат и распорядился, чтобы звонки Маккейна переводили не на него, а на юридический отдел.

Музыкальная пьеса, которая доносилась из его гостиной, да еще с такой громкостью, что могла снести голову еще в прихожей, показалась Джону смутно знакомой.

Unborn children
want your money
and their screaming
never stops.
House on fire,
god is leaving,
you're not important
anymore.
Wasted future, wasted future,
all you offer me are tears...*

Дребезжащий звук, чахоточное пение — это, без сомнения, был компакт-диск Марвина. Но разве он не выбросил его тогда же, сразу?

Когда он вошел в гостиную, посреди нее стояла Франческа, закрыв глаза, обхватив себя руками, будто обнимая, и самозабвенно раскачивалась под грохочущие звуки бас-гитары. Джон уставился на нее как на восьмое и одновременно на девятое чудо света: эта глухая какофония электроинструментов ей по-настоящему нравилась!

Она встрепенулась, увидев его в дверях, и бросилась к музыкальному центру, чтобы выключить его. Внезапная тишина была оглушительна.

— *Scusi*, — прошелестела она, выковыривая диск из подставки и укладывая его в кассету. — Я совсем забыла, что вы сегодня возвращаетесь. — Она пугливым движением указала вокруг себя: — Но все прибрано. Все чисто, все сделано.

— *Va bene*, — успокаивающе сказал Джон, но она выскользнула мимо него из комнаты с еле слышным «*Buona notte*», прижав к груди кассету с изображением Марвина как бесценное сокровище.

Джон посмотрел ей вслед со смутным чувством беспокойства, удивляясь тому, как разительно отличаются вкусы и предпочтения людей. И Марвин, боже правый — о

* Нерожденные дети хотят твоих денег, и их крики не прекращаются. Дом в огне, бог уходит, ты больше не важен. Напрасно растраченное будущее, всё, что ты мне предлагаешь, это слезы...

нем давно ничего не было слышно, целую вечность. Джон не имел ни малейшего представления, куда тот подевался.

* * *

Когда Марвин выходил на прогулку, его всегда тянуло вверх, по нехоженным склонам, в леса, окружающие долину величественной стражей. Там он бродил часами, перебирался через поваленные деревья, вдыхая холодный, прозрачный воздух и слушая тишину, к которой примешивались лишь звуки природы, его собственного дыхания и шагов. Если бы не эти бело-красные полосы на деревьях и на стальных штангах, которые отмечали границу территории, где он мог разгуливать со своими электронными путами на ногах, и остальным миром, он чувствовал бы себя свободным как никогда.

Между тем они отпускали его на четыре часа после обеда. И все равно, когда на его ноге звучал сигнал, что пора возвращаться, это всегда было неожиданно рано, когда он еще не нагулялся.

Сверху клиника выглядела как элегантное белое загородное имение, странным образом заблудившееся среди бездорожной глухомани. То, что окна зарешечены, а подъездная дорога охраняется, становилось видно только на подходе. И других пациентов, сплошь наркоту — заносчивых, холодных сыновей из богатых семейств, про кого говорят «В семье не без урода», прикованных к этому безлюдному, забытому Богом месту ежемесячным папиным чеком, — их тоже можно было увидеть, лишь снова переступив порог заведения. Марвин ненавидел этот момент.

Сегодня у него было такое чувство, что он в лесу не один, хотя вокруг никого не было видно. Он скорее чуял кого-то. Одного из других пациентов? Вряд ли. Марвин вернулся назад, к тому месту на краю леса, откуда просматривалась территория клиники, и пересчитал крохотные фигурки на дорожках сада. Все были на месте. Значит, если кто сюда и пробрался, то не пациент.

Он решил не думать об этом. Поднялся по своей тропе через заросли, запыхавшись, и при виде белого пара от своего дыхания вспомнил старое время, город, выхлопные газы на улицах и свои косячки у окна. Казалось, все это было совсем в другой жизни. Он мог бы поклясться, что

живет в этой клинике уже лет сто, в комнате с решетчатым видом на газон, такой же скучный и лишенный очертаний, как зеленое ковровое покрытие на полу. И судя по всему, ему придется оставаться здесь до конца своей жизни.

Это был мужчина в зеленой утепленной куртке и темно-синей бейсболке. Он неожиданно возник в кустах, по другую сторону ограничительной линии, и неподвижно смотрел на Марвина.

Марвин смотрел на него. Он мог бы пройти мимо своей дорогой; в конце концов никому не запрещено разгуливать по лесу. Но почему-то не прошел мимо, а крикнул этому человеку:

— Эй! Как дела?

Человек приветственно поднял руку и помахал, подзывая Марвина ближе.

— *Sorry!* — крикнул Марвин, показывая на свою правую ногу. — У меня тут на лодыжке такой прибор, он моментально выстрелит мне паралитическим средством в ногу, если я пересеку черту. Здесь так заведено, понимаете?

Кажется, тот понял, потому что стал пробираться вперед, нескладно перешагивая через корни и камни.

— Что, в самом деле так строго? — спросил он, добравшись до Марвина.

— Самое позднее через двадцать шагов завоет сирена. Видимо, это как-то связано с удалением от передатчика. И если меня придется догонять с собаками, то потом минимум две недели я буду сидеть без свежего воздуха.

— Ужасно. — У мужчины было грубое, изрытое оспинами лицо и пышные усы. Марвину показалось, что он его уже где-то видел, но такое чувство у него в последнее время возникало часто. Видимо, действие медикаментов, которыми его здесь пичкали, как уверял доктор Доддридж, его лечащий врач.

Марвин пожал плечами.

— Я думаю, они вынуждены идти на это. Тут есть несколько законченных типов.

— Но вы к ним не относитесь. К законченным типам, я хотел сказать.

— Ну что вы, нет. Да я и не сидел по-настоящему на игле, в любой момент мог соскочить, если бы захотел. — Марвин сорвал былинку и взял ее в рот. Ему казалось, это

придаст ему независимый вид. — Это вроде как обязательно для рок-звезд, понимаете? Просто нечеловеческий пресс. Это может доконать, если вы понимаете, о чем я говорю.

Незнакомец хмыкнул:

— Но теперь у вас, кажется, снова все в порядке.

— Да вроде бы. — У него были лишь смутные воспоминания о том, что было с ним раньше. Но он снова все вспомнит, как заверял его доктор Доддридж. — Они тут такое делают! Водолечение, очистка крови от ядов, как они это называют, гипноз, психотерапия — да, меня они уже поставили на ноги.

Во взгляде мужчины тайлось что-то подстерегающее, змеинное.

— Тогда почему же вы все еще здесь?

— Понятия не имею. Может, еще не вполне восстановился.

— И вы в это верите?

Марвин недоверчиво посмотрел на незнакомца. Из выреза бордового вязаного пуловера у того выбивалась густая черная шерсть.

— Что вы хотите этим сказать?

— Да вы меня уже поняли. Разве вы никогда не задавались вопросом, что на самом деле стоит за тем, что с вами произошло?

— А что должно за этим стоять?

— Подумайте об этом, — посоветовал ему незнакомец, повернулся и пошел прочь.

— Эй, что это значит? — вспыхнул Марвин, готовый броситься вслед уходящему. — Не бросите же вы меня так? Кто вы вообще такой?

Мужчина лишь коротко вскинул руку, не оборачиваясь.

— Я еще вернусь. — А вы пока подумайте. — И скрылся между деревьями.

Марвину хотелось стереть из своей памяти эту встречу, но, разумеется, до конца дня он только о ней и думал. И среди ночи вдруг вспомнил, откуда знает этого человека.

* * *

Средства массовой информации никак не могли освоиться с понятием *Всемирный спикер*. Даже газеты и телекомпании, принадлежащие концерну Фонтанелли, надол-

го задержались с этим. Из новостей можно было узнать лишь то, что ожидается избрание всемирного президента. И первые комментаторы, казалось, не были уверены, не сыграл ли с ними кто-то злую шутку.

Им неплохо было бы навести справки в отделе рекламных объявлений. Уже на следующий день практически во всех независимых газетах мира — и даже в некоторых правительственных, где такого никогда раньше не водилось, — появились двухполосные, законно оплаченные объявления, в которых была представлена организация *We The People* и разъяснялась процедура голосования. Люди во всех частях земли с удивлением узнали, что на должность *Всемирного спикера* может претендовать любой взрослый, при условии, что он соберет достаточное количество голосов людей, готовых поддержать его кандидатуру, причем лишь половина из этих подписантов может принадлежать его землякам. В пивных и закусочных уже всюду обсуждалось выдвижение первых кандидатов, тогда как правительства по всему миру еще не успели прийти в себя. Уже на второй день после начала кампании в Нью-Йорк поступили первые заявки. А серия огромных объявлений продолжалась. По телевидению крутили ролики продолжительностью в целую минуту, в самое лучшее и дорогое рекламное время. Повсюду появились логотипы с пятью разноцветными головами — на рекламных щитах, на станциях метро, на обороте билетов в кинотеатры, на бортиках футбольных полей, на автобусах и вагонах и перед каждым фильмом во всех кинотеатрах планеты. На Интернет-сайте *We The People* можно было узнать, что организация до начала выборов потратит на рекламу больше средств, чем корпорация Coca-Cola за десять лет. Было понятно, что в деньгах *We The People* не ограничена и готова вложить в разъяснительную работу столько средств, сколько понадобится. Было понятно, что дело задумано всерьез.

Политики высокого ранга были достаточно умны, чтобы по возможности не высказываться по поводу плана Фонтанелли, пока их не спросили. Инстинктивно им было ясно, что тем самым они бы только повысили значимость того, что задумано. Но даже когда их спрашивали, они отмалчивались, уклончиво говорили о праве каждого на свободу выражения мнения и хвалили уже испытанные струк-

туры демократии. Один комиссар Евросоюза, то есть член того могущественного органа, состав которого назначался правительствами европейской унии без всякого участия народа, заявил, что он не видит причин что-либо менять в существующей ныне системе.

* * *

Интервью, которое Джон Фонтанелли дал японскому телевидению, было лишь частью его мирового турне, которое он предпринял для рекламы своих намерений. Уже через несколько дней он мог заранее предсказать слово в слово ход любого разговора. Куда он ни приезжал, его собеседники пускались в объяснения, насколько их страна отличается от остальных и насколько у них другая культура, а в итоге задавали ему те же вопросы, что и все остальные.

— Мистер Фонтанелли, — сказал японец атлетического сложения, имя которого Джон забыл сразу же после представления, но сунул в карман его визитную карточку, на всякий случай, — вы действительно верите, что такие страны, как Китай, Ирак или Северная Корея допустят проведение на своей территории свободного и тайного голосования?

Правительство Китая уже дало свое согласие, но он пока не хотел распространяться об этом. Китай нуждался в пшенице; получить его согласие было просто. Куба — другое дело, это действительно был крепкий орешек.

— Правительство, которое не разрешит своим гражданам принять участие в референдуме, — ограничился Джон апробированной формулой, — должно отдавать себе отчет, что тем самым оно лишает себя голоса в обсуждении нового устройства глобальной финансовой системы.

— Станете ли вы оказывать давление на такие правительства? — спросил корреспондент.

Высокооплачиваемый штаб психологов и спичрайтеров выработал на этот ожидаемый вопрос столь же впечатляющий, сколь и ничего не говорящий ответ, но к черту, почему бы тогда Джону было не послать вместо себя магнитофон, а? Соблазн бросить вызов оказался слишком велик. Он вздохнул и с мрачной улыбкой заявил:

— Я вот что хочу сказать: если кто-то все еще думает, что отдельно взятая страна может противостоять влиянию большого концерна, то самое время наставить его на ум.

Прошла целая неделя, прежде чем мужчина появился снова.

Каждый день Марвин ждал его, поглядывая между стволами деревьев, в дождь и холод, но никого не было. Он ходил к прежнему месту, чтобы увидеть следы и удостовериться, что эта встреча ему не примерещилась. И когда неделю спустя он снова пришел туда, мужчина уже поджидал его.

— А я знаю, кто вы, — сразу же заявил Марвин.

— Это интересно, — сказал мужчина.

— Я видел вас по телевизору. Вас зовут Рэндольф Бликер. Вы представляли интересы брата Джона Фонтанелли, и с тех пор, как мошенничество раскрылось, вас разыскивает полиция.

Казалось, того это ничуть не взволновало.

— Правильно, мистер Копленд, — сказал он. — Но знаете ли вы, что и вас тоже разыскивает полиция?

Марвин уставился на него, словно получил затрепину.

— Меня?

— Французская полиция с удовольствием задала бы вам несколько вопросов в связи со смертью вашей подруги Константины Вольпе. Вы помните мисс Вольпе?

— Константина?... — Воспоминания нахлынули на него волной. Он увидел перед собой темные переулки, алжирца, который пересчитывал купюры в франках, пластиковый пакет с белым порошком... И — все, обрыв пленки. Пробуждение рядом с холодными, посиневшими конечностями. Попытка набрать дрожащими пальцами телефонный номер. Снова тюремная камера. Пока не явился человек с пустыми черными глазами.

— Кто-то привез вас сюда. В надежное место. Ведь это не только клиника, мистер Копленд, это укрытие. Для вас, во всяком случае. — Мужчина, которого звали Бликер и который когда-то в другой жизни пытался провести его друга Джона, а вместе с ним и весь мир, смотрел на него презрительным взглядом. — Неужели вы не задумывались, кто это был? И почему он это сделал?

Нет, об этом Марвин действительно никогда не задумывался. Он медленно покачал головой, признаваясь:

— Нет. Понятия не имею.

— А хотите это знать?

— Да. Конечно.

Бликер шумно вздохнул.

— Это вам не понравится, — сказал он с сомнением в глазах. — Ведь вы впутаны в историю, которая гораздо серьезнее, чем вы могли бы представить в вашем самом страшном сне.

— Эй, — обронил Марвин. — Предоставьте судить об этом мне самому, о'кей?

Бликер смотрел на него некоторое время и, кажется, пришел к какому-то решению.

— Хорошо. Идемте, присядем вон на то поваленное дерево. Вам будет лучше выслушать это сидя.

Тут Марвину стало не по себе. В голове его билось что-то, словно животное, запертое в неволе. Он сел рядом с Бликером на дерево, поваленное бурей, и ждал, что будет.

— Можете ли вы представить себе, — начал человек с лицом топорной работы, — что за всем, что происходит в мире, стоит узкий круг могущественных людей, к которым отовсюду тянутся нити, которые могут манипулировать информацией и незаметно проводить то, в чем заинтересованы? Что на самом деле все не так, как кажется?

Марвин кивнул.

— Да, черт возьми. Так я и думал все время.

— А я точно знаю это, поскольку работал на этих людей.

С ума сойти. Если бы еще не эта головная боль.

— Seriously? — спросил он, пытаясь сохранять невозмутимость.

Бликер согнулся, как под тяжестью невидимого груза, уперся локтями в колени и сказал:

— Поэтому я здесь. Вы должны узнать правду.

Нельсон Мандела, родившийся в 1918 году, с 1962-го по 1989 год политический заключенный Южно-Африканской республики, а с 1994 года ее выборный президент, вышел к микрофонам представителей мировой прессы и заявил, что Джон Сальваторе Фонтанелли попросил его выставить свою кандидатуру на пост *Всемирного спикера*.

— И я решил, — сказал он, — откликнуться на эту просьбу.

Журналистов вообще-то не так легко смутить. Они привыкли к неожиданным заявлениям и шокирующим речам. Но после этих слов в зале разразилась буря. Забыв о всякой дисциплине, журналисты наперебой выкрикивали вопросы, выхватывали мобильные телефоны, надиктовывали быстро нацарапанные сообщения, а кто-то бежал по коридору к телефонам-автоматам.

Было известно, что Нельсон Мандела отказался выставить свою кандидатуру на второй президентский срок, но до сих пор считалось, что причина этого отказа — его возраст. Но всемирный президент?..

— Скоро мы распрощаемся со столетием, которое во многих отношениях было для человечества эпохой страданий. Если подводить баланс, нельзя не заметить, что конфликты и войны все еще господствуют во многих частях планеты. Мы вынуждены признать, что большая часть населения земли живет в бедности и что отношения между нациями неравноправные, с перевесом в пользу могущественных держав. Я говорю это не для того, чтобы сеять в умах отчаяние и безнадежность, а для того, чтобы обозначить некоторые вызовы, с которыми мы вступаем в новый век. Мы имеем перед глазами ужасные примеры нашей бесчеловечности по отношению друг к другу. Мы губим растения и животных, многие виды доводя до вымирания, мы злоупотребляем природной средой. Но мы не можем и оспаривать, что были свидетелями многих триумфов человеческого духа в науке, литературе, искусстве и других областях. Современные средства связи и глобальная экономика превратили земной шар в маленькое, обозримое место, в ко-

тором уже ни одна страна не может существовать изолированно. Мы должны создать международные организации, которые будут эффективно служить общим интересам и смогут укрепить нас всех в нашей человечности. На этом основании я с радостью и смирением следую просьбе выставить свою кандидатуру на должность представителя всех народов. Вместе с тем я призываю людей во всех частях света использовать исторический шанс и принять участие в голосовании. И у каждого из них прошу его голоса. Я обещаю всеми силами поддерживать тех, кто будет строить мир, в котором люди смогут жить достойно и в мире между собой. Благодарю вас.

— Черт меня возьми, — сказал один английский журналист своему коллеге, — но я ничего не имею против.

— А ругаться-то зачем? — сказал тот.

* * *

В Колумбии во время облавы в джунглях была раскрыта тайная фабрика наркотиков. При этом солдаты конфисковали пятьдесят центнеров кокаина, запакованного в пластиковые мешки с фирменной эмблемой *Morris-Capstone-Company*. Представитель фирмы поспешил заверить по телевидению, что к концерну это не имеет отношения. Якобы мешки предназначены для бразильских табачных плантаций; видимо, они были украдены.

Примерно в это же время Маккейн в одном ток-шоу высказывался против государственной поддержки реабилитационных программ для наркозависимых.

— Это не поможет, только приведет к пустой трате денег. Это не поможет, потому что те, кто прячется от вызовов жизни в искусственное удовлетворение при помощи наркотиков, лишены чувства ответственности, — заявил он. — Финансирование таких программ — глумление над теми людьми, которые хотят жить и честно прилагают для этого все усилия. Поскольку мир и без того трещит по всем швам от перенаселенности, мы должны быть благодарны всем, кто покидает его добровольно.

Не совсем добровольно мир покидали арестованные наркоторговцы в Колумбии. Они необъяснимым образом гибли в тюрьме еще до суда и следствия.

Главное, вести себя так, чтобы никто не заметил появления условного сигнала. В любом случае у него в запасе четыре часа. Целая пропасть времени.

Стальная дверь, покрашенная белой краской, захлопнулась за ним, ее с грохотом заперли изнутри, все как обычно. Марвин втянул носом холодный, пряный воздух, постояв не дольше, чем обычно, и потом отправился — так же неторопливо, как каждый день — вверх по склону.

Вслед ему смотрели из одного из зеркальных окон, в этом он не сомневался. Они всегда делали это незаметно, как будто их не интересовало, куда он пойдет, лишь бы вовремя возвращался. Ведь у них были этот пеленгатор и прочие устройства; они преуспели во всем, что касается контроля над пациентом.

Четыре часа. До края леса ходьбы всего минут десять.

Условным сигналом была желтая тряпочка, привязанная к дереву так, чтобы было видно из его окна. Она не бросалась в глаза, заметить ее мог только тот, кто ждал этого знака. Ему пришлось пробираться через кусты, чтобы пройти до помеченного дерева. В нем действительно оказалось дупло, а в дупле пластиковый пакет с картой местности, ключом от машины, тремя сотнями канадских долларов и двумя сотнями американских, и еще одной штучкой, которая могла быть только ключом от его электронных пут. Выглядела она иначе, чем прибор, к которому прибегали охранники, но подошла. Марвин снял с ноги устройство и, как научил его Бликер, тут же снова защелкнул его.

Он не смог удержаться от соблазна загадать этим ребятам загадку. Нашел два молоденьких деревца, росших рядом, с толщиной стволов как его лодыжка, и замкнул устройство на одном из стволов. Это будет выглядеть так, будто злой волшебник превратил Марвина в пару деревьев. Он представил, какие у них будут лица и как они будут спрашивать себя, что же здесь случилось, и развеселился.

Он сунул остальное в карман и пустился в путь, который вел вдоль подъездной дороги, но по хребту, по нехоженной местности, каменистой, изрезанной трещинами и острыми выступами. Идти было очень тяжело, и хотя он шел без аппарата на ноге, пот заливал ему глаза, и он

задыхался. Каждая клеточка его тела требовала отдыха, но ему было не до того. Четыре часа времени оказалось не так уж много, а он шел во исполнение важнейшей миссии, какая только может быть у человека.

* * *

Кандидатура Нельсона Манделы открыла новое измерение в спорах за и против глобального референдума. Больше уже не дебатировалась серьезность этой инициативы; дискуссия сузилась до вопроса, может ли быть *Всемирный спикер*, и если да, кто должен им стать.

Популярность южноафриканского президента во всем мире была, как показала реакция на его заявление, огромна. Актер, писатель и спецпосол ООН сэр Питер Устинов, который выставил свою кандидатуру одним из первых, теперь отозвал ее, чтобы решительно высказаться за Нельсона Манделу. Те публицисты, которые были против референдума и потому пытались опорочить личность Манделы, сослужили плохую службу своему делу, потому что население стран Третьего мира воспринимало это как чистой воды расизм. Повсюду проходили стихийные митинги, и плакаты с надписью *Mandela For World President* вскоре уже нельзя было отделить от любой демонстрации, даже если она имела совсем другое содержание.

Но слышались и другие голоса. Одна европейская инициативная группа высказалась за кандидатуру чешского президента Вацлава Гавела и, несмотря на его отказ, активно собирала подписи.

В США появилось движение, которое хотело выдвинуть бывшего президента Джимми Картера, на что он, будучи на шесть лет моложе Манделы, ответил отказом со словами: «Я не думаю, что на этих первых выборах у белого будет шанс на победу».

* * *

CNN передали в рамках специальной передачи подробное интервью с руководителем организации *We The People*, Лайонелом Хиллманом.

— Мистер Хиллман, — приветствовала интервьюерша мужчину с темно-рыжими кудрями, — верно ли, что Каддафи тоже выдвинул свою кандидатуру?

Хиллман с улыбкой кивнул.

— Если вы заглянете в наши публикации, то узнаете, что это верно. Муамар аль-Каддафи вчера представил заявку по всей форме.

— Значит ли это, что имя ливийского лидера будет стоять в избирательных бюллетенях?

— Разумеется.

Интервьюерша, темнокожая женщина по имени Дебора Норрис, намурила лоб.

— Вы находите это нормальным?

Руководитель будущих всемирных выборов находил это абсолютно нормальным.

— Это демократия. Для всех действительны одни правила. И если вам не нравится какой-то кандидат, то вы просто не голосуете за него.

Миссис Норрис сочла за лучшее сменить тему.

— Весь ли мир покрывает ваша избирательная сеть? Китай разрешил голосование, как я слышала. А что с Ираком? С Кубой? С Северной Кореей?

— На Кубе голосование пройдет, это дело уже решенное. Кастро вначале был против референдума, потому что инициатива исходит от капиталиста, но после личной беседы с Джоном Фонтанелли он изменил свое решение. Ирак, пожалуй, тоже разрешит голосование на своей территории, по крайней мере мы наблюдаем, что на народ уже заранее оказывается давление, чтобы они держались подальше от избирательных участков — тактика запугивания, которая, к сожалению, в ходу во многих местах, в том же Афганистане или на Гаити.

— А Северная Корея?

— Северная Корея, видимо, будет последним анклавом полной изоляции. Я сожалею об этом, но в настоящий момент ситуацию не изменить.

— Многие правительства заявляют, что они не признают *Всемирного спикера*, если таковой будет избран.

— Что значит «многие»? Почти все, — сказал Хиллман и пожал плечами. — Но с этим у меня нет проблем. Мое дело — организовать выборы. А там посмотрим.

— Ключевое слово — Джон Фонтанелли. Каков будет его вес в организации *We The People*? — провокативно спросила Дебора Норрис.

— Никаков, — не задумываясь ответил Хиллман. — Он просто гражданин с правом одного голоса, как любой другой.

— Но он дал деньги, с которыми вы работаете.

— Конечно, но дать деньги означает распрощаться с ними. Во всем прочем я не представляю, чтобы кто-то мог пользоваться у нас особыми правами. Мы все едим в одной столовой и ходим в одни и те же туалеты, и наш статус может изменить только *Всемирный спикер*, и то лишь посредством волеизъявления народа.

Она примиренно кивнула.

— Как будет протекать процедура? Во сколько туров будут проводиться выборы?

— В два. В первом туре в бюллетене будут стоять все кандидаты, прошедшие регистрацию, а во втором будут состязаться два кандидата, набравшие наибольшее число голосов.

— Кого вы ожидаете в финале?

Хиллман склонил голову набок.

— Официального мнения у меня на этот счет нет.

— А неофициальное?

— Неофициально я думаю, что в финал выборов выйдут Нельсон Мандела и голоса, поданные против всех кандидатов.

— То есть против учреждения поста *Всемирного спикера*.

— Да.

— Какого результата вы хотели бы для себя?

Лайонел Хиллман мудро улыбнулся.

— Такого результата, чтобы в выборах приняли участие более семидесяти процентов избирателей.

— А что вы будете делать, если победит кандидат «против всех»?

— То же самое, что мы будем делать всякий раз после выборов: готовиться к следующим выборам, которые состоятся через четыре года.

* * *

— У нас уже есть всемирный президент, — сказал Малькольм Маккейн в одном из телевизионных интервью. — Вы все его знаете; его зовут Джон Сальваторе Фонтанелли. Разве это не очевидно? Повсюду в мире происходит то, чего хочет он. Случайно он захотел, чтобы повсюду были соору-

жены избирательные участки, потому что в его голове возникла утопическая идея. Но хотя каждому ясно, какое это все безумие, ему все равно подчиняются.

Маккейн был первым, кто воинственно выступил против плана Фонтанелли. В объявлениях, плакатах и телевизионных роликах, оплаченных *Morris-Capstone*, намерения Фонтанелли высмеивались или подвергались нападкам. В Европе его пропагандисты сдержанно рассуждали в интеллектуальных ток-шоу о том, что, хотя в идее «мирового правительства» и есть некий «шарм», все же она преждевременна, даже для первого шага. В еженедельниках они расписывали, как миллиард индусов и миллиард китайцев в соответствии с планом Фонтанелли в будущем будут определять судьбу европейцев. В Израиле радиоролики предостерегали от того, чтобы дать арабам хоть толику участия в обсуждении болевых точек еврейского государства, тогда как оплаченные каналы арабского телевидения объясняли, что «да» плану Фонтанелли означало бы распахнуть все ворота и двери тлетворному влиянию коррумпированного, морально разложившегося Запада. В США полнополосные объявления и минутные ролики в самое дорогое телевизионное время трубили: «Американский президент — самый могущественный человек в мире. Нет оснований что-то менять в этом положении», и на машинах появлялись наклейки с картинкой, подражающей логотипу *We The People*, и надписью: *Just Ignore!*

Представитель США в ООН в необычайно резких выражениях критиковал решение Кофи Аннана о поддержке запланированного «триллионером» референдума. В хорошо информированных кругах считалось после этого, что дни генерального секретаря сочтены.

* * *

Марвин остановился на каменистой обочине и стал рассматривать мотель издалека. Перед входом красовался вырезанный из цельного древесного ствола медведь гризли. Расположение двух низких, вытянутых в длину строений с желтыми стенами соответствовало описанию. Судя по припаркованным машинам, занято было всего два номера, и в одну из двух машин — старый «форд пикап» — как раз снова погружались двое крепких мужчин, похожих на путешественников лесорубов.

Он снова включил скорость и проехал последний участок пути до парковки мотеля. За приемной стойкой сидел неряшливого вида мужчина со странным лицом без подбородка и волосами, завязанными в хвост, и больно уж уныло вел процедуру оформления.

— Можно ли позвонить из комнаты? — спросил Марвин, когда receptionист сортировал деньги в кассе.

— Просто наберите в начале ноль, — буркнул тот.

— И за границу?

— Да. — Он подвинул ключ по стойке. — Номер третий, от входа сразу налево.

Комната была оклеена жуткими коричневыми обоями, но все остальное было в порядке. Марвин умылся, посмотрел в окна на две стороны света, не обнаружил ничего, кроме леса, леса и еще раз леса, потом сел на кровать и взял телефонный аппарат на колени. Никаких мобильных телефонов, предупредил его Бликер. *По ним можно запеленговать твое местонахождение на земном шаре с точностью до десяти шагов.* Логично. Это входило в их план. Который он им испортит, даже если это будет последнее, что он делает.

Марвин немного подумал, потом набрал длинный номер. Ответил женский голос, он назвал имя, его переключили, и сразу же ответила другая женщина, говорившая по-английски с очаровательным итальянским акцентом.

— Хэлло, Франческа, — сказал он. — Это я, Марвин.

— Марвин? — ахнула она, казалось, чуть не упав в обморок у телефона. — Ты где? Что?.. Я все время о тебе думаю, Марвин, каждый день и... Я купила твой CD...

— Франческа, — мягко перебил он ее. — Мне нужна твоя помощь.

— Моя помощь?

— Франческа, дорогая, ты должна разузнать для меня один номер телефона...

* * *

— Часто говорят о мирной перестройке Южной Африки как о чуде, — сказал Нельсон Мандела во время государственного визита в Австралию. — Кажется, для всего мира было ясно, что Южная Африка должна погибнуть в кровавых расовых конфликтах. Но руководители различных общин

и политических партий опровергли пророков гибели благодаря своей готовности к переговорам и компромиссам. Если опыт Южной Африки что-то значит для мира в целом, то в качестве образца я надеюсь на то, что там, где люди при желании собираются вместе и преодолевают свои разногласия ради всеобщего блага, там можно найти мирные и справедливые решения даже для самых трудных проблем.

Слушатели, собравшиеся под открытым небом, вежливо аплодировали. Свет был окрашен в осенние тона, Австралия вступала в холодное время года.

— Уж больно елейно, — шепнул один из журналистов своему соседу и поднял руку, чтобы задать вопрос: — Ходят слухи, что вы были бы обязаны должностью *Всемирного спикера* концерну Фонтанелли?

Мандела задумчиво оглядел спросившего.

— Я знаю об этих слухах, — сказал он. — Они неверны. Если меня выберут, то это сделает не мистер Фонтанелли, а люди всех народов земли. Им я и буду обязан. Но в случае, если я буду избран, вы сможете ждать от меня, что я буду делать то же самое, что я делал всю мою жизнь: умирать за правду и справедливость.

Возник общий неопределенный шум. Часть слушателей, в первую очередь приглашенные гости из бизнеса и политики, казалось, сочла вопрос журналиста неуместным.

— Прихоть судьбы, — продолжал Нельсон Мандела с мягкой, почти извиняющейся улыбкой, — такова, что в рамках нового финансового мирового устройства первым пострадает как раз мистер Фонтанелли. Потому что он в свое время вступил в права наследства, не заплатив положенный в таких случаях налог. Такова правда. И это несправедливо. Мы не сможем этого терпеть.

Так вот чем это кончилось.

Освещение в фойе, казалось, было тусклее, чем обычно, голоса в коридорах глуше, цвет всей обстановки мрачнее. Люди, которые еще вчера относились к нему как к властелину мира, теперь избегали его, смотрели на него как на обреченного.

Адвокаты, окружившие массивный стол, словно стая злых собак, застыли, когда в зал для переговоров вошел Джон Фонтанелли. У них были влажные пятна пота под мышками, на столе перед ними громоздились горы бумаг, и у некоторых вид был такой, будто они всю ночь здесь кровожадно грызлись. В воздухе пахло массовым убийством.

— Ну, что? — спросил Джон, садясь.

— До сих пор нет полной ясности, — пролаял шеф юридического отдела, очень грузный человек с венозными веточками на коже и толстыми пальцами. — В какой стране платить налог? В Италии? В США? На какой правовой основе могут быть потребованы дополнительные выплаты?

— Какую правовую систему вообще применять, если вести переговоры? — твякнул приземистый адвокат со скачущим кадыком.

— И как обстоит дело с законной силой договоренности, к которой вы пришли с итальянским правительством? — гавкнула тощая, голодающего вида блондинка, тыча в его сторону шариковой ручкой, как рапирой.

— Но поскольку мистер Фонтанелли эту договоренность не выполнил, — накинулся на нее другой, толстый и с угреватой кожей, — мы не можем на нее ссылаться.

Джон Фонтанелли поднял руку и подождал, когда установится тишина. Они смотрели на него, с трясущимися губами, тяжело дыша, вывалив языки, и только того и ждали, когда их выпустят из вольеры, чтобы наброситься на врага, а пока смотрели на него и выжидали.

— Сколько? — спросил он.

— Пятьсот миллиардов долларов, — бухнул один.

— Самое меньшее, — добавил другой.

— Если не последуют дополнительные требования.

— А если кто-нибудь еще вспомнит, что Вакки тоже не платили налоги...

— Но мы-то почему должны нести за это ответственность? — завыл кто-то и стукнул кулаком по одному из фолиантов в кожаных переплетах, рассыпанных по столу.

Джон снова поднял руку, приглушая голоса.

— Я заплачу, — сказал он.

Их челюсти дружно отвисли. Глаза вылезли из орбит, как будто все они были подсоединены к одной пневматической системе, спрятанной под столом.

— А что мне еще остается? — добавил он.

Они смотрели друг на друга, ища того, кто знал бы, что еще остается Джону Фонтанелли, но ничего так и не последовало, кроме неопределенных восклицаний, похожих на крик боли.

Джон и сам был ошеломлен и всю бессонную ночь обдумывал случившееся. Человек, взявшийся объединить согласие большинства людей всей земли — это была захватывающая идея, когда она возникла в его воображении, когда они ее обговаривали и сообща оттачивали. Но что она ударит по нему самому, да, *должна* ударить, неизбежно и неукоснительно, об этом они не думали ни одной секунды. Это уже стало настолько привычным — не придерживаться законов никакого отдельного государства, натренированно разыгрывать козырные карты, в свою пользу и по своему усмотрению манипулируя разными странами, — что одно лишь представление о *Всемирном спикере*, который может предъявить претензии им самим, было шокирующим.

Он услышал слова Нельсона Манделы по телевизору. Ни один канал не упустил случая показать этот момент, все телекомпании прямо-таки торжествуя схватились за него, чтобы обсудить и прокомментировать. В первый момент Джон почувствовал насмешливое презрение. Что бы там ни решали и ни говорили эти политики, его это никогда по-настоящему не задевало, он был выше этого. За годы с Маккейном такой образ мыслей выработался в нем, это он осознал позднее, и что-то он еще воображал о себе. Презрительно усмехаться, а потом думать, как провести этих злопыхателей и шавок, это стало уже рефлексом, и по этому же руслу его мысли автоматически потекли и в этот раз.

И вдруг остановились — почти болезненным рывком. Ибо: куда он мог уклониться от *Всемирного спикера*? Кого он мог на него натравить? Некого. А забрать у него деньги — это был тот случай, когда все нации мира только поддерживали бы *Всемирного спикера*.

Шансов у него не было.

— Я заплачу, — повторил Джон. — Это значит, что я должен продать большую часть концерна. Я хотел бы вас попросить направить все силы на подготовку этих продаж. Аналитическому отделу я уже поручил составить соответствующую концепцию. До выборов еще несколько месяцев; времени достаточно, чтобы не попасть под давление и выручить от продаж оптимальные деньги.

Казалось, кто-то хотел возразить, но снова закрыл рот, так и не сказав ни слова и кивая, как все.

— И еще, э-э, мне очень жаль, что я вчера так экстренно нагрузил вас работой, — сказал Джон в заключение и встал. — Это было скоропалительно и необдуманно. Я прошу вас быть ко мне снисходительными.

Они снова кивали. Они кивали, пока дверь за ним не закрылась.

* * *

Пол, который его разыскивал, попался ему на пути и пошел проводить его до лифта.

— Ничего себе сюрприз, да? — сказал он.

Хорошо было для нервов — быстро идти, широкими шагами нестись по коридору.

— Почему же? — спросил Джон. У него вдруг стало странно легко на душе, почти весело. — Я же сам этого хотел, разве нет?

— Чтобы Мандела отнял у тебя все деньги?

— Ну, миллион-другой он мне все-таки оставит. А с остальными я так и так не знал, что делать. Вот и пусть это решает тот, кто их получит.

— Ну, не знаю... — Пол покачал головой. — Все-таки это неблагоприятно.

Джон резко остановился.

— Вот мы всегда так: справедливость для всех, но особые права для нас. — Он засмеялся. — Пол, неужто ты не понимаешь, что происходит? Разве ты не видишь? Уже действует. Наш план уже действует!

Телефон зазвонил, когда Джон ехал домой. Скоро это будет уже не его дом, подумал он, доставая из кармана мобильник.

— Да?

— Это я, — этот голос он не слышал уже целую вечность. — Марвин.

— Марвин? — вырвалось у Джона. — Да это же... — Его удивление не находило слов. — Как ты? Откуда ты звонишь?

Голос звучал слабо, издалека и доходил с некоторым запозданием, как это бывает при трансатлантической связи.

— Не один ли хрен, где я сейчас. Я звоню не для того, чтобы посудачить о старых добрых временах. Я звоню ради тебя. Ты, брат, попал в большую передрыгу. Ты нас всех смываешь в унитаз и еще воображаешь, что делаешь что-то хорошее. Поэтому я и звоню тебе, старик.

— Что? — Джон заморгал. Снаружи пронеслись уличные фонари, словно цепь перламутровых лун на черном бархате.

— Джон, я знаю, ты стал важным фраером, и все слушают твои команды, но раз в жизни, я тебя прошу, один раз в жизни выслушай меня. До конца. Потому что на сей раз это чертовски важно, ты понял? — Глубокий вдох. — Я был на излечении. В одной клинике. Всякие анекдоты и все, что напечатано петитом, я расскажу тебе как-нибудь в другой раз, важно то, что я встретил там одного человека, который во многое посвящен. Который абсолютно — понимаешь? — знает абсолютно все, что творится за кулисами. Потому что он сам был в игре, которая там идет, и вышел из нее. Почему они за ним и охотятся, кстати сказать. Пока все понятно?

— Хм-м, — Джон наморщил лоб. — Ну, понятно.

— И первый лот в этом аукционе — как раз твои деньги. Твой проклятый триллион долларов. Проценты, проценты на проценты и пятьсот лет и вся эта лабуда. Состояние Фонтанелли, ну, все знают из кино, из телевидения и из радио. Да, ты там хоть сидишь?

Джон невольно удостоверился в этом, проведя рукой по ласкающе-мягкой коже заднего сиденья.

— Да.

— Хорошо. Потому что состояния Фонтанелли на самом деле вообще не существует.

Труднодостижимым образом голос Марвина звучал иначе, чем обычно. Он не был ни пьян, ни под кайфом, но не был и таким, каким Джон его помнил.

— Интересно, — осторожно произнес он. — Марвин, я сейчас как раз еду в бронированном «Мерседесе», который стоит миллион долларов, и я воображаю, что я его даже купил. И не на те деньги, которые заработал, развозя пиццу, это я знаю совершенно точно.

Марвину, казалось, было не до шуток.

— Да, брат, ясно, они дали тебе кучу денег. Это несомненно. Фишка не в этом. Фишка в том, что деньги эти взялись не оттуда, откуда ты думаешь. В старой Флоренции, правда, был Джакомо Фонтанелли, и он тоже был купец и, пожалуй, даже твой предок, но он не оставил никаких денег. Нуль он оставил. *Nada. Niente.*

— О! — удивился Джон. И откуда Марвину может быть известно то, что раскопала Урсула? Кто вообще может об этом знать? — Тогда откуда же они?

— Когда-то, — начал объяснять Марвин, — в середине восьмидесятых был один тайный проект под названием *Millennium Fonds*. Что-то вроде инвестиционного фонда, но доступный только для типов с очень большой мошной. Скинулись банкиры, промышленники и другие тяжеловесы, пока не собралось на счете триллион долларов. Это и были деньги, которые ты получил. Вся прочая чушь — предсказание и так далее: все выдумка и обман. Завешание, вообще все бумаги — сфабрикованы. Ты угодил в тайный сговор, в котором все знают, что идет игра, только ты не знаешь. И пресса не знает. А все остальные посвящены. Маккейн. Семейство Вакки. Никакого Микеланджело Вакки на самом деле никогда не было. Ты хоть раз заглянул в какую-нибудь книжку по истории последних пятисот лет? Да нет такого гениального человека, который смог бы такое состояние провести через весь этот хаос целым и невредимым, говоря тебе. Абсолютно исключено. Все сплошное надувательство, поверь мне. Тебя подставили. Тебя использовали, все это время тебя только использовали. Ты с самого начала был их марионеткой. И теперь, Джон, наступил час расплаты. Теперь они придут, чтобы снять кассу. Потому что

инвестиционные фонды существуют не только для того, чтобы вносить в них деньги, когда-то они захотят и забрать их. Причем не баш на баш, а с прибылью.

— Час расплаты? — тревожно повторил Джон. Было что-то в трепе Марвина такое, от чего мурашки бежали по спине. То ли в звучании его голоса, то ли в том, *как* он об этом говорил? — Что ты несешь, Марвин? Допустим даже, что все так и есть, кому какая выгода от того, что происходит?

— Да дело не в этом, болван! Дело не в том, что происходит, а в том, что *произойдет*. Ну, дошло?

Джон почувствовал желание опустить стекло машины и просто выкинуть телефон в темноту.

— Нет. Мне очень жаль.

— Мировое правительство, старик. Ты сейчас куешь мировое правительство. А это как раз то, чего они хотят. Все прочее — младший потомок мужского рода, наследство, прорицание — это все кино. Голливуд. Сплошное вранье. Людям пыль в глаза пустить. Единственное, чего они хотят, чтобы возникло мировое правительство, а ты — только подставка, чтобы люди это не только приняли, но и с восторгом подыграли. Потому что люди в тебя верят. Ты наследник, ты исполнишь прорицание, ты вернешь нам всем будущее, аминь. Чушь, Джон. И виноват будешь ты. Мировое правительство, это значит, они получают еще одно место, которым они будут манипулировать, подкупать и править из-за его спины. Это все намного упростит для них. Они получают над всеми нами окончательный контроль. Они впечатают нам в кожу код, клеймо, а мы еще и будем радоваться, что теперь не надо таскать с собой кредитную карточку. Они отговорят нас рожать детей, а будущих рабов станут выводить в своих генно-технических лабораториях такими, какие им нужны. И наступит время, когда останутся только они, порядка тысячи семей, которые получают абсолютное господство, это будет раса господ, а мы, остальные, будем их рабами, безмозглыми, беззащитными, просто *мясо*. Джон, я заклиная тебя, ты должен это остановить!

На протяжении какой-то минуты он ему даже верил. В эту минуту ему казалось, будто занавес разорвался пополам, и взгляду открылась картина неопишемого ужаса, разговор чудовищного масштаба, такой страшный мир, один вид которого мог стоять рассудка тому, кто туда заглянул.

Но потом ему вспомнилось, что Марвин всегда был чем-нибудь одержим — то пришельцами из космоса, то сагами индейцев, то наркофилософией Карлоса Кастанеды, то пророческой силой рун, то целебной силой драгоценных камней.

— А что твой таинственный знакомый говорит насчет Элвиса Пресли, как он там, жив, нет?

— Что? — задохнулся Марвин. — Эй, ты в своем уме?

— Марвин, забудь об этом. Все, что ты сказал, невозможно. Никто не смог бы спланировать так, как это происходит в реальности.

В трубке с запозданием межконтинентальной связи слышался вопль отчаяния.

— Ты не знаешь, на что они способны! Они проникли во все структуры, во все организации и партии... они стоят за всем, всем управляют... И у них есть технологии, которых ты себе даже представить не можешь, гипноз, невероятные наркотики, которые могут повлиять даже на твою ауру...

— Да. Очень даже могу себе представить.

— Да, старик, говорю же тебе, они завладели технологией пришельцев, которые разбились при посадке в сороковые годы. Они могут на гипермагнитных дисках летать на Марс и давно строят там свои города, а нас водят за нос, говорят, что там мертвая пустыня...

— Марвин? — перебил его Джон. — Все это фигня. У того, кто тебе все это рассказал, не все дома. Или он просто врет. И с мировым правительством — полная чушь. Я не создаю никакого мирового правительства.

— Но все идет к тому.

— Разве что лет через пятьдесят. А пока речь идет только о том, чтобы выбрать *Всемирного спикера*, о том, самое большее, чтобы изменить пару налогов и...

— О, ч-черт! — Это звучало так, будто Марвина вырвало. — Я так и знал. Они уже завладели тобой, твоей психикой. Черт, Джон. Они уже сидят у тебя в мозгу, а ты этого даже не замечаешь!

— Никто не сидит у меня в мозгу.

— Черт, старик, я просто слышу, как они говорят из тебя! — вскричал Марвин, и тут связь без перехода оборвалась.

Джон отвел телефон от уха, с тревогой на него посмотрел и окончательно отключил его. Откуда, собственно, у Марвина взялся его номер? В этом пункте Маккейн, кажется, не так уж и неправ. Действительно будет лучше впредь избегать с ним контакта.

* * *

После первого хамского злорадства по поводу удара ниже пояса, нанесенного триллионеру Джону Фонтанелли, постепенно и другие начали понимать, что и их состояния уязвимы с точки зрения справедливости.

Возник новый вид давления. Адвокаты, обслуживающие богатых и сильных мира сего и до последнего времени хранившие молчание и нейтралитет, вдруг выяснили, что участие в выборах *Всемирного спикера* можно юридически приравнять к государственной измене. В конце концов, в большинстве уголовных кодексов предусмотрена строгая кара за такое деяние как вступление в иностранную армию: а разве голосование в глобальном референдуме по сути не то же самое? На эту тему в газетах, на телевидении и в публичных дискуссиях разгорелись устрашающие дебаты с правоведами, приверженцами другой точки зрения.

Многочисленные предприниматели бестактным образом вынуждали своих служащих дать подписку о неучастии в голосовании. «Ограничение прав!» — кричали другие адвокаты и подавали в суд на предпринимателей за учинение препятствий праву на свободное волеизъявление. Но процессы тянулись дольше избирательной кампании, и многие испытывали большие колебания.

Группировки, выступавшие против референдума, объявляли, что хотят направить на избирательные участки наблюдателей: не столько для того, чтобы наблюдать за ходом выборов, сколько для того, чтобы фиксировать избирателей и заносить их в списки. Что с этими списками будет дальше, об этом многозначительно умалчивалось, и это действовало сильнее, чем конкретная угроза. Организация *We The People* тоже не могла запретить им исполнение их намерений, ведь открытость процедуры выборов была основополагающим пунктом, а право наблюдать было гарантировано каждому гражданину, в том числе и тем, кто выступал против выборов.

Давление. Неуверенность. Запугивание. Опросы показывали резкое падение числа людей, готовых участвовать в выборах, а многие из этих опросов были к тому же сфальсифицированы, чтобы обескуражить энтузиастов.

* * *

Он ждал. Сидел на двуспальной кровати с темно-желтым бельем, отвратительным на фоне коричневых обоев, смотрел на дверь номера и ждал. Вскakiвал каждые пять минут, бежал к окну и смотрел из-за занавески, провонявшей столетним сигаретным дымом, на подъездную дорогу и парковочную площадку. Машины подъезжали и отъезжали. Молодая пара усаживалась в машину, болтая по-французски, и по ним видно было, что они провели страстную ночь. Старые, одинокие мужчины в клетчатых рубашках и шляпах, в которых торчали крючки, выгружали удочки и холодильные боксы. Ребятя галдела на задних сиденьях, а матери кричали на них, чтоб замолчали. В выходные тут было очень бойкое место.

В мотеле был киоск, носивший название *Super Marché*, но размерами мало превосходивший развернутую газету, и Марвин то и дело бегал туда и покупал что-нибудь поесть, чипсы и шоколад и сэндвичи, которые лежали здесь с незапамятных времен, жесткие, как подошвы, с безвкусной курятиной или позеленевшей ветчиной с отвратительным запахом, но он съедал все. Не потому, что был голоден, а для разнообразия. Он старался тратить деньги так, чтобы на сдачу были четвертаки, четвертушки канадского доллара — это были единственные монеты, которые принимал телевизор. Один час стоил один четвертак, и чаще всего этот час кончался на самом интересном месте фильма, экран гас, возвращая его в действительность, которая наседала на него со всех сторон и изматывала.

В нем все дрожало. Как будто под кожей ползали мелкие насекомые, которые постепенно пожирали его рассудок. С этой дрожью он не мог справиться, она исходила из его костей. Он ждал, сидел на темно-желтой постели, полной крошек, пялился на входную дверь, и когда тот мужчина наконец пришел, он едва смог встать, чтобы пожать ему руку.

— Он у меня сорвался с крючка, — сказал Марвин еще до того, как был задан вопрос.

Мужчина посмотрел на него. Вначале он не хотел садиться, только отодвигал ногами в сторонку пластиковые пакеты и упаковки от печенья и смотрел на него, но потом все-таки сел.

— Что это значит? — спросил он, и Марвин рассказал ему все по порядку.

После телефонного разговора он думал, что, наверное, не надо было ему говорить про пришельцев и города на Марсе; Бликер об этом ему ничего не говорил, это он от себя добавил. В конце концов он ведь тоже кое-что читал и кое-что слышал и мог провести нехитрые параллели и установить причинно-следственные связи. Но для Джона это оказалось многовато, после этого он полностью закрылся. Но Бликеру незачем знать эти подробности. Незачем наводить кого-то на мысль, что Марвин сам не лыком шит и много знает.

— Что это значит? — еще раз спросил Бликер после того, как он описал ему ход разговора.

Марвин смотрел на него, тянул время, боясь произнести приговор.

— Они уже захватили его, — сказал он наконец. — Не знаю как. Обработали гипнозом, может. Но он... он тотально заблокирован, когда пытаешься ему объяснить. Тотально. Не прорваться.

Бликер побледнел при этих словах как смерть и смотрел на него в глубоком потрясении, глазами как колесные колпаки.

— Тогда судьба этого человека решена, — сказал он.

Он сказал это еще раз, и еще, как заклинание злых богов, и голос у него был низкий, как китайский гонг, который эхом отдавался в глубине души Марвина.

* * *

В пятницу, 26 июня 1998 года, в полночь по восточному нью-йоркскому времени, закончился десятидневный срок выдвижения кандидатур на должность *Всемирного спикера*. Всего было подано 167 411 заявок, из которых лишь 251 отвечала установленным критериям. Большинство не сумели собрать достаточно подписей или вообще не собрали ни одной; многие подписные листы не отвечали требованию, чтобы имена на них можно было проверить; 12 подписных

листов оказались с фальшивыми подписями, что привело к исключению заявителей. И все равно бюллетень для голосования в первом туре получался впечатляюще длинным.

Среди кандидатов было лишь 12 женщин, о чем все сожалели, но что нельзя было изменить как данность, которая, по словам руководителя выборов Лайонела Хиллмана «красноречиво свидетельствует о состоянии мира». Наряду с несколькими бывшими главами государств на пост претендовали знаменитые актеры, успешные бизнесмены, именитые писатели и известные спортсмены, среди которых был один южноамериканский футбольный идол (чьи шансы, судя по пари, заключенным у букмекеров, были на удивление высоки), затем вождь одной религиозной секты, одна бывшая порноактриса, один настоящий король (одного африканского племени), равно как и удивительное число неизвестных людей, и было загадкой, как они умудрились собрать необходимую поддержку. Только 34 кандидата были моложе шестидесяти лет, и ни одного моложе сорока. Была опубликована еще одна статистика, которая сортировала кандидатов по странам происхождения, других категорий не было.

В субботу 27 июня должна была состояться Генеральная ассамблея ООН по поводу церемонии начала избирательной гонки. Должен был выступить Генеральный секретарь Кофи Аннан — после своего гостя, руководителя выборов Лаонела Хиллмана, который должен был огласить и без того уже хорошо известные правила выборов, и камеры, которые разнесут это дальше по всему миру, должны были коротко остановиться на Джоне Фонтанелли, который был приглашен участвовать во всем этом в качестве зрителя.

Джон Фонтанелли и его штаб прибыли в Нью-Йорк накануне церемонии. Во время полета появились результаты последнего социологического опроса — на сей раз речь шла не о любительском обобщении любительских интервью с прохожими во всем мире, а об исследовании, проведенном известным институтом по заданию *New York Times*. Методы опроса были научными, подбор опрашиваемых — репрезентативным, число — обоснованное.

И результат был убийственный.

— Все пошло прахом, Джон, — сказал Пол, озабоченно изучая факс, как будто надеясь, что напечатанное черным

по белому как-то изменится. — Если действительно на выборы придут только пятнадцать процентов, то про *Всемирного спикера* можно забыть. Он просто становится комической фигурой.

Джон взял у него из рук листки, прочитал их и молча вернул назад.

— Нет, — перебил он Пола, который хотел что-то добавить. — Никаких дискуссий. Мы доведем это до конца, кто бы что ни говорил.

Участникам пресс-конференции в вечер их прибытия в Нью-Йорк оказалось тесно даже в самом большом зале отеля. Журналистов были тысячи, они фотографировали и тянули свои микрофоны вперед, и все, все уже читали итоги социологического опроса.

— Опрос — это еще не голосование, — заявил Джон Фонтанелли. — Это лишь моментальный снимок. У нас впереди двадцать недель избирательной кампании, когда кандидаты на пост *Всемирного спикера* будут бороться за наши голоса. В ноябре и после подсчета всех голосов мы будем знать больше.

Крики, давка. Невозможно расслышать вопрос. Джон просто продолжал говорить дальше, он говорил, что приходило ему в голову. Он устал. Мысль о том, что проект может потерпеть крах, ужасала его больше, чем он готов был признаться.

— Мы стоим не просто перед выбором из двухсот пятидесяти одного кандидата, — говорил он. — Мы стоим перед одним из основополагающих решений, а именно: мы должны сделать выбор между новым этапом расширенной демократии и новой эпохой феодализма, на сей раз феодализма концернов.

Джон чувствовал только пустоту. Тихий внутренний голос подсказывал ему, что лучше остановиться, замолчать, чем сказать нечто такое, о чем потом будешь жалеть. Но он не мог замолчать, по какой-то причине, которая была сильнее всех разумных доводов и всей умудренности многолетней работы с общественностью.

— Если действительно Бог поставил меня на это место и дал это задание, — сказал Джон Сальваторе Фонтанелли, к ужасу своего штаба и к восторгу публики, — то он, несомненно, хотел, чтобы я сделал то, что я по совести и в

силу своего разума считаю правильным. Мы идем навстречу великим вызовам. Если мы не сможем справиться с ними приличным, человеческим способом, значит, мы и не заслуживаем дальнейшего существования.

Это звучало как разговор депрессивного пациента со своим психотерапевтом, сказал позднее Пол Зигель, которому удалось на этом месте резко закончить пресс-конференцию.

* * *

Участников церемонии пригласили на генеральную репетицию в два часа пополудни, чтобы уточнить процедуру — кто когда и откуда выходит — и дать возможность осветителям оптимально выставить свет. И Джон после тяжелой ночи и молчаливого утра поехал в своем лимузине, на сей раз один, лишь в сопровождении Марко и двух других телохранителей, потому что Пол проводил этот день в переговорах с представителями американских концернов. Судя по всему, первая фирма, которую он купил, станет первой же, которую он продаст: Mobil Corporation проявила интерес к приобретению Exxon.

Он чуть его не проглядел. Джон вышел, когда ему открыли дверцу, и зашагал по красной ковровой дорожке, как он это делал уже бесчисленное множество раз по всему миру, мимо охранников и прочего персонала, высматривая важных людей, как вдруг до его уха донесся, проникнув глубоко в его сознание, возглас:

— Хэлло, брат.

Джон вскинулся, пробежал взглядом по лицам на своем пути и увидел его.

— Лино?

— Не ожидал? — сказал тот с кривой ухмылкой. Он стоял среди прочих сотрудников безопасности, в униформе подразделения ООН, как будто служил здесь.

— Лино?.. Что ты здесь делаешь?

Лино похлопал по револьверной кобуре на поясе.

— Мне велели за тобой присмотреть.

— Тебе? — Джон потряс головой. — С чего вдруг?

— Приказ есть приказ. Еще в прошлую субботу я морозил задницу у Берингова моря и даже не помышлял о таком счастье.

— А где ты оставил свой истребитель?

Лино, растянув губы в улыбке, посмотрел вверх, на ряды мачт с флагами государств — членов ООН.

— Да, — сказал он, — тесновато для посадки.

Он постарел. Будто холод Крайнего Севера прорыл в его лице глубокие морщины, а в таких черных когда-то и густых волосах появились ледяные прядки. В глазах мерцала боль.

Джон схватил его рукав и повлек за собой, в фойе, где они нашли тихий уголок.

— Лино, ты меня прости, — сказал он с комком в горле, — что тогда все так получилось...

Он помотал головой.

— Тебе-то чего винить себя, Джон. Это я во всем виноват. Я... ну да, я думал, что я самый хитрый. А оказался полным идиотом.

— Они больше не допускают тебя к полетам, это так?

— Но не из-за тебя, не воображай. Просто там так холодно, и иногда приходится выпить жуткое количество виски, чтобы согреться. — Лино кусал губу, ну хоть это осталось от его застарелых привычек. — Я вконец распустился после того, как Вера вышла замуж за этого маклера по недвижимости. Они тогда чуть не выгнали меня из авиации. Немножко не хватило. Я думаю, загнать меня за Полярный круг показалось им более суровым наказанием.

— А после того, как ты еще что-то учинил, они заслали тебя сюда.

Лино расплылся в благодарной улыбке.

— Да, кажется, я немного переборщил в драке с командиром...

Они смеялись, а потом обнялись, неуклюже, как в детстве, и лишь на один благотворный миг.

— Это было действительно странно, — продолжил Лино с влажными глазами, украдкой их вытирая, — как я сюда попал. Всего один звонок моему командиру — и раз! — я уже лечу ближайшей машиной. Вначале я думал, что он так рад был от меня избавиться, а потом мне показалось, что кто-то дает нам с тобой шанс снова помириться? Не знаю.

— Очень может быть, — кивнул Джон и посмотрел на своего брата. — Ты был дома?

Лино важно кивнул.

— Был на сороковой годовщине свадьбы. Мать была очень огорчена, что какая-то фабрика в Болгарии оказалась для тебя важнее.

— Хм. В следующую пятницу, кажется, будет уже сорок вторая годовщина, если я не ошибаюсь? Я смогу остаться на неделю, когда здесь все закончится...

В этот момент к Джону подошла изящная женщина с азиатскими чертами лица.

— Мистер Фонтанелли? Извините, но вас уже ждут.

Джон виновато посмотрел на Лино.

— Но пока, как видишь, не кончилось.

— Приказ есть приказ, — сказал Лино и отдал честь. — Иди, а я пока тут присмотрю.

— Есть.

* * *

Зал Генеральной ассамблеи ООН — действительно самое впечатляющее парламентское сооружение, когда-либо возведенное людьми. Это единственный зал заседаний на всей территории, украшенный эмблемой ООН — окруженный оливковой ветвью стилизованный земной шар. Эмблема красуется на самом видном месте — на лобовой стене зала, поблескивающей золотом, — в окружении архитектуры, которая неподражаемым образом ведет взгляд наблюдателя и открывает перед ним картину, которая полностью передает дух устава. Две мощные, скошенные стены смелым взмахом окружают партер. За узкими окошками видны переводчики-синхронисты, неотделимые от происходящей здесь работы, но взгляд неудержимо устремляется дальше, вперед, на подиум, и вниз, на трибуну, и кто бы там ни стоял, в архитектурном средоточии зала, его невозможно не заметить, хоть он и кажется маленьким, всего лишь человеком, зависимым от сообщества других людей и их сплоченности.

Зал вмещает восемнадцать сотен делегатов, за длинными изогнутыми столами, липово-зеленого цвета с желтой окантовкой и с микрофоном на каждом месте. С огромного купола над партером светят вниз лампы, словно звезды. У человека, впервые входящего в этот зал, пресекается дыхание, и если он не законченный циник, здесь он прозревает, какие возможности открываются перед людьми.

Во второй половине дня 27 июня величественный зал был почти пуст. Перед подиумом стояла горстка людей, разговаривая, двое из них таскали на плечах телевизионные камеры, а сверху то включали, то выключали прожектора. Человек с планшетом в одной руке и квакающим переговорным устройством в другой размахивал ими и отдавал команды. Мужчины в комбинезонах прокладывали силовые кабели и закрепляли их на полу черным скотчем. Генеральный секретарь стоял за пультом трибуны и терпеливо сносил, как осветитель водил перед его лицом экспонометром. Лайонел Хиллман ждал в некотором отдалении, скрестив на груди руки и внимательно выслушивая то, что говорил ему другой мужчина с другим планшетом.

Джону Фонтанелли, в отличие от них, нечего было делать, кроме как сидеть на месте, которое ему указали, и ждать того мгновения, когда камера направится на него, и тогда он должен сделать достойное лицо или хотя бы в этот момент не ковырять в носу. Единственное, что он должен был усвоить, — когда ему войти в зал и через какую дверь, а это ему объяснили быстро. И теперь он сидел, убагаботренный неожиданным примирением с братом, поглядывал на других и наслаждался атмосферой этой аудитории.

От этого зала, казалось, исходила утешительная уверенность, терпеливое, почти упрямое упорство, как будто здесь витали души Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. *И все-таки*, нашептывали, казалось, эти стены, *однажды, когда-нибудь*, уверяли пустые столы. *Это лишь вопрос времени*. В один прекрасный день соберется мировой парламент, правительство всей земли, и людям, которые будут жить в те времена, это будет казаться самым естественным делом. Дети будут изучать по истории, что когда-то континенты были поделены на нации, что страны имели свои отдельные правительства, собственные армии и собственные деньги, и это будет казаться им таким же абсурдом, как в наши дни трудно поверить, что Северная Америка некогда была английской провинцией и в ней шла бойкая работоторговля.

Джон поднял глаза к куполу. Может, именно здесь когда-то будет заседать мировой парламент, и это станет привычным и традиционным. Он почти физически ощутил это возможное будущее. Там, впереди он увидел стоящего президента мира или президентшу, отдающую руководящие

указания. Он услышал невидимое, еще не родившееся беспокойство в рядах парламента, поскольку все еще будут существовать партии, расхождение мнений, споры за деньги и влияние или изменение курса. И так пребудет во все времена, пока на планете будут жить люди, это он увидел с отчетливой ясностью. И почувствовал мир за стенами, который будет в те времена — большой, сложный мир причудливой моды и изощренных технологий, многолюдный и полный мыслей и еще не родившихся идей, пульсирующий космос различных образов жизни, объединенных ошеломляюще сложной сетью зависимостей и разносторонних отношений, никому не оставляющих возможности для разделений и разрывов. Он почувствовал мир, в котором ни у кого не возникало желания тратить силы на сепаратизм, и это ему понравилось. *Да, подумал он. Да.*

Он с трудом вернулся из своего видения назад, в действительность, недоуменно огляделся, когда мужчина с переговорным устройством кричал в его сторону:

— Вы готовы, мистер Фонтанелли? Мы сейчас сделаем один прогон.

* * *

Вестибюль был неожиданно ярко освещен и полон беспокойства. Средства массовой информации устроили собственную генеральную репетицию, десятки прожекторов разливали свет, люди сновали туда-сюда, втыкали штекеры, устанавливали камеры на штативы. Джон огляделся, увидел свою машину, ожидавшую его, поискал Лино, но нигде не увидел его. Он кивнул Марко, который пробивался к нему сквозь толпу.

— Кто-то хотел с вами поговорить, — сказал тот, указывая куда-то через голову Джона.

Джон повернулся и тут же почувствовал удар, и еще один, и горячую боль, прожегшую его насквозь. Ноги его подломились, вокруг все забежали, поднялся крик, сплошной хор голосов и всеобщее движение, в то время как он, глянув вниз, увидел кровь на своем животе и на руках, которые он прижимал к нему. Кровь была ярко-красная, она вырывалась фонтаном, и он разом вспомнил то, что забыл и что все это время упускал из виду.

Завещание, хотел он крикнуть — тем, кто был вокруг, но они бегали и кричали наперебой и совсем не слышали его, да и ему самому показалось, что с губ его не слетает ни звука. Во рту у него был вкус железа, и горло наполнилось теплой жидкостью, затопившей его голосовые связки.

Теперь мир закружился вокруг него в медленном танце, он видел все, неужто они его не понимают? *Завещание*. Это был ключ ко всему. Огромная ошибка. Он истекал кровью, а они его не слушали.

Кто-то склонился над ним. Марко, со слезами на глазах. *Завещание!* Это было важно — успеть сделать. До этого он не имел права погрузиться в милосердную темноту, которая звала его, манила обещанием примирения и покоя. Сперва он должен им сказать то, что обнаружил, то, что он вспомнил — может быть, слишком поздно...

Завещание. У Маккейна осталось его завещание. Я забыл составить новое. Если я умру, он получит все...

* * *

Следственная комиссия под руководством Роберта А. Уилсона по завершении работы составила отчет на тысячу страниц, который впоследствии везде фигурировал как *отчет Уилсона*.

Из него следовало, что Марвин Копленд, родившийся в 1968 году в Нью-Йорке, 3 сентября 1997 года поступил на излечение от героиновой наркозависимости средней тяжести в клинику, расположенную в канадской провинции Квебек и был там зарегистрирован под именем Марвин Брюс. Следователи выяснили, что использование другого имени в этой клинике — обычная практика; поскольку туда часто поступают на излечение члены именитых фамилий, то гарантия анонимности — одно из основных правил заведения. То, что Копленд к этому моменту разыскивался криминальной полицией Франции, персоналу клиники не было известно.

Исчезновение Копленда, судя по всему, было связано со смертью итальянской безработной помощницы прокурора Константины Вольпе из-за передозировки героина в ночь на 31 августа в одном парижском отеле. Копленд был задержан — из-за того, что другие постояльцы отеля слышали крики из комнаты этой пары, и руководство отеля

известило об этом полицию. К моменту своего ареста Копленд был не в себе, и его поместили в лазарет при следственном изоляторе. Оттуда он исчез в ранние утренние часы при невыясненных обстоятельствах.

Неясным осталось также и то, каким образом Копленд попал в Канаду. При поступлении в клинику его сопровождал мужчина средних лет, назвавшийся Брайаном Смитом. Стоимость содержания ежемесячно перечислялась на счет клиники из ванкуверского First Pacific Bank со счета некоего Рона Батлера. Этот счет был открыт 2 сентября 1997 года крупным взносом наличными, и единственные движения по этому счету составляли перечисления в клинику. Личность по имени Рон Батлер разыскать не удалось; оставленные в банке копии документов оказались фальшивыми, чего никто из сотрудников банка до этого времени не обнаружил.

Копленд оставался в клинике больше девяти месяцев и проходил там обычный курс лечения от наркозависимости, физического восстановления и психотерапии. 10 июня 1998 года, по свидетельству врачей, за три недели до запланированной выписки, Копленд сбежал из клиники. Исходя из хорошо наработанной практики охраны клиники, можно заключить, что совершить этот побег ему помогли со стороны. Его исчезновение было обнаружено через четыре часа. Тут же снаряженная погоня с собаками и принадлежащим клинике вертолетом вышла на его след в лесу, этот след обрывался на парковке у подъездной дороги. Оттуда Копленд, судя по всему, продолжил свой побег на машине, что лишний раз свидетельствовало о помощи со стороны.

Во второй половине дня 11 июня Копленд снял номер в мотеле *Wooden Grizzly* на трассе 113, где оставался до утра 14 июня. Судя по регистрации в мотеле, в это время он был на сером «Мицубиси Колт», который числился в угоне в Торонто. По свидетельству персонала мотеля, Копленд снабжался из аптечного киоска, причем еду всегда уносил к себе в номер, из которого, кроме как за покупками, не выходил. Он провел два длинных телефонных разговора, первый — вечером 11 июня, второй — на следующий день. По данным телефонной станции, первый номер, по которому звонил Копленд, принадлежал лондонской резиденции Джона Фонтанелли, а второй номер — личный мобильный телефон Фонтанелли. Вечером 13 июня к Коп-

ленду приехал на черном спортивном автомобиле — предположительно на «Корвете» — мужчина, который пробыл у него около трех часов. Копленд покинул мотель на следующее утро.

Реконструировать его последующие передвижения можно было лишь приблизительно. Есть данные, что неподалеку от Лас-Санта-Джин, в местечке Ла-Доре, он купил на удивление большое количество фруктов, главным образом дынь. Свидетели могли наблюдать на берегу ближайшего озера, в стороне от трассы 167, мужчину, который упражнялся в стрельбе. Впоследствии на указанном месте гуляющие нашли множество расколотых на куски дынь, явно оставшихся от стрельбы.

По данным знакомых Копленда, у того никогда не было оружия, он никогда не стрелял и не имел никакого военного образования.

Осталось неясным также, где Копленд пересек границу. Один из пограничных служащих припоминал молодого человека безумного вида в сером «Мицубиси»; описание подходило к Копленду; пограничник обыскал его на предмет наркотиков, но ничего такого не нашел, тем более оружия.

Точно установлено, что утром 22 июня 1998 года Копленд приехал в Нью-Йорк, поскольку полицейский обнаружил его машину припаркованной в запрещенном для этого месте и идентифицировал ее как угнанную. Но Копленд так и не вернулся к своему транспортному средству. Не удалось установить также, где он провел неделю в Нью-Йорке. Никто из его знакомых не захотел его приютить; все предполагали, что он остановится у своей прежней возлюбленной.

То, что в субботу в здании ООН состоится церемония открытия Глобального плебисцита — официального начала кампании по выборам *Всемирного спикера*, было объявлено по всем средствам массовой информации. Нетрудно было узнать и то, что запланирована генеральная репетиция, для этого достаточно было просто звонка в хозяйственное управление. Вся территория ООН в этот день была закрыта для посетителей. На этом основании не проводилось обычного контроля безопасности (металлодетекторы, просвещение багажа), ведь собственные силы охраны были существенно пополнены телохранителями мистера Фонтанелли, и такие охранные меры считались достаточными.

Особого упоминания заслуживают удивительные обстоятельства, которые привели в этот день к присутствию среди сотрудников безопасности Лино Фонтанелли, старшего брата Джона. Лино Фонтанелли, бывший летчик-истребитель военно-воздушных сил США, в мае 1995 года приобретший публичную известность в связи с так называемой «аферой Бликера», из-за психических проблем и систематического пьянства деградировал и был, в конце концов, откомандирован в службу охраны опорной базы Шактулик на заливе Нортон, Аляска. Оттуда он 20 июня был по приказу, переданному по телефону, отправлен в Нью-Йорк в распоряжение службы безопасности ООН.

Осталось неясным, как это могло произойти. Командир опорной базы, майор Норман Рид, готов был поклясться под присягой, что узнал по телефону голос лично знакомого ему вышестоящего начальника, полковника Джеймса Д. Бьюкенена. Тот же, в свою очередь, отрицает всякое свое участие в этом событии. Должно было последовать подтверждение приказа по факсу, но передача факса прервалась, что, по словам майора Рида, было скорее правилом, чем исключением, не дойдя до подписи полковника Бьюкенена. Поскольку майор Рид, по его собственному признанию, не сожалел о возможности избавления от проблемного Фонтанелли, начала факса ему хватило в качестве основания для отправки того в Нью-Йорк.

Лино Фонтанелли 27 июня 1998 года поступил в распоряжение охранной службы, отвечавшей за вход в зал Генеральной ассамблеи, время его смены началось в один час пополудни и должно было закончиться в одиннадцать часов вечера, с перерывом между пятью и половиной седьмого. Он был вооружен длинноствольным револьвером «смит-вессон».

Джон Фонтанелли появился перед залом Генеральной ассамблеи без десяти минут два. Выйдя из своего автомобиля, бронированного «Линкольна», он неожиданно встретил своего брата Лино и провел с ним короткий разговор. Около двух часов Джон Фонтанелли был уже на генеральной репетиции в зале заседаний, в то время как Лино Фонтанелли снова занял свое место на посту у входа. Генеральная репетиция длилась полтора часа и закончилась в половине четвертого.

Один из телохранителей мистера Фонтанелли, Марко Бенетти, родившийся в 1971 году в Риме, женатый, проживающий в Лондоне, дал для протокола показания, что незадолго до трех часов к нему обратился один из охранников ООН, Джордж Браун, родившийся в 1976 году в Альянсе, Огайо, с вопросом, не известно ли ему что-нибудь о предстоящей встрече мистера Фонтанелли. Тот ответил, что ему ничего такого не известно, но прошел за Брауном, по его просьбе, однако поставив об этом в известность своего коллегу Криса О'Хэнлона. Оба были снабжены мобильными телефонами и договорились, что О'Хэнлон сразу проинформирует Бенетти, как только окончится генеральная репетиция.

Оказалось, что охранники территории задержали человека при попытке войти в запретную зону. Этот человек, как обнаружил Бенетти, явившись туда, был Марвин Копленд, которого Бенетти знал лично. Копленд утверждал, что говорил с Джоном Фонтанелли по телефону, и тот попросил его о встрече после окончания генеральной репетиции. В ответ на выраженное Бенетти сомнение Копленд показал бумажку, на которой был записан мобильный телефон мистера Фонтанелли, знакомый Бенетти. Из этого Бенетти заключил, что разговор, на который ссылается Копленд, действительно состоялся, и предложил Копленду провести его в здание. Хотя он предполагал, что силы безопасности ООН уже обыскали Копленда, он обыскал его еще раз сам. Его бдительность усыпил разговор, в ходе которого Копленд выразил понимание всех мер безопасности.

Вскоре после трех часов они вошли в главный вход. В вестибюле уже начались подготовительные работы для вечерней телевизионной передачи, из-за чего Копленд предложил подождать снаружи. Бенетти согласился. Там они продолжали разговор. Копленд, по словам Бенетти, рассказал ему, что уже полгода как вернулся в Нью-Йорк, на потиражные доходы от продажи своего первого диска купил себе маленькую квартирку в Гринвич-Вилледж и с тех пор работает над своим вторым диском, для которого, однако, он пока не нашел фирму звукозаписи. Бенетти предположил при этом, что Копленд ищет встречи с Фонтанелли в надежде, что тот поможет ему заключить контракт на выпуск диска, как он уже делал это однажды.

Около половины четвертого Бенетти получил звонок от О'Хэнлона, что генеральная репетиция близится к концу. Копленд был взволнован и попросил Бенетти срочно сказать ему, где здесь туалет, что Бенетти и сделал.

Когда Копленд вернулся, Фонтанелли уже вышел из зала и находился в вестибюле. Копленд и Бенетти спешно устремились к нему, при этом, не дойдя до мистера Фонтанелли, с разных сторон обошли одно препятствие — буфетный стол, на который два флориста как раз аранжировали украшение из цветов, — так, что Копленд оказался за спиной Фонтанелли. В тот же момент, когда Бенетти обратил его внимание на присутствие здесь его друга, Копленд совершенно внезапно выхватил оружие, девятимиллиметровый «зиг-зауэр автоматик» и несколько раз выстрелил в Фонтанелли.

Остается предположить, что Копленд в один из предыдущих дней в ходе обычной экскурсии для посетителей спрятал оружие в туалете. Ему удалось так ловко его спрятать (на черной нитке подвесить в вентиляционной шахте), что тайник остался не замеченным не только во время контрольной проверки накануне, но даже после преступления был найден с большим трудом.

Всего Копленд произвел пять выстрелов, четыре из которых попали в цель — две пули в живот, одна в правое легкое и одна касательно задела шею. Затем первый же из нескольких выстрелов, произведенных Лино Фонтанелли с расстояния в семьдесят футов — несмотря на значительную опасность для присутствующих, — попал ему в голову, убив его на месте. Свидетели в один голос говорили, что Лино Фонтанелли непрерывно кричал, пока его, в свою очередь, не схватили и не дали ему сильное успокоительное средство.

Он очнулся с трудом, открыл глаза, преодолевая огромное давление на веки, и чувствовал себя странно отделенным от своего тела, которое ужасно болело. Но, к счастью, боль доходила до него словно сквозь толстый слой розовой ваты, будучи скорее информацией, чем реальным ощущением. Он поморгал, и веки двигались, словно бронированные двери входа в противоатомный бункер, медленно, грузно, и что-то непрерывно пищало.

Ах, нет, это над ним, прибор в темно-синем корпусе из металла, как в том сериале про скорую помощь по телевизору.

Это сравнение немного поворочалось в его голове, вяло, тяжело и постепенно сложилось в подозрение: может быть, он лежит в больнице?..

Вон оно что! Всплыли какие-то неотчетливые видения: кровь, струящаяся между пальцами. Толпа кричащих и бегущих людей — и как она суживалась, потому что с краев поля зрения к центру устремилась густая тень.

Выстрел — могло такое быть? Кажется, кто-то стрелял в него? И какое это было ужасное ощущение. По телевизоры показывают совсем по-другому.

Не так... продолжительно.

Он впал в забытие, парил среди звезд, мчался над золотым океаном, пока не услышал голоса, которые звали его назад. На сей раз открыть глаза было уже легче, зато на резкость не наводилось очень долго. Светлое пятно постепенно приняло очертания женского лица с миндалевидными глазами.

— Он очнулся, — сказала она кому-то и смолкла. На небе возникло другое лицо, тихо произнеся:

— Хэлло, Джон.

Он знал ее. Да. Все вернулось, все воспоминания, вся его жизнь. Урсула. Если бы еще во рту у него не было так сухо, если бы его язык так не разбух и не торчало что-то в горле! И в носу? Все это было так тяжело.

— Тебе не надо говорить, если трудно, — сказала она с печальной улыбкой. Глаза у нее покраснели, как бывает при

простуде или после трансатлантического перелета. Было еще что-то, отчего глаза могут так покраснеть, но он не мог вспомнить что. Он знал только, что в самолете от сухого истонченного воздуха глаза могут опухать и краснеть.

— Я... — выговорил он.

Она улыбнулась, прикоснулась к его руке, где-то очень далеко.

— Я пытался... тебе позвонить...

— Да, — сказала она. — Я знаю.

— Тебя... не было...

— Я все это время была во Флоренции, — сказала она с печальной улыбкой. — В архиве, ну, ты знаешь. Закопала себя в работе.

Он попытался кивнуть, но у него не получилось.

— Но теперь ты... здесь.

— Да. Теперь я здесь.

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и почувствовал себя счастливым. Он снова видел ее, думал о том времени, когда они были вместе.

— Знаешь, — сказал он, — теперь все будет по-другому. Поверь мне. Я должен заплатить налог за наследство, представь себе. Ты, наверное, уже слышала. Я думаю, что и остальное я тоже раздам. Ну, пару миллионов, может, оставлю. И если ты... ну, если ты не против... со мной... я не знаю, как сказать...

Странно, она, казалось, его не слушала.

— Джон? — крикнула она, и ее взгляд панически метнулся по приборам у него над головой. — Джон, что это?

— Что? — спросил он. — Что случилось?

— *Сестра!* — Она повернулась и бросилась вон. Джон хотел посмотреть ей вслед, но увидел только, как обе половинки двери покачивались в петлях с тихим поскрипыванием.

Но он остался не один. Тут был еще кто-то.

Патрон.

Такой же несуетливый, каким Джон его помнил. Он сказал:

— Хэлло, Джон.

— Хэлло, — с сомнением ответил Джон. Для него было неожиданностью видеть его здесь. Была какая-то причина, по которой он не мог здесь находиться, но Джон никак не мог вспомнить эту причину. — Я все испортил, да?

— Почему ты так думаешь?

— Я должен был исполнить прорицание. Вернуть людям потерянное будущее. — Он вдруг почувствовал глубокую печаль. — Но я не смог. Теперь я умираю, а состояние унаследует Маккейн. И кто знает, что он с ним сделает.

— Почему ты думаешь, что состояние унаследует Маккейн?

— Я забыл составить новое завещание, — стыдливо признался Джон. — Ни разу даже не вспомнил об этом. — Он перевел взгляд на потолок, темный узор которого начал расплываться. — Я оказался не тем, кем надо.

Патрон подошел вплотную к кровати и посмотрел на него сверху вниз.

— Все, что есть у Маккейна, — это всего лишь бумажка.

— Это завещание, имеющее законную силу, — сказал Джон, полный отчаяния.

— Вот и нет. Законную силу имеет только то, что признают законным люди. — *Патрон* положил ему на лоб ладонь, прохладную и успокаивающую. — Разве ты забыл, что началась избирательная кампания? Первое всемирное голосование за всю историю. Ты призвал людей принять решение. И теперь, после покушения на тебя, они знают: если они решат все оставить по-старому, это будет выбор в пользу Маккейна. Тогда Маккейн унаследует состояние и однажды станет властелином мира. Но этого не должно быть. Будет вотум. Всего лишь голос — тихий, на первый взгляд незначительный — и все же более мощный, чем все оружие мира, потому что это будет голос всех людей. Они смогут принять решение, которое изменит положение дел. Всего лишь первый шаг, но с него все начнется. — Он смотрел на него, лицо у него было доброе, почти прозрачное. — И ты сделал это возможным. Ты открыл дверь в будущее. Теперь от других зависит, шагнут они туда или отвернутся; ты за это уже не отвечаешь. Но сейчас, в этот момент, в эти дни у людей есть будущее. И его дал им ты.

Джон смотрел на него, чувствуя, как слезы застилают глаза.

— Это правда?

— Ты знаешь, что это так.

Да. Он знал это. Но все равно ему было тревожно, несмотря ни на что.

— А я? Что будет со мной?

Патрон протянул ему руку:

— Идем.

Джон колебался.

— А если это все-таки была ошибка? Если надо было действовать по-другому? Может, если бы я попытался... хотя бы попытался изменить налоговую систему?.. Есть много, чего я даже не попробовал сделать...

Тишина длилась целую вечность. Но чем дольше она длилась, тем больше его отчаяния она впитывала в себя, словно промокашка разлитые чернила. Слезы его иссыкли. Он успокоился.

— Скажи мне одно, — призвал его *патрон*. — Сделал ли ты все, что мог?

— Не знаю...

— Не то, что мог бы сделать кто-нибудь другой. А то, что мог ты?

Джон задумался. Он перебрал всю свою жизнь, все множество ее поворотов.

— Да, — сказал он. — Я не всегда делал это хорошо, но всегда так, как мог.

Патрон неторопливо кивнул.

— Большого, — спокойно сказал он, — от тебя и не требовалось.

Джон сел на постели, оперся на руку *патрона*, чтобы встать на ноги. Пол под его босыми ступнями был холодный и гладкий, но здесь не было ни тувель, ни домашних тапочек.

— Идем, — сказал *патрон*.

Джон оглянулся, увидел в кровати больного, который выглядел очень плохо со всеми своими трубками, проводами и шлангами, подключенными к его телу, со всеми приборами и мигающими лампочками вокруг, и ему стало как-то не по себе оставлять все это.

Но *патрон* уже стоял в дверях и махал ему, подзывая к себе.

— Не беспокойся, Джон. Ты свою задачу выполнил.

Внезапно дух его возмутился: это вечное гадание о смысле жизни и задаче, которую якобы надо выполнить.

— Знаете что, *патрон*? — сказал он. — Мне это уже все равно.

Тут, наконец, перед ними раскрылись обе створки двери, и они вышли в помещение, залитое прямо-таки неземным светом.

Благодарности и примечания

Прежде других я хочу поблагодарить мою жену Марианну, которая постоянно вселяла в меня мужество и помогала мне сохранять увлеченность этой темой. Без нее эта книга не состоялась бы.

Затем я должен поблагодарить многих людей, помогавших мне в поисках, — надеюсь, что не забуду здесь никого.

Тимоти Сталоу я обязан многочисленными сведениями о повседневной жизни и правовых моментах в США, Робину Бенатти и Нирбидже Фухс — соответствующими сведениями об Италии. Томас Браатц, Манфред Орловский и Дирк Бергер из Лейпцига подробно рассказали мне все, что я теперь знаю о жизни в ГДР, о понедельничных демонстрациях и о падении Стены. Ральф Вагнер, доцент народного хозяйства в Берлине, терпеливо отвечал на мои трудные вопросы по теме денежной эмиссии — при этом я хотел бы категорически подчеркнуть, что он никоим образом не несет ответственности за то, что я из этих сведений сделал.

Я хотел бы поблагодарить и моих друзей Томаса Тимейера и Дэвида Кенлока, которые читали роман в стадии набросков, за их идеи, их критику и одобрение. Дэвид Кенлок убедил меня начать роман так, как он начинается теперь, зато заставил вычеркнуть больше сотни страниц!

Далее, я благодарю сотрудниц городского книгохранилища Корнвестхайма за их щедрую трактовку понятия срока возврата, а также ведущих онлайн-архива газеты *Die Welt*, который оказал мне неоценимую помощь.

Нельзя было избежать появления на многих страницах реально существующих лиц современности; местами я навязываю им диалоги, которых они никогда не вели. Особенно крупной жертвой этого распространенного в писательской среде постыдного дела стал Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан — я надеюсь, он меня простит. Здание номер 40 на Уолл-стрит, кстати, насколько мне известно, в действительности принадлежит Дональду Трампу (которого я опрометчиво обозначил в моем романе «Видео-Иисус» как «канувшего в небытие», — сожалею, мистер Трамп).

То, как я изобразил мировую экономику, денежную систему и переплетенность концернов, опирается, среди прочего, на следующие источники:

Eduard Lehmann, *Dynamik des Geldes* (Zuerich, 1998).
Johann-Günter König, *Alle Macht den Konzernen* (Reinbek, 1999).

Rüdiger Liedtke, *Special: Konzerne* (Reinbek, 1995).

Vance Packard, *Die Ultra-Reichen* (Düsseldorf, 1990).

Joel Kotkin, *Stomme der Macht. Der Erfolg weltweiter Clans in Wirtschaft und Politik* (Hamburg, 1996).

Hans Christoph Binswanger, *Geld und Natur. Das wirtschaftliche Wachstum im Spannungsfeld zwischen Ökonomie und Ökologie* (Stuttgart, 1991).

Margrit Kennedy, *Geld ohne Zinsen und Inflation* (München, 1990).

Anthony Sampson, *Globalmacht Geld* (Hamburg, 1990).

Далее, некоторые важные идеи я почерпнул из журнала *Der Blaue Reiter, Journal für Philosophie*, 11-й выпуск которого, вышедший в Штутгарте в 2000 году, посвящен теме «Деньги».

Существенные сведения о политическом значении сырья я нашел в книге Dieter Eich, Karl Hübner, *Die strategischen Rohstoffe* (Wuppertal, 1988), а также в книге Ekkehard Launer, *Zum Beispiel Erdöl* (Göttingen, 1991).

Все подробности о Международном валютном фонде (МВФ) содержатся либо на его сайте (www.imf.org), либо в книге Uwe Hoering, *IWF und Weltbank* (Göttingen, 1999).

Компендиум глобальных экономических данных я нашел на www.ntu.edu.sg/library/statdata.htm.

Финансовые данные об Exxon я получил в опубликованных на www.exxon.com бизнес-новостях концерна. Историю Джона Д.Рокфеллера, Standard Oil Trust и его расщепления на известные и сегодня нефтяные концерны можно прочитать в *Encyclopaedia Britannica*.

Существенные детали денежных единиц в истории я нашел в книгах A.Luschin von Ebengreuth, *Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit* (Oldenburg, 1976), Philippe Ariés, Roger Chartier, *Geschichte des privaten Lebens* (Frankfurt, 1991) и Ernst Samhaber, *Das Geld. Eine Kulturgeschichte* (München, 1964).

Из книг, посвященных теме будущего выживания человечества на этой планете, я могу привести здесь лишь самые важные:

Dennis Meadows, Donella Meadows, Erich Zahn, Peter Milling, *Die Grenzen des Wachstums* (Stuttgart, 1972).

Dennis Meadows, Donella Meadows, *Das globale Gleichgewicht* (Stuttgart, 1974).

Mihailo Mesarovic, Eduard Pestel, *Menschheit am Wendepunkt* (Stuttgart, 1974).

The Global 2000 Report to the President (Washington, 1980).

Herbert Gruhl, *Himmelfahrt ins Nichts. Der geplünderte Planet vor dem Ende* (München, 1992).

В теме перенаселения очень содержательной оказалась книга Heinrich von Loesch, *Stehplatz für Milliarden?* (Stuttgart, 1974).

Динамику Гольфстрима и возможность его остановки описал Wolfgang Jeschke в редакционной статье для *Science-Fiction-Jahrbuch 1998* (München, 1997), но речь здесь идет не о научной фантастике, а об обобщении некоторых тезисов из книги William H. Calvin, *Der Schritt aus der Kolle — Klimakatastrophen und die Entwicklung der menschlichen Intelligenz* (München, 1997).

История Фуггера написана в книге Günter Ogger, *Kauf dir einen Kaiser* (München, 1978). Дополнительные сведения я взял из брошюры *Fuggerei*, которую можно купить в музее в Аугсбурге.

Сцены, которые разыгрываются на филиппинском острове Панглаван, отталкиваются от фактов, приведенных в документальной книге Günter und Peer Ederer, *Das Erbe der Egoisten* (München, 1997).

Мексиканские сборщики мусора тоже существуют реально. Ценными источниками для меня были книга Alan Riding, *Einmal Mexiko* (München, 1986) и статья Vom Leben auf Mexikos Müllhalden в *Stuttgarter Zeitung* от 16 октября 1996 года.

Во многом, что касается развития пути, которым идет Маккейн, меня вдохновило изучение книги Carl Amery, *Hitler als Vorläufer* (München, 1998), в которой содержится также самый внятный и внушающий ужас анализ национал-социализма, какой я где-либо встречал.

Идеи, которые высказывает лорд Петер Робурн, исходили поначалу от меня. В одном из ежегодных отчетов *Worldwatch Institute*, а именно за 1996 год ("Zur Lage der Welt 1996", Frankfurt, 1996) я нашел статью David Malin Roodman "Marktmechanismen für den Umweltschutz nutzen", на основе которой я их еще раз основательно переработал. В одной части аргументации я опирался на статью Günter Purwig "Ohne korrekte Bilanz keine korrekte Ökonomie", появившуюся в ноябрьском выпуске журнала *Der Dritte Weg*, Treuchtlingen, за 1997 год. Две эти статьи и их авторы, однако, не имеют ничего общего друг с другом.

Конференция в отеле «Фермонт» в Сан-Франциско, похожая на описанную в романе, действительно состоялась, правда, не в 1998 году, а еще в сентябре 1995 года. Организатором ее был тогда уже бывший руководитель Советского Союза Михаил Горбачев. Одним из немногих журналистов, которые смогли принять участие в работе секций этой встречи, был редактор

Spiegel Hans Peter Martin, который затем вместе со своим коллегой Harald Schumann написал бестселлер *Die Globalisierungsfalle — Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand* (Reinbek, 1996). В первой главе этой книги можно прочесть оригинал моего переложения.

Далее по теме глобализации оказались содержательными соответствующие статьи в выпусках 39/1996, стр.82 и 25/1999, стр.121 журнала *Spiegel*.

Идеи, которые развивает в своей статье Лоренцо Фонтанелли, частично инспирированы сочинением Larry Hannigan, *I Want The Earth Plus 5%*, Australien, 1999, которое можно найти в разных местах в Интернете.

Рассуждения о забрезжившем Новом Средневековье, приписанные Полу Зигелю, восходят, разумеется, ни к кому иному, как к Umberto Eco, *Auf dem Wege zu einem neuen Mittelalter* (München, 1989).

Концепция налога на обмен валюты действительно принадлежит экономисту и лауреату Нобелевской премии James Tobin (Нобелевская премия 1981 года в области экономики), поэтому ее иногда называют "Tobin-Tax". Подробности об этом я взял из книги Gerald Boxberger, Harald Klimenta, *Die 10 Globalisierungslügen* (München, 1998).

Высказывания Нельсона Манделы в романе взяты по большей части из его речи 28 января 1999 года по случаю вручения ему премии немецкой прессы в Баден-Бадене.

Существенными познаниями я обязан также работам Giovanni Sartori, *Demokratietheorie* (Darmstadt, 1992).

Маленькая просьба в заключение: если вы упомянете эту книгу в присутствии знакомых из американской языковой среды [да и русской тоже], то помните, пожалуйста, что число, которое в немецком языке называется *биллионом*, там считается *триллионом*, тогда как под *биллионом долларов* они подразумевают простой миллиард. Поэтому, чтобы вас поняли, название этого романа надо переводить как *Один триллион долларов*. Спасибо.

Андреас Эшбах
ОДИН ТРИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ
Перевела с немецкого Татьяна Набатникова

Редактор
Игорь Захаров

Верстка
Кирилл Лачугин

Корректор
Лия Кройтман

ISBN 5-8159-0572-0

9 785815 905726

Директор издательства Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru

E-mail: zakharov@dataforce.net

Подписано в печать 24.11.2005. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 572. Заказ № 918.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Андреас Эшбах родился в 1959 году, изучал авиационную и космическую технику, начинал карьеру в качестве программиста. Сейчас занимается только литературой. Живет с семьей неподалеку от Штутгарта, Германия. Среди его романов — «Соляриум», «Звезда Кельвитта», «Поиск» и «Видео Иисус».

«Андреас Эшбах — пожалуй, самый многообещающий хай-тек-автор младшего поколения, у него есть все предпосылки, чтобы стать немецким Майклом Крайтоном.

Он не берется отвечать на вечные и последние вопросы о смысле бытия. Но он давно ответил на более важный вопрос: что делать темным, холодным, пасмурным вечером. Взять Эшбаха и читать...»

Вчера Джон Фонтанелли развозил в Нью-Йорке пиццу. Сегодня он — богатейший человек мира. Один триллион долларов. Миллион миллионов. Тысяча миллиардов. Денег больше, чем можно себе представить. Это состояние в течение пятисот лет собирало итальянское адвокатское семейство Вакки и управляло им до того дня, который был указан в завещании основателя состояния. С этими деньгами Джон может делать что хочет. Но может ли он теперь хоть кому-нибудь доверять? Джон наслаждается роскошной жизнью, пока в один прекрасный день не раздаётся звонок от таинственного незнакомца, который утверждает, что знает, как применить наследство и исполнить прорицание, о котором сказано в завещании. Что это за план? И действительно ли Джон тот человек, который призван привести этот план в исполнение?

Эшбах, Андреас
Один триллион
долларов/Эшб
240 Цена 228.50 р

